

ЖЮЛЬ ВЕРН

Мореплаватели
XVIII века

EAST

WEST

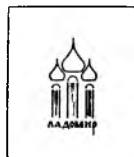
ЖЮЛЬ ВЕРН

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

СЕРИЯ 1

**„НЕИЗВЕСТНЫЙ
ЖЮЛЬ ВЕРН“**

**JULES
VERNE**

**Les Grands
Navigateurs
du XVIIIe siècle**

MOSCOU

**ЖЮЛЬ
ВЕРН**

**Мореплаватели
XVIII века**

Перевод с французского

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»

МОСКВА

Составление серии
З. Потаповой

Перевод
Т. Л. и В. И. Ровинских

Примечания
А. Москвина, В. Невского

ISBN 5-86218-319-1 (т. 24)
ISBN 5-86218-022-02

© З. М. Потапова. Состав, 1997.
© Т. Л. и В. И. Ровинские. Перевод, 1997.
© А. Г. Москвин. Примечания, 1997
© В. Невский. Примечания, 1997
© Научно-издательский центр «Ладомир», 1997.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается*

Часть
первая

Глава первая

АСТРОНОМЫ И КАРТОГРАФЫ, КАПЕРСКАЯ ВОЙНА В XVIII ВЕКЕ

I

Кассини, Пикар и де Лаир. — Меридиан и карта Франции. — Г. Делиль и д'Анвилль. — Форма Земли. — Мопертюи в Лапландии. — Кондамин на экваторе.

Прежде чем приступить к рассказу о великих путешествиях XVIII века, следует сначала отметить огромные успехи, достигнутые за этот период наукой. Ученые исправили множество освященных временем ошибок, заложили прочную основу для трудов астрономов и географов. В области интересующих нас проблем они коренным образом изменили методы картографических работ и обеспечили мореплаванию такую безопасность, о какой прежде нельзя было и думать.

Хотя Галилей начиная с 1610 года наблюдал затмения спутников Юпитера и подал мысль пользоваться их затмениями для определения долгот¹, но безразличное отношение правительств, отсутствие достаточно мощных астрономических приборов и ошибки, допущенные учениками великого итальянского астронома, свели на нет это важное открытие.

В 1668 году итальянский астроном Джованни Доменико Кассини опубликовал труд «Таблицы спутников Юпитера», а в следующем году Кольбер² пригласил его на работу во Францию и назначил директором Парижской обсерватории.

¹ С глубокой древности люди научились определять географические координаты местности. Широту местности определяли по высоте Полярной звезды над горизонтом. Такие измерения не представляли больших трудностей. Долготу местности определяли по времени наступления солнечных и лунных затмений, наблюдая за ними из разных мест. Так как эти явления происходят не часто, на земной поверхности было очень мало пунктов с определенными долготами.

Открытие Галилеем около 1610 года четырех спутников Юпитера (с их сравнительно быстрым вращением вокруг планеты) позволило ему использовать затмения этих спутников для определения долгот. Но фактически применение этого метода стало возможным лишь в XVII столетии, когда Жан Пикар в 1667 году применил зрительную трубу с сеткой нитей в окуляре для наблюдений небесных тел.

² Кольбер Жан-Батист (1619 — 1683) — министр Людовика XIV, фактический руководитель внешней и внутренней политики Франции. Стремился к созданию сильного военного и торгового флота, расширению торговли и эксплуатации колоний, приобретенных Францией в это время в Северной Америке.

В июле 1671 года Филипп де Лаир отправился в Данию на остров Вен для астрономических наблюдений в Ураниборге, в том самом месте, где когда-то вел наблюдения Тихо Браге¹. Там, пользуясь таблицами Кассини, он вычислил с недостижимой до тех пор точностью разность долгот между Парижем и Ураниборгом.

В том же году Французская Академия наук отправила в Кайенну астронома Жана Рише для изучения параллаксов² Солнца и Луны и определения расстояния от Земли до Марса и до Венеры. Это путешествие, оказавшееся во всех отношениях удачным, имело неожиданные последствия и послужило причиной, побудившей вскоре предпринять работы по изучению формы Земли. Рише обнаружил, что часы в Кайенне, расположенной под экватором, отставали на две минуты двадцать восемь секунд в сутки, что доказывало: сила тяжести в этом месте меньше, чем в Париже. Ньютон и Гюйгенс вывели отсюда заключение, что Земля приплюснута у полюсов³. Но далеко не все ученые согласились с

¹ Браге Тихо (1546 – 1601) – знаменитый датский астроном. Он построил хорошо оборудованную астрономическую обсерваторию Ураниборг на острове Вен (в проливе Зунд), усовершенствовал астрономические инструменты и уточнил способы наблюдений. Несмотря на свои огромные знания, он не признал учения Коперника, установившего, что Солнце находится в центре нашей планетной системы, и предложил собственную систему мира, с Землей в центре, вокруг которой обращается Солнце, а вокруг последнего – планеты. Тихо Браге был приверженцем астрологии. Результаты своих многочисленных астрономических наблюдений Тихо Браге передал Кеплеру, который вывел из них законы движения планет.

² Параллакс – изменение видимого положения предмета при наблюдении с двух точек, находящихся на известном расстоянии друг от друга. Измеряется углом между направлениями на предмет из двух точек. Служит для определения расстояния до объектов Солнечной системы и для определения расстояния до звезд.

³ Идея о шарообразности Земли, возникшая еще в глубокой древности, удовлетворяла научную мысль вплоть до XVII века, но затем обнаружили факты, которые заставили пересмотреть это представление. В 1672 году французский ученый Рише, обнаружив в Кайенне замедление качания маятника, объяснил это явление влиянием центробежной силы. Действительно, чем ближе к экватору находится точка земной поверхности, тем быстрее она движется при суточном вращении Земли. Поэтому от полюсов к экватору должна возрастать центробежная сила, которая уменьшает притяжение Земли, что и вызывает замедление качания маятника. Точные расчеты английского ученого Ньютона и голландского ученого Гюйгенса показали, что при переходе от полярных широт к экватору сила тяжести уменьшается гораздо быстрее, чем это могло бы быть обусловлено только увеличением центробежной силы в том же направлении. Следовательно, одним увеличением центробежной силы нельзя было объяснить замедления качания маятника. Для объяснения этого явления Ньютон и Гюйгенс допустили, что Земля сплюснута у полюсов и более выпукла (растянута) вдоль экватора,

таким мнением. Измерения земного градуса, произведенные аббатом Пикаром, и работы по вычислению длины дуг меридианов, выполненные отцом и сыном Кассини, привели этих ученых к совершенно противоположному выводу и заставили их рассматривать земной шар в качестве эллипсоида, вытянутого в сторону полярных областей и сплюснутого у экватора.

Этим было положено начало горячих споров и грандиозных работ, послуживших на пользу астрономической и математической географии.

Французский астроном Жан Пикар измерил расстояние между параллелями городов Амьен и Мальвуазин, равнявшееся одному с третью градуса. Однако Академия наук, считая, что исчисление большего расстояния должно дать более точный результат, приняла решение произвести градусные измерения длины всей Франции с севера на юг. Для этой цели выбрали меридиан, проходящий через Парижскую обсерваторию. Осуществление этого плана потребовало проведения гигантской работы по созданию триангуляционной сети¹. Начатая за двадцать лет до конца XVII столетия, она была прервана, затем вновь возобновлена и закончена лишь к 1720 году.

что она не шар, а эллипсоид или сфероид. Следовательно, на экваторе любая точка земной поверхности удалена от центра Земли (т. е. центра притяжения) на большее расстояние, чем, например, на полюсе, что и вызывает замедление качания маятника при переходе от полярных широт к экваториальным. Отклонение формы Земли от правильного шара не является исключением в Солнечной системе; такие планеты, как Юпитер, Сатурн, Уран, сплюснуты у полюсов настолько сильно, что это можно видеть непосредственно в телескоп.

¹ Принято считать, что впервые метод триангуляции применил в 1615 – 1617 годах голландский ученый В. Снеллиус для градусного измерения дуги меридиана между городами Алкмар (Нидерланды) и Берген (Норвегия). Однако есть основание предполагать, что еще древние египтяне пользовались триангуляцией.

Метод триангуляции сводится к измерению системы треугольников на земной поверхности, производимому для топографической съемки местности и для точного определения размеров и формы Земли. За вершины треугольников принимают высокие строения, вершины гор или холмов или специально сооружаемые башни (сигналы). Эти опорные или тригонометрические пункты выбираются на местности так, чтобы они составляли систему смежных треугольников.

Все углы треугольников измеряются при помощи больших универсальных инструментов или теодолитов. Помимо углов измеряется расположенная в удобной местности одна сторона какого-либо треугольника, называемая базисом. Длина других сторон треугольников определяется тригонометрическими вычислениями.

Метод триангуляции позволил определять расстояния между различными пунктами на земной поверхности с исключительной точностью, недостижимой при прямых измерениях.

Одновременно Людовик XIV, по настоянию Кольбера, распорядился составить карту Франции. С 1679 по 1682 год ученые совершили несколько экспедиций и с помощью астрономических наблюдений определили очертания береговой линии Франции вдоль Атлантического океана и Средиземного моря. Во время этих работ были произведены геодезические съемки, которые дали возможность определить широту и долготу больших городов Франции, а также была составлена подробная карта окрестностей Парижа. Но всего этого оказалось еще недостаточно для составления карты Франции. Пришлось поэтому, как и при измерении дуги меридиана, приступить к созданию на территории всей страны непрерывной триангуляционной сети. Она и легла в основу большой карты Франции, заслуженно названной картой Кассини.

Первые же наблюдения Кассини и де Лаира привели этих астрономов к выводу, что площадь Франции сильно преувеличилась.

Дезборо Кули в своей «Истории путешествий» пишет:

«Они отняли у Франции несколько градусов долготы вдоль западного побережья, начиная от Бретани до Бискайского залива, а также уменьшили примерно на полградуса протяженность побережья Средиземного моря. Эти изменения дали повод для шутки Людовика XIV, который, поздравляя академиков с возвращением из экспедиции, сказал им буквально следующее: „Я с сожалением вижу, господа, что ваше путешествие стоило мне доброй части моего королевства”».

В середине XVII века Пейреск и Гассенди внесли поправку в карты Средиземного моря, уменьшив на пятьсот миль расстояние от Марселя до Александрии. Это столь важное исправление долгое время считалось необоснованным, пока гидрограф Жан-Матьё де Шазель, помогавший Кассини при измерении дуги меридиана, не был послан на Ближний Восток для составления лоции Средиземного моря.

«Материкам Европы, Африки и Америки отведено на картах слишком много места, — говорится в „Записках” Академии наук, — а протяженность моря между Азией и Европой уменьшена. Эти погрешности вводили в серьезные заблуждения путешественников. Во время путешествия Шомона, направленного Людовиком XIV с посольством в Сиам, штурманы, доверившись картам, ошиблись в своих расчетах и проделали большее расстояние, чем предполагали. Направляясь от мыса Доброй На-

дежды к острову Ява, они считали, что до входа в Зондский пролив еще далеко, между тем как на самом деле находились в шестидесяти с лишним лье восточнее его, и им пришлось в течение двух суток плыть по ветру обратно, чтобы войти в пролив; возвращаясь от мыса Доброй Надежды во Францию, они, очутившись у острова Флориш (самого западного из Азорских островов), полагали, что находятся на сто пятьдесят лье восточнее, и им пришлось плыть еще двенадцать дней на восток, прежде чем они достигли берегов Франции».

Как мы уже упоминали, исправления, внесенные в карту Франции, оказались весьма существенными. В общем, чтобы составить себе ясное представление о сделанных поправках, достаточно взглянуть на карту Франции, напечатанную в первой части VII тома «Записок» Парижской Академии наук. При составлении этой карты были приняты во внимание астрономические наблюдения, о которых говорилось выше. Внесенные исправления очень наглядны, так как сохранены старые контуры карты, опубликованной Сансоном в 1679 году.

Кассини с полным основанием утверждал, что картография не находилась еще на уровне тогдашней науки. В самом деле, Сансон в определении долготы того или иного места слепо следовал за астрономом Птолемеем, не обращая внимания на прогресс астрономических знаний. Его сыновья и внуки лишь переиздавали карты Птолемея, дополняя их; другие географы придерживались той же традиции.

Гийом Делиль¹ первый создал новые карты, воспользовавшись современными данными, сознательно отбросив все сделанное до него. Он занялся этой работой с таким рвением, что выполнил ее за двадцать пять лет. Его брат, Жозеф Никола Делиль², препода-

¹ Делиль Гийом (1675 – 1726) – французский ученый-картограф, член Парижской Академии наук. Делиль издал всемирный атлас (1700 – 1714) на основе новых материалов; критически пересмотрев картографические представления своего времени, он полностью переработал карту Африки, впервые дал более верные размеры Средиземного моря, устранив ошибку в долготе, которая сохранялась на географических картах еще со времен Птолемея. Делиль интегрировался русской картографией и использовал ее достижения в своих работах.

² Делиль Жозеф Никола (1688 – 1768) – французский астроном и географ, член Парижской Академии наук, брат Гийома. Был приглашен Петром I для правильной организации астрономических работ в России и для подготовки русских геодезистов. Однако надежды, возлагавшиеся на Делиля, не оправдались. С 1726 по 1747 год он подготовил только двух учеников – геодезистов Андрея Красильникова и Семена Попова. В 1739 – 1740 годах Делиль в качестве заведующего Географическим департаментом при Петербургской Академии

вал астрономию в России и посылал Гийому материалы для карт. В это время Делиль де ла Кройер¹, третий брат, побывал на побережье Ледовитого океана и произвел астрономические определения наиболее важных географических пунктов; он участвовал в экспедиции Беринга и умер на Камчатке.

Таковы были научные заслуги трех братьев Делиль. Но слава преобразователя картографии принадлежит Гийому.

«Ему удалось, — рассказывает Кули, — привести древние меры в соответствие с современными и использовать более обширный материал; вместо того чтобы ограничиться в своих поправках частью земного шара, он распространил их на весь мир, и это дает ему несомненное право считаться создателем современной картографии. Петр I во время своего пребывания в Париже воздал ему должное, посетив его, чтобы снабдить всеми сведениями, какими сам располагал, относительно географии России».

Это свидетельство не француза говорит само за себя. И если сегодня наших географов превзошли немцы и англичане, то разве не утешит и не ободрит нас сознание того, что мы уже отличались в науке, в которой теперь пытаемся восстановить прежнее первенство.

Делиль прожил достаточно долго, чтобы стать свидетелем успехов своего ученика, французского астронома, Ж.-Б. д'Анвиля², заслужившего репутацию выдающегося картографа относительной точностью своих карт и художественным их выполнением.

«Трудно понять, — пишет Э. Дежарден в своей „Географии римской Галлии“, — почему так мало значения придавали трудам этого выдающегося географа, математика и рисовальщика. Впрочем, особенно велики и ни с чем не сравнимы его заслуги в качестве последнего. Д'Анвиль первый применил при создании кар-

наук принимал участие в составлении генеральной карты России для «Атласа Российского» Академии наук. Он чрезвычайно медлил с составлением атласа и тайно переправил во Францию большое количество карт, за что был отстранен от заведования Географическим департаментом, а затем лишен и пенсии, назначенной ему после ухода из академии.

¹ Кройер Людовик Делиль де ла действительно с 1727 по 1730 год совершил экспедицию на север Европейской России, во время которой за три года определил всего лишь четырнадцать пунктов. Он принимал участие во второй Камчатской экспедиции Беринга в качестве астронома, но принес науке мало пользы, так как почти все его астрономические определения оказались ошибочными.

² Д'Анвиль Жан-Батист (1697 — 1782) — французский географ и картограф. Составил более 200 географических карт. Из географических работ наиболее известен его трехтомный труд «География древняя» (1768).

ты научные методы, и этого достаточно для прославления его имени».

Наилучшей работой д'Анвиля является карта Италии, размеры которой до тех пор преувеличивались; Апеннинскому полуострову впервые были приданы на этой карте его действительные очертания. Д'Анвиль исправил ошибки древних географов, которые изображали этот полуостров вытянутым в длину не с севера на юг, а с востока на запад.

В 1737 году Филипп Бюаш, пользующийся заслуженной известностью как географ, ввел новый способ для изображения рельефа, применив изобаты¹ на батиметрической карте Ла-Манша.

Десятью годами позже д'Апре-де-Манневиллет опубликовал свой гидрографический труд «*Neptune oriental*» («Восточный Нептун»), в котором внес исправления в карты берегов Африки, Китая и Индии. Карты он дополнил указаниями мореплавателям, представлявшими для той эпохи тем большую ценность, что они являлись первыми работами такого рода². До конца жизни д'Апре-де-Манневиллет совершенствовал этот сборник, служивший руководством для всех французских морских офицеров второй половины XVIII века.

В Англии первое место среди астрономов и физиков занимал Эдмунд Галлей (1656 – 1742). Он опубликовал теорию магнитных склонений и сделал первую попытку объяснить происхождение муссонов; впоследствии его назначили командиром корабля, чтобы предоставить ему возможность подвергнуть свою теорию проверке на практике.

То, что сделал д'Апре-де-Манневиллет во Франции, в Англии совершил Александр Далримпл³. Однако его взгляды носили гипотетический характер, и он верил в существование южного

¹ Изобаты – линии на картах океанов, морей, озер и т. п., соединяющие точки с одинаковыми глубинами. Служат для изображения рельефа дна.

² Автор не учитывает работы арабских географов, достаточно подробно изучивших как африканское, так и индостанское побережья Индийского океана.

³ Далримпл Александр (1737 – 1808) – английский географ и гидрограф. Известность ему принесла публикация засекреченных испанских документов об экспедициях Кироса и Торреса. Был автором труда «Собрание путешествий в южных морях», в котором пытался доказать существование «Южного материка», лежащего южнее 50° южной широты и по размерам не уступающего материкам Северного полушария. Далримпл стремился возглавить английскую Тихоокеанскую экспедицию. Назначение Кука начальником этой экспедиции сделало их соперниками и личными врагами.

континента. Его наследником в науке стал Хорсбург, имя которого осталось навсегда дорогим для мореплавателей.

Надо, однако, рассказать о двух важных экспедициях, которые должны были положить конец ожесточенным спорам относительно формы Земли. Парижская Академия наук снарядила экспедицию в Южную Америку с участием Годена, Бутера и Кондамина для измерения дуги меридиана у экватора. Руководство такой же экспедицией на север было поручено Мопертюи.

«Если сплюснутость Земли, — писал этот ученый, — не превышает размеров, предположенных Гюйгенсом, то разница между градусом меридиана, уже измеренным во Франции, и первыми градусами меридиана по соседству с экватором не будет настолько значительной, чтобы ее нельзя было приписать возможным погрешностям при наблюдениях и несовершенству инструментов. Если, однако, произвести наблюдения у полюса, то разница между первым градусом меридиана вблизи от линии экватора и, скажем, 66-м градусом, возле Полярного круга, будет достаточно велика (при условии правильности гипотезы Гюйгенса) и не должна будет вызвать сомнений при максимально возможных погрешностях».

Проблема была сформулирована ясно, и нужно было получить как у полюса, так и у экватора решение, которое положило бы конец спорам, подтвердив правоту Гюйгенса и Ньютона.

Северный отряд экспедиции отправился на корабле, снаряжавшемся в Дюнкерке. Кроме Мопертюи, в состав ее участников входили академики Клеро, Камюс и Лемонье, аббат Утье, секретарь Соммерё, художник Эрбело и шведский ученый астроном Цельсий¹.

Во время приема в Стокгольме шведский король сказал членам экспедиции:

— Мне приходилось участвовать в кровавых сражениях, но я предпочел бы снова очутиться на поле самой кровопролитной битвы, чем предпринять путешествие, в которое вы отправляетесь.

Конечно, этим ученым предстояла не увеселительная прогулка. Им суждено было перенести всякого рода трудности, беспре-

¹ Цельсий Андерс (1701 — 1744) — известный шведский астроном, физик и метеоролог. Ввел шкалу температур стоградусного термометра, где нулем обозначена температура таяния льда, а 100° соответствует температуре кипения воды при 760 мм давления. Наблюдая северное сияние, он открыл влияние его на магнитную стрелку.

рывные лишения, жестокий холод. Но что представляют собой их страдания по сравнению с муками, опасностями и испытаниями, которые ожидали полярных путешественников Росса, Парри, Холла, Пайера и многих других!

«В Торнио (к северу от Ботнического залива), за Полярным кругом, дома были занесены снегом, — рассказывал Дамирон в своем похвальном слове Мопертюи. — Когда выходили на улицу, воздух, казалось, раздирал грудь, а усиление мороза давало о себе знать треском бревен, из которых там построены все дома. При виде пустынных улиц можно было подумать, что жители города умерли. На каждом шагу встречались калеки, потерявшие руку или ногу в результате столь сильных морозов. А между тем Торнио не являлся для наших путешественников конечной целью».

В настоящее время, когда эти места лучше изучены, когда узнали, что представляет собой суровый полярный климат, мы можем составить себе более правильное представление о тех трудностях, с какими встретились исследователи.

Они приступили к работе в июле 1736 года. За Торнио они видели лишь необитаемые места. Им пришлось довольствоваться собственными силами, чтобы взбираться на горы, где устанавливали геодезические знаки, составившие непрерывную триангуляционную сеть. Разделившись на два отряда, чтобы иметь два измерения вместо одного и таким образом уменьшить возможность ошибки, отважные ученые после множества злоключений, описание которых можно найти в «Записках» Академии наук за 1737 год, после безмерно изнурительных трудов установили, что длина дуги меридиана между Торнио и Киттилем равнялась 55 023 1/2 туаза¹. Таким образом, у Полярного круга градус меридиана оказался примерно на тысячу туазов больше, чем предполагал Кассини, а длина земного градуса на 377 туазов превосходила ту, что нашел для него Пикар между Парижем и Амьеном. Итак, Земля у полюсов была заметно сплюснута; этот вывод Кассини-отец и Кассини-сын долго отказывались признать.

И эргонавт, и физики поборник страстный,
Моря он пересек, взбирался на хребты
И вывез из краев, коронам трем подвластных,
Лапландок двух, свои приборы и шесты.

¹ Туаз — старинная французская мера длины, равная 1 м 949 мм.

И в тех местах, унынья полных, понял он,
Что, сидя дома, знал уже давно Ньютон¹.

Так не без ехидства писал Вольтер; затем, намекая на двух сестер, увезенных Мопертюи, одна из которых сумела его прельстить, он говорил:

Одну ошибку совершил,
За круг Полярный забираясь,
Но кто б ее не извинил.

«Во всяком случае, — указывает А. Мори в „Истории Академии наук“, — важность инструментов и методов, которые применялись посланными на север астрономами, дали сторонникам теории сплюснутости Земли более веские, чем в действительности, подтверждения своих взглядов; и в следующем веке шведский астроном Сванберг исправил их невольные преувеличения в своей прекрасной работе, опубликованной на французском языке».

Тем временем другая экспедиция, направленная академией в Перу, приступила к аналогичным работам. В состав экспедиции входили Кондамин, Бугер и Годен, все трое академики, Жозеф де Жюсьё, профессор медицинского факультета, ведавший ботанической частью, врач Сеньерг, часовой мастер Годен-дез-Одоне и художник; 16 мая 1735 года ученые покинули гавань Ла-Рошель. Они произвели ряд астрономических наблюдений в Санто-Доминго в городе Картахене (Колумбия), в Портобело (Панама), пересекли Панамский перешеек и 9 марта 1736 года высадились в селении Манга на территории Перу².

Там Бугер и Кондамин, отделившись от своих спутников, занялись изучением колебаний маятника, а затем различными путями достигли города Кито.

Кондамин двигался по побережью до устья реки Эсмеральдас и составил карту всего этого района, пройденного им ценой величайших усилий.

Бугер направился на юг к городу Гуаякилю, миновал болотистые леса и достиг города Караколес у подножия Кордильер, переход через которые отнял у него неделю. Таким же путем когда-то шел испанский конкистадор Педро д'Альварado, причем семьдесят его спутников погибли в горах, в том числе и три испанца,

¹ Вольтер. Речи о человеке. (Voltaire. Les discours de l'homme, 1737 г.)

² Впоследствии эта часть тихоокеанского побережья вошла в состав Республики Эквадор.

попытавшиеся первыми проникнуть в эту страну. 10 июня Бутер добрался до Кито. В то время в городе насчитывалось тридцать или сорок тысяч жителей; там жил епископ — председатель верховного суда, имелось несколько религиозных общин и две школы. Жизнь была довольно дешевой, только чужеземные товары продавались по баснословной цене: например, обыкновенный стакан стоил 18 — 20 франков.

Бутер и Кондамин взобрались на вулкан Пичинча, в окрестностях Кито, извержения которого не раз оказывались роковыми для этого города; вскоре, однако, ученые поняли, что им придется отказаться от мысли вести триангуляционную сеть на такой высоте, и вынуждены были удовлетвориться установкой геодезических знаков на холмах.

«Почти ежедневно на вершинах гор, — сообщал Бутер в докладе, представленном им Академии наук, — можно было видеть необыкновенное явление, вероятно, столь же древнее, как и сам мир, и в то же время, насколько известно, до нас никем не наблюдавшееся. Первый раз мы его заметили, когда все вместе находились на горе, называемой Памбамарка. Сквозь облако, которое окутывало нас, а затем постепенно рассеялось, мы наблюдали восход очень яркого солнца. Облако перешло на противоположную сторону. Оно находилось в тридцати шагах, когда каждый из нас увидел свою тень, отраженную наверху, при этом — только свою тень, так как поверхность облака была неровной. На таком близком расстоянии мы могли различить отдельные части тени: руки, ноги, голову; но больше всего нас удивило, что голова была окружена каким-то сиянием или ореолом, состоявшим из трех или четырех маленьких концентрических очень ярких кругов, в каждом из которых имелись все цвета радуги, причем красный цвет располагался снаружи. Круги находились на равном расстоянии друг от друга; последний из них был более бледным; наконец, вдалеке мы видели большое белое кольцо, охватывавшее все остальные. Глазам зрителя оно представлялось каким-то апофеозом».

Так как инструменты, которыми пользовались эти ученые, не отличались большой точностью и были подвержены влиянию разницы температур, вести наблюдения следовало очень тщательно, с исключительным вниманием, чтобы накопившиеся мелкие погрешности в конце концов не повлекли бы за собой серьезную ошибку. Поэтому, строя свои треугольники, Бутер и его това-

риши никогда не определяли величины третьего угла на основании измерения первых двух: они измеряли все углы.

После вычисления в туазах пройденного пути ученым оставалось теперь определить, какую часть земной дуги составляет это расстояние; но такую задачу можно было решить лишь посредством астрономических наблюдений.

Преодолев ряд препятствий, в подробное описание которых мы не можем здесь вдаваться, и отметив несколько любопытных явлений (в том числе отклонения маятника, обусловленные притяжением гор), французские ученые пришли к выводам, полностью подтвердившим результаты экспедиции в Лапландию. Во Францию участники экспедиции возвратились в разное время. Жюльё остался еще на несколько лет, чтобы продолжить свои естественноисторические исследования, а Кондамин избрал для возвращения в Европу путь по Амазонке — важное для географической науки путешествие, к которому мы будем иметь случай вернуться несколько позже.

II

Путешествие Вудс-Роджера. — Приключения Александра Селкирка. — Острова Галапагос. — Порто-Сегуро. — Возвращение в Англию. — Экспедиция Джорджа Ансона. — Остров Эстадос. — Острова Хуан-Фернандес. — Тиниан. — Макао (Аомынь). — Захват галиона. — Город Кантон. — Результаты рейсверства.

Война за испанское наследство была в разгаре. Несколько судовладельцев из Бристоля решили снарядить суда для нападения на испанские корабли в Тихом океане и для грабежа берегов Южной Америки. Два выбранных для этой цели корабля «Дьюк» («Герцог») и «Дочис» («Герцогиня»), под командованием капитанов Вудс-Роджера и Кортни, были тщательно оснащены и снабжены всем необходимым для длительного плавания. Знаменитый Дампир, который приобрел широкую известность своими отважными каперскими налетами и пиратскими подвигами, не погнушался принять на себя обязанности старшего штурмана. Хотя это плавание дало больше чисто материальных результатов, чем географических открытий, отчет о нем содержит, однако, некоторые любопытные подробности, заслуживающие упоминания.

Второго августа 1708 года «Дьюк» и «Дочис» покинули бристольтскую королевскую гавань. Не лишено интереса одно предварительное замечание: во время всего путешествия к судовому

журналу, в который заносились примечательные события, имели доступ все члены экипажа, чтобы можно было исправить малейшие ошибки и восполнить любые пробелы, прежде чем факты изгладятся из памяти.

До 22 декабря ничего достойного упоминания не произошло. В этот день были замечены Фолклендские острова, виденные до тех пор лишь немногими мореплавателями. Вудс не пристал к ним; он ограничился сообщением, что берег по виду напоминает берега Англии у Портленда, хотя и не такой высокий.

«Все холмы, — добавляет Вудс, — вероятно, покрыты плодородной почвой; их склоны пологи, поросли лесом, и на побережье имеется много хороших гаваней».

На Фолклендских островах не растет ни одного деревца, и хорошие стоянки, как мы впоследствии увидим, встречаются далеко не часто. Отсюда следует, что сведения, сообщенные Вудсом, очень не точны. Поэтому мореплаватели поступают правильно, не доверяя им.

Миновав этот архипелаг, корабли направились прямо на юг и достигли $60^{\circ}58'$ южной широты. Ночи не было, стояли сильные холода, а на море свирепствовали такие бури, что на «Дочис» не обошлось без серьезных повреждений. Старшие офицеры обоих кораблей, собравшись на совет, решили тогда, что двигаться дальше на юг нецелесообразно, и взяли курс на запад. 15 января 1709 года было установлено, что «Дьюк» и «Дочис» обогнули мыс Горн и вступили в Южное море (Тихий океан).

В ту эпоху почти на всех картах местоположение островов Хуан-Фернандес¹ указывалось по-разному. Поэтому Вудс, предполагавший там остановиться, чтобы запастись водой и раздобыть немного свежего мяса, наткнулся на этот остров совершенно неожиданно.

Первого февраля он приказал спустить на воду шлюпку и отправился на поиски якорной стоянки. Пока ждали его возвращения, с корабля увидели на берегу большой костер. Не пристали ли здесь какие-то испанские или французские суда? Не придется ли вступить в сражение, чтобы раздобыть воду и продовольствие? За ночь были сделаны все приготовления; однако наутро никаких

¹ Хуан-Фернандес — не один остров, а группа островов. Они лежат в Тихом океане в 565 км от берегов Южной Америки на $33^{\circ}30'$ южной широты и $79^{\circ}81'$ западной долготы. Острова Хуан-Фернандес открыты испанскими мореплавателями в XVI веке.

кораблей англичане не увидели. Начали уже поговаривать, что неприятель, очевидно, скрылся, когда прибытие шлюпки, вернувшейся с берега, положило конец всем сомнениям; в ней находился какой-то человек, одетый в козьи шкуры, а его лицо казалось еще более диким, чем одежда. То был шотландский моряк, по имени Александр Селкирк; он повздорил со своим капитаном, и тот высадил его на пустынный остров, где он провел четыре с половиной года. Виденный ночью костер был зажжен им.

За время своего пребывания на острове Хуан-Фернандес Селкирк видел много проходивших кораблей; только два из них, испанские, становились здесь на якорь. Обнаружив Селкирка, испанцы подвергли его обстрелу из мушкетов, и тот спасся от смерти только благодаря своей ловкости, незаметно взобравшись на дерево.

«Его высадили на остров, — рассказывает Вудс в своей книге „Путешествие вокруг света с 1708 до 1711 года“, — разрешив захватить с собой одежду, постель, ружье, фунт пороха, пули, табак, топор, нож, котел, Библию, несколько других книг религиозного содержания и принадлежавшие ему инструменты и книги по мореходству. Несчастный Селкирк был снабжен всем необходимым; однако в течение первых месяцев ему стоило большого труда не поддаться унынию и побороть отчаяние, которое ему внушало столь ужасное одиночество. Из стволов перечного дерева он построил две хижины, на некотором расстоянии одну от другой. Он покрыл их тростником и обил шкурами коз, которых убивал по мере необходимости, пока не вышел весь порох. Когда запас пороха был на исходе, Селкирк научился добывать огонь путем трения друг о друга двух кусков перечного дерева. После того как порох кончился, он ловил коз на бегу и от постоянных упражнений стал таким проворным, что с невероятной скоростью мчался по лесам, взбегал на утесы и холмы. Мы убедились в этом, отправившись с ним на охоту; он опережал и доводил до изнеможения наших лучших бегунов и превосходную собаку, имевшуюся у нас на корабле; он быстро настигал коз и приносил их нам на спине.

Селкирк рассказал, как однажды он с таким пылом преследовал козу, что схватил ее на краю скрытой кустами пропасти и скатился вместе с добычей до самого дна. Он был оглушен падением и потерял сознание; когда пришел в себя, мертвое животное оказалось под ним. Он почти сутки оставался на месте, с большим трудом дотоптался до хижины, находившейся на расстоянии одной мили, и смог затем выйти из нее лишь через десять дней».

Брюква, посеянная моряками какого-то судна, пальмовая капуста, индийский и ямайский перец служили нашему отшельнику приправой к пище. Когда его башмаки и одежда совершенно износились, что произошло очень скоро, он сшил себе из козых шкур новые, пользуясь вместо иголки гвоздем. После того как лезвие его ножа окончательно сточилось, он смастерил себе другой из найденных на берегу обручей от бочек. Он настолько отвык разговаривать, что его с трудом можно было понять. Вудс взял шотландца на свой корабль и назначил помощником боцмана.

Селкирк был не первым моряком, оставленным на острове Хуан-Фернандес. Читатели, возможно, помнят¹, что Дампир уже подобрал там одного несчастного индейца из племени москито, прожившего в одиночестве с 1681 по 1684 год, а в рассказе о похождениях Шарпа и других флибустьеров² сообщалось, как единственный матрос, уцелевший при кораблекрушении у этих берегов, прожил там пять лет, пока его не подобрало приставшее к острову судно. Злоключения Селкирка описаны французским писателем Сэнтином в романе «Один!»³.

Четырнадцатого февраля «Дьюк» и «Дочис» покинули Хуан-Фернандес и приступили к каперской войне против испанцев. Вудс занял Гуаякиль и получил от его жителей большой выкуп; он захватил также несколько судов, что, впрочем, дало ему больше пленных, чем денег.

Из описания всей этой части плавания, не представляющей для нас интереса, мы упомянем лишь о посещении острова Горгона, где Вудс видел обезьяну, прозванную за свою исключительную медлительность «ленивцем», о Текамсе, жители которого, вооруженные отравленными стрелами и ружьями, вынудили англичан отступить с потерями, и об островах Галапагос, расположенных на втором градусе северной широты. По описанию Вудса, этот архипелаг состоит из множества островов; всего их около полусотни, но ни на одном нельзя запастись пресной водой. Английские моряки видели там множество горлиц, сухопутных и морских черепах необыкновенной величины (от них и произошло данное ис-

¹ См. том первый «Открытие Земли».

² Флибустьеры — пираты и контрабандисты различных европейских национальностей, объединявшиеся в особые организации. В XVII веке французские, голландские и английские флибустьеры действовали главным образом в Вест-Индии, подрывая испанскую торговую монополию.

³ Гораздо чаще историю Селкирка вспоминают в связи со знаменитым романом Даниеля Дефо «Приключения Робинзона Крузо» (1719).

панцами название архипелага¹)* и очень страшных морских котов; один из них осмелился даже напасть на Роджерса.

«Я находился на берегу, — рассказывает он, — когда он, разинув пасть, вылез из воды так быстро и с таким свирепым видом, словно то был какой-то злоущий пес², сорвавшийся с цепи. Он трижды бросался на меня. Я ударял его пикой в грудь и каждый раз наносил глубокую рану, заставлявшую его отступать с ужасающим ревом. Затем, обернувшись ко мне, морской кот остановился, рыча и скаля зубы. Не прошло и суток, как одно из этих животных чуть не разорвало матроса с моего судна».

В декабре Вудс захватил галион из Манилы и укрылся с ним у берегов Калифорнии, в Пуэрто-Сегуро. Часть моряков углубилась внутрь страны. Они видели там множество высокоствольных деревьев, не обнаружили никаких признаков возделанной земли, но многочисленные дымки говорили о том, что страна населена.

«Жители, — рассказывает аббат Прево в своей „Истории путешествий“, — были стройные, крепко сложенные, но их кожа отличалась гораздо более темным цветом, чем у индейцев, которых Вудсу прежде приходилось видеть на островах Южного моря. Длинные волосы, черные и гладкие, свисали до бедер. Мужчины все ходили голые, но женщины прикрывали свое тело листьями или лоскутами какой-то ткани, изготовленной из растительных волокон, или же шкурами животных и птиц... Некоторые носили ожерелья и браслеты из тонких палочек и раковин; у других на шее висели бусы из мелких красных ягод и жемчужин, которые они, без сомнения, не умели прокалывать, так как делали на них зарубки и привязывали друг к другу ниткой. Туземцы считали это украшение таким красивым, что отказывались от предлагаемых англичанами стеклянных бус. Их прельщали лишь ножи и инструменты для работы».

Двенадцатого января 1710 года «Дьюк» и «Дочис» покинули Пуэрто-Сегуро и два месяца спустя достигли острова Гуам из группы Марианских островов. Там они запаслись продовольствием и, пройдя проливами Бутан и Салаяр, прибыли в Батавию (Джакарту). После стоянок у этого города и на мысе Доброй Надежды Вудс 1 октября бросил якорь в Лондонском порту.

¹ По-испански «galapagos» — «черепашки». (Примеч. перев.)

² Морской собакой называют один из видов тюленя.

* Здесь и далее знаком * отмечены дополнения переводчиков.

Хотя он не сообщает в своей книге никаких подробностей о привезенных им богатствах, но можно предположить, что они были колоссальны, так как в отчете удачливого мореплавателя упоминаются драгоценные слитки, жемчуг, золотая и серебряная посуда.

Путешествие адмирала Ансона, к которому мы сейчас перейдем, относится еще к категории каперских плаваний, но оно завершает серию этих пиратских экспедиций, которые бесчестят победителя, не нанося в то же время большого ущерба побежденным. Хотя и Ансон не внес ничего нового в географическую науку, все же его отчет изобилует правильными мыслями и интересными наблюдениями, касающимися малоизвестных районов. Записки о плавании принадлежат не капеллану экспедиции Ричарду Уолтеру, а Бенджамину Робинсу, если верить «*Nichol's Literare anecdotes*».

Джордж Ансон родился в 1697 году в графстве Стаффордшир. С детства начав службу на флоте, он не замедлил обратить на себя внимание. Он пользовался репутацией искусного и удачливого командира, когда в 1739 году был назначен начальником эскадры, в состав которой входили шестидесятипушечный «Сенчурион» («Центурион»), пятидесятипушечные «Глостер» и «Сивир» («Суровый»), сорокапушечная «Пёрл» («Жемчужина»), двадцативосьмипушечный «Уэйдже» («Пари»), шлюп «Трайел» («Испытание») и два вспомогательных судна для перевозки продовольствия и снаряжения. Экипаж флотилии состоял из 1460 матросов и 470 солдат.

Покинув Англию 18 сентября 1740 года, эскадра посетила по дороге Мадейру, остров Санта-Катарина у берегов Бразилии, бухту Сан-Хулиан и прошла проливом Ле-Мер.

«Как ни ужасен вид Огненной Земли, — говорится в отчете, — остров Эстадос производит еще более жуткое впечатление. Он представляет собой цепь неприступных утесов, ощетилившихся остроконечными вершинами огромной высоты, покрытыми вечным снегом и окруженными пропастями. Одним словом, трудно вообразить себе что-либо более унылое и более дикое, чем эти берега».

Лишь только последние корабли эскадры вышли из пролива, как налетевшие ветры, шквалы и ураганные вихри заставили самых опытных матросов признать, что все виденные ими раньше бури не могут идти ни в какое сравнение. Такая ужасная погода

продолжалась семь недель подряд. Вряд ли нужно упоминать, что корабли получили повреждения; много матросов погибло, унесенные волнами или став жертвами болезней, которые быстро распространялись в результате постоянной сырости и недоброкачественной пищи.

Два корабля, «Сивир» и «Пёрл», затонули, а четыре других были потеряны из виду. Ансону не удалось зайти в чилийскую гавань Вальдивию, назначенную им местом встречи на случай, если корабли расстанутся. Унесенный бурей значительно дальше, он смог сделать остановку лишь на острове Хуан-Фернандес, куда прибыл 9 июня. Для «Сенчуриона» стоянка была крайне необходима. Восемьдесят человек из его команды погибли, запас пресной воды кончился, и матросы так ослабели от цинги, что не больше десяти из них были способны нести вахту. Три других корабля, в столь же плачевном состоянии, вскоре присоединились к «Сенчуриону».

Прежде всего следовало дать отдых измученному экипажу и починить наиболее крупные повреждения. Ансон высадил больных на берег и поместил их в импровизированный госпиталь под открытым небом в хорошо защищенной местности; затем во главе отряда из самых здоровых матросов он обошел остров во всех направлениях, чтобы исследовать его берега и бухты. Наилучшей стоянкой, по мнению Ансона, является бухта Камберленд. Юго-восточная часть Хуан-Фернандеса — острова величиной не больше пяти лье в длину и двух в ширину — сухая, каменистая, безлесная; местность там низменная и по сравнению с северной частью очень ровная. На этом острове в изобилии растут щавель, брюква, репа, а также овес и клевер. Ансон распорядился посеять морковь, салат-латук, посадить косточки слив, абрикосов и персиков. Вскоре он убедился, что число коз, оставленных английскими корсарами на этом островке и прекрасно размножившихся там, сильно уменьшилось. Испанцы, чтобы лишить своих врагов ценного источника питания, высадили на остров голодных собак, которые стали охотиться на коз и уничтожили такое громадное количество, что к описываемому времени их едва ли осталось двести штук.

Начальник эскадры — так постоянно именуется Ансон в отчете о плавании — исследовал также остров Мас-Афуэра, отстоящий от Хуан-Фернандеса на двадцать пять лье. По размерам он еще меньше, но более лесист, лучше орошен, и коз на нем сохранилось больше.

К началу декабря моряки настолько поправились, что Ансон решил приступить к осуществлению своих планов каперской войны против испанцев. Прежде всего он захватил несколько судов, груженных ценными товарами и слитками золота, затем сжег город Пайту. Убытки от этого пожара испанцы исчисляли в полтора миллиона пиастров.

После этого Ансон направился в бухту Кибо близ Панамы, чтобы подстеречь галион, который ежегодно доставлял ценности с Филиппинских островов в мексиканский порт Акапулько (где находилось колониальное казначейство)*. В Кибо англичане не увидели ни одного жителя, но возле нескольких жалких хижин нашли большие кучи жемчужных и перламутровых раковин, оставляемых там на лето панамскими ловцами.

Из годных в пищу животных, которыми изобилуют эти места, следует упомянуть морских черепах весом обычно около двухсот фунтов. Охотились на них весьма оригинальным способом. Увидев покачивающуюся на волнах спящую черепаху, хороший пловец нырял на расстоянии нескольких туазов от нее, выплывал на поверхность и, ухватившись за щит у хвоста, старался утянуть черепаху под воду. Проснувшись, та начинала сопротивляться и барахталась до тех пор, пока ее и державшегося за нее человека не подбирала подошедшая шлюпка.

Безрезультатно прокрейсировав некоторое время, Ансон вынужден был сжечь три испанских судна, которые он прежде захватил. Взяв их команду и груз на «Сенчурион» и «Глостер», последние оставшиеся у него корабли, он 6 мая 1742 года принял решение направиться в Китай, где надеялся встретить какой-нибудь английский корабль и, по существовавшему тогда морским обычаям, пополнить за его счет свой экипаж и запастись продовольствием. Ансон рассчитывал совершить этот переход за 60 дней; на самом деле он продолжался четыре месяца. Во время жестокой бури «Глостер» получил повреждения, и так как малочисленная команда не могла больше с ним управиться, его пришлось сжечь. Удалось спасти только деньги и продовольствие, перегрузив их на «Сенчурион», который теперь представлял собой все, что осталось от великолепной эскадры, меньше двух лет тому назад покинувшей берега Англии.

Снесенный далеко на север от своего курса, Ансон 26 августа открыл остров Анатахан, а на следующий день — острова Сайпан, Тиниан и Агигуан, входящие в состав Марианского архипелага. В

этих краях он захватил в плен небольшой баркас; и испанский сержант, находившийся на нем, сообщил, что остров Тиниан необитаем и там в изобилии имеются быки, домашняя птица и чудесные плоды — апельсины, лимоны, цитроны, кокосовые орехи, плоды хлебного дерева и т. п. Трудно было придумать лучшую стоянку для «Сенчуриона», экипаж которого состоял всего из 171 человека; только они, изнуренные лишениями и болезнями, уцелели из числа тех 2000 матросов и солдат, которые составляли экипаж эскадры при ее отплытии.

«Почва здесь сухая и несколько песчаная, — сообщается в отчете, — благодаря чему трава на лугах и в лесах тоньше и ровнее, чем обычно наблюдается в жарком климате; от того пункта, где мы набирали пресную воду, местность полого повышается к центру острова; на склоне по пути к высшей точке попадает множество лужаек мелкого клевера, среди которого растут всевозможные цветы; лужайки окаймлены великолепными лесами, где с деревьев свисают чудесные плоды... Животные, в течение большей части года являющиеся единственными хозяевами этих прекрасных мест, увеличивают прелесть живописного ландшафта и немало способствуют его чарующему виду. Там иногда можно видеть тысячи быков, пасущихся вместе на большом луку, — зрелище тем более удивительное, что все эти животные чисто белой масти, если не считать ушей, по большей части черного цвета. Хотя остров необитаем, непрерывный рев и вид огромного количества домашних животных, бродящих стадами по лесам, наводят на мысли о фермах и деревьях».

Картина поистине слишком пленительная! Не придал ли ей автор того очарования, которое существовало лишь в его воображении? Неудивительно, что после такого длинного перехода, после стольких бурь большие зеленые леса, пышная растительность, обилие животных произвели глубокое впечатление на умы спутников Ансона. Впрочем, мы вскоре узнаем, приводил ли Тиниан в такое же восхищение и тех мореплавателей, которые посетили его впоследствии.

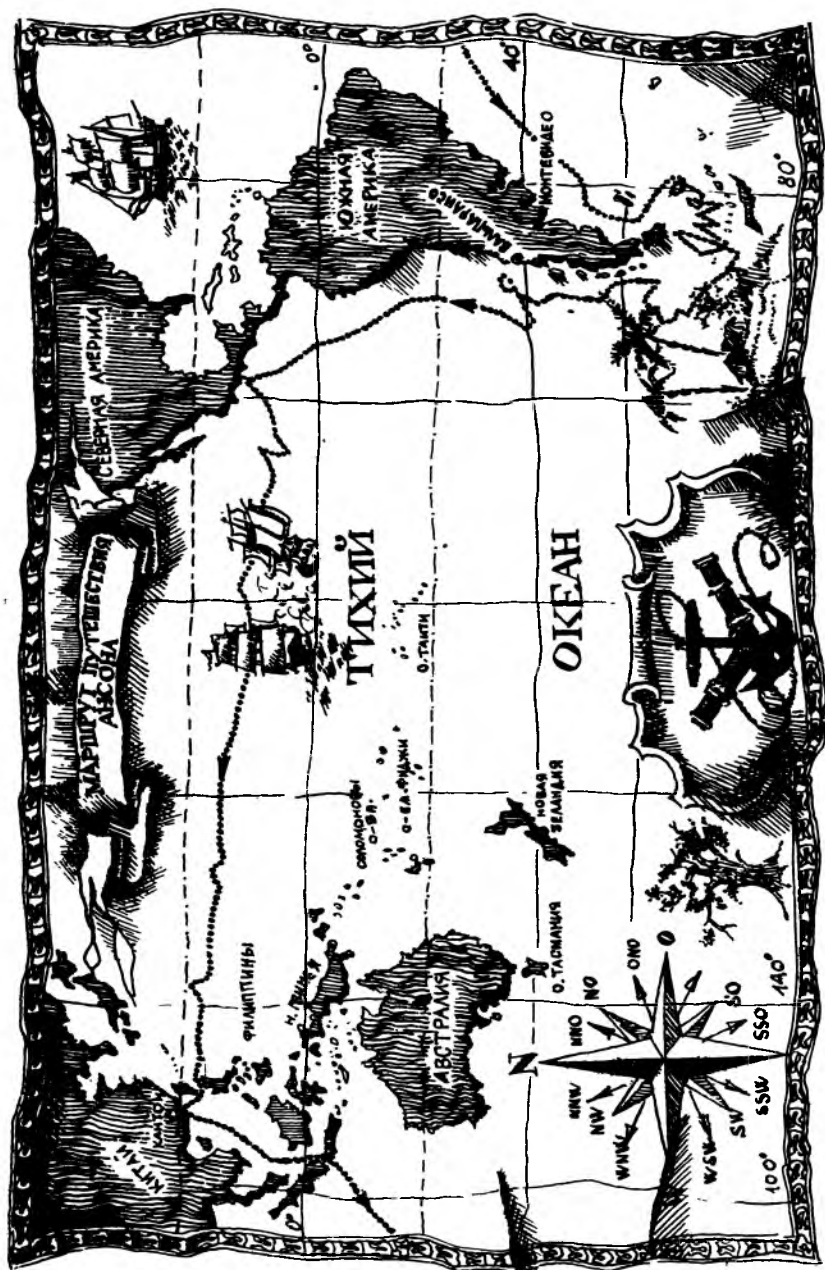
Однако на долю Ансона выпали и тревоги. Правда, по его приказу корабль привели в порядок, но множество больных оставалось на берегу для окончательной поправки, и на борту имелось лишь очень мало матросов. Так как дно бухты было усеяно коралловыми рифами, приходилось тщательно следить за тем, чтобы не перетерлись якорные канаты. Во время новолуния налетел

штормовой ветер, и корабль стал дрейфовать. Канаты оборвались, и «Сенчурион» был унесен в открытое море. Беспреданно гремел гром, шел такой ливень, что с земли не слышали даже сигналов бедствия, подававшихся с корабля. Ансон, большинство офицеров и значительная часть экипажа, всего сто тридцать человек, остались на берегу и оказались лишенными единственного средства покинуть Тиниан. Все были в полном отчаянии и неопишемом ужасе. Но Ансон, человек энергичный, не терявший ни при каких обстоятельствах, вскоре вывел своих спутников из состояния уныния. У англичан еще оставался барк, захваченный у испанцев, и им пришла в голову мысль надстроить его, чтобы он мог вместить всех людей и запас продовольствия, необходимый для перехода до Китая. Но через девятнадцать дней «Сенчурион» вернулся; погрузившись на него 21 октября, англичане вскоре добрались до Макао (Аомынь)¹. За два с лишним года, прошедших со дня отплытия из Англии, это была их первая стоянка в дружественном и цивилизованном порту.

«Макао, — рассказывает Ансон, — некогда очень богатый многолюдный город, имевший возможность защищаться от соседних китайских правителей, теперь почти полностью лишился своего бывшего величия. Хотя в нем по-прежнему живут португальцы и управляет им губернатор, назначаемый португальским королем, он ныне находится в полной зависимости от китайцев, которые могут уморить голодом жителей города и без труда им овладеть; поэтому португальский губернатор старательно избегает чем-нибудь не угодить китайцам».

Для того чтобы получить разрешение на покупку даже по очень высокой цене продовольствия и необходимых для починки корабля материалов, Ансону пришлось написать китайскому правителю резкое письмо. Затем, когда все было нагружено, английский адмирал официально объявил, что идет в Батавию, и 19 апреля 1743 года поднял паруса. Но, вместо того чтобы направиться к голландским владениям, он взял курс на Филиппины с намерением перехватить там испанский галион, возвращавшийся из Акапулько после распродажи ценного груза. Обычно эти корабли бывали вооружены сорока четырьмя пушками и их экипаж насчитывал свыше пятисот человек. У Ансона было всего двести матросов, в том числе тридцать юнг; но неравенство сил не оста-

¹ Макао (Аомынь) — территория в Южном Китае, в устье реки Сицзян.

новило командира, так как его воодушевляла надежда на богатую добычу, а жадность матросов служила порукой их мужества.

— Почему, — спросил как-то Ансон у своего дворецкого, — почему мне больше не подают на обед мясо овец, купленных нами в Китае? Неужели они уже все съедены?

— Прошу прощения у господина начальника эскадры, — ответил дворецкий. — На корабле остались еще две овцы, но я хотел их сохранить, чтобы угостить ими капитана галиона.

Никто, даже дворецкий, не сомневался в успехе. К тому же Ансон разработал искусный план нападения и сумел восполнить нехватку людей их подвижностью. Битва была горячая; циновки, заполнявшие коечные сетки галиона, загорелись, и пламя поднялось до верхушки фок-мачты. Бороться с двойной опасностью испанцам оказалось не под силу, и они сдались после двухчасового сражения, которое стоило им шестидесяти семи убитых и восьмидесяти четырех раненых.

Англичанам досталась богатая добыча: «1 313 843 монеты — „восьмерки”¹ и 35 682 унции² серебра в слитках, не считая партии кошенили³ и некоторых других товаров, ценность которых по сравнению с серебром была невелика. Вместе с прежней добыча составляла почти 400 000 фунтов стерлингов⁴, причем в эту сумму не входила стоимость испанских судов, товаров и т. п., сожженных или уничтоженных английской эскадрой, равнявшаяся не меньше 600 000 фунтов стерлингов».

Ансон вернулся с захваченным добром в город Кантон и продал трофеи значительно ниже их стоимости — за 6000 пиастров;⁵ 10 декабря он пустился в обратный путь и 15 июня 1744 года стал на якорь в Спитхедде (у Саутгемптона), пробыв в отсутствии три года и девять месяцев. Его въезд в Лондон был триумфальным.

¹ «Восьмерка» — испанская золотая монета, называвшаяся так потому, что она составляла одну восьмую дублона (дублон содержал около 7,5 г чистого золота).

² У н ц и я — английская мера веса, равная 28,35 г.

³ Ко ш е н и л ь — насекомое, из которого добывалась краска — кармин, или кошениль. Самки этих насекомых не имеют крыльев и живут неподвижно на листьях кактусов. Самцы, имеющие крылья, летают около самок и кормят их. Оплодотворенные самки превращаются в темные шарики. Их отделяют деревянным ножом от листа и опускают в сосуд, чтобы заморить. Таким путем добывалась высоко ценившаяся стойкая краска. Позже кармин, как и другие краски, стали получать химическим путем.

⁴ Ф у н т с т е р л и н г о в — английская денежная единица, равная 20 шиллингам, или 240 пенсам.

⁵ П и а с т р — итальянское название старинной испанской монеты песо.

Под звуки барабанов и фанфар, под приветственные клики толпы тридцать два фургона доставили десятиmillionную добычу, которую поделили между командиром, офицерами и матросами; даже король не имел права участвовать в дележе.

После возвращения в Англию Ансон был произведен в контр-адмиралы и сделал блестящую карьеру. В 1747 году за доблесть, проявленную в морских сражениях, его назначили первым лордом Адмиралтейства и адмиралом. В 1758 году он прикрывал неудавшуюся попытку англичан высадить десант во Францию у Сен-Мало и в том же году умер в Лондоне.

Глава вторая

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ КАПИТАНА КУКА

I

Роггевен. — Немного, что о нем известно. — Самнительность его открытий. — Остров Пасхи. — Пагубные острова. — Острова Боуман (Мануа). — Новая Британия. — Прибытие в Батавию. — Байрон. — Стоянка в Рио-де-Жанейро и Пуэрто-Десеадо. — В Магеллановом проливе. — Фолклендские острова и Порт-Элмонт. — Огнеземельцы. — Мас-Афуэра. — Острова Дисаппойнтмент. — Острова Дейнджер. — Тиниан. — Возвращение в Европу.

В 1669 году отец Якоба Роггевена представил Нидерландской Ост-Индской компании докладную записку, в которой просил о снаряжении экспедиции из трех кораблей для открытия новых земель в Тихом океане. К его проекту отнеслись благожелательно, но наметившееся тогда охлаждение отношений между Испанией и Голландией вынудило батавские власти временно отказаться от этой идеи. Умирая, Роггевен взял со своего сына Якоба обещание добиться осуществления задуманного им плана.

Обстоятельства, не зависевшие от воли Якоба Роггевена, долгое время не давали ему возможности выполнить свое обещание. Лишь совершив несколько плаваний в морях, омывающих Индию, и даже прослужив некоторое время советником суда в Батавии, он стал хлопотать о снаряжении экспедиции перед правлением только что возникшей Нидерландской Вест-Индской компании. Сколько лет могло быть Роггевену в 1721 году? Какие основания имел он претендовать на то, чтобы ему поручили командование экспедицией для открытия новых земель? Это остается неизвестным. Большая часть биографических словарей не уделяет ему даже двух строк; и Флёрё, пытавшийся в своем прекрасном научном исследовании установить, какие открытия совершил голландский мореплаватель, не смог найти ответ на эти вопросы.

Больше того, отчет о путешествии Роггевена был написан не им самим, а немцем, по имени Карл Фридрих Беренс¹. Таким образом, неясности, противоречия, отсутствие точности, которые мы

¹ Спутник Роггевена Карл Фридрих Беренс в 1737 году издал книгу «Путешествие по южным странам и вокруг света в 1721 — 1722 гг.». Что касается самого Роггевена, то он также вел путевые записки, которые увидели свет только в 1838 году. Они были изданы под заглавием «Дневник путешествия для открытий».

обнаруживаем в отчете, следует приписать скорее его составителю, чем самому мореплавателю. Часто даже создается впечатление (впрочем, маловероятное), что Рогтевен не был в курсе путешествий и открытий своих предшественников и современников.

Двадцать первого августа 1721 года три корабля под начальством Рогтевена отплыли от берегов острова Тексел¹. То были «Аделар» («Орел»), вооруженный тридцатью шестью пушками, с экипажем из ста одиннадцати человек (капитан Рогтевен), «Тинховен» (28 пушек и 100 человек; капитан Якоб Боуман) и галера «Африканен» («Африканка») — четырнадцать пушек и шестьдесят человек; капитан Хендрик Розенталь. Плавание по Атлантическому океану не представляло особого интереса. После захода в Рио-де-Жанейро Рогтевен направился на поиски острова, который он называет Окс-Магделанд; этот остров можно отождествить либо с Землей Пресвятой Девы, Вирджинией, Хокинза, либо с Фолклендским (Мальвинским) архипелагом, либо с Южной Георгией. Хотя эти острова в то время были хорошо известны, приходится предположить, что голландские моряки имели об их местоположении весьма неопределенные сведения, ибо, отказавшись от поисков Фолклендских островов, они стали разыскивать острова, называвшиеся французами Сен-Луи, не подозревая, что это тот же самый архипелаг.

Открыв, или скорее усмотрев, на широте Магелланова пролива в восьмидесяти лье от материка Америки остров окружностью в «двести лье» и дав ему название Южная Бельгия, Рогтевен вошел в пролив Ле-Мер, где течение увлекло его к югу до $62^{\circ}30'$; затем, обогнув мыс Горн, он направился к северу, подошел к берегам Чили и стал на якорь у острова Моа. Затем он достиг островов Хуан-Фернандес, где соединился с «Тинховеном», с которым был разделен начиная с 21 декабря.

В конце марта три корабля покинули острова Хуан-Фернандес и взяли курс на запад-северо-запад, в направлении, где должна была находиться между 27° и 28° южной широты земля, открытая Девисом². После многодневных поисков Рогтевен 6 апреля 1722

¹ Тексел — остров в Голландии, у входа в залив Зейдер-зе. Здесь находилась главная база голландского военного флота.

² В 1687 году английский пират Эдуард Девис открыл в юго-восточной части Тихого океана остров, который после его смерти получил название «Девисовой Земли». Известия об этом открытии темны и противоречивы. По сообщению врача экспедиции Лионеля Вафера, Девис шел от Галапагосских

года в первый день праздника Пасхи очутился в виду острова, названного им островом Пасхи.

Мы не станем останавливаться ни на преувеличенных размерах, приписанных голландским мореплавателем открытому им острову, ни на наблюдениях относительно нравов и обычаев местных жителей. Мы будем иметь случай вернуться к этому на основании более точных и более подробных отчетов Кука и Лаперуза.

«Однако в их отчетах, — пишет с иронией Флёрё, — вы не найдете и следа той эрудиции, которую обнаружил сопутствовавший Роггевену Беренс. Рассказывая о листе бананового дерева, имевшем в длину от шести до восьми футов, а в ширину от двух до трех, он сообщает нам, что „именно этими листьями наши праотцы после грехопадения прикрывали свою наготу“. И для большей убедительности добавляет: „Мое утверждение основывается на том, что листья бананов представляют собой самые крупные растения из всех, произрастающих в странах Востока и Запада”».

Один из туземцев безбоязненно поднялся на палубу «Аделара». Там он всем понравился своим добродушием, веселостью и дружелюбием. На следующий день Роггевен увидел на усеянном высокими статуями берегу многочисленную толпу, по видимому, с нетерпением и любопытством ожидавшую прибытия чужеземцев. Неизвестно почему, раздался ружейный выстрел; один из островитян упал мертвым, а объятая страхом толпа разбежалась во все стороны. Через некоторое время, однако, на берегу собралась еще более густая толпа. Тогда Роггевен, став во главе ста пятидесяти человек, приказал дать залп, который уложил на месте множество жертв. В ужасе туземцы поспешили умиловить грозных пришельцев и сложить к их ногам все, что имели.

Флёрё не считает, что остров Пасхи и есть та самая полулегендарная Земля Девиса, которую стремился найти Роггевен. Однако, вопреки его доводам и несмотря на обнаруженные им различия в описании и в приводимых координатах двух островов, все же приходится считать открытия Девиса и Роггевена тожде-

островов к мысу Горн. Под 27°20' южной широты в семистах морских милях к западу от берегов Чили он открыл небольшой песчаный остров и в двенадцати милях к западу от него — обширную возвышенную землю. В то время эту землю считали частью неведомого «Южного материка».

ственными, так как никакого другого острова в этих, теперь хорошо изученных, широтах не существует¹.

Увлекаемый порывами сильного ветра, Роггевен вынужден был покинуть стоянку у восточного берега острова Пасхи и, взяв курс на запад-северо-запад, пересек «Дурное море» Схоутена;² пройдя от острова Пасхи восемьсот лье, он оказался в виду земли, которую принял за Собачий остров Схоутена и которой дал название Карлсхоф (Аратока).

Эскадра прошла мимо него не остановившись, а следующей ночью, отнесенная ветром и течениями, совершенно неожиданно для всех очутилась среди группы низменных островов. (Галера «Африканен» разбилась о подводный камень, и та же участь грозила двум ее спутникам. Лишь по истечении пяти дней усилий, тревог и опасностей голландцам удалось выбраться из архипелага и снова попасть в открытое море.)

Жители этих островов были высокого роста, с гладкими длинными волосами; тело они раскрашивали в разные цвета. В настоящее время все географы единодушно сходятся на том, что оставленное нам Роггевеном описание Пагубных островов относится к архипелагу Туамоту, которому Кук дал название Паллисер.

Избежав опасностей Пагубных островов, Роггевен на следующий день утром открыл землю, названную им Аврора. Чрезвычайно низменный, этот островок едва выступает из воды, и, если бы солнце показалось на несколько минут позже, «Тинховен» там безусловно погиб бы.

Приближалась ночь, когда был замечен другой остров, получивший название Веспер (Вечерняя заря); теперь довольно трудно установить, к чему относится это название; возможно, то был один из островов Туамоту.

Роггевен продолжал идти на запад между пятнадцатой и шестнадцатой параллелями и вскоре неожиданно очутился среди полузатопленных островов.

¹ Мнение о том, что остров Пасхи и есть Земля Девиса, впервые было высказано Д. Куком. С этим взглядом Кука были не согласны знаменитые мореплаватели Картерет, Бутенвиль и Лаперуз, которые отождествляли Девисову Землю с островами Сан-Фелис и Сан-Амбросио, лежащими у берегов Южной Америки. Русский мореплаватель О. Е. Коцебу опроверг и то и другое мнение, доказав, что Земля Девиса является мифической землей.

² Едва возвышающиеся над поверхностью океана коралловые острова, окруженные рифами, над которыми свободно проносятся ветры, мореплаватели называли «опасными архипелагами», а моря, их окружающие, — «дурными» или «сердитыми» морями.

«Приближаясь к ним, — рассказывает Беренс, — мы увидели множество каноэ, плывших вдоль берега, и пришли к заключению, что страна густо заселена. Подойдя еще ближе, мы убедились, что перед нами несколько островов, расположенных очень близко один от другого. Мы незаметно так далеко зашли в этот архипелаг, что начали сомневаться, удастся ли нам выбраться; адмирал приказал одному из штурманов взобраться на верхушку мачты, чтобы разглядеть, каким путем можно отсюда выйти. Своим спасением мы обязаны стоявшему в то время штилю; малейшее волнение выбросило бы наши корабли на скалы, и мы не имели бы возможности этому воспрепятствовать. Итак, нам удалось выбраться без серьезных повреждений. Архипелаг этот состоит из шести островов, имеющих очень живописный вид и простирающихся примерно на тридцать лье. Они находятся на расстоянии двадцати пяти лье к западу от Пагубных островов. Мы дали им название Лабиринт, ибо нам пришлось изрядно покружить, чтобы попасть в открытое море».

Некоторые авторы отождествляют эту группу с островами Принца Уэльского, открытыми позднее Байроном. Флёрё придерживается иного мнения. Дюмон д'Юрвиль полагает, что речь идет об островах Флиген, виденных ранее Схоуеном и Ле-Мером.

После трехдневного плавания все время на запад голландские моряки заметили прекрасный на вид остров. Кокосовые пальмы и другая пышная зелень говорили о его плодородии. Так как у берега оказалось слишком мелко, пришлось удовольствоваться высадкой хорошо вооруженных отрядов.

Еще раз голландцы совершенно напрасно пролили кровь безобидных жителей, стоявших на берегу и виновных лишь в том, что их было слишком много. После этой расправы, достойной варваров, а не цивилизованных людей, Рогтевен сделал попытку вернуть убежавших туземцев с помощью подарков вождям и малоискренних проявлений дружелюбия. Островитяне не дали себя провести. Они завлекли матросов в глубь острова, напали на них и стали забрасывать камнями. Хотя ружейный залп уложил многих туземцев на месте, они продолжали все же храбро наступать на чужестранцев и заставили их вернуться в шляпки, унося своих раненых и мертвых товарищей.

Голландцам ничего не оставалось, как кричать о предательстве, не находя достаточно громких эпитетов для вероломства и кровожадности своих противников. Но кто был истин-

ным виновником? Кто напал первым? Предположим, островитяне совершили несколько краж, что вполне возможно, но неужели заслуживало такого строгого наказания все население за вину нескольких человек, у которых не могло быть ясного представления о собственности?

Несмотря на понесенные ими потери, голландцы назвали этот остров в воспоминание о том наслаждении, которое им доставила его природа, островом Отдыха. Рогтевен сообщает, что он находится на шестнадцатой параллели; но долгота указана очень неточно, и отождествить его с каким-либо островом оказалось невозможным.

Следовало ли теперь Рогтевену идти дальше на запад на поиски острова Эспириту-Санто (Новые Гебриды), открытого Кирсом? Или же ему следовало направиться к северу, чтобы с попутным муссоном достигнуть Ост-Индии? Военный совет, на обсуждение которого был поставлен этот вопрос, остановился на втором решении.

Третий день плавания принес открытие одновременно трех островов, названных островами Боумана¹ по имени капитана «Тинховена», первым их заметившего. Островитяне подплыли к кораблю, чтобы завязать торговлю, между тем как на берегу собралась огромная толпа, вооруженная луками и копьями.

Цветом кожи туземцы не отличались от европейцев, и лишь у некоторых она имела очень смуглый оттенок от солнечного загара. Их тело не было покрыто татуировкой. Кусок ткани, искусно вытканной² и отделанной бахромой, закрывал их от пояса до пяток. Голову прикрывала шляпа из той же ткани, а на шее висели гирлянды ароматных цветов.

¹ Это были острова Дружбы (Тонга).

² Полинезийцы издавна занимались изготовлением материи, называемой ими «тапа». Однако этот вид ремесла был очень примитивен и не имел отношения к ткачеству. Белая тонкая материя изготовлялась из древесной коры бумажной шелковицы (*Nogus rarutifera*). Собрав кору, полинезийцы отделяли камбий (слой растительных клеток между древесиной и лубом), мочили его в пресной воде, а затем колотили деревянным вальком, пока камбий не расплющивался; соединившиеся между собою волокна образовывали ткань, которую расстилали на земле и высушивали. Путешественники отмечают, что эта материя не отличалась большой прочностью и ее нельзя было стирать. Более грубая материя сероватого цвета выделывалась таким же способом из коры хлебного дерева. Иногда туземцы окрашивали «тапу» в желтый цвет или накладывали на нее различные узоры растительными красками. Из всех полинезийских народов только маори (коренное население Новой Зеландии) были знакомы с ткачеством.

«Надо признать, — пишет Беренс, — что это был самый цивилизованный и самый честный народ из всех, виденных нами на островах Южного моря; восхищенные нашим появлением, они встретили нас как богов, а когда мы собрались уезжать, выражали самое горячее сожаление».

По всей вероятности, то были жители островов Мореплавателей (Самоа).

На дальнейшем пути голландские моряки заметили острова, которые Роггевен принял за острова Кокосовый (Боскавен) и Предателей (Кешпел), посещенные уже Схоутеном и Ле-Мером, и которые Флёрё, чтобы подчеркнуть заслуги голландского мореплавателя, называет островами Роггевена; затем экспедиция прошла в виду островов Тинховен и Гронинген, по мнению Пенгре представлявших собой открытый Менданьей архипелаг Санта-Крус, и достигла наконец берегов Новой Ирландии, где голландцы запятнали себя новыми убийствами. Оттуда они направились к берегам Новой Гвинеи и, миновав Молуккские острова, бросили якорь в Батавии.

Там соотечественники Роггевена, менее человечные, чем некоторые из встреченных им во время плавания туземцев, конфисковали оба корабля, заключили в тюрьму матросов и офицеров, не смотря на чины, и отправили их всех в Европу для предания суду. Ведь Роггевен и его спутники совершили непростительное преступление, осмелившись посетить острова, которые принадлежали Ост-Индской компании, в то время как сами они находились в распоряжении Вест-Индской компании! Последовал процесс, и суд вынес решение, по которому Ост-Индская компания должна была вернуть все захваченные ценности и возместить значительные убытки.

После возвращения на Тексел, что произошло 11 июля 1723 года, Роггевен совершенно сходит со сцены, и о последних годах его жизни мы ничего не знаем. Надо отдать должное Флёрё, сумевшему разобраться в путаных сведениях об этом длительном плавании и пролившему некоторый свет на результаты экспедиции, достойной того, чтобы о ней знали больше.

Семнадцатого июня 1764 года английский мореплаватель коммодор¹ Джон Байрон получил инструкцию, подписанную лордом Адмиралтейства. Она начиналась так:

¹ Коммодор — командующий соединением кораблей (в британском флоте), не имеющий адмиральского звания.

«Ввиду того, что ничто не может столь способствовать славе нашего государства в качестве морской державы, достоинству Великобритании и успехам ее торговли и мореплавания, как открытие новых земель; и ввиду того, что имеются основания предполагать существование в Атлантическом океане между мысом Доброй Надежды и Магеллановым проливом весьма значительных земель и островов, до сих пор неизвестных европейским державам, расположенных в удобных для мореплавания широтах и обладающих климатом, благоприятствующим производству различных полезных торговле товаров; наконец, ввиду того, что острова Его Величества, называемые Пепис, или Фолклендскими, находящиеся в упомянутом выше районе, не были исследованы с достаточной тщательностью, чтобы дать возможность получить точное представление об их берегах и природных богатствах, хотя их открыли и не раз посещали английские мореплаватели, — Его Величество, приняв во внимание эти соображения и считая, что состояние полного мира, которым счастливо наслаждается его королевство, как нельзя более благоприятствует предприятию такого рода, почел за благо привести его в исполнение...»

Кто же был этот испытанный мореплаватель, на кого пал выбор английского правительства? То был (дед прославленного поэта)* коммодор Джон Байрон, родившийся 8 ноября 1723 года. Он с детства проявлял живейшую склонность к морской службе и в возрасте семнадцати лет получил назначение на один из кораблей эскадры адмирала Ансона, имевшей задание направиться для уничтожения испанских поселений на берегах Тихого океана.

Выше мы рассказывали о несчастьях, постигших эту экспедицию, и о баснословной удаче, выпавшей в конце концов на ее долю.

Корабль «Уэйдже», на котором плавал Байрон, потерпел аварию при выходе из Магелланова пролива, и экипаж, захваченный испанцами, был доставлен в Чили. После не менее чем трехлетнего пребывания в плену Байрону удалось бежать, и его подобрал корабль из французского порта Сен-Мало, на котором он и добрался до Европы. Он немедленно возобновил службу на флоте и отличился во многих сражениях во время войны с Францией; несомненно, память о его первом кругосветном путешествии, так неудачно прервавшемся, послужила причиной того, что Адмиралтейство назначило его начальником экспедиции.

Доверенные Байрону корабли были тщательно оснащены. «Дофин» представлял собой двадцатичетырехпушечный военный

корабль шестого ранга, экипаж которого состоял из ста пятидесяти матросов, трех лейтенантов и тридцати семи младших офицеров. На «Тамар», шестнадцатипушечном шлюпе под командованием капитана Муата, было девяносто матросов, три лейтенанта и двадцать семь младших офицеров.

Начало плавания оказалось несчастливym. 21 июня 1764 года корабли покинули Лондонский порт, идя вниз по течению Темзы, «Дофин» задел за дно и вынужден был зайти в Плимут для починки подводной части.

Третьего июля окончательно снялись с якоря, и через десять дней Байрон остановился у города Фуншала на острове Мадейра для пополнения запаса продовольствия. Ему пришлось также сделать остановку на островах Зеленого Мыса, чтобы набрать воды, так как имевшаяся на борту очень быстро испортилась.

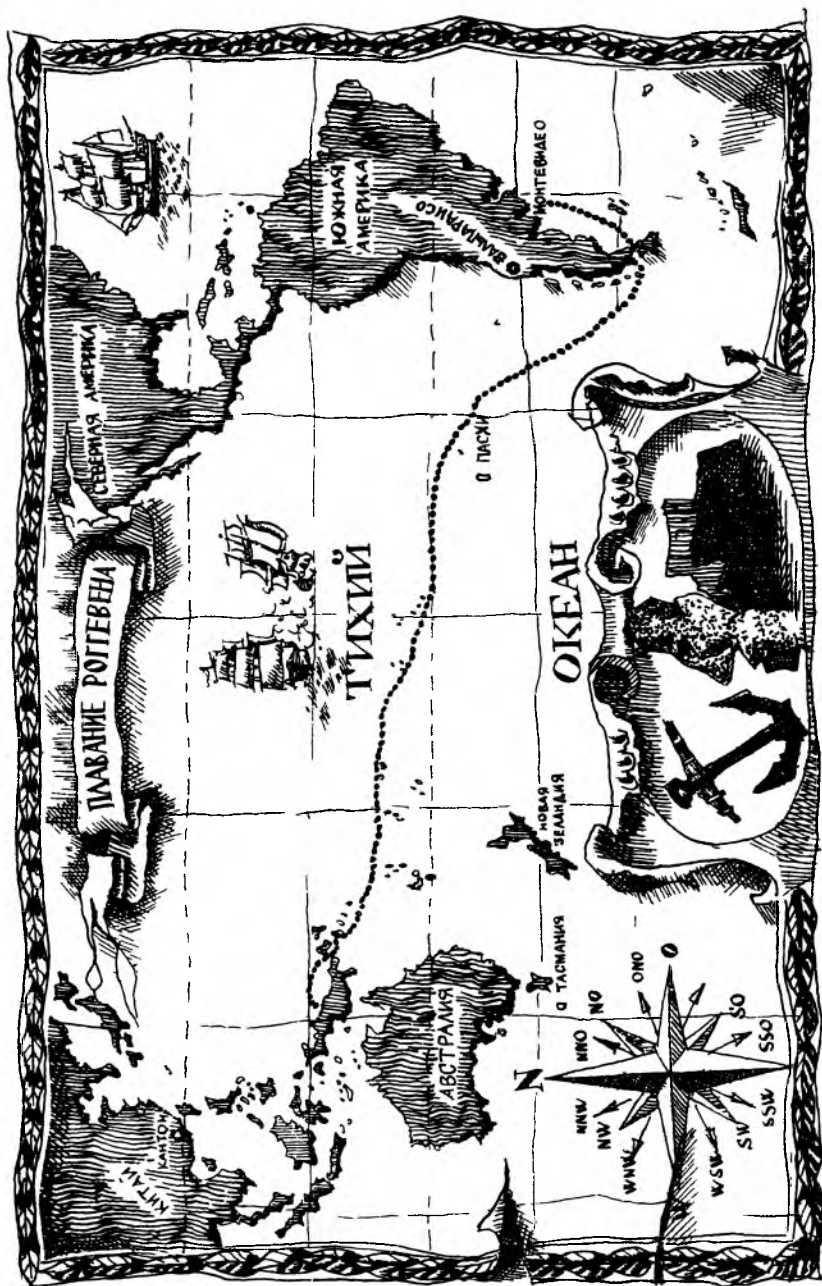
Ничто не нарушало спокойного плавания. «Дофин» и «Тамар» вскоре очутились у берегов Бразилии, в виду мыса Фриу. Байрон сделал лишь одно интересное наблюдение, неоднократно подтверждавшееся и впоследствии: медная обшивка его кораблей, по всей вероятности, отпугивала рыбу, которая должна была в этих местах встречаться в изобилии. Невыносимая жара и непрерывные дожди уложили на койки значительную часть экипажа. Поэтому возникла необходимость зайти в какой-нибудь порт, чтобы раздобыть свежую провизию.

Это оказалось возможным в Рио-де-Жанейро, куда экспедиция прибыла 12 октября. Байрон был очень тепло принят вице-королем и в следующих словах описывает свою первую встречу с ним:

«Когда я направился к нему с визитом, меня приняли с величайшей помпой; перед дворцом выстроились около шестидесяти офицеров. Стража держала на караул. Это были отличные солдаты, с прекрасной выправкой. Его превосходительство, окруженный высшей знатью, встречал меня на лестнице. Меня приветствовали салютом из пятнадцати пушечных выстрелов с ближайшего форта. Затем мы вошли в приемный зал, после пятнадцатиминутной беседы я распрощался, и меня проводили с теми же почестями...»

В дальнейшем мы увидим, как сильно отличался от встречи Байрона прием, оказанный здесь капитану Куку несколько лет спустя.

Коммодор беспрепятственно получил разрешение свезти на берег больных и не встретил ни малейших затруднений при за-

купке свежей провизии. Он мог пожаловаться лишь на то, что португальцы неоднократно пытались подбить его матросов на дезертирство. Невыносимая жара, от которой страдал экипаж в Рио-де-Жанейро, заставила сократить стоянку. 16 октября якорь был наконец поднят, но у выхода из бухты пришлось прождать четыре-пять дней, пока ветер с суши не дал кораблям возможность выйти в открытое море.

До этих пор цель экспедиции сохранялась в тайне. Байрон вызвал к себе на корабль командира «Тамар» и в присутствии собравшихся матросов прочел инструкции, которые предписывали вступить в Южное море и заняться поисками новых земель, представляющих большой интерес для Англии, а вовсе не направиться в Ост-Индию, как все время говорилось. Поэтому лорды Адмиралтейства назначили экипажу двойное жалование, не говоря уже о продвижении по службе и наградах, обещанных в будущем каждому, кем останутся довольны. Вторая часть этой короткой речи доставила наибольшее удовольствие матросам, приветствовавшим ее радостными возгласами.

До 29 октября плавание на юг протекало без всяких происшествий. Затем жестокие шквалы с внезапным градом следовали один за другим и перешли в ужасную бурю, во время которой коммодор приказал бросить за борт четыре пушки, чтобы не затонуть в открытом море. На следующий день погода несколько улучшилась; но было холодно, как бывает в это время в Англии, хотя ноябрь в Южном полушарии соответствует маю в Северном. Так как ветер продолжал относить корабль к востоку, Байрон начал опасаться, что ему трудно будет достичь берегов Патагонии.

Двенадцатого ноября, хотя на картах в этом районе не значилось никакой суши, вдруг послышались крики: «Земля! Прямо по курсу земля!» Тучи в ту минуту закрывали почти весь горизонт, беспорывно грохотал гром и сверкали молнии.

«Как мне показалось, — рассказывает Байрон, — то, что мы сначала приняли за остров, было двумя крутыми горами; но, приглядевшись к наветренной стороне, я как будто заметил, что примыкающая к горам земля тянется вдаль к юго-востоку; соответственно мы взяли курс на юго-запад. Я приказал офицерам влезть на мачты, чтобы наблюдать за ветром и проверить это открытие; все утверждали, что различают землю, простирающуюся на большое расстояние... Затем мы повернули на восток-юго-

восток. Вид земли как будто не менялся. Горы казались голубыми, как это обычно бывает в пасмурную и дождливую погоду, когда до них недалеко... Вскоре кое-кому почудилось, что они слышат и видят, как море разбивается о песчаный берег; но, после того как мы в течение примерно часа со всей возможной осторожностью двигались тем же курсом, мнимая земля внезапно исчезла и, к величайшему удивлению, мы убедились, что то был мираж... В течение двадцати семи лет, — продолжает Байрон, — я почти постоянно находился в море, но ни разу не был свидетелем такого всеобщего и стойкого заблуждения... Несомненно, если бы вскоре с прояснением погоды мираж, который мы принимали за берег, не рассеялся, то все находившиеся на борту готовы были бы дать клятву, что нами открыта на этой широте какая-то земля. Мы были тогда на $43^{\circ}46'$ южной широты и $60^{\circ}5''$ западной долготы».

На следующий день налетел ужасный шквал, о приближении которого мореплавателей предупредили пронзительные крики нескольких сотен птиц, поспешно улетающих. Ураган длился не больше двадцати минут. Этого, однако, оказалось достаточным, чтобы накренив корабль на бок, прежде чем успели взять рифы у грота¹, который и был сорван. В то же время грот-гика-шкот² сбил с ног старшего лейтенанта и далеко отбросил его, а фок³, опущенный не до конца, разорвало в клочки.

В следующие дни заметного улучшения погоды не наступило. К тому же корабль сидел в воде так неглубоко, что его сильно сносило, лишь только поднимался свежий ветер.

После столь бурного плавания Байрон 24 ноября очутился, — само собой понятно, к величайшей его радости, — у острова Пингвинов в Пуэрто-Десеадо. Но условия этой стоянки не оправдали того нетерпения, с каким экипаж стремился до нее добраться.

Высадившись на берег и углубившись внутрь страны, английские моряки увидели перед собой лишь пустынную равнину и песчаные холмы; кругом ни деревьев. Что касается диких животных, то замеченные путешественниками несколько гуанако⁴ дер-

¹ Р и ф ы — поперечный ряд продетых сквозь парус завязок, посредством которых можно уменьшить площадь паруса (взять рифы). Г р о т — прямой, самый нижний парус на второй мачте от носа (грот-мачте).

² Ш к о т — снасть, которой растягивается грот.

³ Ф о к — самый нижний парус на передней мачте (фок-мачте).

⁴ Г у а н а к о — вид лам (животных из семейства верблюдовых), живущих в Южной Америке. Шерсть гуанако, тонкая и мягкая, употребляется для выделки одеял и плащей.

жались на слишком большом расстоянии, чтобы их можно было убить; удалось лишь застрелить некоторое количество крупных зайцев, приблизиться к которым не представляло большого труда. Зато охота на тюленей и морских птиц дала достаточно, чтобы «досыта накормить целый флот».

Бухта Пуэрто-Десеадо, не защищенная от ветра, с дном, плохо удерживающим якорь, имела еще и то неудобство, что на ее берегах можно было запастись лишь солоноватой водой. Никаких следов жителей обнаружить не удалось. Так как продолжительная стоянка там была бесполезна и опасна, 25-го числа Байрон пустился в путь на поиски острова Пепис.

Данные о местонахождении этой земли отличались крайней неопределенностью. Галлей считал, что она находится на 80° к востоку от Южной Америки. Коули, единственный мореплаватель, якобы видевший ее, утверждал, что она расположена на 47° южной широты, но не указывал долготы. Решение этой проблемы представляло большой интерес.

Прокрейсировав некоторое время на север, на юг и на восток, Байрон убедился, что никакого острова здесь не существует, и решил направиться к островам Себольда (Фолклендским), чтобы зайти в первую же гавань, где он смог бы запастись водой и дровами, в которых испытывал острую необходимость. Налетела буря, вздымая такие страшные волны, каких Байрон не видел даже тогда, когда огибал с адмиралом Ансоном мыс Горн. По окончании шторма Байрон оказался в виду мыса Девственниц, у северного входа в Магелланов пролив.

Как только корабли приблизились к земле, матросы заметили всадников с развевающимся белым флагом; туземцы знаками приглашали высадиться. Стремясь скорее повидать патагонцев, относительно которых более ранние путешественники сообщали самые разноречивые сведения, Байрон с сильным отрядом вооруженных солдат съехал на берег. Там он увидел около пятисот человек гигантского роста, казавшихся какими-то чудовищами в человеческом облике; почти все они были верхом. Тело они раскрашивали самым отвратительным образом; их лица были испещрены разноцветными полосами, глаза обведены синими, черными или красными кругами, создававшими впечатление больших очков. Почти все патагонцы не носили одежды, если не считать наброшенной на плечи шкуры шерстью внутрь; у некоторых имелись сапоги. Забавный наряд, примитивный и недорогой!

Туземецв сопровождало множество собак; низкорослые лошади, на вид очень невзрачные, отличались, однако, исключительной резвостью. Женщины, подобно мужчинам, ездили верхом без стремян, и все мчались галопом вдоль берега моря, хотя он был усеян большими и очень скользкими камнями.

Встреча носила дружелюбный характер. Командир роздал этим великанам кучу безделушек, лент, стеклянных бус и табак.

Вернувшись на «Дофин», Байрон немедленно вошел, пользуясь приливом, в Магелланов пролив. Он не имел намерения пройти его до конца, а лишь хотел отыскать безопасную и удобную гавань, где мог бы запастись водой и дровами, прежде чем пуститься в дальнейший путь на поиски Фолклендских островов.

Вблизи от мыса Санди Байрон увидел восхитительную картину — ручейки, леса, луга, пестревшие цветами, которые наполняли воздух нежным ароматом. Весь пейзаж оживлялся сотнями птиц; один из видов пернатых из-за своего разноцветного оперения самых ярких оттенков получил название: «раскрашенный гусь». Но нигде англичанам не встретилось такого места, где шляпка могла бы приблизиться к берегу, не подвергаясь исключительным опасностям. Повсюду вода стояла очень низко, и прибой был очень сильный. Экипаж ловил рыбу, в особенности барабульку, стрелял гусей, бекасов, чирков и множество других превосходных на вкус птиц.

Итак, Байрону пришлось продолжать путь до Пуэрто-Амбре, куда он прибыл 27 декабря.

«Мы находились, — рассказывает он, — под защитой от всех ветров, кроме юго-восточного, дующего редко, а если корабль во внутренней части бухты начало бы сносить к берегу, он не получил бы никаких повреждений, так как дно там преимущественно мягкое. У берегов плавало столько древесных стволов, что их вполне хватило бы для снабжения топливом тысячи кораблей, и нам совершенно не понадобилось ходить в лес, чтобы запастись дрова».

В глубине бухты впадает река Саджер с прекрасной водой. Берега реки поросли высокими великолепными деревьями, вполне пригодными для мачт. На ветвях сидело множество попугаев и других птиц со сверкающим оперением. В течение всего пребывания Байрона в Пуэрто-Амбре там царило изобилие¹.

¹ Игра слов: по-испански «амбре» означает «голод». (Примеч. перев.)

Пятого января 1765 года, как только экипажи полностью оправились после тяжелого плавания, коммодор, запасшись всем необходимым, вывел корабли из Магелланова пролива и возобновил поиски Фолклендских островов. Неделю спустя он заметил землю, которую принял за острова Себольда, открытые в 1528 году голландцем, по имени Себольд де Верт; но, приблизившись к ним, он заметил, что три острова, будто бы увиденные им, на самом деле образуют одну землю, вытянутую далеко к югу. Он не сомневался, что находится возле архипелага, отмеченного на тогдашних картах под названием Нью-Айлендз и помещенного на 51° южной широты и $63^{\circ}32'$ восточной долготы.

Сначала Байрон держался в открытом море, опасаясь, как бы течения не увлекли его к берегу, которого он не знал. Затем, после общего ознакомления, он приказал спустить шлюпку и дал ей задание следовать вдоль берега, чтобы отыскать безопасную и удобную гавань; вскоре та была найдена и получила название Порт-Эгмонт — в честь графа Эгмонта, тогдашнего первого лорда Адмиралтейства.

«Думаю, — пишет Байрон, — что лучшей гавани не найти; дно превосходное, пресной воды сколько угодно; весь английский флот мог бы стать там на якорь под защитой от всех ветров. Гуси, утки, чирки водились в таком изобилии, что приелись матросам. Отсутствие леса представляет собой здесь обычное явление; попадаются лишь отдельные стволы деревьев, плавающие вдоль берега и принесенные сюда, по всей вероятности, из Магелланова пролива».

Кислица и сельдерей, прекрасные противочинготные средства, растут в этом месте повсюду. Морских львов, морских волков и пингвинов такое множество, что, идя по берегу, моряки видели огромные стада тех и других. Животные, по виду напомилавшие лисицу, но размерами и формой хвоста походившие скорее на волка, несколько раз нападали на матросов, которые с большим трудом отбивались от них. Нелегко объяснить, как попали эти животные в здешние края, отстоящие по меньшей мере на сто льё¹ от материка, и где они находят себе убежище, ибо на этих островах растут лишь тростники и шпажник и нет ни одного дерева.

От имени короля Англии Байрон вступил во владение Порт-Эгмонтом и прилегающими островами, названными Фолклендскими. Коули дал им название островов Пепис, но первым, по

¹ Льё — устаревшая французская мера длины; морское льё соответствует 5,5 км.

всей вероятности, открыл их капитан Девис в 1592 году. Двадцатью годами позже сэр Ричард Хокинз увидел, как предполагают, ту же самую землю, названную им Вирджин, в честь английской королевы Елизаветы. Наконец, архипелаг посетили французские корабли из Сен-Мало. Это несомненно послужило причиной того, что Фрезье¹ назвал их Мальвинскими островами.

Дав названия множеству скал, островков и мысов, Байрон 27 января покинул Порт-Эгмонт и направился снова к Пуэрто-Десеадо, куда прибыл через девять дней. Там он застал «Флорид», транспортное судно, доставившее ему из Англии продовольствие и пополнение людьми, необходимые для дальнейшего продолжительного плавания. Но эта стоянка была слишком опасной, а «Флорид» и «Тамар» находились в слишком плохом состоянии, чтобы можно было приступить к требовавшей много времени перегрузке. Тогда Байрон послал на «Флорид» одного из своих младших офицеров, прекрасно изучившего Магелланов пролив, и пустился в путь к Пуэрто-Амбре, сопровождаемый обоими спутниками.

В проливе он несколько раз повстречался с французским кораблем, шедшим, по-видимому, тем же путем, что и он. По возвращении в Англию Байрон узнал, что то был корабль «Эгль» под командованием Бугенвиля, который пришел к берегам Патагонии, чтобы запастись дровами, необходимыми для новой французской колонии на Фолклендских островах.

Во время неоднократных остановок в Магеллановом проливе английских мореплавателей навещали большие толпы огнеземельцев.

«Мне не приходилось еще видеть, — пишет Байрон, — столь несчастных созданий. Они ходили голые, если не считать очень воючей тюленьей шкуры, накинутой на плечи. Они были вооружены луками и стрелами, которые преподнесли мне в обмен на несколько бусин и другие мелочи. Стрелы длиной в два фута делались из тростника и имели наконечник из зеленоватого камня; луки с тетивой из кишки были длиной в три фута.

Вся их пища состояла из некоторых плодов, мидий² и тухлой

¹ Фрезье А.-Ф. — английский географ, составивший в начале XVIII века самую лучшую по тем временам карту южной оконечности Южной Америки.

² Мидия — двустворчатый моллюск, имеющий треугольную раковину темно-фиолетового цвета. Мидия встречается массами у берегов различных морей; водится в Черном, Белом и Баренцовом морях. В вареном виде употребляется в пищу.

рыбы, выброшенной бурей на берег. Никто, кроме свиней, не рискнул бы отведать такое блюдо, как толстый кусок китового мяса, уже совершенно сгнившего и своей вонью отравлявшего воздух на большом расстоянии. Один из огнеземельцев отрывал зубами куски этой падали и раздавал своим товарищам, поедавшим их с жадностью диких зверей.

Несколько жалких дикарей решились подняться на корабль. Желая устроить им праздник, кто-то из младших офицеров заиграл на скрипке, а несколько матросов стали танцевать. Огнеземельцы пришли от этого маленького концерта в восторг. Стремясь выразить свою благодарность, один из них поспешил спуститься в пирог; он взял там мешочек из тюленьей шкуры, содержащий какой-то красный жир, и намазал им лицо скрипача. Он жаждал оказать такую же честь и мне, но я отказался; однако он всячески старался победить мою скромность, и мне стоило больших усилий уклониться от знака уважения, которым он хотел меня наградить».

Небесполезно будет привести здесь мнение такого опытного моряка, как Байрон, о преимуществах и неудобствах плавания в Магеллановом проливе. Он не согласен с большинством других мореплавателей, посетивших эти края.

«Испытанные нами опасности и трудности, — пишет он, — могли бы привести к выводу, что пытаться пройти Магеллановым проливом неблагоприятно, и кораблям, направляющимся из Европы в Южное море, следовало бы огибать мыс Горн. Я совершенно не придерживаюсь такого мнения, хотя дважды огибал мыс Горн. В определенное время года не только один корабль, но целый флот может пройти Магелланов пролив за три недели, и, чтобы воспользоваться наиболее благоприятной погодой, нужно вступить в него в декабре. Бесспорное преимущество этого пути, которое всегда должно склонять мореплавателей отдать ему предпочтение, заключается в том, что там в изобилии имеются сельдерей, ложечная трава, плоды и некоторые другие противцинготные растения... Препятствия, которые нам пришлось преодолевать и которые задержали нас в проливе с 17 февраля до 8 апреля, следует приписать периоду равноденствия — времени года, всегда изобилующему бурями и не раз доставлявшему нам тяжелые испытания».

По выходе из Магелланова пролива Байрон до 26 апреля держал курс на северо-запад. В этот день был замечен Мас-Афуэра,

один из островов группы Хуан-Фернандес. Командир немедленно высадил на остров несколько матросов, которые запасли воду и дрова, а затем занялись охотой на диких коз, чье мясо, по их мнению, было таким же вкусным, как лучшая дичина в Англии.

Во время этой стоянки произошло довольно странное событие. Сильный прибой разбивался о берег и препятствовал шлюпкам приближаться к пляжу. Один из высаженных на сушу матросов, не умеющий плавать, никак не соглашался, несмотря на то что у него и был спасательный пояс, броситься в море, чтобы добраться до шлюпки. Хотя ему пригрозили оставлением на пустынном острове, он решительно отказывался рискнуть; тогда кто-то из товарищей ловко набросил на него веревочную петлю, затянув ее вокруг туловища; другой конец веревки оставался в шлюпке. Пока бедняга добрался до нее, рассказывается в отчете Хоксуорта, он успел хлебнуть столько воды, что казался мертвым, когда его вытаскивали. Его подвесили за ноги; он вскоре пришел в себя, а на завтра совершенно оправился. Несмотря на это поистине чудесное исцеление, мы не берем на себя смелости рекомендовать такой способ обществам по спасению утопающих.

Покинув остров Мас-Афуэра, Байрон изменил курс, чтобы отыскать Землю Девиса; по мнению географов того времени, она находилась на $27^{\circ}30'$, то есть приблизительно в ста лье к западу от берегов Америки. Поиски отняли неделю.

Байрон ничего не обнаружил во время этого крейсирования, которое он не мог затягивать на более длительный срок, так как намеревался посетить Соломоновы острова, и снова взял курс на северо-запад. 22 мая на кораблях появилась цинга и стала распространяться с угрожающей быстротой. К счастью, 7 июня на $140^{\circ}58'$ западной долготы с верхушки мачт заметили землю.

На следующий день корабли очутились перед двумя островами, сулившими самые радостные перспективы. Моряки увидели высокие ветвистые деревья, кусты, перелески и сновавших среди них туземцев, которые вскоре собрались на берегу и разожгли костры.

Байрон немедленно отрядил шлюпку на поиски якорной стоянки. Шлюпка вернулась, не обнаружив дна на расстоянии одного кабельтова¹ от берега. Несчастные цинготные больные, с трудом притащившиеся на полубак², с мучительной завистью рассматри-

¹ Кабельтов — десятая часть морской мили (185,2 м).

² Полубак — надстройка в носовой части судна.

вали плодородный остров, где имелось лекарство от их болезни; но доступ к нему преграждала природа.

«Они видели, — говорится в отчете, — бесчисленные кокосовые пальмы, отягощенные плодами, молоко которых является, быть может, самым могучим противочинготным средством, какое только существует в мире; они не без основания полагали, что там должны расти лимоны, бананы и другие тропические плоды, а в довершение огорчений заметили панцири черепах, лежавших на пляже. Все эти свежие продукты вернули бы больных к жизни, но они были так же недостижимы, как если бы находились по ту сторону земного шара; видя их перед глазами, они еще сильнее ощущали несчастье оказаться лишенными их».

Байрон решил положить конец танталовым мукам¹ несчастных матросов; дав этой группе островов, принадлежащих к архипелагу Туамоту, название Дисаппойнтмент («Разочарование»), он 8 июня пустился в дальнейший путь. Уже назавтра на горизонте снова показалась земля, длинная, низменная, поросшая кокосовыми пальмами. Посредине простиралась лагуна с маленьким островком на ней. Самый вид указывал на мадрепоровое² происхождение этой земли — простой «атолл», который еще не стал островом, но скоро превратится в него. И на этот раз шлюпка, посланная для промера, обнаружила повсюду обрывистый, крутой, как стена, берег. Тем временем местные жители стали проявлять враждебные намерения. Двое из них влезли даже в шлюпку. Один украл у матроса куртку, другой схватился за край шапочки квартирмейстера; однако, не зная, как завладеть ею, он тащил ее к себе, вместо того чтобы приподнять, и квартирмейстер успел его оттолкнуть. Две большие пироги с тремя десятками гребцов на каждой стали маневрировать, как бы собираясь напасть на шлюпки, но те немедленно пустились за ними в погоню. В то мгновение, когда пироги уткнулись в берег, завязалась схватка, и англичанам, которых туземцы чуть не одолели своей числен-

¹ По древнегреческому мифу, лидийский царь Тантал был осужден Зевсом на вечные муки голода и жажды; он стоял по горло в воде под деревом с плодами, но не мог достать ни воды, ни плодов; отсюда произошло выражение «муки Тантала».

² Мадрепоровые кораллы — отряд беспозвоночных животных из класса коралловых полипов; характеризуется исключительным разнообразием видов; в отряде преобладают колониальные формы. Мадрепоровые кораллы отличаются наличием мощного известкового скелета, который после смерти организмов становится ядром кораллового рифа.

ностью, пришлось пустить в ход огнестрельное оружие. Три или четыре островитянина были уложены на месте.

На следующий день отряд матросов и больные цингой, имевшие достаточно сил, чтобы покинуть койки, высадились на берег. Пока англичане рвали кокосовые орехи и собирали противочинготные растения, туземцы, напуганные полученным накануне уроком, не появлялись. Свежая зелень и плоды принесли такую пользу, что через несколько дней на кораблях не осталось ни одного больного. Попугаи, совершенно ручные голуби редкой красоты и другие неведомые птицы составляли весь животный мир острова, получившего название Кинг-Джордж. Следующий открытый Байроном остров был назван островом Принца Уэльского. Все они составляют часть архипелага Туамоту, именуемого также — очень удачно — Низменными островами.

Двадцать первого июня показалась новая цепь островов, окруженных кольцом бурунов. И снова Байрон воздержался от более подробного ознакомления с ними, так как риск, сопряженный с высадкой, не мог быть оправдан пользой от нее. Байрон назвал этот архипелаг островами Дейнджер (Опасности).

Шесть дней спустя был открыт остров Дьюк-оф-Йорк (Герцога Йоркского). Англичане не встретили там жителей, но собрали две сотни кокосовых орехов, представлявших для них огромную ценность.

Несколько дальше, на 1°18' южной широты и 173°46' западной долготы, был открыт изолированный остров, расположенный к востоку от островов Гилберта. Он получил название острова Байрон. Стояла невыносимая жара, и изнуренные длительным плаванием матросы, вынужденные довольствоваться скудной, нездоровой пищей и пить затхлую воду, почти все заболели дизентерией. Наконец 28 июля Байрон с радостью увидел Сайпан и Тиниан, входящие в состав Марианских, или Разбойничьих, островов, и бросил якорь в том самом месте, где когда-то остановился «Сенчурион» лорда Ансона.

На берегу немедленно разбили палатки для больных цингой. Почти все матросы страдали этой ужасной болезнью; многие находились на исходе сил. Командир решил поэтому проникнуть в глубь густого леса, спускавшегося до самого берега, чтобы отыскать там те чудесные уголки, пленительные описания которых можно было прочесть в книге судового священника, сопровождавшего Ансона. Насколько не соответствовали действитель-

ности эти восторженные рассказы! Со всех сторон тянулись непроходимые леса, травянистые заросли и чащи колючего кустарника; пробраться сквозь них можно было, лишь оставляя на каждом шагу клочья одежды. Тучи mosкитов набрасывались на путников и жестоко их кусали. Дичь попадалась редко и была очень пугливая, вода отвратительная, пребывание в это время года исключительно опасное.

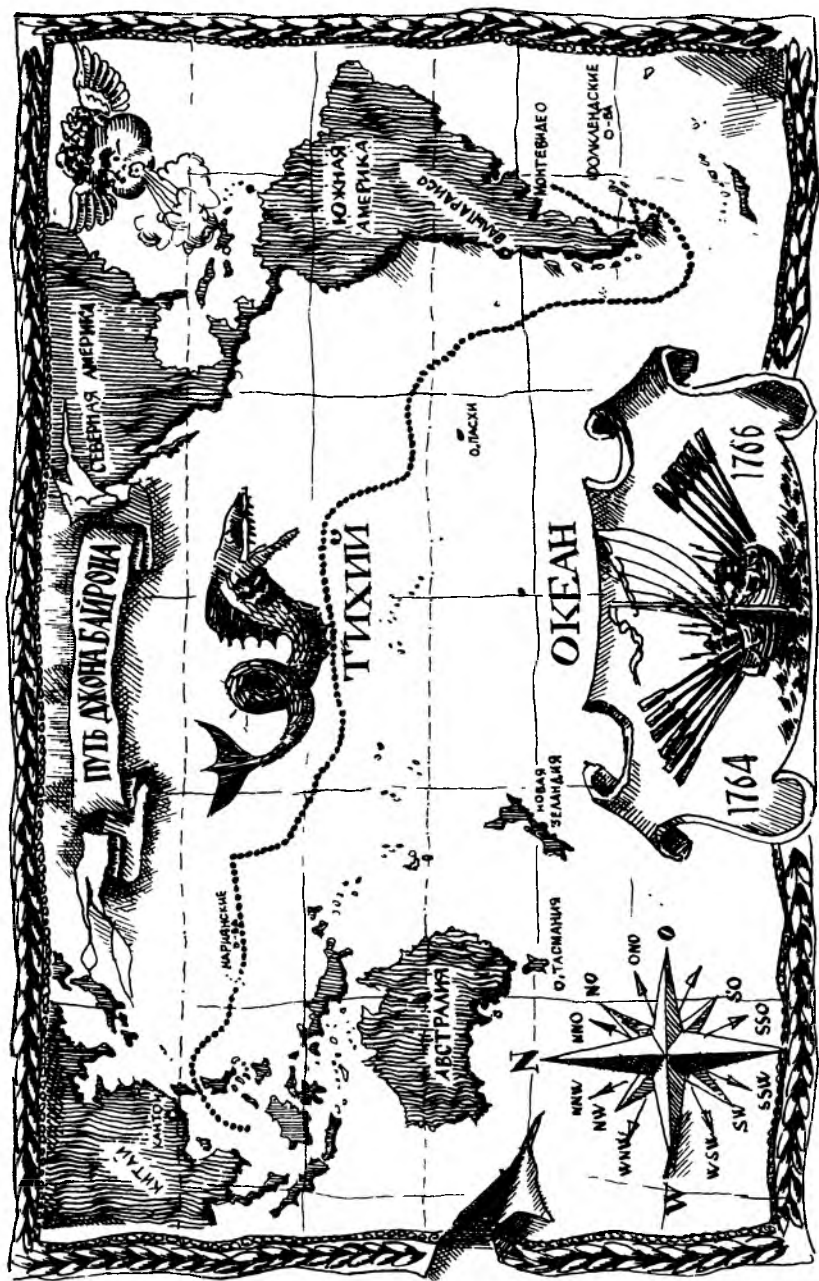
Итак, стоянка началась при неблагоприятных предзнаменованиях. Впрочем, в конце концов удалось найти лимоны, померанцы, кокосовые орехи, гуайявы¹, плоды хлебного дерева и некоторые другие. Все они принесли большую пользу больным цингой, которые вскоре поправились, но болотистые испарения, пропитывавшие воздух, вызвали такие жестокие приступы лихорадки, что два матроса умерли. К тому же дождь лил не переставая, а жара была невыносимой. «Я бывал, — пишет Байрон, — на побережье Гвинеи, в Вест-Индии и на острове Сан-Томе, лежащем у самого экватора, но нигде не испытывал такой сильной жары».

Как бы там ни было, английским морякам удалось без особого труда настрелять пернатой дичи и диких свиней, весивших в среднем около двухсот фунтов; но мясо нужно было есть сразу же, так как через час оно начинало портиться. Рыба, которую ловили у здешних берегов, оказалась такой вредной для здоровья, что все, употреблявшие ее в пищу, даже в умеренном количестве, очень опасно заболели и чуть не заплатились жизнью.

Первого октября оба корабля, полностью снабженные свежей провизией, водой и дровами, покинули после девятидневной стоянки Тиниан. Байрон опознал остров Анатахан, уже виденный Ансоном, и продолжал путь на север в надежде встретить северо-восточный муссон, прежде чем дойти до архипелага Бабуян, замыкающего с севера Филиппинские острова. 22 октября он увидел самый северный остров этой группы, Графтон, а 3 ноября достиг острова Тимуан, о котором Дампир сообщил как о месте, где легко можно запастись свежей провизией. Однако местные жители, принадлежавшие к индо-малайским народам, с презрением отказались от топоров, ножей и железных орудий, которые им предлагали в обмен на домашнюю птицу. Они требовали рупий². Все же в конце концов они удовлетворились несколькими плат-

¹ Гу а й я в а — плодородное дерево из семейства миртовых. Разводится в тропических странах.

² Р у п и я — индийская серебряная монета.

ками, отдав за них десяток кур и козу с козленком. К счастью, рыба ловилась в изобилии, но другой свежей провизии достать было почти невозможно.

Седьмого ноября Байрон снова пустился в путь; не приближаясь к берегу, он миновал остров Пуло-Кондор, зашел затем на Пуло-Тайя, где встретил шлюп, плававший под голландским флагом, хотя весь его экипаж состоял из малайцев. Затем Байрон достиг Суматры, прошел вдоль ее берега и 28 ноября бросил якорь в Батавии, столице голландских владений в Ост-Индии. На рейде стояло свыше ста судов, больших и маленьких, — так процветала в то время торговля Ост-Индской компании. Город благоденствовал. Широкие прямые улицы, прекрасно содержавшиеся каналы, обсаженные высокими деревьями, выстроившиеся в ряд дома придавали ему вид, сильно напоминавший нидерландские города. На бульварах и в деловых кварталах можно было встретить португальцев, китайцев, англичан, голландцев, персов, мавров и малайцев. Празднества, приемы, всякого рода развлечения давали чужестранцу ясное представление о процветании города и делали пребывание в нем приятным. Единственное неудобство — и оно было важным для команд кораблей, только что совершивших такой большой переход, — состояло в том, что местность была нездоровая и население постоянно страдало от лихорадок. Байрон, зная это, поспешил погрузить все необходимое и после двенадцатидневной стоянки вышел в море.

Как ни кратковременна была остановка, ее последствия были серьезны. Едва корабли миновали Зондский пролив, ужасная гнилая лихорадка уложила на койки половину команды и послужила причиной смерти трех матросов.

Десятого февраля после сорокавосьмидневного перехода Байрон увидел берега Африки и тремя днями позже бросил якорь в Столовой бухте.

В Кейптауне он смог снабдиться всем необходимым. Продовольствие, вода, медикаменты — все было погружено с исключительной быстротой, объяснявшейся желанием приблизить час возвращения; и форштевни кораблей наконец были направлены к берегам родины.

Переход через Атлантический океан ознаменовался двумя событиями.

«На широте острова Святой Елены, — рассказывает Байрон, — при ясной погоде и свежем ветре, на значительном расстоянии от земли корабль испытал такой резкий толчок, словно налетел на

мель. Сила сотрясения была очень велика, и мы все испугались и выбежали на палубу. Мы увидели, что море на большом расстоянии было окрашено кровью, и это рассеяло наши страхи. Мы решили, что корабль наткнулся на кита или на косатку и, по всей вероятности, — вскоре мы в этом убедились — никакого повреждения не получил».

Спустя несколько дней руль у «Тамар», пришедшей в чрезвычайно ветхое состояние, окончательно перестал повиноваться, и пришлось придумать приспособление для его замены, чтобы корабль мог добраться хотя бы до Антильских островов, так как продолжать путь для него было слишком опасно.

Девятого мая 1766 года «Дофин» бросил якорь в Лондонском порту, совершив кругосветное плавание, длившееся около двадцати трех месяцев.

Из всех кругосветных путешествий англичан это было наиболее удачным. До тех пор ни разу не делалось попытки совершить плавание с чисто научной целью. Если результаты его оказались не столь плодотворными, как можно было надеяться, то в этом следует винить не командира, доказавшего свое искусство моряка, а скорее лордов Адмиралтейства, инструкции которых не отличались достаточной точностью и которые не позаботились включить в состав экспедиции, как это делалось впоследствии, ученых — специалистов по различным отраслям знания.

Впрочем, заслуги Байрона полностью оценили. Ему присвоили чин адмирала и дали важное назначение в Ост-Индии. Но этот последний период его жизни, окончившейся в 1786 году, не имеет отношения к предмету нашего труда, и мы не будем на нем останавливаться.

II

Уоллис и Картерет. — Подготовка экспедиции. — Трудное плавание в Магеллановом проливе. — «Дофин» и «Суаллоу» разлучаются. — Остров Уитсанди. — Остров Королевы Шарлотты. — Острова Камберленд, Хенри и другие. — Таити. — Острова Хау, Боскавен (Кокосовые) и Кеппел (Предателей). — Острова Уоллис (Уэа). — Батавия. — Мыс Доброй Надежды. — Лондонский порт. — Открытие Картеретом островов Питкэрн. Оснабрюк (острова Туамоту). — Острова Санта-Крус. — Новая Британия. — Пролив Сент-Джордж и Новая Ирландия. — Острова Портленд и Адмиралтейства. — Макасар и Батавия. — Встреча с Бугенвилем в Атлантическом океане.

Толчок был наконец дан, и Англия встала на путь великих научных экспедиций, оказавшихся такими плодотворными и под-

нявших на такую высоту репутацию ее флота. Какой превосходной школой являлись эти кругосветные путешествия, во время которых экипаж — офицеры и матросы — ежедневно сталкивался с непредвиденными опасностями и качества моряка, солдата и просто человека постоянно подвергались испытанию! Если в войнах периода Революции¹ и Империи английский флот почти всегда сокрушал французов благодаря своему превосходству, то это следует приписать не только тому, что раздираемая внутренней борьбой Франция лишилась почти всех высших морских офицеров, но и тому, что английские матросы закалялись в тяжелых кругосветных плаваниях.

Как бы там ни было, немедленно по возвращении Байрона английское Адмиралтейство снарядило новую экспедицию. Пожалуй, оно даже слишком поторопилось с подготовкой. «Дофин» вернулся в Лондонский порт в начале мая, а через шесть недель, 19 июня, капитан Сэмюэл Уоллис был назначен его командиром.

Этот офицер, пройдя все ступени службы на военном флоте, руководил важной операцией в Канаде и способствовал взятию Луисбурга. Каковы были достоинства, заставившие Адмиралтейство при выборе руководителя экспедиции предпочесть Уоллиса другим его товарищам по службе? Мы этого не знаем; впрочем, благородным лордам не пришлось пожалеть о сделанном ими выборе.

Уоллис без промедления приступил к ремонту корабля, и 21 августа «Дофин» присоединился в плимутской гавани к шлюпу «Суоллоу» («Ласточка») и транспортному судну «Принс-Фредерик». Последним командовал лейтенант Брайн; капитаном первого был Филипп Картерет, один из лучших офицеров; он только что совершил кругосветное плавание с коммодором Байроном, и его репутации предстояло подняться на исключительную высоту в результате этого второго путешествия.

К несчастью, шлюп «Суоллоу» оказался мало пригодным для предстоявшей кампании: он прослужил уже тридцать лет, его обшивка была очень тонкая. Кроме того, продовольствие и товары для обмена оказались распределены так неравномерно, что на «Суоллоу» их погрузили гораздо меньше, чем на «Дофин». Картерет тщетно требовал походную кузницу, железо и различное снаряжение; он по опыту знал, насколько все это будет необходимо. Адмиралтейство ответило, что корабль достаточно хорошо

¹ Речь идет о Великой французской революции 1789 — 1794 годов.

оснащен и вполне приспособлен для выполнения предстоящей задачи. Этот ответ окончательно укрепил Картерета в убеждении, что дальше Фолклендских островов он не дойдет. Тем не менее он принял все меры, продиктованные ему опытом.

Двадцать второго августа 1766 года корабли подняли паруса. Уоллису не понадобилось много времени, чтобы понять, что «Суоллоу» на редкость неходкое судно и что плавание не обойдется без затруднений. Однако переход до Мадейры прошел без всяких происшествий. Там была сделана остановка для пополнения запаса уже израсходованной провизии.

Покидая Мадейру, командир вручил Картерету копию своих инструкций и назначил ему Пуэрто-Амбре, в Магеллановом проливе, в качестве места встречи на тот случай, если они окажутся разлученными. Стоянку в бухте Прая на острове Сантьягу (острова Зеленого Мыса) сократили, так как эпидемия оспы производила там большие опустошения, и Уоллис даже запретил экипажу своих кораблей высаживаться на берег. Вскоре после того, как был пройден экватор, «Принс-Фредерик» поднял сигнал бедствия, и пришлось послать на него плотника, чтобы заделать течь в скуле¹ левого борта. На этом судне вследствие плохого качества продовольствия уже имелось множество больных.

Девятнадцатого ноября около восьми часов вечера с кораблей заметили на северо-востоке очень странный метеор, с ужасающей быстротой летевший по горизонтали в направлении юго-запада. Его видели почти целую минуту, и он оставил за собой такой яркий, ослепительный след, что палуба была освещена, как днем.

Восьмого декабря показался наконец берег Патагонии. Уоллис шел вдоль него до мыса Кабо-Вирхенес², где высадился в сопровождении вооруженного отряда моряков с «Суоллоу» и «Принс-Фредерик». Толпа туземцев, ожидавшая англичан на берегу, получила ножи, долота и другие мелочи, обычно раздаваемые в подобных случаях; патагонцы всячески выражали свое удовольствие, но ни за что не хотели дать в обмен за них гуанако, нанду³ и другую имевшуюся у них немногочисленную дичь.

¹ Скула корабля — округлость корпуса судна в носовой его части.

² Кабо-Вирхенес (Мыс Девственниц, или мыс Дев) — испанское название мыса, расположенного на побережье Южной Америки у 52° ю. ш., открытого испанскими мореплавателями в день, когда католическая церковь отмечает память одиннадцати тысяч христианских мучениц, погибших за веру.

³ Нанду — американский страус; водится в саваннах, степях и полупустынях Южной Америки.

«Мы измерили, — рассказывает Уоллис, — самых высоких патагонцев. Один из них был вышиной в шесть футов и шесть дюймов, несколько — пять футов пять дюймов, но большая часть обладала ростом от пяти футов шести дюймов до шести футов».

Следует отметить, что речь идет об английских футах, равняющихся 305 миллиметрам. Хотя этих туземцев нельзя назвать великанами, как утверждали первые путешественники, все же их следует считать исключительно высокими людьми.

«У каждого, — сообщается далее в отчете, — за поясом было заткнуто очень оригинальное оружие: два круглых камня, обтянутых кожей и весивших каждый около фунта; их привязывали к концам веревки, длиной примерно в восемь футов. Этим оружием пользуются как пращей, держа один из камней в руке, а другой вращая вокруг головы, пока он не приобретет достаточной скорости; тогда их бросают в намеченную цель. Патагонцы так ловко владеют своим оружием, что на расстоянии пятнадцати аршин попадают сразу обоими камнями в цель величиной с монету в один шиллинг. Впрочем, они не имеют обыкновения применять его при охоте на гуанако и нанду»¹.

Уоллис привел к себе на корабль восемь патагонцев. При виде огромного количества совершенно неизвестных предметов дикари, вопреки ожиданиям, не проявили особого изумления. Их поразило только зеркало. Они приближались, отступали, делали тысячи поворотов, строили перед ним гримасы, громко хохотали и оживленно переговаривались между собой. На мгновение их внимание привлекли живые свиньи; но больше всего им нравилось рассматривать цесарок. С немалым трудом удалось их уговорить покинуть корабль. На берег они вернулись с пением и знаками выражали свое удовольствие ожидавшим их там соплеменникам.

Семнадцатого декабря Уоллис просигнализировал шлюпу «Суоллоу», чтобы тот, став во главе эскадры, первым вошел в Магелланов пролив. В Пуэрто-Амбре командир приказал разбить на берегу две большие палатки для больных, лесорубов и парусных мастеров. Рыба, которую ежедневно ловили в достаточном для пропитания всего экипажа количестве, сельдерей и росшие в изобилии кислые ягоды, похожие на клюкву и барбарис, — таковы были те продовольственные ресурсы, которыми могла снаб-

¹ Имеется в виду оружие индейцев Патагонии — «бола».

дять эта стоянка и которые меньше чем за две недели полностью восстановили здоровье многочисленных цинготных больных. Корабли частично отремонтировали и проконопатили, паруса починили, сильно износившийся стоячий и бегучий такелаж¹ проверили и по мере необходимости заменили, так что вскоре эскадра оказалась в состоянии снова выйти в море.

Но сначала Уоллис приказал заготовить большое количество дров; их погрузили на «Принс-Фредерик», чтобы доставить на Фолклендские острова, где нет леса. Одновременно командир распорядился с величайшей осторожностью выкопать несколько тысяч молодых деревьев, сохранив вокруг корней комья земли, что должно было облегчить их посадку в Порт-Эгмонте. Если бы они, как Уоллис надеялся, там принялись, то этот обездоленный архипелаг получил бы ценный ресурс топлива. Наконец запасы, доставленные на транспортном судне, перегрузили на «Дофин» и «Суоллоу». Первый взял запасов на год, другой — на десять месяцев.

Мы не будем вдаваться в подробности при описании различных событий, которыми было отмечено плавание обоих кораблей в Магеллановом проливе, — неожиданных шквалов, бурь, снежных зарядов, коварных быстрых течений, больших приливов и туманов, не раз приводивших английских моряков на край гибели. Шлюп «Суоллоу» находился в таком ужасающе ветхом состоянии, что капитан Картерет попросил Уоллиса учесть полную бесполезность его корабля для экспедиции и дать ему такое предписание, какое он сочтет наиболее соответствующим благу государства.

«Приказ Адмиралтейства совершенно точен, — ответил Уоллис, — вы должны ему подчиниться и сопровождать „Дофин“ до последней возможности. Я знаю, что „Суоллоу“ неходкое судно, поэтому я буду двигаться с той же скоростью и следить за всеми его движениями, ибо в том случае, если с одним из кораблей произойдет какая-либо катастрофа, чрезвычайно важно, чтобы другой находился поблизости и мог оказать ему посильную помощь».

Картерету нечего было возразить; он замолчал, но его одолевали мрачные предчувствия в отношении исхода экспедиции.

¹ Такелаж — все снасти на судне, служащие для укрепления рангоута (стоячий такелаж) и для управления рангоутом и парусами (бегучий такелаж). Рангоут — мачты, стеньги, рей, гафели, бушприт и прочие деревянные части оснастки, на которых ставят паруса.

Когда корабли приблизились к выходу из пролива, ведущему в Тихий океан, погода стала отвратительной. Густой туман, шквалы со снегом и дождем, течения, увлекавшие корабли к подводным скалам, яростные волны — все эти препятствия задержали мореплавателей в проливе до 10 апреля. В этот день на широте мыса Пилар «Дофин» и «Суоллоу» потеряли друг друга из виду и больше не встретились, так как Уоллис не позаботился назначить место свидания на случай разъединения.

Прежде чем последовать за Уоллисом в его плавание через Тихий океан, мы остановимся на некоторых подробностях, сообщенных им относительно несчастных обитателей Огненной Земли и общего вида страны. Необыкновенно грубые и предельно жалкие, насколько это только было возможно, эти аборигены питались лишь сырым мясом морских коров и пингвинов.

«Какой-то матрос, ловивший рыбу на удочку, — рассказывал Уоллис, — дал одному из этих американцев только что выгашенную им из воды живую рыбу величиной чуть больше селедки. Американец схватил ее с жадностью собаки, получившей кость. Прежде всего он убил рыбу, впившись зубами около жабр, а затем принялся есть ее, начав с головы и кончив хвостом, не выплюнув ни костей, ни плавников, ни чешуи, ни кишок».

Впрочем, туземцы поглощали все, что им давали, будь то в сыром или жареном виде, свежее или соленое, но от любого питья, кроме воды, отказывались. Одеждой им служила жалкая тюленья шкура, ниспадавшая до колен. В качестве оружия они пользовались лишь дротиком с наконечником из рыбьей кости. У всех были больные глаза; англичане приписывали это обыкновенно все время находиться среди дыма, чтобы избавиться от комаров. От огнеземельцев исходила невыносимая вонь, напоминавшая запах лисиц и объяснявшаяся, без сомнения, исключительной нечистоплотностью.

Точность этого не слишком привлекательного описания была подтверждена всеми путешественниками. Для огнеземельцев, стоявших на таком низком уровне развития, жизнь, казалось, застыла. Успехи цивилизации были для них мертвым звуком, и они продолжали прозябать, как их предки, не заботясь о том, чтобы улучшить свое существование, не испытывая потребности в больших удобствах.

«Итак, мы покинули, — рассказывает Уоллис, — эту дикую, не пригодную для существования страну, где на протяжении без ма-

лого четырех месяцев почти постоянно подвергались опасности кораблекрушения, где в разгаре лета погода стояла пасмурная, холодная и ветреная, где почти повсюду в долинах не было зелени, а на горах — лесов, где, наконец, земля, куда ни взглянешь, напоминает скорее развалины мира, чем место обитания разумных существ».

Сразу по выходе из пролива Уоллис взял курс на запад; дули порывистые ветры, туман стоял такой густой и море было такое бурное, что в течение нескольких недель подряд на корабле нельзя было найти ни одного сухого места. От постоянной сырости появились насморки и сильные лихорадки, за которыми вскоре последовала цинга. Достигнув 32° южной широты и 100° западной долготы, мореплаватель направился прямо на север.

Шестого июня, ко всеобщей радости, заметили два острова. Немедленно снаряженные шлюпки под командованием лейтенанта Фюрно пристали к берегу. Морякам удалось собрать несколько кокосовых орехов и большое количество противоцинготных растений; но хотя англичане видели хижины и навесы, ни одного туземца они не встретили. Этот остров, открытый в канун Троицы — почему он и был назван Уитсанди¹ (ныне Пинаки) — и расположенный на $19^{\circ}26'$ южной широты и $137^{\circ}56'$ западной долготы, принадлежит, как и следующие, к архипелагу Туамоту.

Назавтра англичане попытались вступить в сношения с жителями другого острова; но намерения туземцев им показались столь враждебными, а берег был так крут, что высадиться не представилось возможным. Пролавировав всю ночь, Уоллис снова отрядил шлюпки с приказом не причинять никакого вреда островитянам, если только к этому не вынудит необходимость.

Приблизившись к берегу, лейтенант Фюрно с изумлением увидел семь больших двухмачтовых пирог, на которые погрузилось все население острова. Как только пироги отплыли, англичане высадились на песчаный берег и обошли весь остров. Они нашли на нем несколько водоемов, полных прекрасной воды. Местность была ровная, песчаная, поросшая деревьями, главным образом кокосовыми и другими пальмами, и различными противоцинготными растениями.

«Жители этого острова, — говорится в отчете, — были среднего роста, со смуглой кожей и с длинными черными волосами, ле-

¹ Троицын день (англ.). (Примеч. перев.)

жавшими космами на плечах. Мужчины отличались хорошим сложением, а женщины — красотой. Одежду их составляла какая-то грубая ткань, закрепленная вокруг талии и приспособленная, по-видимому, к тому, чтобы ее можно было накинуть на плечи».

После полудня Уоллис снова отправил лейтенанта на землю набрать воды и вступить от имени Георга III во владение вновь открытым островом, присвоив ему название острова Королевы Шарлотты — в честь королевы Англии.

Ознакомившись лично с островом и убедившись, что запастись на нем водой и свежей провизией не представит труда, Уоллис решил остаться там на неделю.

Во время прогулок по острову моряки нашли орудия из раковин и заостренных камней, изготовленные и прилаженные для пользования ими в качестве скребка, долота или шила. Они видели также несколько недостроенных лодок из прочно соединенных досок. Но больше всего поразили англичан могилы, где трупы лежали под своеобразным навесом и гнили на воздухе. Покидая остров, Уоллис оставил некоторое количество топоров, гвоздей, бутылок и других предметов в возмещение убытка, причиненного местным жителям.

XVIII век начертал на своем знамени человеколюбие, и мы видим из отчетов всех путешественников, что гуманистические теории, бывшие тогда в моде, почти всегда применялись на практике. Человечество сделало большой шаг вперед. Различие в цвете кожи не мешало больше видеть в каждом человеке брата, и в конце столетия Национальный Конвент во Франции, приняв декрет об освобождении негров от рабства, решительно подтвердил идею равенства, нашедшую-многочисленных приверженцев.

В тот же день к западу от острова Королевы Шарлотты была открыта еще одна земля; «Дофин» двигался вдоль берега, но промеры нигде не показывали дна. Низкая, поросшая деревьями, среди которых не было кокосовых пальм, без всяких следов жилья, эта земля, по-видимому, служила лишь местом охоты и рыбной ловли для жителей соседних островов. Уоллис не считал нужным там остановиться. Он дал увиденной земле название острова Эгмонт, в честь графа Эгмонта — тогдашнего первого лорда Адмиралтейства.

Следующие дни принесли новые открытия. Один за другим были обнаружены острова Герцога Глостерского, Камберленд, Уильям-Хенри и Оснабрюк. Лейтенант Фюрно, не высаживаясь

на последний остров, сумел раздобыть кое-какую свежую провизию. Увидев на пляже несколько катамаранов, он рассудил, что поблизости должны находиться более крупные острова, на которых, несомненно, удастся достать необходимые продукты и подступ к которым, возможно, окажется менее затруднительным.

Эти предположения не замедлили подтвердиться. 19 июня на рассвете английские моряки чрезвычайно изумились, увидев себя окруженными несколькими сотнями пирог, больших и маленьких, вмещавших свыше восьмисот человек. Держась в некотором отдалении, туземцы посовещались между собой, а затем несколько лодок приблизилось к кораблю. В руках у туземцев были гроздь бананов. Островитяне решились подняться на корабль, и начался обмен, как вдруг забавное происшествие чуть было не испортило дружеских отношений. Одного из туземцев, стоявшего на шкафуте¹, боднула коза. Он обернулся и увидел неизвестное животное, стоявшее на задних ногах и готовившееся снова напасть на него. Объятый ужасом, он бросился в море, и все остальные последовали за ним. Совсем как панурговы² бараны! Впрочем, островитяне вскоре успокоились, снова взобрались на палубу и пустили в ход всю свою ловкость и хитрость для того, чтобы украсть несколько вещей. У одного из офицеров стащили шляпу. Тем временем корабль продолжал идти вдоль острова в поисках безопасной и хорошо защищенной бухты, тогда как шляпки двигались у самого берега, делая промеры.

Еще ни разу за все путешествие англичанам не пришлось видеть такой живописной и привлекательной страны. Вдоль берега моря под сенью рощ, над которыми выступали изящные султаны кокосовых пальм, стояли хижины туземцев. В отдалении уступами возвышались цепи холмов с поросшими богатой растительностью вершинами; среди зелени извивались серебристые нити многочисленных ручьев, спускавшихся к морю.

У входа в обширную бухту занимавшиеся промером шляпки, которые отошли от корабля на значительное расстояние, неожиданно были окружены множеством пирог. Чтобы избежать столкновения, Уоллис приказал дать девять пушечных выстрелов

¹ Шкафут – часть верхней палубы корабля между первой и второй мачтами.

² Панург – персонаж из романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Чтобы отомстить скотопромышленнику, перевозившему на корабле стадо баранов, столкнул вожака в воду, и за ним последовало все стадо. Отсюда выражение «панургово стадо».

поверх голов островитян; однако, несмотря на страх, вызванный грохотом выстрелов, те продолжали приближаться. Тогда капитан просигналил своим шлюпкам вернуться к кораблю. Туземцы, оказавшиеся на достаточно близком расстоянии, принялись бросать камни, ранившие нескольких матросов. Но шлюпочный старшина в ответ на это нападение выстрелил из ружья, заряженного пулей, которая настигла одного из нападавших и заставила обратиться в бегство всех остальных.

На следующий день «Дофин» бросил якорь на глубине двадцати саженей в устье красивой реки. Радость охватила всех матросов. С раннего утра множество пирога окружило корабль, туземцы привезли с собой свиней, домашнюю птицу и большое количество плодов, которые тотчас же были обменены на мелкие железные изделия и гвозди. Тем не менее одна из шлюпок, посланных для промеров, у самого берега снова подверглась нападению островитян, пустивших в ход весла и дубинки, так что матросы оказались вынужденными прибегнуть к ружьям. Какой-то туземец был убит, другой тяжело ранен, остальные кинулись в воду. Увидев, что их не преследуют, и сознавая, что сами навлекли на себя расправу, они снова приблизились к кораблю и как ни в чем не бывало занялись торговлей.

Возвратившись на «Дофин», офицеры доложили, что туземцы торопили их высадиться на землю, в особенности женщины, привлекавшие моряков недвусмысленными жестами. К тому же у самого берега имелась хорошая стоянка недалеко от места, где можно было набрать воду. Единственным неудобством являлась довольно сильная зыбь. Итак, «Дофин» снялся с якоря и вышел в открытое море, чтобы выбраться на ветер, как вдруг на расстоянии семи-восьми миль Уоллис увидел бухту, где и решил пристать. Пословица говорит, что от добра добра не ищут. Командиру предстояло в этом убедиться на собственном опыте.

Хотя шлюпки шли впереди для промеров, «Дофин» наткнулся на подводный риф и засел на нем носом. Немедленно приняли рекомендуемые в таких случаях меры. Но за пределами гряды коралловых скал dna нельзя было нащупать. Вследствие этого оказалось невозможным забросить якоря и попытаться сняться со скалы, идя на шпиль¹. Как поступить в таком критическом положении? Корабль с силой ударился о скалу, а несколько сот пирога,

¹ Шпиль — вертикальный ворот для подъема якорей, выбирания тяжелых тросов и т. п.

казалось, выжидали неминуемого крушения, чтобы ринуться на добычу. К счастью, через час благоприятный береговой бриз освободил «Дофин», и ему удалось беспрепятственно достигнуть хорошей якорной стоянки. Повреждения оказались несерьезными. Их быстро заделали и столь же быстро о них забыли.

Неоднократные проявления туземцами враждебных намерений призывали Уоллиса к осторожности; он разделил своих людей на четыре вахты, одна из которых всегда должна была быть вооружена, и велел зарядить пушки. Островитяне подвозили на пирогах продукты для обмена; через некоторое время количество пирога значительно увеличилось. Теперь груз состоял не из домашней птицы, свиней и плодов, а, по-видимому, только из камней. На самых больших лодках был более многочисленный экипаж.

Внезапно, по сигналу, град камней полетел на корабль. Уоллис приказал дать ружейный залп и выстрелить из двух пушек, заряженных картечью. После некоторой суматохи и колебаний нападающие дважды бросались в атаку, проявляя исключительную храбрость, и командир при виде все более сжимавшегося кольца врагов начал сомневаться в благополучном исходе сражения, как вдруг неожиданное событие положило ему конец.

На одной из пирог, с наибольшим пылом атаковавших нос корабля, находился, вероятно, какой-то вождь, ибо с нее был подан сигнал к нападению. Удачно посланное пушечное ядро раскололо этот катамаран пополам. Его гибель повлекла за собой отступление туземцев, притом столь поспешное, что через полчаса в море не осталось ни одной лодки. Тогда «Дофин» отбуксировали в гавань и поставили так, чтобы он мог поддержать высадку. Лейтенант Фюрно во главе сильного отряда матросов и солдат съехал на берег, водрузил английский флаг и вступил во владение островом от имени короля Англии, в честь которого дал ему название острова Георга III. Туземцы называли его Таити.

Островитяне распростерлись ниц и всячески выражали свое раскаяние; казалось, они готовы были вступить с чужестранцами в дружественную добросовестную торговлю. Неожиданно Уоллис, который из-за серьезного недомогания оставался на корабле, заметил, что против его людей, набравших воду, подготавливается нападение одновременно с суши и с моря. Чем короче будет битва, тем меньше окажется жертв. Поэтому, когда туземцы очутились в пределах досягаемости для пушек, командир приказал дать несколько залпов, сразу же рассеявших вражескую флотилию.

Чтобы избежать возобновления подобных попыток, следовало дать хороший урок. Уоллис с сожалением решился на это. Он немедленно направил на остров сильный отряд в сопровождении плотников, приказав уничтожить все пироги, выгащенные на берег. Свыше полусотни пирог, из которых некоторые достигали в длину шестидесяти футов, порубили на куски. Такое наказание заставило таитян смириться. Они принесли к берегу свиней, собак, ткани и плоды, а затем ушли. Взамен им оставили топоры и разные мелочи, и они забрали их с собой в лес, проявляя живейшую радость. Мир был заключен, и со следующего дня началась оживленная регулярная торговля, в изобилии снабдившая экипаж свежей провизией.

Теперь, когда таитяне испытали мощь и дальнбойность оружия чужеземцев, можно было надеяться, что дружественные отношения не будут нарушены в течение всего пребывания англичан на острове. Уоллис распорядился разбить палатку около того места, где запасали питьевую воду, и высадил на берег многочисленных цинготных больных, между тем как здоровые люди занялись ремонтом такелажа, починкой парусов, конопаткой и окраской корабля, — одним словом, приведением его в такое состояние, чтобы он мог совершить предстоявший ему длинный переход до берегов Англии.

К этому времени болезнь Уоллиса приняла угрожающий характер. Старший офицер находился не в лучшем состоянии. Вся ответственность лежала, таким образом, на лейтенанте Фюрно, оказавшемся на высоте стоявшей перед ним задачи. По истечении двух недель, в продолжение которых мир не нарушался, все люди Уоллиса поправились и чувствовали себя хорошо.

Однако провизии становилось все меньше. Туземцы, имевшие теперь в достаточном количестве гвозди и топоры, обнаруживали меньше стоворчивости и предъявляли большие требования. 15 июля на «Дофин» прибыла рослая, величественного вида женщина лет сорока пяти, к которой островитяне относились с большим почтением. По тому достоинству, с каким она себя держала, по непринужденности манер, отличающей людей, привыкших повелевать, Уоллис понял, что гостя занимала высокое положение. Он подарил ей широкий синий плащ, зеркало и разные безделушки, принятые ею с глубоким удовлетворением. Покидая корабль, она пригласила командира побывать на берегу и посетить ее. Уоллис не преминул это сделать на следующий же

день, хотя и был еще очень слаб. Его приняли в большом доме, имевшем в длину 327 футов и в ширину 42; здание было покрыто кровлей из пальмовых листьев, поддерживаемой пятьюдесятью тремя столбами. Многолюдная толпа, собравшаяся по случаю прибытия чужестранца, стояла шпалерами при проходе Уоллиса и почтительно его приветствовала. Во время этого посещения всех развеселило одно довольно комическое происшествие. Судовой врач, обливавшийся от ходьбы потом, снял, чтобы освежиться, свой парик.

«Удивленное восклицание одного из туземцев, заметившего это, привлекло к неожиданному чуду внимание всей толпы, не спускавшей с доктора глаз. Некоторое время никто не шевелился, и все молчали в изумлении, которое не могло быть большим, если бы они увидели, что от тела нашего спутника отделилась рука или нога».

Назавтра посланец, вручивший таитянской королеве Обероа подарок в благодарность за любезный прием, стал свидетелем праздника, на котором присутствовала тысяча гостей.

«Слуги подавали королеве совершенно готовые кушанья — мясо в скорлупе кокосового ореха и моллюски в чем-то вроде деревянного корытца, похожего на те, какими пользуются у нас мясники; она собственноручно раздавала кушанья всем гостям, сидевшим рядами вокруг большого дома. Когда с раздачей было покончено, она сама уселась на возвышении, и две женщины, стоявшие по бокам, стали ее кормить. Женщины пальцами подносили кушанья, и ей оставалось только открывать рот».

Последствия этого обмена любезностями не замедлили сказаться, и торговля снова значительно оживилась, но цены больше уже не были такими низкими, как в первое время после прибытия англичан.

Лейтенант Фюрно обследовал берег к западу, чтобы составить представление об острове и установить, какими природными богатствами он располагает. Повсюду англичан хорошо принимали. Они увидели живописную, густо населенную страну, жители которой, должно быть, не спешили продавать имевшиеся у них съестные припасы. Все орудия были из камня или кости, и лейтенант Фюрно пришел к выводу, что таитяне не знали никаких металлов. Они не имели глиняной посуды, и это одно говорило об отсутствии у них всякого представления о том, что воду можно нагревать. Как-то, когда королева завтракала на корабле, англи-

чане смогли в этом окончательно убедиться. Один из главных вельмож ее свиты, увидев, как врач наливал воду из кипятильника в чайник, отвернул кран и ошпарил себе руку кипятком. Почувствовав боль от ожога, он отчаянно закричал и принялся бегать взад и вперед по каюте, корча самые дикие гримасы. Врач поспешил оказать ему помощь, но прошло немало времени, прежде чем удалось облегчить страдания бедного таитянина.

Спустя несколько дней Уоллис заметил, что матросы воруют гвозди, чтобы дарить их женщинам. Они даже приподнимали и отдирали обшивку корабля, стараясь раздобыть винты, гвозди, болты и все железные прутья, которыми обшивка была прикреплена к шпангоуту¹. Тщетно Уоллис строго наказывал виновных — ничего не помогало; и несмотря на его распоряжение подвергать обыску всех съезжающих на берег, кражи не прекращались.

Экспедиция, отправленная в глубь острова, обнаружила большую долину, по которой протекала красивая река. Земля повсюду была тщательно возделана; для орошения огородов и плантаций плодовых деревьев имелась сеть каналов. Чем дальше углублялись внутрь страны, тем капризнее делались извилины реки; долина суживалась, холмы превращались в горы, дорога становилась все тяжелее и тяжелее. Англичане взобрались на пик, находившийся примерно в шести милях от места высадки, надеясь увидеть оттуда весь остров в мельчайших подробностях. Однако обзор закрывали еще более высокие горы. Впрочем, в сторону моря никакие препятствия не скрывали от взгляда чудесную картину; повсюду тянулись холмы, поросшие великолепными лесами; на фоне их зелени отчетливо выделялись хижины туземцев; долины с разбросанными по ним многочисленными хижинами и окруженными живой изгородью садами имели еще более живописный вид. Сахарный тростник, имбирь, тамаринды², древесные папоротники — таковы были, наряду с кокосовыми пальмами, основные виды растительности этого плодородного острова.

Уоллис, хотевший обогатить страну некоторыми растениями нашего климата, распорядился посадить косточки персиков, вишен и слив, а также зернышки лимонов и апельсинов и посеять семена различных овощей. Одновременно он подарил королеве

¹ Шпангоут — ребра судна, придающие ему поперечную прочность.

² Тамаринд — дерево из семейства бобовых, высотой до 25 м, с перистыми листьями и плодами с темно-бурой вязкой мякотью. Широко распространен в тропическом поясе.

кошку, ожидавшую котят, двух петухов, кур, гусей и других животных, которые, по его предположениям, могли беспрепятственно размножаться на острове.

Однако время шло, и Уоллис должен был уже наметить день отъезда. Когда он объявил о своем решении королеве, та бросилась в кресло и долго плакала так горестно, что ничто не могло ее успокоить. Она оставалась на корабле до последней минуты; увидев поднятые паруса, «она, — как пишет Уоллис, — обняла нас самым нежным образом, горько плача, а наши друзья-таитяне с таким сожалением и так трогательно простились с нами, что у меня сжалось сердце и глаза наполнились слезами».

Не слишком любезный прием, оказанный англичанам вначале, неоднократные попытки туземцев завладеть кораблем — все это не давало оснований предполагать, что расставание будет таким горестным; но, как говорит пословица, все хорошо, что хорошо кончается.

Из сведений, собранных Уоллисом о нравах и обычаях таитян, мы упомянем лишь о некоторых, так как будем иметь случай вернуться к ним при описании путешествий Бугенвиля и Кука.

Высокие, хорошо сложенные, ловкие, смуглокожие жители Таити носят одежду из белой ткани, изготовленной из древесной коры. Из двух кусков ткани, представляющих собой весь их наряд, один имеет четырехугольную форму и напоминает плащ. С дырой посредине, в которую просовывается голова, он походит на «сарапе» мексиканцев и «пончо» индейцев Южной Америки. Второй кусок ткани свободно обертывают вокруг туловища. Почти все мужчины и женщины имеют обыкновение покрывать тело татуировкой, состоящей из черных линий, расположенных близко друг от друга и образующих различные узоры. Эта операция производится следующим образом: кожу накалывают и углубления заполняют особой смесью из растительного масла и животного жира, оставляющей неизгладимый след.

Материальная культура была развита слабо. Выше мы упоминали, что таитяне не знали гончарных изделий. Поэтому Уоллис подарил королеве котел, который все островитяне рассматривали с исключительным интересом.

Что касается религии туземцев, то командир не обнаружил никаких ее следов. Ему показалось только, что в некоторые места, по всей вероятности кладбища, они входили с почтительным, скорбным видом.

Один из островитян, по-видимому более склонный, чем его соплеменники, к подражанию английским обычаям и их заимствованию, получил полный европейский костюм, оказавшийся ему очень к лицу. Джонатан — так его прозвали моряки — очень гордился новым нарядом. Чтобы довести до совершенства изысканность своих манер, он пожелал научиться пользоваться вилкой; но ему не удалось овладеть этим инструментом. В силу привычки он все время подносил ко рту руку, а кусок, наколотый на вилку, проходил мимо его уха.

Двадцать седьмого июля Уоллис покинул остров Георга III (Таити). Пройдя вдоль берегов острова Дьюк-оф-Йорк, он открыл один за другим несколько островов или островков, к которым не приставал. К их числу относятся острова Хау (Общества), Сиц-ла, Боскавен (Кокосовый) и Кепсел (Предателей). Последние два были открыты в 1616 году Схоутеном и Ле-Мером. Враждебные намерения туземцев и трудность высадки не дали англичанам возможности сойти на берег ни на одном из этих островов.

В Южном полушарии скоро должна была начаться зима. На корабле во многих местах обнаружили течи; особенно изношенной оказалась расшатываемая рулем корма. При таких условиях благоразумно ли было идти к мысу Горн или Магеллановым проливом? Не значило ли это подвергать себя неминуемой опасности кораблекрушения? Не лучше ли направиться к Тиниану (Марианские острова) или в Батавию, где можно было бы произвести ремонт и вернуться в Европу через мыс Доброй Надежды? Уоллис остановился на последнем плане. Он взял курс на северо-запад и 19 сентября, после слишком благополучного, чтобы о нем стоило говорить, плавания, бросил якорь в гавани Тиниана.

Все, испытанное Байроном во время стоянки в этом месте, повторилось, к сожалению, с полной точностью. Как и его предшественник, Уоллис не мог похвалиться, что ему легко удалось добыть все необходимое и что климат страны пришелся его морякам по вкусу. Все же больные цингой через короткое время поправились, паруса удалось починить, корпус корабля отремонтировали и проконопатили, и никто из экипажа каким-то чудом не схватил лихорадки.

Шестнадцатого октября 1767 года «Дофин» снова вышел в море; на этот раз, однако, его неоднократно застигали ужасные бури: паруса были порваны, течи снова открылись, руль оказался

поврежденным, носовую рубку снесло вместе со всем, что в ней находилось.

Тем не менее Уоллису удалось обогнуть острова Бабуян и миновать Формозский (Тайваньский) пролив. Пройдя в виду острова Суматра, «Дофин» 30 ноября прибыл в Батавию (Джакарту).

Последняя часть путешествия проходила по местам, о которых мы уже имели случай несколько раз говорить. Поэтому достаточно будет упомянуть, что из Батавии, где экипаж болел лихорадкой, Уоллис направился к мысу Доброй Надежды, затем к острову Святой Елены и 20 мая 1768 года прибыл в Лондонский порт после 637-дневного плавания.

Можно пожалеть, что Хоксуорт не привел инструкций, данных Уоллису Адмиралтейством. Не зная их, мы не можем судить, насколько точно выполнил отважный мореплаватель полученный им приказ. Как мы видели, он неуклонно следовал тому пути, который был проложен в Тихом океане его предшественниками. В самом деле, почти все путешественники приставали к Опасному архипелагу (Туамоту), оставляя в стороне ту часть Океании, где больше всего островов и где Куку предстояло совершить столько важных открытий.

Искусный моряк, Уоллис, несмотря на поспешное и вследствие этого недостаточно тщательное снаряжение своего корабля, сумел использовать все непредвиденные возможности, что позволило ему довести до благополучного конца рискованное предприятие. Нужно также отдать должное его стараниям, направленным на то, чтобы собрать серьезные материалы о виденных народах. Если бы на борту его корабля было несколько специалистов-ученых, научные результаты экспедиции, несомненно, оказались бы более плодотворными. Вина за это лежит на Адмиралтействе.

Мы уже упоминали, что 10 апреля 1767 года, когда «Дофин» и «Суоллоу» вышли из Магелланова пролива в Тихий океан, первый из этих кораблей, подгоняемый свежим ветром, вскоре потерял из виду второй, который не был в состоянии за ним поспевать. Разъединение принесло капитану Картерету очень большие неприятности. Лучше, чем кто-либо из его команды, он отдавал себе отчет в плачевном состоянии своего корабля и скудности имевшихся на нем запасов. Он понимал, наконец, что не может надеяться на встречу с «Дофином» до возвращения в Англию, так как никакого плана кампании не было выработано и никакого места встречи не было назначено — очень серьезное упущение со

стороны Уоллиса, хотя тот и знал о ветхом состоянии «Суоллоу». Картерет счел, однако, благоразумным скрыть от команды свои опасения.

Впрочем, ужасная погода, встретившая «Суоллоу» в Тихом океане, отнюдь не оправдывающем своего названия, не оставляла людям времени на размышления. Опасности данного момента, которые приходилось преодолевать, чтобы не пойти ко дну, заслоняли перед ними будущие беды.

Картерет шел курсом на север вдоль берегов Чили. Когда он выяснил количество остававшейся на корабле пресной воды, ему стало ясно, что этого запаса недостаточно для предпринимаемого им перехода. Поэтому он решил, прежде чем пуститься в путь на запад, набрать воду на островах Хуан-Фернандес или Мас-Афуэра.

Погода по-прежнему стояла ужасная. 27 апреля вечером налетел очень сильный шквал, направление ветра резко изменилось, и он задул прямо в лоб. Еще немного — и ураган сломал бы мачты и опрокинул бы корабль. Буря продолжала бешено неистовствовать, и совершенно намокшие паруса так прилипли к мачтам и снастям, что почти невозможно было с ними управляться.

На следующий день огромная волна сломала рей бизань-мачты¹ в том месте, где был зарифлен парус, и на несколько минут покрыла водой весь корабль. Буря стихла, но ненадолго; не успел экипаж «Суоллоу» несколько прийти в себя и починить полученные кораблем повреждения, как она возобновилась и продолжалась в виде сильных шквалов до 7 мая. Затем ветер перешел в попутный, и через три дня на горизонте показался остров Хуан-Фернандес.

Картерет не знал, что испанцы возвели на этом острове укрепления. Поэтому он очень удивился, увидев на берегу большое скопление людей; у самого края воды он различил батарею из четырех орудий, а на холме — форт с двадцатью амбразурами, над которым развевался испанский флаг. Порывы ветра помешали ему войти в бухту Камберленд, и, прокрейсеровав целый день, он вынужден был направиться к Мас-Афуэра; но те же препятствия и разбивавшийся о берег океанский накат сильно мешали его действиям; с большим трудом ему удалось погрузить несколько бочек с водой. Моряки, вынужденные из-за состояния моря задер-

¹ Бизань-мачта — ближайшая к корме мачта судна.

жаться на берегу, убили столько цесарок, что их хватило на весь экипаж. Цесарки да тюлени и некоторое количество рыбы — вот и все, чем удалось разжиться за время пребывания в этих водах, отмеченного непрерывными шквалами и бурями, не раз грозившими кораблю гибелью у берегов острова.

То и дело отгоняемый порывистыми ветрами, Картерет всякий раз, как ему удавалось вновь приблизиться к суше, пользовался случаем изучить остров Мас-Афуэра; он обнаружил множество ошибок у составителя отчета о путешествии адмирала Ансона и сообщил некоторые ценные для мореплавателей подробности.

Расставшись с Мас-Афуэра, Картерет направился к северу в надежде встретить юго-восточный пассат. Отнесенный несколько дальше, чем рассчитывал, он решил заняться поисками островов Сан-Амбросио и Сан-Фелис, расположенных севернее группы Хуан-Фернандес. Теперь, когда последняя была оккупирована и укреплена испанцами, эти острова могли оказаться в случае войны полезны для английского флота. Однако карты Грина и «Основы навигации» Робертсона расходились в указании их координат. Картерет, больше доверявший последнему труду, искал острова на севере, но не нашел их. Перечитав описание, сделанное Узером, врачом экспедиции Девиса, он решил, что эти два острова являются той землей, которую знаменитый флибустьер встретил на своем пути к югу от островов Галапагос, и что Земли Девиса вовсе не существует. Это было двойное заблуждение — отождествление островов Сан-Фелис с Землей Девиса и отрицание существования последней, являющейся не чем иным, как островом Пасхи.

«На этой параллели, — пишет Картерет, — мы встретили легкие ветры, сильное течение, идущее на север, и другие признаки, дававшие основание предполагать, что мы находимся вблизи от той Земли Девиса, которую так старательно разыскивали. Но вновь поднявшийся свежий ветер заставил нас повернуть на юго-запад, и мы очутились на $28^{\circ}30'$ южной широты; следовательно, если бы эта земля или какая-нибудь другая, подобная ей, существовала, я неизбежно встретил бы ее или, по крайней мере, увидел бы. Затем я держался у 28° южной широты, в 40° к западу от отправной точки и, согласно моему определению, на 121° к западу от Лондона».

Так как все мореплаватели продолжали признавать существование «Южного материка», то Картерет не мог себе представить,

что Земля Девиса является лишь маленьким островком, точкой, затерянной среди необъятного океана. Не встретив материка, он пришел к выводу, что Земли Девиса вовсе не существует.

Картерет продолжал поиски до 7 июня. Он находился на 28° южной широты и 112° западной долготы, то есть в непосредственной близости от острова Пасхи. Дело происходило в разгаре зимы. Море все время было бурное, ветры — сильные и переменчивые, погода стояла пасмурная, туманная и холодная, с грозами, дождем и снегом. Несомненно, исключительно плохая видимость, густой туман, не пропускавший солнечных лучей в течение многих дней, помешали Картерету заметить остров Пасхи, хотя ряд признаков — множество птиц, плавающие водоросли — говорил ему о близости какой-то земли.

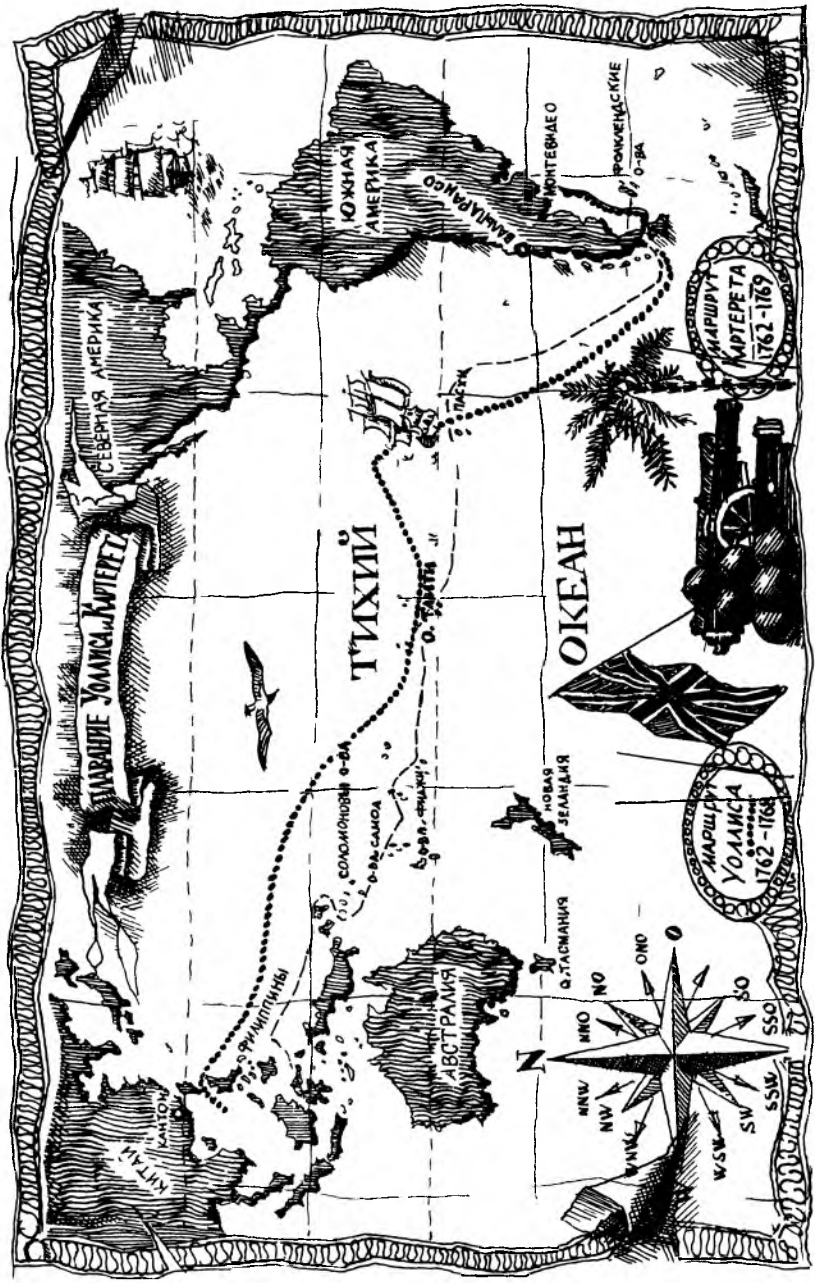
Разбушевавшиеся стихии как бы нарочно делали все возможное, чтобы еще больше затянуть плавание. К тому же шлюп «Суоллоу» отличался исключительной тихходностью, и можно себе представить, сколько забот и даже мучений выпало на долю командира, видевшего, что его команда находится на грани голодной смерти. Как бы там ни было, подняв все паруса, корабль до 2 июля продолжал днем и ночью путь на запад.

В этот день к северу заметили землю, а назавтра Картерет прошел вдоль берега на довольно близком расстоянии и мог ее как следует рассмотреть. То была лишь большая скала окруженностью в пять миль, поросшая деревьями и казавшаяся необитаемой; приблизиться к ней мешал прибой, в это время года очень сильный. Остров назвали Питкэрн — по имени того, кто его первым увидел. В это время среди матросов, до тех пор не страдавших никакими болезнями, стали появляться первые признаки цинги.

Одиннадцатого июля на 22° южной широты и 141°34' западной долготы заметили еще один остров. Ему дали название Оснабрюк — в честь второго сына короля (местное название Муруроа, в архипелаге Туамоту).

На следующий день Картерет высадил отряды моряков на два других острова, где не оказалось ни съедобных растений, ни воды. Там матросы поймали руками несколько птиц — столь не пугливых, что при приближении человека они не улетали.

Все эти земли составляли часть Опасного архипелага, длинные цепочки низменных островов, атоллов, приводивших в отчаяние всех мореплавателей скудностью предлагаемых им ресурсов.

Картерет верил, что он узнал землю, виденную когда-то Кирсом; но последняя, носящая туземное название Таити, расположена севернее.

Тем временем число больных с каждым днем увеличивалось. Резкие перемены направления ветра и, главное, все новые аварии «Суоллоу» сильно замедляли движение, и Картерет счел нужным идти таким курсом, который давал надежду обнаружить места, где он мог бы пополнить запасы и где имелись бы подходящие условия для крайне необходимой починки корабля.

«Я намеревался, — пишет Картерет, — в том случае, если бы корабль удалось починить, дожидаться более подходящего времени года и продолжить наше плавание к югу, чтобы совершить новые открытия в этой части земного шара. Наконец, если бы мне удалось обнаружить материк и найти там достаточное количество продовольствия, я предполагал двигаться вдоль южного берега, пока солнце не перешло бы экватор, а затем достичь высоких южных широт и идти на запад к мысу Доброй Надежды или же вернуться на восток, зайдя в случае необходимости на Фолклендские острова и, не задерживаясь на них, направиться к Европе».

Эти достойные всяческой похвалы планы, характеризующие Картерета как настоящего исследователя, которого опасности скорее привлекают, чем устрашают, оказались совершенно невыполнимыми.

В действительности пассатный ветер Картерет встретил лишь на 16° , и погода по-прежнему стояла отвратительная. Поэтому, хотя он плыл вблизи от архипелага Дейнджер, открытого Байроном в 1765 году, и от некоторых других островов, никакой земли он не видел.

«Так как во время этого перехода, — пишет он, — вокруг корабля часто летали в большом количестве морские птицы, то можно предположить, что мы проходили неподалеку от какой-то земли, которую не могли увидеть из-за тумана. Коммодор Байрон во время своего последнего путешествия прошел за северную границу той части океана, где, как утверждают, расположены Соломоновы острова; и поскольку я сам миновал южную границу района, не увидев этих островов, то у меня имелись все основания считать, что их положение, если они вообще существуют, на всех картах указано не точно».

Последнее утверждение правильно; координаты Соломоновых островов в то время определялись приблизительно, но само их

существование было настолько бесспорно, что несколько дней спустя Картерет, пристав к не опознанной им земле, как раз и очутился на одном из Соломоновых островов.

Съестные припасы, подошедшие к концу, испортились. Таке-лаж и паруса сильно пострадали от бурь, запас обмундирования истощился, половина экипажа не поднималась с коек, и, в довершение всех бед, у командира появился новый повод для тревог. Обнаружилась течь. Так как она была расположена ниже ватер-линии, заделать ее, находясь в открытом море, оказалось невоз-можно. По счастливой случайности, на следующий день заметили землю. Излишне говорить о том, какими радостными криками и восторженными восклицаниями моряки приветствовали эту весть. Испытанное экипажем чувство изумления и облегчения можно сравнить, пользуясь словами самого Картерета, лишь с пережива-ниями осужденного, которому на месте казни сообщили о поми-ловании. Это был остров Нитендит, уже виденный Менданьей.

Как только якорь коснулся дна, сразу послали шлюпку на по-иски воды. Туземцы, чернокожие, с курчавыми волосами, совер-шенно голые, показались на берегу и скрылись, прежде чем шлюпка успела пристать. Прекрасный ручей с пресной водой, протекавший среди непроходимой чащи деревьев и кустарников, спускавшихся к самому морю, местность дикая, гористая — так описал природу острова шлюпочный старшина.

Назавтра старшину снова отправили на поиски более удобного для высадки места; он получил приказ с помощью подарков до-биться расположения туземцев. Ему были даны точные инструк-ции не подвергать себя опасности, возвратиться на корабль, если к нему приблизится несколько пирога, самому ни в коем случае не покидать шлюпки и высаживать на берег не больше двух человек сразу, а остальные тем временем должны были держаться насто-роже. Сам Картерет между тем направился к берегу на другой шлюпке, чтобы набрать воды. Несколько туземцев встретили его стрелами, к счастью никого не задевшими. Пока командир отсут-ствовал, первая шлюпка вернулась на корабль. В теле боцмана торчали три стрелы, и половина его людей была опасно ранена; через несколько дней боцман и три матроса умерли.

Вот что произошло. Высадившись с четырьмя матросами на берег в том месте, где виднелось несколько хижин, старшина приступил к обменной торговле с туземцами. Вскоре количество последних увеличилось, несколько больших пирога направилось к

шлюпке, и старшина добрался до нее лишь в то мгновение, когда началась атака. Осыпаемые стрелами туземцев, вошедших в воду по плечи, преследуемые пирогами, англичане сумели спастись, убив нескольких туземцев и потопив одну из пирог.

Эта попытка отыскать более благоприятное место для того, чтобы выгнать на берег «Суоллоу», окончилась так печально, что Картерет распорядился завалить корабль на бок, там, где он находился, и приступить к заделке пробоин. Плотнику, единственному более или менее здоровому человеку из команды, не удалось полностью устранить течь, но все же она стала значительно меньше. Снова отправили шлюпку за водой; пушечными выстрелами с корабля и ружейными с самой шлюпки лес очистили от врагов. Однако матросы не проработали и четверти часа, как на них обрушился град стрел, и один из моряков был тяжело ранен в грудь. Каждый раз, отправляясь за водой, приходилось прибегать к тем же мерам.

К этому времени тридцать человек находились в таком состоянии, что не могли выполнять свои обязанности. Боцман умер от ран. Лейтенант Гоуэр был очень болен. Сам Картерет из-за воспаления желчного пузыря лежал в постели. Кроме этих трех офицеров, никто не мог довести «Суоллоу» до Англии, а их жизнь висела на волоске!

Чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение состояния больных, следовало во что бы то ни стало раздобыть свежую провизию, а здесь сделать это было невозможно. И тогда 17 августа Картерет снялся с якоря. В честь лорда Адмиралтейства он дал острову название Эгмонт, а бухту, где стоял корабль, назвал Суоллоу. Хотя английский мореплаватель не сомневался, что это та самая земля, которую испанцы называли Санта-Крус, тем не менее он поддался распространенной тогда страсти давать новые названия каждому посещенному месту. Картерет, идя на небольшом расстоянии от берега, установил, что население острова очень многочисленно, и неоднократно вступал в стычки с местными жителями. Эти препятствия, а также невозможность раздобыть свежую провизию помешали Картерету исследовать остальные острова группы, которой он дал название островов Королевы Шарлотты (Санта-Крус).

«Жители острова Эгмонт, — рассказывает Картерет, — отличаются исключительной ловкостью, силой и предприимчивостью. Они, по-видимому, так же хорошо чувствуют себя в воде, как и на

суше, ибо почти каждую минуту выпрыгивают из своих пирог в море... Одна из выпущенных ими стрел пробила деревянную обшивку корабля и тяжело ранила в бедро мичмана. Стрелы имеют каменный наконечник, и мы не видели у островитян никаких металлов. В общем остров гористый, покрыт лесами и прорезан множеством долин».

Восемнадцатого августа 1767 года Картерет покинул архипелаг с намерением достичь Новой Британии. Он рассчитывал, что на пути безусловно встретит какую-нибудь землю, где ему больше повезет. Действительно, 20 августа он увидел маленький низменный остров, названный им Гоуэр, на котором удалось раздобыть некоторое количество кокосовых орехов. Назавтра он обнаружил остров Картерет (Килинаилоу), а также группу из девяти островов, принятую им за архипелаг Оханг-Ява, открытый Тасманом; после этого один за другим были пройдены острова Сэр-Чарлз-Харди, Уинчилси, по его мнению не входивший в состав Соломоновых островов, затем остров Святого Иоанна, названный так Схоутеном; и, наконец, 28 августа корабль достиг Новой Британии.

Картерет шел вдоль берега, отыскивая удобную и безопасную гавань и останавливаясь в различных бухтах, где ему удавалось раздобыть дрова, воду, кокосовые и мускатные орехи, алоэ, сахарный тростник, бамбук и пальмовую капусту.

«Эта капуста, — пишет Картерет, — белого цвета, кудрявая, очень сочная; если ее есть сырой, она по вкусу напоминает каштан, а в вареном виде лучше всякого пастернака. Мы крошили ее в бульон, приготовленный из таблеток, и этот суп, заваренный затем овсянкой, представлял собой превосходное блюдо».

Леса оживлялись порханием многочисленных голубей, горлиц, попугаев и различных неведомых птиц. Англичане побывали в нескольких покинутых поселениях. Если об уровне цивилизации народа можно судить по их жилищам, то островитяне должны были стоять на очень низкой ступени, так как жили в самых жалких хижинах, какие когда-либо приходилось видеть Картерету.

Командир воспользовался стоянкой, чтобы еще раз завалить «Суоллоу» на бок и осмотреть течь, которую по мере возможности заделали. Так как обшивка была сильно изношена и весь киль изъеден червями, их обмазали смесью из смолы и подогретого дегтя.

Седьмого сентября Картерет совершил подобие церемонии, вступив во владение страной от имени Георга III; затем он послал

на разведку одну из своих шлюпок, которая возвратилась с некоторым количеством кокосовых орехов и пальмовой капусты — наиболее ценными для многочисленных больных продуктами. Хотя восточный муссон должен был дуть еще долго, командир, учитывая плохое состояние корабля, решил немедленно направиться в Батавию, где рассчитывал поставить на ноги команду и починить «Суоллоу». Итак, 9 сентября он покинул бухту Картерет — наилучшую стоянку, обнаруженную им со времени выхода из Магелланова пролива.

Вскоре английский мореплаватель очутился в заливе, названном Дампиром Сент-Джорджес и оказавшемся, как выяснилось в последующие дни, проливом, отделявшим Новую Британию от Новой Ирландии. Картерет исследовал этот пролив, оставив за ним название Сент-Джорджес-Чаннел (то есть пролив Св. Георгия), и в своем отчете дал подробное его описание, представлявшее большую ценность для современных ему мореплавателей. Затем он шел вдоль берега Новой Ирландии до его западной оконечности. У маленького острова, получившего название Сандвич, капитан Картерет несколько раз вступал в сношения с туземцами.

«Эти островитяне, — сообщает он, — чернокожие, с курчавыми, как у негров, волосами, но нос у них не плоский и губы не толстые. Мы решили, что они принадлежат к той же расе, что и жители острова Эгмонт. Подобно тем, они ходят совершенно голые, если не считать нескольких украшений из раковин на руках и ногах. Их волосы (или скорее покрывающая голову шерсть) были посыпаны белой пудрой; отсюда вытекает, что обычай пудриться является, вероятно, более древним и более распространенным, чем принято думать... Островитяне вооружены пиками и большими дубинками в форме булавы, но мы не видели у них ни луков, ни стрел».

Невдалеке от юго-западной оконечности Новой Ирландии Картерет обнаружил еще один остров и дал ему название Новый Ганновер (Лавонгай), а вскоре затем увидел архипелаг Дьюк-оф-Портленд.

Хотя вся эта часть отчета о путешествии по ранее неизвестным местам изобилует ценными подробностями, Картерет, мореплаватель более ревностный и стремившийся в своих описаниях к значительно большей точности, нежели его предшественники, Байрон и Уоллис, считает нужным извиниться за недостаточную полноту собранных им сведений.

«Описание страны, — пишет он, — ее естественных богатств и жителей могло бы быть гораздо полнее и подробнее, если бы я не был до того ослаблен и изнурен болезнью, что почти изнемогал под тяжестью обязанностей, выпавших на мою долю вследствие недостатка в офицерах. Несмотря на то, что я с трудом держался на ногах, мне приходилось нести одну вахту за другой и выполнять остальные работы, деля их со старшим офицером, состояние здоровья которого также было очень плохим».

Пройдя Сент-Джорджес-Чаннел, англичане взяли курс на запад. Картерет открыл еще несколько островов, названных им островами Адмиралтейства, но так как болезнь в течение нескольких дней не давала ему возможности выходить на палубу, он не смог точно установить их координаты. Здесь ему пришлось дважды прибегнуть к огнестрельному оружию, чтобы отразить нападение туземцев. Затем он останавливался у небольших коралловых островов Дюрур, Матти и Куэдес, жители которых очень обрадовались, получив несколько кусков железного обруча. Как утверждает Картерет, за несколько железных орудий он смог бы купить все продовольствие, какое имелось на этих островах. Хотя они находились по соседству с Новой Гвинеей и только что исследованными Картеретом архипелагами, цвет кожи их жителей был не черный, а медно-красный. У них были красивые очень длинные черные волосы, правильные черты лица и ослепительно белые зубы. Среднего роста, сильные и ловкие, они отличались веселым дружелюбным характером и безбоязненно поднимались на палубу корабля. Один из них попросил даже Картерета взять его с собой и, несмотря на все уговоры соплеменников и самого капитана, отказался покинуть «Суоллоу». Картерет при виде такой непреклонной решимости уступил, но несчастный туземец, получивший имя Джозеф Фриуил, вскоре стал чахнуть и умер на Целебесе (Сулавеси).

Двадцать девятого октября англичане достигли северо-восточной части острова Минданао (Филиппины). Все время находясь в воде и свежей провизии, Картерет тщетно пытался отыскать залив, берег которого, по описанию Дампира, изобилует дичью. Несколько дальше ему попалось подходящее место, где легко было набрать воды, но враждебное отношение жителей заставило его опять уйти в открытое море.

Покинув Минданао, командир направил корабль ко входу в Макаassarский пролив, отделяющий Борнео от Целебеса. 14 нояб-

ря он в него вошел. Из-за постоянного встречного ветра корабль двигался теперь очень медленно, и ему понадобилось две недели, чтобы пройти двадцать восемь миль.

«Больные, — пишет Картерет, — слабые, умирающие, видя перед собой земли, до которых мы не могли добраться, бессильные перед налетавшими на нас бурями, мы подверглись нападению пиратского судна».

Пираты, надеясь захватить экипаж английского корабля спящим, напали на «Суоллоу» среди ночи. Однако матросы перед лицом новой опасности не потеряли присутствия духа и, защищаясь с большим мужеством и искусством, пустили ко дну малый корабль.

Двенадцатого декабря Картерет с огорчением увидел, что задул западный муссон. Его корабль был не в состоянии, борясь с ветром и течением, добраться до Батавии с востока. Поэтому пришлось решиться на заход в Макасар, в то время являвшийся главным голландским поселением на Целебесе. Английские моряки прибыли туда через тридцать пять недель после того, как покинули Магелланов пролив. Как только якорь был брошен на подходе к гавани, на борт «Суоллоу» поднялся посланный губернатором голландский чиновник. Он, по-видимому, очень встревожился, узнав, что корабль принадлежит к составу английского военного флота. И вот назавтра, когда Картерет направил старшего офицера Гоуэра за разрешением войти в гавань, чтобы купить там продовольствие для умиравшей с голоду команды, починить пришедший в ветхость корабль и дожидаться смены муссона, тому не позволили высадиться на берег; больше того, голландцы поспешили собрать войска и вооружить корабли.

Прошло пять часов, прежде чем на «Суоллоу» получили ответ губернатора. То был грубый, ничем не мотивированный отказ. Одновременно англичанам запретили высаживаться в каком-либо месте, находящемся во владении Голландии. Все протесты Картерета, в которых он отмечал бесчеловечность этого отказа, и даже предпринятые им враждебные демонстрации, дали лишь тот результат, что ему удалось купить немного продовольствия и получить разрешение зайти в соседнюю маленькую бухту. Там он найдет, сказали ему, надежную защиту от муссона, сможет свезти на берег больных и раздобудет свежей провизии гораздо больше, чем в Макасаре, откуда к тому же ему пошлют все, в чем он бу-

дет нуждаться. Так как англичанам угрожала голодная смерть, а их корабль вот-вот мог затонуть, Картерету пришлось примириться с этими требованиями и направиться в бухту Бонтайн (на юге Сулавеси).

Там больным, помещенным в одном из домов, не разрешили отходить дальше чем на тридцать аршин от здания, служившего им госпиталем. Они находились под неусыпным надзором и не могли общаться с туземным населением. Наконец, им запретили покупать что-либо не через голландских солдат, невероятно злоупотреблявших своей властью, так как иногда они наживали на посредничестве больше тысячи процентов. Все жалобы англичан оставались напрасными; в течение всего пребывания им скрепя сердце приходилось мириться с чрезвычайно унижительным контролем.

Только 22 мая 1768 года, с возвращением восточного муссона, капитан Картерет смог покинуть Бонтайн, где на его долю выпало множество неприятностей, притеснений и тревог, которые мы не имеем возможности подробно перечислить и которые подвергли его терпение жестокому испытанию.

«Целебес, — пишет он, — является ключом к Молуккским островам, или островам Пряностей; они неизменно будут находиться во владении той страны, в чьих руках Целебес. Город Макасар выстроен на мысе, и через него либо по соседству с ним протекают одна или две реки. Местность ровная и очень живописная. Имеется много плантаций и рощ кокосовых пальм, среди которых раскидано большое количество домов, и это дает основание предполагать, что страна густо заселена... В Бонтайне говядина прекрасная, но приобрести ее там для снабжения эскадры было бы непросто. Риса, домашней птицы и плодов можно раздобыть сколько угодно; в лесах в большом изобилии водятся дикие свиньи, и их можно купить по дешевке, так как местные жители, исповедующие мусульманскую религию, совершенно не употребляют их в пищу...»

Переход до Батавии не ознаменовался никакими событиями. После многих проволочек, вызванных стремлением Голландской Ост-Индской компании добиться от командира письменного удостоверения в отсутствии претензий на поведение губернатора Макасара, от чего Картерет категорически отказался, он наконец получил разрешение приступить к ремонту «Суоллоу».

Пятнадцатого сентября обшивка корабля была приведена бо-

лее или менее в порядок, и Картерет вышел в море. Он получил пополнение английскими матросами, без которого не смог бы добраться до Европы. Двадцать четыре человека из числа его первоначальной команды умерли, а еще двадцать четыре находились в таком состоянии, что семь из них погибли, не добравшись до мыса Доброй Надежды.

После стоянки в этой гавани, оказавшей чрезвычайно благотворное влияние на экипаж и затянувшейся до 6 января 1769 года, Картерет пустился в дальнейший путь и несколько севернее острова Вознесения, где он сделал остановку, встретился с французским кораблем. То был фрегат «Будёз», на котором Бутенвиль только что совершил кругосветное путешествие.

Двадцатого марта 1769 года «Суоллоу» бросил якорь на рейде Спитхед¹ после тридцати одного месяца тяжелого и опасного плавания.

Нужен был весь морской опыт, все самообладание, все рвение Картерета, чтобы не погибнуть на таком неприспособленном корабле и в подобных условиях совершить важные открытия. Если преодоленные им препятствия лишь увеличивают его славу, то жалкое оснащение экспедиции, несмотря на возражения опытного капитана, следует считать позором для английского Адмиралтейства, поставившего под угрозу жизнь капитана и его отважных матросов во время столь длительного путешествия.

III

Бутенвиль. — Перевоплощения сына нотариуса. — Колонизация Мальвинских (Фолклендских) островов. — Буэнос-Айрес и Рио-де-Жанейро. — Передача Мальвинских островов Испании. — Гидрографическое исследование Магелланова пролива. — Огнеземельцы. — Катр-Факардин (острова Туамоту). — Таити. — События во время стоянки. — Естественные богатства страны и нравы жителей. — Острова Мореплавателей (Самоа). — Острова Эспириту-Санто (Новые Гебриды). — Архипелаг Луизиада. — Острова Эрмит (Отшельников). — Новая Гвинея. — Остров Буру. — От Батавии до Сен-Мало.

В то время как Уоллис заканчивал свое кругосветное путешествие, а Картерет еще находился в длительном и тяжелом кругосветном плавании, была снаряжена французская экспедиция, имевшая целью открытие новых земель в Тихом океане.

¹ С п и т х е д — внешний рейд плимутской гавани, соединенный судоходным каналом с Ла-Маншем. Длина канала 20 км, ширина — 6 км.

При старом режиме¹, когда все зависело от произвола короля, звания, чины и должности раздавались по протекции. Поэтому нет ничего удивительного в том, что руководство таким ответственным предприятием было доверено офицеру, всего четыре года тому назад покинувшему в чине полковника службу в сухопутных войсках и перешедшему на военный флот в чине капитана 1-го ранга.

В виде исключения такая чрезвычайная мера оправдала себя благодаря талантам человека, о котором идет речь.

Луи-Антуан де Бугенвиль родился в Париже 13 ноября 1729 года. Сын нотариуса, он готовился вначале к юридической деятельности и был зачислен в адвокатское сословие. Не имея, однако, склонности к отцовской профессии, он увлекался науками, опубликовал «Трактат об интегральном исчислении» и одновременно вступил в армию, в полк черных мушкетеров. Из трех начатых им карьер от двух первых он окончательно отказался, несколько раз изменял третьей ради четвертой — дипломатии, пока не расстался и с ней ради пятой — службы на флоте. Он умер сенатором после шестой перемены карьеры.

Адъютант Шевера, потом секретарь посольства в Лондоне, где его избрали членом Королевского общества, он в 1756 году в чине драгунского капитана уехал из Бреста в Канаду, в армию Монкальма. Будучи адъютантом этого генерала, он имел случай несколько раз отличиться и заслужил доверие своего начальника, который направил его во Францию с просьбой о подкреплениях.

У нашей несчастной родины в то время оказалось достаточно хлопот в Европе, где ей необходимы были все ее вооруженные силы. Поэтому, когда молодой Бугенвиль изложил Шуазелью² цель своего прибытия, министр резко ответил:

— Когда горит дом, никто не думает о конюшнях.

— О вас, сударь, — ответил Бугенвиль, — никто, по крайней мере, не сможет сказать, что вы рассуждаете, как лошадь.

Эта остроумная и злая реплика не могла, конечно, доставить Бугенвилю благосклонность министра. К счастью, госпожа Пом-

¹ Старым режимом во Франции XIX века называли монархию Бурбонов, правивших перед Великой революцией.

² Шуазель Этьен Франсуа (1719 — 1785) — французский государственный деятель, руководивший политикой Франции в 1758 — 1770 годах. В своей политике Шуазель главное внимание направлял на борьбу с колониальным могуществом Англии, для чего заключил союз с Австрией и Испанией. Однако внешняя политика его потерпела неудачу, приведя к потере Канады, Луизианы и французских владений в Индии.

падур¹ любила остроумных людей; она представила Бугенвиля королю. Молодой офицер ничего не смог добиться для своего генерала, но проявил достаточно ловкости, чтобы получить чин полковника и орден Святого Людовика, хотя прослужил всего семь лет. По возвращении в Канаду он задался целью оправдать доверие Людовика XV и отличился во многих сражениях. После потери этой колонии он воевал в Германии.

Мирный договор 1763 года (которым завершилась Семилетняя война²)* положил конец военной карьере Бугенвиля. Гарнизонная служба не могла удовлетворить такой деятельный ум, такого любителя смены впечатлений. Бугенвиль составил тогда замечательный проект колонизации Фолклендских островов, расположенных у южной оконечности Южной Америки, и переселения туда на добровольных началах канадских колонистов, эмигрировавших во Францию, чтобы избежать тиранического гнета англичан. Увлеченный своей идеей, он обратился к некоторым судовладельцам из Сен-Мало, которые с начала XVIII столетия посещали этот архипелаг и дали ему название Мальвинских островов.

Заручившись поддержкой судовладельцев, Бугенвиль стал прельщать морское министерство выгодами — впрочем, весьма проблематичными — от основания такого поселения; благодаря своему удачному местоположению оно могло бы служить стоянкой для судов, направляющихся в Южный океан. Поддерживаемый влиятельными лицами, Бугенвиль получил испрашиваемое разрешение и добился производства в чин капитана 1-го ранга.

Это произошло в 1763 году. Вряд ли морские офицеры, прошедшие все ступени службы, приветствовали назначение, в их глазах ничем не оправданное. Впрочем, для морского министра Шуазель-Стенвиля это имело мало значения. Когда-то Бугенвиль служил под его начальством; к тому же министр был слишком важным вельможей, чтобы обращать внимание на брюзжание флотских офицеров.

¹ Помпадур Пуассон Жанна-Антуанетта (1721 — 1764; маркиза де) — фаворитка французского короля Людовика XV, игравшая значительную роль во внутренней и внешней политике Франции. Ей свойственны были крайняя расточительность и самодурство.

² Семилетняя война (1756 — 1763) — война Пруссии и Англии с Австрией, Францией, Россией, Швецией, а с 1762 года — также с Испанией. Основными причинами Семилетней войны были стремление Австрии вернуть Силезию, отнятую у нее Пруссией, и англо-французское колониальное соперничество в Северной Америке и Индии.

Бугенвиль немедленно приступил к делу: под руководством опытного моряка Гюйо-Дюкло в Сен-Мало были построены и снаряжены двадцатипушечный корабль «Эгль» («Орел») и двенадцатипушечный «Сфинкс». Взяв на борт несколько семей французских поселенцев из Канады, Бугенвиль 15 сентября 1763 года покинул гавань Сен-Мало. На острове Санта-Катарина, у берегов Бразилии, в Монтевидео, он погрузил большое количество лошадей и рогатого скота и высадился затем на Мальвинских (Фолклендских) островах в обширной бухте, показавшейся ему вполне подходящей для его цели. Впрочем, то, что все мореплаватели принимали за не особенно высокие леса, оказалось, как французы вскоре убедились, зарослями тростника. На островах не росло ни дерева, ни одного кустика. К счастью, в качестве топлива их мог заменить превосходный торф. Рыбная ловля и охота давали достаточно средств для пропитания.

Вначале колония состояла всего из двадцати девяти человек, для которых были построены хижины и продовольственный склад. Одновременно начали постройку форта, рассчитанного на четырнадцать пушек. Во главе переселенцев согласился остаться Нервийе, двоюродный брат Бугенвиля, а последний 5 апреля пустился в обратный путь во Францию. Там он завербовал новых колонистов, погрузил большое количество всякого рода припасов и 5 января 1765 года доставил на острова. Затем он направился в Магелланов пролив за лесом, встретил там, как мы уже упоминали выше, корабли коммодора Байрона и сопровождал их до Пуэрто-Амбре. Бугенвиль погрузил свыше десяти тысяч деревьев разного возраста, намереваясь посадить их на Мальвинских (Фолклендских) островах. Когда 27 апреля он покинул архипелаг, колония состояла уже из восьмидесяти человек, считая и должностных лиц, получавших жалованье от короля. К концу 1765 года «Эгль» и «Сфинкс» были в третий раз направлены на Мальвинские острова с продовольствием и новыми колонистами.

Когда поселение стало приобретать определенные очертания, в Порт-Эгмонт, открытый Байроном, прибыли англичане. Капитан Мак-Брайд попытался добиться уступки колонии под предлогом, что архипелаг принадлежит английскому королю, хотя Байрон посетил Мальвинские острова лишь в 1765 году — через два года после того, как там обосновались французы. Между тем Испания в свою очередь предъявила претензию на эти острова как на подвластные Южной Америке. Ни Англия, ни Франция не захотели

нарушать мир из-за обладания архипелагом, не имевшим большого торгового значения, и Бугенвиль вынужден был согласиться на ликвидацию поселения при условии, что мадридское правительство возместит расходы. Французское правительство поручило ему осуществить передачу Мальвинских островов испанским комиссарам.

Эта безрассудная попытка организации колонии способствовала карьере Бугенвиля, так как морской министр предложил на обратном пути использовать вверенный ему корабль для поисков новых земель в Южном океане.

В первых числах ноября 1766 года Бугенвиль отправился в Нант, где его помощник Гюйо-Дюкло, искусный моряк, состарившийся на второстепенных должностях, потому что не был дворянином, наблюдал за всеми деталями оснащения двадцатишести-пушечного фрегата «Будёз» («Недовольная»).

Пятнадцатого ноября Бугенвиль покинул рейд Менден в устье Луары и направился к реке Ла-Плата, где должен был встретиться с двумя испанскими фрегатами «Эсмеральда» («Изумруд») и «Льобре» («Заяц»). Но едва корабль Бугенвиля вышел в открытое море, как разразилась страшная буря. Фрегат, имевший новый такелаж, получил настолько сильные повреждения, что оказался вынужденным вернуться для ремонта в Брест, куда прибыл 21 ноября. Первого испытания оказалось достаточно, чтобы командир убедился в непригодности «Будёз» к тем задачам, которые ему предстояли. Бугенвиль приказал уменьшить высоту мачт и сменить пушки на более легкие; впрочем, несмотря на эти изменения, «Будёз» совершенно не годился для плавания в бурных водах, омывающих мыс Горн. Однако встреча с испанцами была назначена, и Бугенвилю пришлось снова выйти в море. Офицерский состав фрегата насчитывал одиннадцать человек, не считая троих вольнонаемных, в числе которых находился принц Нассау-Зигенский; команда состояла из двухсот трех матросов, юнг и вестовых.

До Ла-Платы погода стояла довольно тихая, и Бугенвиль имел возможность произвести ряд наблюдений над течениями, которые часто являлись причинами ошибок, допускавшихся мореплавателями при определении своего местоположения.

Тридцать первого января «Будёз» бросил якорь в бухте Монтевидео, где его уже месяц ждали два испанских корабля. Пребывание Бугенвиля в этой гавани и вскоре затем в Буэнос-Айресе, куда он отправился для переговоров с губернатором относительно

передачи Мальвинских (Фолклендских) островов, дало ему возможность собрать о городе и его жителях очень интересные сведения, которые мы не можем обойти молчанием. Буэнос-Айрес показался ему слишком большим по сравнению с числом жителей, не превышавшим двадцати тысяч. Это следует приписать тому, что все дома были одноэтажными, с большим двором и садом. Город не имеет не только порта, но даже мола. Поэтому суда вынуждены перегружать свой груз на лихтеры¹, входящие в небольшую речку, откуда тюки доставляются в город на телегах.

Множество мужских и женских религиозных общин придает Буэнос-Айресу своеобразный характер.

«Год заполнен там, — сообщает Бугенвиль, — праздниками в честь святых, отмечаемыми процессиями и фейерверками. Религиозные церемонии заменяют театр... Для набожных женщин иезуиты установили более суровый способ очищения от грехов, чем их предшественники. При их монастыре существовал так называемый «дом упражнений для женщин» (*casa de los ejercicios de las mujeres*). Женщины и девушки без согласия мужей или родителей приходили туда, чтобы очиститься от грехов двенадцатидневным затворничеством. Помещение и пища предоставлялись им за счет общины. Ни один мужчина не допускался в это святилище, если он не носил одежды ордена Святого Игнация; даже служанки не могли сопровождать туда своих хозяек. Упражнения в этом святилище заключались в размышлении, молитве, чтении катехизиса, исповеди и в самобичевании. Нам показывали стены часовни с еще сохранившимися пятнами крови, фонтаном брызгавшей, как нам говорили, из-под плетей, которые раскаяние вкладывало в руки кающихся грешниц».

Окрестности города хорошо возделаны и оживлены множеством загородных домов. Но всего в двух-трех лье от Буэнос-Айреса простирались огромные равнины без малейших возвышенностей, предоставленные в полное распоряжение быков и лошадей, почти единственных их обитателей. Эти животные водились в таком изобилии, рассказывает Бугенвиль, «что путешественники, проголодавшись, убивают быка, отрезают от него столько, сколько могут съесть, а все остальное бросают на растерзание диким собакам и тиграм»².

¹ Лихтер — плоскодонное грузовое судно.

² «Тиграми» в Южной Америке колонисты называли вообще всех крупных зверей из семейства кошачьих (обычно ягуаров и пум).

Индейцы, живущие по обоим берегам Ла-Платы, еще не были покорены испанцами. Их называли «Indios bravos» («дикие индейцы»).

«Они среднего роста, довольно непривлекательны и почти все больны чесоткой. Кожа у них очень смуглая, а от жира, которым они постоянно натираются, она становится еще более темной. Они не носят другой одежды, кроме широкого плаща из шкур диких коз, спускающегося до пят. Индейцы постоянно разъезжают верхом, во всяком случае вблизи от испанских поселений. Иногда они являются туда со своими женами, чтобы купить водку, и пьют до тех пор, пока не пьянеют до бесчувствия... Случается, что они собираются в отряд в двести — триста человек и угоняют скот с принадлежащих испанцам земель или нападают на караван путешественников. Они грабят, убивают и уводят в рабство. От этого зла нет спасения; каким образом можно покорить бродячее племя в огромной дикой стране, где его трудно даже отыскать?»

Что касается торговли, то она весьма далека от процветания с тех пор, как испанцы запретили провоз в Перу и Чили европейских товаров сухопутным путем. Впрочем, Бугенвиль еще видел, как из Буэнос-Айреса вышел корабль, на котором везли миллион пиастров; «если бы все жители страны, — добавляет он, — имели возможность вывозить кожу в Европу, этого одного было бы достаточно, чтобы их обогатить».

Якорная стоянка в Монтевидео безопасна, хотя иногда туда проникают «памперос» — юго-западные шквалы, сопровождающиеся ужасными грозами. Город не представляет никакого интереса; его окрестности совершенно не возделаны, так что муку, сухари и все необходимое для снабжения кораблей приходится привозить из Буэнос-Айреса. Впрочем, там в изобилии имеются такие фрукты, как инжир, персики, яблоки, айва и т. д., а также говядина в не меньшем количестве, чем в остальных районах страны.

Эти данные столетней давности интересно сравнить с теми, которые нам сообщают современные путешественники, и, в частности, Эмиль Деро в своей книге о Ла-Плате. Картина, нарисованная Бугенвилем, во многих отношениях остается правильной; но в книге Деро имеются некоторые подробности, говорящие о значительном прогрессе. Например, Бугенвиль не мог писать о народном образовании, так как в то время в этой области ничего не делалось.

Когда продовольствие, запасы воды и живой скот были погружены на борт, три корабля 28 февраля 1767 года вышли в море и направились к Мальвинским островам. Переход оказался неудачным. В результате перемены ветров, шторма и разбушевавшегося моря «Будёз» получил кое-какие повреждения. 23 марта он бросил якорь в бухте Франсез, где на следующий день к нему присоединились оба испанских корабля, серьезно пострадавшие от бури.

Первого апреля произошла торжественная передача колонии испанцам. Лишь немногие французы воспользовались разрешением короля остаться на Мальвинских островах; почти все предпочли погрузиться на испанские фрегаты, направлявшиеся в Монтевидео. Что касается Бугенвиля, то он остался ждать транспортное судно «Этуаль» («Звезда»), которое должно было доставить продовольствие и затем сопровождать его в кругосветном плавании.

Прошли март, апрель и май, а судно «Этуаль» не появлялось. О том, чтобы пуститься в плавание через Тихий океан, имея на борту «Будёз» лишь шестимесячный запас продовольствия, не приходилось и думать. Поэтому 2 июня Бугенвиль решил идти в Рио-де-Жанейро, где назначил командиру «Этуаль» Лажироду встречу на тот случай, если непредвиденные обстоятельства помешают тому достичь Мальвинских островов.

Переход протекал при такой благоприятной погоде, что уже через восемнадцать дней фрегат достиг берегов португальской колонии. Судно «Этуаль», ожидавшее здесь четыре дня, покинуло Францию позже, чем предполагалось. Ему пришлось искать убежища от бури в Монтевидео, откуда оно, в соответствии с инструкциями, и отправилось в Рио-де-Жанейро.

Встретив прекрасный прием со стороны графа Акуньи, вице-короля Бразилии, французы посещали Оперу, где смотрели комедии Метастазо¹, ставившиеся труппой из мулатов, и слушали величайшие произведения итальянских мастеров в исполнении плохого оркестра, которым дирижировал хромой аббат в рясе.

Благосклонность графа Акуньи длилась недолго. Бугенвиль купил с разрешения вице-короля небольшое парусное судно, но в передаче судна ему без всякой мотивировки было отказано. Ему

¹ Метастазо Пьетро (1698 – 1782) – итальянский лирический поэт и драматург; автор музыкальных драм; придал этому жанру значительную поэтическую ценность.

запретили брать дрова с королевского лесного двора, на поставку которых он заключил договор; наконец, он и его офицеры не получили разрешения поселиться на время ремонта «Будёз» в пригородном доме, предоставленном в их распоряжение одним частным лицом. Чтобы избежать всех этих дразг, Бугенвиль поспешил закончить приготовления к отплытию.

Во время пребывания в столице Бразилии французский командир отметил в своем дневнике красоту гавани и живописность окрестностей; в заключение он дает очень любопытное описание огромных богатств страны, доставляемых в порт Рио-де-Жанейро.

«Ближе всего к городу, — пишет он, — на расстоянии примерно семидесяти пяти лье находятся прииски, называемые „главными“. Они ежегодно дают королю, в силу его права на пятую долю, по меньшей мере сто двенадцать арроб¹ золота; в 1762 году они принесли ему сто девятнадцать арроб. Под общим названием „главных“ понимают прииски „Риу-даш-Мортиш“, „Сабара“ и „Серу-Фриу“. На последних кроме золота добываются также все бразильские алмазы. Все драгоценные камни, за исключением алмазов, не считаются контрабандой. Они принадлежат владельцам приисков, обязанным давать точный отчет лишь о количестве найденных ими алмазов и передавать последние интенданту, специально назначенному королем. Этот интендант немедленно складывает алмазы в ларец, обитый железом и снабженный тремя замками. Ключ от одного замка принадлежит ему, от второго — вице-королю и от третьего — поставщику королевского казначейства. Ларец помещают в другой ларец, в который вкладываются три ключа от первого и который опечатывается печатями трех упомянутых выше лиц. Вице-король не имеет права проверять содержимое. Он лишь укладывает все в денежный сундук и, приложив к замку свою печать, отправляет в Лиссабон».

Несмотря на все предосторожности и на строгость наказаний за кражу алмазов, они служат предметом безудержной контрабанды. Но это не единственная доходная статья, и Бугенвиль приводит расчет, показывающий, что за покрытием расходов на содержание войск, на жалованье чиновникам и всех издержек по управлению колоний доход португальского короля, получаемый им из Бразилии, превосходит десять миллионов ливров².

¹ Арроба — испанская и португальская мера веса, равная в Португалии 15 кг.

² Ливр — серебряная французская монета, существовавшая во Франции до 1795 года и равная 20 су.

Во время плавания от Рио-де-Жанейро до Монтевидео не произошло никаких событий; но на Ла-Плате во время шторма судно «Этуаль» столкнулось с испанским кораблем, который сломал ему бушприт¹, решетчатый галюн на борту и часть такелажа. Эти повреждения и вызванное сильным толчком усиление течи заставили Бугенвиля подняться вверх по течению реки в Энсеньяда-де-Бараган, где было легче, чем в Монтевидео, произвести необходимый ремонт. Только 14 ноября удалось покинуть Ла-Плату.

Тринадцать дней спустя оба корабля очутились в виду мыса Кабо-Вирхенес у входа в Магелланов пролив, куда они не замедлили направиться. Первой на пути оказалась бухта Посесьон, широко вдающийся в сушу залив, открытый всем ветрам и предлагающий мореплавателям очень скверные стоянки. Расстояние от Кабо-Вирхенес до мыса Оранжевого превышает пятнадцать лье, и повсюду пролив имеет ширину от пяти до семи лье. Первый пролив преодолели без затруднений и бросили якорь в заливе Буко, где человек десять офицеров и матросов высадились на берег.

Вскоре они свели знакомство с патагонцами и обменяли несколько безделушек, представлявших в глазах тех большую ценность, на шкуры вигони² и гуанако. Туземцы были высокого роста, но ни один из них не превышал шести футов.

«Непомерными мне в них показались, — пишет Бугенвиль, — ширина плеч, величина головы и толщина конечностей. Они коренасты и хорошо упитанны; мышцы у них твердые и крепкие; это люди, которые, живя на лоне природы и употребляя полную живительных соков пищу, достигли высшей степени развития, на какую способны».

Расстояние от пролива Первого до пролива Второго составляет примерно шесть-семь лье. Пролив Второй, также пройденный благополучно, имеет в ширину всего полтора лье и в длину около четырех. Кораблям вскоре встретились острова Сен-Бартельми и Элизабет. На второй из них французские моряки высадились, но не обнаружили там ни дров, ни воды. Это абсолютно бесплодная земля.

¹ Бушприт (бугшприт) — сильно наклоненное или совсем горизонтальное дерево, выступающее далеко вперед с носа корабля; служит для улучшения маневренных качеств судна.

² Вигонь (вигунья) — небольшое дикое животное рода лам; высота — 70 — 90 см, длина — 80 — 90 см, вес — около 30 — 35 кг. Живет небольшими стадами в высокогорной области Анд. Вследствие хищнического истребления в настоящее время близка к исчезновению.

Начиная с этих мест американский берег пролива изобилует лесом. Хотя первый трудный этап был пройден благополучно, Бугенвилю пришлось, однако, проявить в дальнейшем много терпения. В самом деле, отличительная особенность здешнего климата состоит в том, что изменения атмосферного давления происходят очень быстро, и невозможно предусмотреть неожиданные и опасные смены погоды. В результате происходят аварии, которые нельзя предупредить; они задерживают движение кораблей, а подчас заставляют приставать к берегу для ремонта.

Залив Гюйо-Дюкло представляет собой прекрасную якорную стоянку, где на глубине шести – восьми саженей имеется хороший грунт. Бугенвиль остановился там для того, чтобы наполнить несколько бочек водой и попытаться раздобыть немного свежего мяса; но диких животных ему попало мало. Затем была произведена топографическая съемка мыса Сент-Анн. Там в 1581 году испанский капитан Педро Сармьенто основал колонию Вилья-Фелипе. Ранее мы уже рассказывали об ужасной катастрофе, из-за которой это место получило название Пуэрто-Амбре (Голодного порта).

Французские моряки обнаружили затем ряд заливов, мысов и гаваней и сделали несколько остановок. То были залив Бугенвиль, где произвели ремонт корпуса «Этуаль», мыс Форуорд, представляющий самую южную оконечность Патагонии, залив Каскейд на Огненной Земле, являющийся идеальной стоянкой для мореплавателей благодаря своей безопасности, удобству и легкости снабжения дровами и водой. Все эти гавани, открытые Бугенвилем, ценны тем, что дают возможность выгодно лавировать при огибании мыса Форуорд – одного из самых неприятных для мореплавателей мест, где их обычно встречают порывистые противные ветры.

Первые дни 1768 года французские моряки провели в бухте Фортескью, в глубине которой находится гавань Галан. Отвратительная погода, не идущая ни в какое сравнение даже с самыми плохими днями парижской зимы, задержала экспедицию больше чем на три недели. Здесь моряков посетила группа жителей Огненной Земли, решившихся подняться на корабли.

«Их уговорили петь, – сообщается в отчете, – танцевать, послушать игру на музыкальных инструментах, а главное, поесть, что они сделали с большим аппетитом. Им все нравилось: хлеб, солонина, говяжье сало; они пожирали все, что им давали... Они

не проявили никакого удивления при виде кораблей и разнообразных предметов, которые им показывали; это, конечно, объясняется тем, что нужно обладать некоторыми элементарными знаниями для того, чтобы приходиться в удивление от изделий, знаменующих торжество человеческого ума. Дикари относились к высочайшим достижениям техники так же, как и к законам природы и их проявлениям... Здешние туземцы маленького роста, некрасивые, тощие, и от них исходит невыносимая вонь. Они ходят почти голые; вся их одежда состоит из жалких тюленьих шкур, слишком маленьких, чтобы в них можно было завернуться. Женщины их безобразны и, кажется, почти не возбуждают желаний у своих мужчин. Эти дикари живут в хижинах, посреди которых поддерживается огонь, и спят вповалку, мужчины, женщины и дети вместе. Питаются они главным образом моллюсками; впрочем, у них имеются собаки и силки, сделанные из китового уса... В общем они, как видно, вполне безбидные люди, но такие жалкие, что лучше было бы не иметь с ними никакого дела... Из всех дикарей, каких мне приходилось видеть, огнеземельцы самые обездоленные».

Печальное событие омрачило стоянку в здешних местах. На корабль явился ребенок лет двенадцати, и ему дали кусочки стекла и зеркала, не подумав о том, какое он может найти им употребление. У туземцев существует, должно быть, привычка засовывать в рот в качестве талисмана куски талька. Мальчик, конечно, пожелал проделать то же самое и со стеклом; и вот, когда французы сошли на берег, они увидели, что у мальчика ужасная рвота и он харкает кровью. Глотка и десны у него были порезаны, и из них текла кровь. Несмотря на заклинания и на лечение колдуна, заключавшееся в яростном растирании шеи, — а может быть, именно из-за слишком энергичного массажа — ребенок ужасно мучился и вскоре умер. Это послужило для огнеземельцев сигналом к поспешному бегству. Они, несомненно, боялись, что французы могут напустить на них порчу и они все умрут такой же смертью.

Шестнадцатого января Бутенвиль вышел из гавани Галан; во время попытки подойти к острову Руперт «Будёз» подхватило течением, и корабль очутился в полукабельтове от берега. Немедленно брошенный якорь разбился на куски, и так как с земли не было ни малейшего ветерка, фрегат сел на мель. Пришлось вернуться в гавань Галан. Это оказалось очень кстати, так как на следующий день налетел страшный ураган.

«После того как в течение двадцати шести дней, проведенных в гавани Галан, постоянно дули жестокие встречные ветры, тридцати шести часов попутного ветра, на который мы никогда и не смели надеяться, было достаточно, чтобы привести нас в Тихий океан; я думаю, что это единственный случай безостановочного плавания от гавани Галан до выхода из пролива. По моим исчислениям, общая длина пролива от Кабо-Вирхенес до мыса Пилар составляет примерно сто четырнадцать лье. Мы прошли их за пятьдесят два дня...

Несмотря на трудности, испытанные нами во время плавания Магеллановым проливом (в данном вопросе Бугенвиль полностью согласен с Байроном), я советовал бы, начиная с сентября до конца марта, отдавать предпочтение этому пути и не идти вокруг мыса Горн. В остальное время года я скорее был бы склонен плыть открытым морем. Противные ветры и бурное море не представляют особой опасности, и благоразумнее не рисковать, двигаясь вслепую между двумя берегами. Плавание проливом связано, конечно, с некоторой задержкой, но оно имеет и положительную сторону. Там можно в изобилии найти воду, дрова и съедобные моллюски, иногда очень хорошую рыбу; и я не сомневаюсь, что цинга производит больше опустошений среди экипажа кораблей, выходящих в Тихий океан, после того как они обогнут мыс Горн, чем кораблей, попадающих в него через Магелланов пролив. Когда мы из него вышли, у нас не было ни одного больного».

Приведенное мнение Бугенвиля до последнего времени многими оспаривается, и путь, который он так горячо рекомендовал, мореплавателями совершенно заброшен. Наиболее веской причиной для этого в наши дни является то обстоятельство, что применение пара полностью преобразило судоходство и совершенно изменило условия навигации.

Как только Бугенвиль очутился в Тихом океане, он, к своему великому удивлению, встретил южные ветры. Поэтому ему пришлось отказаться от намеченного захода на острова Хуан-Фернандес.

С командиром «Этуаль», Лажироде, было условлено, что для обследования возможно большего морского пространства оба корабля будут держаться на таком расстоянии, чтобы лишь не терять друг друга из виду, и что каждый вечер транспортное судно будет приближаться к фрегату и двигаться примерно в полулье

от него; таким образом, если «Будёз» встретит какую-нибудь опасность, «Этуаль» сможет ее легко избежать.

Некоторое время Бугенвиль разыскивал остров Пасхи, но не нашел его. 22 марта Бугенвиль открыл четыре островка, названные им Катр-Факардин; они являлись частью Опасного архипелага (Туамоту) — скопления коралловых островков, низменных и полузатопленных; его непременно, словно по уговору, посещали все мореплаватели, вступавшие в Тихий океан через Магелланов пролив или обойдя вокруг мыса Горн. Несколько дальше французские моряки открыли плодородный остров, населенный совершенно голыми дикарями, вооруженными длинными копьями, которыми они угрожающе размахивали, вследствие чего он и получил название острова Копейщиков.

Мы не станем повторять то, что не раз уже имели случай сообщать о природе этого архипелага, о трудности подступа к нему, о его диком и негостеприимном населении. Тот же самый остров Де-Лансье был назван Куком Трум-Кап (Акиаку); остров Лагарп, открытый Бугенвилем 24 марта, английский мореплаватель назвал островом Боу (Хао).

Бугенвиль знал, что Рогтевен чуть не погиб при посещении этих мест, и, считая пользу от их исследования не оправдывающей риска, которому можно подвергнуться, взял курс на юг и вскоре потерял из виду огромный архипелаг, простирающийся в длину на пятьсот лье и состоящий по меньшей мере из шестидесяти островов или групп островов.

Второго апреля Бугенвиль увидел высокую крутую гору, которой дали название пика Будёз. То был остров Маитеа, ранее названный Киросом Десана (острова Общества). 4 апреля на восходе солнца корабли очутились в виду Таити, длинного острова, состоящего из двух полуостровов, соединенных перешейком шириной не больше одной мили.

Свыше ста пироги с балансиром¹ вскоре окружили оба кораб-

¹ Пироги с балансиром — длинные узкие лодки-однодеревки полинезийцев. Дно лодки они выжигали или выдалбливали каменным топором из целого ствола дерева. Отделка производилась острыми костями акул или краями створок раковин. К корме прикреплялся длинный кусок дерева, в конец которого вставлялась мачта с треугольным парусом из циновок. Полинезийцы обычно снабжали свои пироги балансиром — поплавок, состоящим из нескольких жердей, положенных поперек лодки, и шестов, прикрепленных к их концам под прямым углом. Такой балансир сохраняет устойчивость пироги и даже при сильном крене не дает ей опрокинуться.

ля; туземцы везли кокосовые орехи и огромное количество превосходных плодов, которые охотно меняли на всякого рода безделушки. С наступлением ночи берег осветился тысячью костров; в ответ с кораблей было пущено несколько ракет.

«Вид этого берега, подымавшегося амфитеатром, — пишет Бугенвиль, — представлял чудесное зрелище. Хотя горы достигают здесь большой высоты, нигде не заметно голых бесплодных скал; все покрыто лесами. Мы с трудом верили глазам, когда заметили пик, поросший деревьями до самой вершины, одиноко возвышающейся над горами в глубине южной части острова; гора имела у основания не больше тридцати туазов в диаметре и сужалась к вершине; издали ее можно было принять за громадную пирамиду, которую искусный декоратор украсил гирляндами зелени. Менее возвышенные места покрыты лугами и рощами, а на всем побережье у подножия гор тянется омываемая морем полоса ровной низменности с возделанными плантациями. Там среди бананов, кокосовых пальм и других отягощенных плодами деревьев мы увидели дома островитян».

Весь следующий день был посвящен обменной торговле. Кроме плодов, туземцы предлагали кур, голубей, рыболовные принадлежности, орудия, ткани, раковины, требуя за них гвозди и серьги. 6 апреля утром, после трех дней лавирования с целью изучения берега и отыскания рейда, удобного для стоянки, Бугенвиль решил бросить якорь в бухте, замеченной им в день прибытия.

«Скопление пирог вокруг кораблей, — пишет он, — было такое, что нам стоило большого труда стать на место среди всей этой шумной суматохи. Туземцы приближались с криками „Тайо!“, что означает „Друг!“, и всячески проявляли свои дружеские чувства... Пирог были переполнены женщинами, которые милостью лица не уступали подавляющему большинству жительниц Европы, а красотою тела могли поспорить с любой из них».

Повар Бугенвиля, несмотря на принятые меры, умудрился удрать с корабля и добраться до берега. Но как только он очутился на суше, его окружила большая толпа; островитяне раздели его догола, чтобы освидетельствовать все части его тела. Он не знал, что с ним собираются делать, и уже считал себя погибшим, как вдруг туземцы вернули ему одежду и полуживого от ужаса отвезли на корабль. Бугенвиль хотел сделать ему строгое внуше-

ние, но бедняга заверил командира, что все угрозы будут напрасны, так как они ничто по сравнению со страхом, которого он потерпелся на острове.

Когда корабль стал на якорь, Бугенвиль с несколькими офицерами съехал на берег, чтобы поискать подходящий источник для пополнения запаса воды. Вскоре огромная толпа окружила моряков и с большим любопытством стала рассматривать, все время при этом крича: «Тайо! Тайо!» Один туземец пригласил их к себе в дом и угостил фруктами, жареной рыбой и водой. Когда французы возвращались на берег, их остановил какой-то таитянин с красивым лицом; он лежал под деревом и предложил им посидеть рядом с ним на траве.

«Мы приняли приглашение, — рассказывает Бугенвиль. — Этот человек наклонился тогда к нам и с выражением нежности на лице, под аккомпанемент флейты, в которую другой таитянин дул носом, медленно спел нам жизнерадостную песню; очаровательная сцена, достойная кисти Буше¹. Четверо островитян доверчиво пошли с нами на корабль поужинать и переночевать. Мы играли для них на флейте, виолончели и скрипке, а затем устроили фейерверк из ракет и шутих. Это зрелище вызвало у островитян изумление, смешанное со страхом».

Прежде чем продолжить наше повествование и привести другие отрывки из отчета Бугенвиля, мы считаем нужным предупредить читателя, что не следует понимать буквально все эти описания. Богатое воображение рассказчика пытается все приукрасить. Очаровательных сцен, виденных им, живописной природы ему недостаточно, и он думает, что своими преувеличениями придает картине еще бóльшую прелесть. Все это Бугенвиль делал с наилучшими намерениями. Тем не менее ко всем его рассказам следует относиться с крайней осторожностью. Довольно характерный пример свойственной той эпохе склонности к преувеличениям мы находим в описании второго путешествия Кука. Сопровождавший экспедицию художник Ходжес, изображая высадку англичан на остров Миддельбург (архипелаг Тонга), нарисовал людей, не имеющих ни малейшего сходства с жителями Океании;

¹ Буше Франсуа (1703 — 1770) — французский живописец и гравер, известный своими идеализированными пейзажами и полотнами на темы античной мифологии, выполненными с большим искусством, но в несколько условной и напыщенной манере. Буше считается крупнейшим представителем стиля рококо во французской живописи.

в своих тогах они скорей напоминают римлян эпохи Юлия Цезаря или Августа. А между тем художник имел натуру перед глазами, и ничего не могло быть для него проще, как в точности воспроизвести сцену, свидетелем которой он являлся. Насколько сильнее в наши дни уважение к истине! Теперь в отчетах путешественников вы не найдете никаких прикрас, никаких фантазий. Хотя подчас они представляют собой несколько суховатый протокол, не особенно интересный для рядового читателя, ученый почти всегда обнаружит в них черты серьезного исследования, ценный для развития науки материал.

Сделав эту оговорку, последуем дальше за нашим рассказчиком.

На берегу речки, впадавшей в глубине бухты, Бугенвиль разместил больных моряков и бочки для воды, приставив к ним стражу. Эти меры не могли не вызвать подозрительности и недоверия туземцев. Они несколько не возражали против того, что чужестранцы высаживались на берег и разгуливали по их острову в течение дня, но при условии, чтобы на ночь они возвращались на корабли. Бугенвиль настаивал, и ему в конце концов пришлось установить срок своего пребывания на Таити.

С этого времени доброе согласие восстановилось. Для размещения тридцати четырех цинготных больных и их охраны, состоявшей из тридцати человек, избрали обширный навес. Его тщательно загородили со всех сторон, оставив только один выход; к нему туземцы приносили в больших количествах все, что хотели обменять. Единственное неудобство, с которым приходилось мириться, заключалось в необходимости все время следить за выгруженным на берег снаряжением, так как «нигде в Европе вы не увидите таких ловких воров, как эти люди». Следуя похвальному обычаю, начавшему получать всеобщее распространение, Бугенвиль подарил местному вождю индюка с индюшкой и уток с селезнями; затем он распорядился расчистить участок земли, на котором посеяли пшеницу, ячмень, овес, рис, кукурузу, лук и т. п.

Десятого апреля один из туземцев был убит выстрелом из ружья, и Бугенвиль, несмотря на самое тщательное расследование, не смог установить виновника этого отвратительного преступления. Островитяне, без сомнения, считали, что их соплеменник был сам виноват, так как продолжали с обычной доверчивостью доставлять продовольствие.

Между тем командиру стало ясно, что бухта плохо защищена

от ветров; больше того, дно оказалось усеянным крупными коралловыми рифами. 12 апреля во время налетевшего шквала «Будёз», сорвавшись с места, так как его якорный канат оказался перерезанным рифом, наткнулся на судно «Этуаль», едва не причинив ему серьезного повреждения. Когда оставшиеся на борту люди занялись мелкими починками, а одну из шлюпок отправили на поиски другого прохода, который позволил бы кораблям выходить из бухты при любом направлении ветра, Бугенвиль узнал, что трое островитян были убиты или ранены в своих хижинах ударами штыка и охваченные тревогой туземцы убежали внутрь страны.

Несмотря на грозившую кораблям опасность, капитан немедленно съехал на берег и приказал заковать предполагаемых виновников преступления, которые могли восстановить против французов все население острова. Благодаря этой быстрой и строгой мере туземцы успокоились, и ночь прошла без каких-либо происшествий.

Впрочем, больше всего тревожило Бугенвиля другое. При первой возможности он вернулся к себе на корабль. Во время сильного ливня, сопровождавшегося шквалами, крутыми волнами и грозой, оба корабля могли быть выброшены на берег, если бы чрезвычайно кстати не поднялся ветер с суши. Якорные канаты оборвались, и корабли чуть не снесло на рифы, где они неминуемо разбились бы. К счастью, судно «Этуаль» сразу смогло выйти в открытое море; вскоре то же самое удалось сделать и «Будёз», оставившему на этом открытом рейде шесть якорей, которые могли бы ему весьма пригодиться во время дальнейшего плавания.

Заметив приготовления французских моряков к отплытию, островитяне являлись толпами, принося с собой всякого рода провизию. Один туземец, по имени Аотуру, попросил разрешения сопровождать Бугенвиля, и тот в конце концов согласился. Прибыв в Европу, Аотуру провел одиннадцать месяцев в Париже, где ему был оказан в лучшем обществе самый горячий и доброжелательный прием. В 1770 году, когда Аотуру захотел вернуться на родину, правительство, воспользовавшись оказией, доставило его на Иль-де-Франс (остров Маврикий из группы Маскаренских островов). С наступлением подходящего времени года Аотуру должны были отправить на Таити, но он умер на острове Иль-де-Франс, так и не доставив на родину множество предметов первой

необходимости, семян и домашних животных, которыми его снабдило французское правительство.

Остров Таити, названный Бугенвилем из-за красоты его женщин Новая Кифера¹, является самым большим в группе островов Общества. Хотя, как рассказывалось выше, его уже посетил Уоллис, все же мы приведем кое-какие сведения, заимствованные у Бугенвиля.

Основными естественными богатствами в то время были кокосовые орехи, бананы, плоды хлебного дерева, ямс², сахарный тростник и др. Коммерсон, натуралист, находившийся на «Этуаль», обнаружил на Таити растения, характерные для Индии. Из четвероногих животных имелись только свиньи, собаки и водившиеся в несметном количестве крысы.

«Климат настолько здоровый, — пишет Бугенвиль, — что, несмотря на тяжелые работы, которыми нашим людям пришлось заниматься, находясь постоянно в воде и под жгучими лучами солнца, несмотря на то, что они спали на голой земле и под открытым небом, никто не заболел. Больные цингой, свезенные нами на берег и не проводившие там спокойно ни одной ночи, за очень короткий срок восстановили свои силы и стали поправляться, так что некоторые из них, уже будучи на корабле, окончательно выздоровели. Впрочем, хорошее состояние здоровья и физическая сила островитян, живущих в домах, открытых всем ветрам, и спящих на голой земле, едва прикрытой тонким слоем листвы, счастливая старость, до которой островитяне доживают, ничем не хвораая, тонкость всех их чувств и исключительная красота зубов, сохраняемых до самого преклонного возраста, — все это является наилучшим доказательством здорового климата и благодетельных результатов образа жизни островитян!»

Жители Таити, по-видимому, обладали мягким и добродушным характером. У них как будто не бывает междоусобных войн, хотя страна и разделена на мелкие области, вожди которых не зависят друг от друга, но они часто ведут войны с жителями соседних островов. Не удовлетворяясь убийством мужчин и детей

¹ В древности остров К и ф е р а (теперь Китира), расположенный у входа в Лаконский залив (на юго-востоке полуострова Пелопоннес), славился культом эллинской богини красоты — Афродиты.

² Я м с (или иньям) — многолетнее, большей частью выщеее растение со съедобными клубнями, богатыми крахмалом, широко распространенное в тропической зоне, особенно в Океании и Индонезии. Некоторые сорта содержат летучий яд. При варке или печении иньяма он исчезает.

мужского пола, захваченных с оружием в руках, они отрезают у мертвых врагов кожу подбородка вместе с бородой и бережно сохраняют эти отвратительные трофеи. Относительно религии и обрядов таитян Бугенвилю удалось составить себе лишь самое смутное представление. Он смог, однако, установить, что они поклоняются мертвым и долго хранят трупы на открытом воздухе на своеобразном помосте, защищенном навесом. Несмотря на зловоние, исходящее от разлагающихся трупов, женщины часть дня проводят по соседству с этими сооружениями и оплакивают покойников, орошая слезами и окропляя кокосовым маслом останки любимых людей.

Земля приносит такие обильные урожаи, а уход за полезными растениями требует так мало труда, что и мужчины и женщины живут почти в полной праздности. Не приходится поэтому удивляться тому вниманию, которое они уделяют заботам о том, чтобы нравиться. Танцы, пение, длинные беседы, во время которых царит самое непринужденное веселье, развили у таитян переменчивость настроений и легкомыслие, приводившее в изумление даже французов — народ, не считающийся особенно серьезным, без сомнения, потому, что он живет, веселее и остроумнее тех, кто упрекает его в недостаточной положительности. Заставить таитян сосредоточиться невозможно. Какой-нибудь пустяк приводит их в изумление, но ничто долго не занимает. Несмотря на легкомыслие, таитяне могли считаться искусными мастерами. Их пироги были построены остроумно и прочно. Крючки и все другие рыболовные принадлежности отличались тонкой работой. Сети походили на наши. Ткани, изготовленные из коры какого-то дерева, были искусно вытканы и окрашены в разные цвета.

Впечатление Бугенвиля, по нашему мнению, можно резюмировать, сказав, что таитяне представляют собой народ «ладзарони»¹.

Шестнадцатого апреля в восемь часов утра Бугенвиль находился примерно в десяти лье к северу от Таити, когда с подветренной стороны он заметил землю. Хотя с виду казалось, что это три отдельных острова, на самом деле то был лишь один. Он назывался, по словам Аотуру, Умаитиа. Командир не счел нужным там остановиться и направился дальше таким курсом, чтобы избежать Пагубных островов; катастрофа, происшедшая с Рогтевеном, диктовала ему необходимость держаться от них подальше.

¹ «Л а д з а р о н и» — здесь: лодырь, бездельник (*ит.*).

Всю вторую половину апреля погода стояла очень хорошая, но почти безветренная.

Третьего мая Бутенвиль приказал держать на остров, незадолго до того замеченный им, и в тот же день вскоре увидел еще несколько островов. Берега самого большого из них повсюду были крутые; в сущности, он представлял собой гору, покрывающую до самой вершины лесом, без долин и без низменной прибрежной полосы. Французские моряки видели несколько костров, хижины, построенные в тени кокосовых пальм, и человек тридцать островитян, бежавших вдоль берега моря.

Вечером к кораблям приблизились пироги; некоторое время туземцы, совершенно естественно, держались нерешительно, затем начался обмен. За кокосовые орехи, ямс и за ткани, менее красивые, чем на Таити, островитяне требовали красное сукно и с презрением отказывались от железа, гвоздей и серег, которые пользовались таким успехом на архипелаге Бурбон (так назвал Бутенвиль Таити и соседние с ним острова). Туземцы красили грудь и бедра до колен в темно-синий цвет; бороды у них не было, а волосы они зачесывали вверх в пучки, укрепленные на макушке.

На следующий день обнаружили еще острова, принадлежавшие к тому же архипелагу. Их жители, по виду довольно свирепые, ни за что не хотели приблизиться к кораблям.

«Долгота этих островов, — говорится в отчете о путешествии, — почти совпадает с данными Абея Тасмана о положении островов Амстердам, Роттердам, Пильстарт, Принца Вильгельма и банок Флемскерк. Это вроде бы определяет Соломоновы острова. Впрочем, виденные нами в открытом море пироги, плывшие к югу, служили, по всей вероятности, указанием на то, что в том направлении имелись и другие острова. Таким образом, все эти земли, очевидно, образуют цепь, вытянутую вдоль одного и того же меридиана. Острова, входящие в состав этого архипелага Мореплавателей (Самоа), расположены на 14° южной широты между 171° и 172° долготы к западу от Парижа».

По мере истощения запасов свежей провизии снова стала появляться цинга. Необходимо было опять сделать остановку. 22 мая и в последующие дни заметили острова Троицы, Аврора и Прокаженных, входящие в состав архипелага Новые Гебриды и открытые Киросом в 1606 году. Так как высадка казалась нетрудной, Бутенвиль решил послать на берег группу моряков за

кокосовыми орехами и другими противоязвотными фруктами. Днем командир присоединился к своим людям. Матросы рубили лес, а туземцы помогали его грузить. Несмотря на видимость добрых отношений, они не утратили своей недоверчивости и держали оружие под рукой; те же, кто его не имел, запаслись большими камнями и были готовы в любое время пустить их в ход. Когда дрова и фрукты доставили в шлюпки, Бугенвиль приказал всем своим людям погрузиться. В ту же минуту многочисленная толпа туземцев, приблизившись, выпустила тучу стрел, копий и сагаи;¹ некоторые из островитян вошли даже в воду, чтобы лучше прицелиться. Отдельные ружейные выстрелы в воздух не произвели никакого действия, и лишь мощный залп обратил туземцев в бегство.

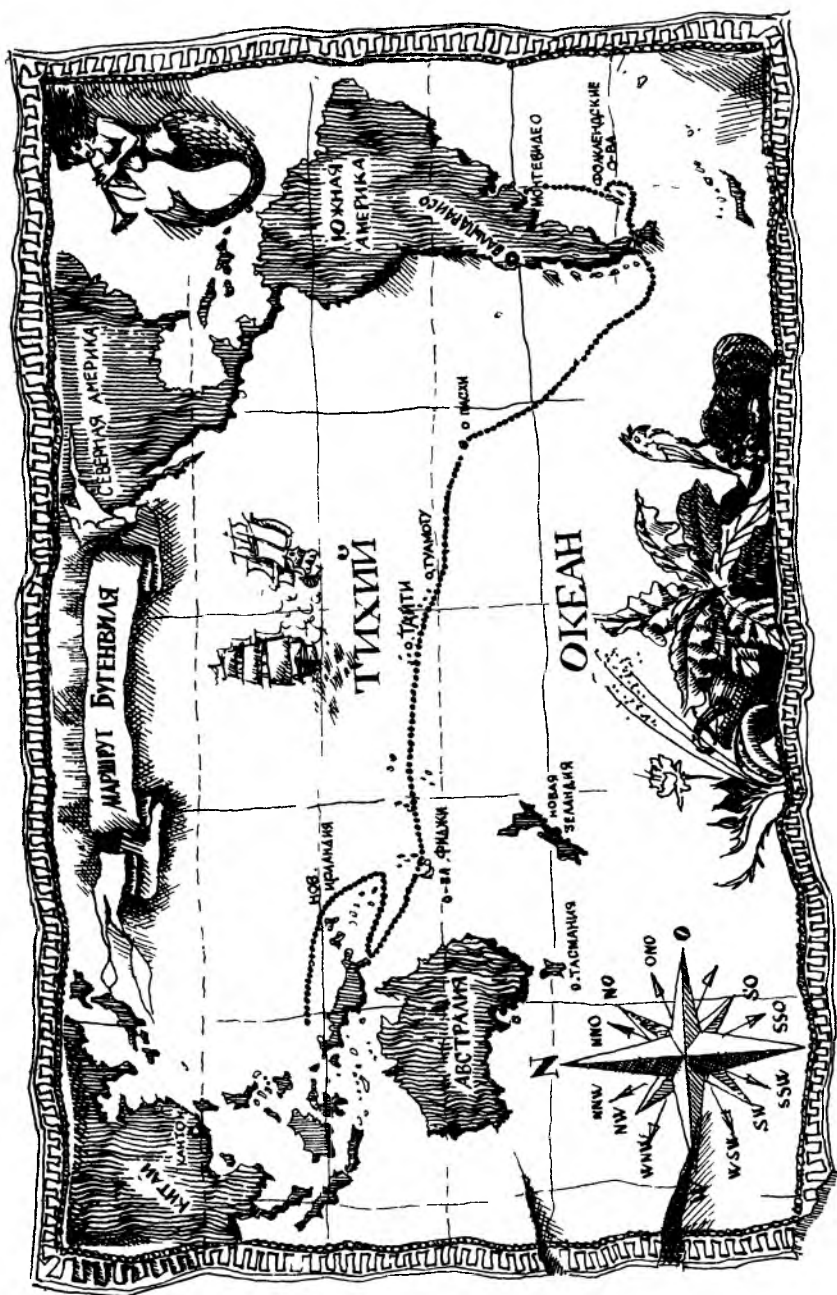
Несколькими днями позже французы, отправившиеся в шлюпке на поиски стоянки у берегов острова Прокаженных, подверглись нападению. Две посланные островитянами стрелы послужили предлогом для первого залпа, за которым последовала ожесточенная стрельба, заставившая Бугенвиля подумать, что шлюпке угрожает большая опасность. Число жертв оказалось значительным; в лесу, куда убежали островитяне, слышались их отчаянные крики. Это было настоящее избиение. Командир, сильно обеспокоенный столь длительной ружейной стрельбой, собирался послать еще одну шлюпку на помощь первой, как вдруг увидел, что та огибает мыс. Он немедленно дал шлюпке сигнал вернуться. «Я принял, — пишет Бугенвиль, — меры к тому, чтобы мы больше не бесчестили себя, злоупотребляя подобным образом превосходством наших сил».

На какие грустные мысли наводит легкость, с которой все мореплаватели злоупотребляют своей силой! Эта мания разрушения, беспричинная, не обусловленная необходимостью, даже бесцельная, не вызывает ли она только негодование? К какой бы нации ни принадлежали путешественники, все они, как мы видим, вели себя одинаково. Значит, упреки в жестокости надо относить не к какому-то конкретному народу, но ко всему человечеству.

Пополнив запасы, Бугенвиль снова вышел в море.

Можно подумать, что этот мореплаватель стремился главным образом к тому, чтобы сделать побольше новых открытий, так как обнаруженные им острова он исследовал очень поверхностно;

¹ Сагаи (правильно: «заге») — разновидность дротика у первобытных народов.

среди всех довольно многочисленных карт, приложенных к отчету о его путешествии, нет ни одной, которая охватывала бы какой-нибудь архипелаг в целом, разрешала бы различные проблемы и тем самым способствовала бы новым открытиям. Не так будет поступать капитан Кук. Его исследования, всегда проводившиеся очень тщательно, с редкой настойчивостью, уже по одному этому намного превосходили исследования французского мореплавателя.

Земли, обнаруженные французами, представляли собой не что иное, как острова Эшпириту-Санту и Маликоло (Малекула) с примыкающими к ним островками. Хотя Бугенвиль прекрасно знал о тождественности этого архипелага с Землей Святого Духа (Эшпириту-Санту) Кироса, тем не менее он не смог удержаться от того, чтобы не дать им новое название «Большие Киклады»; впоследствии ему предпочли название «Новые Гебриды».

«Я охотно допускаю, — пишет Бугенвиль, — что северную часть именно этого архипелага видел Рогтевен на одиннадцатой параллели и назвал ее Тинховен и Гронинген. Для нас, когда мы там высадились, было совершенно ясно, что мы находимся на южных островах — Южная земля Святого Духа. Все приметы совпадали с рассказом Кироса, и виденное нами с каждым днем все сильнее побуждало нас к дальнейшим исследованиям. Весьма странно, что точно на той же широте и на такой же долготе, где Кирос поместил большой залив Сантьяго и Св. Филиппа, на берегу, который с первого взгляда казался принадлежащим континенту, мы обнаружили пролив точно такой ширины, которую указал Кирос для входа в свой залив. Неужели испанский мореплаватель обладал плохим зрением? Или он хотел замаскировать свои открытия? Правы ли были географы, отождествлявшие остров Эшпириту-Санту с Новой Гвинеей? Для решения проблемы необходимо было двигаться вдоль одной и той же параллели свыше 350 лье. Я на это решился, хотя состояние и количество имевшегося в нашем распоряжении продовольствия диктовали нам необходимость как можно скорее идти к какому-нибудь европейскому поселению. Из дальнейшего будет ясно, что мы едва не стали жертвой своего упорства».

Во время пребывания Бугенвиля в этих местах дела заставили его посетить сопутствовавший ему корабль «Этуаль», и он смог удостовериться в необычайном факте, уже некоторое время служившем предметом разговоров всей команды. У натуралиста

Коммерсона был слуга по фамилии Барре. Неумолимый, толковый, ставший уже опытным ботаником, Барре принимал участие во всех сборах гербариев, носил коробки, продовольствие, оружие и папки для растений; он проявлял такое усердие, что ботаник дал ему прозвище «вьючное животное». Однако с некоторых пор пошли слухи, что Барре был женщиной. Лишенное всякой растительности лицо, тембр голоса, сдержанность поведения и некоторые другие признаки, по-видимому, подтверждали это предположение; случай, происшедший на Таити, превратил подозрение в уверенность.

Коммерсон отправился на берег для сбора гербария, и, как обычно, его сопровождал Барре с коробками. Вдруг Барре окружили туземцы; они кричали, что это женщина. Лейтенанту Бурнану стоило невероятных усилий вырвать «его» из рук туземцев и благополучно довести до шлюпки.

На «Этуаль» Бугенвиль выслушал признание Барре. Вся в слезах, помощница ботаника сообщила, что она действительно женщина, и попросила прощения за то, что обманула своего хозяина, явившись в последний момент перед отплытием в мужской одежде. Оставшись сиротой, разоренная судебной тяжбой, девушка переделалась мужчиной, чтобы заставить себя уважать. Садясь на корабль, она знала, конечно, что тот отправляется в кругосветное плавание, и такая перспектива не только не утратила ее, но лишь укрепила в принятом решении.

«Это будет первая женщина, которая совершит кругосветное путешествие, — пишет Бугенвиль, — и я должен отдать ей справедливость, что она вела себя на корабле всегда исключительно благоразумно. Она не красавица, но и не урод, и ей не больше двадцати шести или двадцати семи лет...»

Двадцать девятого мая земля исчезла из виду. Корабли шли курсом на запад. 4 июня на 15°50' южной широты и 148°10' восточной долготы заметили очень опасный риф, столь мало выступавший над водой, что на расстоянии двух миль его нельзя было увидеть с верхушки мачт. Длинная полоса бурунов, множество древесных стволов, плодов и водорослей, отсутствие волнения на море — все это указывало на близость какой-то большой земли на юго-востоке. То была Новая Голландия¹.

¹ Название «Новая Голландия» дано было Австралийскому матерiku после путешествия Тасмана и удерживалось до середины XIX века, когда оно было вытеснено современным наименованием — Австралия.

Тогда Бугенвиль решил уйти из опасных мест, где море было усеяно рифами и мелями и где он мог встретить лишь бесплодные берега. Еще одна причина заставила его изменить курс: запасы провизии подходили к концу, солонина протухла, и моряки предпочитали питаться крысами, которых им удавалось поймать. Сухарей оставалось всего на два месяца, а овощей — на сорок дней. Все говорило о необходимости направиться к северу.

К несчастью, южный ветер стих, а когда он снова задул, корабли были на волосок от гибели. 10 июня на севере увидели землю. Это был берег большого залива на одном из островов, принадлежавших к архипелагу Луизиана. Залив был так красив, что моряки присвоили ему наименование «Оранжевый тупик». Вдоль берега моря тянулась низменность, поросшая деревьями и кустами, благоуханные запахи которых доходили до кораблей; равнина поднималась амфитеатром к горам; их вершины терялись в облаках.

Вскоре выяснилось, что пристать к этой богатой, плодородной земле невозможно, так же как и отыскать проход, отделяющий ее на западе от Новой Гвинеи, пройдя которым можно было бы быстро достигнуть Молуккских островов. Существовал ли, впрочем, проход? Это казалось чрезвычайно сомнительным, так как земля, по-видимому, тянулась далеко на запад. Следовало как можно скорей исправить допущенную оплошность и выбраться из залива.

Но желать — еще не значит осуществить. Вплоть до 21 июня оба корабля тщетно пытались уйти на восток от берега, окруженного рифами и бурунами, к которому ветер и течения старались их отнести. Туман и дождь усугубляли тяжесть положения, и на «Будёз» приходилось время от времени стрелять из пушки, чтобы не разлучиться с «Этуаль». Лишь только ветер менял направление, Бугенвиль тотчас же пользовался случаем, чтобы отойти подальше от опасного берега; но вскоре ветер опять начал дуть с востока-юго-востока, и все, что удавалось выиграть, снова терялось. Во время этого изнурительного лавирования пришлось уменьшить рацион сухарей и овощей, запретить под угрозой серьезных наказаний употреблять в пищу старые кожи и пожертвовать последней, оставшейся на борту козой.

Читателю, спокойно сидящему у своего камина, трудно даже представить, с какими тревогами было сопряжено плавание по неведомым морям, когда со всех сторон угрожала внезапная

встреча с рифами и бурунами, а ветры были противные, течения неизвестны и туман скрывал от взора опасности.

Только 26 июня удалось обогнуть с востока острова Луизиады. Теперь можно было взять курс на север-северо-восток.

Двумя днями позже, после того как было пройдено примерно шестьдесят лье к северу, впереди заметили несколько островов. По мнению Бугенвиля, они принадлежали к архипелагу Луизиада; но большинство географов считает, что то были Соломоновы острова. Ни Картерету, видевшему их годом раньше, ни французскому мореплавателю не пришло даже в голову, что они вновь открыли этот потерянный архипелаг.

Вскоре множество пирог без балансиров окружили оба корабля. В пирогах находились люди, черные, как африканские негры, с длинными рыжими курчавыми волосами. Вооруженные сагаи, они испускали громкие крики и проявляли не слишком мирные намерения. Впрочем, от мысли пристать к земле пришлось отказаться. Повсюду волны с силой разбивались о берег, и прибрежная полоса была такая узкая, что казалось, будто ее совершенно не существует.

Окруженный со всех сторон островами, окутанный густым туманом, Бугенвиль, руководствуясь скорее чутьем, вошел в пролив шириной в четыре-пять лье, где море оказалось до того бурным, что на «Этуаль» пришлось задрать люки. На восточном берегу пролива французские моряки увидели красивую бухту, обещающую хорошую якорную стоянку. Послали шлюпки для промеров. Пока они занимались этой работой, к ним приблизилось с десяток пирог, на которых находилось, вероятно, человек полтора-два туземцев, со щитами, копьями и луками. Вскоре пироги разделились на два отряда и стали окружать шлюпки французов. Как только островитяне подошли на достаточно близкое расстояние, туча стрел и дротиков полетела в шлюпки. Первый ружейный залп не произвел никакого впечатления. Потребовался еще один, чтобы обратить нападающих в бегство. Французские моряки захватили две пироги, экипаж которых бросился в море. Длинные, искусно сделанные, эти пироги были украшены на носу резным изображением человеческой головы с глазами из перламутра, черепаховыми ушами и окрашенными в красный цвет губами. Нападение произошло в устье потока, получившего название реки Воинов, а сам остров назвали Шуазель — в честь французского министра иностранных дел.

При выходе из пролива моряки увидели новую землю; это был остров, также названный Бугенвиль; его северная оконечность, мыс Лаверди, по-видимому, примыкает к острову Бука. На последнем, виденном в предыдущем году Картеретом и названном им Уинчилси, жило, вероятно, очень много народа, если судить по количеству имевшихся на нем хижин. Туземцы, которых Бугенвиль называет неграми, — без сомнения, в отличие от полинезийцев и малайцев, — были, конечно, папуасами¹, принадлежащими к той же расе, что и обитатели Новой Гвинеи. Короткие курчавые волосы они красили в красный цвет; их зубы от бетеля², который они постоянно жевали, были также красные. Берег, поросший кокосовыми пальмами и другими деревьями, сулил изобилие свежей провизии; однако противные ветры и течения быстро увлекли оба корабля в открытое море.

Шестого июля Бугенвиль бросил якорь у южного берега Новой Ирландии, открытой Схоутеном, в бухте Прален — в том самом месте, где останавливался Картерет.

«Мы отправили на сушу пустые бочки, — сообщается в отчете, — разбили несколько палаток и приступили к наливу воды, заготовке дров и стирке белья — во всем этом мы испытывали крайнюю необходимость. Место высадки было великолепное: тонкий песок без единого камешка, никакого прибоя; в глубине бухты на протяжении четырехсот шагов в нее впадали четыре ручья. Три из них мы использовали: в одном набирали воду для „Будёз“, во втором — для „Этуаль“, третий предназначался для стирки. В лесу, тянувшемся вдоль самого моря, росли деревья разных пород; все они могли служить очень хорошим топливом, некоторые являлись прекрасным материалом для плотничьих и столярных поделок и даже для токарных работ. Оба корабля находились на расстоянии человеческого голоса один от другого и от берега. К тому же окрестности бухты были необитаемы, так что мы могли наслаждаться полным спокойствием и свободой. Не

¹ Автор неправильно называет меланезийцев Соломоновых островов папуасами. Меланезийцы и папуасы — родственные народы, но относятся к разным антропологическим группам австралийской расы.

² Б е т е л ь — небольшой вьющийся кустарник из семейства перечных. Родина его — тропическая Азия. Пряные и острые на вкус листья бетеля вместе с кусочками семян арековой пальмы и небольшим количеством извести используются для жевания. При жевании бетеля, оказывающего возбуждающее действие на нервную систему, происходит выделение слюны, которая, как и полость рта, окрашивается в кроваво-красный цвет.

приходилось и желать более безопасной якорной стоянки и более удобного места для пополнения запасов воды и дров, для различных, крайне необходимых, починок кораблей, а также для того, чтобы дать возможность нашим больным цингой бродить по лесам, где им вздумается. Таковы были преимущества этой стоянки; имелись и свои недостатки. Несмотря на предпринятые поиски, не удалось обнаружить ни кокосовых орехов, ни бананов, ни каких-либо других продуктов, которые можно получить в населенных местах по доброй воле их жителей или путем применения силы. Так как рыба ловилась плохо, то мы могли рассчитывать здесь лишь на спокойный отдых. Приходилось поэтому опасаться, что больные не смогут поправиться. Правда, тяжелобольных у нас не было, но у многих начиналась цинга, и, если бы их состояние сейчас не улучшилось, болезнь стала бы быстро прогрессировать».

Прошло лишь несколько дней со времени прибытия французских моряков, когда один из матросов нашел кусок свинцовой пластинки, на которой удалось прочесть часть надписи на английском языке. Это дало возможность без труда обнаружить место, где в предыдущем году разбил свой лагерь Картерет.

Для охотников страна давала довольно жалкую поживу. Они обнаружили несколько кабанов или одичавших свиней, но убить их не удалось. Зато они подстрелили исключительно красивых голубей с серовато-белым брюшком и зеленовато-золотистым оперением, горлиц, вдовушек, попугаев и какую-то птицу из семейства ворон, крик которой в точности походил на собачий лай. Деревья попадались высокие и великолепные; там росли бетель, арековая пальма, тростник, перечник и т. д.

Болотистые леса кишели вредными насекомыми, змеями и множеством других ядовитых тварей. К несчастью, они водились не только на суше. Одного матроса, разыскивавшего «молоточки» — очень редко встречающихся двухстворчатых моллюсков, укусила какая-то змея. После пяти-шести часов ужасных страданий и невероятных судорог боль утихла, и в конце концов противоядие, которое ему дали после укуса, поставило его на ноги. Это происшествие значительно охладило рвение любителей ракушек.

Двадцать второго июля после сильной бури французские моряки на кораблях ощутили подземные толчки; море несколько раз подряд поднималось и опускалось, что чуть не насмерть испугало ловивших рыбу матросов. Несмотря на дожди и грозы, не-

прерывно следовавшие одна за другой в течение всех этих дней, группы моряков отправлялись на поиски латаний и капустных пальм и горлиц. Уходя, всегда надеялись на колоссальную добычу, но возвращались чаще всего с пустыми руками и лишь промокшие до костей. Невдалеке от стоянки можно было наблюдать природную диковинку, в тысячу раз превосходившую по красоте все чудеса, изобретенные для украшения королевских дворцов. Каждый день туда ходили многочисленные зрители, не уставшие любоваться изумительной картиной.

«Это был водопад. Описать его невозможно. Чтобы дать представление о всей его красоте, нужно было бы воспроизвести на полотне сверкающие краски воды, освещенной солнцем, прозрачные тени тропических деревьев, выступавших из самой воды, и фантастическую игру света на фоне грандиозного пейзажа, еще не оскверненного рукою человека».

Как только погода переменилась, корабли покинули бухту Праден и до 3 августа продолжали двигаться вдоль берегов Новой Британии. По дороге на «Этуаль» напало множество пирог, и французы оказались вынужденными в ответ на камни и стрелы сделать несколько ружейных выстрелов, которые обратили нападающих в бегство. 4 августа опознали острова, названные Дампиром Метьюз (Сент-Маттиас) и Сторм (Гроза). Через три дня увидели острова Эрмит (Отшельников), получившие такое название по той причине, что множество пирог, занятых рыбной ловлей, не сдвинулись с места при виде «Этуаль» и «Будёз», пренебрежительно отказавшись вступить в какие-либо сношения с чужеземцами.

Миновав ряд полузатопленных островков, у берегов которых корабли чуть не потерпели крушение и которые Бугенвиль назвал Л'Эшикье, французские моряки очутились в виду Новой Гвинеи. Возвышенный и гористый остров тянулся к западу-северо-западу. 12 августа был обнаружен большой залив; однако течение, до тех пор шедшее навстречу, изменило направление — и корабли были отнесены далеко от залива. Местонахождение этого залива можно определить, будучи еще в открытом море на расстоянии свыше двадцати лье, по двум гигантским часовым — горе Циклоп [(2160 м) — самой высокой точке на северном побережье Новой Гвинеи между заливами Гелвинк и Астролябия]* — и горе Бугенвиль (1200 м)*.

Затем обнаружили острова Аримоа, из которых самый большой простирается всего лишь на четыре мили; но непогода и те-

чения вынудили корабли держаться открытого моря и прекратить всякие исследования. Необходимо было, однако, приблизиться к земле, чтобы не допустить какой-нибудь непоправимой ошибки и не прозевать узкого пролива, ведущего в Индийский океан. Один за другим миновали острова Миспулу и Вайгео; последний расположен у северо-восточной оконечности Новой Гвинеи.

«Будёз» и «Этуаль» благополучно прошли пролив Французов¹, давший возможность кораблям выбраться из этого хаоса островков и скал. Теперь Бугенвиль очутился у Молуккских островов, где рассчитывал найти свежую провизию, необходимую для сорока пяти цинготных больных, имевшихся на борту.

Находясь в полном неведении относительно событий, которые произошли в Европе со времени его отплытия, Бугенвиль не хотел подвергаться риску, пристав у какого-нибудь европейского поселения, где он мог наткнуться на превосходящие силы. Маленькая фактория, основанная голландцами на острове Буру, вполне подходила для его целей, тем более что там было легко раздобыть свежие продукты. К великой радости экипажа, командир отдал приказ войти в залив Каели. На борту не оставалось ни одного человека, не пораженного в той или иной степени цингой, а половина команды, по словам Бугенвиля, находилась в таком состоянии, что не могла исполнять свои обязанности.

«Оставшиеся у нас продукты протухли, и от них шел сильный запах гнили, так что самыми тяжелыми моментами в эти печальные дни были те, когда колокол призывал к приему отвратительной, вредной для здоровья пищи. При таких обстоятельствах очаровательный ландшафт островов Буру казался нам еще более прекрасным! Начиная со середины ночи мы уже ощущали в море за несколько лье от берега приятный запах ароматных растений, произрастающих на Молуккских островах; он казался нам предвестником, возвещающим конец наших злоключений. Вид довольно большого поселения, расположенного в глубине залива, стоящих на якоре кораблей, домашнего скота, пасущегося в окружающих поселение лугах, вызвал всеобщий восторг, который, конечно, разделял и я; описать его я не в силах».

Едва «Будёз» и «Этуаль» бросили якорь, управляющий факторией прислал двух солдат, чтобы осведомиться у командира

¹ Сейчас этот пролив носит имя Бугенвиля.

французских кораблей, какая причина заставила его здесь пристать, хотя ему должно было быть известно, что заход сюда разрешен только судам Ост-Индской компании. Бугенвиль немедленно направил к нему офицера с поручением разъяснить, что он вынужден был зайти в первую попавшуюся гавань из-за голода и цинги. К тому же они покинут Буру, как только им будет оказана помощь, в которой они ощущают крайнюю необходимость и о которой умоляют во имя человечности. Тогда голландский резидент послал Бугенвилю приказ губернатора Амбона, категорически запрещающий ему допускать в гавань какое-либо иностранное судно, и попросил изложить в письменном виде причины захода французских кораблей, чтобы он мог доказать своему начальству, что лишь крайняя необходимость заставила его нарушить приказ.

Когда Бугенвиль подписал требуемый документ, с голландцами сразу же установились самые сердечные отношения. Резидент предложил высшим офицерам обоих кораблей столоваться у него, и был заключен договор на поставку свежего мяса. Вместо хлеба французские моряки получили рис — обычную пищу голландцев; свежие овощи, выращивание которых не так уж распространено на этом острове, были им доставлены резидентом с огородов компании. Конечно, для того чтобы больные поправились, следовало подольше задержаться на этой стоянке, но приближение к концу периода восточного муссона заставило Бугенвиля поспешить в Батавию.

Седьмого сентября он покинул Буру, убежденный, что плавание в этом архипелаге не так опасно, как расписывали голландцы. О том, чтобы положиться на французские карты, не приходилось и думать; скорее они могли привести к гибели, чем служить руководством. Итак, Бугенвиль направился через проливы Бутунг и Салаяр. Этот путь, излюбленный голландцами, был мало известен другим народам. Поэтому в отчете Бугенвиль подробнейшим образом описывает свое плавание от одного мыса до другого. Мы не станем останавливаться на этой части путешествия, хотя она и очень поучительна; но именно поэтому она может интересовать лишь профессиональных моряков.

Двадцать восьмого сентября, через десять с половиной месяцев после выхода из Монтевидео, «Этуаль» и «Будёз» прибыли в Батавию, одну из прекраснейших колоний в мире. Можно сказать, что теперь путешествие окончилось. Посетив Иль-де-Франс, мыс Доброй Надежды и остров Вознесения, вблизи которого произо-

шла встреча с Картеретом, Бугенвиль 16 февраля 1769 года вернулся в Сен-Мало, потеряв за два года и четыре месяца, прошедших со времени отплытия из Нанта, всего семь человек.

Дальнейшая карьера этого удачливого мореплавателя не входит в рамки нашего повествования, и мы скажем о ней лишь несколько слов. Он принимал участие в Войне Америки за независимость и в 1781 году с почетом выдержал сражение у Фор-Ройяль на Мартинике. С 1780 года он занимал должность командующего эскадрой. Произведенный в 1792 году в вице-адмиралы, он отказался от высокого назначения, которое считал, по его собственным словам, почетной синекурой¹. Впоследствии Бугенвиль был определен в Бюро долгот и Французскую Академию наук, был возведен в сан сенатора, получил от Наполеона I титул графа и умер 31 августа 1811 года, отягощенный годами и почестями.

Имя Бугенвиля приобрело популярность, так как он был первым французом, совершившим кругосветное плавание. Хотя ему принадлежит заслуга открытия и описания — но не исследования — нескольких ранее не известных или малоизвестных архипелагов, все же можно утверждать, что своей славой он обязан скорее красоте, легкости и живости рассказа о проделанном им путешествии, нежели научным трудам. Бугенвиль более известен, чем многие другие французские мореплаватели, его соперники, но это объясняется не тем, что он имел больше заслуг, а лишь тем, что описанием своих приключений он очаровывал современников.

Что касается Гюйо-Дюкло, которому Бугенвиль был во многом обязан успешным исходом плавания, то из-за своей второстепенной роли в экспедиции и низкого происхождения он не удостоился никаких наград. Правда, впоследствии он получил орден Святого Людовика, но заслужил его спасением корабля «Бель-Пуль». Хотя он родился в 1722 году и плывал в море с двенадцатилетнего возраста, в 1791 году он все еще был лейтенантом. И только приход к власти министров, преисполненных новым духом, помог тому, что Гюйо-Дюкло получил наконец чин капитана 1-го ранга — запоздалое признание долголетней безупречной службы. Он умер в Сен-Серване (неподалеку от Сен-Мало) 10 марта 1794 года.

¹ Синекура — хорошо оплачиваемая должность, не требующая никакого труда.

Глава третья

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА КУКА

I

Начало морской карьеры Кука. — Командование кораблем «Индевер». — Огненная Земля. — Открытие нескольких островов архипелага Туамоту. — Прибытие на Таити. — Нравы и обычаи жителей. — Исследование островов Общества. — Прибытие в Новую Зеландию. — Встречи с туземцами. — Открытие пролива Кука. — Плавание вокруг Северного и Южного островов Новой Зеландии. — Нравы жителей и естественные богатства страны.

Когда дело идет о биографии знаменитого человека, не следует пренебрегать ни одним мелким фактом, не представляющим интереса в рассказе о жизни заурядных людей. Эти факты приобретают особую важность, так как часто в них можно обнаружить намеки на призвание, о котором сам великий человек еще не подозревал; кроме того, они всегда проливают яркий свет на характер описываемого героя. Поэтому мы несколько подробнее остановимся на скромных первых шагах одного из самых прославленных мореплавателей, являющегося гордостью Англии. Джемс¹ Кук родился 27 октября 1728 года в деревушке Мортон (Северный Йоркшир). Он был девятым ребенком батрака. Едва достигнув семилетнего возраста, маленький Джемс помогал отцу в тяжелой работе на ферме Эйри-Холм неподалеку от поселка Грейт-Эйтон. Его ловкость и усердие к работе привлекли внимание владельца фермы, который научил мальчика читать. Затем, когда Джемсу исполнилось тринадцать лет, его отдали в ученики к Уильяму Сандерсону, владельцу галантерейной лавки в небольшом, но довольно оживленном портовом городке Стейтсе, населенном преимущественно рыбаками. Сидение за конторкой не могло нравиться молодому Куку, пользовавшемуся каждой свободной минутой для того, чтобы отправиться в порт поболтать с моряками.

С согласия родителей Джемс вскоре покинул галантерейную лавку и поступил юнгой под начальство Джона и Генри Волкерров, чьи суда занимались перевозкой угля у берегов Англии и Ирландии. Юнга, матрос, затем шкипер, Кук быстро освоился со всеми тонкостями новой профессии.

¹ В современной транскрипции это английское имя пишется несколько иначе: Д ж е й м с.

Весной 1755 года, когда начались военные действия между Францией и Англией (Семилетняя война), судно, на котором служил Кук, стояло на якоре в Темзе. Морское ведомство рекрутировало в ту эпоху команды для военного флота путем насильственной вербовки.

Первое время Кук скрывался, но подвижимый, без сомнения, каким-то предчувствием, вскоре завербовался на шестидесятипешечный корабль «Игл» («Орел»), поступивший под командование капитана Хью Паллисера.

Сообразительный, энергичный, знакомый со всеми работами на корабле, Кук с первых же дней был отмечен офицерами, чьи отзывы заставили и командира обратить на него внимание. В это же время последний получил письмо члена парламента от Скарборо, который по настойчивой просьбе всех жителей Грейт-Эйтона горячо рекомендовал ему молодого Кука. Вскоре Кука произвели в боцманы. 15 мая 1759 года его перевели на корабль «Меркьюр» («Меркурий»), направлявшийся в Канаду для усиления эскадры сэра Чарлза Саундерса, который вместе с генералом Уолфом осаждал Квебек.

Во время этой кампании Куку представился первый случай отличиться. Получив задание произвести промеры реки Святого Лаврентия между островом Орлеан и северным берегом реки, он выполнил поручение с большим искусством и смог составить, несмотря на трудности и опасности предприятия, карту фарватера. Эти гидрографические съемки были признаны вполне точными и исчерпывающими, и Кук получил приказ исследовать течение реки ниже Квебека. Он выполнил работу так тщательно и с таким знанием дела, что его карта реки Святого Лаврентия была напечатана английским Адмиралтейством.

После взятия Квебека Кук перешел на корабль «Нортумберленд», находившийся под командованием лорда Колвила, и воспользовался стоянкой у берегов Ньюфаундленда, чтобы заняться изучением астрономии. Вскоре ему поручили важные работы. Он составил план залива Пласеншия (на юго-востоке острова Ньюфаундленд) и произвел съемку берегов островов Сен-Пьер и Микелон. В 1764 году Кука назначили морским инженером Ньюфаундленда и Лабрадора, и в течение трех следующих лет он занимался гидрографическими работами, обратившими на него внимание министерства и послужившими к устранению бесчисленных ошибок на картах Америки. В это же время Кук на-

правил британскому Королевскому обществу доклад о затмении солнца, которое он наблюдал на Ньюфаундленде в 1766 году. Доклад был напечатан в «Философских трудах» общества. Куку недолго пришлось ждать награды за такое множество столь искусно проведенных работ и кропотливых исследований, тем более достойных удивления, что английский моряк не имел почти никакого первоначального образования и приобрел все свои знания без помощи каких-либо учителей.

В то время ученых всего мира волновала чрезвычайно важная научная проблема, связанная с прохождением Венеры перед диском солнца, которое должно было произойти 3 июня 1769 года. Английское правительство, придя к убеждению, что наблюдение над прохождением может дать плодотворные результаты лишь в том случае, если будет произведено в Южном океане, решило направить туда научную экспедицию. Руководить экспедицией предложили знаменитому гидрографу Александру Далримплу, прославившемуся как своими трудами в области астрономии, так и географическими исследованиями в южных морях. Однако выдвигавшиеся им непомерные требования, в частности о присвоении ему звания капитана 1-го ранга, заставили лорда-секретаря Адмиралтейства подыскать для проектируемой экспедиции другого начальника. Его выбор пал на Джемса Кука, кандидатура которого была горячо поддержана Паллисером и который получил вместе с чином лейтенанта назначение командиром барка – парусного трехмачтового судна «Индевер» («Попытка»).

Куку исполнилось тогда сорок лет. Он впервые командовал военным кораблем. Поставленная перед ним задача требовала многообразных качеств, в ту эпоху редко сочетавшихся в одном лице среди офицеров флота. В самом деле, хотя наблюдение за прохождением Венеры являлось главной целью путешествия¹, она была не единственной, и Куку предстояло совершить плавание для открытия новых земель и исследований в Тихом океане. Скромный уроженец Северного Йоркшира оказался на высоте положения.

Пока занимались снаряжением «Индевера», подбирали экипаж из восьмидесяти четырех человек, грузили восемнадцатимесяч-

¹ Наблюдение за прохождением Венеры через диск солнца было лишь ширмой для снаряжения экспедиции. Главной целью плавания было открытие неведомого «Южного материка» и присоединение новых земель к Британской империи

ный запас продовольствия, десять пушек и двенадцать фальконе-тов¹ с необходимым количеством боеприпасов, в Англию вернул-ся из кругосветного плавания капитан Уоллис. Когда к нему об-ратились за советом относительно наиболее благоприятного места для наблюдения за прохождением Венеры, он указал открытый им остров, названный островом Георга III и, как впоследствии стало известно, называвшийся туземцами Таити. Это место и на-значили Куку для проведения наблюдений.

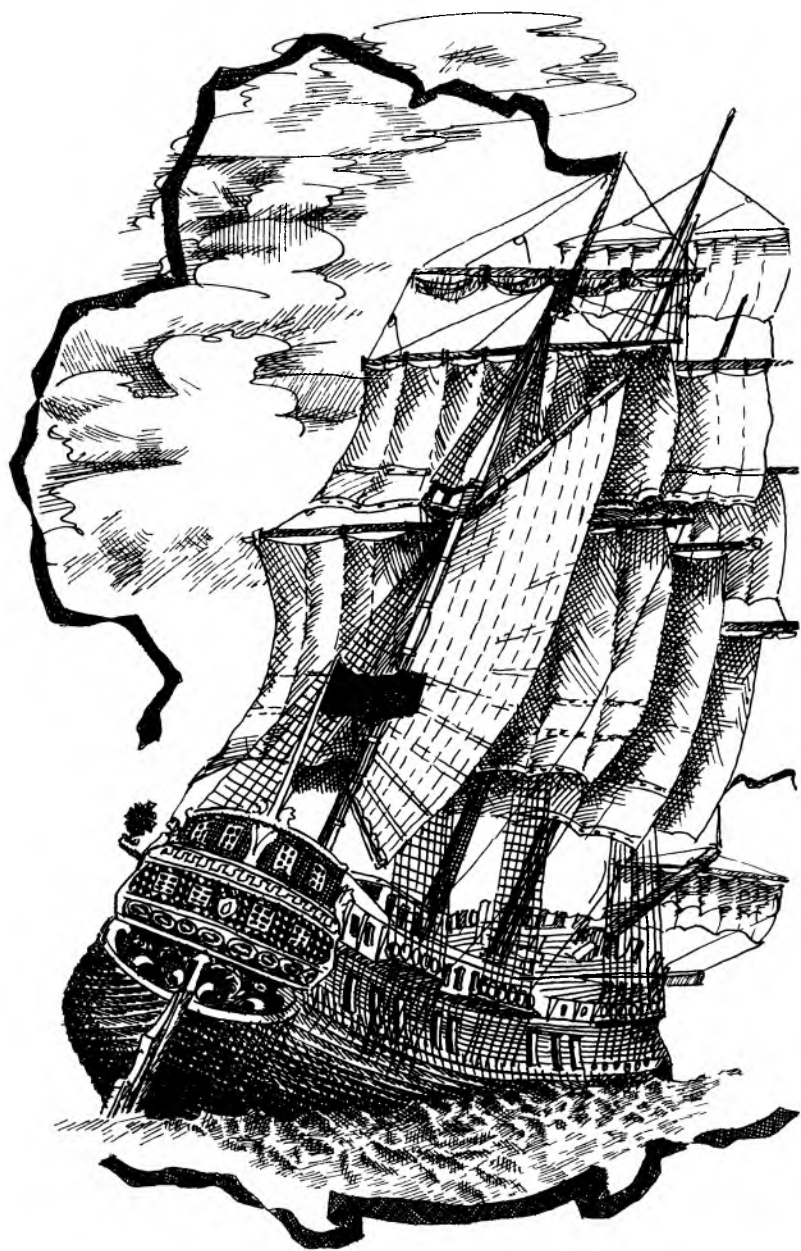
Вместе с Куком отправлялись Чарлз Грин, помощник доктора Бредли из Гринвичской обсерватории, руководитель астрономи-ческих работ экспедиции, доктор Даниель Карл Соландер, швед-ский врач, ученик знаменитого естествоиспытателя Линнея², профессор Британского музея, ведавший ботанической частью, и, наконец, сэр Джозеф Банкс, искавший в путешествиях примене-ния своей энергии и возможности потратить огромное состояние. По окончании Оксфордского университета этот представитель высшего общества побывал на берегах Ньюфаундленда и Лабра-дора и во время путешествия воспылил страстью к ботанике. Те-перь его сопровождали два художника, один — для рисования пейзажей и портретов, второй — для зарисовки естествен-но-научных находок, а также секретарь и четверо слуг, в том числе два негра.

Двадцать шестого августа 1768 года «Индевер» покинул пли-мутскую гавань, а 13 сентября сделал остановку у Фуншала, на острове Мадейра, чтобы взять там свежую провизию и произвести исследования. Экспедиции был оказан самый теплый прием. Во время посещения офицерами «Индевера» женского францискан-ского монастыря бедные невежественные затворницы всерьез просили их предсказать, когда будет гроза, и отыскать во дворе монастыря источник хорошей воды, в которой они нуждались. Несмотря на всю свою ученость, Банкс, Соландер и Кук не смогли удовлетворить эти просьбы.

Плавание от Мадейры до Рио-де-Жанейро, куда экспедиция прибыла 13 ноября, не ознаменовалось никакими событиями; но прием, оказанный португальцами, был не таким, на какой Кук рассчитывал. В течение всей стоянки происходили препирательства

¹ Фальконет — старинное артиллерийское орудие небольшого калибра, стрелявшее ядрами весом от четверти до половины фунта, то есть 100 — 200 гр.

² Линней Карл (1707 — 1778) — шведский натуралист, крупнейший ботаник XVIII века, разработавший принципы классификации растений и животных.

с вице-королем, человеком малообразованным и оказавшимся совершенно не способным понять важное научное значение экспедиции. Однако он не мог отказать в снабжении англичан свежей провизией, которой у них совершенно не оставалось. 5 декабря в тот момент, когда корабль Кука шел мимо форта Санта-Крус, направляясь к выходу из бухты, по нему было произведено два пушечных выстрела. Командир немедленно приказал бросить якорь и потребовал объяснения причин этого оскорбления. Вице-король ответил, что комендант форта имел приказ не пропускать ни одного судна, если оно заблаговременно не предупредит о выходе, и что вице-король, хотя и получил сообщение Кука об отплытии, по оплошности не довел об этом до сведения коменданта. Можно ли считать случившееся проявлением все той же крайней неужобности со стороны вице-короля, или то была простая небрежность?

Четырнадцатого января 1769 года Кук вошел в пролив Ле-Мер.

«Прилив в это время был такой сильный, — говорит Киппис в своей книге „Жизнь капитана Кука“, — что вода заливала мыс Сан-Диего, и корабль, увлекаемый сильным течением, долгое время шел, зарываясь бушпритом в волны. На следующий день бросили якорь в маленькой гавани, по выяснении оказавшейся Порто-Маурисио (Огненная Земля), а немного спустя перешли в бухту Буэн-Сусесо. Во время стоянки в этих местах с Банксом, Соландером, доктором Грином, Монкхаузом, корабельным врачом и сопровождавшими их людьми произошла необыкновенная и малоприятная история. Они пустились в путь к горе на поиски растений; когда они взобрались на нее, их неожиданно застиг такой сильный мороз, что им всем угрожала опасность погибнуть. Доктор Соландер впал в полусонное состояние. Двое слуг-негров умерли на месте. Лишь через два дня оставшиеся в живых добрались до корабля. Они испытывали живейшую радость, понятную лишь тем, кто сам избежал подобного рода опасности, а Кук выразил свое удовольствие, что кончились его волнения по поводу их отсутствия. Это событие показало, насколько суров там климат. Дело происходило в разгаре лета в Южном полушарии, и утро того дня, когда их захватил мороз, было таким теплым, каким обычно бывает май в Англии».

Джемсу Куку удалось также произвести ряд интересных наблюдений над огнеземельцами — обитателями этих обездоленных мест. Лишенные каких бы то ни было жизненных удобств, не

имея одежды, без надежной защиты от бурь, являющихся почти постоянным спутником сурового климата Огненной Земли, без оружия, не зная никаких ремесел, которые дали бы им возможность изготавливать самые необходимые орудия, они влачат жалкую жизнь и лишь с большим трудом могут поддерживать свое существование. Однако из всех предметов, предлагавшихся им в обмен, они предпочитали те, что могли принести наименьшую пользу. Они с радостью брали браслеты и ожерелья, но не обращали внимания на топоры, ножи и рыболовные крючки. Не заботясь о благополучии, которым мы так дорожим, они бесполезное считали необходимым.

Кук мог лишь радоваться тому, что выбрал путь вокруг мыса Горн. В самом деле, на огибание Огненной Земли ему пришлось потратить всего тридцать дней; за это время он прошел пролив Дрейка и очутился в Тихом океане тремя градусами севернее Магелланова пролива. Несомненно, ему понадобилось бы гораздо больше времени на преодоление извилистого фарватера Магелланова пролива. Весьма точные астрономические наблюдения, произведенные Куком совместно с Грином, и составленные первым инструкции для этого опасного плавания облегчили задачу последующих мореплавателей и дали возможность исправить карты Ле-Мера и Схоутена.

Начиная с 21 января, то есть того дня, когда был пройден мыс Горн, и до 1 марта, на протяжении шестисот шестидесяти морских миль, Кук не обнаружил сколько-нибудь заметного течения. Он открыл несколько островов Опасного архипелага (Туамоту). Большая часть из них была обитаема и покрыта растительностью, показавшейся роскошной морякам, в течение трех месяцев привыкшим видеть лишь небо, воду и обледенелые скалы Огненной Земли. В архипелаге Туамоту нашли остров Мехетиа, названный Уоллисом Оснабрюк, а назавтра, 11 июня утром, взорам предстал остров Таити.

Через два дня «Индевер» бросил якорь в бухте Матаваи, которую Уоллис назвал Порт-Ройял и где ему пришлось сражаться с туземцами, победив их, впрочем, без особого труда. Кук, осведомленный о столкновениях, ознаменовавших пребывание на Таити его предшественника, хотел во что бы то ни стало не допустить повторения подобных сцен. Больше того, для успеха его наблюдений было важно избегать всякого рода беспокойств, не отвлекаться никакими заботами. Поэтому он прежде всего прочел

перед всем экипажем правила поведения, за нарушение которых были предусмотрены строжайшие наказания.

С самого начала Кук заявил, что он постарается всеми имеющимися в его распоряжении средствами завоевать дружбу туземцев; затем он назначил людей для закупки необходимой провизии и запретил кому бы то ни было заниматься всякого рода обменом без специального разрешения; наконец, людям, высаженным на берег, запрещалось покидать назначенное им место, а если какой-нибудь мастеровой или солдат допустит, чтобы у него украли инструменты или оружие, не только их стоимость удержат из жалованья, но он подвергнется наказанию, которое будет определяться в зависимости от обстоятельств дела.

Кроме того, чтобы предохранить наблюдателей от всяких нападений, Кук решил построить нечто вроде форта, где они могли бы чувствовать себя в безопасности, находясь под защитой пушек «Индевера». Итак, командир с Банксом, Соландером и Грином высадился на берег, нашел вскоре подходящее место и в присутствии туземцев сразу же отметил границу участка, который собирался занять. Один из островитян, по имени Охо, поддерживавший хорошие отношения с Уоллисом, особенно горячо проявлял свои дружеские чувства. Как только место для постройки форта было выбрано, Кук оставил тринадцать матросов под командой офицера охранять палатки, а сам со своими спутниками направился в глубь страны. Звуки ружейных выстрелов заставили его очень быстро вернуться.

Произошло крайне прискорбное событие, последствия которого могли оказаться очень серьезными.

Один из туземцев, бродивших вокруг палаток, напал врасплох на часового и завладел его ружьем. Немедленно был дан залп по безобидной толпе, но, к счастью, никто не пострадал. Пустившись за вором в погоню, англичане поймали его и убили.

Легко понять, какое это вызвало возбуждение. Чтобы вернуть доверие туземцев, Куку пришлось не поскучиться на обещания; он заплатил за все, что было ему необходимо для постройки форта, и запретил без разрешения островитян даже дотрагиваться до какого-нибудь дерева. Наконец, он велел привязать к мачте и наказать ударами линька мясника «Индевера», угрожавшего смертью жене одного из главных вождей. Принятые меры рассеяли тяжелое впечатление, оставшееся от первой стычки, и, если не считать нескольких мелких краж, совершен-

ных таитянами, отношения установились самые дружественные.

Приближалось, однако, время осуществления главной задачи экспедиции. Кук немедленно приступил к подготовке, чтобы обеспечить выполнение полученных им инструкций. С этой целью он направил часть наблюдателей во главе с Джозефом Банксом на Эймео, один из соседних островов. Четверо других наблюдателей обосновались в удобном пункте, достаточно удаленном от форта, в котором сам Кук предполагал дожидаться момента прохождения планеты; участок берега, где находился форт, сохранил название «мыс Венеры».

Ночь, предшествовавшая наблюдению, прошла в тревоге; всех волновал вопрос о том, будет ли погода благоприятной. Однако 3 июня с самого утра солнце показалось во всем своем великолепии, и в течение всего дня ни одно облачко не помешало наблюдателям.

«Наблюдение было чрезвычайно утомительным для астрономов, — пишет В. де Фонвель в статье, напечатанной в журнале „Nature” („Природа”) от 28 марта 1774 года, — так как оно началось в 9 часов 21 минуту утра и кончилось в 3 часа 10 минут дня, когда стояла удушливая жара. Термометр показывал 120° по Фаренгейту (около 49° по Цельсию). Кук предупреждает — и этому легко поверить, — что под конец он сам не был уверен в точности своих наблюдений. В таких температурных условиях человеческий организм, этот удивительнейший инструмент, всегда обессиливает».

Надвинувшись на солнце, край Венеры вытянулся, как бы под влиянием притяжения светила, и на солнце легло черное пятно. Такое же явление произошло во время второго внутреннего соприкосновения.

«В общем, — сообщает Кук, — наблюдение было произведено одинаково успешно как в форте, так и лицами, направленными мною в восточную часть острова. Начиная с восхода солнца и до самого заката на небе не было ни облачка, и мы, Грин, Соландер и я, могли наблюдать все прохождение Венеры без всяких помех. У меня и у Грина телескопы были одинаковой силы, у доктора Соландера — более мощный. Вокруг всей планеты мы видели атмосферу или светящуюся туманность, уменьшавшую точность определения моментов соприкосновения, в особенности внутреннего, вследствие чего в наших наблюдениях оказалось больше расхождений, чем можно было ожидать».

Пока офицеры и ученые занимались важной работой, несколько человек из команды, взломав двери склада материалов, украли центнер гвоздей. То было серьезное преступление, и его последствия могли оказаться губительными для экспедиции. Рынок внезапно оказался наводненным этим предназначенным для обмена товаром, приобрести который туземцы страстно жаждали, и приходилось опасаться, что теперь островитяне повысят свои требования. Одного из воров обнаружили, но у него нашли только семьдесят гвоздей; и хотя ему отпустили двадцать четыре удара розгами, он не захотел выдать соучастников.

Произошло еще несколько происшествий подобного же рода, но дружеские отношения с населением от них серьезно не пострадали. Офицеры имели возможность совершить ряд экскурсий во внутреннюю часть острова, чтобы составить себе представление о нравах жителей и заняться научными исследованиями. Во время одной из таких экскурсий Джозеф Банкс встретил трупку странствующих музыкантов и импровизаторов. Не без удивления он убедился, что прибытие англичан и различные обстоятельства их жизни на острове стали темой местных песен. Банкс, поднявшись вверх по течению реки, впадающей в бухту Матаваи, проник довольно далеко в глубь страны и обнаружил ряд признаков существования давно угасшего вулкана. Банкс сам посеял и роздал туземцам большое количество семян плодовых растений — арбузов, апельсинов, лимонов и т. п. Кроме того, он велел разбить около форта огород, где посеял купленные в Рио-де-Жанейро семена различных овощей.

Перед тем как покинуть Таити, Кук и его ближайшие сотрудники пожелали совершить путешествие вокруг всего острова, окружность которого они считали равной тридцати лье. Во время этого плавания они вступали в сношения с вождями различных областей и собрали много интересных сведений о нравах и обычаях туземцев.

Один из самых любопытных обычаев состоял в том, что тела мертвецов оставляли разлагаться под открытым небом и зарывали в землю только скелеты. Труп кладут под навес длиной в пятнадцать футов, шириной в одиннадцать и соответственной вышины; с одной стороны это сооружение открыто, а остальные три имеют стены, сплетенные из ветвей. Помост, на котором покоится тело, возвышается над землей примерно на пять футов. Там труп лежит, завернутый в ткани, а рядом — палица и камен-

ный топор, принадлежавшие умершему. У открытого края навеса висит несколько кокосовых орехов в виде четок; снаружи стоит половина скорлупы кокосового ореха, наполненная пресной водой; к столбу подвешен мешок с поджаренными ломтями плодов хлебного дерева. Этот вид надгробного памятника носит название «тупапоу». Как возник столь странный обычай держать покойника на возвышении до тех пор, пока все мясо на нем не истлеет? Выяснить это оказалось невозможно. Кук отметил только, что кладбища, называемые «морай», являются местом, где туземцы собираются для совершения своего рода религиозных обрядов и к которому они всегда приближаются не без страха.

Наиболее лакомым кушанием здесь считается собака. Этих животных, предназначенных для еды, никогда не кормят мясом, а только плодами хлебного дерева, кокосовыми орехами, ямсом и другой растительной пищей. Убитую собаку кладут в яму на раскаленные камни, прикрывают зелеными листьями и горячими камнями, присыпанными сверху землей, и четыре часа мясо тушится; Кук, пробовавший приготовленное таким способом блюдо, нашел его очень вкусным.

Седьмого июля началась подготовка к отплытию. За короткий срок ворота и ограда укрепления были сняты, стены разрушены.

В это время один таитянин, особенно тесно сблизившийся с европейцами, явился на «Индевер» с тринадцатилетним мальчиком, своим слугой. Туземца звали Тупия. Когда-то он был первым министром королевы Обереа¹, а теперь являлся одним из главных жрецов на Таити. Он попросил взять его в Англию. По ряду соображений Кук согласился. Благодаря высокому положению, которое этот туземец раньше занимал, и той роли, которую он играл в настоящее время, Тупия прекрасно знал все, что касалось Таити, и мог сообщить самые подробные сведения о своих соплеменниках, а впоследствии приобщить их к европейской культуре. Наконец, он бывал на соседних островах и хорошо знал условия плавания в окружающих водах.

Тринадцатого июля на палубе «Индевера» собралась огромная толпа. Туземцы пришли попрощаться с английскими друзьями и своим соплеменником Тупия. Одни, объятые сдержанной, тихой печалью, обливались слезами; другие, напротив, казалось, сорев-

¹ Среди полинезийцев не было, разумеется, королей в европейском смысле этого слова. Терминология Кука и других мореплавателей XVIII века не отвечает подлинным значениям титулов туземных вождей.

новались в том, кто из них будет громче всех кричать, но в их поведении было больше притворства, чем истинной печали.

В непосредственной близости от Таити находились, по словам Тупиа, четыре острова — Хуахине, Ульетеа (Райатеа), Тахаа и Борбора, где можно было бы без труда получить свиней, домашнюю птицу и другую свежую провизию, в которой в последнее время пребывания на Таити стал ощущаться некоторый недостаток. Однако Кук предпочел посетить маленький остров под названием Тетиороа, расположенный в восьми лье к северу от Таити; но постоянного поселения туземцев там не оказалось. Поэтому англичане решили, что приставать к нему бесполезно.

Когда «Индевер» очутился в виду Хуахине, к кораблю приблизились пироги, но туземцы согласились подняться на палубу лишь после того, как увидели Тупиа. Вождь Оре, находившийся в числе прибывших на пирогах, пришел в изумление при виде всего, что имелось на корабле. Успокоенный вскоре дружеским приемом англичан, он совершенно освоился и даже выразил желание помянуться с Куком именами; в течение всей стоянки он упорно именовал себя Куке, а командира — Оре. Якорь был брошен в прекрасной гавани, и офицеры сразу же отправились на берег. Здесь они нашли те же нравы, тот же язык, те же плоды и тех же животных, что и на Таити.

В семи-восьми милях к юго-западу находится остров Райатеа. Кук высадился и на нем торжественно вступил во владение как им, так и тремя соседними островами. Он воспользовался посещением этих мест, чтобы заняться гидрографической съемкой берегов, пока заделывали течь, открывшуюся под артиллерийским складом «Индевера». Затем Кук обнаружил еще несколько островов и дал всему архипелагу в целом название острова Общества¹ — в честь британского Королевского общества (так называется в Англии Академия наук)*.

Седьмого августа командир пустился в дальнейший путь и взял курс на юг.

Двадцать пятого августа команда отпраздновала годовщину со дня отплытия из Англии. 1 сентября, когда «Индевер» находился на 40°22' южной широты и 174°29' западной долготы, волнение на

¹ Острова Общества до недавнего времени именовались на русских картах как острова Товарищества. Эта ошибка произошла благодаря неправильному переводу английского слова Society — «общество» (имеется в виду Королевское общество).

море, поднятое яростным западным ветром, стало очень сильным; Кук был вынужден повернуть на север и бежать от бури. До 3-го числа погода оставалась все такой же, затем она улучшилась и появилась возможность снова взять курс на запад.

В последние дни сентября различные признаки: стволы деревьев, пучки уносимой течением травы, появление наземных птиц — говорили о близости острова или материка. 5 октября цвет воды изменился, а 6-го утром впереди увидели берег большой земли, тянувшейся к северо-западу. По мере того как корабль приближался, земля казалась все более обширной. Весь экипаж решил, что наконец-то удалось открыть знаменитый материк, *Terra australis incognita* (Неизвестная южная земля, которую столько времени искали и существование которой считалось бесспорным, так как, по воззрениям тогдашних космографов, она была необходима для уравнивания остальной части земного шара)*. На самом же деле это был восточный берег северного острова Новой Зеландии.

Вскоре английские моряки заметили дымки, поднимавшиеся в различных местах побережья, постепенно открывавшегося их взорам во всех подробностях. Холмы поросли лесом, в долинах можно было различить очень толстые деревья. Через некоторое время показались маленькие, но чистенькие дома, пироги, затем — собравшиеся на берегу туземцы. Наконец, на небольшой возвышенности увидели высокую ровную изгородь, окружавшую всю вершину холма. Кое-кто из англичан считал, что это загон для ланей, другие — что там содержатся домашние животные; высказывалось еще множество столь же остроумных предположений, но все они оказались неправильными; как узнали впоследствии английские моряки, то было «и-па» (укрепленное поселение майорийцев).

Восьмого октября около четырех часов дня «Индевер» бросил якорь в бухте у устья небольшой реки. С двух сторон по берегу тянулись высокие белые скалы; посередине темная равнина постепенно повышалась и рядом уступов как бы соединялась с длинной цепью гор, которые, казалось, находились очень далеко в глубине острова. Таков был вид этой части побережья.

На воду быстро спустили две шлюпки; в них заняли места Кук, Банкс и Соландер с отрядом матросов. Когда они приблизились к тому месту, где собрались туземцы, те обратились в бегство. Это не остановило англичан от высадки на берег; для охраны одной

из шляпок оставили четырех юнг, а вторая шляпка держалась в море.

Едва англичане отошли на некоторое расстояние от берега, как четыре человека, вооруженные длинными копьями, вышли из лесу и быстро направились к шляпке, намереваясь ее захватить. Это им легко удалось бы, если бы моряки в шляпке, оставшейся в море, не заметили их и не крикнули юнгам, чтобы те оттолкнулись от берега и отдались на волю течения. Островитяне находились уже так близко, что шляпочный старшина вынужден был выстрелить из ружья поверх голов нападающих. Задержавшись на мгновение, туземцы продолжали преследование, как вдруг второй ружейный выстрел убил одного из них наповал. Товарищи попытались было унести труп с собой, но им пришлось его оставить из опасения, что они не успеют убежать. Находившиеся на острове офицеры, встревоженные выстрелами, вернулись на корабль, откуда они вскоре услышали, как туземцы, снова появившиеся на берегу, оживленно обсуждали происшедшее событие.

Тем не менее Кук не отказался от мысли завязать сношения с островитянами. Он снарядил три шляпки и высадился на сушу с Банксом, Соландером и Тупия. С полсотни туземцев их поджидали, сидя на берегу реки. Они были вооружены какими-то предметами из прекрасно отполированного зеленого нефрита, имевшими в длину один фут и весившими, вероятно, четыре-пять фунтов. То был «пату-пату», или «токи», — что-то вроде боевого топора из камня или кости с очень острым лезвием. При виде англичан все островитяне встали и знаками предложили им удалиться.

Как только солдаты высадились на берег, Кук и его спутники направились к туземцам. Тупия сказал им, что англичане явились с мирными намерениями, что им нужны лишь вода и провизия, что за все принесенное они заплатят железными изделиями, применение которых он тут же объяснил. Как с удовлетворением убедился Кук, островитяне прекрасно понимали Тупия, ибо их наречие представляло собой лишь один из диалектов таитянского языка¹.

¹ Действительно, все полинезийские народы, разделенные огромными пространствами океана, стояли почти на одинаковой ступени развития и говорили на одном языке, диалекты которого были обусловлены только местным выговором, так что путешественники, узнав на одном острове несколько слов, могли объясняться на другом, далеко лежащем острове. Отметим также, что полинезийские языки родственны меланезийским и малайским.

Характерные фонетические особенности полинезийских языков — бедность звуковой системы (эти языки имеют лишь пять гласных — а, е, и, о, у — и от семи

После переговоров человек тридцать туземцев переправились через реку. Им вручили стеклянные бусы и мелкие изделия из железа, но они, по-видимому, не произвели на них особого впечатления. Когда одному из островитян удалось неожиданно выхватить у Грина кортик, а остальные снова стали проявлять враждебные намерения, пришлось пустить в вора пулю; тот упал, а его товарищи бросились в плавь и перебрались на другой берег реки.

Эти несколько попыток вступить в торговые сношения с туземцами сопровождалась такими неприятными событиями, что Куку пришлось отказаться от своего намерения. Он решил поискать другое место, чтобы запастись водой. Однажды с корабля заметили две пироги, пытавшиеся приблизиться к берегу. Кук приказал спустить шлюпки и перерезать островитянам путь. Одной из пирог удалось на веслах ускользнуть, вторую матросы настигли, и хотя Туиа кричал туземцам, что англичане явились в качестве друзей, те схватили оружие и бросились в атаку. Первым же залпом четверо были убиты, а остальных трех, бросившихся в море, несмотря на отчаянное сопротивление, захватили в плен. Вызванные этим прискорбным происшествием рассуждения Кука настолько служат к его чести и находятся в таком резком противоречии с принятым в ту эпоху образом поведения, что мы считаем необходимым их дословно привести.

«Я не могу отделаться от мысли, — пишет он, — что все чело- веколюбивые и чувствительные люди будут осуждать меня за приказ стрелять в несчастных индейцев, и я сам не мог бы не осуждать себя за такую жестокость, если бы подходил к ней с хладнокровной оценкой. Конечно, они не заслуживали смерти за отказ довериться моим обещаниям и подняться на корабль, хотя бы они и не видели там ничего угрожавшего им; но характер данного мне поручения обязывал меня ознакомиться со страной, а я мог это сделать, лишь проникнув туда силой или же завоевав доверие и доброжелательство жителей. Я уже безуспешно испробовал путь подарков; желание избежать новых столкновений заставило меня добиваться того, чтобы несколько человек очутились у меня на борту, ибо это было единственным средством убедить их в том, что мы вовсе не намеревались причинить им какое

до десяти согласных). В словах преобладают гласные звуки, что придает речи полинезийцев особую напевность. До появления европейцев ни один полинезийский народ не имел своей письменности, за исключением жителей острова Пасхи.

бы то ни было зло, а, напротив, стремились принести им пользу. До этих пор в моих планах, конечно, не было ничего преступного; правда, в сражении, которого я не ожидал, мы могли бы одержать столь же полную победу, не лишая жизни четырех индейцев, но следует принять во внимание, что при подобных обстоятельствах, когда был отдан приказ открыть огонь, никто уже не в состоянии регулировать или смягчить его результаты».

Захваченных туземцев доставили на корабль, и английские моряки приняли все меры к тому, чтобы если не заставить их забыть о своем пленении, то, по крайней мере, сделать воспоминание о нем менее тягостным; их засыпали подарками, надели им браслеты и ожерелья. Когда туземцев собрались высадить на берег и шлюпка направилась к устью реки, они заявили, что там живет враждебное племя и их немедленно убьют и съедят. Тем не менее пленников высадили, и ничего плохого с ними, по всей вероятности, не произошло.

Утром 11 октября Кук покинул этот злосчастный район. Бухта, где стоял «Индевер», получила название Поверти (Бедности), так как из всего необходимого Кук сумел запастись там только дровами. Расположенная на $38^{\circ}42'$ южной широты и $181^{\circ}36'$ западной долготы, она имеет форму подковы и представляет собой хорошую якорную стоянку, хотя и открыта ветрам южной и восточной четвертей.

Кук продолжал идти вдоль берега в южном направлении, давая названия пригодным для ориентировки пунктам. Отношения с туземцами все время были плохие; если они не переходили в открытые стычки, то лишь потому, что англичане проявляли исключительное терпение.

Однажды несколько пирог окружили корабль; начался обмен гвоздей и стеклянных бус на рыбу, как вдруг туземцы схватили Таието, слугу Тупиа, и сразу же налегли на весла с намерением удрать. Пришлось открыть огонь по похитителям; маленький таитянин воспользовался суматохой, вызванной залпом, и прыгнул в море, где его подобрала спущенная с «Индевера» шлюпка.

Куку не удалось обнаружить никакой гавани, а море между тем становилось все более бурным. 17 октября, придя к выводу, что он напрасно тратит время, которое лучше было бы использовать для изучения северного берега, он повернул на другой курс и направился назад по только что пройденному пути.

Двадцать третьего октября «Индевер» достиг бухты по назва-

нию Толага, где волнение совершенно не чувствовалось. Там обнаружили превосходную воду и можно было без труда пополнить запасы провизии, тем более что туземцы проявляли дружелюбие.

Организовав все необходимое для того, чтобы обеспечить безопасность работавших на берегу моряков, Банкс и Соландер высадились сами и занялись сбором растений; во время своей прогулки они увидели много интересного. В глубине долины, зажатой между крутыми горами, возвышалась скала со сквозным отверстием, настолько большим, что с одной стороны через него виднелось море, а с другой — часть бухты и окружающие холмы. Когда участники экскурсии возвращались на корабль, их остановил какой-то старик, продемонстрировавший им упражнения воинов его страны с копьем и боевым топором «пату-пату». Во время другой прогулки доктор Соландер приобрел волчок, в точности похожий на европейские; туземцы знаками объяснили, что для запуска нужно придать ему рукой вращательное движение.

На острове, находившемся слева от входа в бухту, англичане увидели самую большую пирогу из всех, когда-либо попадавших им раньше. Она имела в длину не меньше шестидесяти восьми с половиной футов, в ширину — пять, в высоту — три фута шесть дюймов и была украшена на носу выпуклой резьбой причудливого стиля, состоявшей преимущественно из спиральных линий и асимметричных узоров.

Тридцатого октября, закончив заготовку дров и набрав воду, Кук вышел в море и продолжил путь вдоль берега на север.

Вблизи от острова, которому командир дал название Мер, туземцы проявили склонность к воровству. Однако в этих местах необходимо было пробыть пять, шесть дней для наблюдения за прохождением Меркурия. Желая внушить этим дикарям уважение к чужой собственности и страх перед англичанами, в одного туземца, укравшего кусок парусины, Кук приказал выстрелить дробью; но заряд, попавший островитянину в спину, произвел на него не больше впечатления, чем сильный удар хлыстом. Зато пули, рикошетом отскакивавшие от поверхности воды и несколько раз перелетавшие через пироги, привели туземцев в невероятный ужас, и они поспешили на веслах добраться до берега.

Девятого ноября Кук и Грин высадились для наблюдений за прохождением Меркурия. Грин один следил за этим явлением, между тем как Кук определял высоту солнца.

В нашу задачу не входит следовать день за днем, час за часом

за английскими мореплавателями, пока они занимались тщательным изучением Новой Зеландии. Читателям наскучили бы одни и те же, без конца повторявшиеся события, рассказы о новых и новых стычках с маори, довольно однообразные описания красот природы. Поэтому мы только вкратце упомянем о результатах гидрографических работ экспедиции и остановимся подробнее на нравах туземцев, в настоящее время так сильно изменившихся.

Бухта Грейт-Меркьюр расположена у основания длинного, сильно расчлененного полуострова, тянущегося с востока к северо-западу и образующего северную оконечность Новой Зеландии. 15 ноября, когда «Индевер» покинул бухту, к нему одновременно направилось несколько пирог.

«Две из них, примерно с шестьдесятю вооруженными людьми, — сообщается в отчете, — приблизились на расстояние человеческого голоса, и туземцы запели свою боевую песню; увидев, что на них почти не обращают внимания, они принялись бросать в англичан камни, а затем стали грести в сторону берега. Вскоре они возобновили попытку, по-видимому, решившись напасть на наших путешественников и воодушевляя друг друга песней. Без чьей-либо просьбы Тупия обратился к ним с упреками и сказал, что англичане обладают оружием, способным в одно мгновение их уничтожить. Но островитяне ответили следующими словами:

„Сойдите на землю, и мы вас всех уьем”.

„Ладно, — ответил Тупия. — Но зачем вы нападаете на нас, когда мы находимся в море? Мы не хотим сражаться и не принимаем вашего вызова, потому что нам с вами не из-за чего ссориться. Море не принадлежит ни вам, ни нашему кораблю”.

Эти простые и полные здравого смысла красноречивые слова никем не были подсказаны Тупия. Они привели в большое удивление Кука и остальных англичан».

Во время пребывания у северного побережья Новой Зеландии в одной из бухт командир обнаружил довольно большую реку, названную им Темзой. По ее берегам росли великолепные деревья той же самой породы, что встречались в бухте Поверти. Одно из этих деревьев на высоте человеческого роста имело в обхвате девятнадцать футов; у другого первые ветви начинались на высоте не меньше девяноста футов от земли.

Столкновения с туземцами происходили довольно часто, но не всегда островитяне бывали в них виноваты.

«Некоторые матросы, — рассказывает Киппис, — проявлявшие при поимке индейцев на месте преступления суровость, достойную Ликурга¹, не сочли зазорным для себя забраться на плантацию новозеландцев и украсть большое количество бататов (сладкого картофеля)². Кук назначил им по двенадцать розог. Двое из матросов приняли наказание как должное, но третий заявил, что грабить плантации туземцев не является для англичанина преступлением. В ответ на эти рассуждения Кук счел наиболее подходящим посадить любителя споров в трюм и не выпускать его оттуда до тех пор, пока он не согласится получить шесть дополнительных ударов».

Тридцатого декабря Кук обогнул мыс, принятый им за мыс Мария-Ван-Димен, открытый Тасманом; сразу затем встретились противные ветры, и за три недели «Индевер» продвинулся всего на десять лье. К счастью, все это время он шел на значительном расстоянии от берега. В противном случае нам, вероятно, не пришлось бы рассказывать о приключениях наших мореплавателей.

Шестнадцатого января 1770 года, после того как были нанесены на карту и получили названия мысы и заливы по западному берегу северного острова Новой Зеландии, Кук очутился в виду внушительного, покрытого снегом пика, названного горой Эгмонт — в честь носившего эту фамилию графа. Как только прошли мимо пика, береговая линия образовала глубокий изгиб. Открывшийся залив был расчленен на множество отдельных рейдов; Кук решил зайти туда, чтобы произвести ремонт подводной части корабля и запастись водой и дровами. Высадившись на берег в глубине одной из бухточек, англичане обнаружили прекрасный ручей и лес, который кончался лишь у самого берега, там, где ему уже не хватало почвы. Кук воспользовался хорошими отношениями, установившимися с туземцами, и спросил их, видели ли они когда-нибудь корабль, похожий на «Индевер». Но он убедился, что в памяти жителей не сохранилось никаких преданий, связанных с посещением их страны Тасманом, хотя бухта Убийц находилась всего в пятнадцати милях к югу от этих мест.

¹ Ликург — легендарный древнегреческий законодатель, которому приписывается организация спартанской общины.

² Батат, или сладкий картофель — растение семейства вьюнковых, мучнистые клубни которого употребляются в пищу в печеном виде и идут на изготовление крахмала, консервов и спирта; разводят в тропических странах. Вкус его сладковатый, пригорный, не особенно приятный. Родина — Центральная Америка.

В одной из принесенных новозеландцами корзин с провизией моряки увидели две полубглоданные кости. Они не походили на кости собаки и являлись, как показал более тщательный осмотр, человеческими останками. На заданный туземцам вопрос те не задумываясь ответили, что у них существует обыкновение поедать своих врагов. Несколько дней спустя они даже принесли на «Индевер» семь человеческих черепов с еще сохранившимися остатками волос и мяса; но мозг был вынут, так как считался очень лакомым блюдом. Мясо оказалось мягким; без сомнения, его предохраняли от гниения с помощью какого-то снадобья, так как оно совершенно не имело неприятного запаха. С большим трудом Банксу удалось приобрести один из черепов, но он так и не смог уговорить принесшего их старика уступить ему второй — быть может, потому, что новозеландцы считают их трофеями и доказательством своей храбрости.

Следующие дни были посвящены осмотру окрестностей и прогулкам. Во время одной из экскурсий Кук, взобравшись на очень высокий холм, смог ясно разглядеть, что перед ним находится не залив, а пролив, названный им проливом Королевы Шарлотты (ныне пролив Кука)*, противоположный берег которого отстоял, как ему казалось, лье за четыре. Туман помешал Куку разглядеть отдаленную часть берега в направлении к юго-востоку, но все же он увидел достаточно, чтобы понять, что большой остров, вдоль берегов которого он все время следовал, там и кончается. Ему оставалось теперь исследовать второй остров Новой Зеландии, вырисовывавшийся на юге. Он дал себе обещание этим заняться, как только пройдет весь пролив Королевы Шарлотты и окончательно удостоверится в том, что это действительно пролив.

В окрестностях бухты Куку представился случай посетить «па», построенное на островке или скале, до которого очень трудно добраться. Чаще всего туземцы к естественным препятствиям добавляют укрепления, еще более затрудняющие доступ в «па». Некоторые из осмотренных деревень были защищены двойным ровом, причем внутренний ров окружали бруствер и двойная изгородь. Этот второй ров обычно имел в глубину не меньше двадцати четырех футов. За внутренней изгородью «па» возвышался на двадцать футов помост длиной в сорок и шириной в шесть футов. Поддерживаемый толстыми столбами, он предназначался для защитников укрепления; оттуда они могли без труда осыпать нападающих дротиками и камнями; огромные кучи камней всегда

лежали наготове на случай необходимости. Захватить такие укрепления туземцы были не в состоянии, если только они длительной блокадой не вынуждали гарнизон сдать.

«Вызывает большое удивление, — отмечает Кук, — что мастерство и трудолюбие, давшие им возможность построить почти без всяких инструментов подобные укрепления для защиты, не повели к изобретению ими для той же цели хотя бы какого-нибудь метательного оружия, за исключением копья, которое они бросают рукой. Им совершенно неизвестны ни лук для метания стрел, ни праща для бросания камней; это тем более удивительно, что изобрести пращу, лук и стрелы гораздо проще, чем додуматься до таких сооружений, какие воздвигают здешние племена. Между тем эти два вида оружия встречаются почти во всех частях земного шара, даже у самых диких народов!»

Шестого февраля Кук вышел из бухты и взял курс на восток, надеясь без труда отыскать вход в пролив. В семь часов вечера корабль увлекло сильное течение и чуть не прибило к небольшому островку. Со дна моря поднимались очень острые рифы. С каждым мгновением опасность возрастала. Оставалось лишь одно средство для спасения корабля. К нему прибегли, и не без успеха. Когда на глубине семидесяти пяти саженей был брошен якорь, «Индевер» находился от подводного рифа на расстоянии длины каната. К счастью, якорь забрал, и течение, менявшее направление после того, как оно ударялось об остров, подхватило корабль и унесло от рифов. Впрочем, это еще не означало спасения, так как он по-прежнему находился в непосредственной близости от скал, а скорость течения составляла пять миль в час.

Когда прилив пошел на убыль, корабль приобрел способность управления, и поднявшийся попутный ветер быстро увлек его в самую узкую часть пролива, которую он благополучно миновал.

Северный остров Новой Зеландии, носящий название Те-Ика-а-Мауи (Рыба Мауи), не был, однако, еще изучен на всем своем протяжении; около пятнадцати лье побережья оставались не нанесенными на карту. Некоторые из офицеров, пользуясь этим обстоятельством, утверждали, вопреки мнению Кука, что перед ними не остров, а материк. Хотя командир был уверен в своей правоте, он двинулся дальше таким курсом, чтобы рассеять сомнения, еще, возможно, остававшиеся в умах его офицеров. После двухдневного плавания на север, миновав мыс Паллисер, Кук призвал офицеров на палубу и спросил, удостоверились ли они в

своей ошибке. Получив утвердительный ответ, он решил повернуть на юг и идти вдоль восточного берега обнаруженной им земли, лежащей к югу от пролива. Местные жители называли эту землю Те-Вахи-Пунаму (Страна Зеленого камня).

Берег большей частью поражал своим бесплодием и, по видимому, был необитаем. Впрочем, почти все время приходилось держаться на расстоянии четырех-пяти лье от земли.

Девятого марта ночью «Индевер» прошел над несколькими подводными скалами, и только утром узнали, какой величайшей опасности он подвергался. Этим подводным рифам дали название «Трап» («Западня»). Они словно нарочно созданы здесь в качестве ловушки для слишком доверчивых мореплавателей.

В тот же день Кук увидел, как ему казалось, южную оконечность Южного острова Новой Зеландии и дал ей название Южный мыс. На самом деле то был один из мысов острова Стьюарт, лежащего южнее Новой Зеландии. Высокие волны, шедшие с юго-запада и налетавшие на корабль, когда он огибал мыс, убедили капитана Кука, что земли в этом направлении нет. Поэтому он повернул снова на север, чтобы, пройдя вдоль западного берега, завершить плавание вокруг Новой Зеландии.

Почти у самой южной оконечности этого берега англичане обнаружили бухту, получившую название Даски-Саунд. Местность была здесь бесплодная, гористая, покрытая снегом. В этой обширной бухте, имевшей у входа три-четыре мили в ширину, виднелось несколько островов, которые могли, несомненно, служить надежным укрытием для кораблей. Но Кук почел за благо не останавливаться там, так как знал, что ветер, необходимый для выхода из бухты, дует лишь один раз в месяц. И в этом вопросе он разошелся во мнениях с некоторыми из своих офицеров, думавших только о выгодах текущего дня и забывавших о неудобствах стоянки, продолжительность которой нельзя было предвидеть.

Во время исследования западного берега Южного острова не произошло никаких примечательных событий.

«От бухты Даски-Саунд, — пишет Кук, — и до 44°20' южной широты тянется узкая цепь холмов, поднимающихся непосредственно из моря и покрытых лесами. Позади холмов, сразу же за ними, видны горы, образующие другую цепь огромной высоты и представляющие собой совершенно бесплодные голые скалы, лишь местами покрытые снегом, обычно скапливающимся значи-

тельными массажами... Трудно вообразить себе более дикое, более хаотическое и более устрашающее зрелище, чем вид этой страны, когда на нее смотрят с моря: до самого горизонта виднеются только скалистые вершины, расположенные так близко одна от другой, что вместо долин они прорезаны лишь расселинами».

Между 44°20' и 42°08' ландшафт меняется; горы отступают в глубь страны, а вдоль берега тянутся холмы и плодородные долины.

От 42°08' до 41°30' берег отвесно поднимается из моря и покрыт мрачными лесами. Впрочем, «Индевер» держался слишком далеко от земли, и погода стояла слишком пасмурная, чтобы можно было различить детали берегового ландшафта. Закончив таким образом плавание вокруг острова, корабль вернулся к западному входу в пролив Королевы Шарлотты.

Кук запасся водой и дровами. Затем он принял решение вернуться в Англию, следуя таким путем, который позволил бы ему успешнее всего выполнить задачу своего путешествия. Он решил на это с большим сожалением, так как ему хотелось выяснить, существует ли на самом деле «Южный материк». В разгаре зимы, забравшись далеко на юг, он не смог бы на своем корабле довести такое предприятие до благополучного конца. Ничего не оставалось делать, как направиться через Ост-Индию; но сначала он решил исследовать неведомый еще тогда восточный берег Австралии.

Однако, прежде чем перейти к рассказу о событиях второй части плавания, следует несколько вернуться назад и подвести краткий итог результатам наблюдений, произведенных нашими путешественниками относительно местоположения, природных богатств и населения Новой Зеландии.

В предыдущем томе мы сообщали, что эту страну открыл Абель Тасман, и рассказывали о кровавых событиях, которыми ознаменовалось пребывание там голландского капитана. За исключением районов прибрежной полосы, где побывал Тасман в 1642 году, Новую Зеландию не посетил ни один европейский корабль. Она была столь мало изучена, что географы считали эту землю частью «Южного материка», как предполагал еще в свое время Тасман, давший ей название Земли Штатов. Куку принадлежала великая заслуга: он установил точное местоположение и заснял берега этих двух больших островов, расположенных между 34 – 47° южной широты и 166 – 178° восточной долготы.

Те-Вахи-Пунаму представлял собой гористый, бесплодный остров, по-видимому, очень мало населенный. Северный остров имел более привлекательный вид: там были холмы, горы и долины, поросшие лесом, орошаемые веселыми ручьями. На основании материалов о климате и почве, собранных Банксом и Соландером, Кук следующим образом сформулировал свои выводы, которые впоследствии полностью подтвердились: «Если европейцы создадут в этой стране колонию, то они без особых забот и трудов смогут выращивать здесь в большом изобилии все необходимое».

Из четвероногих в Новой Зеландии водятся только крысы и собаки, причем последних туземцы употребляют в пищу. Животный мир был беден, но зато растительность, судя по всему, отличалась большим разнообразием. Из числа растений, сильнее всего поразивших англичан, в отчете упоминается следующее:

«Вместо конопли и льна жители употребляют растение, по своим свойствам превосходящее все другие, используемые с этой же целью в других странах... Обычная одежда новозеландцев состоит из листьев этого растения, почти не нуждающихся в обработке; впрочем, они изготавливают из него также тесьму, нитки и веревки, значительно более прочные, чем сделанные из конопли, с которыми их даже нельзя сравнивать. Из того же растения, обработанного другим способом, они получают длинные тонкие волокна, блестящие как шелк, белые как снег; из этих волокон, также исключительно прочных, они изготавливают свои самые лучшие ткани. Рыболовные сети огромных размеров сделаны из таких же листьев; вся работа сводится к тому, что листья разрезают на полосы и связывают вместе».

Чудесное растение, о котором сообщает Кук, в настоящее время известно под названием «новозеландского льна» («*Phormium tenax*»).

Восторженные отзывы о нем Кука, а впоследствии Лабийердъера, вызвали в Европе большой энтузиазм.

Дело дошло до того, что стало необходимо несколько умерить надежды, порожденные рассказами мореплавателей. По мнению известного химика Дюшартра, длительное воздействие влажного тепла, а в особенности стирка должны очень быстро разрушать клеточки этого растения, и изготовленные из него ткани после одной-двух стирок расплзутся на клочки. Тем не менее новозеландский лен вывозится в значительном количестве. Кеннеди в своей очень интересной работе о Новой Зеландии сообщает, что в

1865 году было вывезено всего пятнадцать тюков льна, а четыре года спустя — этому трудно поверить, — вывоз увеличился до 12 162 тюков и к 1870 году достиг 32 820 тюков на сумму 132 578 фунтов стерлингов.

Жители Новой Зеландии были высокого роста, хорошо сложены и отличались сообразительностью, значительной физической силой и большой ловкостью. Женщины не отличались хрупкостью телосложения и изяществом форм. Они одевались как мужчины, и их можно было отличить лишь по более нежному голосу и по живому выражению лица. Туземцы одного и того же племени относились друг к другу очень сердечно, но к врагам были неумолимы и не давали им пощады; трупы поедались во время ужасных пиршеств, которые можно объяснить, но не извинить, недостатком животной пищи.

«Пожалуй, — пишет Кук, — частые войны покажутся удивительными в стране, где победа приносит так мало выгоды».

Однако кроме необходимости раздобывать мясо, приводящей к беспрестанным войнам, существовала другая причина, не известная Куку и состоявшая в том, что население делилось на две различные народности, враждовавшие между собой.

Согласно древним легендам, маори пришли приблизительно тысячу триста лет тому назад с Сандвичевых (Гавайских) островов. Предания можно считать верными, если вспомнить, что это прекрасное полинезийское племя заселило все острова, рассеянные в обширном районе Тихого океана. Отправившись с Гавайки, которая могла быть то ли островом Гавайи из Сандвичева архипелага, то ли — Савайи, маори прогнали или почти полностью истребили местное население.

Действительно, первые европейские колонисты встречали среди жителей Новой Зеландии два совершенно различных типа; один, более распространенный, имел несомненное сходство с туземцами островов Гавайских, Маркизских и Тонга, между тем как другой был очень близок к меланезийской расе. Эти сведения, собранные Фрейсине, а в более позднее время подтвержденные Хохштетером, находятся в полном соответствии с сообщенным Куком любопытным фактом относительно того, что Тупиа, уроженец Таити, без труда мог сговориться с новозеландцами.

Теперь благодаря прогрессу лингвистики и антропологии миграции полинезийцев хорошо изучены; но во времена Кука, кото-

рый одним из первых занялся сбором относящихся к этому вопросу легенд, о них только догадывались¹.

«Каждое из здешних племен, — сообщает Кук, — считает на основании преданий, что их праотцы в незапамятные времена явились из какой-то другой страны, и, согласно тем же преданиям, они полагают, что та страна называется Хеавизе».

Из четвероногих, как мы уже говорили, в Новой Зеландии в то время водились только собаки; да и они, вероятно, были откуда-то привезены. Поэтому туземцы повседневно питались лишь растениями и какими-то птицами, весьма немногочисленными и принадлежавшими к неизвестным англичанам видам. К счастью, береговые воды изобиловали рыбой, что давало жителям возможность не умереть с голода.

Привыкшие к войне, считавшие каждого чужеземца врагом и видевшие в нем, по всей вероятности, лишь убойный скот, новозеландцы, естественно, всегда были готовы напасть на англичан. Но, как только они убедились в несовершенстве своего оружия и в могуществе противника, как только они поняли, что пришельцы по возможности избегают пользоваться теми смертоносными приспособлениями, страшное действие которых им пришлось наблюдать, они стали относиться к морякам дружелюбно и вели себя с достойной удивления честностью.

В то время как островитяне, виденные нашими мореплавателями раньше, не имели никакого представления о приличиях и стыдливости, с новозеландцами дело обстояло иначе, и Кук приводит тому много любопытных примеров. Не отличаясь такой чистоплотностью, как жители Таити, где климат гораздо теплее, не так часто купаясь, как те, новозеландцы, однако, заботились о

¹ Этнографические исследования в XX веке полностью подтвердили наличие двух популяций мигрантов на островах Новой Зеландии. Первые поселенцы отождествляются с мифическими тангата-фенуа («людьми земли»), добравшимися до Северного острова в конце 1 тысячелетия н. э. На их стоянках археологи обнаружили примитивные каменные орудия и кости гигантских бескрылых птиц моа, ныне вымерших. Относительно этнической принадлежности этих людей исследователи еще ведут ожесточенные споры. Вторая волна мигрантов представлена полинезийцами с архипелага Таити («Гавайки» местных легенд), предками современных маори. В многочисленных маорийских легендах рассказывается, что эти отважные мореплаватели прибыли в Новую Зеландию в два этапа: сначала, в X — XII вв., появились разведчики — такие как легендарный Купе, а в середине XIV в. на землю «Длинного Белого Облака», или Ао-Тео-Роа (как называли ее полинезийцы), отправилось множество лодок с Гавайки; это событие знаменовало собой великое переселение предков маори на новую родину.

своей наружности и проявляли даже некоторое франтовство. Так, они смазывали волосы каким-то рыбьим или птичьим жиром, который очень быстро протухал, вследствие чего от туземцев исходил неприятный запах. У них существовал обычай татуироваться; в некоторых татуировках проявлялись одновременно и изумительное мастерство, и вкус, что трудно было ожидать у первобытного народа.

К величайшему изумлению, англичане убедились в том, что женщины уделяют туалету меньше внимания, чем мужчины. Волосы у островитянок были коротко острижены, без украшений, и они носили такую же одежду, как и их мужья. Единственная дань кокетству состояла в том, что они продевали в уши полоски ткани, перья, рыбы кости, деревянные палочки; кроме того, с помощью нитки они подвешивали к ушам иглы из зеленого нефрита, ногти или зубы умерших родственников и вообще любые, даже самые необыкновенные предметы, какие им удавалось раздобыть.

В связи с этим приходит на память приключение, происшедшее с одной таитяжкой, о котором Кук упоминает в своем отчете. Жадная на все, что попадалось ей на глаза, она захотела, чтобы ей прodelи в мочку уха висячий замок. Желание было исполнено, затем ключ в присутствии женщины бросили в море. Через некоторое время, то ли потому, что вес такого причудливого украшения причинял таитяжке беспокойство, то ли потому, что она хотела заменить его другим, она стала упрасивать снять замок. Отказавшись выполнить ее желание, ей постарались внушить, что подобная просьба невежлива, и, коль скоро она сама захотела иметь такую необыкновенную серьгу, ей ничего не остается, как терпеть связанные с этим неудобства.

Одежда новозеландцев состояла из двух кусков ткани; первый, нечто среднее между рогожей и полотном, закреплялся на плечах и спускался до колен, а второй обертывался вокруг талии и свисал до земли. Вторая часть костюма надевалась только в особых случаях. Когда на туземцах бывала лишь верхняя часть одежды и они садились на корточки, то напоминали крытый соломой дом. Иногда этот своеобразный плащ очень изящно отделялся разноцветной бахромой, реже — собачьим мехом, нарезанным лентами.

Мастерство новозеландцев особенно проявлялось в постройке пирога. Военные пироги могли поднять от сорока до пятидесяти

вооруженных людей, а одна из них, измеренная в Улага, имела в длину не меньше шестидесяти восьми футов. Они были великолепно украшены резьбой и развевающейся бахромой из черных перьев. Балансиром обычно снабжены только самые маленькие из пирог. Подчас приходилось наблюдать, что пироги соединены по две. У рыбацких лодок на носу и корме были изображения кривляющегося человека с безобразным лицом, высунутым языком и глазами, сделанными из двух белых раковин.

«Так как главными причинами болезней, — пишет Кук, — являются, вероятно, невоздержанность и отсутствие физических упражнений, то не приходится удивляться тому, что эти племена отличаются неизменным прекрасным здоровьем. Всякий раз, как мы посещали их поселения, дети, старики, мужчины и женщины окружали нас, охваченные тем же любопытством, какое испытывали и мы; среди них мы никогда не встречали ни одного человека, страдавшего какой-либо болезнью, и у тех, кого нам приходилось видеть совершенно голыми, мы никогда не замечали на коже ни малейшей сыпи и никаких следов нарывов и прыщей».

II

Исследование восточного берега Австралии. — Сведения о туземцах и естественных богатствах страны. — «Индевер» на рифе. — Непрерывные опасности плавания. — Переход через Торресов пролив. — Жители Новой Гвинеи. — Возращение в Англию.

Тридцать первого марта 1770 года Кук покинул Новую Зеландию и взял курс на запад. 19 апреля на $37^{\circ}58'$ южной широты и $150^{\circ}21'$ восточной долготы он увидел землю, простиравшуюся с северо-востока на юго-запад. То была, по его мнению и согласно карте Тасмана, страна, названная голландским мореплавателем Вандименовой Землей (Тасмания). Кук не имел возможности проверить, была ли находившаяся перед ним земля частью Тасмании. Продвигаясь на север, он дал названия всем приметным мысам.

Эта часть Австралии была гористая, и там росли огромные деревья. Несколько дымков показывали, что берег населен; жители, довольно многочисленные, поспешно убегали, как только англичане начинали готовиться к высадке.

Первые туземцы, которых удалось увидеть, были вооружены длинными пиками и кусочками дерева, формой сильно напоми-

навшими изогнутую саблю. То оказался знаменитый «бумеранг» — метательное оружие, столь страшное в руках туземцев и столь безобидное в руках европейцев.

Слой какого-то белого порошка покрывал лица дикарей; широкие полосы того же цвета испещряли их тело; на груди они шли вкось и напоминали португели. На бедрах и голених также имелись белые полосы; издали их можно было бы принять за круглые подвязки, если бы ноги не были совершенно голые.

Несколько дальше англичане еще раз попытались высадиться. Но два туземца, чье доверие вначале старались завоевать, бросая им гвозди, стеклянные бусы и другие мелочи, стали вести себя столь угрожающе, что пришлось выстрелить из ружья поверх их голов. Грохот выстрела в первый момент привел их в оцепенение; но затем они, убедившись, что не ранены, сразу начали враждебные действия и принялись бросать камни и дротики. Тогда выстрелили дробью в ноги старшего из туземцев. Бедный дикарь немедленно побежал к одной из хижин и тут же вернулся со шитом, чтобы продолжать сражение, закончившееся, однако, как только он убедился в своем бессилии. Воспользовавшись этим случаем, англичане сошли на берег и добрались до жилищ, где обнаружили большое количество копий. В этой же бухте высадили отряд матросов с бочками для воды; однако завязать сношения с туземцами оказалось невозможным, так как они убегали, лишь только англичане направлялись в их сторону.

Во время одной экскурсии по берегу реки Кук, Банкс и Соландер увидели следы нескольких животных. Там было много птиц, отличавшихся исключительной красотой. Изобилие растений, обнаруженных естествоиспытателями, побудило Кука дать заливу, где стоял «Индевер», название Ботани-Бей (Ботанический залив). Эта обширная безопасная и удобная бухта расположена на 34° южной широты и 151°23' восточной долготы. Там можно было без труда запастись водой и дровами.

«Деревья, — пишет Кук, — по величине не уступают дубам Англии; я видел одно, похожее на них и по виду. Это то самое дерево, из которого сочится красная смола, напоминающая „змеиную кровь“ (смолу драконова дерева)».

Это была, без сомнения, одна из разновидностей эвкалиптов. Из множества рыб, кишевших в море у берегов, следует упомянуть о шиповатых скатах; один из них в выпотрошенном виде весил триста тридцать шесть фунтов.

Шестого мая Кук покинул Ботани-Бей и продолжал путь к северу вдоль берега, держась от него на расстоянии двух-трех миль. Плавание оказалось довольно скучным. Разнообразие вносили только измерения глубины моря, обнаруживавшие резкие и непредвиденные колебания, да полосы бурунов, которые приходилось обходить.

Во время высадки, произведенной несколько позже, путешественники убедились, что страна не отличалась той привлекательностью, как окрестности Ботани-Бей. Почва была сухая и песчаная, на склонах холмов лишь кое-где виднелись отдельные деревья, без всякого подлеска. Матросы убили там дрофу, и все признали ее наилучшей дичью, какую им пришлось пробовать со времени отъезда из Англии. Это место получило поэтому название Бастард-Бей (Залив Дроф). Там набрали также множество ракушек всяких разновидностей, в том числе мелких жемчужниц.

Двадцать пятого мая «Индевер» находился в одной миле от берега напротив мыса, расположенного как раз на тропике Козерога. На следующий день установили, что прилив достигает семи футов высоты. Приливное течение шло на запад, тогда как отливное — на восток, что было полной противоположностью испытанному в Бастард-Бей. В этом море у берега встретилось множество островов, проливы между которыми оказались узкими и очень мелкими.

Двадцать девятого Кук в надежде отыскать удобное место для очистки киля и днища своего корабля высадился с Банксом и Соландером на берег широкой бухты. Очутившись на суше, они обнаружили, что им сильно мешает двигаться густая остистая трава с колючими семенами¹, которая цеплялась за одежду, прокалывала ее и вонзалась в тело. Одновременно на путешественников напали целые тучи комаров и москитов и принялись их немилосердно кусать. Подходящее место для починки корабля нашлось, но поиски источника пресной воды оказались безрезультатными. На росших тут и там пятнистых эвкалиптах висели огромные гнезда термитов, набрасывавшихся на почки и быстро высасывавших из них смолистый сок. Многочисленные ярко окрашенные бабочки порхали вокруг исследователей.

Все это были, конечно, любопытные факты, представлявшие интерес с разных точек зрения; но они несколько не удовлетво-

¹ По-видимому, это были заросли «дикобразьей травы» — спинифекса.

ряли командира, не находившего возможности пополнить запас воды. Так сразу же обнаружилась наиболее характерная особенность этой новой страны — отсутствие источников, ручьев, рек.

Вторая экскурсия, совершенная вечером того же дня, оказалась не более плодотворной. Все же Кук установил, что бухта была очень глубокая, и решил начиная со следующего дня обойти ее вокруг. Вскоре он убедился, что пролив, в который он вошел, быстро расширяется и образует в конце концов обширное озеро, сообщающееся с морем. Другой рукав уходил далеко на восток, и озеро, по всей вероятности, сообщалось с морем также где-то в глубине бухты.

Эту часть Австралии Кук назвал Новым Южным Уэльсом. Бесплодная, песчаная, безводная, она, казалось, была лишена всего необходимого для создания колоний. На основании поверхностного изучения — вернее, чисто гидрографического исследования — англичане не смогли установить, что по залежам полезных ископаемых это одна из самых богатых областей нового материка.

С 31 мая по 10 июня продолжалось столь же однообразное плавание. Под конец «Индевер», благополучно прошедший вдоль неизвестных берегов среди мелей и рифов расстояние в двадцать два градуса, то есть тысячу триста миль, внезапно оказался перед лицом такой страшной опасности, какую только можно себе вообразить.

Когда корабль находился на 16° южной широты и 145°21' восточной долготы, Кук, увидев перед собой два низких, поросших лесом островка, приказал держаться ночью в открытом море, с тем чтобы наутро заняться поисками островов, открытых в этих местах Киросом, — архипелага, который некоторые географы без всяких оснований присоединяли к матерiku. Начиная с девяти часов вечера лот стал показывать каждые четверть часа все меньшую глубину. Все находились на палубе, якорь держали наготове, как вдруг глубина увеличилась. Из этого заключили, что корабль миновал край песчаных банок, замеченных при заходе солнца, и радовались избавлению от опасности. Глубина продолжала увеличиваться, Кук и офицеры, не занятые на вахте, вернулись в каюты.

Однако в одиннадцать часов лот, только что показывавший двадцать сажень, внезапно показал лишь семнадцать, и, прежде чем его успели снова забросить, «Индевер» коснулся дна, затем,

подкидываемый волнами, стал ударяться задней частью киля об острые подводные рифы.

Положение создалось чрезвычайно серьезное. Перенесенный волной через край кораллового рифа, «Индевер» очутился во впадине между скалами. При свете луны уже можно было видеть, как вокруг корабля плавали обломки фальшкиля¹ и обшивки.

К несчастью, катастрофа произошла во время прилива, и не приходилось рассчитывать на то, что он сможет снять корабль с мели. Не теряя времени, за борт сбросили шесть пушек, крупные и мелкие бочки, чугунный балласт и все, что могло облегчить корабль, продолжавший биться о скалу. Спустили на воду шлюпку, обрубали реи и стены, бросили за правый борт швартов верпа², как вдруг воды под кормой стало больше. Но хотя шпиль крутили изо всех сил, освободить корабль не удалось.

На рассвете выяснился весь ужас положения. «Индевер» находился от земли на расстоянии восьми лье. Ближе — ни одного острова, где можно было бы спастись в том случае, если корабль, как следовало опасаться, разобьется. Хотя освободились от пятидесяти с лишним тонн груза, осадка уменьшилась всего на полтора фута. К счастью, ветер утих, иначе от «Индевера» вскоре остались бы одни щепки. Однако вода в трюме быстро прибывала, несмотря на непрерывно работавшие две помпы. Пришлось поставить третью.

Полная безвыходность! Если корабль снимется с камней, он пойдет ко дну, как только его перестанет поддерживать скала; если он останется на мели, его уничтожат волны, которые разобьют корпус! А шлюпок слишком мало, чтобы за один раз доставить всю команду на сушу!

Не следовало ли опасаться, что при подобных обстоятельствах дисциплина будет нарушена? Кто мог поручиться, что братоубийственная борьба не сделает катастрофу непоправимой? А если даже часть матросов доберется до земли, какая участь ожидает их на этом негостеприимном берегу, где с помощью сетей и огнестрельного оружия они с трудом смогли бы добывать себе пищу? Что, наконец, произойдет с теми, кому придется остаться на корабле? Эти страшные мысли занимали умы всех. Но чувство дол-

¹ Ф а л ь ш к и л ь — доски или брусья, прикрепленные к килю снаружи судна.

² В е р п — небольшой якорь, употребляемый преимущественно для завозов с судна при помощи шлюпок (для снятия судна с мели, перетягивания с места на место, оттягивания кормы и проч. без помощи парусов).

га было настолько сильно, авторитет начальника, сумевшего заслужить любовь команды, оказался настолько велик, что охватившая всех тревога не проявлялась ни криками, ни каким-нибудь нарушением порядка.

Силы людей, не работавших у помп, благоразумно сохранялись до того мгновения, когда будет решаться общая судьба. Принятые меры были очень оригинальны; в момент наивысшего прилива все ухватились за шпиль и якорный канат, корабль сошел с мели, и оказалось, что вода поступала в трюм не быстрее, чем в то время, когда он сидел на рифе.

Однако силы матросов, в течение суток переживших столько мучительных минут, подходили к концу. Вскоре пришлось смеять их у помп каждые пять минут, так как они валялись с ног от усталости.

В это время плохая весть довела отчаяние до предела. Матрос, которому поручили измерять уровень воды в трюме, объявил, что за несколько секунд она поднялась на восемнадцать дюймов. К великому счастью, почти сразу обнаружили неправильность его замеров, и радость команды была так велика, словно всякая опасность миновала.

Тут одному офицеру, по фамилии Монкхауз, пришла в голову блестящая мысль. Он распорядился подвести к пробоине в боковой части корабля лисель¹, наполненный смесью из ветоши, шерсти и навоза от находившихся на борту животных. Таким способом удалось частично заделать течь. Люди, еще совсем недавно поговаривавшие о необходимости выбраться на берег, с тем чтобы из обломков корабля построить шлюпку, на которой можно будет добраться до Ост-Индии, теперь думали только о том, как бы найти подходящую гавань для починки полученных повреждений. До гавани, о которой мечтали английские моряки, они добрались 17 июня; она находилась возле устья потока, названного Куком рекой Индевер. Немедленно приступили к работам, необходимым для приведения в порядок корпуса корабля, и вели их со всей возможной быстротой. Больных разместили на суше, а офицеры много раз съезжали на берег, чтобы попытаться застрелить какую-нибудь дичь и раздобыть для страдавших цингой немного свежего мяса. Тупиа увидел животное, которое, по его описанию, Банкс счел за волка. Но несколько дней спустя

¹ Лисель — парус, паруса, поднимаемые при слабых ветрах на двух передних мачтах сбоку от основных прямых парусов.

охотники спугнули нескольких таких животных, скакавших на двух задних ногах и делавших огромные прыжки. То были кенгуру, крупные сумчатые животные, встречающиеся только в Австралии; ни один европеец до тех пор их не видел.

В этих местах туземцы оказались менее свирепыми, чем в какой-либо другой части побережья. Они не только решились приблизиться, но, убедившись в дружелюбном отношении англичан, провели несколько дней в их обществе.

«Обычно среднего роста, они отличались, — говорится в отчете, — исключительной миниатюрностью рук и ног; кожа у них цвета сажи или темно-шоколадная; черные, но не шерстистые волосы, у одних гладкие, у других курчавые, коротко острижены. Некоторые части тела были выкрашены в красный цвет, а у одного из туземцев на верхней губе и на груди имелись белые полосы, которые он называл „карбанда“. Черты лица ни в коем случае нельзя назвать неприятными; у них очень живые глаза, белые ровные зубы, нежный и мелодичный голос».

Некоторые туземцы носили необыкновенное украшение, виденное Куком до того лишь в Новой Зеландии: птичья кость толщиной с палец продевалась в носовую перегородку.

Несколько позже вспыхнула ссора из-за черепах; их поймали матросы, а туземцы требовали своей доли, хотя совершенно не участвовали в охоте. Увидев, что их домогательствам не собираются уступать, они ушли разъяренные и подожгли траву вокруг лагеря англичан. Все, что могло гореть, погибло в этом пожаре, и огонь, распространившийся на большое расстояние по холмам, представлял ночью впечатляющее зрелище.

Банкс, Соландер и еще несколько человек занимались охотой, оказавшейся удачной; им удалось убить кенгуру, опоссумов¹, динго, множество видов змей, в том числе несколько ядовитых. Они видели также стаи птиц: коршунов, соколов, иволг, хохлатых и обыкновенных попугаев, голубей и других — совершенно им неизвестных.

Покинув стоянку у реки Индевер, Кук смог убедиться, какие трудности представляет плавание в этих краях. Со всех сторон виднелись подводные скалы и отмели. В первый же вечер пришлось бросить якорь, так как плавание ночью среди лабирин-

¹ О поссум (сумчатая крыса) — сумчатое животное, живущее на деревьях. Водится в Австралии и Тасмании. Различные виды опоссумов встречаются также в Америке.

та рифов было сопряжено с риском сесть на мель. На краю горизонта море разбивалось о гряды подводных скал, как будто с большей силой, чем о другие; по-видимому, то была последняя гряда.

Когда после пяти дней борьбы с противным ветром Кук добрался туда, он увидел три острова, расположенных в четырех-пяти лье к северу. Но его злоключения еще не кончились. Корабль очутился опять среди рифов и цепей низких островков, находившихся так близко друг от друга, что пройти между ними представлялось немислимым. Кук задавал себе вопрос, не благо-разумнее ли повернуть назад и поискать другой путь. Однако за-держка, вызванная подобным обходом, безусловно не дала бы ему возможности вовремя достичь Ост-Индии. Наконец, против этого плана имелось чрезвычайно веское возражение: запасов провизии на корабле оставалось всего на три месяца.

В тот момент, когда положение стало казаться безнадежным, Кук решил уйти как можно дальше от берега и попытаться про-скочить через внешнюю гряду рифов. Вскоре он обнаружил про-ход, который спустя немного времени привел его в открытое море.

«Столь счастливый поворот судьбы не мог не вызвать живей-шей радости, — пишет Киппис. — Сердца англичан преисполни-лись ею, и весь их вид говорил об удовлетворении. В течение поч-ти трех месяцев им постоянно угрожала гибель. По ночам, когда корабль стоял на якоре, они слышали, как яростное море вокруг них разбивалось о скалы, и знали, что, стоит якорному канату по какой-нибудь несчастной случайности лопнуть, катастрофа будет неизбежной. Они прошли триста шестьдесят миль и все время были вынуждены ежеминутно забрасывать лот и измерять глуби-ну воды над рифами, среди которых двигались; это был един-ственный, вероятно, пример столь длительного плавания в подоб-ных условиях».

Хотя англичане избежали почти неминуемой катастрофы, у них оставалось еще немало поводов для беспокойства при мысли о предстоящем длинном пути по малоизученным морям: корабль набирал девять дюймов воды в час, помпы плохо работали, запасы провизии подходили к концу.

К тому же, спасшись от ужасной опасности, мореплаватели 16 августа снова оказались почти на краю гибели. Подхваченный приливом корабль очутился у линии бурунов, над которыми мор-ская пена взлетала на огромную высоту; так как бросить якорь

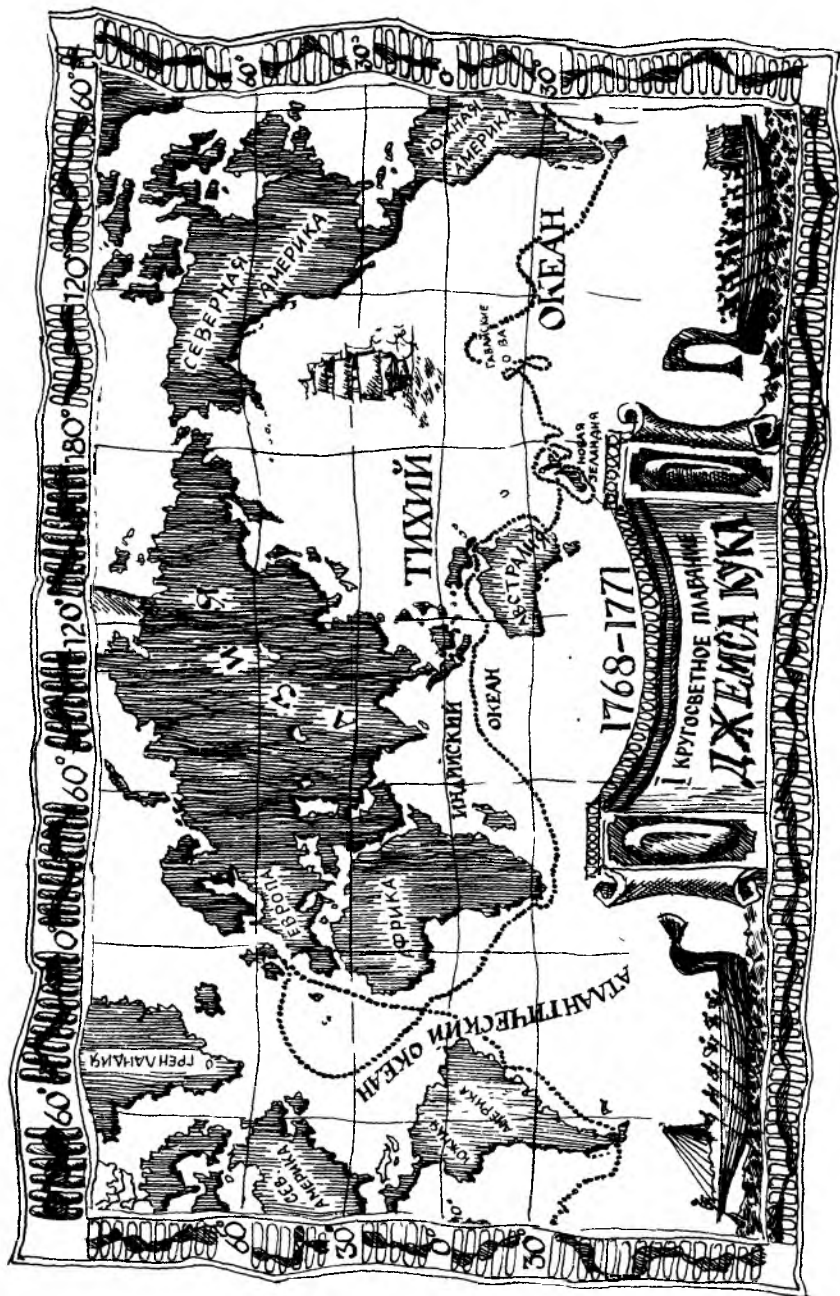
было невозможно и стоял полный штиль, не оставалось другого выхода, как спустить на море шлюпки, чтобы взять корабль на буксир. Несмотря на все усилия матросов, «Индевер» находился не больше чем в ста шагах от рифа, как вдруг поднялся легкий ветер — такой слабый, что при других обстоятельствах на него не обратили бы и внимания — и отнес корабль от опасного места. Однако через десять минут ветер утих, течение снова подхватило «Индевер», и он опять очутился в двухстах футах от бурунов. Еще несколько раз положение то улучшалось, то ухудшалось; наконец удалось обнаружить узкий проход.

«Попытка пройти через него была сопряжена с меньшей опасностью, чем та, которой мы подвергались, оставаясь в этом отчаянном положении, — говорится в отчете. — Поднявшийся, к счастью, легкий ветерок, усилия находившихся в шлюпках матросов и прилив дали возможность приблизиться к проходу, через который корабль затем пронесся с ужасающей быстротой. Сила течения не дала „Индеверу“ отклониться к тому или иному краю прохода, хотя тот имел в ширину не больше одной мили; что касается глубины его, то она, при очень скалистом дне, была чрезвычайно неравномерной, составляя то тридцать саженей, то семь».

Мы остановились несколько подробнее на описании событий этой части путешествия по той причине, что оно протекало по неисследованным морям, среди рифов и течений, опасных для моряков даже в том случае, если они отмечены на картах, и еще более опасных, когда идут — как пришлось Куку с самого начала его плавания вдоль берега Австралии — среди неизвестных препятствий, избежать которые не всегда могут помочь зоркость глаз и инстинкт моряка.

Оставалось выяснить последнюю проблему: не являются ли Австралия и Новая Гвинея одним материком? Отделены ли они друг от друга каким-нибудь морским рукавом или проливом?

Несмотря на опасности пути, Кук приблизился к земле и шел вдоль берега к северу. 21 августа он обогнул самую северную оконечность Австралии, названную им мысом Йорк, и вошел в пролив, усеянный вблизи от материка островами; это вселило в Кука надежду, что ему удалось наконец обнаружить проход в Индийский океан. Затем он еще раз высадился на берег, водрузил английский флаг, торжественно вступил от имени короля Георга III во владение всем восточным берегом от тридцать восьмой параллели до этого места, расположенного на $10^{\circ}30'$ южной широты; он,

как мы уже упоминали, назвал эту область Новый Южный Уэльс и, чтобы достойным образом завершить церемонию, приказал дать три пушечных залпа.

Затем Кук вошел в Торресов пролив, названный им проливом Индевер, открыл острова, расположенные посредине юго-восточного входа, и дал им название Уоллис, затем открыл острова Принца Уэльского и направился к южному берегу Новой Гвинеи, вдоль которого шел до 3 сентября, не имея возможности высадиться.

В этот день в сопровождении одиннадцати хорошо вооруженных людей, среди которых были Соландер, Банкс и его слуги, Кук сошел на берег. Не успели моряки удалиться от шлюпки на четверть мили, как из леса показались три туземца; с громкими криками они бросились на англичан.

«Тот, кто бежал первым, — говорится в отчете, — стал размахивать чем-то, что прежде висело у него на боку; мы увидели вспышки как бы пушечного пороха, но никакого шума взрыва не слышали».

Куку и его спутникам пришлось выстрелить в туземцев, чтобы добраться до шлюпки, откуда они могли их рассмотреть без помех. Жители Новой Гвинеи сильно походили на австралийцев, — как и те, коротко стригли волосы, не носили никакой одежды, лишь их кожа не казалась такой темной, поскольку она была менее грязной.

«Между тем туземцы продолжали время от времени метать огонь, производя по четыре-пять вспышек за раз. Мы не могли понять, что это был за огонь и с какой целью его метали; туземцы держали в руках короткую палку, — возможно, выдолбленный ствол тростника, — которой они размахивали из стороны в сторону, и при этом из нее вылетал огонь и дым, совсем как при выстреле из ружья, и так же быстро исчезающий. С корабля видели это странное явление, и у оставшихся на борту моряков создавалась полная иллюзия ружейной стрельбы. Да и мы сами не сомневались бы в наличии у туземцев огнестрельного оружия, если бы шлюпка не находилась так близко, что мы должны были бы слышать грохот выстрелов».

Это явление так и осталось необъясненным, несмотря на множество высказанных догадок, и лишь всегдашняя правдивость великого мореплавателя заставляет нас поверить в истинность его рассказа.

Несколько офицеров сразу же попросили разрешения съехать на берег, чтобы набрать кокосовых орехов и других плодов; но командир не захотел рисковать жизнью своих матросов из-за таких пустяков. К тому же он торопился в Батавию, чтобы там заняться починкой корабля. Наконец, он считал бесполезным терять время в этих местах, с давних пор посещавшихся испанцами и голландцами, где нельзя было рассчитывать сделать новые открытия.

Тем не менее по пути он уточнил местоположение нескольких мелких островов, затем миновал Тимор и сделал остановку на острове Саву, на котором голландцы лишь недавно обосновались. Там Кук пополнил запасы и в результате тщательных наблюдений определил координаты острова — $10^{\circ}35'$ южной широты и $122^{\circ}30'$ восточной долготы.

Стоянка была непродолжительной; вскоре английские моряки достигли Батавии и занялись ремонтом корабля. Но после стольких изнурительных трудов пребывание в стране с нездоровым климатом, где постоянно свирепствует лихорадка, оказалось роковым для экипажа. Банкс, Соландер, Кук и большинство матросов заболели; некоторые умерли, в том числе Монкхауз, судовой врач, Тушиа и маленький Танието. Лихорадка пощадилась только десять человек. 27 декабря «Индевер» вышел в море, а 5 января 1771 года остановился у острова Принца, чтобы взять провизию.

Начиная с этого времени болезни, свирепствовавшие среди экипажа, приняли еще более тяжелый характер. Двадцать три человека умерли; особенно приходится сожалеть об астрономе Грине.

После стоянки на мысе Доброй Надежды, где моряки встретили прекрасный прием, в котором они так сильно нуждались, Кук пустился в дальнейший путь, зашел на остров Святой Елены и 11 июня 1771 года бросил якорь в Лондонском порту после почти четырехлетнего отсутствия.

Так кончилось первое путешествие Кука — «путешествие, — пишет Киппис, — во время которого он подвергался стольким опасностям, открыл столько стран и столько раз проявил величие своей души, достойной отважных предприятий и мужественных усилий, выпавших на его долю!».

Глава четвертая

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА КУКА

I

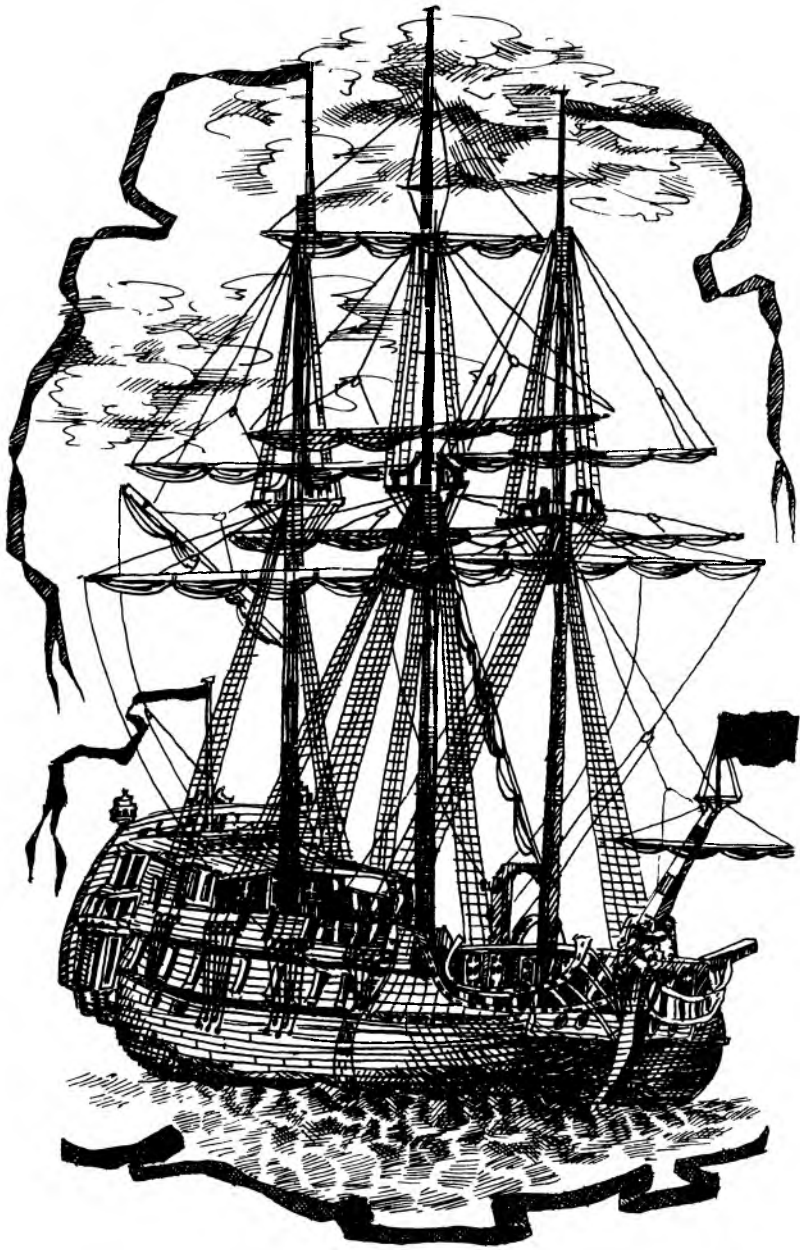
Поиски «Южного материка». – Вторая стоянка в Новой Зеландии. – Острова Туамоту. – Второе посещение Таити. – Исследование островов Тонга. – Третья стоянка в Новой Зеландии. – Второе плавание в Южном океане. – Исследование острова Пасхи. – Посещение Маркизских островов.

Если бы даже английское правительство не захотело вознаградить Джемса Кука за успешное выполнение возложенной на него задачи, общественное мнение заставило бы его это сделать. Великий мореплаватель, произведенный 29 августа в чин капитана 3-го ранга, гордый услугами, оказанными им родине и науке, счел эту награду не соответствующей его достижениям. Он мечтал о чине капитана 1-го ранга. Лорд Сандвич, стоявший тогда во главе Адмиралтейства, указал Куку, что ему не могли дать этот чин, не нарушив все принятые обычаи и правила прохождения морской службы.

Как бы там ни было, Кук занялся приведением в порядок материалов, необходимых для опубликования отчета о путешествии, но вскоре, привлеченный к очень важной работе, отдал свои заметки и дневники доктору Хоксуорту, который должен был подготовить их к печати.

Одновременно Кук передал результаты наблюдений над прохождением Венеры, проведенные им совместно с Грином, а также свои вычисления и астрономические расчеты Королевскому обществу, не замедлившему оценить их по заслугам.

Капитан Кук собрал интересные данные, но они не являлись исчерпывающими в том отношении, что не могли служить бесспорным опровержением гипотезы о существовании «Южного материка». Эта фантастическая идея все еще владела умами многих ученых. Им пришлось признать, что ни Новая Зеландия, ни Австралия не представляли собой части разыскиваемого материка и что плавание «Индевера» происходило в тех широтах, в которых он должен был бы на него наткнуться. Тем не менее они продолжали упорствовать. Материк, как они теперь утверждали, находился южнее, и рано или поздно его откроют, подтвердив их теоретические выводы.

Тогда правительство решило положить конец сомнениям, существовавшим на протяжении стольких лет, и с этой целью направить новую экспедицию. В выборе ее руководителя, конечно, не могло быть никаких колебаний. Характер путешествия требовал кораблей специальной конструкции. Так как «Индевер» был послан на Фолклендские острова, морское ведомство получило распоряжение купить два корабля, которые оно признает наиболее подходящими для этого плавания. Обратились за советом к Куку, и тот потребовал, чтобы корабли были прочные, неглубоко сидели в воде и в то же время обладали достаточным водоизмещением для погрузки запасов продовольствия и снаряжения в соответствии с численностью экипажа и продолжительностью кампании.

Итак, Адмиралтейство купило два корабля, построенные в Уитби на той же верфи, где когда-то был построен «Индевер». Большой из них, водоизмещением в 462 тонны, получил название «Резолюшен» («Решимость»). Второй, водоизмещением в 336 тонн, назвали «Адвенчер» («Приключение»). Их оснащение производилось в Дегтфорде¹ и в Вулвиче. Кука назначили командиром «Резолюшен», а капитан Тобайас Фюрно, плававший вторым помощником у Уоллиса, получил назначение командиром «Адвенчера». Второй и третий помощники, а также некоторые из низших командиров и матросов участвовали в экспедиции на «Индевер».

Легко можно понять, что оснащению было уделено максимальное внимание. Лорд Сандвич и капитан Палисер лично следили за ним на различных этапах.

На каждый корабль погрузили всякого рода запасы на два с половиной года. Кука снабдили необычными предметами питания, потребованными им в качестве противочинготных средств. К ним относились солод, соленая и кислая капуста, бульонные таблетки, ремень, горчица, а также морковный мармелад и сгущенное пивное сусло, действие которого было поручено проверить, по совету барона Шторха и Пелама, начальника продовольственного отдела Адмиралтейства.

На каждый корабль погрузили в разобранном виде небольшой баркас водоизмещением в двадцать тонн, предназначенный для того, чтобы команда в случае гибели корабля могла добраться на нем до населенных мест. В экспедиции приняли участие худож-

¹ Дегтфорд — юго-восточный пригород Лондона, расположенный на берегу Темзы. Во времена Кука в Дегтфорде находились крупнейшие в Англии корабельные верфи

ник-пейзажист Уильям Ходжес, два естествоиспытателя, Иоганн Рейнгольд Форстер и его сын Георг¹, и два астронома, У. Уолс и У. Бейли, с самыми совершенными наблюдательными приборами.

Одним словом, было предусмотрено все для того, чтобы экспедиция дала наилучшие результаты. И действительно, ей удалось собрать огромное количество новых материалов, которые внесли большой вклад в развитие естественных и физических наук, в этнографию, географию и науку о мореплавании.

«В Плимуте я получил, — сообщает Кук, — инструкции, датированные 25-м июня. Мне предписывалось возможно скорее достигнуть острова Мадейра, погрузить там вино и направиться через мыс Доброй Надежды, где я должен был дать отдых команде и снабдиться провизией и всем необходимым; затем двигаться на юг и попытаться отыскать Землю Буве (или иначе Землю Обрезания), якобы открытую французским мореплавателем Буве на 54-й южной параллели и примерно на 11°20' долготы к востоку от Гринвичского меридиана; если эта земля будет обнаружена — убедиться, является ли она частью материка или представляет собой остров; в первом случае не пренебречь ни малейшей возможностью для того, чтобы пройти вдоль него наибольшее расстояние; произвести там всякого рода исследования и наблюдения, могущие принести некоторую пользу мореплаванию и торговле и способствовать прогрессу естественных наук.

¹ Форстер Иоганн Рейнгольд (1729 — 1788) и его сын Форстер Георг (1754 — 1794) — видные немецкие естествоиспытатели. Младший Форстер был одним из самых выдающихся ученых и писателей Германии XVIII века. Это был человек огромной широты кругозора, проявивший себя и как замечательный революционный деятель. Он принял участие во Французской революции в качестве политического руководителя Майнской республики. В 1765 — 1766 годах Георг Форстер путешествовал с отцом по России и настолько хорошо освоил русский язык, что впоследствии переводил и печатал на английском языке труды М. В. Ломоносова. Находясь на английской службе, старший Форстер получил приглашение принять участие во второй кругосветной экспедиции капитана Д. Кука и добился разрешения взять с собою своего сына Георга, которому минуло тогда семнадцать лет.

Вернувшись в Англию, оба Форстера издали в 1776 году собрание своих материалов о флоре Полинезии, а затем в 1777 и 1778 годах Георг Форстер издал прославивший его труд на английском и немецком языках: «Путешествие вокруг света Иоганна Рейнгольда Форстера и Георга Форстера в 1772 — 1775 годах». Книга Форстера, до сих пор не утратившая своего научного значения, является в то же время произведением художественной литературы, так как по форме изложения не имеет ничего общего с сухими научными отчетами. Позднее Форстеры переехали в Германию, где Георг, активно сотрудничая в журналах, завоевал известность как талантливый публицист и литературный критик революционно-демократического направления.

Мне рекомендовалось также собрать сведения о склонностях, темпераменте, характере и количестве жителей, если таковые имеются, и употребить все не противоречащие чести средства к тому, чтобы завязать с ними отношения, исполненные согласия и дружбы.

Инструкции предлагали мне затем попытаться открыть новые земли к востоку или к западу от этой земли, в зависимости от того, где я окажусь, и подойти возможно ближе к Южному полюсу, двигаясь к нему до тех пор, пока позволит состояние кораблей, здоровье команды и запасы продовольствия; всегда заботиться о сохранении достаточного количества съестных припасов, чтобы иметь возможность достигнуть какого-нибудь известного порта, где можно было бы пополнить их запасы для возвращения в Англию.

Кроме того, мне предписывалось, если не удастся обнаружить Землю Буве или она окажется островом, идти к югу до тех пор, пока останется хоть малейшая надежда найти материк; затем направиться к востоку и открыть острова, которые могли бы быть расположены в этой части Южного полушария; держаться все время высоких широт, на возможно более близком расстоянии от полюса, пока я не обогну весь земной шар; затем направиться к мысу Доброй Надежды, а оттуда в Спитхед».

Тринадцатого июля Кук вышел из Плимутского залива и 29-го того же месяца прибыл в Фуншал на острове Мадейра. Там он погрузил свежую провизию и направился в дальнейший путь к югу. Вскоре, однако, убедившись, что запаса воды не хватит на переход до мыса Доброй Надежды, он решил прервать плавание, остановившись на островах Зеленого Мыса, и 10 августа бросил якорь в порте Прая, где провел четыре дня.

Остановкой в этом порту Кук, как обычно, воспользовался для того, чтобы собрать все сведения, которые могли бы оказаться полезными для мореплавателей. Его описание в настоящее время представляет тем большую ценность, что эти места теперь совершенно изменились и условия стоянки в результате произведенных в порту работ стали иными.

Двадцать третьего августа после жестоких шквалов, вынуждавших весь экипаж не покидать палубы, Кук, знавший о пагубном влиянии сырости в жарком климате и постоянно заботившийся о здоровье своей команды, приказал проветрить междупалубные помещения. Он распорядился даже развести там огонь, что-

бы обкурить их дымом и быстро просушить, приняв при этом не только те меры предосторожности, которые посоветовали лорд Сандвич и сэр Паллисер, но и те, которые ему подсказал опыт предыдущей кампании.

Благодаря неусыпной бдительности командира на «Резолюшен», когда он прибыл 30 октября на мыс Доброй Надежды, не было ни одного больного.

В сопровождении капитана Фюрно и обоих Форстеров Кук сразу отправился с визитом к голландскому губернатору барону Плеттенбергу, не замедлившему предоставить в его распоряжение все ресурсы колонии. Там Кук узнал, что два французских корабля под командованием капитана Мариона, отплывшие в марте от острова Маврикий, заходили на мыс Доброй Надежды, прежде чем направиться в южные моря, где они намеревались заняться открытием новых земель.

Во время стоянки, оказавшейся более длительной, чем предполагалось, Иоганн Форстер встретился с учеником Линнея, шведским ботаником Андреасом Спаррманом, и предложил ему принять участие в путешествии, пообещав большое жалованье. По этому поводу нельзя не воздать должное бескорыстию Форстера, не побоявшегося взять с собой соперника и даже платившего ему из своих личных средств, чтобы иметь возможность полнее изучить природу тех стран, которые ему предстояло посетить.

Двадцать второго ноября подняли якорь, и оба корабля пустились в дальнейший путь к югу, на поиски Земли Буве, открытой капитаном Буве 1 января 1739 года¹. Так как температура воздуха вскоре должна была понизиться, Кук распорядился выдать матросам теплую одежду, полученную от Адмиралтейства.

С 29 ноября до 6 декабря бушевала страшная буря. Корабли, сбитые с курса, были отнесены далеко на восток, и пришлось отказаться от мысли отыскать Землю Буве.

¹ Буве де Лозье Жан-Батист — французский мореплаватель первой половины XVIII века. В 1738 году на двух кораблях был отправлен в южную часть Атлантического океана на поиски «Южного материка». 1 января 1739 года Буве открыл на 54°51' южной широты и 4° восточной долготы покрытую снегом землю, небольшой полуостров которой он назвал мысом Обрезания. Географы того времени открытие Буве расценивали как доказательство существования «Южного материка», одной из оконечностей которого считался мыс Обрезания.

В действительности, как правильно предполагал Кук, Буве открыл не берег материка, а небольшой скалистый остров, географическое положение которого он определил неточно. В настоящее время остров носит имя Буве.

Другое последствие непогоды и внезапного перехода от жары к сильному холоду состояло в том, что почти все животные, взятые на мысе Доброй Надежды, погибли. Наконец, сырость очень плохо отражалась на здоровье матросов, и пришлось увеличить порцию спиртного, чтобы побудить их работать.

Десятого декабря на $50^{\circ}40'$ южной широты были встречены первые льды. Дождь и снег непрерывно сменяли друг друга. Вскоре туман стал таким густым, что одну из плавающих ледяных гор с кораблей заметили лишь тогда, когда до нее оставалось не больше мили. Один из ледяных островов, как сообщается в отчете, имел в высоту по меньшей мере 200 футов, в ширину — 400 и в длину — 2000.

«Если предположить, что он был абсолютно правильной формы, то часть, скрытая под водой, составила бы 1800 футов, а вся высота — около 2000 футов. В соответствии с приведенными выше размерами, весь объем ледяной горы равнялся 1600 миллионам кубических футов».

Чем дальше корабли продвигались на юг, тем многочисленнее становились ледяные горы. Море было очень бурное, и волны перекатывались через них, падая по другую сторону мельчайшей тонкой пылью. Это зрелище приводило в восхищение. Но восторг немедленно сменялся ужасом при мысли о том, что корабль, столкнувшись с какой-нибудь из огромных глыб, сразу пошел бы ко дну. И все же привычка вскоре породила хладнокровное отношение к опасности, и моряки лишь любовались непревзойденной красотой борьбы страшных стихий.

Четырнадцатого декабря огромное ледяное поле, тянувшееся до самого горизонта, преградило кораблям дальнейший путь на юг, и пришлось идти вдоль окраины льдов. То не была ровная ледяная поверхность, так как местами виднелись горы, подобные тем, какие встречались в предыдущие дни. Кое-кому показалось, что они различают подо льдом землю. Кук сам некоторое время находился в заблуждении; но туман рассеялся, и ошибка, легко, впрочем, объяснимая, стала очевидной.

Как выяснилось на следующий день, очень сильное течение увлекало корабли к востоку. Форстер-отец и астроном Уолс отправились в шлюпку, чтобы измерить его скорость. Пока они этим занимались, туман настолько сгустился, что они совершенно потеряли корабль из виду. Их положение — в жалкой шлюпке, без приборов и без запасов провизии, в огромном океане среди

льдов, вдали от всякого берега — было ужасным. Они долго блуждали по этой пустыне, тщетно стараясь дать о себе знать криками. Затем, боясь слишком отдалиться от корабля, они перестали грести. Наконец Форстер и Уолс начали терять всякую надежду, как вдруг до них донесся отдаленный звук колокола. Они немедленно налегли на весла и направились в ту сторону; с «Адвенчера» ответили на их крики и подобрали после нескольких часов мучительных переживаний.

В то время считали, что льды образуются в бухтах или устьях рек. Следовательно, по мнению наших исследователей, корабли находились поблизости от какой-то земли, расположенной, без сомнения, к югу, за непреодолимым ледяным полем.

Уже больше тридцати лье было пройдено в западном направлении, но так и не удалось найти во льду разводье, ведущее к югу. Тогда капитан Кук решил пройти такое же расстояние на восток. Если Земли Буве отыскать не удалось, можно было, по крайней мере, надеяться обогнуть ледяное поле, подойти ближе к полюсу и положить конец давним сомнениям ученых относительно того, существует «Южный материк» или нет.

Однако, хотя дело происходило в разгаре лета, в этой части земного шара с каждым днем становилось все холоднее. Матросы сильно страдали от мороза, и у них стали появляться признаки цинги. Выдача более теплой одежды и применение лекарств, рекомендуемых при подобных обстоятельствах — пивного сула и лимонного сока, — быстро ликвидировали болезнь и дали возможность команде переносить суровый климат.

Двадцать девятого декабря Кук окончательно убедился, что ледяное поле не соединялось с землей. Тогда он решил двигаться, если только его не остановит какое-нибудь препятствие, на восток, пока не достигнет меридиана Земли Буве.

В то время как он приводил в исполнение этот план, ветер задул с такой силой и море так разбушевалось, что плавание среди льдин, с ужасным грохотом сталкивавшихся между собой, стало чрезвычайно опасным. Тяжесть положения еще больше усугубилась, когда моряки увидели на севере ледяное поле, простиравшееся до самого горизонта. Не окажется ли корабль «затертым», как принято выражаться у китобоев, не попадет ли он на много недель в ледовый плен и не рискует ли он быть немедленно раздавленным?

Кук не пытался пробиться ни на запад, ни на восток. Он на-

правился прямо на юг. Теперь он находился на долготе, приписываемой Земле Буве, и в семидесяти пяти лье к югу от точки, где она когда-то была обнаружена. Следовательно, Кук доказал, что в том случае, если земля, упомянутая Буве, действительно существует — в настоящее время в этом нет сомнения, — то это мог быть лишь небольшой остров, а отнюдь не обширный материк.

У командира уже не было причин продолжать плавание в этом районе. На $67^{\circ}15'$ южной широты путь преградил новый ледяной барьер, тянувшийся с востока на запад, и в нем не удалось обнаружить никакого прохода. Наконец благоразумие заставляло Кука не задерживаться в полярных водах, так как две трети лета уже миновали. Поэтому он решил без дальнейших промедлений направиться на поиски земли, недавно открытой французами.

Первого февраля 1773 года корабли находились на $48^{\circ}30'$ южной широты и $38^{\circ}7'$ восточной долготы, то есть на меридиане острова Маврикий. После крейсировки к востоку и западу, не давшей никаких результатов, пришлось прийти к заключению, что если земля здесь и существует, то как очень маленький остров, иначе она была бы обнаружена.

Восьмого февраля командир с прискорбием убедился, что «Адвенчер» исчез из виду. Двое суток он тщетно поджидал спутника, подавая частые сигналы пушечными выстрелами, и по ночам поддерживал на палубе яркие костры. «Резолюшен» предстояло продолжать плавание одному.

Семнадцатого февраля между полночью и тремя часами утра моряки видели великолепное зрелище, до тех пор ни разу не наблюдавшееся ни одним европейцем. То было южное полярное сияние.

«Вахтенный офицер, — сообщает в отчете, — заметил, что время от времени от сияния отделялись лучи в форме спиралей или круга, и тогда оно разгоралось сильнее и приобретало исключительную красоту. Казалось, оно не возникало в каком-нибудь определенном месте; напротив, неподвижно вися в воздухе, оно время от времени заполняло весь небосвод, заливая его светом со всех сторон».

После еще одной попытки пересечь Полярный круг, от которого туман, дождь и огромные глыбы плавающего льда заставили отказаться, Кук взял курс на север, уверенный, что позади никакой большой земли не осталось, и достиг Новой Зеландии, где назначил место встречи с «Адвенчером» на тот случай, если корабли разъединятся.

Двадцать пятого марта Кук стал на якорь в бухте Даски-Саунд после ста семидесяти дней непрерывного плавания, в течение которых он прошел не меньше трех тысяч шестисот шестидесяти лье, ни разу не увидев земли.

Как только была найдена удобная стоянка, командир распорядился в изобилии снабдить команду дичью, рыбой и овощами. Сам он тем временем, большей частью с лотом в руках, разъезжал в шляпке вдоль ближайших берегов, встречая очень мало туземцев и лишь изредка завязывая с ними сношения. Впрочем, одна семья, несколько привыкнув к англичанам, расположилась в сотне шагов от источника, откуда брали воду. Кук устроил для маори концерт, на котором флейта и вольнка не имели никакого успеха, так как туземцы отдавали предпочтение барабану.

Восемнадцатого апреля на «Резолюшен» явился вождь со своей дочерью. Прежде чем взойти на корабль, он несколько раз ударил по его корпусу зеленым веслом, которое держал в руке, и обратился к чужеземцам с чем-то вроде речи или ритмичного приветствия, что являлось общераспространенным обычаем среди островитян Южного моря. Как только вождь вступил на палубу, он преподнес командиру кусок ткани и топор из зеленого нефрита — невиданная щедрость для новозеландцев.

Вождь подробно осмотрел корабль; чтобы выразить благодарность командиру, он засунул пальцы в висевший за поясом мешок и собрался смазать ему волосы находившимся там протухшим жиром. Куку с невероятным трудом удалось уклониться от такого проявления любви, столь же мало пришедшегося по душе и Байрону во время его посещения берегов Магелланова пролива. Но художнику Ходжесу, к величайшей радости всего экипажа, пришлось подвергнуться этой операции. Затем вождь исчез, чтобы больше не появляться, унес с собой девять топоров и штук тридцать столярных стамесок, подаренных ему офицерами. Став богаче всех островитян, вместе взятых, он, несомненно, поспешил унести свои сокровища в укромное место из боязни, чтобы у него их не отняли.

Прежде чем отправиться дальше, Кук выпустил на берег пять гусей — последних из числа захваченных им с мыса Доброй Надежды, рассчитывая, что они смогут расплодиться в этих малонаселенных местах; кроме того, он велел вскопать участок земли и посеял там семена некоторых огородных растений. Он трудился и для местного населения, и для последующих путешествен-

ников, чтобы те смогли найти здесь ценные продукты питания.

Закончив гидрографическое изучение бухты Даски-Саунд, Кук направился к проливу Королевы Шарлотты — условленному месту встречи с капитаном Фюрно.

Семнадцатого мая глазам моряков предстало великолепное зрелище. Шесть водяных смерчей, один из которых шириной в шестьдесят футов у основания прошел в ста футах от корабля, возникли один за другим, соединив энергичным вздохом облака и море. Зрелище длилось около трех четвертей часа, и чувство страха, вначале охватившее команду, вскоре сменилось восхищением, которое вызывали, особенно в ту эпоху, эти малоизученные явления природы.

На следующий день, в то время когда «Резолюшен» входил в пролив Королевы Шарлотты (пролив Кука), моряки увидели «Адвенчер», пришедший сюда уже шесть недель тому назад. Достигнув 1 марта Тасмании, Фюрно в течение семнадцати дней двигался вдоль ее берегов; однако ему пришлось отклониться от них, прежде чем он смог проверить свое предположение о том, что эта земля составляет часть Австралии. Опровергать эту ошибку он предоставил возможность хирургу Бассу. 9 апреля, добравшись до пролива Королевы Шарлотты, командир «Адвенчера» воспользовался свободным временем, чтобы засеять огород и завязать сношения с новозеландцами, получив при этом неопровержимые доказательства того, что они были людоедами.

Прежде чем продолжить плавание для поисков новых земель, Кук осуществил ту же идею, которая вдохновляла его и в Даски-Саунд. Он переправил на сушу барана и овцу, козла и козу, кабана и двух супоросных свиней. Он посадил также картофель, который до того рос лишь на самом северном из двух островов, составлявших Новую Зеландию.

Туземцы сильно напоминали жителей берегов Даски-Саунд; но они казались более беспечными, во время ужина перебегали из одной каюты в другую и поедали все, что им предлагали. Заставить их выпить хоть глоток вина или водки было невозможно, но им очень нравилась вода с сахаром.

«Они хватали, — рассказывает Кук, — все попадавшееся им на глаза, но возвращали, как только мы знаками давали понять, что не хотим или не можем дать им это. Особенно их прельщали стеклянные бутылки, которые они называли „таухау“; но когда им объяснили прочность и назначение железных изделий,

они стали предпочитать их стеклянным бусам, лентам и белой бумаге. Среди туземцев было несколько женщин; на их губах виднелось множество маленьких углублений, окрашенных в синевато-черный цвет; яркие румяна, приготовленные из смеси мела и жира, покрывали их щеки. Как и у женщин в Даски-Саунд, у них были тонкие кривые ноги и толстые колени; это объяснялось, конечно, тем, что они мало двигались и имели обыкновение сидеть скрестив ноги; некоторое значение имела также привычка сидеть в пирогах почти все время на корточках. Цвет кожи у них был светло-коричневый, волосы совершенно черные, лицо круглое; нос и губы несколько толстые, но не приплюснутые, глаза черные, довольно живые и не лишённые выразительности...

Выстроившись в ряд, туземцы сняли с себя верхнюю одежду; один из них запел примитивную песню, а остальные повторяли его жесты. Они выгибали вперед руки, топали по земле то одной, то другой ногой и судорожно извивались; последние слова они повторяли хором, и мы легко могли уловить в них какое-то подобие стихотворного размера; но я не уверен, были ли они рифмованные; мелодия звучала очень дико и однообразно.

Некоторые из новозеландцев справились о Тулия; узнав о его смерти, они выразили свою скорбь, скорее показную, а не искреннюю, чем-то вроде причитаний.

Кук не встретил ни одного туземца из числа виденных им во время первого путешествия. Из этого он сделал вполне правдоподобный вывод, что островитяне, жившие на берегу пролива в 1770 году, были оттуда изгнаны или добровольно ушли в какое-то другое место. К тому же количество жителей уменьшилось на две трети, а «па» оказалось покинуто, так же как множество поселений вдоль пролива.

Когда оба корабля были готовы к выходу в море, Кук дал инструкции капитану Фюрно, указав в них, что предполагает двигаться между 41° и 46° южной широты до 140° западной долготы; если земли на этом пути не окажется, он пойдет на Таити, где назначил место встречи, а затем возвратится в Новую Зеландию и обследует всю неизвестную полосу океана между этим островом и мысом Горн.

В конце июня, после нескольких жарких дней, на «Адвенчер» стали появляться признаки цинги. Но команду «Резолюшен» болезнь пощадила благодаря предупредительным мерам, о которых

Кук не забывал ни на один день: он сам постоянно подавал пример, употребляя в пищу сельдерей и ложечник¹.

Первого июля оба корабля находились на 25°1' южной широты и 134°6' западной долготы; эти координаты были указаны Картеретом для острова Питкэрн. Кук искал его, но не нашел. Состояние больных на «Адвенчере», к величайшему сожалению Кука, вынудило его прекратить поиски. Он хотел проверить и уточнить долготу этого острова и тем самым всех окружающих архипелагов, открытых Картеретом, ибо тот не имел возможности определить их с помощью астрономических наблюдений. Отказавшись от надежды отыскать «Южный материк», Кук взял курс на северо-запад и вскоре обнаружил группу островов из архипелага Туамоту, виденных Бугенвилем.

«Эти острова, которыми так изобилует между тропиками Южный океан, — пишет английский мореплаватель, — в своей наиболее низкой части едва выступают из воды и в лучшем случае возвышаются над уровнем моря на каких-нибудь, по всей вероятности, три-четыре фута. Нередко они имеют круглую форму; посредине расположена лагуна, а глубина моря вокруг берегов не поддается измерению. На этих островах почти ничего не растет; наибольшую ценность представляют кокосовые пальмы. Значительная часть островов, несмотря на бесплодность и маленькие размеры, заселена. Трудно сказать, каким образом могло произойти их заселение, и не менее трудно установить, откуда явились жители на самые высокие острова Южного моря».

Пятнадцатого августа Кук увидел остров Оснабрюк, или Мехетиа², открытый Уоллисом, и взял курс на Таити к бухте Оаити-Пиха, где рассчитывал погрузить возможно больше свежей провизии, а затем пуститься в дальнейший путь в Матавай.

(«Прекрасное того утра, — пишет Георг Форстер, — когда на расстоянии двух миль увидели остров Таити, не описал ни один поэт. Восточный ветер, сопутствовавший нам все время, стих. Поднявшийся с берега ветерок доносил чудесные, освежающие ароматы и гнал по морской глади легкую зыбь. Увенчаннные лесами горы с величественными очертаниями, высоко вздымая свои гордые вершины, уже рдели в первых утренних лучах солнца.

¹ Ложечник, или ложечная трава — растение из семейства крестоцветных, растет по берегам морей в умеренных и полярных широтах. Применяется в медицине как противочинготное средство.

² Остров Мехетиа в настоящее время называется Муруороа.

Ниже тянулась цепь невысоких, отлого спускающихся холмов, покрытых, как и горы, лесами и разнообразной прелестной зеленью, расцвеченной кое-где осенними коричневыми красками. Внизу расстилалась долина под тенью хлебных деревьев и многочисленных высоких пальм с царственными кронами. Все кругом еще казалось погруженным в глубокий сон. Только начало светать; над землей, уплывая, еще парили ночные тени. Но мало-помалу между деревьями стали выступать многочисленные дома и челноки, притянутые к песчаному берегу; на расстоянии полумили от суши, параллельно ей, тянулась гряда низких скал, через которые, пенясь, перекатывались волны прибоя. По другую сторону поверхность моря была гладкой как зеркало и сулила нам надежный причал. Но вот поднялось солнце и осветило долину. Туземцы проснулись, и пейзаж оживился. Как только с берега увидели большие корабли, несколько человек немедленно спустились вниз и, столкнув свои челны в воду, стали грести по направлению к нам»¹).

Велико мастерство того писателя, счастлив тот художник, который сумел найти такие свежие и такие разнообразные краски! В нарисованной им очаровательной картине почти ничто не потускнело от времени. Как жалко, что мы не были спутниками этих отважных моряков, этих ученых, так хорошо понимавших природу! Как жаль, что мы не посетим с ними этих невинных, мирных жителей во времена их золотого века, прошествие которого делает для нас еще более тягостным наш век железа!

Когда английские мореплаватели находились в полулье от рифа, ветер стих. Несмотря на все усилия, корабли чуть не разбились о скалы в виду столь желанного берега, но искусный маневр, которому, к счастью, помогли отлив и ветер с суши, спас их от гибели. Однако «Резолюшен» и «Адвенчер» получили несколько повреждений, и последний потерял три якоря.

Множество пирог окружили корабли; в обмен на бусины от островитян удалось получить большое количество различных плодов. Однако туземцы не привезли ни домашней птицы, ни свиней. Живность, виденная англичанами около хижин, принадлежала королю, и ее не разрешалось продавать. Многие из тайтян спрашивали о Банксе и о других спутниках Кука, сопровождавших его в первом путешествии. Некоторые осведомились также о

¹ Этот отрывок из книги Г. Форстера «Путешествие вокруг света в 1772 – 1775 годах» приводится в переводе с немецкого оригинала по сборнику «Немецкие демократы XVIII века». М.: Гослитгиздат, 1956. (Ред.)

Тупиа; но они перестали о нем говорить, как только узнали об обстоятельствах его смерти.

На следующий день корабли стали на якорь на рейде Оаити-Пиха в двух кабельтовых от берега, и палубы запрудили посетители и продавцы. Кое-кто воспользовался сумятицей, чтобы сбросить в свои пироги проданные ими товары, собираясь вторично получить за них плату. Решив положить конец такому мошенничеству, Кук прогнал обманщиков, предварительно их выпоров; впрочем, они перенесли наказание совершенно безропотно.

Днем оба капитана съехали на берег, чтобы обследовать ближайший источник питьевой воды, который оказался вполне подходящим. Пока они совершали эту небольшую прогулку, на корабль явилась толпа туземцев, пожелавших, видимо, оправдать дурную славу, приписанную им в предыдущих сообщениях Бугенвиля и Кука.

«Один из офицеров, стоявший на шканцах, — рассказывается в отчете, — хотел дать несколько бусин шестилетнему ребенку, находившемуся в одной из пирог, но уронил их в море. Ребенок немедленно бросился в воду и нырял до тех пор, пока не достал их со дна. Чтобы вознаградить его за ловкость, мы бросили ему еще другие мелочи; эта щедрость соблазнила многих мужчин и женщин, которые стали нас развлекать, проявляя исключительную подвижность в воде. При виде того, как они свободно держались на волнах, демонстрируя изумительную гибкость, мы готовы были принять их за земноводных животных».

Однако тайтян, поднявшихся на палубу, уличили в краже различных вещей. Один из них, большую часть дня остававшийся в каюте Кука, поспешил затем прыгнуть в море, и командир, возмущенный таким поведением, дал два выстрела над его головой. В шляпку, посланную для поимки пирог с ворами, как только она приблизилась к берегу, полетели камни, и пришлось выстрелить из пушки, чтобы заставить нападающих отступить. Эти враждебные столкновения не имели последствий; туземцы как ни в чем не бывало вернулись на корабль. Кук узнал от них, что большая часть его старых друзей из окрестностей Матаваи погибла в битве, происшедшей между жителями двух полуостровов.

Офицеры совершили много экскурсий по острову; Форстер, движимый страстью к ботаническим исследованиям, участвовал во всех прогулках. Во время одной из них ему представился случай наблюдать, как тайтянки выделывают ткани.

«Едва мы прошли несколько шагов, — рассказывает он, — как услышали доносившийся из леса шум. Идя на звук, мы добрались до маленького навеса, где пять или шесть женщин, сидевших по обе стороны длинной четырехугольной колоды, колотили по волокнистой коре тутового дерева, выделявая из нее ткань. Они пользовались для этой цели четырехугольным куском дерева с продольными и поперечными бороздами; образуемая ими сетка была различной частоты на разных сторонах. Женщины на несколько секунд прекратили работу, чтобы дать нам возможность осмотреть кору, колотушку и бревно, служившее им столом; они показали нам также в скорлупе большого кокосового ореха какую-то клейкую жидкость, которой они время от времени пользовались для склеивания кусков коры. Эта жидкость, полученная, насколько мы поняли, из растения *hibiscus exculentus*¹, совершенно необходима при изготовлении огромных полотнищ ткани, имеющих иногда два-три аршина в ширину и пятьдесят аршин в длину и состоящих из кусочков очень тонкой древесной коры... На работавших женщинах была старая, рваная, грязная одежда, а руки у них были очень зарубелые и мозолистые».

В тот же день Форстер увидел одного мужчину с исключительно длинными ногтями, очень гордившегося ими, как доказательством того, что он не должен работать для своего пропитания. По имеющимся сообщениям, такую же странную, ребяческую фантазию наблюдали в королевстве Аннам, Китае и во многих других странах. Только на одном пальце ноготь бывает короче, а именно на том, который служит для чесания — весьма распространенного занятия на всем Дальнем Востоке.

Во время другой прогулки Форстер видел островитянина, томно лежавшего на мягкой подстилке из травы и целый день занимавшегося поеданием кушаний, которыми жены его кормили. Эта унылая личность, жиревшая, не приносящая никакой пользы обществу, напомнила английскому ученому гневную фразу сэра Джона Мандевиля², возмущенного видом «подобного обжоры, проводившего дни, не помышляя о воинских подвигах, и жившего в свое удовольствие подобно свинье, откармливаемой в хлеву».

¹ Гибискус — род древесных растений, к которому принадлежит также хлопчатник. Древесина гибискуса столь же легка, как пробка.

² Вымышленный автор и герой книги «Путешествие сэра Джона Мандевиля» (начало XV века). Это увлекательное сочинение, полное нелепой фантастики и лжи, составлено в духе рассказов средневековых путешественников, насыщавших повествование всякими легендами и небывальщинами.

Двадцать второго августа Кук, узнав, что вождь Охеатуа находился поблизости и выражал желание его видеть, съехал на берег вместе с капитаном Фюрно, обоими Форстерами и несколькими туземцами. Он сразу узнал вождя, шедшего к нему навстречу с многочисленной свитой, так как много раз видел его в 1769 году.

Тогда этот вождь был еще ребенком и звался Те-Ори, но после смерти отца Охеатуа переменял свое имя. Он усадил командира на табурет и заботливо осведомился о некоторых англичанах, участниках предыдущего путешествия, с которыми ему приходилось часто встречаться. Кук после обычных приветствий подарил ему рубаху, топор, гвозди и разные другие мелочи; но из всех приношений наиболее ценным, вызвавшим восторженные крики туземцев, оказался пучок красных перьев, привязанный к проволоке.

Охеатуа, властителю Малого Таити, было, вероятно, лет семнадцать или восемнадцать. Высокого роста, хорошо сложенный, он имел бы величественный вид, если бы не выражение его лица, постоянно испуганное и недоверчивое. Туземного царька окружали многочисленные вожди и знатные люди, все исключительно рослые; один из них, с весьма затейливой татуировкой, поражал гигантским телосложением. Охеатуа, относившийся к нему с большим уважением, поминутно с ним советовался. Во время этой встречи Куку сообщили, что несколько месяцев тому назад на Таити заходило какое-то испанское судно; впоследствии он узнал, что то был корабль Доминго Буэгечеа, пришедший из Кальяо.

Пока Эреги, толстый советник короля, разговаривал с офицерами на религиозные темы и спрашивал у англичан, есть ли у них бог, Охеатуа забавлялся часами командира. Чрезвычайно удивленный их тиканием — «они разговаривают», повторял он в недоумении, — он осведомился, каково их назначение. Ему объяснили, что часы измеряют время и этим похожи на солнце. Охеатуа, желая доказать, что понял объяснение, сейчас же стал называть часы «маленьким солнцем».

Двадцать четвертого августа утром корабли снялись с якоря; множество пирога, нагруженных кокосовыми орехами и плодами, долго следовали за ними. Стремясь не упустить возможности приобрести европейские изделия, туземцы уступали свои товары по дешевке. Дело дошло до того, что дюжину самых лучших кокосовых орехов можно было приобрести за одну бусину. Изоби-

лие свежих продуктов не замедлило благотворно сказаться на здоровье матросов, и многие из них, по прибытии на Оснабрюк едва передвигавшие ноги, при отплытии с Таити бодро бегали по палубе.

Двадцать шестого августа «Резолюшен» и «Адвенчер» вошли в бухту Матаваи. Толпа таитян тотчас же поднялась на борт. Большую часть из них командир знал; особенно горячей встречи удостоился лейтенант Пикерсгилл, сопровождавший Уоллиса в 1767 году, а двумя годами позже — Кука.

Командир распорядился поставить палатки для больных, а также для бондарной и парусной мастерских; затем в сопровождении капитана Фюрно и обоих Форстеров он направился в селение Опарри. Шлюпка, на которой они плыли, вскоре прошла мимо кладбища — морай, уже известного англичанам под названием морай Тутаха. Когда Кук назвал его этим именем, один из туземцев, сопровождавших моряков, перебил его и сказал, что после смерти Тутаха морай называется Оту.

«Прекрасный урок для королей; таким способом им при жизни напоминают, что они смертны и что после смерти место их погребения не будет им принадлежать! Когда шлюпка проходила мимо кладбища, вождь и его жена спустили одежду с плеч; этот знак уважения, оказываемый островитянами всех сословий при приближении к морай, придает, по-видимому, подобным памятникам особо священный характер».

Вскоре Кук был принят королем Оту и после обычных приветствий вручил тому подарки, которые, по его мнению, могли представить наибольшую ценность. Кук понимал, насколько важно было завоевать дружбу этого человека, с первых же слов обнаружившего робость своего характера. Король, высокий, хорошо сложенный мужчина лет тридцати, осведомился о Тупиа и о прежних спутниках Кука, хотя ни одного из них и не видел. Затем были розданы многочисленные подарки наиболее влиятельным лицам из королевской свиты.

Женщины немедленно послали служанок «за большими полотнищами своих лучших тканей, окрашенных в ярко-красный, розовый или палевый цвет и надушенных самым ароматным маслом. Они накинули их поверх нашей одежды и так нагрузили нас, что мы с трудом могли пошевелиться».

На следующий день Оту явился с ответным визитом к командиру. Он поднялся на корабль лишь после того, как Кук обернул

вокруг себя множество полотнищ самых ценных туземных тканей, и не решился спуститься в междупалубное пространство, пока там не побывал его брат. Короля и свиту усадили завтракать, и все туземцы немедленно пришли в восторг от удобства стульев. Оту не пожелал попробовать ни одного блюда, но его спутники и не думали ему подражать. Король пришел в большое восхищение от великолепной болонки, принадлежавшей Форстеру, и выразил желание ее получить. Ему немедленно дали собачку, и с тех пор один из вельмож свиты постоянно носил ее за Оту. После завтрака командир сам в своей шляпке отвез короля, которому капитан Фюрно подарил козу и козла. Во время одной из экскурсий в глубь страны Пикерсгилл встретил старую Обереа, проявлявшую когда-то такую привязанность к Уоллису. Она, очевидно, лишилась всех высоких званий и была так бедна, что ничего не могла подарить своим друзьям.

Когда 1 сентября Кук покинул Матаваи, молодой таитянин, по имени Порео, попросил разрешения его сопровождать. Командир согласился, надеясь, что юноша окажется ему полезным. При виде того, как земля исчезала за горизонтом, Порео не смог удержаться от слез. Пришлось офицерам утешать его, обещая заметить ему отца.

Теперь Кук направился к острову Хуахине, отстоявшему всего на двадцать пять миль, и 3-го утром бросил якорь у его берегов. Островитяне привезли много жирных кур; это доставило англичанам большое удовольствие, так как на Таити они их раздобыть не могли. Вскоре рынок был наводнен свиньями, собаками и плодами; моряки с выгодой выменивали их на топоры, гвозди и стеклянные бусы.

На этом острове, как, впрочем, и на Таити, сохранились следы вулканических извержений, и вершина одного из холмов по форме сильно напоминала кратер. Ландшафт страны был тот же, что и на Таити, отличаясь только меньшими масштабами, так как Хуахине имеет в округности не больше семи-восьми миль.

Кук навестил своего старого друга Ори. Король, позабыв о всяких церемониях, бросился ему на шею, плача от радости. Затем он представил командиру своих приближенных, и тот вручил им подарки. Самому королю он подарил все, что имел наиболее ценного, ибо относился к нему как к отцу. Ори пообещал снабдить англичан всем необходимым и сдержал свое слово с исключительной честностью.

Однако 6 сентября утром матросы, принимавшие участие в обменном торге, были оскорблены каким-то туземцем, одетым в красный военный наряд: держа по палице в каждой руке, островитянин стал вести себя угрожающе. Кук, как раз в этот момент высадившийся на берег, вступил с ним в борьбу и в конце концов отнял у него палицу и разломал ее на куски.

В тот же день произошло еще одно событие. Ботаник Спаррман легкомысленно забрался в глубь острова, чтобы заняться сбором гербария. Несколько туземцев, улучив мгновение, когда он рассматривал какое-то растение, выхватили у него из-за пояса кинжал, единственное имевшееся у него оружие, ударили его им по голове и, накинувшись на него, разодрали в клочья и сорвали часть одежды. Спаррману удалось все-таки подняться, и он пустился бежать к берегу. Но кусты и колючки замедляли бег; туземцы догнали его и собирались уже отрезать ему кисти рук, чтобы завладеть рубахой, рукава которой были застегнуты, но он сумел зубами разорвать манжеты. Другие островитяне, увидев ученого голым и избитым, дали ему свою одежду и отвели к месту торга, где толпилось множество туземцев. В то мгновение, когда Спаррман появился в таком виде, все, не сговариваясь, убежали. Кук сначала заподозрил, не совершили ли туземцы какой-нибудь кражи, но, заметив естествоиспытателя и поняв истинную причину их бегства, он подозвал некоторых из них, заверил, что не будет мстить невиновным, и немедленно обратился с жалобой к Ори. Тот, расстроенный происшедшим, обрушился на своих подданных с гневными упреками и обещал предпринять все возможное, чтобы разыскать воров и украденные вещи.

И в самом деле, несмотря на мольбы туземцев, король сел в шлюпку командира и пустился вместе с ним на поиски виновных. Те где-то спрятались, и от мысли поймать их временно пришлось отказаться. Ори отправился с Куком на корабль и пообедал вместе с ним; когда он вернулся на берег, островитяне встретили его с невообразимой радостью, так как не надеялись больше увидеть.

«Один из самых приятных выводов, к которому мы пришли во время нашего путешествия, — пишет Форстер, — состоял в том, что здешние жители вовсе не погрязли в сладострастии, как неправильно утверждали первые путешественники, и что мы наблюдали среди них проявления самых человеческих и самых тонких чувств. В любом обществе имеются порочные люди; но злых людей в Англии и во всякой другой цивилизованной стране вы

насчитаете в пятьдесят раз больше, чем на этих островах».

Когда корабли снимались с якоря, Ори явился к командиру с сообщением, что воры пойманы, и предложил ему съехать на берег, чтобы лично присутствовать при их наказании. Но это оказалось невозможно. Тогда король пожелал проводить Кука, проследовал с ним с пол-лье по открытому морю, а затем распрощался самым нежным образом.

Стоянка была очень удачной. На кораблях имелось теперь больше трехсот свиней, не говоря уже о домашней птице и плодах. Если бы англичане пробыли там еще некоторое время, вряд ли им удалось бы раздобыть еще много продуктов.

Капитан Фюрно согласился взять к себе на корабль юношу, по имени Омаи, скромность и сообразительность которого должны были создать прекрасное мнение о жителях островов Общества. Когда молодой таитянин прибыл в Англию, граф Сандвич, первый лорд Адмиралтейства, представил его королю. В Банксе и Соландере Омаи нашел покровителей и друзей, обеспечивших ему теплый прием в лучших семействах Великобритании. Он прожил там два года и вернулся на родину на корабле Кука, совершавшего свое третье путешествие.

Командир направился к острову Ульетеа (Раиатеа), где туземцы оказали ему самый дружелюбный прием. Они с интересом осведомились о Тупия и англичанах, виденных ими на «Индевере». Король Ори поспешил возобновить знакомство с Куком и снабдил его разнообразными свежими продуктами, какие только имелись на острове. Во время этой стоянки Порео, ехавший на «Резолюшен», высадился на берег и остался здесь жить с молодой таитянкой, сумевшей его пленить. Его заменил уроженец острова Борабора — юноша лет семнадцати или восемнадцати, по имени Ойдиди, выразивший желание отправиться в Англию. Скорбь, проявленная туземцем при расставании с соплеменниками, говорила о его чувствительном сердце.

Семнадцатого сентября корабли, загроможденные четырьмястами с лишним свиней, домашней птицей и плодами, окончательно покинули острова Общества и направились к западу. Шесть дней спустя они очутились в виду одного из островов Херви (Мануаэ), а 1 октября бросили якорь у острова Эуа, который Кук вслед за Тасманом назвал Миддельбург (острова Тонга, или Дружбы). Туземцы встретили гостей радушно. Вождь, по имени Тиуни, поднялся на корабль, дотронулся до носа командира кор-

нем перечного дерева и, ни слова не говоря, уселся. Доброе согласие было установлено и закреплено подношением нескольких безделушек.

Тиуни повел англичан в глубь острова. В течение всей прогулки пришельцев окружала густая толпа туземцев, предлагавших им ткани и циновки в обмен на гвозди. Щедрость островитян нередко доходила даже до того, что они делали подарки и ничего не хотели брать взамен.

Тиуни привел новых друзей в свое жилище, расположенное в приятном месте в глубине красивой долины под тенью нескольких шедековых деревьев. Он угостил англичан напитком, приготовленным на их глазах из сока «кава» и обычно употребляемым почти на всех островах Полинезии.

Вот как делается этот напиток. Прежде всего куски корней растения, являющегося разновидностью перечника, разжевали, затем положили в большую деревянную чашку и залили водой. Когда настой был готов для питья, туземцы перелили его в сосуды из зеленых листьев, сложенных в виде кубка, вмещавшего больше полупинты¹. Только один Кук решился отведать этого напитка. Способ его приготовления отбил у остальных моряков всякое желание попробовать питье, но островитяне не проявляли подобной сдержанности, и чаша быстро опустела.

Затем англичане посетили несколько плантаций, отделенных одна от другой изгородями из тростника и соединявшихся между собой дощатыми калитками, навешенными на крюках. Тщательная обработка полей, сильно развитый инстинкт собственности — все говорило о более высоком уровне цивилизации, чем на Таити.

Несмотря на приветливый прием, оказанный Куку, он не смог достать ни за какую цену свиней и домашнюю птицу, а потому покинул Эуа и направился к острову Амстердам, называемому местными жителями Тонгатабу, где надеялся раздобыть необходимые ему съестные припасы.

Вскоре корабли стали на якорь на рейде Ван-Димен, на глубине восемнадцати саженей, в одном кабельтове от рифов, окаймляющих берег острова Тонгатабу. Туземцы, очень доверчивые, привезли ткани, циновки, оружие, украшения, свиней и домашнюю птицу. Ойдиди поспешил купить у них красные перья, по его словам чрезвычайно ценившиеся на Таити.

¹ Пинта — мера объема жидкостей и зернового хлеба в Англии и США: британская пинта эквивалентна 0,57 л.

Кук высадился на берег в сопровождении туземца, по имени Атгаго, с первой же минуты сильно к нему привязавшегося. Во время прогулки Кук увидел храм, несколько похожий на «морай» и носивший общее название «файтока». Храм стоял на искусственном холме, возвышаясь на шестнадцать — восемнадцать футов над поверхностью земли, и имел продолговатую форму; к нему вели две каменные лестницы. Построенный подобно жилищам островитян из столбов и поперечных жердей, он был покрыт пальмовыми листьями. По углам стояли два грубо изваянных деревянных изображения вышиной в два фута.

«Так как мне не хотелось оскорблять ни островитян, ни их богов, — рассказывает Кук, — я не решился до них дотронуться, но спросил у Атгаго, являются ли они „затуа“, то есть богами. Не знаю, понял ли он меня, но в ту же минуту он взял их в руки и достаточно бесцеремонно перевернул, словно то были простые куски дерева; тогда я убедился, что они не представляли собой изображений божества».

Произошло несколько краж, не испортивших, впрочем, отношений, и англичанам удалось запастись в большом количестве свежей провизией.

Незадолго до отплытия командиру довелось встретиться с человеком, окруженным исключительным почетом и единодушно признаваемым туземцами своим вождем.

«Я застал его сидящим, — пишет Кук, — с видом такой бессмысленной и сосредоточенной важности, что, несмотря на все слышанное о нем, принял его за идиота, которого народ обожал в силу каких-то суеверных представлений. Я поздоровался с ним и заговорил, но он ничего не ответил и даже не обратил на меня внимания... Я собирался было покинуть его, но один из островитян дал мне понять с достаточной определенностью, что то был вождь. Я предложил ему в подарок рубаху, топор, кусок красной ткани, зеркало, несколько гвоздей, медали и стеклянные бусы. Он их принял, вернее, позволил, чтобы все это надели на него или положили рядом; при этом он сохранил всю свою важность, не вымолвив ни слова и даже не повернув головы ни вправо, ни влево».

Однако на завтра вождь прислал корзины с бананами и жареную свинью, велел передать, что «арики» острова шлет подарок «арики» корабля.

Кук назвал этот архипелаг островами Дружбы (Тонга). Их в

свое время видели Схоутен и Тасман, упоминавшие о них под названиями островов Кокосовых, Предателей и Хорн.

Кук не смог пополнить запасы пресной воды и поэтому оказался вынужденным покинуть острова Тонга раньше, чем намеревался. Тем не менее он успел собрать некоторые сведения об естественных богатствах страны и нравах ее обитателей. Наиболее интересные из них мы вкратце приводим ниже.

Природа щедро одарила острова Тонгатабу и Эуа. Кокосовые и другие пальмы, хлебные деревья, ямс, сахарный тростник были там наиболее распространенными растениями. Из пригодных в пищу животных встречаются лишь свиньи и домашняя птица; собаки хотя и не водятся, но известны по названию. У берегов в изобилии ловится прекрасная рыба.

Такого же роста, как и европейцы, почти такие же светлые, жители этих островов сложены пропорционально и обладают приятными чертами лица. Туземцы имеют обыкновение свои от природы черные волосы красить какими-то порошками в белый, красный или синий цвет, что производит довольно странное впечатление. Обычай татуироваться общераспространен. Что касается одежды, то она весьма примитивна. Кусок ткани, обернутый вокруг талии и свисающий до колен, — вот и все, чем ограничиваются островитяне. Впрочем, женщины, которые на островах Тонга, как и повсюду, более кокетливы, чем мужчины, носят передник из волокон кокосовых орехов, украшенный ракушками, цветными лоскутками и перьями.

У туземцев были распространены некоторые странные обычаи, каких англичанам еще не приходилось нигде наблюдать. Так, например, они кладут на голову все, что им дарят; подобное обыкновение у них существует и при заключении торговых сделок. У островитян имеется также обычай отрезать себе одну или несколько фаланг и даже несколько пальцев в знак траура по умершему другу или родственнику. Жилища не образуют деревень, а раскиданы на большом расстоянии друг от друга среди плантаций. Они построены из тех же материалов и по тому же плану, как жилища на островах Общества, но поставлены несколько выше над землей.

Седьмого октября «Адвенчер» и «Резолюшен» снялись с якоря, на следующий день прошли в виду острова Пильстарт (Ата), открытого Тасманом, а 21-го того же месяца достигли залива Хокс в Новой Зеландии.

Кук высадив там несколько пар животных в надежде, что они смогут акклиматизироваться в этой стране, и направился в дальнейший путь к проливу Королевы Шарлотты. Застигнутый жестокой бурей, он оказался разлученным с «Адвенчером» и увидел его вновь лишь в Англии.

Пятого ноября командир закончил починку повреждений, полученных его кораблем, и, прежде чем пуститься в новое плавание в южные моря, пожелал выяснить количество и качество имевшихся у него продуктов. Как он установил, практически весь запас сухарей был непригоден в пищу.

Во время своего пребывания в этих местах Кук получил новое доказательство — более исчерпывающее, чем прежние, — того, что среди новозеландцев распространено людоедство. Один офицер купил голову юноши, недавно убитого и съеденного; при виде головы несколько туземцев выразили желание получить кусочек ее. Кук отдал им голову и по той жадности, с которой они набросились на отвратительное кушанье, мог убедиться, что эти каннибалы испытывают огромное удовольствие, лакомясь блудом, добывание которого сопряжено для них с большими трудностями.

Двадцать шестого ноября «Резолюшен» покинул Новую Зеландию и углубился в полярные области, где уже однажды побывал. Но насколько более трудной оказалась обстановка во время второй попытки! Хотя команда была в добром здравии, люди, ослабевшие после утомительных трудов, смогли бы, конечно, хуже сопротивляться болезням, тем более что на корабле не имелось свежей провизии. «Резолюшен» шел без спутника, в существование «Южного материка» никто уже не верил. Таким образом, экспедиция носила, так сказать, «разведывательный» характер. Речь шла о том, чтобы получить окончательное доказательство отсутствия новых, хоть сколько-нибудь значительных земель в этих пустынных краях.

Первые льды встретились лишь 12 декабря, значительно южнее, чем в прошлом году. Начиная с этого времени плавание изо дня в день протекало в характерных для высоких широт условиях. Ойиди был поражен белым дождем — снегом, таявшим у него в руке; но его изумление перешло все пределы, когда он увидел первую льдину, которую принял за белую землю.

«Одно явление поразило его еще раньше в южной зоне, — сообщается в отчете. — Пока корабли находились в этих широтах,

почти не бывало темноты, и в полночь мы могли писать при солнечном свете. Ойиди едва верил своим глазам и твердил нам, что соплеменники сочтут его лжецом, когда он им расскажет о каменном дожде и о вечном дне».

Впрочем, у молодого таитянина оказалось достаточно времени, чтобы привыкнуть к этому явлению, так как корабль дошел среди плавающих льдов до 71° южной широты. Лишь тогда, убедившись, что достигнуть материка, если бы даже он существовал, все равно было бы почти невозможно из-за льдов, Кук решил повернуть на север.

Все испытывали большую радость. На корабле не осталось ни одного человека, который не страдал бы сильным насморком или цингой. У самого командира появилась какая-то серьезная болезнь печени, вынудившая его слечь. В течение недели он находился между жизнью и смертью, и выздоровление его было долгим и мучительным. До 11 марта шли тем же курсом. Можно было представить себе общий восторг, когда на восходе впередсмотрящий закричал: «Земля! Земля!»

То был остров Пасхи Рогтевена. Когда «Резолюшен» приближался к берегу, пораженным взорам мореплавателей прежде всего открылись те гигантские статуи, водруженные на берегу, которые когда-то вызвали удивление голландцев.

«Широта острова Пасхи, — пишет Кук, — расходится лишь на одну или две минуты с той, которая указана в судовом журнале Рогтевена, а ошибка в долготе не превышает одного градуса».

Берег, состоявший из полуразрушенных мрачных скал, напоминавших глыбы железа, носил следы сильного подземного извержения. В центре острова, бесплодного и пустынного, можно было увидеть несколько отдельных плантаций.

Удивительно, что первое слово, произнесенное островитянами, когда они приблизились к кораблю и попросили бросить им конец, оказалось таитянским. Впрочем, все говорило о том, что жители острова Пасхи и Таити одного и того же происхождения. Как и таитяне, здешние туземцы были татуированы и одеты в ткани, напоминавшие те, что выделывались на островах Общества.

«Чтобы предохранить голову от действия солнца, — говорится в отчете, — островитяне изобрели несколько способов. Большинство мужчин носят обруч толщиной примерно в два дюйма, заплетенный от края до края травой и сверху покрытый большим

количеством черных перьев, украшающих шею птиц — фрегатов¹. У других имеются огромные шляпы из перьев клуши, величиной почти не уступающие громадным парикам европейских адвокатов; на некоторых, наконец, надеты простые деревянные кольца, с прикрепленными к ним белыми перьями чайки, развевающимися в воздухе. Женщины носят большие широкие шляпы из очень аккуратно сделанной циновки, изогнутой в виде конька с шишаком спереди и с двумя подвесками, свисающими сзади».

Равнина, которую исследовало несколько групп моряков, покрыта темными пористыми камнями и представляет унылое зрелище. Два-три вида чахлой травы, пробивающейся среди камней, хилые деревья — разновидность тутового дерева, гибискус, мимоза, несколько сортов бананов — вот и все представители растительного царства, встречающиеся среди беспорядочных нагромождений лавы.

Вблизи от места высадки возвышалась вертикальная стена из четырехугольных камней, сложенных по всем правилам строительного искусства и прочно скрепленных на долгие времена. Несколько дальше, посреди хорошо вымощенной площадки, стояла монолитная статуя около двадцати футов в высоту и свыше пяти футов в ширину, изображавшая человеческую фигуру по пояс; она была очень грубой работы, с плохо изваянной головой, с едва намеченными глазами, носом и ртом; только уши, очень длинные, как диктовалось принятой в стране модой, имели более законченный вид.

Эти памятники, очень многочисленные, по-видимому, не были воздвигнуты и изваяны тем народом, который встретили англичане, или же он успел сильно выродиться. Впрочем, если жители не поклонялись статуям, все же они относились к ним с некоторым почтением, так как проявляли недовольство, когда кто-нибудь ступал на окружавшую их мощеную площадку. Гигантские часовые охраняли не только берег моря. Они попадались и на склонах гор, в расщелинах скал; некоторые стояли или лежали на земле, поваленные в результате какого-то сотрясения, другие еще не были окончательно отделены от скалы, в которой их высекали. Какая внезапная катастрофа прервала эти работы? Кого изображали монолиты? К какой далекой эпохе восходят эти свидетельства деятельности народа, который навсегда исчез или воспоминания о

¹ Фрегаты — морские птицы тропического пояса, превосходные летуны, порой удаляющиеся на сотни километров от берега.

котором затерялись во тьме времен? Навеки неразрешимая тайна!¹

Обменная торговля шла бойко. Приходилось лишь тщательно следить за туземцами, умевшими воровать поистине с изумительной ловкостью. Кое-какие свежие продукты, которые удалось раздобыть, принесли большую пользу; однако недостаток пригодной для питья воды лишил Кука возможности пробыть на острове Пасхи более длительное время.

Теперь командир направился к Маркизским островам, открытым Менданьей и больше никем не посещавшимся с 1595 года. Но как только корабль вышел в море, Кук подвергся новому приступу болезни, уже доставившей ему столько мучений. Снова вспыхнула цинга, а у тех, кто совершал длинные прогулки по острову Пасхи, лица были обожжены солнцем.

Седьмого апреля 1774 года Кук увидел наконец Маркизские острова — после того как в течение пяти дней подряд искал их под разными координатами, указанными для них географами. Якорь бросили у острова Тахуата, названного Менданьей Санга-Кристина. Вскоре «Резолюшен» окружили пироги, на носу которых были навалены камни; у каждого туземца с руки свисала праща. Тем не менее отношения сложились дружелюбные и начался обменный торг.

«Островитяне отличались хорошим телосложением, — пишет Форстер, — у них были красивые лица, кожа желтоватого или темно-красного цвета, казавшаяся почти черной от татуировки, покрывавшей все тело... Долины по берегам нашей гавани густо поросли деревьями, и все соответствовало описанию, сделанному испанцами. За лесом, вдали от берега, мы видели много костров и из этого заключили, что страна густо заселена».

Трудность получения свежих продуктов заставила Кука скорее сняться с якоря. Но ему все же удалось собрать некоторые интересные сведения об этом народе, который он считал одним из

¹ Вопрос о строителях статуй острова Пасхи, об изобретателях загадочного письма «кохау ронго-ронго» и о заселении этого крохотного кусочка суши, затерянного в бескрайних океанских просторах, стал очень популярен во второй половине XX века — благодаря прежде всего исследованиям выдающегося норвежского ученого Т. Хейердала (см. не раз издававшуюся на русском языке его книгу о пребывании на острове Пасхи «Аку-Аку»). Принципиально иную точку зрения отстаивал француз Ф. Мазьер (его работа «Загадочный остров Пасхи» издана в русском переводе в 1970 г.). Из новейшей отечественной литературы по этому вопросу можно упомянуть такие книги, как «Атлантиды ищите на шельфе» А. М. Кондратова (Ленинград, 1988) и «Безмолвные стражи тайн. Загадки острова Пасхи» Ф. П. Кренделева и А. М. Кондратова (Новосибирск, 1990).

самых красивых в Океании. Здешние туземцы правильностью черт лица, по-видимому, превосходят всех остальных. Однако сходство их языка с языком таитян указывает, по всей вероятности, на общность происхождения.

К числу Маркизских островов относятся следующие пять: Магдалена (Фату-Хива), Сан-Педро (Могане), Доминика (Хива-Оа), Санта-Кристина (Тахуата) и Худ (Фату-Хуку), который назван так в память о мидшипмене (гардемарине), первым увидевшем его¹. Остров Тахуата прорезан цепью гор довольно значительной вышины; к ним примыкают холмы, поднимающиеся из самого моря. Между горами тянутся узкие плодородные долины, украшенные плодовыми деревьями и орошаемые ручьями с превосходной водой. Залив Мадре-де-Дьос, названный Куком заливом Резолюшен, расположен почти посредине западного берега острова. Там имеются две бухты с песчаным дном, в которые впадают два ручья.

II

Новое посещение Таити и архипелага Тонга. — Исследование Новых Гебрид. — Открытие Новой Каледонии и острова Пайнс. — Стоянка в проливе Королевы Шарлотты. — Южная Георгия. — Злоключения «Адвенчера».

Двенадцатого апреля Кук покинул Маркизские острова и взял курс на Таити; пятью днями позже он очутился среди архипелага Туамоту. Он пристал к острову Тикей (Румянцева), открытому Байроном; жители, имевшие основание быть недовольными этим мореплавателем, приняли англичан холодно. Последним удалось раздобыть там лишь десятка два кокосовых орехов и пять свиней, по-видимому в изобилии водившихся на этом острове. В другом районе прием оказался более дружелюбным. Туземцы обняли чужестранцев и потерялись с ними носами, как это имели обыкновение делать новозеландцы. Ойиди купил несколько собак; их длинная белая шерсть служила у него на родине украшением кирас воинов.

«Туземцы, — рассказывает Форстер, — сообщили нам, что они собирают растущую на камнях ядовитую траву, смешивают ее с

¹ Автор упоминает только южную группу Маркизских островов. Между тем северо-западнее располагаются три относительно крупных острова центральной и три острова северной группы.

какими-то ракушками и бросают в море, как только увидят косяк рыбы. Эта приманка опьяняет на некоторое время рыбу, и, усыпленная, она всплывает на поверхность, где ее без всякого труда подбирают».

На дальнейшем пути были обнаружены еще несколько островов этого обширного архипелага, в том числе группа Пагубных островов, где Роггевен потерял свою галеру «Африканен» и которым Кук дал название островов Паллисера; он нашел, что они мало чем отличаются от только что покинутого им острова Тикей. Затем он взял курс на Таити, куда его матросы, уверенные в доброжелательности туземцев, стремились как на вторую родину. 22 апреля «Резолюшен» бросил якорь в бухте Матаваи; оказанный англичанам дружеский прием вполне оправдал их надежды. Несколько дней спустя Оту и другие туземные вожди посетили корабль и принесли в подарок с десяток жирных свиней и плоды.

Первоначально Кук намеревался оставаться на Таити лишь столько времени, сколько будет необходимо для того, чтобы астроном Уолс мог произвести ряд наблюдений, но изобилие свежих продуктов побудило его продлить стоянку.

Двадцать шестого апреля утром командир отправился с несколькими офицерами в Опарри нанести официальный визит местному вождю и увидел огромную флотилию из трехсот с лишним пирог, выстроившуюся вдоль берега в полной боевой готовности. Одновременно на берегу скопилось значительное количество воинов. Эта грозная сила, собранная за одну ночь, сначала вызвала в офицерах подозрения; но оказанный им прием быстро их успокоил. Сто шестьдесят больших двойных военных пирог, украшенных флагами и вымпелами, и сто семьдесят пирог поменьше, предназначенных для перевозки припасов, составляли флотилию, насчитывавшую не меньше семи тысяч семисот шестидесяти человек воинов и гребцов.

«Вид флотилии, — рассказывает Форстер, — значительно укрепил наше мнение о могуществе и богатстве острова, и весь экипаж пришел в изумление. Вспоминая о первобытных орудиях таитян, мы не могли не восхищаться терпением и трудом, необходимыми для того, чтобы повалить огромные деревья, нарезать и обтесать доски и довести, наконец, эти громоздкие сооружения до такой степени совершенства. Работы производились с помощью каменного топора, долота, куска кораллового обломка и кожи ската. Вожди и все воины, находившиеся на боевых пло-

щадках, были облачены в военные наряды, то есть в огромные полотнища тканей, тюрбаны, кирасы и шлемы. Высота некоторых шлемов сильно стесняла их владельцев. В целом одежда казалась не слишком удобной для сражения и скорее подходила для парада. Как бы там ни было, она, несомненно, придавала зрелищу величественный вид, и воины не упускали возможности показать себя в самом выгодном свете».

Прибыв в Матаваи, Кук узнал, что грозный флот был предназначен для нападения на остров Эймео (Муреа), вождь которого отказался подчиняться королю Таити и объявил себя независимым.

В последующие дни командира навестили несколько его старых друзей. Все они выразили горячее желание получить красные перья, очень высоко ими ценившиеся. Одно перо являлось в их глазах более ценным подарком, чем бусина или гвоздь. Желание приобрести перья было у таитян так велико, что они предлагали в обмен свои своеобразные траурные одежды, которые ни за что не хотели продать Куку во время его первого путешествия.

«Эти одежды из самых редких материалов, добываемых на острове и в окружающем его море, сделанные с исключительной тщательностью и искусством, представляют, должно быть, для островитян значительную ценность. Нам удалось купить не менее десяти нарядов, которые и были привезены в Англию».

Ойиди, предусмотрительно запасшийся значительным количеством красных перьев, смог удовлетворить все свои прихоти. Таитяне смотрели на него как на какое-то чудо и, по-видимому, с большим интересом выслушивали его рассказы. Его общества искала не только высшая знать острова, но даже семья вождя. Он женился на дочери вождя Матаваи и привел свою жену на корабль, где каждый с удовольствием преподнес ему что-либо в подарок. Ойиди решил остаться на Таити, где встретил сестру, вышедшую замуж за могущественного вождя.

Несмотря на кражи, не раз омрачавшие дружественные отношения, англичане раздобыли за время этой стоянки больше провизии, чем когда-либо прежде. Старая Обереа, считавшаяся королевой острова во время стоянки «Дофина» в 1767 году, сама доставила свиней и плоды, в тайной надежде разжиться красными перьями, имевшими такой большой успех. Англичане очень щедро раздавали подарки и развлекали таитян фейерверком и военными упражнениями.

За несколько дней до отплытия командир был свидетелем еще одного морского парада. Оту приказал произвести примерное сражение; но оно длилось очень недолго, и проследить за всеми его подробностями оказалось невозможно. Этой флотилии предстояло вступить в битву через пять дней после отплытия Кука, и у того явилось было желание ее дождаться; однако, полагая, что туземцы опасаются, как бы англичане не уничтожили и победителей и побежденных, он решил не задерживаться.

Едва «Резолюшен» вышел из бухты, как один помощник канонира бросился в море, соблазненный прелестью жизни на Таити, а может быть, и обещаниями Оту, который считал, что присутствие европейца принесло бы ему значительные выгоды. Беглец немедленно был пойман шлюпкой, отправленной Куком в погоню. Командир очень жалел, что для поддержания дисциплины ему пришлось так поступить; если бы этот человек, не имевший в Англии ни родных, ни друзей, попросил у него разрешения остаться на Таити, он не отказал бы.

Пятнадцатого мая «Резолюшен» стал на якорь в гавани Оухаре на острове Хуахине. Старый вождь Ори одним из первых поздравил англичан с возвращением и вручил им подарки по случаю благополучного прибытия. Командир преподнес ему красные перья; но старый вождь, очевидно, предпочитал железо, топоры и гвозди. Он казался более вялым, чем во время первого посещения англичан; его умственные способности ослабели, что, несомненно, следовало приписать неумеренному употреблению опьяняющего напитка, который туземцы готовили из перченого кустарника. Авторитет Ори, по всей вероятности, все больше и больше падал; Куку пришлось заняться преследованием шайки воров, укрывавшихся в глубине острова, в горах, и не боявшихся грабить даже старого вождя.

Ори был благодарен англичанам за их неизменно хорошее отношение. Он последним покинул корабль, 24 апреля пустившийся в дальнейший путь; и когда Кук сказал ему, что они больше не увидятся, принялся плакать и произнес: «Пришлите сюда ваших детей, мы их хорошо примем».

Как-то раньше Ори осведомился у командира, как называется то место, где он будет погребен. «Степни»¹, — ответил Кук. Ори просил несколько раз повторить это слово, пока не смог его про-

¹ С т е п н и — церковный приход в Лондоне.

изнести. Тогда сотня людей закричала хором: «Степни, мораяи но Туте! Степни — могила Кука!» Великий мореплаватель, давая свой ответ, не подозревал об ожидавшей его печальной участи и о том, с каким трудом соотечественники отыщут его останки.

Ойиди, в конце концов решивший отправиться с англичанами на Хуахине, не встретил там того теплого приема, как на Таити. К тому же он был теперь далеко не так богат и его престиж упал.

«Это могло служить хорошим подтверждением, — сообщается в отчете, — той истины, что нет пророка в своем отечестве... Он расстался с нами с сожалением, ясно показывавшим, с каким уважением он к нам относился: когда наступило время разлуки, он бегал из каюты в каюту, чтобы всех обнять на прощанье. Я не в состоянии описать печаль, наполнявшую душу этого юноши, когда он наконец нас покинул; он смотрел на корабль, заливался слезами и в отчаянии упал на дно своей пироги. Миновав кольцо рифов, мы все еще видели его, простиравшего к нам руки».

Шестого июня Кук заметил остров Хау, открытый Уоллисом и называемый местными жителями Мопеха, а через несколько дней — группу необитаемых островков, окруженных кольцом бурунов, которой дал название Палмерстон — в честь одного из лордов Адмиралтейства.

Двадцатого был открыт крутой скалистый остров. Поросший высокими деревьями и кустарником, он имел лишь узкую полосу песчаного берега, куда вскоре прибежали несколько туземцев с очень темной кожей. С копьями и палицами в руках, они всячески проявляли свою враждебность, но благоразумно скрылись, как только увидели высаживавшихся на землю англичан. Вскоре войны снова появились, вызывая чужестранцев на бой и осыпая их градом стрел и камней. Спаррман был ранен в руку, а Кука чуть не пронзил дротик. Общий залп рассеял негостеприимных островитян, и столь нелюбезный прием послужил тому, что их родина получила название острова Савидж (Дикий).

Четыре дня спустя Кук вновь увидел архипелаг Тонга. На этот раз он остановился у острова Намука, названного Гасманом Роттердам.

Как только корабль бросил якорь, его окружило множество пирог, груженных бананами и другими плодами, которые островитяне меняли на гвозди и лоскуты старой ткани. Дружественный прием побудил естествоиспытателей высадиться на берег и отпра-

виться в глубь страны на поиски новых растений и других естественных богатств. По возвращении они без устали рассказывали о красоте и живописности романтических пейзажей, виденных ими, о приветливости и услужливости туземцев.

Впрочем, произошло немало краж, и одна из них, более серьезная, чем остальные, заставила командира прибегнуть к суровому наказанию. В этом случае был серьезно ранен выстрелом из ружья туземец, пытавшийся помешать захвату двух пирог, которые англичане хотели задержать до тех пор, пока им не будет возвращено украденное оружие. Именно во время второго посещения Кук дал этим островам название архипелага Дружбы (несомненно, в противопоставление острову Савидж), теперь замененное местным названием Тонга.

Продолжая держать курс на запад, неутомимый исследователь прошел в виду островов Леперс (Прокаженных), Аврора (Маэво), Пентекост и достиг наконец Маликоло (Малекула). Эти острова находятся в архипелаге, названном Бутенвилем Большими Кикладами (Новые Гебриды).

Как всегда, командир отдал приказ попытаться завязать с туземцами дружеские отношения и торговлю. Первый день прошел спокойно, и островитяне отпраздновали прибытие англичан играми и плясками; назавтра, однако, произошло событие, приведшее к общей стычке.

Какой-то туземец, не получивший разрешения подняться на корабль, приготовился пустить стрелу в одного из матросов. Соплеменники удержали его. В это мгновение Кук с ружьем в руках вышел на палубу. Первым делом он обратился к туземцу, который вторично прицелился в матроса. Не слушая увещаний, дикарь собрался пустить стрелу уже в командира, но тот опередил его и ранил выстрелом из ружья. В ответ на корабль обрушился град стрел, не причинив тому особого вреда. Кук вынужден был отдать приказ выстрелить из пушки над головами нападающих, чтобы их рассеять.

Однако через несколько часов туземцы снова окружили корабль, и обменная торговля возобновилась, словно ничего не произошло.

Кук воспользовался благоприятной обстановкой и в сопровождении вооруженного отряда высадился, чтобы заготовить дров и набрать воды. Человек пять туземцев с луками собрались на берегу. От группы отделился вождь и пошел навстречу командиру, дер-

жа в руке, как и тот, зеленую ветку. Произошел обмен ветками, мир был заключен, и несколько мелких подарков окончательно его скрепили. Теперь Кук получил разрешение заготовить дрова, впрочем, с условием не отдаляться от берега; естествоиспытателей, хотевших совершить прогулку в глубь острова и заняться обычными исследованиями, несмотря на все их протесты, островитяне привели обратно на пляж.

Местные жители не придавали никакой ценности изделиям из железа. Поэтому раздобыть свежую провизию оказалось очень трудно. Несколько человек согласились лишь отдать свое оружие в обмен на ткани, проявив при этом такую честность, к какой англичане не привыкли. «Резолюшен» уже тронулся в путь, а обмен еще не был завершен, и туземцы в своих пирогах старались изо всех сил не отстать, чтобы вручить предметы, за которые получили плату. Один из островитян с невероятным трудом догнал корабль и отдал свое оружие матросу, уплатившему за него и забывшему об этом, так как с тех пор прошло много времени. Когда матрос пожелал сделать туземцу подарок, тот отказался, давая знаками понять, что ему уже уплачено.

Этой гавани, покинутой 23 июля утром, Кук дал название Порт-Сандвич.

У командира создалось благоприятное впечатление о моральном облике жителей острова Маликоло, но не об их физических качествах. Маленького роста и непропорционально сложенные, с кожей цвета бронзы и плоским лицом, эти туземцы казались уродами. Если бы теория Дарвина известна была в то время, Кук — вне всякого сомнения — признал бы в них то недостающее звено между человеком и обезьяной, отсутствие которого приводило в отчаяние эволюционистов. Черные волосы островитян — жесткие, курчавые, короткие — и лохматая борода далеко их не красили. Но особенно забавный вид придавала им привычка перетягивать себе живот веревкой так, что они становились похожими на крупных муравьев. Драгоценностями и украшениями у них считались черепаховые серьги, браслеты из зубов свиньи, большие черепаховые кольца, белый плоский камень, втыкаемый в носовую перегородку. В качестве оружия им служил лук со стрелами, копье и палица. Наконечники стрел, которых иногда бывало по две или по три, были смазаны каким-то составом; видя ту тщательность, с какой туземцы постоянно прятали их в подолбе колчана, англичане решили, что этот состав ядовит.

Едва «Резолюшен» покинул Порт-Сандвич, как у всей команды появились колики, рвота и сильные боли в голове и суставах. Перед тем были пойманы и съедены две очень крупные рыбы, находившиеся, возможно, под влиянием той опьяняющей приманки, о которой мы говорили выше. Как бы там ни было, но прошло десять дней, прежде чем больные окончательно поправились. Попугай и собака, поевшие этой рыбы, подошли на следующий день. Спутники Кирса также пострадали от отравления.

Отойдя от Маликоло, Кук направился к острову Амбрим, где, по всей вероятности, имелся вулкан, а вскоре затем открыл группу маленьких островов, названных им Шеперд, в честь профессора астрономии Кембриджского университета. Затем «Резолюшен» прошел в виду островов Двух Холмов (Магасо), Монтегю, Хинчинбрук и самого крупного из всех — острова Сандвич (Эфате); последний остров не следует смешивать с архипелагом того же названия. Все эти острова, входящие в состав Ново-Гебридского архипелага, были покрыты богатой тропической растительностью и имели многочисленное население.

Два незначительных события нарушили спокойствие, царившее на корабле. Возник пожар, но его вскоре погасили, а один из солдат морской пехоты, упавший в море, был почти немедленно подобран.

Третьего августа Кук открыл остров Эроманга и на следующий день приблизился к берегу в надежде найти источник пресной воды и место для высадки. Многие моряки, отравившиеся рыбой на Маликоло, еще не вполне оправались, и пребывание на суше могло принести им значительную пользу. Однако прием, оказанный туземцами, которые были вооружены палицами, копьями и луками, показался подозрительным. Поэтому командир держался настороже. Островитяне, увидев, что они не могут убедить англичан вытащить шляпку на берег, вздумали их к этому принудить. Вождь и еще несколько человек попытались вырвать весла из рук матросов. Кук хотел выстрелить из ружья, но оно дало осечку. Тотчас в англичан полетели камни и дротики. Тогда командир скомандовал залп; к счастью, больше половины мушкетов также дали осечку, иначе произошло бы чудовищное кровопролитие.

«Островитяне, — рассказывает Форстер, — как видно, принадлежат к другой расе, чем жители Маликоло; их язык совсем иной. Они среднего роста, но довольно стройные, и черты их лица

отнюдь не неприятны; кожа темно-бронзового цвета, а лицо раскрашено у одних в черный цвет, у других — в красный; волосы курчавые и слегка шерстистые. Немногие женщины, которых мне пришлось видеть, казались очень уродливыми... На берегу я нигде не заметил пирога; островитяне живут в хижинах, крытых пальмовыми листьями; плантации вытянуты в ряд и окружены изгородью из тростника».

Нечего было думать о новой попытке высадиться на остров. Кук назвал место, где произошла стычка, мысом Предателей и, не задерживаясь больше, направился к виденному накануне острову, называемому туземцами Танна.

«Холм конической формы, самый низкий из всех тянувшихся цепью, — сообщает Форстер, — имел посередине кратер; холм был буровато-красного цвета и представлял собой груды спекшихся совершенно голых камней. Время от времени из кратера вырывался столб густого дыма, напоминавший большое дерево; вершина столба по мере того, как он поднимался, расширялась».

Десятка два пирога немедленно окружили «Резолюшен»; на самых больших из них находилось по двадцать пять человек. Туземцы попытались сразу же завладеть всем, до чего могли дотянуться: буюми, флагами, петлями от руля. Пришлось дать выстрел из четырехфунтовой пушки поверх голов туземцев, чтобы заставить их возвратиться на берег. Англичане высадились, но, несмотря на все розданные безделушки, не смогли добиться того, чтобы островитяне изменили свое подозрительное и враждебное отношение. Малейшего недоразумения, несомненно, оказалось бы достаточно, чтобы привести к кровопролитию.

Кук пришел к заключению, что жители острова Танна были людоедами, хотя у них в изобилии имелись свиньи, куры, съедобные корни и плоды.

Во время этой стоянки благоразумие требовало не отдаляться от берега моря. Тем не менее Форстер рискнул отправиться в небольшую прогулку и обнаружил источник с такой горячей водой, что дольше одной секунды в ней нельзя было держать палец.

Несмотря на все желание, английские моряки не имели возможности добраться до центрального вулкана, из кратера которого поднимались к облакам столбы пламени и дыма и вылетали довольно крупные камни. Во всех направлениях были видны курившиеся серными парами горы, а земля вокруг содрогалась в результате непрекращавшейся вулканической деятельности.

Жители острова Танна, хотя и не покидавшие своих убежищ, постепенно несколько привыкли к пришельцам, и вступать с ними в сношения стало менее трудно.

«Все эти народы, — пишет Кук, — проявляли по отношению к нам гостеприимство, учтивость и природную доброту, если только мы не возбуждали их подозрений... Нет никаких оснований порицать их поведение; в конце концов, с какой точки зрения они должны были нас рассматривать? Наши истинные цели были недоступны их пониманию. Мы входили в их гавани, и они не могли этому воспрепятствовать; мы старались являться к ним в качестве друзей; но мы высаживались на их землю и оставались на ней, пользуясь превосходством нашего оружия. Какое мнение могло создаться у островитян при подобных обстоятельствах? Им должно было казаться гораздо более вероятным, что мы пришли для захвата их страны, а не как друзья. Только время и более близкое знакомство убеждали их в наших добрых намерениях».

Как бы там ни было, англичане не смогли понять причину, по которой жители острова Танна препятствовали им проникнуть в глубь страны. Являлось ли это результатом природной недоверчивости? Подвергались ли туземцы частым нападениям врагов, как следовало предположить по их храбрости и искусному обращению с оружием? Это осталось неизвестным.

Островитяне совершенно не ценили предметы, которые англичане имели возможность им предложить, и поэтому никогда не приносили в больших количествах столь необходимые морякам плоды и съедобные корни. Они ни за что не соглашались продать свинью, даже в обмен на топоры, хотя и признавали их пользу.

Плоды хлебного дерева, кокосовые орехи, плод, похожий на персик и называвшийся «пави», ямс, сладкий картофель (батат), плоды дикой смоковницы, мускатный орех и много других неизвестных Форстеру растений — таковы были естественные богатства острова.

Двадцать первого августа Кук покинул остров Танна, один за другим открыл острова Эрронан, Анейтьюм, прошел вдоль острова Сандвич и, миновав Маликоло, а затем Эспириту-Санто, где без труда можно было опознать залив Сан-Фелипе-и-Сантьяго, расстался окончательно с этим архипелагом; он дал ему название Новые Гебриды, вошедшее в географическую науку.

Пятого сентября командир совершил новое открытие. На землю, в виду которой он находился, никогда прежде не ступала нога

европейца. То была северная оконечность Новой Каледонии. Первый замеченный выступ берега назвали мысом Колнет — по имени гардемарина, раньше всех увидевшего землю. Берег был окружен кольцом рифов; по ту сторону их шли две или три пироги, казалось направлявшиеся навстречу кораблю. Но на восходе солнца они спустили паруса, и больше их не видели.

Пролавировав в течение двух часов вдоль наружной цепи рифов, Кук обнаружил проход, который должен был дать ему возможность подойти к берегу. Он вступил в пролив и пристал к острову Балабио.

Местность оказалась бесплодной, поросшей только белесой травой. Лишь на большом расстоянии друг от друга виднелось несколько деревьев с белым стволом, по форме напоминавших ивы. То были «ниаули» (вид эвкалипта). Англичане заметили также несколько хижин, похожих на пчелиные ульи.

Еще не успели отдать якорь, как полтора десятка пирог окружили «Резолюшен». Туземцы обнаружили большую доверчивость и, приблизившись, приступили к обмену. Некоторые поднялись даже на корабль и с большим любопытством осмотрели все его закоулки. Они отказались притронуться к предложенным им кушаньям — гороховому пюре, соленой говядине и свинине, но с удовольствием ели ямс. Больше всего их изумили козы, свиньи, собаки и кошки — животные, совершенно им неизвестные, для обозначения которых в их языке не было даже слов. Гвозди, вообще все изделия из железа, красные ткани, как видно, представляли в глазах островитян большую ценность. Высокие и сильные, хорошо сложенные, с вьющимися волосами на голове и курчавой бородой, с кожей темно-коричневого цвета, туземцы говорили на языке, не имевшем, по-видимому, никакого сходства со всеми теми, что приходилось англичанам слышать до тех пор.

Когда командир высадился на берег, его встретили выражениями радости и удивления, естественного для людей, впервые увидевших предметы, о которых они не имели никакого понятия. Несколько вождей, водворив тишину, произнесли краткие речи, и Кук приступил к традиционной раздаче мелких изделий из железа. Затем офицеры смешались с толпой и занялись изучением островитян.

Многие из туземцев, казалось, были поражены какой-то разнообразностью проказы — руки и ноги у них сильно распухли. Почти совершенно голые, они не имели другой одежды, кроме повязан-

ной вокруг талии веревки, с которой свисал лоскут ткани из коры бумажной шелковицы (*Morus rourifera*). Некоторые носили огромные цилиндрические шляпы со сквозными отверстиями с двух сторон, напоминавшие кивера венгерских гусар. К ушам островитян, проколотым и выгнутым, были подвешены черепаховые серьги или трубочки из свернутых листьев сахарного тростника. Вскоре англичане увидели за окаймлявшими берег мангровыми зарослями¹ небольшую деревню. Ее окружали плантации сахарного тростника, ямса и бананов, орошавшиеся маленькими канавами, очень искусно отведенными от главного русла.

Кук без труда убедился, что единственное, чего он может добиться от островитян, — это разрешения свободно передвигаться по стране.

«Туземцы, — рассказывает он, — научили нас несколькими словам своего языка, не имевшим ничего общего с наречиями, на которых говорили на других островах. Жители обладали мягким и мирным, но очень беспечным характером; они редко сопровождали нас в прогулках. Если, проходя около их деревни, мы заговаривали с ними, они отвечали; но если мы продолжали путь, не вступая с ними в разговор, они не обращали на нас внимания. Женщины, впрочем, проявляли несколько больше любопытства и прятались в кустах, чтобы наблюдать за нами; но они соглашались приблизиться к нам только в сопровождении мужчин.

Островитяне, как видно, не сердились и не пугались, когда мы убивали из ружей птиц; напротив, если мы подходили к хижинам, юноши неизменно указывали нам птиц и с удовольствием смотрели, как мы стреляли. В это время года островитяне, вероятно, были не слишком заняты; они уже подготовили землю и посадили корнеплоды и бананы. Урожай ожидался лишь к лету, и, может быть, поэтому им было труднее, чем в другое время года, снабжать нас продуктами; мы, надо сказать, имели все основания считать, что новокаледонцам свойственно чувство гостеприимства,

¹ Мангровые заросли — непроходимые леса из мелких деревьев, растущих по болотистым, илистым берегам тропических океанов. Стебли и ветви мангровых деревьев дают многочисленные воздушные корни, вырастающие в илистое дно, образуя как бы подпорки, которые помогают дереву выдерживать волнение воды. Дыхательные корни поднимаются над почвой, бедной кислородом, и приспособлены для поглощения кислорода из воздуха. Семена произрастают на материнском растении и потом падают, вонзаясь длинным корнем в илистую почву.

благодаря которому жители островов Южного океана часто приносят такую пользу мореплавателям».

Сообщение Кука о беспечности новокаледонцев совершенно точно. Что касается их характера, то англичане провели на острове слишком мало времени, чтобы составить себе правильное представление; и, конечно, Кук никогда не подозревал, что туземцы были приверженцами ужасного обычая людоедства. На острове обитали лишь немногие виды птиц, хотя там водились перепела, горлицы, голуби, чирки, султанки, дикие утки и еще некоторые мелкие виды; никаких признаков четвероногих животных обнаружить не удалось, и старания командира раздобыть свежую провизию оказались безуспешными.

Во время стоянки у северной оконечности Новой Каледонии Кук совершил несколько экскурсий в глубь страны и взобрался на горную цепь, чтобы составить общее представление о стране. С вершины скалы он увидел с обеих сторон море и понял, что остров в этом месте имеет в ширину не больше десяти лье. В общем страна сильно напоминала некоторые районы Австралии, расположенные на той же широте. Растительность, по-видимому, была аналогичной, и леса, как и на Австралийском материке, росли без подлеска. Англичане сделали еще одно наблюдение: в горах они обнаружили ценные минералы; это указание подтверждено недавней находкой там золота, железной руды, меди, угля и никеля.

Во время стоянки произошло неприятное событие, подобное тому, которое чуть не стоило жизни части экипажа у берегов Маликоло.

«Мой помощник, — рассказывает Кук, — купил рыбу, убитую туземцем острогой близ того места, где мы набирали воду, и прислал ее на корабль. Эта рыба совершенно неизвестного вида, напоминающая ту, которую называют „*sun-fuch*“, из рода, определенного Линнеем как *tetrodon*¹. У нее была уродливая огромная удлиненная голова. Совершенно не подозревая, что рыба может оказаться ядовитой, я распорядился приготовить ее в тот же вечер на ужин. К счастью, на зарисовку и описание рыбы ушло очень много времени, и ее не успели зажарить; приготовили только печень. Оба Форстера и я отведали ее, а к трем часам ночи мы почувствовали крайнюю вялость и слабость в руках и ногах.

¹ *Sun-fuch* — это луна-рыба; но в тексте речь идет о так называемой «рыбе-жабе», которую Дж. Кук спутал со съедобной рыбой примерно такого же облика, которую он ел в 1770 году у берегов Новой Голландии (Австралии).

Я почти потерял чувство осязания и больше не мог отличить тяжелые предметы от легких, когда пыгался их сдвинуть. Горшок, полный воды, и перо казались мне одинакового веса. Прежде всего нам дали рвотное, затем заставили пропотеть, отчего нам стало значительно легче. Наутро одну из свиней, наевшуюся рыбьих потрохов, нашли мертвой. Когда туземцы явились на корабль и увидели подвешенную на палубе рыбу, они немедленно дали понять, что это вредная пища; они смотрели на нее с ужасом; но в момент продажи и даже после того, как рыба была куплена, никто из них не проявлял подобного отвращения».

Кук приступил к гидрографической съемке значительной части восточного берега. Во время поездки англичане увидели туземца с белой, как у европейца, кожей; эту белизну приписывали какой-то болезни, но оказалось, что то был альбинос, подобный тем, каких уже приходилось встречать на Таити и на других островах Общества.

Командир, хотевший акклиматизировать свиней в Новой Каледонии, с трудом уговорил туземцев принять кабана и свинью. Пришлось всячески расхваливать достоинства этих животных, легкость их разведения и даже преувеличить их ценность, прежде чем туземцы согласились, чтобы их выпустили на остров.

В общем, по описанию Кука, новокаледонцы — рослый, крепкий, деятельный, учтивый, мирный народ; он признает за ними очень редкое в здешних местах качество: они не воры. Однако мореплаватели, побывавшие в этой стране вслед за ним, в частности д'Антраксто, убедились на собственном опыте, что островитяне не сохранили своей честности.

У некоторых туземцев губы были толстые, нос приплюснутый, и они очень походили на негров. Курчавые от природы волосы еще больше дополняли сходство.

«Если бы спросили мое мнение, — пишет Кук, — о происхождении этого народа, то я высказался бы за то, что они нечто среднее между племенем, населяющим Танна, и жителями островов Дружбы, или же между жителями Танна и новозеландцами, а может быть, даже и между всеми тремя племенами, так как их язык в некоторых отношениях представляет собой не что иное, как смесь наречий, на которых говорит население этих разных стран».

Наличие у новокаледонцев большого количества разного рода наступательного оружия, палиц, копий, дротиков, пращей служит

указанием на частые войны. Камни, бросаемые с помощью пращей, были шлифованные и имели яйцеобразную форму. Круглые хижины островитян по большей части напоминали пчелиные ульи; их очень высокие крыши заканчивались наверху шпилем. В хижинах всегда горели один или два очага; но так как дым не имел другого выхода, кроме двери, то европейцы не могли там оставаться более или менее продолжительное время.

Питаются туземцы лишь рыбой, корнеплодами, в том числе ямсом и таро¹, и корой одного дерева, весьма малопитательной. Бананы, сахарный тростник, хлебные деревья встречаются редко, а кокосовые пальмы не достигают такой мощи, как на островах, на которых ранее побывал «Резолюшен». Количество жителей Новой Каледонии на первый взгляд могло показаться значительным, но, как совершенно справедливо отмечает Кук, его прибытие послужило причиной сбора всех живших по соседству туземцев, а лейтенант Пикерсгилл во время гидрографической съемки имел возможность убедиться, что остров населен очень слабо.

У новокаледонцев существовал обычай хоронить умерших. Некоторые участники экспедиции посетили кладбище, и в частности могилу какого-то вождя, представлявшую собой нечто вроде кургана, украшенного воткнутыми в него со всех сторон копьями, дротиками и веслами.

Тринадцатого сентября Кук покинул гавань Балабио и продолжал путь вдоль берегов Новой Каледонии, тщетно пытаясь раздобыть свежую провизию. Почти повсюду страна имела тот же бесплодный вид. В конце концов сразу же к югу от большого острова обнаружили меньший, получивший название Пайнс (Сосновый), так как он весь порос деревьями, похожими на сосны.

То был один из видов хвойных деревьев², подходящий для изготовления тонкого рангоута, в смене которого нуждался «Резолюшен». Поэтому Кук отправил к берегу шлюпку с рабочими для отбора и рубки необходимых ему деревьев. Некоторые из них имели в диаметре двадцать дюймов и семьдесят футов в высоту, так что в случае необходимости они годились бы на корабельную мачту. Итак, открытие этого острова представляло большую ценность, ибо он, не считая Новой Зеландии, являлся

¹ Таро — кустарник, культивируемый в тропических и субтропических странах. Подземные клубни таро, богатые крахмалом, употребляются в пищу. В сыром виде ядовит.

² Ботаники называют это дерево: араукария Кука.

единственным местом во всем Тихом океане, где можно было раздобыть лес на мачты и реи.

Держа курс на юг к Новой Зеландии, Кук 10 октября обследовал необитаемый островок, на котором ботаники собрали большую коллекцию неизвестных растений. То был остров Норфолк, где впоследствии поселилась часть потомков мятежников с «Баунти»¹.

Восемнадцатого октября «Резолюшен» еще раз бросил якорь в проливе Королевы Шарлотты. Огороды, которые англичане возделывали когда-то с таким старанием, новозеландцами были совершенно заброшены, и все же некоторые растения прекрасно развивались.

Туземцы приблизились к кораблю с большой опаской, видимо не желая снова вступать в сношения с чужестранцами. Узнав, однако, старых друзей, они проявили свою радость самыми причудливыми выходками. Когда их спросили о причине, заставившей проявлять такую осторожность и боязливость, они уклонились от прямого ответа, и можно было лишь догадываться, что за истекшее время произошло немало сражений и убийств.

Опасения Кука относительно участи «Адвенчера», о котором он ничего не знал со времени последней стоянки в этом самом месте, теперь еще больше усилились; но какие вопросы он ни задавал, ему не удалось добиться правды. О том, что произошло во время его отсутствия, он узнал лишь на мысе Доброй Надежды, где его ждали письма капитана Фюрно.

После того как на берег опять были высажены свиньи — Кук твердо решил населить ими Новую Зеландию, — 10 ноября «Резолюшен» пустился в путь и взял курс на мыс Горн.

¹ Мятежниками с «Баунти» Жюль Верн называет взбунтовавшихся против бесчеловечного обращения английских матросов с военного корабля «Баунти», которые в 1790 году высадились на необитаемый остров Питкэрн. На остров высадились восемь матросов-англичан и восемнадцать захваченных ими таитян. Вскоре матросы перебили всех мужчин таитян и перерезали друг друга. В живых остался один англичанин Смит, впоследствии присвоивший себе имя Адамс. Современные обитатели Питкэрна (140 человек) — потомки Адамса — патриарха этой удивительной колонии. Попытки англичан рассеять по островам Океании часть населения Питкэрна успехом не увенчались. Подавляющее большинство переселенцев неизменно возвращалось обратно. (См. документальную повесть В. Ровинского — «Мятежный корабль». М., 1957.)

Жюль Верн живо интересовался злоключениями матросов с мятежного корабля. В 1879 году писатель обработал в литературной форме их приключения и опубликовал новеллу «Мятежники с „Баунти“» (см. т. 15 настоящего собрания сочинений).

Первой землей, увиденной по окончании не ознаменованного новыми открытиями перехода, был западный берег Огненной Земли близ входа в Магелланов пролив.

«Часть Американского материка, представшая нашим взорам, — пишет капитан Кук, — имела довольно унылый вид; казалось, он был здесь расчленен на мелкие острова, далеко не высокие, но тем не менее очень мрачные и почти на всем протяжении бесплодные. Позади мы видели лабиринт высоких островов, покрытых снегом чуть не до берега... Это самая дикая страна, какую мне когда-либо приходилось видеть. Она казалась сплошь покрытой горами и скалами без малейших признаков растительности. Горы с крутыми вершинами, поднимавшимися на значительную высоту, обрывались ужасными пропастями. Нет, пожалуй, на земле другого места, где можно увидеть столь дикий ландшафт. Внутри страны горы были покрыты снегом, но вдоль берега моря тянулись голые утесы. Мы считали, что первые находятся на Огненной Земле, а другие представляют собой островки, расположенные таким образом, что образуют как бы сплошной берег».

Все же командир счел нужным провести некоторое время в этой обездоленной стране, чтобы раздобыть для команды хоть какую-нибудь свежую провизию. Он обнаружил надежную якорную стоянку в проливе Кристмас-Саунд (Рождества), гидрографическую съемку которого произвел с обычной тщательностью.

Охотники застрелили несколько птиц, а Пикерсгилл принес на корабль три сотни яиц морской ласточки и четырнадцать гусей. «Таким образом, — пишет Кук, — я смог раздать их всему экипажу, и это доставило матросам тем большее удовольствие, что приближалось Рождество Христово; если бы не такая удача, то на праздничный обед они имели бы только солонину».

Несколько огнеземельцев поднялись на корабль, причем их не пришлось особенно уговаривать. Кук описывает этих дикарей в выражениях, напоминающих рассказы Бутенвиля. Из протухшего тюленьего мяса, которым питаются туземцы, они предпочитают наиболее жирные куски — несомненно, отмечает командир, потому что жир согревает их и помогает переносить жестокий холод.

«Если бы, — добавляет Кук, — когда-нибудь возникло сомнение в преимуществе цивилизованной жизни над дикой, то одного вида этих индейцев оказалось бы достаточно для решения вопроса. До тех пор, пока мне не докажут, что человек, постоянно страдаю-

щий от жестокого климата, может быть счастлив, я ни за что не поверю красноречивым разглагольствованиям философов, не имеющих случая наблюдать человеческую природу во всем ее многообразии или же не прочувствовавших виденное ими».

Вскоре «Резолюшен» снова вышел в море и обогнул мыс Горн; затем корабль, пройдя проливом Ле-Мер, очутился в виду острова Эстадос, где была обнаружена хорошая якорная стоянка. Большие стада китов, для которых наступило время спаривания, тюлени и морские львы, пингвины и бесчисленные стаи бакланов оживляли эти края.

«На нас, на доктора Спаррмана и меня, — рассказывает Форстер, — чуть не напал старый тюлень, встреченный нами на скале, где собралось несколько сот этих животных; они, вероятно, выжидали исхода сражения. Доктор застрелил птицу и направился за ней, как вдруг старый тюлень зарычал, оскалил зубы и, как видно, решил преградить путь моему товарищу. Не успел я опуститься на колени, чтобы прицелиться, как раздался выстрел, и тюлень упал, сраженный на месте, а все стадо при виде повергнутого вожака моментально бросилось бежать в сторону моря. Некоторые из животных удирали так поспешно, что прыгали с высоты десяти, пятнадцати аршин на выступающие из воды остроконечные скалы. Я думаю, они не причинили себе никакого вреда, так как кожа у них чрезвычайно твердая, а слой очень упругого жира легко поддается сжатию».

Третьего января Кук покинул остров Эстадос и взял курс на юго-восток, чтобы исследовать ту часть океана, в которой он ни разу еще не побывал. Вскоре он достиг Южной Георгии, виденной в 1675 году Ларошем и в 1756 году Гюйо-Дюкло, командовавшим тогда испанским кораблем «Леон». Южная Георгия была открыта Куком 14 января 1775 года. Командир высадился в трех различных местах и вступил во владение островом от лица английского короля Георга III, в честь которого его и назвал. В глубине бухты Позешин (Владение) тянулись отвесные ледяные горы, во всех отношениях подобные тем, какие моряки видели в высоких южных широтах.

«Внутренняя часть страны, — сообщается в отчете, — была не менее дикой и ужасной. Вершины скал терялись в облаках, в долинах лежал вечный снег. Кругом ни одного дерева, ни одного крошечного кустика».

Покинув Южную Георгию, Кук углубился еще дальше на юго-

восток. Двигаться приходилось среди дрейфующих льдов. Постоянные опасности этого плавания истощили силы команды. В начале февраля был открыт остров, который Кук назвал Землей Сандвича. Самой южной точке этой земли он дал название Южной Туле¹, так как южнее ($59^{\circ}13'5''$ южной широты) в то время еще не заходил ни один мореплаватель.

Эти бесплодные пустынные земли никогда не будут иметь практического значения для торговли и географической науки. После установления самого факта их существования не осталось ничего иного, как двигаться дальше, ибо подробное изучение было связано с риском гибели всех ценных документов, которые «Резолюшен» вез в Англию.

Открытие в антарктических широтах изолированных островов убедило Кука в том, «что у полюса должна существовать суша, где образуется большая часть льдов, разносимых по обширному Южному океану». Это гениальное провидение полностью подтверждено трудами мореплавателей XIX столетия.

После новой бесплодной попытки обнаружить Землю Буве Кук решил направиться к мысу Доброй Надежды, куда и прибыл 22 марта 1775 года.

«Адвенчер» заходил туда, и капитан Фюрно оставил письмо с изложением событий, происшедших с ним в Новой Зеландии.

Достигнув 13 ноября 1773 года пролива Королевы Шарлотты, капитан Фюрно запасся водой и дровами, а затем отправил одну из шлюпок под командованием мичмана Рау, чтобы набрать съедобных растений. Но шлюпка не вернулась ни к вечеру, ни на завтра, и капитан Фюрно, не сомневаясь, что произошло какое-то несчастье, отправил на поиски новый отряд; ниже вкратце приводятся сведения, которые удалось собрать.

После бесплодного плавания вдоль берегов офицер Барни, командовавший шлюпкой, высадился вблизи от Травяной бухты и заметил следы своих товарищей. Были обнаружены обломки шлюпки и несколько башмаков; один из них принадлежал про-

¹ Кук назвал открытую им землю в честь первого лорда Адмиралтейства Джона Сандвича. Он предполагал, что это один большой остров, и поэтому назвал его Землею Сандвича. Туле — древние римляне так называли самую северную из известных им земель (Исландия или Гренландия). Отсюда и название самого южного из открытых в XVIII веке островов — Южная Туле. В 1820 году во время русской антарктической экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев установили, что это не один остров, а архипелаг, который получил название: Южные Сандвичевы острова.

павшему мичману. Одновременно какой-то матрос принес кусок свежего мяса, которое моряки приняли за собачье, так как не знали еще, что туземцы были людоедами.

«Мы открыли, — рассказывает капитан Фюрно, — два десятка корзин, лежавших на берегу и перевязанных веревками. Одни были наполнены жареным мясом, а другие — корнями папоротника, употребляемого островитянами вместо хлеба. Продолжая поиски, мы нашли еще много башмаков и руку; мы сразу же признали руку матроса Томаса Хилла, потому что на ней по таитянской моде были вытатуированы буквы Т. Х.»

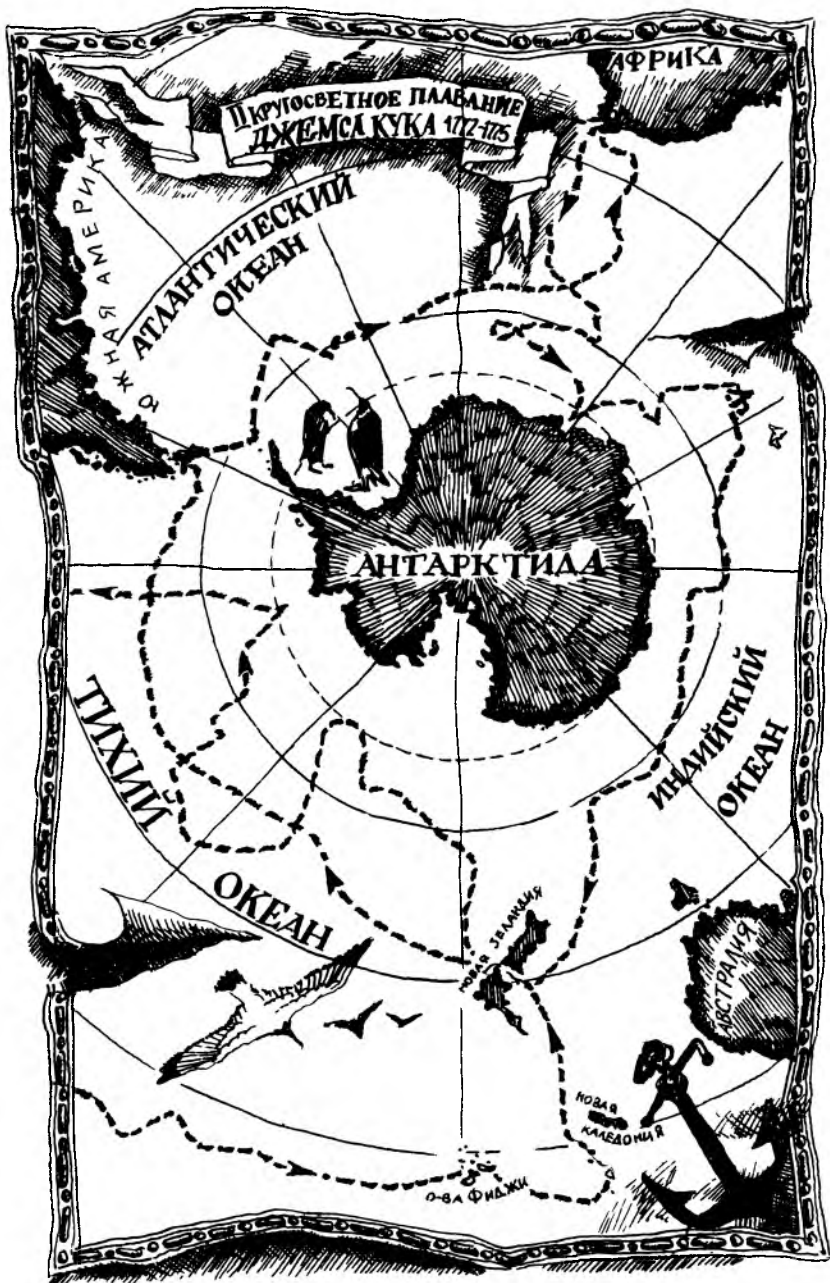
Несколько дальше Барни заметил четыре пироги и большую группу туземцев, собравшихся вокруг костра. Приставая к берегу, англичане дали залп, обративший в бегство всех новозеландцев, за исключением двух, которые медленно уходили, сохраняя полное хладнокровие. Один из них был тяжело ранен. Матросы вступили на берег.

«Вскоре нашим взорам предстало ужасное зрелище недавней резни: на песке валялись головы, сердца и легкие наших товарищей, а неподалеку собаки пожирала кишки».

У командира шляпки было слишком мало народа — всего десять человек, чтобы попытаться отомстить за это чудовищное преступление. Кроме того, погода начала портиться, а дикари стали собираться в большом количестве. Пришлось вернуться на «Адвенчер».

«Не думаю, — писал капитан Фюрно, — что это кровопролитие явилось результатом предварительного замысла со стороны дикарей, так как утром, покинув корабль, Рау встретил две пироги, которые подошли к нам и до самого полудня оставались в бухте. По всей вероятности, резня явилась следствием какой-то внезапно возникшей ссоры; возможно также, что туземцы соблазнились удобным случаем, ибо наши люди не приняли никаких мер предосторожности. Новозеландцев поощрило следующее обстоятельство: после первого залпа они убедились, что огнестрельное оружие не всегда является смертоносным, дает иногда осечки, и что после первого выстрела его надо перезарядить, прежде чем снова им можно будет пользоваться».

В этой роковой стычке «Адвенчер» потерял десять лучших матросов. 23 декабря 1773 года Фюрно покинул берега Новой Зеландии, обогнул мыс Горн, зашел к мысу Доброй Надежды и 14 июля 1774 года достиг Англии.

Погрузив необходимое продовольствие и починив свой корабль, Кук 27 мая вышел из бухты Фолс-Бей, сделал остановку на островах Святой Елены, Вознесения, Фернанду-ди-Норонья, Фаял (одном из Азорских островов) и 29 июля 1775 года возвратился наконец в Плимут. За длительное плавание, продолжавшееся три года и восемнадцать дней, он потерял всего четырех человек, не считая, конечно, десяти матросов, умерщвленных в Новой Зеландии.

Никогда еще ни одной экспедиции не удавалось совершить столько открытий, произвести такое количество гидрографических, физико-географических и этнографических наблюдений. Своими исследованиями, свидетельствовавшими о больших познаниях и изобретательности, капитан Кук разъяснил много темных мест в отчетах старинных путешественников. Ему принадлежат важные открытия, в частности Новой Каледонии. Он окончательно доказал, что «Южного материка» в тех широтах, где его искали, не существует. Великий мореплаватель почти сразу был по заслугам вознагражден за труды и перенесенные лишения. Через девять дней по прибытии в Англию его произвели в капитаны 1-го ранга, а 29 февраля 1776 года избрали членом британского Королевского общества.

Глава пятая

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА КУКА

I

Исследование земель, открытых французами. — Острова Кергелен. — Стоянка в Тасмании. — Пролив Королевы Шарлотты (пролив Кука). — Остров Палмерстон. — Большие празднества на островах Тонга. — Острова Общества.

В ту эпоху в порядок дня снова был поставлен вопрос, побудивший когда-то многих путешественников заняться исследованием морей, омывающих Гренландию. Существует ли на севере проход, по которому можно было бы проникнуть из Атлантического океана в Тихий, следуя вдоль берегов Азии или Америки? И если такой проход имеется, то пригоден ли он для мореплавания? Еще совсем недавно делались упорные попытки открыть этот морской путь в районе Гудзонова и Баффина заливов; теперь решили попытаться счастья, двигаясь через Тихий океан.

Задача была трудная. Лорды Адмиралтейства понимали, что прежде всего необходимо подыскать мореплавателя, знакомого с опасностями полярных морей, не раз уже доказавшего свое хладнокровие при самых тяжелых обстоятельствах, человека, который благодаря своим талантам, опыту и научным познаниям окажется в состоянии полностью использовать во время экспедиции мощное снаряжение.

Никто, кроме капитана Кука, не обладал всеми необходимыми качествами. Итак, обратились к нему. Хотя мореплаватель мог спокойно провести остаток своей жизни, работая в Гринвичской обсерватории, куда его назначили, и наслаждаясь на покое уважением и славой, доставленными ему двумя кругосветными путешествиями, он ни минуты не колебался.

Куку были доверены два корабля: тот же «Резолюшен» и «Дискавери» («Открытие»), — последним командовал капитан Чарлз Клерк, — оснащенные как и для предыдущей экспедиции.

Инструкции, данные начальнику, предписывали идти к мысу Доброй Надежды, а оттуда на юг, на поиски островов, недавно открытых французами на 48-й параллели и примерно на меридиане острова Маврикий. Затем ему следовало, если он сочтет нужным, зайти в Новую Зеландию, пополнить запасы на островах Общества и высадить там таитянина Омаи, после чего достичь Нового Альбиона (Калифорния), избегая высадок в каких-либо

испанских владениях в Америке, и направиться через Ледовитый океан к Гудзонову и Баффинову заливам — другими словами, попытаться отыскать Северо-Западный проход с востока. Затем, в случае необходимости, дав экипажу отдых на Камчатке, он должен был сделать еще одну попытку, а затем вернуться в Англию таким путем, какой сочтет наиболее целесообразным для прогресса географической и навигационной наук.

Корабли вышли в море не вместе. «Резолюшен» 12 июля 1776 года покинул Плимут, а 10 ноября на мысе Доброй Надежды к нему присоединился «Дискавери», который смог сняться с якоря лишь 1 августа. «Дискавери», сильно потрепанный бурей, нуждался в конопачении, и эта работа задержала оба корабля на мысе Доброй Надежды до 30 ноября. Командир воспользовался длительной остановкой для закупки животных, которых собирался высадить на Таити и в Новой Зеландии, а также для погрузки запасов из расчета двухлетней кампании.

После двенадцати дней плавания к юго-востоку на $46^{\circ}53'$ южной широты и $37^{\circ}46'$ восточной долготы Кук увидел два острова. Пройдя разделявший их пролив, он установил, что скалистые бесплодные берега необитаемы. Эти острова, как и четыре другие, расположенные на девять — двенадцать градусов восточнее, обнаружили в 1772 году французские капитаны Марион-Дюфрен и Крозе.

Двадцать четвертого декабря Кук заметил острова, открытые Кергеленом во время двух путешествий в 1772 и 1773 году (Острова Марион, Крозе и Кергелен).

Мы не станем упоминать здесь о сведениях, собранных английским мореплавателем относительно последнего архипелага. Так как они во всех отношениях сходятся с описаниями Кергелена, мы приведем их тогда, когда перейдем к рассказу о путешествии французского мореплавателя. Отметим только, что Кук произвел тщательную гидрографическую съемку берегов и 31 декабря покинул эти острова. Свыше трехсот лье корабли шли затем среди густого тумана.

Двадцать шестого января бросили якорь в бухте Адвенчер на острове Тасмания, в том самом месте, где четыре года тому назад пристал капитан Фюрно. Несколько туземцев навестили англичан; получив подарки, они не выразили никакого удовольствия.

«Среднего роста, — сообщается в отчете, — но несколько худощавые, они отличались очень темной кожей и черными, шерстистыми, как у папуасов Новой Гвинеи, волосами; однако у них не

было толстых губ и приплюснутого носа, характерных для африканских негров. Черты лица не производили неприятного впечатления. Глаза показались нам довольно красивыми, а зубы очень ровными, но грязными. У большинства туземцев волосы на голове и борода были вымазаны какой-то красной мазью, а некоторые той же смесью раскрашивали себе лицо».

Приведенное сообщение при всей его краткости очень ценно. В самом деле, вот уже несколько лет, как последние тасманийцы умерли, и этот народ совершенно исчез с лица земли.

Тридцатого января Кук пустился в дальнейший путь и вскоре стал на якорь на своей обычной стоянке в проливе Королевы Шарлотты. Пироги туземцев немедленно окружили корабли; однако ни один островитянин не решился подняться на палубу — они не сомневались, что англичане прибыли лишь для того, чтобы отомстить за убийство соотечественников. Когда морякам удалось убедить их в миролюбивости своих намерений, туземцы отбросили всякую подозрительность и осторожность. При посредстве таитянина Омаи, понимавшего язык новозеландцев, командир вскоре узнал причину ужасной трагедии.

Сидя на траве, английские моряки с «Адвенчера» ужинали, как вдруг островитяне украли у них несколько вещей. Какой-то матрос поймал и избил одного из воров. Когда туземец стал кричать, его соплеменники набросились на англичан; те убили двух человек, но затем были сами умерщвлены врагами, значительно превосходившими их численностью. Несколько новозеландцев указали капитану Куку вождя, руководившего резней, и горячо убеждали предать того смерти. Командир отказался, чем вызвал большое удивление туземцев и недоумение Омаи, который произнес:

— В Англии наказывают смертью за убийство одного человека; этот убил десятерых, а вы ему не мстите!

Прежде чем двинуться дальше, Кук доставил на берег свиней и коз в надежде, что животные со временем акклиматизируются в Новой Зеландии.

Омаи задумал увезти с собой на Таити какого-нибудь новозеландца. Два туземца выразили желание его сопровождать. Кук согласился взять их на корабль, предупредив, однако, что они больше никогда не увидят родины. Когда корабли потеряли из виду берега Новой Зеландии, двое юношей не смогли удержаться от слез. К их печали вскоре присоединилась морская болезнь. Но

как только она прошла, вместе с ней исчезло и уныние, и молодые новозеландцы очень быстро привязались к новым друзьям.

Двадцать девятого марта был открыт остров, который местные жители называли Мангаиа (остров Кука). Вняв убеждениям Омаи, туземцы решились подняться на палубу кораблей.

Островитяне были небольшого роста, но сильные и хорошо сложенные, с волосами, завязанными в узел на макушке головы, с длинной бородой; они имели обыкновение татуировать различные части тела. Куку очень хотелось сойти на берег, но враждебное настроение жителей его удержало.

Пройдя четыре лье, увидели новый остров, во всем похожий на первый. Жители его поначалу проявили больше дружелюбия, чем туземцы Мангаии, и Кук, воспользовавшись случаем, направил на берег отряд под командованием своего помощника лейтенанта Джона Гора и с Омаи в качестве переводчика. Естествоиспытатель Андерсон, Гор, офицер Барни и таитянин Омаи высадились на остров безоружные, рискуя наткнуться на враждебный прием.

Их торжественно встретила толпа мужчин с дубинками на плечах и, окружив со всех сторон, привела к трем вождям, уши которых были украшены красными перьями. Вскоре англичане увидели десятка два женщин, танцевавших под звуки медленной торжественной мелодии и не обративших никакого внимания на их прибытие. Разобщенные между собой, офицеры заметили, что туземцы стараются очистить их карманы, и стали уже опасаться за свою жизнь, но в это время к ним вернулся Омаи. Так они провели весь день. Англичан много раз заставляли раздеваться, чтобы островитяне могли хорошенько рассмотреть цвет их кожи. Наконец наступила ночь, и никаких неприятных происшествий не случилось; гостей отвели к их шлюпке и принесли туда кокосовые орехи, бананы и другую провизию. Возможно, своим спасением моряки были обязаны красноречию, с каким Омаи описал мощь огнестрельного оружия, и опыту, который он произвел перед туземцами, взорвав ружейный патрон.

В толпе, собравшейся на берегу, Омаи встретил трех земляков. Двадцать таитян как-то отправились в пироге на остров Ульетеа (Раиатеа), но сильный ветер отнес их далеко в сторону. Плавание должно было продолжаться недолго, и они не захватили никаких съестных припасов. Когда в результате голода в пироге осталось всего четыре полумертвых человека, она перевернулась. У уто-

павших хватило, однако, сил вцепиться в борта лодки и продержаться до тех пор, пока их не подобрала жителя этого острова, носившего название Атиу. После того как по прихоти моря они очутились здесь, на расстоянии свыше двухсот лье от родины, прошло двенадцать лет. Они обзавелись семьями и подружились с местным населением, нравы и язык которого почти не отличались от таитянских. Поэтому они отказались вернуться на Таити.

«Описываемый случай, — говорит Кук, — лучше всяких теоретических рассуждений может служить объяснением, каким образом были заселены все отдаленные части земного шара, и в частности острова Тихого океана, в особенности те из них, что находятся на большом расстоянии от какого-либо материка и друг от друга».

Остров Атиу (Ваутгеа) расположен на $20^{\circ}1'$ южной широты и $158^{\circ}17'$ западной долготы.

Затем оба корабля достигли соседнего острова, по названию Венау; Гор высадился там, чтобы запастись кормом для скота. Остров оказался необитаемым, хотя англичане обнаружили на нем развалины хижин и могилы.

Пятого апреля Кук очутился в виду островов Херви, открытых им в 1773 году во время второго путешествия. В то время ему казалось, что на островах не было жителей; теперь он с удивлением увидел, как несколько пироги отплыли от берега и направились к кораблям. Но островитяне не решились подняться на палубу. Их свирепый вид и громкие выкрики не свидетельствовали о дружеских намерениях. Наречие, на котором они говорили, походило на таитянское еще больше, чем наречия жителей только что посещенных островов.

Лейтенант Кинг, посланный на поиски якорной стоянки, не нашел ничего подходящего. Туземцы, вооруженные пиками и дубинками, казалось, были готовы силой воспрепятствовать любой попытке высадиться на берег.

Нуждаясь в воде и фураже, Кук решил направиться к островам Тонга; он не сомневался, что там сумеет достать свежую провизию для команды и корм для скота. К тому же время года было уже позднее и до полярных областей оставалось слишком большое расстояние, чтобы начинать кампанию в Северном полушарии.

Вынужденный из-за направления ветра отказаться от первоначального намерения достигнуть острова Миддельбург (Эуа), ко-

мандир направился к островам Палмерстон, куда прибыл 14 апреля. Там он нашел большое количество пернатой дичи, лоджечника и кокосовых орехов. Эти острова представляют собой, в сущности, совокупность девяти или десяти атоллов, которые следует рассматривать в качестве скалистых выступов одного и того же кораллового рифа.

Двадцать восьмого апреля англичане достигли острова Команго, где туземцы принесли им множество кокосовых орехов, бананов и другой провизии. Затем корабли отправились к острову Намука, входящему в состав архипелага Тонга, или Дружбы.

Шестого мая Кука посетил вождь острова Тонгатабу, по имени Финау, выдававший себя за вождя всего архипелага Дружбы.

«Я получил от этой важной персоны, — рассказывает Кук, — в подарок двух рыб, принесенных одним из его слуг; после обеда я отправился в гости к вождю. Как только я вступил на берег, он пошел мне навстречу. Ему было лет тридцать; высокого роста, худощавый, он больше, чем кто-либо из ранее виденных мною жителей островов Тонга, походил внешностью на европейца».

Когда все запасы продовольствия на Намуке кончились, Кук посетил группу островков под названием Хаапаи, где его встретили благодаря распоряжениям Финау очень дружелюбно; там он смог раздобыть свиней, пресную воду, плоды и съедобные корни. Воины продемонстрировали перед англичанами бой на дубинках и кулачный бой.

«Больше всего нас удивило, — рассказывает в отчете, — появление на ристалище двух тучных женщин, которые без всяких церемоний принялись драться на кулаках с не меньшей ловкостью, чем мужчины. Их сражение продолжалось каких-нибудь полминуты, и одна из них признала себя побежденной. Героиню-победительницу наградили аплодисментами, какими награждали и мужчин, доказавших своей силой или сноровкой превосходство над противником».

Празднества и игры не прекращались. Под звуки двух барабанов — точнее, двух выдолбленных обрубков дерева — сто пять актеров исполнили танец, сопровождавшийся хоровым пением. В ответ Кук продемонстрировал учебную стрельбу солдат морской пехоты и устроил фейерверк, вызвавший у туземцев неопишное изумление. Не желая признать себя побежденными в конкурсе развлечений, островитяне сначала дали концерт, а затем двадцать женщин, украшенных гирляндами чайных роз, исполнили танец.

За этим балетным номером последовал другой, в котором участвовали пятнадцать мужчин. Но мы никогда не кончим, если вознамеримся перечислить все подробности чудесного, восторженного приема, вполне оправдавшего данное архипелагу Тонга название островов Дружбы.

Двадцать третьего мая Финау, выдававший себя за вождя всего архипелага, сообщил Куку о своем отъезде на соседний остров Вавау. Для этого у него имелось достаточно оснований, так как он только что узнал о прибытии настоящего вождя по имени Фатафехи Палахо.

Вначале Кук отказался признать новоприбывшего за того, кем он себя называл; но вскоре англичане получили неопровержимые доказательства, что этот человек в самом деле был вождем всего архипелага.

Палахо отличался неимоверной тучностью, что при маленьком росте делало его похожим на бочку. Если в глазах островитян знатность пропорциональна дородности, то это был, конечно, самый великий вождь из всех встреченных англичанами. Умный, серьезный, положительный человек, Палахо внимательно и с большим интересом осмотрел корабль; о многом виденном им впервые он задавал толковые вопросы, а затем осведомился о цели прибытия англичан. Придворные воспротивились тому, чтобы вождь спустился в междупалубные помещения, так как он, по их словам, был «табу»¹ и никто не имел права ходить над его головой. Кук при посредстве Омай ответил, что запретит ходить над своей каютой, и Палахо пообедал с командиром. Вождь ел мало, пил еще меньше и пригласил Кука посетить его на берегу. Знаки уважения, которые все островитяне оказывали Палахо, убедили командира, что он действительно имеет дело с верховным вождем архипелага.

Двадцать девятого мая Кук поднял паруса, вернулся на остров Намука, затем на Тонгатабу, где в его честь устроили празднество, или «хейва», своим великолепием затмившее все виденные им раньше.

«Вечером, — рассказывает он, — мы любовались зрелищем „бомай“, то есть ночных танцев, перед домом Финау. Они продол-

¹ Табу — религиозный запрет у первобытных народов, налагаемый на какой-либо предмет, действие, слово и т. п.; нарушение запрета неминуемо влекло, по их представлениям, жестокую кару (болезнь, смерть) со стороны духов и богов. Жрецы и вожди использовали «табу» для укрепления своего влияния.

жались около трех часов; за это время нам показали двенадцать танцев. Некоторые из них исполняли женщины; вдруг мы увидели толпу мужчин, образовавших кольцо внутри круга танцовщиц. Двадцать четыре мужчины, составившие третий круг, делали разнообразные жесты, ни разу раньше нами не виденные и вызвавшие шумное одобрение. Оркестр снова начал играть. На сцене появился Финау во главе пятидесяти танцоров. Он был великолепно одет; его костюм состоял из куска холста и длинного полотнища прозрачной ткани, а на шее у него висели маленькие фигурки».

После трехмесячного пребывания Кук решил, что наступила пора расстаться с этими очаровательными местами. Он роздал часть животных, привезенных с мыса Доброй Надежды, и с помощью Омай разъяснил, как их следует кормить и какую пользу они могут принести. Затем незадолго до отплытия он побывал на «файтука», или кладбище, принадлежавшем вождю и состоявшем из трех довольно обширных зданий, построенных на краю искусственного холма. Пол в этих зданиях, так же как и насыпи, на которых они стояли, был выложен красивой галькой, а плоские каменные плиты, поставленные на ребро, окружали все кладбище.

«Здесь мы впервые увидели сооружение, не имевшее одной стены; в нем стояли два деревянных бюста грубой работы: один — у входа, а другой — несколько дальше, в глубине. Туземцы сопровождали нас до двери, но не осмелились переступить порог. Мы спросили, какое значение имеют эти бюсты; нам ответили, что они не изображают никаких божеств и служат напоминанием о вождях, погребенных на „файтука”».

Покинув 10 июля Тонгатабу, Кук направился к маленькому острову Эуа, где его сердечно принял старый друг Тиуни. Командир узнал от него, что некоторые острова архипелага являются собственностью вождей Тонгатабу и называются «землями вождей». Так, Палахо подвластны сто пятьдесят три острова. Самые большие из них — Вавау и Хамоа (Самоа). Острова Вити-Леву (Фиджи), входящие в состав владений Палахо, населяло воинственное племя, по своему умственному развитию значительно превосходившее жителей островов Тонга.

Из многочисленных очень интересных сведений, собранных Куком и естествоиспытателем Андерсоном, следует отметить те, в которых сообщается о мягком и приветливом характере туземцев. Командир не мог нахвалиться приемом, оказанным ему жи-

телями, когда он стоял у этих островов; но он никогда не подозревал о замыслах Финау и других вождей, собиравшихся убить его во время ночного праздника на Хаапаи и захватить корабли. Путешественники, посетившие архипелаг Тонга после Кука, не имели оснований расточать подобные похвалы, и если бы мы не были убеждены в искренности знаменитого мореплавателя, то могли бы подумать, что данное им архипелагу название острова Дружбы следует считать ироническим.

В случае смерти какого-нибудь родственника жители архипелага Тонга неуклонно соблюдают обычай бить себя изо всех сил кулаками по щекам и царапать их зубами акулы, чем объясняются многочисленные желваки и рубцы на лицах туземцев. Когда им грозит смерть, они для умилоствления божества приносят в жертву одну или две фаланги мизинца; в наугад взятой десятке островитян Кук порой не находил и одного человека, который не подвергся бы подобному уродству.

«Слово „табу“, — рассказывает он, — играющее столь важную роль в обычаях этого народа, имеет очень широкое значение... Если к какой-нибудь вещи не разрешается притрагиваться, то о ней говорят, что она „табу“. Туземцы сообщили нам также, что если вождь входит в дом, принадлежащий его подданному, то этот дом становится „табу“ и его владелец больше не имеет права в нем жить».

По мнению Кука, в религии жителей Тонга он разобрался довольно хорошо. Их главный бог, Каллафутонга, разгневавшись, уничтожает плантации, сеет болезни и смерть. Религиозные представления не одинаковы на всех островах, но повсюду признают бессмертие души. Туземцы не совершают богам приношений в виде плодов и других продуктов земли, однако у них существует обычай человеческих жертвоприношений.

Семнадцатого июля Кук потерял из виду острова Тонга, а 8 августа, после ряда шквалов, причинивших «Дискавери» довольно серьезные повреждения, корабли очутились у острова, который его жители называли Табуаи.

Все красноречивые убеждения, пущенные в ход англичанами, чтобы уговорить туземцев подняться на палубу, оказались безуспешными. Островитяне не соглашались покинуть свои пироги и ограничивались лишь тем, что приглашали чужестранцев высадиться на землю. Однако Кук спешил и не нуждался в провизии, а потому решил не останавливаться; остров показался ему плодо-

родным и, по словам туземцев, изобиловал свиньями и домашней птицей. Сильные, высокие, энергичные, табуайцы имели суровый и свирепый вид. Они говорили на таитянском наречии, так что с ними легко было объясняться.

Спустя несколько дней на горизонте вырисовались покрытые зеленью горы Таити, и вскоре корабли остановились против полуострова Таирабу, где соплеменники оказали Омаи самый безразличный прием. Даже его свояк, вождь Ути, сделал вид, что с трудом его узнает; но когда Омаи показал привезенные им богатства и, главное, знаменитые красные перья, пользовавшиеся таким успехом во время предыдущего посещения Кука, Ути переменял свое обращение, стал относиться к Омаи очень ласково и предложил поменяться именами. Тот поверил этим проявлениям любви и, если бы не вмешательство Кука, дал бы себя полностью обобрать.

На кораблях имелся большой запас красных перьев. Поэтому плоды, свиньи и домашняя птица доставлялись в изобилии. Все же Кук вскоре перешел на стоянку в бухту Матаваи, и король Оту покинул свою резиденцию в Паре, чтобы навестить старого друга. Там к Омаи соплеменники также отнеслись презрительно; он упал к ногам вождя, подарил ему пучок красных перьев и несколько кусков золотой парчи, но все было тщетно: на него не хотели и смотреть. Однако, как и на Таирабу, отношения внезапно изменились, когда узнали о богатстве Омаи. Но тот, ища развлечений в компании бездельников, разжигавших в нем ненависть и тем временем его обиравших, не сумел приобрести влияние на Оту и главных вождей и не смог способствовать развитию цивилизации.

Куку уже раньше рассказывали, что на Таити совершаются человеческие жертвоприношения, но он отказывался этому верить. Торжественная церемония, свидетелем которой он был в Атехуре, не оставила в нем сомнений относительно существования такого обычая. Для того чтобы обеспечить покровительство Атуа (бога) во время подготавливавшегося похода против жителей острова Эймео, в присутствии вождя ударами дубинок убили какого-то мужчину самого низкого происхождения. Перед вождем положили волосы и один глаз несчастной жертвы — последний пережиток некогда распространенного на всем архипелаге людоедства. В конце варварской церемонии, недостойной народа с такими мягкими нравами, среди листьев вспорхнул зимородок.

— Это Атуа! — воскликнул Оту, вне себя от радости при виде такого счастливого предзнаменования.

На следующий день состоялось продолжение церемонии: принесли в жертву свиней. Жрецы, как это делали римские оракулы, пытались по последним судорогам животных предугадать исход войны.

Кук, молча присутствовавший при совершении всех этих обрядов, не смог скрыть по их окончании того ужаса, какой они ему внушили. Омаи красноречиво и энергично выразил его мысли. Затем, не в силах сдержать свой гнев, молодой таитянин добавил от себя:

— Если бы вождь убил какого-нибудь человека в Англии, как он поступил здесь с несчастной невинной жертвой, принесенной им своему богу, то ничего не спасло бы его от виселицы — единственного наказания, применяемого там по отношению к убийцам.

Такое резкое замечание Омаи вряд ли могло считаться уместным; Куку следовало знать, что нравы не всюду одинаковы. Наказывать на Таити за то, что в Лондоне считается преступлением, было бы нелепостью, ибо таитяне не совершали беззакония, а следовали своему обычаю. Всяк хозяин в своем доме — гласит народная поговорка. Европейцы слишком часто ее забывают. Под предлогом насаждения цивилизации они сплошь и рядом проливают больше крови, чем пролилось бы, если бы они воздержались от прямого вмешательства.

Перед тем как покинуть Таити, Кук передал Оту животных, с таким трудом доставленных им из Европы. То были гуси, утки, индюки, козы, овцы, лошади и коровы. Оту не знал, как и благодарить «арики но Претоне» (короля Британии), в особенности когда увидел, что англичане не могут погрузить на корабль оказавшуюся слишком большой великолепную пирогу с балансиром, построенную по его приказанию самыми лучшими мастерами и предназначенную в подарок его другу — английскому королю.

Тридцатого сентября «Резолюшен» и «Дискавери» снялись с якоря и зашли на остров Эймео. Пребывание там омрачилось печальным событием. В течение нескольких дней происходили постоянные кражи, в частности, была похищена овца. Чтобы проучить туземцев, Кук сжег пять или шесть хижин и множество пирог и пригрозил вождю еще более тяжелым наказанием, если животное не будет немедленно возвращено. Как только требование было удовлетворено, Кук направился на Хуахине; Омаи, собравшийся поселиться на этом острове, его сопровождал.

В обмен на богатые подарки вожди области Уаре уступили до-

вольно большой участок земли. Кук распорядился построить на нем дом и разбить огород, засеяв его европейскими овощами. Он оставил Омаи двух лошадей, коз и домашнюю птицу. Кроме того, ему подарили кольчугу и полное вооружение: порох, пули и ружья. Переносный орган, электрическая машина¹, произведения искусства и различные предметы домашнего обихода дополнили коллекцию диковинных подарков, которые должны были дать таитянам высокое представление об европейской цивилизации. Замужняя сестра Омаи жила на Хуахине, но ее муж занимал слишком скромное положение и не смог бы оградить богатства своего шурина от расхищения. Поэтому Кук торжественно заявил, что он друг Омаи и вскоре вернется, чтобы узнать, как с ним обходятся, и строго накажет всех, кто будет причинять ему какие-нибудь неприятности.

От этих угроз можно было ждать желаемого действия, так как незадолго до того англичане, захватив воров на месте преступления, обрили им головы и отрезали уши. Несколько позже на острове Раиатеа (Ульетеа) Кук, стремясь добиться выдачи матросов-дезертиров, захватил в качестве заложников всю семью вождя Орео. Терпимость, проявлявшаяся командиром во время первого путешествия, все чаще уступала место суровости. С каждым днем он становился все более требовательным и строгим. Такое поведение в конце концов неизбежно должно было привести к роковому исходу.

Двух новозеландцев, пожелавших сопровождать Омаи, высадили вместе с ним. Старший из них охотно согласился остаться жить на Хуахине; но младший так привязался к англичанам, что юношу пришлось высаживать, можно сказать, силой, между тем как он продолжал изливаться в самых трогательных проявлениях любви. Когда корабль уже снимался с якоря, Омаи распрощался с Куком; все его поведение и слезы показывали, что он понимает, какая ему предстоит потеря.

Расставаясь с доверившимся ему молодым таитянином, Кук испытывал удовлетворение, что смог так щедро его одарить, но серьезно опасался за будущее. Он знал непостоянный и легкомысленный нрав Омаи и потому неохотно оставил ему огнестрельное оружие, боясь, как бы тот не употребил его во зло. К сожалению, эти предчувствия оправдались. Вождь Хуахине

¹ Электрические машины XVIII века употреблялись для искусственного вызывания электрического разряда («молний»).

окружил Омаи исключительным вниманием, выдал за чужеземца свою дочь и переименовал ему имя на Паори, под которым тот в дальнейшем и был известен. Но молодой таитянин, заняв высокое положение, проявил себя жестоким и бесчеловечным. Всегда вооруженный, он дошел до того, что упражнялся в меткости стрельбы из ружья и пистолета, выбирая мишенью своих соплеменников. Он оставил о себе ужасную память на Хуахине, где воспоминания о его жертвах и о посещении англичан в течение долгого времени были между собой неразрывно связаны.

После Хуахине Кук посетил остров Раиатеа (Ульетеа), где снова встретился со своим другом Орео, утратившим верховную власть; затем 8 декабря он высадился на Борабора и купил у вождя Пуни якорь, потерянный там Бугенвилем.

Во время длительных стоянок на островах Общества Кук пополнял запас географических, гидрографических и этнографических сведений и продолжал изучение природы. В этой серьезной работе ему помогали Андерсон и в особенности высшие офицеры, постоянно проявлявшие самое похвальное рвение ради прогресса науки.

Двадцать четвертого декабря Кук открыл еще один необитаемый низкий остров, получивший название Кристмас (Рождества), в честь наступавшего праздника. Это название сохранилось за главным островом цепи Лайн (Центральные Полинезийские Спорады); команда обнаружила там множество черепашек.

Хотя со времени отплытия из Англии прошло семнадцать месяцев, Кук считал, что его путешествие только начинается. В самом деле, он еще и не приступил к выполнению той части инструкций, в которой говорилось об исследовании северной части Тихого океана и поисках Северо-Западного прохода в Атлантический океан.

II

Открытие Сандвичевых (Гавайских) островов. – Исследование западного побережья Америки. – По ту сторону Берингова пролива. – Возвращение на Гавайские острова. – Приключения Рона. – Смерть Кука. – Возвращение экспедиции в Англию.

Восемнадцатого января 1778 года на 160° западной долготы и 20° северной широты корабли очутились в виду Сандвичевых, или Гавайских, островов. Вскоре мореплаватели убедились, что

этот архипелаг заселен. Множество пирог отделилось от берега острова Атоуи, или Кауаи, и окружило корабли.

Англичане не очень удивились, услышав, что туземцы говорят на таитянском наречии. Сразу же установились дружеские отношения, и на следующий день многие островитяне согласились подняться на корабли. При виде стольких незнакомых предметов они выражали свое изумление и восторг взглядами, жестами и непрерывными восклицаниями. Впрочем, железо они знали и называли его «хамаите».

Но такое количество редкостных, ценных предметов не замедлило пробудить в них алчность, и они постарались всеми способами, дозволенными и недозволенными, ими завладеть.

Склонность к воровству оказалась у гавайцев так же сильно развита, как и у всех народов, населяющих острова Южного моря, и они проявляли в этом деле такую же ловкость; чтобы воспрепятствовать кражам, приходилось применять тысячу предосторожностей — да и то они чаще всего оказывались бесполезными. Когда английские моряки под командой лейтенанта Уильямсона приблизились к берегу для промеров и поисков якорной стоянки, им пришлось силой отражать попытки туземцев их обворовать. Убийство одного из этих дикарей заставило остальных прекратить бесчинства и уверовать в могущество чужестранцев.

Лишь только «Резолюшен» и «Дискавери» стали на якорь в бухте Уаи-Меа, Кук съехал на берег. Не успел он ступить на землю, как гавайцы, собравшиеся большой толпой на пляже, простерлись перед ним ниц и стали всячески выражать ему глубочайшее почтение. Такой необыкновенный прием сулил приятную стоянку; свежая провизия там имелась в изобилии, и на корабль стали приносить со всех сторон плоды, свиней и домашнюю птицу.

Одновременно часть туземцев помогала матросам наполнять водой бочки и грузить их на шлюпки.

Мирные настроения островитян побудили Андерсона и художника Веббера совершить прогулку в глубь страны. Вскоре они очутились перед «морай» (святилище), во всем напоминавшем таитянский. Это открытие, а также сходство наречий подтвердили предположения англичан о родственности жителей Гавайских островов и Таити. В отчете Кука имеется гравюра, изображающая внутренний вид посещенного им «морай». Там стояли две статуи, верхнюю часть головы которых покрывала высокая цилиндрическая шапка, похожая на те, что украшали монолиты на острове

Пасхи. Это сходство, во всяком случае, наводит на размышления.

Кук простоял в бухте Уаи-Меа еще два дня и не мог нарадоваться на удачную торговлю с гавайцами; затем он исследовал соседний остров Ниихау. Несмотря на все желание командира подробно изучить столь интересный архипелаг, он поднял паруса и лишь издали видел остров Оаху и риф Тахура; он дал архипелагу общее название Сандвичевых островов, в настоящее время замененное местным названием Гавайские.

Крепкие, хорошо сложенные, хотя и невысокие, гавайцы, по описанию Андерсона, обладают прямодушным честным характером. Они менее серьезны, чем жители островов Тонга, но в то же время не так легкомысленны, как таитяне. Трудолюбивые, ловкие, умные, они возделывали плантации, свидетельствовавшие о некоторых познаниях в сельском хозяйстве и, конечно, о склонности к земледелию. Они проявляли к европейским изделиям не только обычное детское любопытство, которое англичанам столько раз приходилось наблюдать, но и расспрашивали об их назначении и, казалось, испытывали некоторую грусть при мысли о своей отсталости.

Гавайские острова были, по-видимому, густо заселены; число жителей одного только острова Кауаи англичане определяли в тридцать тысяч человек. Манера одеваться, выбор пищи, способы ее приготовления, общий уклад жизни — все напоминало Таити. Сходство этих двух народов, разделенных значительным морским пространством, служило пищей для размышления англичан.

Во время первого посещения Куку не пришлось иметь дело с каким-нибудь вождем; но капитана «Дискавери» Клерка один из них под конец посетил. То был молодой, хорошо сложенный человек, с головы до ног завернутый в ткани; туземцы выражали ему почтение, простираясь перед ним. Клерк подарил ему несколько вещей и взамен получил украшенную двумя довольно искусно вылепленными фигурками чашу, служившую для «кава» — любимого напитка как гавайцев, так и жителей островов Тонга.

Оружие туземцев состояло из пращи, дубинок и копий (последние делались из твердого крепкого дерева) и своеобразного заостренного с обеих сторон каменного кинжала, называвшегося «пахоа». Как и на островах Тонга, обычаем «табу» был повсеместно распространен, и гавайцы, прежде чем дотронуться до предметов, которые им показывали, неизменно осведомлялись, не являются ли они «табу».

Двадцать седьмого февраля Кук возобновил путь к северу и вскоре заметил много водорослей. 1 марта корабли взяли курс на восток к берегам Америки и по прошествии пяти дней очутились в виду Нового Альбиона, названного так Френсисом Дрейком.

«Резолюшен» и «Дискавери» продолжали двигаться открытым морем вдоль берега. Кук произвел съемку мыса Бланко, виденного уже Мартином д'Агиларом¹ 19 января 1603 года; когда-то географы считали, что поблизости находится широкий вход в пролив, открытие которого они приписывали этому мореплавателю. Вскоре англичане достигли района пролива Хуан-де-Фука, но так и не обнаружили его, хотя этот пролив действительно существует и отделяет от материка остров Ванкувер.

Немного времени спустя Кук увидел на 49°15' северной широты залив, названный им Хоуп-Бей (Залив Надежды). Он бросил там якорь, чтобы набрать воды и дать отдых усталой команде. Берег был населен, и к кораблям приблизились три человека.

«Один из дикарей, — рассказывает Кук, — встал, произнес длинную речь, сопровождая ее жестами, принятыми нами за приглашение сойти на берег. Одновременно он бросил в нашу сторону перья, а некоторые из его товарищей швырнули в нас горсти пыли или какого-то красного порошка; туземец, выступавший в роли оратора, был одет в шкуру и держал в каждой руке по какому-то предмету; размахивая ими, он извлекал из них звуки, похожие на стук детской погремушки. Устав от произнесения речи и поучений, из которых мы ни слова не поняли, он решил отдохнуть; двое из его спутников, один за другим, взяли слово; но их речи оказались не такими длинными, и они говорили не с такой горячностью».

У некоторых туземцев лица были раскрашены самым причудливым образом, а в волосы воткнуты перья. Хотя они проявляли мирные намерения, ни один из них не поддавался уговорам подняться на палубу.

Когда корабли стали на якорь, командир приказал отвязать паруса, снять стеньги² и фок-мачту «Резолюшен», нуждавшиеся в починке. Вскоре начался обменный торг с индейцами, проявлявшими исключительную честность. Они приносили шкуры медве-

¹ Испанский мореплаватель Мартин д'Агилар в начале XVII века поднялся вдоль западного побережья Северной Америки до 43° северной широты и нашел якобы здесь пролив, ведущий из Тихого океана в Атлантический.

² Стеньга — рангоутное дерево, служащее продолжением мачты.

дей, волков, лисиц, оленей, хорьков, куниц и больше всего морских выдр, встречающихся на островах к западу от Камчатки; кроме того, они предлагали одежду, изготовленную из какой-то разновидности конопли, луки, копья, рыболовные крючки, уродливые фигурки, что-то вроде шерстяных или льняных тканей, мешочки, наполненные красной охрой, деревянные чурки с резными изображениями, медные и железные украшения в форме подковы, которые они подвешивают к носу.

«Из числа предлагавшихся нам вещей больше всего нас поразили человеческие черепа и кисти рук с еще сохранившимся на них мясом; туземцы совершенно ясно дали нам понять, что остальное они съели; и действительно, эти черепа и руки, как мы сами убедились, побывали на костре».

Англичане не замедлили обнаружить, что туземцы были такими же ловкими ворами, как и все остальные, виденные ими до тех пор. Их следовало считать даже еще более опасными, так как, обладая железными инструментами, они без труда перерезали веревки. К тому же они, замышляя кражи, действовали хитроумно: несколько человек развлекали часового, находившегося на одном конце корабля, в то время как остальные обдирали железо на другом конце.

Индейцы продали также некоторое количество хорошего жира и много рыбы, в том числе сардин.

Когда покончили с необходимыми работами по ремонту кораблей и погрузили траву для немногих оставшихся коз и овец, Кук 26 апреля 1778 года снялся с якоря. Месту своей стоянки у острова Ванкувер он дал название залива Кинг-Джордж, туземцы называли его Нутка.

Как только корабли вышли в открытое море, налетела сильная буря и на «Резолюшен» обнаружилась течь под скулой правого борта. Подхваченные ураганом, корабли быстро продвигались к северу и миновали то место, где, по мнению географов, должен был находиться пролив Адмирала де Фонте;¹ Кук очень жалел об этом, так как ему хотелось внести ясность в спорный вопрос.

Командир продолжал идти вдоль берега Америки, нанося на

¹ По сохранившемуся рассказу, испанский мореплаватель Б. де Фонте в 1640 году отправился во главе экспедиции для исследования западного побережья Северной Америки, а одному отряду этой экспедиции удалось якобы добраться с запада через реки и озера до восточного побережья материка (пролива Девиса). Вероятно, такого путешествия никогда не было.

карту все важнейшие точки и давая им названия. Во время этой кампании он часто вступал в сношения с индейцами и не преминул отметить, что лодки сменились каноэ, деревянный каркас которых был обтянут тюленьими шкурами.

После стоянки в заливе Принс-Вильям, где заделали течь в корпусе «Резолюшен», Кук пустился в дальнейший путь, обнаружил несколько мысов, залив, названный его именем, остров Кадьяк и группу островов, названную Берингом островами Шумагина. Затем, пройдя мимо Лисьих островов в Берингово море, он исследовал Бристольский залив, мыс Ньюэнем, где лейтенант Уильямсон высаживался на берег, и остров Андерсон, названный так в честь естествоиспытателя, который умер на нем от воспаления легких; дальше шли остров Кинг и мыс Принца Уэльского — самая западная оконечность Аляски.

Потом Кук прошел вдоль берегов Азии и завязал сношения с чукчами; 11 августа он вошел в Берингов пролив и неделю спустя встретил льды. Он тщетно пытался пробиться к северу, меняя курс. Повсюду ледяные поля вставали перед ним непреодолимой преградой.

Семнадцатого августа 1778 года экспедиция находилась на $70^{\circ}41'$ северной широты. В течение целого месяца корабли двигались вдоль края ледяного поля в надежде отыскать какой-нибудь проход, который дал бы возможность проникнуть дальше на север, но все старания оказались напрасными. К тому же англичане заметили, что лед повсюду был чистый, прозрачный и лишь в верхней части несколько пористый.

«Я считал, — пишет Кук, — что то был смерзшийся снег, который образовался, по-видимому, в море, ибо, не говоря уже о невероятности или скорее невозможности выноса огромных масс льда реками, где из-за мелководья с трудом пробирались каноэ, мы не видели на поверхности ледяных полей никаких признаков — в виде камней, земли, остатков растений — того, что они образовались на больших или малых реках».

До тех пор для достижения полярных широт Беринговым проливом пользовались крайне редко; поэтому наблюдения Кука представляли большую ценность, так как доказывали существование за этим проливом обширного пространства моря, где нет никакой земли. Возможно, оно было свободно ото льда. Даже в XIX веке мореплавателям не удавалось проникнуть в этом направлении значительно севернее Кука; исключением являются

берега Сибири, где были открыты острова Лонга;¹ в тот момент, когда пишутся эти строки, там находится профессор Норденшельд².

После тщательного изучения берегов и повторных попыток достичь более высоких широт Кук, видя приближение зимы, с каждым днем встречая все больше льда, вынужден был направиться на зимовку в места с более мягким климатом, чтобы возобновить исследования следующим летом. По уже пройденному пути он вернулся назад до острова Уналашки, а 26 октября взял курс на Гавайские острова, рассчитывая в течение зимы завершить их изучение.

Двадцать шестого ноября был открыт остров, жители которого продали морякам довольно много продовольствия: сладкого картофеля, таро и плодов хлебного дерева; все это они выменяли на гвозди и железные орудия. То был остров Мауи, входящий в состав Гавайских островов. Вскоре затем увидели остров Гавайи с покрытыми снегом вершинами гор.

«Мне ни разу не приходилось встречать дикарей, державшихся так непринужденно, как здешние, — рассказывает Кук. — Привезенные товары они обычно передавали матросам, затем поднимались сами на палубу и приступали на шканцах к торговле; таитяне, несмотря на частые посещения европейцев, никогда не относились к нам с таким доверием. Я сделал из этого вывод, что, торгуя друг с другом, жители Гавайи проявляли больше солид-

¹ Группа островов Де-Лонга (о самом Джордже Вашингтоне Де-Лонге см. следующее примечание) расположена к северо-западу от Новосибирских островов в Северном Ледовитом океане и состоит из пяти островков: Жанетта, Генриетта, Бенетта, Вилькицкого и Жохова.

² Норденшельд Адольф Эрик (1839 — 1901) — шведский ученый, исследователь полярных стран. Родился и учился в Финляндии. Начиная с 1858 года Норденшельд совершил восемь длительных полярных экспедиций: на Шпицберген (где открыл залежи каменного угля), в Гренландию, к устью Енисея и др. В 1878 — 1879 годах на корабле «Вега» впервые прошел Северо-Восточным морским проходом из Атлантического в Тихий океан.

Норденшельд собрал и обработал громадный научный материал по географии, геологии, океанографии, этнографии, животному и растительному миру полярных стран. В 1879 году на поиски не подававшей признаков жизни экспедиции А. Норденшельда отправилось судно «Жанетта» под командованием американского лейтенанта Джорджа Де-Лонга (1844 — 1881); американским морякам удалось открыть группу маленьких островков, теперь носящих имя капитана «Жанетты», однако судно погибло во льдах; моряки, борясь с невероятными трудностями, добрались до материка, но здесь, в жестоких условиях наступившей полярной зимы, не смогли противостоять холоду и голоду и приняли мученическую смерть.

ности и честности, чем таитяне; если бы они не доверяли один другому, то вряд ли были бы склонны доверять чужестранцам».

Семнадцатого января Кук и Клерк стали на якорь в бухте, носившей туземное название Кеалакекуа. Сразу же отвязали паруса, сняли реи и стеньги. Корабли были наводнены посетителями и окружены пирогами, а на берегу собралась бесчисленная толпа любопытных. Никогда раньше Кук не наблюдал подобного оживления.

Среди вождей, явившихся на «Резолюшен», англичане вскоре отметили юношу по имени Пареа. Его называли «жакани», но что означало это слово — какой-то сан либо степень родства с верховным вождем, — установить не удалось. Во всяком случае, он пользовался большой властью над простым народом. Получив подарки, он привязался к англичанам и оказал им немало услуг.

Во время первого пребывания на Гавайских островах Кук пришел к убеждению, что их жители мало склонны к воровству; но на этот раз он изменил свое мнение. Многочисленность давала им тысячу возможностей красть всякие мелочи и заставляла их думать, что англичане побоятся наказать воров. Наконец вскоре стала несомненной подстрекательская роль вождей, так как у них видели многие украденные вещи.

Пареа и другой вождь, по имени Канеена, привели на палубу «Резолюшен» худощавого старика Коа, тело которого было покрыто какой-то белой сыпью, вызванной неумеренным употреблением «кавы». Это был жрец. Очутившись перед Куком, он набросил ему на плечи принесенный с собой красный плащ, с очень серьезным видом произнес длинную речь и вручил в подарок поросенка. Впоследствии, увидев на всех идолах такую же ткань, англичане поняли, что жрец совершил обряд обожествления. Они пришли в большое изумление от того поклонения, каким гавайцы окружили капитана Кука. Значение всех обрядов поняли только гораздо позже, благодаря исследованиям ученого — миссионера Эллиса. Мы вкратце приведем собранные им интересные данные. Они помогут понять последовавшие события.

Согласно старинному преданию, некий Роно, живший в эпоху одного из древнейших вождей Гавайи, в припадке ревности убил свою жену, которую нежно любил. Обезумев от скорби и сожаления по поводу совершенного им злодеяния, он стал носиться по острову, вступая в драку и убивая всех встречных; затем, утопившись, но не насытившись кровью, он покинул родину на пиро-

ге, пообещав когда-нибудь вернуться на плавающем острове и привезти с собой кокосовые пальмы, свиней и собак. Эта легенда послужила темой для народной песни, и жрецы придали ей религиозный характер, причислив Роно к сонму богов. Веря в предсказание, островитяне из года в год с бесконечным терпением ожидали возвращения Роно.

Не интересно ли сопоставить эту легенду с той, в которой рассказывается о мексиканском боге Кецалькоатле, который был вынужден бежать от гнева более могущественного божества и уплыл в челноке из змеиной кожи, пообещав тем, кто его сопровождал, что когда-нибудь он вернется вместе с их потомками на родину?

Когда показались английские корабли, верховный жрец Коа и его сын Оне-Ла заявили, что это сам Роно исполнил свое обещание. С тех пор для всего населения острова Кук стал настоящим богом. Встречая его, туземцы падали ниц, жрецы обращались к нему с речами и молитвами; его обкуривали бы ладаном, если бы на Гавайи существовал такой обычай. Командир ясно сознавал, что за всем этим кроется какая-то тайна; но, совершенно не понимая, в чем дело, он решил ради удобств своих матросов и ради прогресса науки использовать загадочные обстоятельства, которых не мог объяснить.

Ему приходилось мириться со всякого рода церемониями, казавшимися по меньшей мере смешными. Так, однажды его повели к «морай» — прочному каменному сооружению, имевшему в длину сорок аршин и четырнадцать аршин в высоту. Хорошо утоптанную вершину холма окружала деревянная балюстрада, а к ней были подвешены черепа пленных, принесенных в жертву божеству.

У входа на помост стояли две большие деревянные статуи с уродливым, напоминавшим маску лицом, с туловищем, завернутым в красную ткань; на голове возвышался длинный обрубок дерева, вырезанный в форме перевернутого конуса. Коа в сопровождении капитана Кука взшел на какое-то подобие стола, под которым лежали кучи плодов и разлагающийся труп свиньи. Тогда человек десять островитян приблизились торжественной процессией; принесенную ими живую свинью они вручили командиру, а кусок ярко-красной ткани накинули ему на плечи. Затем жрецы спели несколько религиозных гимнов, между тем как все присутствующие благочестиво простерлись перед входом в «морай».

После ряда других церемоний — их описание потребовало бы слишком много времени — командиру преподнесли зажаренную в печи свинью, а также плоды и служащие для изготовления «кава» корни.

«„Кава” пустили по кругу, — пишет Кук в своем дневнике, — и, после того как мы ее отведали, Коа и Пареа разделили мясо свиньи на кусочки и стали класть их нам в рот». «Я не испытывал никакого отвращения, — рассказывает лейтенант Кинг, — когда Пареа, отличавшийся большой чистоплотностью, меня кормил; но Кук, которому ту же услугу оказывал Коа, вспоминал все время сгнившую свинью и не мог проглотить ни одного куса. Старый жрец, желая удвоить свою вежливость, попытался давать ему совершенно разжеванное мясо; можно себе представить, что отвращение нашего командира от этого лишь усилилось».

По окончании церемонии группа мужчин с жезлами в руках проводила Кука до его шлюпки; окруженные густой толпой коленапоклоненных островитян, они повторяли те же слова и те же фразы, какие произносились при высадке. Всякий раз, как капитан сходил на берег, совершались те же церемонии. Один из жрецов всегда шел впереди, объявляя о прибытии Роно, и приказывал народу пасть ниц.

Англичане имели все основания быть довольными жрецами, засыпавшими их подарками и проявлениями вежливости; но этого нельзя было сказать о «зарей», или воинах. Последние подстрекали к кражам, происходившим ежедневно; англичане установили, что воины вообще вели себя по отношению к ним бесчестно. Впрочем, до 24 января 1779 года не произошло никаких серьезных событий. В указанный день английские моряки чрезвычайно удивились при виде того, что ни одна пирога не отошла от берега, чтобы приблизиться к кораблям для обычной торговли. В связи с прибытием Териобу бухту объявили «табу» и запретили всякие сношения с чужеземцами. В тот же день этот верховный вождь, или скорее этот король, без всякого сопровождения посетил корабли. Он прибыл в одной пироге в сопровождении лишь жены и детей. 26-го последовало новое посещение Териобу, носившее на этот раз официальный характер.

«Кук, — сообщается в отчете, — увидев, что Териобу приближается к берегу, последовал за ним и прибыл на остров почти одновременно с вождем. Мы привели их в палатку; не успели они сесть, как вождь поднялся и изящным жестом набросил свой

плащ на плечи командира; затем он надел ему на голову шлем из перьев и вручил оригинальный веер. Кроме того, он положил к ногам Кука еще пять или шесть очень красивых плащей, представлявших большую ценность».

Верховный вождь и подчиненные ему вожди, составлявшие свиту, не раз обращались к англичанам с вопросом относительно срока их отъезда. Командиру хотелось выяснить, какое мнение составили гавайцы об англичанах. Ему удалось лишь узнать, что туземцы считали их уроженцами страны, где недостаточно пищи, явившимися исключительно для того, чтобы «наполнить себе животы». В этом островитян убедили худоба некоторых матросов и те старания, какие прилагались к закупке свежей провизии. Однако они не опасались истощения своих запасов, хотя со времени прибытия англичан было съедено очень много. Если вождь и интересовался тем, как долго пробудут еще гости, то это скорее объяснялось желанием заблаговременно приготовить подарок, который он намеревался поднести чужестранцам в момент их отплытия.

Действительно, накануне назначенного дня Териобу пригласил капитана Кука и капитана Клерка отправиться вместе с ним в его резиденцию. Там моряки увидели огромные кучи разных плодов и овощей, кипы тканей, связки желтых и красных перьев, стадо свиней. То был дар подданных своему вождю. Отделив около трети, Териобу все остальное отдал обоим командирам; такого ценного подарка они никогда не получали ни на островах Тонга, ни на Таити.

Четвертого февраля корабли покинули бухту; но повреждения, полученные «Резолюшен», заставили их вскоре вернуться назад.

Как только корабли стали на якорь, англичане заметили резкую перемену в настроении островитян. Однако до 13-го все шло мирно. Под вечер этого дня несколько вождей вздумали запретить туземцам помогать экипажу при наполнении бочек водой из источника. Все пришли в возбуждение. Островитяне вооружились камнями и стали вести себя угрожающе. Командовавший отрядом офицер получил от Кука приказ стрелять боевыми патронами, если туземцы будут продолжать швырять камни или проявлять наглость. В это время кто-то из матросов открыл стрельбу по пироге, и все немедленно решили, что ее экипаж совершил какую-то кражу.

Одновременно возникло другое, более серьезное недоразумение. Один из офицеров захватил пирогу, принадлежавшую Па-

реа, и отбуксировал ее к «Дискавери». Вождь сразу же явился к англичанам и потребовал возврата своей собственности, заверяя, что он ничем не провинился. Разгорелся спор, и Пареа был сбит с ног ударом весла. Островитяне, оставшиеся до тех пор мирными зрителями, немедленно вооружились камнями, заставили матросов поспешно отступить и завладели баркасом, на котором те прибыли. В это мгновение Пареа, забыв о причиненном ему зле, вмешался, вернул баркас англичанам и заставил отдать им некоторые украденные у них мелочи.

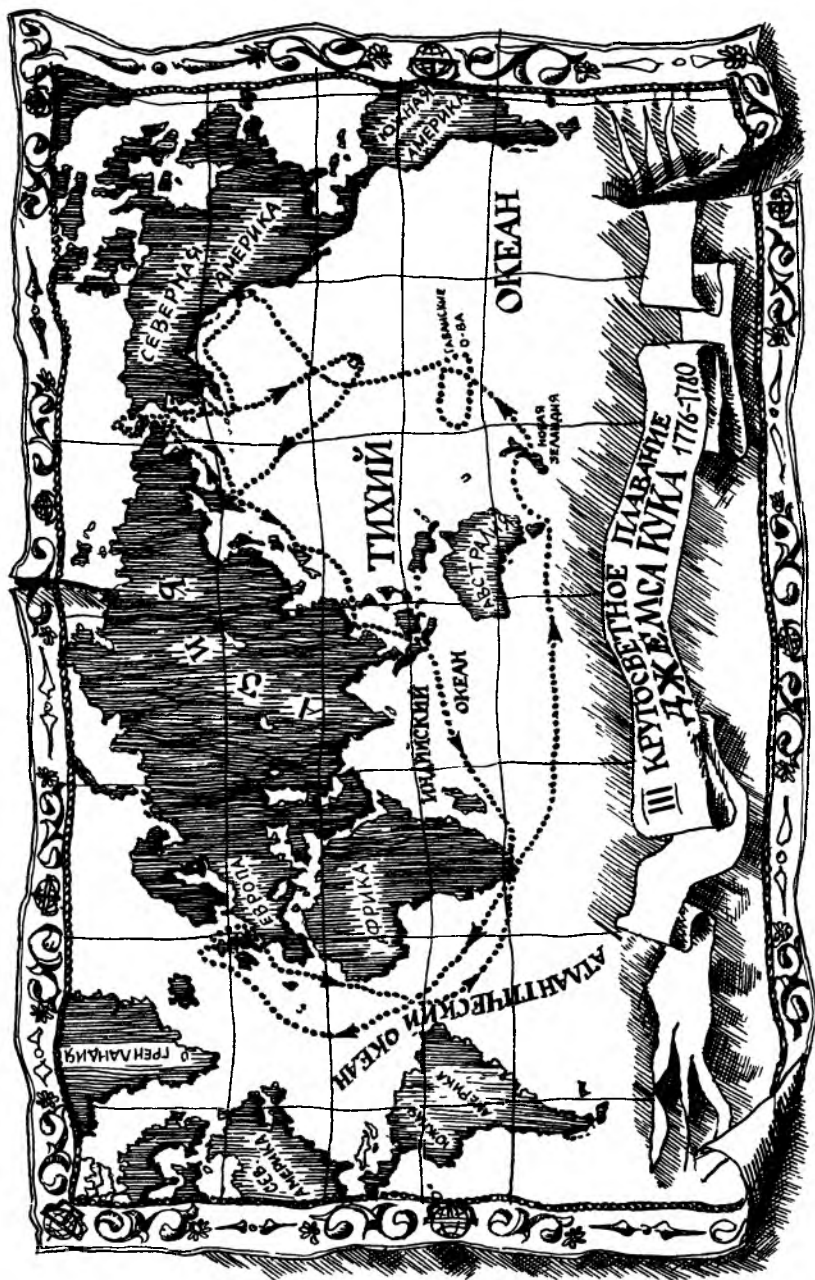
«Боюсь, как бы туземцы не заставили меня прибегнуть к суровым мерам, — сказал Кук, узнав о случившемся. — Не следует оставлять их в убеждении, что они сильнее нас».

В ночь с 13 по 14 февраля украли шляпку с «Дискавери». Командир решил тогда захватить Териобу или нескольких главных вождей и держать их в качестве заложников, пока шляпка не будет возвращена.

Он действительно высадился с отрядом морской пехоты и сразу направился к резиденции короля. По дороге его приветствовали обычными знаками почтения. Увидев Териобу и двух его сыновей, Кук вкратце рассказал им о краже и убедил их провести день на «Резолюшен». События принимали благоприятный оборот, и юные вожди уже сидели в баркасе, как вдруг одна из жен Териобу, заливаясь слезами, принялась умолять его не отправляться на корабль. Два вождя присоединились к ее просьбам, а островитяне, испуганные совершившейся на их глазах подготовкой к нападению, стали собираться толпой вокруг вождя и командира. Последний торопил с посадкой, но когда Териобу уже совсем было собрался перешагнуть через борт баркаса, приближенные вмешались и, прибегнув к силе, удержали его.

Кук, поняв, что его план не удался и что он сможет его выполнить, лишь пролив много крови, отказался от него и спокойно пошел по берегу к своей шляпке. В это время распространился слух, будто один из главных вождей убит. Женщин и детей немедленно отослали прочь, и толпа двинулась на англичан.

Туземец, вооруженный «пахоа», стал вызывать командира на бой, и так как он не прекращал своих угроз, Кук выстрелил в него из пистолета, заряженного мелкокалиберной пулей. Гаваец, защищенный толстой циновкой, убедившись, что не ранен, осмелел; в это время, заметив других подступавших все ближе туземцев, командир выстрелил из ружья и убил ближайшего из них.

Это послужило сигналом к общему нападению. В последний раз Кука видели, когда он подавал знаки шлюпкам прекратить огонь и подойти к берегу, чтобы взять его малочисленный отряд. Но было уже поздно: Кука повалили на землю.

«Как только он упал, туземцы испустили радостный крик, — сообщается в отчете, — они немедленно поволокли его по берегу и, передавая друг другу кинжал, стали с дикой яростью наносить ему удары даже после того, как он уже перестал дышать».

Так погиб великий мореплаватель, без сомнения, самый знаменитый из всех, рожденных в Англии. Смелость его замыслов, настойчивость при их осуществлении, широта его знаний заставляют видеть в нем подлинного моряка-первооткрывателя.

Сколько пользы принес он географической науке! Во время первого путешествия он произвел съемку островов Общества, доказал, что Новая Зеландия состоит из двух островов, прошел пролив, их разделяющий, и нанес на карту берега; наконец, он исследовал все восточное побережье Австралии.

Во время второго путешествия он развеял легенду о пресловутом «Южном материке» — фантастическом вымысле кабинетных географов; он открыл Новую Каледонию, Южную Георгию, Южные Сандвичевы острова и достиг в Южном полушарии более высоких широт, чем кто-либо из его предшественников¹.

Во время третьей экспедиции он заново открыл Гавайские острова и заснял западный берег Америки, начиная с 43°, то есть на протяжении свыше 3500 миль. Он прошел Берингов пролив, отважился вступить в Северный Ледовитый океан, внушавший ужас мореплавателям, и двигался до тех пор, пока льды не создали для него непреодолимой преграды.

Об искусстве Кука как моряка говорить излишне; его гидрографические труды сохранили ценность до настоящего времени; но особенно следует отметить те заботы, которыми он окружал команду и которые дали ему возможность совершить тяжелые и длительные плавания, потеряв лишь очень незначительное количество людей.

¹ Жюль Верн правильно передает противоречивые высказывания Д. Кука о существовании «Южного материка». Кук опроверг неправильные измышления кабинетных географов и картографов, которые с давних времен предполагали, что на юге нашей Земли лежит огромный неведомый материк, занимающий большую часть Южного полушария. Однако он признавал, что вблизи Южного полюса должна находиться земля, покрытая вечными льдами. Этот недоступный, по мнению Кука, материк был открыт полвека спустя русскими мореплавателями Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым.

После рокового дня подавленные происшедшим английские моряки сняли палатки и вернулись на корабли. Они тщетно пытались с помощью подарков добиться выдачи тела своего несчастного командира. В гневе они собирались прибегнуть к оружию, когда два жреца, друзья лейтенанта Кинга, без ведома вождей принесли кусок человеческого мяса, весивший девятьдесят фунтов. По их словам, то было все, что осталось от трупа Роно, подвергнувшегося, согласно обычаю, сожжению.

Это зрелище лишь усилило в англичанах жажду мести. Со своей стороны, островитяне стремились отплатить за смерть пяти вождей и еще двадцати своих соплеменников. Поэтому всякий раз, как англичане высаживались на берег за водой, их встречала разъяренная толпа, вооруженная камнями и дубинами. Чтобы дать гавайцам урок, капитан Клерк, принявший на себя обязанности начальника экспедиции, сжег деревню и убил всех, кто пытался помешать осуществлению этой репрессии.

Все же, в конце концов, враждующие стороны вступили в переговоры, и 19 февраля кисти рук Кука, без труда опознанные по широкому шраму, его череп и некоторые другие части тела были переданы англичанам, три дня спустя отдавшим последний долг драгоценным останкам.

Теперь, словно ничего не произошло, возобновилась торговля, и последний период стоянки у Гавайских островов прошел без всяких столкновений.

Капитан Клерк назначил лейтенанта Гора командиром «Дискавери» и перенес свой флаг на «Резолюшен». Закончив исследование Гавайских островов, он взял курс на север, зашел на Камчатку, где русские оказали ему прекрасный прием, прошел Беринговым проливом, достиг $69^{\circ}50'$ северной широты и встретил там льды, преградившие дальнейший путь.

Двадцать второго августа 1779 года капитан Клерк умер от воспаления легких в возрасте тридцати восьми лет. В обязанности начальника вступил теперь капитан Гор; он снова зашел на Камчатку, затем в Кантон и на мыс Доброй Надежды и 1 октября 1780 года, после свыше четырех лет отсутствия, бросил якорь в Темзе.

Смерть капитана Кука Англия отметила всеобщим трауром. Лондонское Королевское общество, членом которого он состоял, распорядилось выбить в его честь медаль, а расходы на эту работу были покрыты за счет общественной подписки, в кото-

рой приняли участие самые видные члены английского общества.

Если имя этого великого мореплавателя сегодня поутратило свой блеск, то память о нем живет, в чем можно было убедиться во время торжественного заседания Французского географического общества 14 февраля 1879 года.

Многочисленная аудитория собралась отметить столетие со дня смерти Кука. Там присутствовали и некоторые представители южноморских колоний, столь процветающих ныне, и Гавайского архипелага, на котором Кук встретил смерть. В зале были выставлены многочисленные личные вещи великого мореплавателя, его карты, великолепные акварели Уэббера, мореходные инструменты и оружие океанийцев.

Это была трогательная дань уважения, которую через сто лет отдал народ, чей король рекомендовал своим подданным не интересоваться научно-просветительской миссией Кука; разумеется, эта церемония нашла отклик и в Англии, что только укрепило дружеские связи, соединяющие теперь Францию и Соединенное Королевство.

Конец первой части

Часть
вторая

Глава первая

ФРАНЦУЗСКИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

I

Открытия Буве де Лозье в южных морях. — Сюрвилль. — Земля Аршакидов (Нью-Джорджия). — События во время стоянки в бухте Прален. — Прибытие к берегам Новой Зеландии. — Смерть Сюрвилля. — Открытия Мариона в морях Антарктики. — Убийство его в Новой Зеландии. — Кергелен в Исландии и на южных землях. — Плавание для проверки хронометров: Флёрё и Верден де ла Крен.

В первой половине XVIII столетия было совершено открытие, которому предстояло оказать благотворное влияние на развитие географической науки. Жан-Батист-Шарль Буве де Лозье, капитан судна Французской Ост-Индской компании, заинтересовавшись огромным «белым пятном» вокруг Южного полюса, которое получило среди географов название Terra australis incognita (Неизвестная южная земля), стал добиваться разрешения отправиться на поиски этих неведомых земель. Его настойчивые просьбы долго оставались безрезультатными; но в конце концов в 1738 году правление компании согласилось снарядить экспедицию, надеясь найти новые рынки для торговли.

Девятнадцатого июля 1738 года два небольших фрегата, «Эгль» («Орел») и «Мари», соответствующим образом оснащенные, вышли из Бреста под командованием Буве де Лозье. Простояв больше месяца у острова Санта-Катарина, близ берегов Бразилии, 13 ноября они пустились в дальнейший путь и взяли курс на юго-восток.

Начиная с 26-го фрегаты шли среди густого тумана; чтобы не потерять друг друга, им пришлось подавать пушечные сигналы. Полное отсутствие видимости заставляло их несколько раз менять курс и каждую секунду опасаться столкновения. 5 декабря туман стал еще более густым, хотя это казалось уже невозможным; на «Эгле» слышали шум движения «Мари», но не могли различить даже ее очертаний. Поверхность моря была покрыта морскими водорослями; вскоре увидели розовую кайру — птицу, никогда не улетающую далеко от земли.

«Пятнадцатого декабря, — рассказывает Фабр в своем очерке о Буве, — находясь на 48°50' южной широты (в Северном полушарии широта Парижа) и на 17° западной долготы (меридиан остро-

ва Tenerифе), между пятью и шестью часами утра французские мореплаватели увидели огромное ледяное поле; за ним показалось еще несколько других, окруженных множеством плавающих льдин разной величины. Фрегат „Мари” поднял сигнал опасности и повернул на другой галс. Буве, чрезвычайно недовольный этим маневром, который мог внушить команде неуверенность, распорядился поднять на „Эгле” все паруса и, пройдя мимо „Мари”, сообщил о своем намерении продолжать двигаться к югу. Для успокоения матросов он сказал, что встретившиеся льды следует считать благоприятным предзнаменованием, так как они являются верным признаком близости земли».

Корабли по-прежнему держали курс на юг, и вскоре настойчивость Буве оказалась вознагражденной открытием земли, которой он дал название мыса Сирконсизьон (Обрезания Христа). Земля была довольно высокая, покрыта снегом и окружена со всех сторон толстым ледяным припаем, не дававшим возможности подойти к ней ближе чем на семь-восемь лье. Она, по-видимому, имела в длину четыре или пять лье и тянулась с севера на юг.

«Буве, — сообщает Фабр, — определил по имевшимся у него картам, что земля находится на 54° южной широты и $26 - 27^{\circ}$ долготы к востоку от меридиана Tenerифе или же между $5^{\circ}30'$ и $6^{\circ}30'$ к востоку от Парижского меридиана».

Буве очень хотелось рассмотреть открытую землю вблизи и высадиться на нее, но из-за туманов и встречных ветров он не смог подойти к ней и вынужден был ограничиться наблюдениями с большого расстояния.

«Третьего января 1739 года, — сообщает Буве в своем отчете компании, — нам удалось наверстать потерянное в предыдущие дни, и около четырех часов дня, когда видимость несколько улучшилась, мы ясно различили землю; берег, скалистый на всем протяжении, образовывал несколько изгибов; вершины гор были покрыты снегом; склоны казались поросшими лесом».

После нескольких безуспешных попыток приблизиться к земле Буве пришлось отступить. Обескураженные, изнуренные цингой матросы падали с ног от усталости. Отправив «Мари» на Ильде-Франс (остров Маврикий), он на «Эгле» взял курс к мысу Доброй Надежды, куда и прибыл 28 февраля.

«Мы прошли, — пишет Буве в упомянутом выше отчете, — от тысячи двухсот до тысячи пятисот лье по неведомым морям. В течение семидесяти дней мы почти все время двигались в тумане.

Сорок суток мы находились среди льдов; почти ежедневно шел град или снег, покрывая палубы и снасти. Ванты и снасти обледенели. 10 января мы не смогли поставить фор-марсель¹. Наши люди, привыкшие к теплому климату и плохо одетые, сильно страдали от холода. Некоторые отморозили себе руки и ноги. А между тем все время приходилось работать, ложиться в дрейф, поднимать и опускать паруса, не меньше одного раза в день производить промеры глубин. Один матрос с „Эгля”, спускаясь с формарса-рея², замерзнув, упал на фор-марс. С большим трудом удалось его оттуда снять и отогреть. Мне приходилось видеть слезы, катившиеся из глаз матросов, когда они тянули лотлинь³. А ведь время года было благоприятное, и я принимал все зависевшие от меня меры для облегчения страданий команды».

Достигнутые результаты оказались так ничтожны, что, само собой разумеется, Ост-Индская компания не стала снаряжать новых экспедиций. Да и вряд ли следовало ожидать от них какой-нибудь выгоды; дальнейшие поиски «Южного материка» могли бы дорого обойтись. Все же открытие Буве поколебало веру в существование «Южного материка». Пример был подан, и несколько мореплавателей, в том числе два французских, желая установить истину, вскоре направились по следам Буве. Сообщив некоторые сведения об этой малоизвестной экспедиции, мы хотели воздать должное французскому мореплавателю, пионеру изучения южных широт; ему принадлежит честь указания пути великому английскому исследователю — Джемсу Куку.

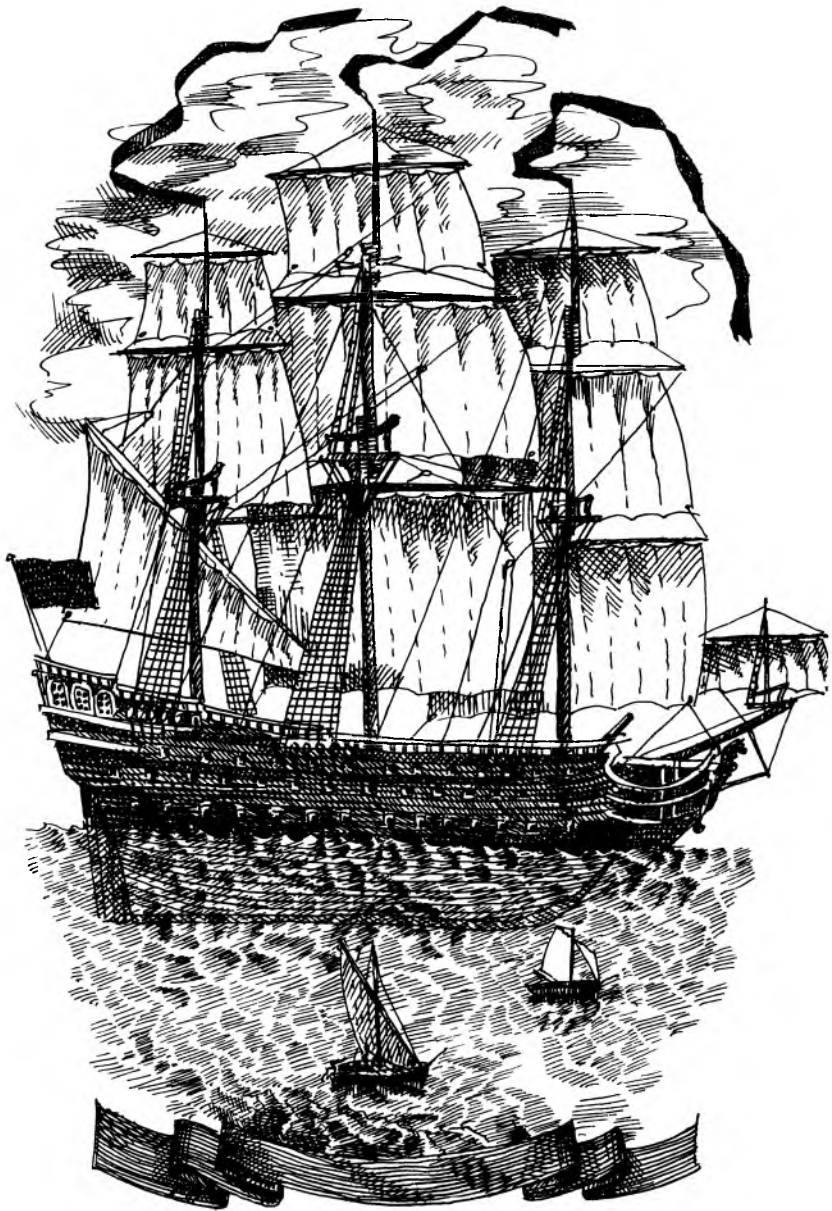
Другому капитану Французской Ост-Индской компании, прославившемуся во многих сражениях с англичанами, Жану-Франсуа-Мари де Сюрвилю, выпало на долю тридцать лет спустя после экспедиции Буве совершить важные открытия в Океании и вновь обнаружить, почти одновременно с Куком, землю, открытую некогда Гасманом и названную последним Землей Штатов. Вот как это произошло.

Лоу и Шевалье, управлявшие Французской Индией, решили снарядить на свои средства судно для торговли в южных морях.

¹ Фор-марсель — второй снизу прямой парус на фок-мачте (передняя мачта судна).

² Фор-марса-рей — второй рей (считая снизу) на фок-мачте. Марс — площадка для наблюдения и парусных работ в месте соединения мачты и стеньги.

³ Лотлинь — специальная веревка (линь), разделенная мерками разного цвета и формы на единицы меры. К ней подвешивается груз (лот), служащий для измерения глубины.

Они посвятили в свои планы Сюрвиля и отправили его во Францию. Получив необходимое разрешение от Ост-Индской компании, он взял на себя руководство оснащением судна. В Нанте был снаряжен корабль «Сен-Жан-Батист», который снабдили трехлетним запасом продовольствия и всем необходимым для дальнейшей экспедиции. Затем Сюрвиль направился в Индию, где Лоу предоставил в его распоряжение двадцать четыре туземных солдата. 3 марта 1769 года «Сен-Жан-Батист», выйдя из бухты Анжели (восточное побережье Индостана), направился в гавань Пондишери, где принял добавочный груз.

Второго июня Сюрвиль покинул Пондишери и взял курс на Филиппинские острова. 20 августа он бросил якорь у островов Бабуян (в проливе Баша). Слово «баша» означает на местном языке возбуждающий напиток, изготавливаемый островитянами из сока сахарного тростника, который настаивается в течение нескольких дней на каких-то черных зернах.

Когда-то несколько матросов Дампира сбежали на острова Бабуян; каждый из них получил от туземцев жену, поле и земледельческие орудия. Воспоминание об этом событии побудило трех матросов с «Сен-Жан-Батист» последовать их примеру. Но Сюрвиль был не такой человек, чтобы допустить убыль в своем экипаже. Поэтому он приказал захватить двадцать шесть туземцев и собирался их держать в качестве заложников, пока ему не вернут его людей.

«Среди туземцев, которых держали связанными, — рассказывает Крозе в опубликованном им отчете о путешествии Сюрвиля, — нашлось несколько смельчаков, бросившихся в море; к величайшему удивлению французских моряков, у них хватило мужества и ловкости доплыть до одной из пирог, державшихся, чтобы не возбуждать подозрений, на довольно почтительном расстоянии».

Туземцы объяснили, что с ними поступили подобным образом лишь для того, чтобы заставить их товарищей выдать трех дезертиров. Островитяне показали знаками, что поняли, и тогда их всех отпустили, за исключением шести человек, захваченных на берегу. Та поспешность, с какой пленники покидали судно и прыгали в свои пироги, делала их возвращение маловероятным. Поэтому французы очень удивились, когда через короткое время увидели, как недавние заложники с радостными криками подплывали к судну. Не оставалось никаких сомнений в том, что они

везут командирю сбежавших матросов. И действительно, они поднялись на палубу и свалили на нее опутанных веревками... трех великолепных свиней!

Сюрвиль нашел шутку, если только то была шутка, совершенно неуместной; он оттолкнул туземцев с таким разъяренным видом, что они бросились в пироги и поспешили скрыться. На другой день «Сен-Жан-Батист» покинул острова Бабуян, увозя трех туземцев, захваченных для замены дезертиров.

Седьмого октября после довольно длительного плавания на юго-восток, на $6^{\circ}56'$ южной широты и на $151^{\circ}30'$ долготы к востоку от Парижского меридиана французы увидели землю, которую назвали островом Премьер-Вю (Первый Увиденный).

«Вдоль его берегов шли до 13 октября, когда была обнаружена прекрасная, защищенная от всех ветров гавань, образованная множеством островков. Сюрвиль, бросивший там якорь, назвал ее в честь морского министра Франции бухтой Прален; она расположена на $7^{\circ}25'$ южной широты и на $151^{\circ}55'$ долготы к востоку от Парижского меридиана».

Войдя в бухту, французы заметили на берегу нескольких туземцев, вооруженных копьями и носивших на спине что-то вроде щита. Вскоре пироги окружили «Сен-Жан-Батист»; сидевшие в них островитяне не скупались на проявления враждебности. Их удалось, однако, умиротворить. Человек тридцать самых смелых вскарабкались на палубу и с большим вниманием осмотрели все, представшее их взору. Вскоре дело дошло до того, что пришлось сдерживать любопытных, стремившихся подняться на палубу; так как среди экипажа имелось много больных, не следовало допускать на корабль такое множество туземцев.

Несмотря на дружелюбный прием, они, по-видимому, не успокоились, и их поведение говорило о чрезмерной подозрительности. При малейшем движении на судне островитяне прыгали в свои пироги или кидались в море. Один из них все же казался более доверчивым. Сюрвиль подарил ему несколько мелочей. В ответ на эту любезность туземец сообщил, что в глубине бухты имеется место, где можно запастись водой.

Капитан распорядился спустить шлюпки и поручил командование ими своему помощнику Лаббе.

«Дикари как будто с нетерпением ждали, чтобы шлюпки отвалили от судна, — рассказывает Флёрё в своей книге „Открытия французов“, — и лишь только те отошли, как все пироги последо-

вали за ними. Одна из пирог — та, в которой сидел туземец, предложивший Сюрвилю свои услуги, по-видимому, указывала путь остальным. На корме стоял какой-то островитянин с пучками травы в руках; держа руки на уровне головы, он производил ими разнообразные ритмичные движения. Посреди той же пироги стоял, опираясь на длинное копьё, юноша, сохранявший все время очень серьёзный вид. Пучки красных цветов были продеты в его уши и в носовую перегородку, а волосы сплошь выбелены известью».

Некоторые маневры пирог возбудили подозрения французов, направлявшихся вслед за ними в какой-то тупик, где, по утверждениям туземцев, находился источник пресной воды. Несмотря на настойчивые предложения туземцев, Лаббе не решился подойти на шляпках к берегу, где глубина не превышала двух-трех футов, а дно было илистое. Чтобы не попасть впросак, он сначала высадил на землю капрала и четырех солдат. Те вскоре вернулись, заявив, что со всех сторон видны только болота, в которых они увязали по пояс. Очевидно, дикари замыслили предательство. Лаббе, однако, постарался скрыть, что понял их намерения, и попросил указать источник.

Тогда туземцы направили шляпки в другое место, отстоявшее на три лье, откуда нельзя было видеть судно. Снова высадили капрала с несколькими людьми; но он обнаружил лишь очень маленький ручей, из которого с трудом смогли напиться он сам и его товарищи. Пока он отсутствовал, туземцы пустили в ход все средства, чтобы убедить Лаббе сойти на берег, указывая ему на обилие кокосовых орехов и других плодов и пытаясь даже завладеть фалинем¹ и шляпочным багром.

«Больше двухсот пятидесяти островитян, — говорится в отчете, — вооруженных копьями длиной в семь-восемь футов, деревянными мечами или палицами, стрелами и камнями, собрались на пляже и наблюдали за всеми движениями французов. Когда пять солдат, находившихся на берегу, собирались занять свои места в шляпке, дикари напали на них, ранили одного солдата ударом палицы, капрала — копьем, а затем набросились на остальных. Пострадал и сам Лаббе, получивший две стрелы в бедро и удар камнем в икру. По предателям открыли огонь. Первый залп ошеломил их до такой степени, что они как бы окаме-

¹ Ф а л и н ь — носовой и кормовой концы на шляпке, служащие для ее призывания

нели; жертв оказалось очень много, ибо туземцы сгрудились толпой на расстоянии всего двух-трех саженой от шлюпок, и ни одна пуля не пропала даром. Оцепенение островитян позволило французам дать второй залп, обративший врагов в бегство. Лаббе, увидев, как вождь, отделившись от толпы, вздымал руки к небу, бил себя в грудь и ободрял воинов криками, прицелился в него и убил наповал. Смерть предводителя послужила, вероятно, немало-важной причиной, усилившей среди туземцев панику. Они унесли своих раненых, оставив на поле битвы тридцать — сорок трупов. Тогда французы высадились, подобрали валявшееся оружие островитян, уничтожили их пироги, а одну увели на буксире».

Сюрвиль после этого побоища решил захватить и использовать в качестве проводника какого-нибудь туземца, который, поняв превосходство европейского оружия, убедил бы соплеменников ничего не предпринимать против французов. С этой целью он придумал такую уловку. По его распоряжению в уведенную пирогу посадили двух матросов-негров, предварительно напудрив им голову и переодев так, чтобы ввести туземцев в заблуждение.

Действительно, вскоре к «Сен-Жан-Батист» подплыла пирога, и сидевшие в ней островитяне, увидев, что двое, как показалось им, соплеменников заняты обменом с чужестранцами, подгребли поближе. Когда пирога подошла на достаточное, по мнению французов, расстояние, они направили две шлюпки, чтобы ее захватить. Островитянам удалось оторваться от преследователей. Тогда, чтобы их остановить, французы решили дать залп. В результате один из туземцев, убитый наповал, упал в море, опрокинув при этом пирогу, а второй, мальчик лет четырнадцати — пятнадцати, попытался достигнуть берега вплавь.

«Он защищался с величайшим мужеством, делая иногда вид, что кусает себя, а на самом деле кусая тех, кто его держал. Его связали по рукам и по ногам и привезли на судно. В течение часа мальчик притворялся мертвым; однако, когда его сажали, он, валясь на палубу, не забывал следить за тем, чтобы плечо касалось настила раньше, чем голова. Затем пленнику надоело изображать мертвого, и он раскрыл глаза; увидев, что матросы едят, он попросил сухарь и с аппетитом сгрыз его, делая при этом весьма выразительные знаки. Мальчика тщательно связали и сторожили, чтобы не дать ему возможности броситься в море».

Ночью пришлось ружейным огнем отогнать пироги, приблизившиеся с намерением захватить судно. Назавтра туземца поса-

дили в шлюпку и отвезли на островок, с тех пор получивший название Эгад¹. Как только мальчика высадили на берег, французы увидели, что ему удалось перерезать острой раковинной почти все связывавшие его веревки.

Тогда юного дикаря опять притащили к берегу моря; поняв, что его снова хотят посадить в шлюпку, он стал кататься по берегу, испуская дикие вопли и в ярости хватая зубами песок.

В конце концов матросы нашли достаточно полноводный источник; они смогли заняться и заготовкой дров. Одно из срубленных деревьев показалось подходящим для добывания краски, так как морская вода становилась от него красной. Кору дерева подержали в кипящей воде, и куски хлопчатобумажной ткани, опущенные в этот отвар, приобрели пурпурно-красный цвет.

Пальмовая капуста², прекрасные устрицы и различные моллюски явились ценным подспорьем для команды. На «Сен-Жан-Батист» имелось уже много больных цингой. Сюрвиль надеялся, что на стоянке они поправятся; но из-за дождя, лившего без перерыва шесть дней, их состояние резко ухудшилось, и три человека погибли еще до того, как судно снялось с якоря.

Большой остров, на котором находилась бухта Прален, назвали из-за вероломства жителей землей Аршакидов³ (ныне — архипелаг Нью-Джорджия, часть Соломоновых островов). «Бухта Прален, — пишет Флёрё, — была бы одной из прекраснейших гаваней в мире, если бы не илистое дно. Со всеми островами, различимыми с того места, где „Сен-Жан-Батист“ стоял на якоре, она имеет почти круглую форму... Дикий нрав жителей, населявших берега бухты Прален, не дал возможности французам проникнуть внутрь страны, и они смогли ознакомиться лишь с побережьем. Ни в глубине бухты, куда заходили шлюпки, ни на острове Эгад, исследованном на всем протяжении, не удалось обнаружить ни клочка возделанной земли».

Таковы те довольно поверхностные сведения, какие Сюрвиль

¹ Эгад — французский морской термин, обозначающий место, где набирают пресную воду.

² Пальмовая капуста — крупная нежная верхушечная почка капустной пальмы, употребляемая в сыром и вареном виде как превосходный овощ. В некоторых районах тропического пояса эта пальма высевается; двух-трехмесячные проростки ее употребляются в пищу сырыми (как салат), жареными или вареными. Нередко в пищу идут и молодые побеги.

³ Аршакиды — династия парфянских царей (с III в. до н. э. до III в. н. э.), завоевавших Среднюю Азию и Месопотамию. Аршакиды прославились жестокостью и вероломством.

смог собрать сам или с помощью своих людей. К счастью, много дополнительных данных было получено от пленного туземца, по имени Лова-Салега, обнаружившего изумительные способности к усвоению языков.

По словам Лова-Салега, на острове росли капустные и кокосовые пальмы, некоторые другие плодовые деревья, дикое кофейное дерево, эбеновое дерево, камедные деревья разных видов, бананы, сахарный тростник, ямс, анис и, наконец, какое-то растение, называвшееся туземцами «бинао» и служившее им в качестве хлеба. В лесах порхали попугаи-какаду и лори¹, витютени², черные дрозды, несколько более крупные, чем европейские. На болотах попадались кроншнепы, ржавки, разновидность бекасов и утки. Из четвероногих в стране водились лишь козы и полуодичавшие свиньи.

«Жители берегов бухты Прален, — сообщает Флёрё на основании неизданных судовых журналов, имевшихся в его распоряжении, — среднего роста, но сильные и энергичные. По-видимому, они разного происхождения (очень ценное замечание): у одних — кожа совершенно черная, у других — медно-красная. У первых волосы курчавые и на ощупь довольно мягкие. У них узкий лоб, глаза сидят не очень глубоко, подбородок заостренный и слегка заросший бородой; лицо производит впечатление свирепости. У некоторых из островитян с медно-красной кожей волосы гладкие. Обычно они подрезают их на уровне ушей. Кое-кто оставляет волосы только на макушке в виде ермолки; остальную часть головы они бреют острым камнем, сохраняя лишь внизу венчик шириною в дюйм. Волосы и брови они пудрят известкой, что придает им такой вид, словно их покрасили желтой краской».

Мужчины и женщины ходят совершенно голые. Надо сказать, что нагота аборигенов не столь шокирует, как нагота европейца, так как лицо, руки, а обычно и все остальные части тела туземцев густо покрыты татуировкой, причем некоторые узоры свидетельствуют о незаурядном вкусе. К этому надо добавить, что местные жители прокалывают уши и носовые перегородки; носовой хрящ под тяжестью подвешенных к нему предметов часто вытягивается до верхней губы.

Наиболее распространенным украшением у жителей района бухты Прален являются четки из человеческих зубов. Из этого

¹ Л о р и — семейство птиц отряда попугаевых, размером с голубя.

² В и т ю т е н ь (вахирь) — крупный лесной дикий голубь.

сразу же заключили, что здешние туземцы были людоедами, хотя такая же «мода» наблюдалась и у племен, которых ни в коем случае нельзя заподозрить в каннибализме. Однако сбивчивые ответы Лова-Салеги и полуобжаренная голова мужчины, обнаруженная Бугенвилем на пироге с близлежащего острова Шуазель, не оставляют никакого сомнения в существовании этого варварского обычая.

Двадцать первого октября после девятидневной стоянки «Сен-Жан-Батист» покинул бухту Прален. Назавтра и в последующие дни судно все время шло в виду высоких и гористых островов. 2 ноября Сюрвиль заметил землю, получившую название острова Контрарьете (Препятствий) из-за встречных ветров, в течение трех дней препятствовавших движению судна.

Открывшийся ландшафт радовал взор. Остров был хорошо возделан и, по всей вероятности, если судить по количеству пирогов, постоянно окружавших «Сен-Жан-Батист», густо населен.

Убедить туземцев подняться на судно долго не удавалось. Наконец какой-то вождь вскарабкался на палубу. Первым делом он стащил пожитки одного матроса, и его еле-еле уговорили их вернуть. Затем он направился на ют и потянулся за белым флагом, желая его присвоить. С большим трудом гостя от этого удержали. В конце концов он взобрался на крьюс-марс¹, осмотрел с высоты все части судна и, спустившись, принялся скакать; затем, обратившись к оставшимся в пирогах соплеменникам, он словами и довольно странными жестами предложил им также подняться на палубу.

Дюжина туземцев решились. Они походили на жителей, виденных в бухте Прален, но говорили на другом языке, и Лова-Салега не мог их понять. На судне они оставались недолго; один из них стащил бутылку и бросил ее в море; капитан выразил недовольство, и они поспешили спуститься в свои пироги.

Вид острова был до того привлекателен, а цинготные больные так нуждались в свежей провизии, что Сюрвиль решил направить к берегу шлюпку, чтобы выведать настроение жителей.

Едва шлюпка отвалила от судна, как ее окружили пироги с многочисленными воинами. Для предупреждения неминуемой стычки капитан приказал дать несколько ружейных залпов. Нападающие обратились в бегство. Ночью целая флотилия пирогов

¹ К р ю й с - м а р с — первая снизу площадка на бизань-мачте (ближняя мачта к корме).

направилась к «Сен-Жан-Батист»; из соображений гуманности Сюрвиль не стал ждать, пока островитяне приблизятся, и велел выстрелить в воздух из пушек, заряженных картечью; туземцы немедленно обратились в бегство. От высадки на берег пришлось отказаться, и Сюрвиль снова вышел в море. Один за другим он открыл острова Трех Сестер, Гольф и острова Деливанс, которыми заканчивался этот архипелаг.

Обнаруженный Сюрвилем архипелаг был не чем иным, как Соломоновыми островами¹, об открытии которых Менданьей мы уже рассказывали². Французский мореплаватель прошел сто сорок лье вдоль берегов, составил их карту и зарисовал четырнадцать очень интересных прибрежных ландшафтов.

Чтобы предотвратить гибель значительной части экипажа, Сюрвилю необходимо было во что бы то ни стало достигнуть какой-нибудь земли, где он смог бы высадить на берег больных и раздобыть для них свежую провизию. Он решил направиться в Новую Зеландию, никем не посещавшуюся после Тасмана.

Двенадцатого декабря 1769 года Сюрвиль увидел ее берега на 35°37' южной широты и спустя пять дней бросил якорь в заливе, названном им Лористон. В глубине залива оказалась бухта, получившая название Шевалье — в честь одного из организаторов экспедиции. Напомним, что капитан Кук с начала октября того же года занимался исследованием Южного острова и через несколько дней после прибытия французских моряков миновал залив Лористон, не заметив их судна.

Во время стоянки в бухте Шевалье разыгрался ужасный шторм, чуть не погубивший «Сен-Жан-Батист»; однако матросы были так уверены в мореходных талантах своего командира, что ни на минуту не поддались унынию и выполняли все приказания Сюрвиля с полным хладнокровием.

Не успел баркас, на котором везли больных, добраться до земли, как разразилась бешеная буря и его отнесло в бухту, получившую название Рефюж (Убежище). Команду и больных очень тепло принял местный вождь по имени Нажинуи. Он поместил чужеземцев у себя в хижине и снабжал все время свежими продуктами, какие только мог раздобыть.

Одна из шлюпок, шедших на буксире за «Сен-Жан-Батист», была унесена волнами. Сюрвиль увидал, как ее выбросило на бе-

¹ На современных картах Соломоновых островов эти названия не сохранились.

² См. первый том «Открытие Земли».

рег в бухте Рефюж. Он попытался отыскать шлюпку, но от нее остался лишь швартов;¹ все остальное успели утащить туземцы. Вновь посланная шлюпка поднялась вверх по течению реки, но никаких следов своей предшественницы не обнаружила. Сюрвиль не захотел оставить кражу безнаказанной; он знаками подозвал туземцев, стоявших около своих пирог. Когда один из них приблизился, его немедленно схватили и увезли на судно. Остальные убежали.

«Французы завладели одной пирогой, — рассказывает Крозе, — сожгли несколько других, подожгли хижины и вернулись на „Сен-Жан-Батист“. Задержанный туземец, как выяснил судовой врач, оказался тем самым гостеприимным вождем, который так великодушно помог морякам во время бури. То был бедный Нажинуи. Прибежав по первому знаку Сюрвиля, он никак не ожидал подобного вероломства после всех услуг, оказанных им чужеземцам».

Нажинуи умер 24 марта 1770 года вблизи островов Хуан-Фернандес.

Мы не станем упоминать о сообщениях французского мореплавателя относительно жителей и природных богатств Новой Зеландии, так как это было бы лишь повторением того, что мы рассказывали при описании путешествий капитана Кука.

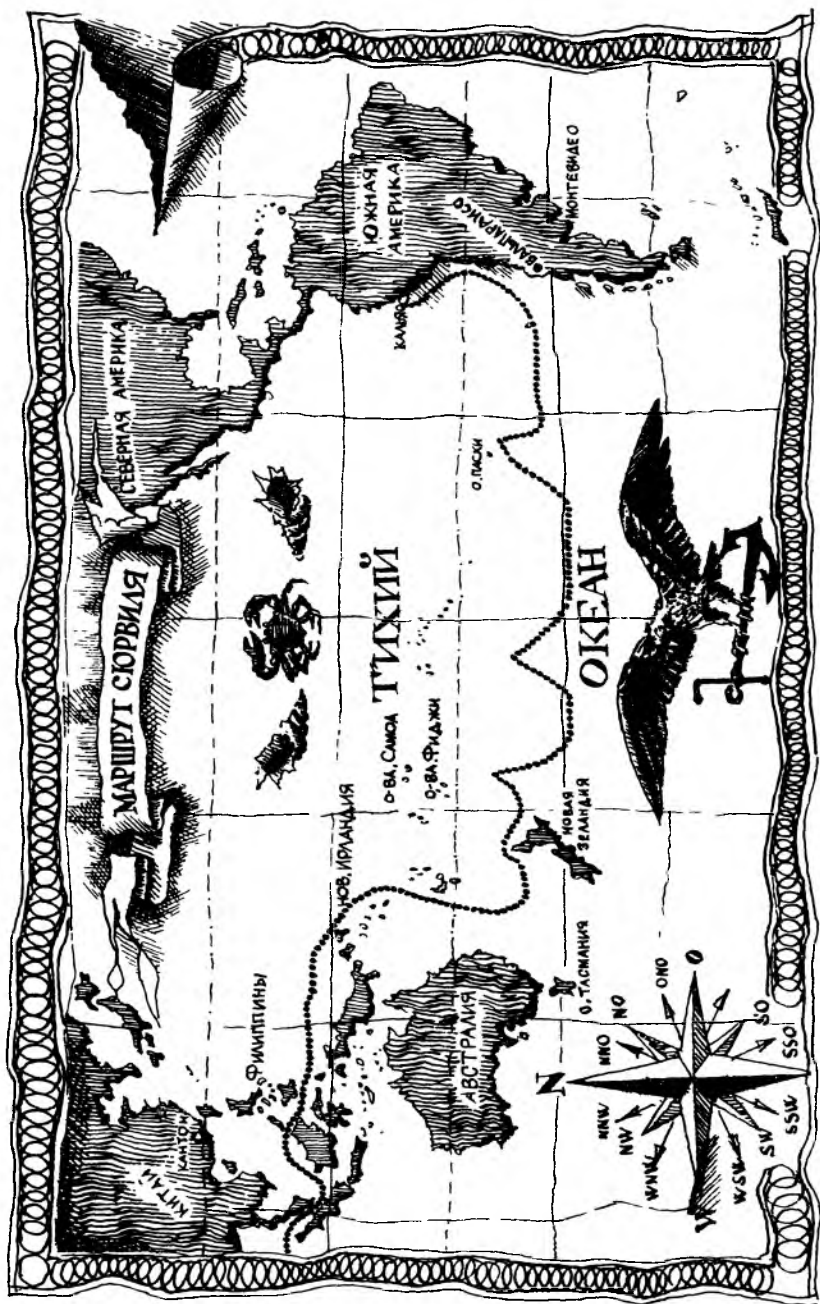
Через несколько дней, убедившись в невозможности добыть необходимую для команды свежую провизию, Сюрвиль пустился в дальнейший путь, держась между 27° и 28° южной широты; однако цинга, производившая все новые опустошения, заставила его кратчайшим путем направиться к берегам Перу. Он увидел их 5 апреля 1770 года и спустя три дня бросил якорь у бара² Чилка перед входом в гавань Кальяо.

Спеша доставить помощь больным и никому не желая доверить переговоры с губернатором, Сюрвиль сам отправился на берег. К несчастью, волны, обрушивавшиеся перед баром, опрокинули шлюпку, и из ее экипажа спасся лишь один матрос. Сюрвиль и все остальные утонули.

Так погиб этот искусный мореплаватель, который мог бы еще сделать много полезного на избранном им поприще. Что касается «Сен-Жан-Батист», то его в течение трех лет продержали в Кальяо

¹ Швартов — трос или цепь для привязывания судна у стенки причала, у борта другого судна и т. д.

² Бар — песчаная отмель в устье реки.

из-за бесконечных проволочек испанских таможенных властей. Командование над судном принял Лаббе, доставивший его 23 августа 1773 года во Францию в порт Лориан.

Описывая путешествие Бугенвиля, мы упомянули, что он привез с собой в Европу таитянина по имени Аотуру. Когда таитянин выразил желание вернуться на родину, французское правительство отправило его на Иль-де-Франс и дало распоряжение колониальным властям содействовать его возвращению на Таити.

В это время на острове находился офицер французского флота Марион-Дюфрен, который предложил Пуавру, губернатору островов Иль-де-Франс и Бурбон (Маврикий и Реюньон), доставить за свой счет на принадлежащем ему судне молодого Аотуру на Таити. Он просил только, чтобы его сопровождал военный корабль и чтобы его ссудили деньгами на подготовку к экспедиции.

Никола-Тома Марион-Дюфрен родился в Сен-Мало 22 декабря 1729 года и в ранней молодости поступил на флот. Несмотря на скромный чин капитана брандера, он пользовался репутацией прекрасного моряка. Задача, за которую он взялся, являлась лишь предлогом для экспедиции с целью открытия новых земель в Океании. Как бы там ни было, Пуавр, разумный правитель, покровительствовавший прогрессу, принял предложение Мариона и вручил ему подробные инструкции относительно предстоящих исследований в Южном полушарии. В то время Кук еще не доказал, что «Южного материка» не существует.

Пуавру очень хотелось открыть северную часть этой земли, на которой он рассчитывал обнаружить мачтовые леса; необходимые для французских колоний материалы доставлялись с огромными затратами из метрополии. Наконец, возможно, там существовала безопасная гавань, где корабли могли бы укрываться от разрушительных ураганов, периодически пронесившихся над островами Маврикий и Реюньон. К тому же правительство Франции незадолго до этого направило экспедицию под начальством лейтенанта Кергелена для открытия новых земель в тех же самых неисследованных морях. Марион, предлагавший идти другим путем, мог существенно помочь в разрешении поставленной задачи.

Восемнадцатого октября 1771 года «Маскарен», под командованием Мариона, и «Маркиз де Кастри», под начальством лейтенанта шевалье дю Клемера, снялись с якоря. Прежде всего они зашли на остров Реюньон, где захватили Аотуру, к несчастью заразившегося оспой на острове Маврикий. Появились явные симп-

томы болезни, и следовало как можно скорее покинуть Реюньон, чтобы там не вспыхнула эпидемия. Оба корабля направились затем в Форт-Дофин на берегу Мадагаскара; Марион рассчитывал, что Аотуру успеет выздороветь, прежде чем экспедиция достигнет мыса Доброй Надежды, где необходимо было пополнить запасы провизии. Молодой таитянин вскоре скончался.

Не следовало ли при таких обстоятельствах вернуться на Илде-Франс, разгрузить корабли и отказаться от намеченной кампании? Марион так не думал. Получив свободу действий, он решил прославиться необыкновенным путешествием и сумел заразить своим энтузиазмом спутников.

Итак, мореплаватель направился на мыс Доброй Надежды и за несколько дней пополнил запасы провизии, чтобы их хватило на восемнадцатимесячное плавание.

Затем он сразу взял курс на юг по направлению к открытым в 1739 году Буве де Лозье землям, которые должны были находиться к востоку от меридиана Мадагаскара.

С 28 декабря 1771 года, дня отплытия от мыса Доброй Надежды, до 11 января ничего интересного не произошло. Тогда суда находились, согласно данным обсервации, на $20^{\circ}43'$ долготы к востоку от Парижского меридиана, на параллели (между 40 и 41 градусами южной широты) островов, обозначенных на голландских картах под названиями Дина и Марвезен и не отмеченных на французских навигационных картах.

Хотя увеличение количества гнездящихся на суше птиц ставляло Мариона предположить близость этих островов, он покинул 9 января этот район в полном убеждении, что его внимание должно сосредоточиться на поисках «Южного материка». 11 января корабли находились на $45^{\circ}43'$ южной широты; несмотря на лето, стояли сильные холода и непрерывно шел снег. Двумя днями позже посреди густого тумана, сменившегося затем дождем, Марион увидел на расстоянии четырех-пяти лье землю, простиравшуюся к западу. Лот показал глубину восемьдесят сажень; грунт состоял из крупнозернистого песка с примесью кораллов. Марион прошел вдоль берега приблизительно шесть-семь лье. Открытая территория казалась очень высокой и гористой. Она получила название Земли Эсперанс (Надежды). Это говорит о том, как велика была надежда Мариона достичь «Южного материка». Тот же остров Кук четыре года спустя описал под названием Принс-Эдуард.

Еще одна земля была открыта к северу от первой.

«Плывя вдоль этого острова, я заметил, — рассказывает Крозе, опубликовавший отчет о путешествии Мариона, — что в северо-восточной его части имеется бухта, напротив которой, по видимому, находилась огромная пещера. Вокруг нее виднелось множество больших белых пятен, издали напоминавших стада овец. По всей вероятности, если бы погода позволила, мы нашли бы перед этой бухтой якорную стоянку. Мне казалось, что я различаю водопад, низвергающийся с гор. Обогнув остров, мы обнаружили еще три островка, некогда составлявшие с первым одну землю; два находились внутри большого залива, образованного изгибом берега, а третий служил продолжением его северной оконечности. На вид остров, окруженный в семь-восемь лье, представлялся безводным, лишенным зелени, с чистым и безопасным берегом. Марион назвал его островом Каверн (Пещеры)».

Оба указанных острова расположены на $45^{\circ}45'$ южной широты и на $34^{\circ}31'$ к востоку от Парижского меридиана в полуградусе восточнее маршрута Буве.

На следующий день был исследован на протяжении шести лье берег острова Эсперанс, казавшийся сплошь покрытым зеленью. На вершинах довольно высоких гор лежал снег. Мореплаватели направились на поиски якорной стоянки, как вдруг во время промера «Маскарен» и «Маркиз де Кастри» столкнулись и нанесли друг другу повреждения. Ремонт кораблей отнял три дня. Прежде благоприятная погода испортилась, задул сильный ветер. Пришлось продолжать путь, держась сорок шестой параллели.

Двадцать четвертого января были обнаружены новые острова.

«Вначале нам показалось, что перед нами два острова, — рассказывает Крозе. — Я зарисовал их общий вид с расстояния восьми лье. Вскоре мы приняли их за два мыса, между которыми вдали виднелась непрерывная линия берега. Эта земля расположена на $45^{\circ}05'$ южной широты и на 42° долготы к востоку от Парижского меридиана. Марион назвал ее островами Фруад (Холодные)».

Хотя за ночь прошли очень небольшое расстояние, наутро эти острова уже скрылись из виду. Днем на «Кастри» подняли сигнал, что замечена земля. Она находилась в десяти или двенадцати лье к восток-юго-востоку от первой. Но густой туман, не рассеивавшийся в течение двенадцати часов, непрекращавшийся дождь,

очень сильный холод, от которого страдали плохо одетые матросы, не дали возможности подойти к ней ближе чем на шесть-семь лье.

Назавтра, 25 января, снова увидели этот же берег, а также новую землю, названную островом Арид (Пустынный). В настоящее время она известна как остров Крозе.

Марион наконец смог спустить на воду шлюпку и дал приказание Крозе вступить от имени французского короля во владение более значительных из двух островов, расположенных на $46^{\circ}30'$ южной широты и на 43° долготы к востоку от Парижского меридиана.

«Марион назвал этот остров Приз-де-Поссессьон¹ (Вступление во владение). То был шестой остров, открытый нами в южных широтах... Я немедленно взобрался на вершину холма, откуда увидел несколько покрытых снегом долин; земля казалась бесплодной, поросшей лишь каким-то чахлым злаком... Я не заметил ни одного деревца или кустика... Этот остров, открытый ураганным западным ветрам, в течение всего года неистовствующим в здешних широтах, казался не пригодным для заселения его людьми. Я обнаружил на нем лишь тюленей, пингинов, капских буревестников, гагар и другие виды птиц, которых мореплаватели встречают в открытом океане, после того как минуют мыс Доброй Надежды. Эти животные и птицы, никогда не видевшие человека, не проявляли никакого страха, и их можно было брать в руки. Самки птиц спокойно сидели на яйцах; другие кормили птенцов; тюлени не переставали прыгать и резвиться, казалось, ничуть не испуганные нашим присутствием».

Марион продолжал двигаться между сорок шестой и сорок седьмой параллелями среди такого густого тумана, что с одного конца палубы нельзя было различить другой, и приходилось непрерывно стрелять из пушек, чтобы корабли не потеряли друг друга.

Второго февраля они находились на $47^{\circ}22'$ южной широты, то есть на расстоянии $1^{\circ}18'$ к северу от островов, открытых 13-го того же месяца военными кораблями — «Фортюн» и «Гро-Вантр» под командованием Кергелена и Сент-Аллуарна. Не случись в это время аварии с «Кастри», Марион, несомненно, с ними встретился бы.

Достигнув 90° к востоку от Парижского меридиана, Марион изменил курс и направился к Земле Ван-Димена (Тасмании). Этот

¹ Теперь этот остров называется Марион. (Примеч. автора.)

переход не ознаменовался никакими событиями, и оба корабля бросили якорь в бухте Фредерик-Гендри.

Немедленно были спущены на воду шлюпки, и сильный отряд моряков высадился на берег, где их поджидали человек тридцать туземцев; судя по виденным кострам и струйкам дыма, страна, по всей вероятности, была густо заселена.

«Местные жители, — рассказывает Крозе, — выказали расположение; они собрали валежник и вручили пришельцам несколько зажженных сухих веток, как бы предлагая поджечь костер. Что означала эта церемония, осталось неизвестно. Мы зажгли костер. Дикари, по-видимому, несколько не удивились; они стояли вокруг нас, не проявляя ни дружеских, ни враждебных чувств; тут же находились женщины и дети. Мужчины, как и женщины, были среднего роста, темнокожие, с курчавыми волосами, все одинаково голые; некоторые женщины носили детей на спине, привязывая их веревками из тростника. Все мужчины имели оружие, состоявшее из остроконечных дубинок и нескольких камней, показавшихся нам очень острыми, похожими на топоры.

Мы попытались завоевать доверие островитян мелкими подарками; они с презрением отказались от всего, что мы им предлагали, даже от изделий из железа, от зеркал, платков и кусков парусины. Им показали кур и уток, доставленных с корабля, желая дать им понять, что мы не прочь купить у них подобных птиц. Они взяли кур и уток, которых, судя по всему, никогда раньше не видели, и с гневным видом их отбросили».

Прошел уже час, как французы пытались заслужить расположение дикарей, когда Марион и дю Клемер высадился на берег. Им тотчас же подали тлеющую головню, и они, не колеблясь, подожгли приготовленный костер, убежденные, что это какая-то мирная церемония. Они ошибались, так как туземцы немедленно отошли в сторону и засыпали командиров градом камней, ранивших обоих. Им ответили ружейными выстрелами, и моряки погрузились в шлюпки.

Во время новой попытки высадиться на берег, которой дикари воспротивились, проявляя большую храбрость, пришлось опять открыть ружейный огонь; один человек был убит и несколько ранено. Французы немедленно вступили на землю и стали преследовать туземцев, не пытавшихся больше сопротивляться.

Затем два отряда получили задание найти источник пресной воды и деревья, пригодные для смены рангоута «Кастри». Поиски

продолжались шесть дней, но не дали результата. Впрочем, это время не оказалось потерянным для науки, так как удалось сделать ряд интересных наблюдений.

«Довольно значительные кучи раковин, попадавшиеся нам на некотором расстоянии одна от другой, — рассказывает Крозе, — заставили нас прийти к выводу, что обычная пища дикарей состояла из мидий, морских перьев, морских гребешков, морских желудей и других подобных моллюсков».

Разве не замечательно, что в Тасмании были обнаружены такие же кухонные отбросы, какие столь часто встречаются на Скандинавском побережье и о находке которых на Панамском перешейке мы уже сообщали? Человек повсюду одинаков, тождественные потребности обуславливают тождественное поведение.

Убедившись в бесполезности дальнейшей траты времени на поиски воды и леса для установки мачт на «Кастри» и для починки корпуса «Маскарена», имевшего большую течь, Марион 10 марта направился к Новой Зеландии, куда и прибыл через две недели.

Эта страна, открытая в 1642 году Тасманом, была уже более или менее изучена, так как в 1770 году ее посетили Кук и Сюрвиль.

Корабли попытались было пристать поблизости от горы Эгмонт, но берег в этом месте оказался таким крутым, что Марион снова вышел в открытое море и 31 марта опять приблизился к земле — на 36°30' южной широты. Теперь он двигался вдоль берега и, несмотря на встречные ветры, поднялся к северу до островов Три-Кингс. Пристать к ним не было возможности. Пришлось направиться к Северному острову и бросить якорь у мыса Мария-Ван-Димен — самой северной оконечности Новой Зеландии. Как вскоре обнаружилось, якорная стоянка оказалась плохой, и после нескольких попыток отыскать более удобную гавань Марион вошел 11 мая в Бей-оф-Айлендс.

Там нашли дрова и воду, разбили палатки и разместили больших под охраной сильного отряда. Туземцы немедленно явились на корабли, некоторые даже на них ночевали, и вскоре завязалась обменная торговля в крупных масштабах, которой немало способствовал небольшой запас слов таитянского языка.

«Я с удивлением отметил, — пишет Крозе, — что дикари, с первых дней посещавшие корабли, принадлежали к трем различным расам. Одни, вероятно, подлинныя аборигены¹, отличались свет-

¹ Аборигены — коренные обитатели страны или местности.

лой, слегка желтоватой кожей; они были выше других, и их средний рост равнялся пяти футам и девяти или десяти дюймам; волосы у них черные, блестящие и гладкие. Другие, более смуглые, были несколько меньшего роста, со слегка вьющимися волосами. Наконец, встречались настоящие негры с курчавой головой, ростом уступавшие остальным, но обычно более широкие в груди. У представителей первого типа борода почти не росла, а у негров она была очень густая».

Правильность этих интересных наблюдений в будущем подтвердилась.

Мы не будем останавливаться на нравах новозеландцев, на их укрепленных деревнях, подробно описанных Марионом, на оружии и пище; все это уже известно читателю.

Французы устроили на суше три лагеря; больных поместили на острове Матуаро; в одном из лагерей был организован склад, служивший одновременно для связи между кораблями и плотницкой мастерской, устроенной в лесу на расстоянии двух миль от берега. Моряки, убедившись в дружелюбии дикарей, совершали длинные прогулки в глубь страны и повсюду встречали сердечный прием. В конце концов установилась атмосфера такого доверия, что Марион, несмотря на возражения Крозе, приказал морякам, направлявшимся в шляпках на берег, не брать с собой оружия. Непростительное неблагоразумие в стране, где Тасману пришлось назвать место своей первой высадки «бухтой Убийц» и где Кук встретил людоедов и чуть не был убит!

Восьмого июня Марион высадился на берег; туземцы встретили его проявлениями еще более теплой дружбы, чем обычно. Его объявили верховным вождем страны и впустили ему в волосы четыре белых пера — эмблему высшей власти. Четыре дня спустя Марион снова съехал на сушу в сопровождении двух молодых офицеров Водрикура и Леу, каптенармуса и нескольких матросов; всего их было семнадцать человек.

К вечеру никто на корабль не вернулся. Это не вызвало беспокойства, так как все знали гостеприимный нрав дикарей. Подумали только, что Марион остался ночевать на берегу, чтобы с утра пораньше посмотреть, как продвигаются работы в мастерской.

Тринадцатого июня с «Кастри» отправили баркас за водой и дровами для пополнения запасов. В девять часов с борта был замечен какой-то человек, плывший к кораблю. За ним послали шляпку, чтобы его подобрать. То был один из отправившихся в

баркасе матросов, единственный, уцелевший из всех. Ему нанесли две раны копьем в бок и сильно избили.

По его рассказам, вначале дикари проявляли обычное дружелюбие. Они даже перенесли на берег на плечах тех матросов, которые боялись замочиться. Затем, когда матросы разошлись в разные стороны, чтобы набрать вязанки дров, туземцы снова появились, вооруженные копьями, дубинками и палицами, и набросились группами в семь-восемь человек на каждого моряка. Что касается уцелевшего, то на него напали лишь двое, которые нанесли ему две раны копьем, и так как он, по счастью, находился недалеко от моря, ему удалось добежать до берега и спрятаться там среди кустов. Оттуда он видел, как уничтожили всех его товарищей. Дикари сорвали с них одежду, вспороли всем животы и принялись разрезать трупы на куски. Тогда он бесшумно вышел из своего убежища и бросился в море в надежде вплавь добраться до корабля.

Не случилось ли то же самое с Марионом и его шестнадцатью спутниками, о которых не поступало никаких известий? Это было вполне вероятно. Во всяком случае, следовало, не теряя ни минуты, принять меры к спасению моряков, находившихся в трех лагерях на земле.

Дю Клемер немедленно принял на себя командование; благодаря его энергии удалось избежать еще больших потерь.

С «Маскарена» снарядили баркас и направили на поиски шлюпки Мариона; одновременно морякам был отдан приказ предупредить все лагеря и направиться на помощь самому отдаленному — мастерской, где изготовлялись мачты и реи. На берегу, вблизи от деревни Такури, были обнаружены две шлюпки; вокруг них толпились дикари, растаскивавшие их на части после того, как расправились с матросами.

Не задерживаясь для попытки отобрать шлюпки, офицер всячески торопил своих спутников, чтобы вовремя добраться до мастерской. К счастью, туземцы еще не успели напасть на лагерь. Все работы немедленно прекратили, собрали оружие и инструменты, зарядили ружья, а предметы, которые нельзя было унести, подожгли вместе с баракком.

Затем французы отступили, сопровождаемые многочисленными группами новозеландцев, повторявших зловещие слова: «Такури мате Марион» («Такури убили Мариона»). Так шли два лье; на отряд из шестидесяти моряков туземцы не решились напасть.

Когда французы достигли баркаса, дикари приблизились. Крозе распорядился, чтобы сначала погрузились матросы, имевшие какую-нибудь ношу; проведя на земле черту, он дал знаками понять туземцам, что первый, кто ее переступит, будет изрешечен пулями. Затем он отдал приказ всем садиться в баркас; вид тысячи островитян, беспрекословно повиновавшихся, несмотря на все их желание броситься на ускользавшую добычу, представлял собой захватывающее зрелище.

Крозе забрался в баркас последним. Едва он в нем очутился, как раздался боевой клич и со всех сторон полетели дротики и камни. Угрозы сменились враждебными действиями, и дикари вошли в воду, чтобы лучше целиться в противников. Так как Крозе не оставалось ничего другого, как продемонстрировать несчастным туземцам превосходство своего оружия, он отдал приказ открыть огонь. Маори¹, видя, что их соплеменники, как будто ничем не пораженные, падают мертвыми или ранеными, застыли в оцепенении. Наверное, они были бы все перебиты, если бы Крозе не распорядился прекратить стрельбу.

Больных доставили на корабли без всяких происшествий, а моряков в складском лагере, получивших подкрепление и державшихся все время настороже, никто не беспокоил.

На следующий день туземцы, жившие в большой деревне на острове Матуаро, попытались помешать матросам набирать воду и заготовливать дрова. Тогда французы двинулись на них со штыками наперевес и преследовали до деревни, где они укрылись. Слышались крики вождей, призывавших туземцев на битву. Как только французы подошли на расстояние pistolетного выстрела от ворот деревни, они открыли огонь, целясь так метко, что первыми жертвами стали вожди. Островитяне, увидев их сраженными, обратились в бегство. Человек пятьдесят французы убили, остальных вынудили броситься в море, а деревню сожгли.

Нечего было и думать о доставке на берег великолепных мачт, изготовленных из сосен, свалить которые стоило такого большого труда; для замены мачт пришлось ограничиться запасом бревен, имевшимся на кораблях. Что касается доставки семисот бочек воды и семидесяти сажень дров, необходимых для дальнейшего плавания, то единственный оставшийся баркас мог выполнить эту работу не меньше чем за месяц.

¹ Маори — коренное население Новой Зеландии.

Все же судьба капитана Мариона и сопровождавших его людей не была окончательно ясна. Хорошо вооруженный отряд направился к деревне Такури.

Деревня оказалась покинутой. В ней обнаружили лишь несколько стариков, не имевших сил последовать за бежавшими соплеменниками и теперь сидевших у дверей своих хижин. Французы хотели их захватить. Тогда один из них с совершенно спокойным видом ударил солдата дротиком. Старика убили, но остальных не тронули и оставили в деревне. Все хижины тщательно обыскали. В том месте, где находился очаг вождя Такури, нашли человеческий череп; голова была зажарена всего несколько дней тому назад, и на костях сохранилось еще кое-где мясо со следами зубов людоедов. Обнаружили также на три четверти съеденный кусок человеческого бедра, насаженный на деревянный вертел.

В одной из хижин увидели рубаху, принадлежавшую несчастному Мариону. Ворот рубахи был весь залит кровью, а на боку виднелись три-четыре дыры, также с кровавыми пятнами по краям. В других хижинах подобрали часть одежды и пистолеты молодого Водрикура, сопровождавшего командира, вымпел шляпки и кучу рваного обмундирования злосчастных матросов.

Увы, сомневаться больше не приходилось! Составили протокол о смерти погибших моряков, и дю Клемер пересмотрел бумаги Мариона, чтобы установить, каковы были его планы дальнейшего плавания. Он обнаружил только инструкции, данные управителем Иль-де-Франса.

Был собран военный совет, и ввиду плачевного состояния кораблей решили отказаться от поисков новых земель и направиться к островам Тонгатабу, Намука (острова Тонга), затем к Марианским островам и Филиппинам, где можно было надеяться распродать груз и после этого вернуться на Иль-де-Франс.

Четырнадцатого июля корабли покинули бухту Траизон (Предательства) — так дю Клемер назвал бухту, где произошли трагические события (называемую теперь Бей-оф-Айлендс) — и взяли курс на острова Тонгатабу и Намука, севернее которых прошли 6 августа. Плаванию благоприятствовала великолепная погода — счастливое обстоятельство, так как среди матросов свирепствовала цинга и лишь немногие из них были в состоянии работать.

Наконец, 20 сентября, показался остров Гуам, самый большой из Марианских островов, но пристать к нему удалось лишь через неделю.

Опубликованный Крозе отчет содержит очень ценное и подробное описание острова, его природных богатств и населения. Мы процитируем лишь следующую фразу — лаконичную, но вполне точную.

«Остров Гуам, — пишет Крозе, — показался нам земным раем; климат там превосходный, вода хорошая, овощи и плоды чудесные, стада быков, а также коз и свиней бесчисленны; всякого рода домашняя птица водится здесь в невообразимом количестве».

В числе растительных богатств Крозе упоминает «рима»¹, плоды которой прекрасны на вкус, когда они достигают предельной величины, но еще сохраняют зеленый цвет.

«Именно в таком виде, — сообщает он, — островитяне рвут их для еды. Они очищают плоды от шершавой кожицы и нарезают ломтями, как каравай хлеба. Если они хотят заготовить их впрок, то нарезают круглыми ломтями и в виде очень тонких галет сушат на солнце или в печи. Эти натуральные сухари сохраняют свойства хлеба в течение нескольких лет — гораздо дольше, чем наши лучшие морские сухари».

Из порта Аганья дю Клемер направился к Филиппинам и стал на якорь в гавани Кавите в Манильской бухте. Здесь «Кастри» и «Маскарен» растались, чтобы вернуться на Иль-де-Франс (остров Маврикий) разными путями.

Несколькими годами раньше доблестный морской офицер, Жак-Раймон де Жирон де Гренье, который принадлежал к плеяде выдающихся моряков, таких как Шазель, Борда, Флёрё, дю Мец де Гуампи, Шабер, Вердэн де Лакрен, с исключительным рвением содействовавших прогрессу мореплавания и географической науки, использовал досуг во время стоянки на Иль-де-Франсе для исследования окружающих морей. Он совершил на своем корвете очень успешное плавание, давшее возможность уточнить координаты рифа Сен-Брандон, банки² Сайа-де-Малья, подробно исследовать Сейшельские острова и внести много исправлений в навигационные карты. Специально изучив зависимость между течениями и муссонами, он предложил более короткий и надежный путь от Иль-де-Франса в Индию. Путь сократился на восемьсот лье; вопрос этот требовал серьезного изучения.

¹ Р и м а — так на Марианских островах туземцы называли плод хлебного дерева.

² Б а н к а — отдельно лежащая мель.

Французское морское министерство, узнав, что предложение Гренье было сочувственно встречено Морской академией, решило поручить проверку его целесообразности какому-нибудь морскому офицеру, имевшему опыт в подобного рода работах.

Выбор пал на Ива-Жозефа де Кергелена. Во время двух кампаний в 1767 и 1768 годах, предпринятых для поощрения и охраны трескового промысла у берегов Исландии, названный мореплаватель составил планы различных гаваней и рейдов, произвел много астрономических обсерваций, исправил карту Исландии и собрал точные и интересные сведения об этой стране, тогда еще малоизвестной; между прочим, ему мы обязаны первым подробным и достоверным описанием гейзеров — источников горячей воды, бьющих иногда на большую высоту, а также любопытными данными о найденных окаменелых деревьях, доказывающими, что в предшествующую геологическую эпоху в Исландии, в настоящее время совершенно лишенной деревьев, росли могучие леса.

Одновременно Кергелен опубликовал дотоле не известные подробности о нравах, быте и обычаях местных жителей.

«Женщины, — рассказывает он, — носят платья, кофты и передники из сукна, называемого „вадмель” и изготовляемого в Исландии; поверх кофточки они надевают очень свободное платье, несколько похожее на рясу иезуитов, но оно не доходит до подола юбки, край которой виден. Платье бывает разных цветов, но чаще всего черное; его называют „хемпе”. Оно отделано бархатной лентой или каким-нибудь другим украшением... Прическа у женщин имеет форму пирамиды или сахарной головы высотой в два или три фута. Они повязывают голову большим платком из очень плотной ткани, совершенно негибающейся; поверх него надевают другой, более тонкий платок, которому придают упомянутую выше форму...»

Наконец, Кергелен собрал очень ценные данные относительно Дании, о лапландцах (лопарях), самоедах (ненцах, нганасанах и энцах) и об островах Фарерских, Оркнейских и Шетландских, подробно им исследованных.

Получив предписание изучить предложенный Гренье путь, Кергелен попросил у морского министра разрешения использовать доверенный ему корабль для поисков южных земель, открытых в 1739 году Буве де Лозье.

Морской министр Терре, который только что сменил герцога де Пралена, отдал под командование Кергелена корабль «Берье»,

вышедший из Лориана с четырнадцатимесячным запасом продовольствия, с тремя сотнями матросов и офицеров и с грузом, предназначенным для Иль-де-Франса. Кергелена сопровождал аббат Рошон, производивший астрономические наблюдения.

Прибыв 20 августа 1771 года на Иль-де-Франс, Кергелен сменил «Берье» на транспортное судно «Фортюн» («Фортуна») и маленький шестнадцатипушечный транспорт «Гро-Вантр» («Толстяк») под командованием Сент-Аллуарна, с экипажем из ста человек.

Как только оба корабля были окончательно снаряжены, Кергелен поднял паруса и взял курс на север, чтобы исследовать остров Мае (Сейшельские острова). Разразилась сильнейшая буря. Лот, который бросали с «Фортюн», стал показывать все меньшую и меньшую глубину: тридцать саженей, девятнадцать, семнадцать, четырнадцать. Тогда бросили якорь, и он хорошо держал до конца бури.

«Наступивший день вывел нас наконец из состояния тревоги, — рассказывает Кергелен; мы не увидели ни берега, ни скал. „Гро-Вантр” находился от нас в трех лье под ветром. Его команда не могла и подумать, что я стою на якоре, так как из-за молний и раскатов грома она не видела и не слышала моих сигналов... В самом деле, не было еще примера, чтобы корабль бросил якорь ночью в открытом море на неизвестной отмели. Я поднял паруса и стал дрейфовать, делая промеры. Долгое время глубина составляла четырнадцать саженей, затем двадцать пять и двадцать восемь. Вдруг лот перестал доставать до дна; это означало, что ночью мы стояли над вершиной подводной горы. Обнаруженная мель, которой я дал название банка Фортюн, тянется с северо-запада на юго-восток; она расположена на 7°16' южной широты и 55°50' восточной долготы».

Затем «Фортюн» и «Гро-Вантр» дошли до пятой южной параллели, как советовал Гренье. Оба командира, убедившись, что в это время года дуют постоянные восточные ветры, достигли Мальдивских островов и прошли вдоль берегов Цейлона от мыса Галле до бухты Тринкомали. На обратном пути направление муссона переменилось. Доминирующими ветрами были западные и юго-западные, как и утверждал Гренье. Таким образом, путь, предложенный последним, обладал бесспорными преимуществами. С тех пор опыт доказал это настолько убедительно, что корабли только им и пользуются.

Вернувшись 8 декабря на Иль-де-Франс, Кергелен так быстро повел приготовления к отплытию, что уже 12 января 1772 года

смог поднять паруса и взял курс прямо к югу. Он считал, что если ему удастся открыть в этом направлении новую землю, то наибольшую пользу для французских колоний сможет принести, очевидно, та, которая будет от них наименее удалена.

Начиная с 1 февраля многочисленные стаи птиц, по-видимому, указывали на близость земли. Снег сменялся градом. Погода сразу стала отвратительной, ветер штормовым, море бурным. Первую землю увидели 12-го. На завтра открыли еще одну, а вслед за тем — какой-то очень высокий большой мыс. На следующий день в семь часов утра, когда туман рассеялся, можно было ясно различить линию берега, тянувшуюся на двадцать пять лье. Корабли находились тогда на 49°40' южной широты и 71°10' восточной долготы.

К несчастью, одна буря следовала за другой, и обоим кораблям постоянно грозила опасность быть выброшенными на берег. Вскоре после того как Кергелен распорядился снарядить шлюпку, которая должна была попытаться пристать к суше, течение подхватило «Фортюн» и увлекло к северу.

«Увидев, что меня отнесло далеко от земли, — рассказывает Кергелен в своем отчете, — я стал обдумывать, как поступить; по моим соображениям, состояние рангоута не позволяло мне поднять паруса, чтобы приблизиться к берегу; к тому же, не имея шлюпки для забрасывания якорей, я подвергался бы исключительной опасности вблизи от суши. Что касается судна „Гро-Вантр“, с которым я был разлучен уже несколько дней, то отыскать его в тумане почти не представлялось возможным, тем более при постоянно менявшемся ветре и после перенесенной бури... Эти соображения, а также то обстоятельство, что „Гро-Вантр“ был превосходным кораблем и имел семимесячный запас продовольствия, заставили меня принять решение взять курс на Иль-де-Франс, куда я и прибыл 16 марта».

По счастью, с «Гро-Вантр» ничего страшного не произошло. Спущенная с него шлюпка успела вовремя вернуться. Офицер Буагезнек, высадившийся на берег, вступил во владение островом, совершив все необходимые формальности, и оставил вложенный в бутылку документ, найденный в 1776 году капитаном Куком¹.

Кергелен возвратился во Францию; но успешные результаты его плавания создали ему множество врагов. Их нападки еще

¹ Французский путешественник-геолог Обер де ла Рю (по происхождению швейцарец) в вышедшей в 1952 году книге, посвященной островам Кергелен, сообщает, что найденная Куком записка была оставлена Рошегодом 6 января 1774 года во время второго путешествия Кергелена. (*Примеч. перев.*)

усилились, когда 1 января 1772 года стало известно о том, что король произвел его в капитаны 1-го ранга и наградил орденом Святого Людовика. Распространялись самые клеветнические слухи. Дело дошло до того, что Кергелена обвиняли в потоплении «Грo-Вантр» с целью присвоить себе одному все награды за открытия, совершенные им совместно с Сент-Аллуарном.

Впрочем, вся эта шумиха не повлияла на морского министра, решившего поручить Кергелену руководство второй экспедицией. Корабли «Ролан» («Роланд») и «Уазо» («Птица»), последний под командованием де Со де Роневе, 26 марта 1772 года покинули Брест.

Достигнув мыса Доброй Надежды, Кергелен был вынужден сделать остановку на сорок дней. Весь экипаж заболел гнилой лихорадкой, что следует приписать сырости во вновь построенном корабле.

«Такое мнение тем более обоснованно, — говорится в отчете, — что все сухие овощи — горох, бобы, фасоль и чечевица, хранившиеся в провиантской каюте, оказались испорченными, так же как рис и часть сухарей; овощи совершенно сгнили, и из провиантской каюты выползали белые черви...»

Одиннадцатого июля «Ролан» покинул Кейптаун; почти сразу он попал в ужасную бурю, сломавшую фок-мачту и бизань-мачту. Заменяв их запасными, Кергелен добрался наконец до Иль-де-Франса.

Французских чиновников, Роша и Пуавра, которые немало способствовали успеху первой экспедиции, сменили Терней и Майяр. Они как бы нарочно задались целью чинить всяческие препятствия к тому, чтобы Кергелен не смог выполнить полученный им приказ. Правители острова не оказали ему никакой помощи в пополнении запасов свежей провизии, хотя экипаж в ней очень нуждался, не потрудились изыскать способ для смены поломанных бурей мачт. Больше того, вместо тридцати четырех матросов, вынужденных лечь в госпиталь, они дали Кергелену лишь солдат штрафной команды, в избавлении от которых были очень заинтересованы. Подготовленная в таких условиях экспедиция в южные широты могла кончиться лишь крахом. Так и случилось!

Пятого января Кергелен снова увидел земли, открытые им во время первого путешествия; до 16-го он производил картографическую съемку береговой линии островов Круа, Реюньон и Ролан — всего, по его данным, свыше восьмидесяти лье побережья.

Погода стояла исключительно холодная: густые туманы, снег, град, непрерывные шквалы. 21-го приходилось стрелять из пушек, чтобы корабли не потеряли друг друга из виду. В этот день стоял такой жестокий мороз, что несколько матросов свалились без чувств на палубу...

«Офицеры, — рассказывает Кергелен, — заявили, что обычный паек сухарей недостаточен и необходимо его увеличить, чтобы команда могла переносить холода и туманы. Я распорядился увеличить рацион каждого человека на четыре унции¹ в день».

Восьмого января 1774 года «Ролан» у острова Реюньон соединился с фрегатом «Уазо». Кергелен связался с капитаном Роневе; тот сообщил, что, обнаружив за мысом Франсе якорную стоянку или бухту, он 6-го направил туда свою шлюпку для промеров, и его люди, высадившиеся на остров и от имени Франции вступившие во владение им, убили несколько пингвинов и одного морского льва.

И на этот раз полное изнурение матросов, плохое качество пищи, ветхость кораблей не дали Кергелену возможности подробно исследовать пустынный архипелаг. Ему пришлось повернуть назад. Однако вместо того, чтобы вернуться на Иль-де-Франс, он направился в бухту Антонжиль на остров Мадагаскар. Он знал, что найдет там в изобилии лимоны, ананасы, портулак и другие противоязвотные растения, а также свежее мясо.

Бенёвский², авантюрист с довольно необычной биографией, незадолго до того основал там французскую колонию. Но она нуждалась буквально во всем. Кергелен снабдил ее лафетами поле-

¹ 122,5 грамма. (Примеч. ред.)

² Бенёвский Маурьшы-Аугуст (около 1746 — 1786) — шляхтич то ли словацкого, то ли венгерского происхождения, воин-наемник и путешественник. В конце 1760-х годов участвовал в польско-русских войнах. В 1770 году был взят в плен и депортирован в Большерецкий острог на Камчатке; там уже на следующий год поднял восстание ссыльных, потом захватил один из стоявших в порту кораблей и добрался до Макао. В 1772 году прибыл во Францию. Оттуда его высылают на остров Мадагаскар, где он становится одним из основателей французской колонии и едва ли не самым значительным из европейских поселенцев. Колониальные власти вынуждают его покинуть остров. Не один раз Бенёвский добирается до воюющих за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов. По протекции Дж. Франклина набирает в Америке желающих перебраться на Мадагаскар и основать там независимое поселение. 23 мая 1786 года убит в стычке с французскими колониальными отрядами. Романтическая жизнь и приключения Бенёвского неоднократно становились сюжетной канвой для произведений польских (Ю. Словацкий), венгерских (М. Йокаи) и немецких (Коцебу) писателей.

вых орудий, печным кирпичом, железной утварью, рубахами, одеялами и распорядился построить силами корабельных плотников продовольственный склад.

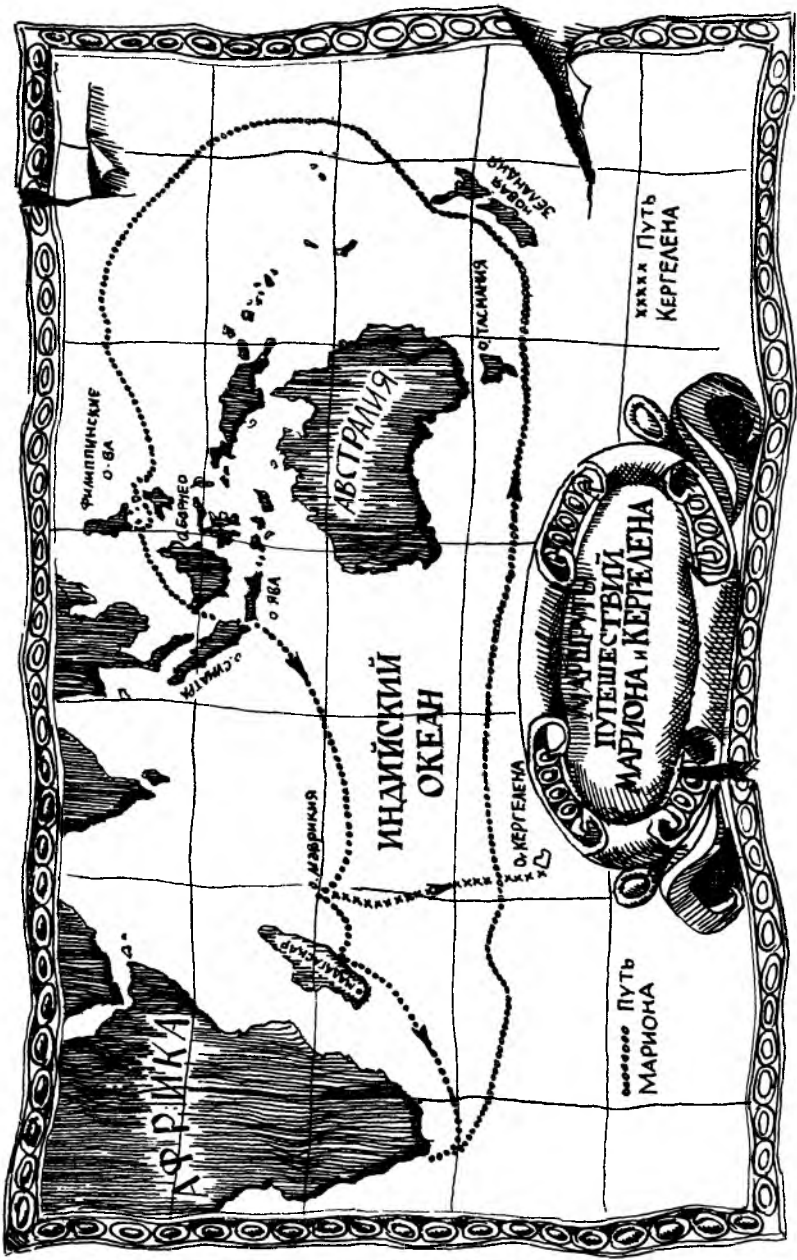
После того как «Ролан» покинул южные земли, тридцать пять человек из его команды умерли. Если бы Кергелен остался в тех краях еще на неделю, погибло бы, конечно, не меньше ста человек!

Вернувшись во Францию после стольких доблестно перенесенных испытаний, Кергелен встретил лишь ненависть и клевету. Озлобление против него достигло такой силы, что один из его офицеров не побоялся опубликовать докладную записку, описав в ней все события плавания в самом неблагоприятном для командира свете и возложив на него всю ответственность за неудачу. Мы не собираемся утверждать, что Кергелен был совершенно не повинен, но считаем глубоко несправедливым приговор военного суда, по которому его лишили офицерского звания и заключили в Сомюрский замок. Этот приговор сочли, конечно, слишком суровым, и правительство проявило больше справедливости, чем суд, так как через несколько месяцев Кергелен был освобожден. Основное обвинение, предъявленное ему, состояло в том, что он покинул на южных островах шлюпку с экипажем, не погибшим лишь благодаря неожиданному и совершенно случайному возвращению «Фортюн». Надо полагать, что этому факту придали совершенно неправильное освещение, так как сохранилось письмо находившегося на покинутой шлюпке офицера Розили (впоследствии вице-адмирала), в котором тот выражал желание вновь служить под командой Кергелена.

Описание событий двух плаваний нами заимствовано из отчета, опубликованного Кергеленом для своего оправдания во время заключения; правительство конфисковало книгу, представляющую поэтому исключительную редкость.

Теперь мы переходим к рассказу об экспедициях, которые, правда, не привели к каким-либо открытиям, но имели важное значение, так как содействовали исправлению карт, прогрессу мореплавания и географической науки, а главное — разрешили проблему определения долготы в море, с давних пор занимавшую умы ученых.

Для того чтобы установить местоположение какого-нибудь пункта, надо определить его широту, то есть расстояние к северу

или к югу от экватора, и долготу, иначе говоря, расстояние к востоку или западу от какого-нибудь исходного меридиана.

В ту эпоху для определения местонахождения корабля в распоряжении мореплавателей имелся только лаг,¹ бросив его в море, отсчитывали длину лаглиня, вытравляемого с вьюшки за полминуты, и отсюда соответственно вычисляли скорость движения корабля в час; но лаг вовсе не остается неподвижным, а ход корабля не всегда одинаков. Таким образом, имелись два источника существенных ошибок.

Что касается направления пути, то оно указывалось буссолью или корабельным компасом. Общеизвестно, однако, что магнитная стрелка подверженаклонениям и курс корабля не всегда совпадает с тем курсом, какой был указан компасом; определить величину склонения бывает нелегко².

Когда эти погрешности стали известны, возникла задача — найти способ их исключить.

С помощью октанта³ Хедли вполне возможно было определить географическую широту с точностью до одной минуты, то есть до одной трети лье. Но при нахождении долготы не приходилось и мечтать даже о такой степени точности. Если бы вызываемые различными причинами склонения и наклона магнитной стрелки можно было свести к простым и неизменным законам, то проблема легко разрешалась бы. Но на что опереться? Французские моряки хорошо знали, что в Индийском океане между островами Реюньон, Мадагаскар и Родригес изменение в склонении магнитной стрелки на четыре градуса соответствовало разнице в долготе примерно в пять градусов; но вместе с тем было известно, что в том же районе склонение магнитной стрелки подвержено колебаниям, причины которых оставались неясными.

¹ Лаг — прибор для определения скорости судна. Лаглинь — тонкий трос особой выделки.

² Стрелка компаса не устанавливается точно по географическому меридиану, а образует с ним некоторый угол, называемый магнитным склонением. Оно бывает западное или восточное. Линии, соединяющие на географической карте места с одинаковым склонением, называются изогонами. Все изогоны сходятся в магнитных полюсах. Склонение магнитной стрелки подвержено вековым, годовым и суточным колебаниям, а также временным неправильным возмущениям (магнитные бури).

³ Октант — угломерный инструмент, основной частью которого является дуга, составляющая восьмую часть круга, разделенная на градусы и доли градуса. Применяется в мореходной астрономии и при выполнении гидрографических работ. В настоящее время почти вышел из употребления.

Если бы знали время на корабле — мы имеем в виду истинное солнечное время в момент наблюдения, соответствующее меридиану, на котором находится корабль, — и если бы знали для того же мгновения время меридиана порта, откуда корабль вышел, или какого-нибудь другого определенного меридиана, то разница во времени, само собой разумеется, показывала бы разность меридианов из расчета пятнадцать градусов на час или один градус на четыре минуты. Таким образом, проблема измерения долготы может быть сведена к определению в данный момент разницы истинного времени на двух меридианах. Для этого необходимо было иметь карманные или стенные часы, которые шли бы совершенно точно, независимо от состояния моря и температурных колебаний.

В этом направлении производилось много исследований. Английское и французское правительства, сознавая, какое важное значение имели бы точные часы, обещали за их изобретение большие награды, а Французская академия наук объявила специальный конкурс. В 1765 году ле Руа представил на конкурс два хронометра, с честью выдержавших испытания, которым они подверглись на суше. Следовало проверить, будут ли они вести себя так же хорошо и на море.

Для проведения испытаний маркиз де Куртанво построил на свой счет легкий фрегат «Орор» («Аврора»). Но ле Руа пришел к заключению, что морской переход с остановками в Кале, Дюнкерке, Роттердаме, Амстердаме и Булони, продолжавшийся с 25 мая по 29 августа, был недостаточен для проверки хронометров, и потребовал вторичного испытания. На этот раз снарядили фрегат «Анжуэ» («Резвый»), вышедший из Гавра. Он побывал на острове Сен-Пьер, вблизи от Ньюфаундленда, затем в Сале на западном побережье Африки, в испанском городе Кадисе и вернулся в Брест после четырех с половиной месяцев плавания. Испытание было серьезным, так как производилось в разных широтах и при самом различном состоянии моря. Часы шли верно и заслужили премию, которая была вручена ле Руа.

Между тем в академии знали, что и другие мастера занимаются упомянутой проблемой, но по различным причинам не могут принять участие в конкурсе. Академики предложили новый конкурс с призами, которые предполагалось присудить в 1771 и 1773 годах.

Двумя годами позже участие в конкурсе принял придворный часовщик Берту. Он сконструировал часы, по его мнению безоку-

ризенные, которые также следовало проверить в длительном морском плавании.

В конце 1768 года в Рошфоре был оснащен восемнадцатипушечный фрегат «Изис» («Изида»), командование которым поручили д'Эвё де Флёрё, известный позднее как Кларе де Флёрё. Хотя Флёрё был в то время всего лишь лейтенантом и ему едва исполнилось тридцать лет, он являлся выдающимся ученым, увлекался механикой и помогал Берту в работе над изобретением хронометра; не желая быть заподозренным в пристрастности, он просил прикомандировать к нему несколько офицеров для наблюдения за ходом часов.

Выйдя в море в ноябре 1768 года, фрегат «Изида» зашел в Кадис, на Канарские острова, на острова Зеленого Мыса, на Мартинику, в Сан-Доминго (Гаити), на Ньюфаундленд, потом опять на Канарские острова и в Кадис и 31 октября 1769 года вернулся во Францию.

Часы, побывавшие попеременно то в холодном, то в жарком, то в умеренном климате, испытывали влияние самых резких колебаний температуры и вместе с тем подвергались действию качки в наиболее бурное время года.

После того как часы отлично выдержали все испытания, Берту получил патент и должность инспектора морских хронометров.

Упомянутое плавание сопровождалось другими ценными исследованиями. Флёрё произвел множество астрономических наблюдений и гидрографических съемок, которые позволили ему установить наличие грубых ошибок в географических картах.

«Мне долго не хотелось, — пишет он в отчете о своем путешествии, — заняться подробной критикой существующих официальных карт; я предполагал ограничиться сообщением о новых определениях, на основании которых следовало внести в них поправки; но ошибки оказались столь многочисленными и такими опасными для навигации, что я счел бы себя не исполнившим долга по отношению к мореплавателям, если бы не ознакомил их со всеми подробностями...»

Дальше Флёрё справедливо критикует карты одного известного в то время географа.

«Я не собираюсь, — писал он, — приводить здесь все погрешности, обнаруженные мною на картах Беллена. Перечислять их можно было бы до бесконечности. Для доказательства необходимости работы, которой я себя посвятил, ограничусь лишь указанием на ошибки, заслуживающие особого внимания; я выявил их,

сравнивая положение некоторых пунктов, указанных на картах Беллена, с тем, каким оно оказалось бы в действительности, если бы господин Беллен пожелал использовать астрономические наблюдения, опубликованные в разное время, или сравнивая положение других пунктов с тем, какое мы установили в результате собственных наблюдений».

В заключение, приведя длинный список погрешностей в координатах наиболее посещаемых пунктов в Европе, на побережье Африки и Америки, Флёрё делает следующее справедливое замечание:

«Бросив взгляд на перечень различных ошибок, обнаруженных мною на картах господина Беллена, невольно приходишь к мысли, на которой, как она ни печальна, следует остановиться: если карты наиболее известной части земного шара, где производилось больше всего наблюдений, все еще так далеки от точности, то какое доверие можно питать к картам берегов и островов, посещавшихся менее часто, составленным на основании приближенных определений и случайных догадок?»

При описанных ранее плаваниях хронометры испытывались каждый в отдельности и разными лицами. Теперь следовало подвергнуть все виды хронометров одновременно одним и тем же испытаниям и установить, какие из них являются наилучшими. С этой целью в Бресте был снаряжен фрегат «Флора», командиром которого назначили одного из самых выдающихся морских офицеров по имени Верден де ла Крен. «Флора» совершила плавание из Франции к берегам Испании, затем на острова Мадейра, Тенерифе, Малые Антильские острова, на остров Сен-Пьер, Ньюфаундленд, в Исландию, которую исследователи отыскиали с некоторым трудом, на Фарерские острова и в Данию, откуда Верден де ла Крен вернулся во Францию. Опубликованный им отчет, подобно отчету Флёрё, содержит многочисленные исправления. Из книги Вердена видно, с какой тщательностью и регулярностью проводились промеры глубин, с какой точностью была выполнена съемка берегов. Особый интерес представляют те разделы отчета, где Верден описывает виденные страны и сообщает свои наблюдения о нравах и обычаях различных народов.

Из числа наиболее интересных данных, рассеянных по страницам двух толстых томов, следует упомянуть сведения о Канарских островах и их древних обитателях, народах серер и йолоф,

об Исландии и о жизни в Дании, а также рассуждения по поводу меридиана острова Ферро (Иерро).

«Птолемей для нулевого меридиана избрал самый западный из островов... Конечно, ему ничего не стоило выбрать в качестве нулевого меридиан Александрии; но этот великий человек понимал, что подобным выбором он фактически не окажет никакой чести своей родине, что Рим и другие города могут также предъявить претензию на эту воображаемую честь, что каждый географ, каждый автор отчета о путешествии, произвольно выбирая нулевой меридиан, лишь внесет смятение или по меньшей мере недоумение в умы читателей...»

Мы видим, что к вопросу о нулевом меридиане Верден подходил принципиально, как в настоящее время делают все действительно объективные ученые.

В результате этого плавания проблема применения хронометров для определения долгот была решена. «Хронометры блестяще выдержали испытание, — пишет Верден, — они подвергались действию холода и жары, обнаруживали ту же точность, находясь в совершенно неподвижном состоянии, и при сильных сотрясениях как самого корабля — когда он сел на мель у острова Антигуа, — так и вызывавшихся артиллерийскими залпами; одним словом, они оправдали надежды, которые мы на них возлагали, и оказались вполне пригодными для определения долготы в море».

II

Экспедиция Лаперуза. — Остров Санта-Катарина. — Консепсьон. — Гавайские острова. — Исследование берегов Северной Америки. — Гибель двух шлюпок. — Залив Монтерей и калифорнийские индейцы. — Стоянка в Макао (Аомынь). — Кавите и Манила. — По дороге в Китай и Японию. — Формоза (Тайвань). — Остров Чечжудо. — Берега Восточной Азии. — Залив Терней. — Жители Сахалина. — Орочи. — Пролив Лаперуза. — Бал на Камчатке. — Архипелаг Мореплавателей (Самоа). — Убийство де Лангля и его спутников. — Ботани-Бей. — Отсутствие сведений об экспедиции. — Д'Антраксто послан на поиски Лаперуза. — Ложные известия. — Пролив Д'Антраксто. — Берега Новой Каледонии. — Земля Аршакидов. — Туземцы острова Бука. — Стоянка в гавани Картерет. — Острова Адмиралтейства. — Стоянка в Амбоине. — Мыс Луин. — Земля Нейтс. — Стоянка в Тасмании. — Праздник на островах Тонга. — Подробности пребывания Лаперуза на Тонгатабу. — Стоянка в Баладе. — Следы пребывания Лаперуза в Новой Каледонии. — Ваникоро. — Трагическая гибель экспедиции.

О последнем путешествии Кука еще ничего не было известно, кроме смерти великого мореплавателя, когда французское пра-

вительство пожелало использовать досуг, появившийся у военного флота в результате заключения мира¹. Казалось, благородное соперничество установилось среди наших офицеров, ревновавших к успехам их вечных соперников — англичан на ином морском театре! Кого же следовало назначить командиром столь важной экспедиции? Отличившихся своими заслугами претендентов хватало. Но в этом-то и заключалась трудность выбора.

Министр остановился на кандидатуре Жана-Франсуа Гало де Лаперуза, быстро продвинувшегося благодаря своим выдающимся командирским качествам в капитаны первого ранга. В ходе последней войны ему была доверена исключительно трудная миссия: разрушить поселения английской компании в Гудзоновом заливе; и он выполнил эту задачу безупречно с военной точки зрения, показав себя искусным моряком и одновременно человеком, умеющим соединить чувство гуманности с требованиями профессионального долга. Помощником командира стал господин де Лангль, проявивший себя отважным мореплавателем под началом Лаперуза в составе экспедиции к берегам Гудзона залива. Многочисленные участники экспедиции разместились на фрегатах «Буссоль» и «Астролябия». На флагманском корабле «Буссоль», кроме Лаперуза и Клонара, произведенного во время плавания в капитаны 1-го ранга, находились инженер Моннерон, географ Бернизе, врач Роллен, астроном Лепот-Дажеле, физик Ламанон, художники Дюше де Ванси и Прево-младший, ботаник Коллиньон, часовщик Гери. Из пльвших на «Астролябии», помимо ее командира, капитана 1-го ранга де Лангля, следует упомянуть лейтенанта де Монти, также ставшего в плавании капитаном 1-го ранга, и знаменитого геометра Гаспара Монжа, к счастью для науки 22 августа 1785 года высадившегося на острове Teneriffe и поэтому избежавшего гибели.

Академия наук и Медицинское общество представили морскому министру докладные записки, в которых обращали внимание путешественников на различные нерешенные проблемы. На

¹ Автор имеет в виду Парижский мирный договор от 10 февраля 1763 года, которым окончилась для Франции Семилетняя война. Причиной вступления французов в эту европейскую войну были претензии к Великобритании по поводу раздела колоний в Северной Америке и Ост-Индии. Военные действия закончились для французов плачевно, что и зафиксировал мирный договор: Франция лишалась почти всех своих владений на полуострове Индостан (у нее остались лишь незначительные территории на юге Индии, возле Пондишери), отказалась от всяких прав на Канаду, передала англичанам все свои владения по левому берегу Миссисипи, а кроме того, отдала испанцам Луизиану.

конец, Флёрё, занимавший в то время должность начальника военных портов и arsenалов, лично составил карты для предстоящей кампании, добавив к ним целый том глубокомысленных замечаний и рассуждений относительно результатов всех известных путешествий со времен Христофора Колумба.

На обоих кораблях везли большое количество товаров для обмена с жителями островов Океании, громадный запас продовольствия и одежды, палубный бот водоизмещением примерно в двадцать тонн, два бискайских баркаса, мачты, комплект парусов и запасной такелаж.

Первого августа 1785 года корабли вышли в море и тринадцать дней спустя бросили якорь на Мадейре. Английский резидент принял французских моряков так любезно и приветливо, что те были одновременно поражены и очарованы. 19 августа Лаперуз сделал остановку на Тенерифе.

«Разнообразные наблюдения Флёрё, Вердена и Борда, — пишет он, — касавшиеся островов Мадейра, Селваженш и Тенерифе, не оставляют желать ничего лучшего. Поэтому наши наблюдения имели целью лишь проверку инструментов...»

Из приведенной фразы ясно, что Лаперуз умел отдавать должное трудам своих предшественников. Мы еще не раз сможем в этом убедиться.

Пока астрономы занимались определением хода астрономических часов, естествоиспытатели в сопровождении нескольких офицеров совершили восхождение на пик Тейде и собрали интересные растения. Моннерону удалось измерить высоту этой горы с гораздо большей точностью, чем это сделали его предшественники, Херберден, Фейе, Бугер, Верден и Борда, исчислившие высоту пика соответственно в 2409, 2213, 2100 и 1904 туазов. К несчастью, расчет Моннерона, который мог бы положить конец спорам, так и не попал во Францию.

Шестнадцатого октября моряки увидели острова или, точнее, скалы Мартин-Вас. Лаперуз определил их координаты, а затем взял курс по ветру к острову Тринити, отстоявшему на расстоянии не больше девяти лье к западу. Надеясь найти там воду, дрова и какую-нибудь свежую провизию, начальник экспедиции направил к берегу шлюпку под командованием офицера. Тот вступил в переговоры с португальским губернатором. Гарнизон острова состоял примерно из двухсот человек, причем пятнадцать из них были одеты в военную форму, а остальные ходили в одних

ЖАН ФРАНСУА ТАЛО
ДЕ ЛАПЕРУЗ

рубах. С первого взгляда стало ясно, что местность бесплодная, и французам пришлось вернуться на корабль, ничего не раздобыв.

Поиски острова Ассенсао (Вознесения)¹ оказались тщетными, и экспедиция достигла Санта-Катарины у берегов Бразилии.

«После девятишестидневного перехода, — читаем мы в отчете о путешествии, опубликованном генералом Мийе-Мюро, — мы не имели ни одного больного; разница в климате, дожди, туманы — ничто не могло подорвать здоровья команды. Правда, у нас были продукты превосходного качества. Я не пренебрег ни одной мерой предосторожности, диктуемой опытом и благоразумием; кроме того, мы всячески старались поддерживать веселое настроение матросов, каждый вечер, если только позволяла погода, устраивая танцы, продолжавшиеся с восьми до десяти часов.

Остров Санта-Катарина (мы уже не раз упоминали о нем на страницах нашей книги) простирается от 27°19'10" южной широты до 27°49'; ширина его с востока на запад составляет всего два лье; от материка в том месте, где остров к нему ближе всего, он отделен проливом шириной лишь в двести туазов. На мысе, вдающемся в этот пролив, расположен город Носса-Сеньора-ду-Дистерру (Флорианополис) — столица Капитании², где находится резиденция губернатора. В городе имеется около четырехсот домов и не больше трех тысяч жителей; он производит очень приятное впечатление. Согласно сообщению Фрезье, в 1712 году остров Санта-Катарина служил убежищем для бродяг, бежавших туда из разных концов Бразилии; они только формально считались португальскими подданными и не признавали никакой власти. Почва там настолько плодородна, что они могли существовать без всякой помощи из соседних колоний. Останавливавшиеся у острова корабли в обмен на продовольствие снабжали жителей одеждой, в которой те испытывали крайнюю нужду».

Действительно, остров чрезвычайно плодороден, и почва на нем вполне благоприятна для выращивания сахарного тростника, но бедность жителей не позволяла им покупать рабов, необходи-

¹ Не следует путать этот мифический остров, который разыскивал Лаперуз, с островом Вознесения, расположенным в центральной части Южной Атлантики под 7°57' южной широты и 14°21' западной долготы. (*Примеч. ред.*)

² Ка п и т а н и я — административно-территориальная единица в заморских колониях Португалии.

мых для работы на плантациях. Французские мореплаватели нашли на Санта-Катарине все, в чем нуждались, а офицеры встретили у португальских властей очень теплый прием.

«Следующий факт, — рассказывает Лаперуз, — дает представление о гостеприимстве этих чудесных людей. Когда моя шлюпка была опрокинута волной в бухте, на берегу которой по моему распоряжению заготавливались дрова, жители не только помогли ее спасти, но и уступили потерпевшим крушение матросам свои кровати, а сами устроились на циновках посреди комнаты, где они приняли нас так радушно. Несколько дней спустя они доставили на корабль паруса, мачты, дреки¹ и флаг нашей шлюпки — предметы для них очень ценные, которые они могли использовать для своих лодок».

Девятнадцатого ноября «Буссоль» и «Астролябия» снялись с якоря и взяли курс на мыс Горн. Их застигла сильная буря, но фрегаты держались очень хорошо. После сорока дней бесплодных поисков острова Гранд, открытого французом Антуаном де Ларошем и названного капитаном Куком Южная Георгия, Лаперуз прошел проливом Ле-Мер. Встретив в это позднее время года попутные ветры, он решил отказаться от захода в бухту Буон-Сусесо и немедленно обогнуть мыс Горн, чтобы не подвергать корабля риску, а команду ненужным тяготам.

Дружелюбное отношение огнеземельцев, обилие китов, еще никем там не потревоженных, громадные стаи альбатросов и буревестников не могли поколебать решение командира. Плавание вокруг мыса Горн оказалось более легким, чем можно было ожидать. 9 февраля экспедиция очутилась на траверзе² Магелланова пролива, а 24-го бросила якорь в бухте Консепсьон, так как из-за нехватки продуктов Лаперуз предпочел остановиться там, вместо того чтобы идти к островам Хуан-Фернандес. Цветущее здоровье матросов привело в удивление испанского коменданта. Пожалуй, никогда еще ни один корабль, обогнувший мыс Горн, не приходил в Чили, не имея больных, а на обоих кораблях не было ни одного больного...

Город, разрушенный землетрясением в 1751 году, построили заново на расстоянии трех лье от моря на берегах реки Био-Био. Консепсьон занимал довольно значительную площадь, так как все

¹ Дреки — небольшие шлюпочные якоря.

² Траверз — направление, перпендикулярное курсу судна.

дома были одноэтажные, а число жителей составляло не меньше десяти тысяч человек. Бухта — одна из самых удобных в мире; море там совершенно спокойно и почти нет течений.

Эта часть Чили отличается исключительным плодородием. Урожай пшеницы достигает сам-шестидесяти, виноград также дает очень обильные урожаи, а на лугах пасутся бесчисленные стада, увеличивающиеся с совершенно невероятной быстротой.

Несмотря на благоприятные условия, в Чили не наблюдалось никакого прогресса, что объясняется процветавшей в ту пору запретительной политикой. Страна, производившая столько продовольствия, что могла бы без труда прокормить половину Европы, столько шерсти, что ее хватило бы на все мануфактуры Франции и Англии, столько мяса, что его можно было превращать в солонину, не вела никакой торговли. В то же время привозные товары облагались чрезмерно высокими пошлинами. Поэтому жизнь была исключительно дорога. Среднего класса, того, что теперь называют буржуазией, в Чили не существовало. Население, как показывает приводимый ниже отрывок, делилось на две категории, богатых и бедных:

«Женский наряд составляла плиссированная юбка из старинной золотой или серебряной парчи, изготовлявшейся когда-то в Лионе. Эти юбки, хранившиеся для особо торжественных случаев, являлись, подобно бриллиантам, семейными ценностями и переходили от бабушек к внукам. Впрочем, такими нарядами обладало лишь незначительное меньшинство граждан; у остальных вообще не было приличной одежды».

Мы не последуем за Лаперузом в описании подробностей оказанного ему восторженного приема и не будем останавливаться на балах и туалетах, которые, впрочем, не заставили его забыть о цели путешествия. До сих пор экспедиция побывала в местах, много раз посещавшихся европейскими моряками. Пора было двигаться в менее исследованные края. 15 марта корабли снялись с якоря и 9 апреля, после спокойного плавания, вошли в бухту Кука на острове Пасхи.

Лаперуз утверждает, что Ходжес, художник, сопровождавший знаменитого английского мореплавателя, очень плохо передал внешность островитян. Лица у них большей частью приятны, но нельзя сказать, чтобы они отличались чем-либо особенным.

Не только в этом отношении французский путешественник разошелся во мнениях с капитаном Куком. Он считал, что знамени-

тые статуи, очень интересные зарисовки которых сделал один из его художников, могли быть созданы жившим в то время на острове народом. Численность населения острова Лаперуз определил в две тысячи человек. Ему казалось также, что полное отсутствие деревьев, а вследствие этого озер и ручьев, объяснялось неумеренным истреблением лесов древними жителями. Во время стоянки не произошло никаких неприятных событий. Правда, кражи случались часто; но французы, не предполагавшие оставаться на острове дольше одного дня, сочли излишней попытку внушить туземцам более ясное представление о праве собственности.

Покинув 10 апреля остров Пасхи, Лаперуз двигался почти тем же путем, по какому шел Кук в 1777 году, направляясь от Таити к берегам Америки, но его курс пролегал на сто лье западнее. Лаперуз льстил себя надеждой, что ему удастся совершить какое-нибудь открытие в этой малоисследованной части Тихого океана, и пообещал награду тому матросу, кто первый увидит землю.

Двадцать девятого мая «Буссоль» и «Астролябия» достигли Гавайских островов.

Здесь хронометры оказали большую услугу, дав Лаперузу возможность внести исправления в координаты различных пунктов. Прибыв на Гавайские острова, он обнаружил разницу в целых пять градусов между указанной на картах долготой и полученной путем наблюдения. Если бы не хронометры, он решил бы, что архипелаг расположен на пять градусов восточнее. Этим объясняются ошибки испанских мореплавателей — Менданди, Кироса и других, показавших на своих картах открытые ими острова слишком близко от берегов Америки. Лаперуз пришел также к выводу, что архипелага, фигурировавшего в испанских источниках под тремя разными названиями — Меса, Махос и Дисграсьяда, на самом деле не существует. По-видимому, этот архипелаг следует считать не чем иным, как Гавайскими островами; в подтверждение такого мнения Лаперуз приводит еще один довод: «Меса» по-испански означает стол, а капитан Кинг сравнивает гору Мауна-Лоа с плато (table-land¹). Впрочем, он не ограничился лишь рассуждениями, а некоторое время крейсировал в районе, где якобы должен был находиться этот архипелаг, и не обнаружил ни малейших признаков какой-нибудь земли.

«Остров Мауи, — пишет Лаперуз, — представляет восхитительное зрелище... Мы видели поток, низвергавшийся водопадами с

¹ По-английски «table-land» — «плато», «table» — «стол». (Примеч. перев.)

горных вершин и впадавший в море, орошая по пути туземные поселения; их было так много, что могло показаться, будто на три-четыре лье тянется одна деревня. Все хижины стояли на берегу моря, а горы подступали к нему так близко, что обитаемая полоса земли имела, по моему мнению, в ширину не больше полулье. Нужно быть моряком и, подобно нам, ограничиваться в этом жарком климате одной бутылкой воды на день, чтобы понять, какое чувство мы испытали. Деревья, покрывавшие вершины гор, зелень, бананы, росшие вокруг селений, — все неизъяснимо нас пленяло; но море разбивалось о берег с невероятной силой, и мы, новые Тангалы, были обречены лишь пожирать глазами то, чего не могли достигнуть».

Едва фрегаты стали на якорь, как их окружили пироги с туземцами, которые привезли свиней, сладкий картофель, бананы, таро и т. д. Они торговали очень ловко и особенно ценили куски старых железных обручей. Знакомство туземцев с железом, применявшимся ими еще до прибытия Кука, служит новым доказательством того, что эти племена когда-то вступали в сношения с испанцами, по-видимому открывшими Гавайские острова.

Лаперуза приняли очень сердечно, хотя он и счел необходимым окружить себя сильной охраной. Несмотря на то что французы первые пристали к острову Мауи, Лаперуз не нашел нужным вступить во владение им.

«Этот обычай европейцев, — пишет он, — является полной нелепостью. Философы должны, конечно, лишь вздыхать при виде того, как люди только потому, что они обладают пушками и штыками, совершенно не считаются с шестьюдесятью тысячами себе подобных и, не уважая самых священных прав, рассматривают в качестве объекта для захвата землю, орошенную потом аборигенов и в течение столетий принимавшую в свое лоно их умерших предков».

Лаперуз не сообщает никаких подробностей о населении Гавайских островов. Он провел там всего несколько часов, между тем как англичане прожили четыре месяца. Поэтому он совершенно справедливо отсылает к отчету капитана Кука.

За время короткой стоянки французы успели приобрести свыше ста свиней, циновки, плоды, пирогу с балансиrom, поделки из перьев и раковин, красивые шлемы, украшенные красными перьями.

Инструкции, полученные Лаперузом при отплытии, предписы-

вали ему исследовать побережье Америки, часть которого до горы Святого Ильи (за исключением залива Нутка) была лишь усмотрена капитаном Куком.

Двадцать третьего июня у 60° северной широты Лаперуз приблизился к Американскому матерiku и увидел среди длинной, покрытой снегом горной цепи гору Святого Ильи, названную так Берингом. Двигаясь некоторое время вдоль берега, командир отрядил затем три шлюпки под начальством одного из своих офицеров, де Монти, который обнаружил большую бухту, названную его именем. Французские моряки двигались на близком расстоянии от берега и произвели сплошную съемку берега до довольно большой реки, получившей название реки Беринга. По всей вероятности, это была та самая река, которую Кук назвал тем же именем.

Второго июля на $58^{\circ}36'$ северной широты и $140^{\circ}31'$ западной долготы была замечена бухта, сулившая прекрасную якорную стоянку. Для исследования немедленно послали шлюпки под начальством Пьеревера, Фласана и Бутервилье. Офицеры вернулись с благоприятными сведениями, и оба фрегата подошли к входу в бухту; но сильное течение отнесло «Астролябию» в открытое море, и «Буссоли» пришлось за ней последовать. В шесть часов утра, проведя ночь под парусами, корабли снова направились к бухте.

«Однако в семь часов утра, — рассказывается в отчете, — когда мы вступили в проход, ведущий в бухту, ветер внезапно переменялся на западно-северо-западный, так что мы были вынуждены идти под более острым углом к ветру. К счастью, прилив увлек фрегаты в бухту; от скал, окаймлявших восточный берег пролива, они прошли на расстоянии половины дальности полета пушечной пули! Я бросил якорь на глубине трех с половиной сажень, в полукабельтове от берега; дно оказалось скалистым. „Астролябия“ стала на якорь на такой же глубине, при таком же дне. За тридцать лет, проведенных мною в море, мне ни разу не приходилось видеть, чтобы два корабля были так близки к гибели... Нам ничто не грозило бы, если бы мы не стояли на каменистом дне, тянувшемся вокруг нас на несколько кабельтовых; это совершенно не соответствовало сведениям, сообщенным Фласаном и Бутервилье. Но времени для размышлений не было; следовало как можно скорее покинуть эту отвратительную стоянку, однако быстрое течение нам сильно препятствовало...»

Все же благодаря ряду искусных маневров Лаперузу удалось войти в бухту.

Как только корабли стали на якорь, их окружили пироги с дикарями. Из всего, что им предлагали в обмен на рыбу, шкуры морской выдры и других животных, они предпочитали изделия из железа. Через несколько дней число туземцев значительно увеличилось, и вскоре их присутствие стало причинять неудобства и даже внушать некоторую тревогу.

На расположенном в бухте острове Лаперуз устроил астрономический наблюдательный пункт и разбил палатки для парусных мастеров и кузнецов. Несмотря на тщательную охрану, туземцы, «подползая, подобно ужам, на животе, не шелохнув ни одного листка, умудрялись, не замеченные часовыми, красть наши вещи. Наконец как-то ночью они сумели пробраться в палатку, где спали Лористон и Дарбо, охранявшие астрономические приборы, и украли отделанное серебром ружье, а также одежду обоих офицеров, положенную предосторожности ради под изголовье. Двенадцать человек охраны не заметили воров, а оба офицера не проснулись».

Срок, назначенный Лаперузом для стоянки в Пор-де-Франсе (Дрейт-Бей), истекал. Работы по промерам, съемке берегов, составлению планов, обсервации заканчивались; но, прежде чем покинуть бухту, Лаперуз хотел тщательно исследовать берега в ее глубине. Он предполагал, что в нее впадает какая-то большая река, которая даст ему возможность проникнуть внутрь страны. Но в проходах внутренней части бухты Лаперуз наткнулся на лед, тянувшийся до вершины горы Бо-Тан.

Ни один несчастный случай, ни одно заболевание не нарушали до сих пор нормального хода экспедиции.

«Мы считали себя, — пишет Лаперуз, — самыми удачливыми мореплавателями, ибо, находясь на таком большом расстоянии от Европы, не имели ни одного больного, ни одного человека, пораженного цингой. Но теперь нас ждало самое большое несчастье, предвидеть которое было совершенно невозможно».

На карту Пор-де-Франсе, составленную Моннероном и Бернизе, оставалось нанести только глубины. Эту задачу поручили нескольким офицерам. Для промеров снарядили три шлюпки под начальством Эскюра, Маршенвиля и Бутена. В момент отплытия шлюпок Лаперуз, звавший о подчас слишком пылком рвении Эскюра, посоветовал ему соблюдать величайшую осторож-

ность и производить промеры в проливе только при отсутствии прибоа.

Шлюпки ушли в шесть часов утра. Моряки отправились на выполнение задания, как на прогулку. Им предстояло охотиться и завтракать на берегу в тени деревьев.

«В десять часов утра, — рассказывает Лаперуз, — я увидел возвращающийся малый бот. Несколько удивленный, ибо я не ждал его так рано, я спросил у Бутена, прежде чем тот поднялся на палубу, что случилось. В первое мгновение я опасался, не произошло ли какого-нибудь нападения со стороны дикарей. Вид Бутена усиливал мою тревогу: его лицо выражало глубокую скорбь.

Он немедленно сообщил мне об ужасной катастрофе, свидетелем которой он был. Сам Бутен избежал ее лишь благодаря самообладанию, давшему ему возможность использовать все средства к спасению, оставшиеся при таких исключительно опасных обстоятельствах. Следуя за начальником отряда, он очутился среди бурунов, разбивавшихся о берега пролива; в это время был отлив, и скорость течения составляла три-четыре лье в час. Бутен сообразил поставить свой бот кормой к волнам, так что тот, поднимаемый валами, не набирал воды и в этом положении — задом наперед — отлив должен был вынести его из бухты.

Вскоре Бутен увидел буруны перед носом бота и очутился в открытом море. Думая больше о спасении товарищей, чем о своем собственном, он подошел к краю бурунов в надежде, что ему удастся кого-нибудь спасти; он даже снова вступил в полосу прибоа, но отлив его отбросил назад; тогда он взобрался на плечи к Мутону, чтобы охватить взором как можно большее пространство; но тщетно — море уже поглотило свои жертвы... В малую воду¹ Бутен вернулся.

Море стало совершенно спокойным, и у Бутена сохранилась еще слабая надежда, что бискайский баркас с „Астролябии” уцелел, так как он видел гибель только нашего баркаса. Маршенвилл в тот момент находился в четверти лье от опасного места, то есть в совершенно спокойных, как в самой тихой гавани, водах; но молодой офицер, побуждаемый благородством — несомненно, безрассудным, ибо при сложившихся обстоятельствах он не мог оказать никакой помощи, — обладавший слишком возвышенной душой и слишком большим мужеством, чтобы заниматься подоб-

¹ Малая вода — низший уровень воды во время отлива

ными размышлениями, когда его друзья подвергались такой страшной опасности, поспешил на выручку, устремился в полосу прибой и стал жертвой своего великодушия, погибнув вместе с теми, кого он пытался спасти.

Вскоре ко мне на корабль прибыл с „Астролябии” Лангль, столь же удрученный горем, как и я, и со слезами на глазах сообщил мне, что несчастье неизмеримо серьезнее, чем я думал. Со времени отплытия из Франции он поставил себе непреложным законом никогда не посылать на одно и то же задание двух братьев Лаборд-Маршенвиля и Лаборд-Бутервилье; но на этот раз он уступил их просьбам и разрешил им отправиться вместе погулять и поохотиться; почти так мы оба расценивали предстоявший шлюпкам поход, считая его столь же малоопасным, как на Брестском рейде в хорошую погоду».

Немедленно отрядили несколько шлюпок на поиски потерявших кораблекрушение. Туземцам обещали награду, если им удастся кого-нибудь спасти. Но возвращение шлюпок рассеяло последние надежды. Все погибли.

Через восемнадцать дней после катастрофы фрегаты покинули Пор-де-Франсе. На острове, расположенном посредине бухты и получившем название Кенотаф (Гробница), Лаперуз воздвиг памятник несчастным французским морякам. На нем была выгравирована следующая надпись:

У ВХОДА В БУХТУ ПОГИБ ДВАДЦАТЬ ОДИН ОТВАЖНЫЙ МОРЯК.
КТО БЫ ВЫ НИ БЫЛИ, ОПЛАКИВАЙТЕ ИХ ВМЕСТЕ С НАМИ.

У подножия памятника закопали бутылку с запиской, содержащей рассказ о печальном событии.

Расположенная на 58°37' северной широты и 139°50' западной долготы, бухта Пор-де-Франсе обладает большими преимуществами, но также и некоторыми неудобствами, из числа которых в первую очередь нужно упомянуть течения в ведущем в нее проливе. Климат в этих местах неизмеримо мягче, чем на той же широте в Гудзоновом заливе, поэтому растительность достигает исключительной мощи. Нередко встречаются сосны диаметром в шесть футов и вышиной в сто сорок; сельдерей, щавель, люпин, дикий горох, цикорий, мимулус (губастик) попадают на каждом шагу; имеется также множество овощей, употребление которых способствовало сохранению здоровья матросов.

Море у этих берегов изобилует рыбой: лососем, пеструшкой, мойвой, губаном, камбалой.

В лесах живут барибалы¹, бурые медведи, рыси, горностаи, куницы, белки, бобры, сурки, лисицы, лоси, каменные бараны; наиболее ценными считаются меха выдры, морского бобра и котика.

«По растительному и животному миру, — пишет Лаперуз, — эта страна похожа на многие другие, но ее ландшафт ни с чем не сравним, и я думаю, что глубокие ущелья в Альпах и Пиренеях не представляют такого ужасающего и в то же время живописного зрелища, как здешние; они, несомненно, привлекали бы множество любопытных, если бы не находились на краю света».

Что касается жителей, то их описание, сделанное Лаперузом, заслуживает того, чтобы его привести.

«Индейцы в своих пирогах все время держались близ наших фрегатов; они крутились вокруг них три-четыре часа и лишь затем приступали к обмену нескольких рыб или двух-трех шкурок выдры. Туземцы пользовались любой представившейся возможностью, чтобы нас обворовать; они отдирали не слишком громоздкие железные части и прежде всего изучали, каким путем можно было бы ночью обмануть нашу бдительность. По моему приглашению на палубу фрегата поднимались самые влиятельные из туземцев; я их осыпал подарками; и эти же самые люди, которым я оказывал такое внимание, никогда не упускали случая украсть гвоздь или старые штаны. Когда на лицах индейцев появлялось веселое, ласковое выражение, я уже знал, что они совершили какую-то кражу, и очень часто притворялся, будто ничего не заметил».

Женщины проделывают отверстие в толстой части нижней губы во всю ширину рта; они вставляют в него круглый кусок дерева, упирая его в десны; «разрезанная губа служит для него как бы ободом, так что нижняя часть рта выдается вперед на два-три дюйма».

Вынужденная стоянка в Пор-де-Франсе помешала Лаперузу

¹ Б а р и б а л — самый известный из американских медведей. Другое название — черный медведь, или мусква. Широко распространенное прежде и довольно безобидное животное. Отличается большой узкой головой и заостренной, переходящей в лоб мордой. Шерсть блестящая, черного цвета, переходящего по бокам морды в чалый. Длина тела — около полутора метров, высота в плечах — около метра.

побывать в других местах и заняться, как он намеревался, исследованием всех извилин береговой линии; ему необходимо было во что бы то ни стало достигнуть не позднее февраля Китая, чтобы посвятить лето съемке берегов Тартарии¹.

Двигаясь вдоль американского берега, он нанес на карту пролив Кросс, где оканчиваются высокие, покрытые снегом горы, залив Кука, мыс Эджкем, сильно выдающуюся в море полосу низменности с возвышающейся на ней горой Св. Гиацинта, названной Куком горой Эджкем, пролив Норфолк, в котором год спустя остановился англичанин Диксон, гавани Неккер и Гильберт, мыс Чирикова, бухту Латуш, острова де Лакройера, носившие имя брата известного географа Делиля, который сопровождал Чирикова.

Эту линию берегов, по предположению Лаперуза, мог образовать какой-то обширный архипелаг, и он не ошибся; то были архипелаг Георга III², остров Принца Уэльского и острова Королевы Шарлотты, южной оконечностью которых являлся мыс Гектор.

Зима уже надвигалась, и недостаток времени не дал Лаперузу возможности подробно исследовать виденные земли; но инстинкт не обманул его, когда заснятую линию береговых выступов он признал за ряд островов, а не за материк.

Пройдя мыс Флёрё, представлявший собой оконечность довольно высокого острова, Лаперуз заметил несколько групп островов, которым дал название Сартин, и двинулся дальше вдоль берега до залива Нутка, усмотренного им 25 августа. Затем он побывал в различных районах побережья материка, не посещенных Куком и не показанных на его карте. Плавание «Буссоли» и «Астролябии» протекало в опасных условиях из-за течений, которые достигали у этих берегов исключительной силы и «не давали возможности на расстоянии пяти лье от земли управлять кораблями при ветре скоростью в три узла»³.

¹ Тартария (Гаттария) — распространенное в Европе вплоть до середины XIX века название части азиатской территории, к которой причисляли восток Монголии, Маньчжурию и современное российское Приморье. Название это было взято у средневековых китайских авторов, которые все многообразие кочевавших к северо-востоку от Великой стены народов и племен называли татарами (*кит.* да-дань), поскольку гегемония среди этих кочевников принадлежала в X — XII веках небольшому монголоязычному народу — татарам.

² Островами Короля Георга III архипелаг был назван английским мореплавателем Д. Ванкувером. В настоящее время эти острова называются: Архипелаг Александр.

³ Узел — мера скорости морского судна; один узел соответствует одной морской миле (1852 метрам) в час.

Пятого сентября экспедиция обнаружила девять островков, находившихся примерно в одном лье от мыса Бланко и получивших название островов Неккер. Стоял густой туман, и кораблям не раз приходилось отдаляться от земли, чтобы внезапно не наткнуться на какой-нибудь островок или скалу. Погода оставалась неблагоприятной до залива Монтерей, под 37° северной широты, где Лаперуз застал два испанских судна. В ту эпоху в залив Монтерей часто заплывали большие стада китов и море было буквально усеяно пеликанами, чрезвычайно распространенными на всем побережье Калифорнии. Испанский гарнизон из двухсот восьмидесяти кавалеристов удерживал в повиновении пятьдесят тысяч индейцев, кочевавших в этой части Америки. Надо сказать, что тамошние индейцы, в большинстве низкого роста и крайне слабосильные, не вели такой упорной борьбы за независимость, как их соплеменники на севере, и не обладали, в отличие от тех, никакими талантами в области искусств и ремесел.

«Эти индейцы, — сообщается в отчете, — очень метко стреляют из лука; на наших глазах они попадали в самых маленьких птиц; правда, подкрадываясь к ним, они проявляют величайшее терпение; они прячутся, с помощью тех или иных уловок приближаются к дичи и стреляют лишь тогда, когда до нее остается не больше пятнадцати шагов.

Ловкость, с которой они выслеживают крупного зверя, заслуживает еще большего восхищения. Мы видели, как индеец, привязав оленю голову поверх своей, двигался на четвереньках, делая вид, будто щиплет траву; он разыгрывал свою роль так правдоподобно, что наши охотники, если бы их не предупредили, подстрелили бы его, хотя и находились всего в тридцати шагах. Таким образом индейцы приближаются почти вплотную к стаду оленей и убивают их стрелами».

Затем Лаперуз подробно рассказывает о деятельности миссионеров в Калифорнии; но эти сведения при всей их исторической ценности не входят в рамки нашей книги. Значительно больший интерес для нас представляют сообщения о плодородии страны.

«Урожай кукурузы, ячменя, пшеницы и гороха, — рассказывает он, — можно сравнить только с чилийскими; наши земледельцы в Европе не в состоянии даже вообразить себе такого плодородия; средний урожай пшеницы колеблется от сам-семидесяти до сам-восьмидесяти, не падая ниже сам-шестидесяти и не превышая сам-ста».

Двадцать второго сентября французские мореплаватели, протрившись с испанским губернатором и миссионерами, принявшими их очень любезно, пустились в дальнейший путь к Азиатскому материку. На «Буссоли» и «Астролябии» теперь имелся большой запас всякого рода продуктов, которые должны были принести величайшую пользу во время предстоявшего длинного перехода до Макао (Аомынь).

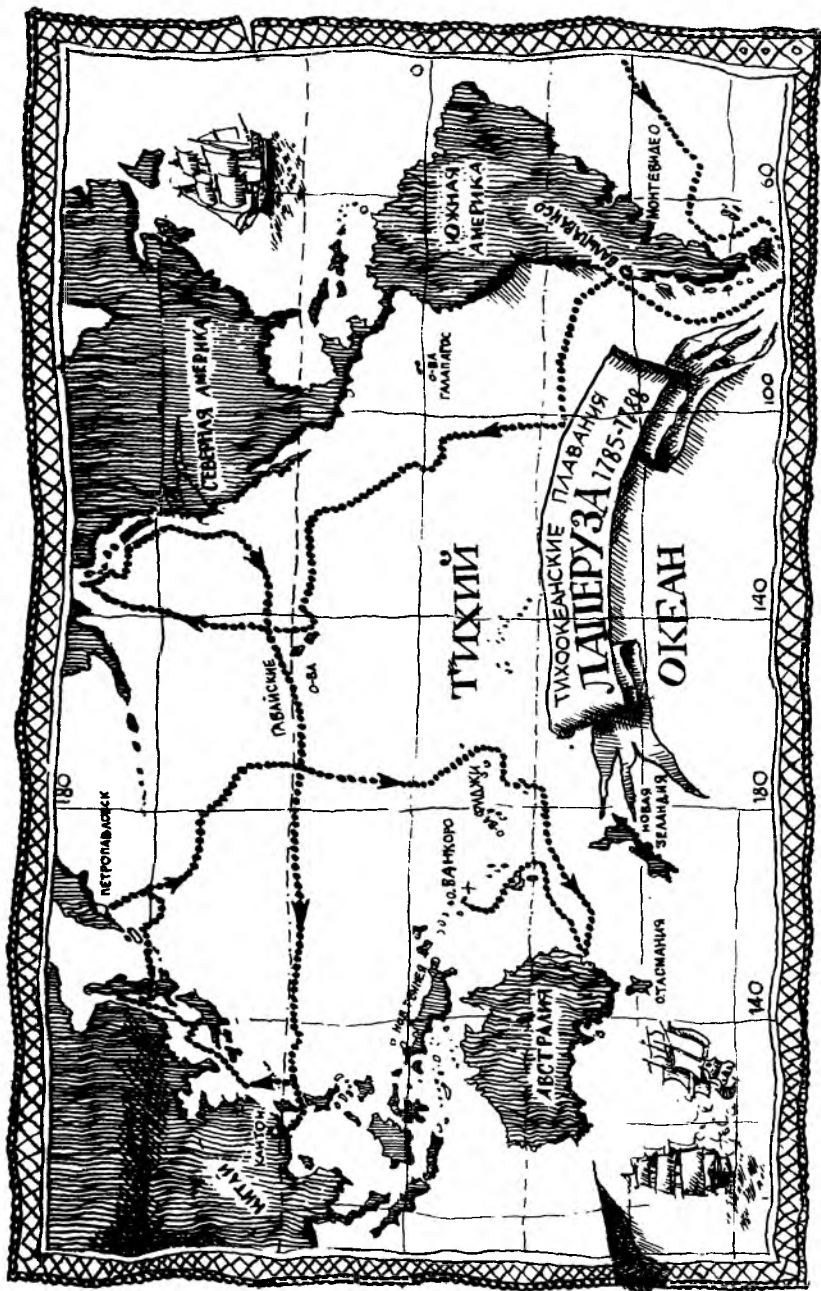
Корабли вступили в почти не исследованный район Тихого океана. Одни только испанцы издавна плавали там; но из-за боязни конкуренции они ничего не сообщали о своих открытиях и о результатах произведенных ими наблюдений. К тому же Лаперуз хотел двигаться на юго-запад до 28° широты, где, по мнению некоторых географов, находился остров Нуэстра-Сеньора-де-ла-Горта. В этих поисках, оставшихся тщетными, он совершил длительное и тяжелое плавание, во время которого встречные ветры не раз испытывали терпение мореплавателей.

«Наши паруса и такелаж, — пишет Лаперуз, — каждый день напоминали нам, что мы уже шестнадцать месяцев непрерывно находимся в море; снасти то и дело рвались, а парусные мастера не успевали чинить пришедшие почти в полную ветхость паруса».

Пятого ноября Лаперуз открыл островок, скорее скалу, длиной в пятьсот туазов, где не росло ни одного дерева и вся поверхность была покрыта толстым слоем гуано. Он расположен на $166^{\circ}52'$ долготы к западу от Парижа и $23^{\circ}34'$ северной широты. Его назвали островом Неккер.

Французы еще ни разу не наблюдали такого спокойного моря и такой прекрасной ночи. Вдруг около половины второго в двух кабельтовых впереди «Буссоли» вахтенный заметил буруны. На море стоял полный штиль, не слышалось почти никакого шума и лишь кое-где виднелись вздымающиеся валы. Немедленно стали поворачивать на левый галс, но этот маневр потребовал некоторого времени, и корабль находился уже всего в одном кабельтове от рифов, когда поворот наконец был совершен.

«Нам удалось избежать самой страшной опасности, какой только может подвергнуться мореплаватель, — рассказывает Лаперуз, — и я считаю своей обязанностью отдать должное команде моего корабля, указав, что еще никогда при подобных обстоятельствах не наблюдалось так мало беспорядка и смятения; малейшая небрежность при выполнении маневров, которые надлежа-

ло совершить, чтобы уйти от бурунов, несомненно, повлекла бы за собой нашу гибель».

Эта мель не была известна, а потому следовало точно установить ее координаты, чтобы другие мореплаватели не подверглись таким же опасностям. Лаперуз исполнил свой долг и нанес ее на карту под названием «Отмель французских фрегатов».

Четырнадцатого декабря «Астролябия» и «Буссоль» очутились в виду Марианских островов. Моряки высадились лишь на вулканическом острове Асунсьон. Лава образовала на нем лоцины и пропасти, окаймленные единичными, обвитыми лианами низкорослыми кокосовыми пальмами и немногочисленными другими растениями. Пройти сто туазов за час было почти невозможно. Высадка на берег и посадка в шлюпки оказались очень трудными, и ради сотни кокосовых орехов, моллюсков и бананов неизвестного сорта, принесенных естествоиспытателями, не стоило подвергаться опасности.

Задерживаться на Марианских островах Лаперуз не мог, так как хотел достигнуть берегов Китая до отплытия в Европу кораблей, с которыми должен был отослать отчет о работах экспедиции на американском берегу и о плавании до Макао. Определив, не останавливаясь, координаты островов Бабуян, он 1 января 1787 года увидел берега Китая, а назавтра бросил якорь в гавани Макао.

Лаперуз застал там небольшую французскую флейту¹ под командованием лейтенанта Ришери, задача которого состояла в крейсеровании у дальневосточных берегов и охране французской торговли. Город Макао слишком хорошо известен, чтобы останавливаться на его описании, сделанном Лаперузом. Унижения всякого рода, ежедневно чинимые европейцам, постоянные оскорбления их достоинства, наносимые самым тираническим и самым подлым правительством в мире, вызывали негодование французского командира, от всего сердца желавшего, чтобы какая-нибудь международная экспедиция покончила с таким невыносимым положением.

Пушнину, выменянную французами на побережье Америки, продали в Макао за десять тысяч пиастров. Прибыль, предназначенную к дележу между членами экипажа, глава шведской компании согласился переслать на Иль-де-Франс. Но несчастным

¹ Флейта — старинное военно-транспортное судно.

французским морякам не пришлось самим воспользоваться этими деньгами!

Выйдя из Макао 5 февраля, корабли направились к Маниле. Исследовав острова Пратас (Дуншационьдао), неточно указанные на картах д'Апре, Лаперуз был вынужден зайти в бухту Маривелес, чтобы выждать попутного ветра или более благоприятных течений. Хотя от Маривелес до бухты Кавите всего одно лье, на переход до нее потребовалось три дня.

«Нам удалось подыскать, — сообщается в отчете, — несколько домов, чтобы заняться постройкой двух шлюпок, починкой парусов, заготовкой солонины; в них мы разместили также естествоиспытателей и гидрографов, а для установки астрономических приборов любезный комендант предоставил в наше распоряжение свой дом. Мы пользовались такой полной свободой, словно находились в деревне, а на рынке и в складах могли приобрести то же, что и в лучших портах Европы».

Кавите, второй по величине город на Филиппинских островах, столица провинции того же названия, в то время представляла собой жалкую деревню, где из испанцев жили только офицеры или чиновники; но если город являл взору лишь груды развалин, этого нельзя было сказать о гавани, в которой французские фрегаты нашли все необходимое. На следующий день по прибытии Лаперуз, сопровождаемый капитаном де Ланглем и старшими офицерами, отправился на шлюпке в Манилу с визитом к губернатору.

«Окрестности Манилы очаровательны, — рассказывает Лаперуз, — там извиается очень красивая река, делясь на несколько русел, из которых два главных ведут к знаменитой лагуне или озеру Бай, расположенному в семи лье от моря и окруженному сотней туземных деревень, раскинувшихся среди очень плодородной местности.

Город Манила построен на берегу бухты того же названия, имеющей в окружности свыше двадцати пяти лье, в устье реки, судоходной до озера, где она берет свое начало. Во всем мире нет, вероятно, другого столь удачно расположенного города. Продукты питания имеются в Маниле в большом изобилии и очень дешево; но одежда, европейские металлические изделия и домашняя утварь продаются по исключительно высоким ценам. Отсутствие конкуренции, запретительные пошлины, всякого рода помехи, создаваемые для торговли, приводят к тому, что материалы и готовые изделия из Индии и Китая здесь по меньшей мере так же дороги,

как в Европе. Эта колония, несмотря на то что различные налоги приносят казне около восьмисот тысяч пиастров, обходится Испании еще в полтора миллиона ливров ежегодно, присылаемых сюда из Мексики. Уделяя все внимание огромным владениям в Америке, испанское правительство не имело возможности серьезно заняться Филиппинами; они все еще напоминают земли знатных сеньоров, земли, которые остаются под паром, но могли бы составить источник благосостояния для многих семей.

Осмелюсь утверждать, что какая-нибудь держава, имея своей единственной колонией Филиппинские острова и организовав наилучшим образом управление ими, могла бы без зависти смотреть на любые европейские владения в Африке и Америке».

Узнав в Маниле о прибытии в Макао капитана д'Антраксто, получив почту из Европы и пополнение восемью матросами и двумя офицерами, доставленными в Манилу на фрегате «Сюбтиль», Лаперуз 9 апреля вновь направился к берегам Китая.

Двадцать первого он очутился в виду Формозы (Тайваня) и немедленно вошел в пролив, отделяющий ее от Китая. Он обнаружил там очень опасную мель, не известную мореплавателям, и тщательно измерил глубину моря вокруг нее. Вскоре он миновал бухту, где когда-то находился голландский форт Зеланд, а теперь расположен город Тайвань, столица острова.

Так как муссон не благоприятствовал плаванию по Формозскому (Тайваньскому) проливу, Лаперуз решил обойти остров с востока. Он уточнил координаты Пескадорских островов (Пэнхуледао), нагромождения скал, напоминающих различные фигуры, прошел в виду островка Ботол-Табак-Ксима, куда никогда не высаживался ни один мореплаватель, затем вдоль берегов острова Куме, жители которого не являются ни китайцами, ни японцами, а произошли, вероятно, от смешения этих двух народов. Далее были усмотрены острова Хоа-Пинсу¹ и Тяо-Су, составляющие часть архипелага Рюкю, известного в ту пору лишь по письмам одного иезуита, отца Гобила.

Фрегаты вступили в Восточно-Китайское море и взяли курс ко входу в пролив, отделяющий Китай от Японии. Там Лаперуза встретили туманы, такие же густые, как на берегах Лабрадора, и сильные непостоянные течения. Прежде чем вступить в Японское

¹ Современный остров Уоцуори (*кит.* Тайпиньсань, или Хоа-Пинсу); вместе с названным дальше Тяо-су (*яп.* Кобисё) входит в группу островов Сэнто, часть принадлежащего Японии архипелага Рюкю (*кит.* Лу-Чжоу).

море, он исследовал остров Чечжудо, известный европейцам по гибели в 1635 году кораблей Спарроу и Хоука, и определил координаты его южной оконечности, с исключительной тщательностью засняв берега на протяжении двенадцати лье.

«Трудно представить себе, — рассказывает он, — более живописный остров; посредине примерно на тысячу туазов возвышается гора, которую можно увидеть за восемнадцать, двадцать лье; там, очевидно, берут начало потоки, орошающие остров. Местность очень полого спускается к морю, откуда мы видели расположенные амфитеатром поселения. Земля, как нам показалось, была возделана и на склонах горы до очень значительной высоты. С помощью подзорной трубы мы могли различить границы полей, раздробленных на очень мелкие участки, что служит указанием на большую плотность населения. Самые разнообразные оттенки зеленого цвета, свойственные различным культурам, придавали ландшафту острова еще большую прелесть».

Условия для определения долготы и широты оказались очень благоприятными; это было тем более важно, что никогда еще ни один европейский корабль не проходил в здешних морях, показанных на картах того времени лишь на основании китайских и японских карт, опубликованных иезуитами.

Двадцать пятого мая «Буссоль» и «Астролябия» вошли в Корейский пролив, где была произведена тщательная съемка берегов и каждые полчаса делались промеры.

Так как корабли двигались очень близко от берега, французские моряки могли без труда различить во всех подробностях укрепления, построенные по европейскому образцу.

Двадцать седьмого увидели остров, не указанный ни на одной карте и отстоявший, по-видимому, лье на двадцать от корейских берегов. Он получил название острова Дажеле (Уллындю).

Затем французские корабли взяли курс к Японии. Из-за противных ветров фрегаты продвигались исключительно медленно. 6 июня увидели мыс Ното и остров Иоцусима (Нанацусима), у западного побережья Хонсю.

«Мыс Ното на берегу Японии, — пишет Лаперуз, — является такой точкой, на которую географы могут вполне положиться; с установлением его координат и зная определенное капитаном Кингом местоположение мыса Набо (Инубо) на восточном берегу, можно будет установить ширину северной части этой страны. Наши исследования окажут географической науке еще более су-

ществленную услугу, так как станет известна ширина Тартарского моря¹, куда я решил направиться».

Одиннадцатого июня Лаперуз увидел берег Тартарии (Татарии). Место, к которому он приблизился, находилось точно на пограничье Кореи и Маньчжурии. Горы там имели, вероятно, от шестисот до семисот туазов в высоту. На их вершинах виднелся снег, но в небольшом количестве. Французы не обнаружили никаких следов возделанной земли или жилья. На протяжении сорока лье побережья не встретилось ни одного устья реки. Лаперуз все-таки хотел сделать остановку, чтобы естествоиспытатели и геологи смогли заняться исследованиями.

«До 14 июня берег тянулся в направлении норд-тен-норд-ост, мы находились уже на 44° северной широты и достигли тех мест, где географы помещают пролив Тесуа; но мы оказались на пять градусов западнее той долготы, которую приписывают этому проливу; эти пять градусов надо бы отнять от Тартарии и добавить проливу, отделяющему ее от островов, расположенных к северу от Японии».

Двигаясь вдоль берега, моряки не видели никаких следов поселений; ни одна пирога не вышла навстречу кораблям. Казалось, эта страна, поросшая великолепными деревьями и пышной зеленью, была необитаема.

Двадцать третьего июня «Буссоль» и «Астролябия» бросили якорь в бухте, расположенной на 45°13' северной широты и 135°09' восточной долготы. Она получила название бухты Терней.

«Мы горели нетерпением, — рассказывает Лаперуз, — приступить к изучению этой страны, занимавшей наше воображение со времени отплытия из Франции. То был единственный уголок земного шара, не посещенный неутомимым капитаном Куком; вероятно, лишь трагические события, оборвавшие его жизнь, послужили причиной того, что мы первые высадились здесь».

Этот рейд (бухта Терней) расчленен на пять маленьких бухт; они отделены одна от другой холмами, до самой вершины поросшими деревьями. Никогда даже самой ранней весной вы не увидите во Франции зелени таких ярких и разнообразных оттенков. Пока шляпки приближались к берегу, мы не спускали с него

¹ Тартарским или Корейским морем в то время называли Японское море. Современное название этому морю дал русский мореплаватель И. Ф. Крузенштерн, и с тех пор оно прочно вошло в географическую науку. (*Примеч. ред.*)

подзорных труб, но видели лишь оленей и медведей, которые спокойно паслись у самого моря. Это зрелище усиливало нетерпение, с каким мы стремились поскорее высадиться... Земля была устлана ковром из тех же растений, какие встречаются в нашем климате, но они отличались более ярким зеленым цветом и большими размерами; почти все они цвели.

На каждом шагу попадались розы, желтые и красные лилии, ландыши и все наши луговые цветы. Сосны венчали вершины гор; дубы начинали появляться лишь с середины склона и по мере приближения к морю становились менее толстыми и мощными. Берега рек и ручьев поросли ивами, березами, кленами, а на опушке густых лесов виднелись яблони и испанский боярышник в цвету вперемежку с купами орешника, на котором уже начали завязываться плоды».

Во время рыболовной экскурсии французы обнаружили древнюю могилу. Движимые любопытством, они раскопали ее и увидели два лежавших рядом скелета. Голову того и другого покрывали тибетейки из тафты; туловище было завернуто в медвежью шкуру; с пояса свисали мелкие китайские монеты и медные украшения. В могиле нашли также с десяток серебряных браслетов, железный топор, нож и другие мелочи, среди них — мешочек из голубой китайки, наполненный рисом.

Двадцать седьмого июня утром Лаперуз покинул эту пустынную бухту, предварительно оставив на берегу несколько медалей и установив столб с надписью, в которой указывалась дата прибытия французских кораблей.

На некотором расстоянии от бухты Терней матросы поймали свыше восьмисот штук трески и немедленно ее засолили; со дна моря они добыли много устриц в великолепных перламутровых раковинах.

После стоянки в бухте Сюффрен, расположенной на 47°51' северной широты и 137°25' восточной долготы, Лаперуз 6 июля увидел остров, являвшийся не чем иным, как Сахалином. Берег его был такой же лесистый, как берега материка. Внутри страны поднимались высокие горы, наивысшая из которых получила название пик Ламанон. Увидев дымки и хижины, де Лангль с несколькими офицерами съехал на берег. Островитяне убежали очень недавно, так как зола их костров еще не остыла.

Когда французские мореплаватели, оставив несколько подарков для местных жителей, собирались сесть в шлюпку, к берегу

подошла лодка с семью гребцами, на вид совершенно не испуганными.

«В их числе, — говорится в отчете, — были два старика с длинными седыми бородами, одетые в ткань из древесной коры, несколько напоминавшую передники жителей Мадагаскара. У двоих из семи островитян одежда была из подбитой ватой китайки, по фасону мало чем отличавшаяся от материковой. На других имелся лишь длинный халат, с помощью пояса и нескольких пуговиц наглухо закрывавший все тело, что избавляло их владельцев от необходимости носить нижнее белье. Голову островитяне ничем не покрывали; у двух или трех была лишь повязка из медвежьей шкуры. Лицо и темя они брили, оставляя на затылке пучок волос длиной в восемь — десять дюймов; но их прическа не походила на принятую у китайцев, которые сохраняют только венчик волос вокруг головы. Все семеро носили сапоги из тюленьей шкуры с очень искусно сделанными, на китайский манер, каблуками.

Оружие сахалинцев состояло из луков, копий и стрел с железными наконечниками. У старшего из островитян, того, к кому остальные относились с явным почтением, глаза были в очень плохом состоянии. Для предохранения их от слишком яркого солнечного света у него на лбу висел козырек. Туземцы вели себя важно, с достоинством и очень вежливо».

Де Лангль условился встретиться с ними на следующий день. Лаперуз и большая часть офицеров отправились в назначенное место. Сведения, полученные ими от этих татар, оказались важными и побудили Лаперуза продолжить исследования в более северных районах.

«Не без труда нам удалось объяснить, что мы просим их изобразить очертания своей страны, а также страны маньчжуров. Тогда один из стариков встал и концом копья начертил берег материка, изобразив его тянущимся почти прямо с севера на юг. По другую сторону, на востоке, он нарисовал остров, который шел в том же направлении, и, приложив руку к груди, дал нам понять, что изобразил свою родину. Между материком и островом Сахалином он оставил пролив и, обернувшись к нашим кораблям, которые были видны с берега, провел линию, показывая, что они могут там пройти. К югу от Сахалина он нарисовал другой остров и оставил между ними пролив, пояснив, что это еще один путь для наших кораблей.

Разговаривая с нами, старик обнаружил большую сообразительность, уступавшую, впрочем, сообразительности другого островитянина в возрасте около тридцати лет; тот, увидев, что линии, начерченные на песке, стираются, взял у нас карандаш и бумагу. Он нарисовал свой остров, назвав его Чока, и отметил чертой речку, на берегу которой мы находились, поместив ее так, что от южной оконечности острова она находилась вдвое ближе, чем от северной. Затем он нарисовал маньчжурский берег, оставив, как и старик, воронкообразный пролив; к величайшему нашему изумлению, он добавил еще реку Сахалин, название которой туземцы произносили так же, как и мы; устье этой реки он показал несколько южнее северной оконечности своего острова...

Теперь мы захотели узнать, насколько широк пролив. Мы постарались втолковать ему нашу мысль; он ее уловил; он вытянул руки и, держа их на расстоянии двух-трех дюймов одну от другой, дал нам понять, что это обозначает ширину речки, где мы набирали воду; немного раздвинутые, они показывали ширину реки Сахалин; а широко раздвинутые, они изображали ширину пролива, отделяющего его страну от Тартарии...

Де Лангль и я считали очень важным установить, является ли остров, вдоль которого мы плыли, тем самым, что географы называли Сахалином, не подозревая при этом, как далеко на юг он тянется. Я отдал распоряжение сделать все приготовления, чтобы на следующий день фрегаты могли выйти в море. Бухта, где мы стояли, получила название бухты Де Лангль, по имени капитана „Астролябии“, который первым открыл ее и вступил на берег».

В другой бухте на том же берегу, названной бухтой Эстен, шлюпки пристали к суше неподалеку от поселения из десяти — двенадцати хижин. Они были больше виденных до тех пор и делились на две комнаты. В задней находился очаг, кухонная утварь и скамьи, стоявшие вдоль стен; передняя комната оставалась совершенно пустой и, по всей вероятности, предназначалась для приема гостей. Как только французы высадились, женщины поспешили скрыться. Двух удалось, однако, догнать; пока их всячески успокаивали, художники успели нарисовать их портреты. Лица женщин, несколько необычные, отличались, впрочем, милостью. У них были маленькие глаза, толстые губы и верхняя губа разрисована или покрыта татуировкой.

Де Лангль увидел местных жителей, собравшихся вокруг четырех груженных копченой рыбой лодок, которые они помогали

спустить на воду. Лодки принадлежали маньчжурам, приплывшим с берегов реки Сахалин. В одном из дальних уголков острова французы обнаружили что-то вроде круглой площадки, обнесенной пятнадцатью или двадцатью столбиками с медвежьей головой на каждом из них. Можно предположить, что назначением этих трофеев было увековечить победы над медведями.

У берегов моряки наловили трески, а в устье реки — большое количество дальневосточных лососей.

Миновав залив Жонкьер (Александровский), Лаперуз бросил якорь в бухте Де-Кастри. Запас пресной воды у него подходил к концу, дров больше не было. Чем дальше двигался он по Татарскому проливу, тем мельче тот становился. Лаперуз, придя к убеждению, что ему не удастся обогнуть Сахалин с севера, и опасаясь, что выбраться из мелководья, куда он зашел, он сможет лишь через Сангарский пролив (пролив Цугару), расположенный гораздо южнее, решил задержаться в бухте Де-Кастри не больше чем на пять дней — срок, совершенно необходимый для пополнения запасов.

На островке установили астрономические приборы; плотники тем временем валили лес, а матросы наполняли бочки водой.

«Вокруг каждой хижинки островитян, называвших себя орочами¹, была расположена сушильня для лососевой рыбы; пойманную рыбу три-четыре дня держат над расположенным среди хижинки очагом, а затем нанизывают на жерди и оставляют сушиться на солнце. Все эти работы были обязанностью женщин: они должны были следить за тем, чтобы вовремя перенести прокоптившуюся рыбу на открытое место, где она приобрела твердость дерева.

Орочи занимались рыбной ловлей в той же реке, что и мы, пользуясь сетями и острогами. Мы наблюдали, как они с отвратительной жадностью поедали в сыром виде голову, жабры, иногда и всю кожу, которую снимали очень искусно; они высасывали из всех этих частей жир с таким же удовольствием, с каким мы глотаем устриц. Большой частью рыба доставлялась в поселок уже без кожи; если же улов оказывался очень богатым, женщины вы-

¹ Орочи в то время жили в бассейнах рек, впадающих в Татарский пролив. Теперь большая часть их живет в Хабаровском крае.

Язык орочей относится к маньчжурской подгруппе тунгусо-маньчжурских языков. Основу их хозяйства издавна составляли рыболовство и охота. Зачатки сельского хозяйства у них появились лишь в XX веке.

искивали целые рыбины и с такой же отталкивающей жадностью высасывали слизистые части, считавшиеся самым изысканным кушаньем.

Народ этот отличается нечистоплотностью и омерзительным зловонием. Орочи, пожалуй, принадлежат к числу физически самых слабых племен, а их лица очень далеки от нашего представления о красоте. Они среднего роста — выше четырех футов десяти дюймов; телосложение у них хрупкое, голос слабый и пронзительный, как у детей. У них выдающиеся скулы, маленькие гноящиеся раскосые глаза, большой рот, сплюснутый нос, короткий, почти лишенный растительности подбородок и смуглая кожа, лоснящаяся от жира и дыма. Они не стригут волос и заплетают их почти как наши женщины. У орочанок волосы свободно падают на плечи. Нарисованный мною портрет в равной степени относится и к женщинам, и к мужчинам; их трудно было бы отличить, если бы не некоторая разница в одежде. Впрочем, женщинам, в отличие от американских индианок, не приходится выполнять тяжелые работы, которые могли бы лишить их изящества, если бы они им от природы обладали.

Все обязанности женщин сводятся к кройке и шитью одежды, сушке рыбы и заботам о детях; они их кормят грудью до трех- или четырехлетнего возраста. Я крайне удивился при виде ребенка, сначала натянувшего лук, довольно метко пустившего стрелу, поколотившего палкой собаку, а затем бросившегося к груди матери и сменившего пяти-шестимесячного младенца, уснувшего на ее коленях».

Лаперуз получил от орочей сведения об окружающих территориях. Он выяснил, что северная оконечность Сахалина соединялась с материком лишь песчаной мелью, поросшей морскими водорослями, где глубина дна очень незначительна. Эти данные подтверждались небольшими глубинами; промеры в проливе стали показывать не больше шести саженей. Лаперузу хотелось также обнаружить южную оконечность Сахалина, обследованного им лишь до бухты Де Лангль, которая расположена на 47°49' северной широты.

Второго августа «Астролябия» и «Буссоль» покинули бухту Де-Кастри и вновь направились к югу. Открыв и определив координаты острова Моннерон и горы Лангль, мореплаватели обогнули южную оконечность Сахалина, названную ими мыс Крильон, и вступили в пролив между этим островом и Хоккайдо (Окю-Иессо

и Иессо французских мореплавателей), получившим название пролива Лаперуза. То была одна из наиболее важных географических проблем, которую оставили нерешенной предшествующие мореплаватели. До тех пор географы сообщали об этом районе самые фантастические сведения: для Сансона Корея являлась островом, а Хоккайдо, Сахалина и Камчатки вовсе не существовало; по мнению Г. Делиля, Хоккайдо и Сахалин представляли собой один остров, тянувшийся до Сангарского пролива; наконец, Бюаш в своих «Географических размышлениях» пишет: «Иессо (Хоккайдо) отодвинули сначала к востоку, перенесли к югу, затем к западу и в конце концов — к северу...»

Как мы видим, в этом вопросе царил полная неразбериха; труды французской экспедиции положили ей конец¹.

¹ Вопреки утверждению автора, путешествие Лаперуза далеко не до конца прояснило обсуждаемый вопрос. Прежде всего это касается пролива, отделяющего остров Сахалин от материка. Хотя поначалу Лаперуз и называет Сахалин островом, а впоследствии получает однозначные доказательства этому от местных жителей, нарисовавших на песке примитивную, но достаточно соответствующую действительности карту, он не смог пройти на север по Татарскому проливу в Охотское море. «Я стал бояться, — записывает он в дневнике плавания, — что крайне быстрое уменьшение глубины с продвижением к северу, делает невозможным проход этим проливом» (*Voyage de La Pérouse autour du monde*. Т. III. Paris, 1798. Р. 87). День спустя, 24 июля 1787 года, французский капитан делает следующую запись: «...Мы не заметили никакого течения. Эта неподвижность вод, кажется, была доказательством того, что никакого пролива нет...» (там же. Р. 88). Лаперуз сделал вывод, что пролив, если он и существовал в недавнем прошлом, перекрыт песчаными мелями, почти достигающими уровня морской поверхности (цит. соч. Р. 87). Осторожный вывод мореплавателя был усилен категоричным высказыванием издателя его дневника, бригадным генералом инженерного корпуса Л. Миле-Мюро: «Весьма вероятно, что некогда Сахалинский пролив был судоходным, но теперь все заставляет полагать, что скоро он будет полностью занесен, а остров Сахалин превратится в полуостров» (цит. соч. Р. 90). Такое положение генерал объяснял обилием твердого материала, выносимого в акваторию Сахалинской рекой, как тогда французы называли Амур. Этот вывод казался тем более убедительным, что английская экспедиция под началом Броутона, побывавшая в Татарском проливе уже после Лаперуза, также не смогла пройти на север. Когда же в начале XIX века не наша прохода и русская экспедиция на «Надежде» под командованием И. Ф. Крузенштерна, ошибка была возведена в ранг закона. В своей книге командир первой русской «кругосветки» пишет: «Когда Лаперуз начертил карандашом на бумаге Сахалин и противоположный берег Татарии, оставив между ними пролив, и показал то обитающим у вышеупомянутого залива [то есть в бухте Де-Кастри. — А. М.], тогда один из них, взяв у него вдруг из руки карандаш, провел черту через означение пролива и дал уразуметь через то, что Сахалин соединяется с Татарией узким перешейком, на котором растет якобы и трава и через который будто бы перетаскивают они иногда свои лодки. Сии известия, постепенное глубины уменьшение и бездействие течения побудили Лаперуза заключить весьма справедливо, что Сахалин или соединяется с Татарией перешейком, или канал, раз-

Лаперуз несколько раз вступал в сношения с жителями мыса Крильон; по его описанию, они более привлекательны, более предприимчивы, но в то же время менее великодушны, чем орочи, жившие в бухте Де-Кастри.

«У них есть, — рассказывает он, — очень существенный предмет для торговли, отсутствующий в Татарском проливе, а именно — китовый жир; в обмен на него они получают все свои богатства. Китовый жир добывают в большом количестве. Способ выгопки его, впрочем, не слишком рациональный, заключается в том, что китовая туша разрезается на куски и кладется под открытым небом на солнечный склон. Мясо гниет, а вытекающий жир собирают в сосуды из древесной коры или в бурдюки из тюленьей шкуры».

Миновав мыс Анива, названный так голландцами, фрегаты подошли к Курильским островам и некоторое время двигались вдоль берегов острова Компании (Уруп), пустынного, безлесного и необитаемого; затем они прошли между островами Симушир и Четырех братьев. Этому проливу, самому безопасному для мореплавания из всех, какие имеются в районе Курильских островов, французы дали название пролива Буссоль.

Третьего сентября увидели берег Камчатки, страны, «где взгляд с трудом привыкает к виду огромных, вселяющих почти ужас скал, на которых уже в начале сентября лежал снег и, казалось, никогда не бывает никакой растительности».

Три дня спустя корабли вошли в Авачинскую, или Петропавловскую, бухту. Астрономы немедленно приступили к наблюдениям, а естествоиспытатели совершили очень трудное и опасное

деляющий сие обе земли, становится наконец очень узок, где глубина должна быть не более нескольких футов. Лаперуз, сообщая свое мнение, не утверждает оного совершенно, но сие приписать надобно, может быть, его скромности, которая не позволила ему утверждать действительно того, чего не испытал он сам собою. Сообразуясь с сим, продолжали до сего несправедливо изображать на картах Сахалин островом, а канал между оным и матерым берегом называть проливом Татарии. Испытания, учиненные нами на 100 миль севернее [И. Ф. Крузенштерн пытался пройти Татарский пролив с севера, со стороны Охотского моря. — А. М.], не оставляют теперь ни малейшего сомнения, что Сахалин есть полуостров, соединяющийся с Татарией перешейком» (*Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве»*. Москва: Географгиз, 1950. С. 206). Заблуждение было опровергнуто только полвека спустя, когда молодой флотский офицер Геннадий Иванович Невельской (1813 — 1876) открыл самую узкую часть Татарского пролива, носящую с тех пор его имя, и доказал, что Сахалин все-таки является островом.

восхождение на вулкан, расположенный в восьми лье от берега моря. Тем временем остальной экипаж, свободный от работ на корабле, развлекался охотой или рыбной ловлей. Благодаря радужному приему губернатора в увеселениях не было недостатка.

«Он пригласил нас, — рассказывает Лаперуз, — на бал, который устроил по случаю нашего прибытия; на нем присутствовали все женщины Петропавловска, как русские, так и камчадалки. Общество оказалось хотя и немногочисленным, но, во всяком случае, оригинальным. Тринадцать разодетых в шелка женщин сидели на скамьях вдоль стен комнаты; в их числе были десять широколицых камчадалок, с маленькими глазами и приплюснутым носом. И русские и камчадалки покрывали голову шелковыми платками — примерно так, как мулатки в наших колониях... Начали с русских танцев; музыка к ним очень мелодична, и они сильно напоминали казацкую пляску, исполнявшуюся несколько лет тому назад в Париже. Затем последовали камчадалские танцы; их можно сравнить лишь с конвульсиями одержимых. В танцах жителей этой части Азии принимают участие только руки и плечи, а ноги остаются почти неподвижными. Судорожные движения танцующих камчадалок производят тягостное впечатление; оно еще больше усиливается скорбными криками, которые вылетают из груди танцовщиц и являются единственной музыкой, помогающей им соблюдать ритм. Женщины так устают от подобных упражнений, что обливаются потом и долго лежат на полу, не имея сил подняться. Обильные испарения, исходящие от их тел, сильно напоминают запах рыбьего жира, к которому носы европейцев слишком непривычны, чтобы чувствовать от него наслаждение».

Прибытие курьера из Охотска прервало бал. Доставленные известия были приятны всем, и особенно Лаперузу, получившему сообщение о производстве его в чин начальника эскадры.

Во время стоянки французские мореплаватели разыскали могилу астронома Луи Делиля де Лакройера, члена Академии наук, умершего на Камчатке в 1741 году на обратном пути экспедиции, организованной по приказу царя для изучения берегов Америки¹. Соотечественники возложили на могилу медную доску с выгравированной надписью; такую же честь они воздали капитану Чарльзу Клерку, помощнику и преемнику капитана Кука.

¹ Имеется в виду вторая камчатская экспедиция В. Беринга и А. Чирикова.

«Авачинская бухта, — сообщает Лаперуз, — несомненно является самой красивой, удобной и безопасной из всех, какие можно встретить в любой части земного шара. Вход в нее узок, и если бы на его берегу были построены укрепления, кораблям пришлось бы проходить под жерлами пушек. Якорь в ней прекрасно держит; дно илистое; две обширные гавани, одна на восточном берегу, другая на западном, могли бы вместить весь военный флот Франции и Англии».

Двадцать девятого сентября 1787 года «Буссоль» и «Астролябия» пустились в дальнейший путь. Лессепс, французский вице-консул в России, до тех пор сопровождавший Лаперуза, получил предписание направиться во Францию по суше — путешествие длительное и тяжелое, особенно в ту эпоху — и доставить правительству отчеты экспедиции.

Ближайшая задача Лаперуза теперь состояла в том, чтобы отыскать землю, якобы открытую испанцами в 1620 году к востоку от Японии¹. Оба фрегата, держась 37°30' северной широты, прошли расстояние в триста лье, не обнаружив никаких ее следов, в третий раз пересекли экватор, прошли мимо тех мест, где, по указаниям Байрона, должны были находиться острова Дейнджер, но не увидели их, и 6 декабря оказались в виду открытых Бугенвилем островов Мореплавателей (Самоа).

Множество пирог немедленно окружило корабли. Взбравшиеся на палубу туземцы не могли создать у Лаперуза хорошего мнения о внешности островитян.

«Я видел только двух женщин, — рассказывает он, — и черты их лиц не отличались миловидностью. У младшей, которой могло быть лет восемнадцать, на ноге была отвратительная язва. У многих островитян на теле имелись большие раны; возможно, они были первоначальными проявлениями проказы, так как я заметил двух мужчин, судя по изъеденным язвами и невероятно распухшим ногам, несомненно страдавших этой болезнью². Туземцы, ничем не вооруженные, приближались к нам с робостью, и все их поведение говорило о том, что они отличались таким же мирным характером, как и жители островов Общества и Дружбы (Тонга)».

¹ Лаперуз разыскивал легендарные острова, богатые золотом и серебром (Рика-де-Ори и Рика-де-Плата).

² Эти язвы на теле островитян появляются не от проказы, а от неумеренного употребления опьяняющего напитка кава, который туземцы делают из листиков, стебельков и корешков растения из семейства перечников. Проказа на острова Тихого океана была занесена позднее европейскими колонизаторами.

Девятого декабря бросили якорь у островов Мануа. На следующий день восход солнца обещал прекрасную погоду. Лаперуз решил ею воспользоваться для того, чтобы осмотреть окрестности и набрать воду, а затем направиться в дальнейший путь, так как якорная стоянка оказалась слишком ненадежной и он не хотел рисковать, оставаясь там еще на одну ночь. Приняв все меры предосторожности, Лаперуз высадился на берег у источника, где его матросы наполняли бочки водой. В то же время капитан де Лангль направился к маленькой бухте, отстоявшей на одно лье от источника, «и эта прогулка, из которой он вернулся совершенно очарованный, восхищенный красотой виденной им деревни, явилась, как мы увидим дальше, причиной наших несчастий».

На суше начался оживленный торг. Мужчины и женщины продавали всякого рода изделия, кур, мелких попугаев, свиней и плоды. В это время какой-то туземец, забравшись в шлюпку, завладел мушкетом¹ и несколько раз ударил им матроса по спине. Четыре бравых молодца немедленно схватили островитянина и сбросили его в воду.

Лаперуз в сопровождении женщин, детей и стариков зашел далеко в глубь острова и совершил чудесную прогулку по очаровательной стране, обладавшей двумя неоценимыми качествами: плодородной почвой, не нуждавшейся в обработке, и климатом, делавшим излишней всякую одежду.

«Хлебные деревья, кокосовые пальмы, бананы, гуайявы и апельсиновые деревья снабжали этот счастливый народ здоровой и обильной пищей; куры, свиньи, собаки, поедавшие излишки указанных плодов, вносили в питание туземцев приятное разнообразие».

Первое посещение острова обошлось без столкновений. Произошло, правда, несколько ссор, но благодаря благоразумию и самообладанию французов, державшихся настороже, они не приняли серьезного характера. Лаперуз отдал распоряжение приготовиться к подъему якорей, но де Лангль настоял на том, чтобы сделать еще несколько рейсов за водой.

«Он придерживался взглядов капитана Кука и считал, что свежая вода в сто раз лучше той, какую мы имели у себя в трюме; так как у нескольких человек из его команды появились первые признаки цинги, то он совершенно основательно полагал необходимым принять все меры к улучшению их состояния».

¹ Мушкетель — деревянный молот

Сначала какое-то тайное предчувствие побуждало Лаперуза не соглашаться; все же он уступил настояниям де Лангля, который дал ему понять, что на командира падает ответственность за возможное развитие болезни, указал на полную безопасность высадки в том месте, которое он наметил, и обещал лично возглавить посылаемый отряд и вернуться не позже чем через три часа.

«Де Лангль, — говорится в отчете, — был очень здравомыслящий и способный человек, и это обстоятельство скорее, чем все другие соображения, побудило меня дать согласие или, вернее, подчиниться его воле...»

Итак, на следующий день две шлюпки под начальством Бутена и Мутона, захватив всех больных цингой, шесть вооруженных солдат и каптенармуса, всего двадцать восемь человек, отошли от «Буссоли» и поступили в распоряжение де Лангля. Баркасом «Астролябии» командовал Гобиан; в числе тридцати трех человек из экипажа «Астролябии» были: Ламартиньер, Лаво и отец Ресевёр.

Де Лангль вооружил всех ружьями и установил в шлюпках шесть фальконетов. Он и все его спутники чрезвычайно удивились, когда вместо обширной и удобной бухты они очутились в маленькой, усеянной коралловыми рифами бухточке, куда можно было проникнуть лишь по извилистому узкому каналу, в котором бурлили водовороты. Раньше де Лангль побывал там во время полной воды; поэтому при виде открывшейся ему картины он решил сначала направиться к прежнему месту набора воды.

Однако поведение островитян, большое количество женщин и детей среди них, обилие свиней и плодов, принесенных для обмена, заставили умолкнуть голос благоразумия.

Он выгрузил без всяких помех бочки для воды, доставленные на четырех шлюпках; солдаты установили полный порядок: они образовали цепь вокруг места, где работали матросы. Но спокойствие длилось недолго. Пироги после распродажи привезенных туземцами на корабли продуктов возвращались к берегу; они все входили в бухту и мало-помалу совершенно ее заполнили. Вместо двухсот островитян, включая женщин и детей, собравшихся там к моменту прибытия де Лангля в половине второго, к трем часам набралось от тысячи до тысячи двухсот человек.

С каждой минутой положение де Лангля становилось все более затруднительным; тем не менее с помощью Вожюа, Бутена, Коллине и Гобиана ему удалось погрузить бочки с водой в шлюп-

ки. Но в бухте почти не оставалось воды, и не было никакой надежды сняться с мели раньше четырех часов дня. Все же де Лангль и весь его отряд заняли места в шлюпках; с ружьем в руках, окруженный солдатами, командир стал впереди, запретив стрелять до того, как он отдаст приказ.

Он начал понимать, что вскоре будет к этому вынужден: уже летели камни, и индейцы, которым вода достигала лишь до колен, окружали шлюпки, держась на расстоянии меньше туаза; солдаты тщетно старались их отогнать.

Если бы де Лангль не остановил страх быть обвиненным в варварстве за то, что он первым открыл враждебные действия, он, несомненно, приказал бы дать залп из ружей и фальконетов, который, безусловно, рассеял бы всю толпу; но он рассчитывал сдержать туземцев, не проливая крови, и стал жертвой своей гуманности.

Вскоре град камней, пущенных с очень близкого расстояния и с такой силой, словно их метали из пращи, поразил почти всех находившихся в командирской шлюпке. Де Лангль успел лишь дважды выстрелить из ружья; он был сбит с ног и свалился, к несчастью, за левый борт. Туземцы убили его на месте ударами дубинок и камнями. Когда он был уже мертв, его привязали за руку к уключине шлюпки — несомненно, для того, чтобы впоследствии воспользоваться трупом.

«Баркас „Буссоли” под начальством Бутена стоял в двух туазах от шлюпки „Астролябии”; между ними оставалась полоса воды, куда не проникли индейцы. Благодаря этому все раненые, которым посчастливилось упасть не в ту сторону, где находились враги, спаслись. Они добрались до наших шлюпок, которые находились на плаву, и подобрали сорок девять человек из шестидесяти одного, высадившихся на берег.

Бутен во всем следовал примеру де Лангля; он воздерживался от стрельбы и приказал своему отряду дать залп лишь после того, как раздался выстрел командира. Само собой понятно, что на расстоянии четырех-пяти шагов промахнуться было невозможно, но перезарядить ружья моряки не успели. От удара камня Бутен также свалился, но, к счастью, упал между двумя стоявшими на мели шлюпками. У всех, добравшихся вплавь до баркасов, было по несколько ран, почти исключительно на голове. Что касается тех, кто по несчастливой случайности свалился в сторону туземцев, то их немедленно прикончили ударами палиц.

Своим спасением сорок девять наших моряков оказались обязанными благоразумию Вожюа, поддерживавшего образцовый порядок, и исполнительности его помощника Мутона, командовавшего баркасом „Буссоли“.

Баркас „Астролябии“ был так перегружен, что сел на мель. Это обстоятельство внушило островитянам мысль напасть на отступавшие шлюпки с ранеными. Большая толпа индейцев бросилась к тянувшимся у входа в бухту рифам, мимо которых шлюпки неминуемо должны были пройти в десяти футах. Пришлось выпустить в разъярившихся туземцев остаток зарядов, и шлюпки наконец выбрались из бухты».

Сначала Лаперуз носился с мыслью отомстить за смерть несчастных товарищей. Бутен, прикованный ранами к постели, но полностью сохранивший здравость суждений, настойчиво убеждал этого не делать. Он указал командиру на огромный риск, связанный с новой попыткой высадиться: расположение бухты было таково, что, если шлюпки опять сядут на мель, ни один француз не выберется, так как росшие у самого края воды деревья смогут послужить островитянам надежной защитой от ружейного огня. Лаперузу пришлось два дня лавировать вблизи места, где разыгрались кровавые события, не имея возможности удовлетворить жажду мести, охватившую команды его кораблей.

«Это может показаться, конечно, невероятным, — рассказывает Лаперуз, — но пять-шесть пирог отошли от берега и привезли для обмена свиней, голубей и кокосовые орехи; меня охватил такой гнев, что я с трудом сдерживал желание дать приказ пустить их ко дну».

Легко понять, что после потери убитыми или тяжело ранеными части офицеров и тридцати двух лучших матросов, лишившись двух шлюпок, Лаперуз был вынужден изменить свои планы, так как в случае малейшей аварии ему пришлось бы пожертвовать одним из фрегатов, чтобы оснастить другой. Не оставалось иного выхода, как направиться в Австралию в гавань Ботани-Бей, исследуя лежащие на пути острова и с помощью астрономических наблюдений определяя их координаты.

Четырнадцатого декабря обнаружили остров Ойолава¹, входящий в состав архипелага Самоа и виденный Бугенвилем лишь очень издалека. Вряд ли даже Таити можно сравнить с ним по

¹ Видимо, речь идет об острове Тутила.

красоте, размерам, плодородию почвы и плотности населения. Жители Ойолава, во всех отношениях похожие на туземцев островов Мануа, вскоре окружили корабли и стали предлагать морякам многочисленные продукты своей страны. По всей вероятности, французы первыми вступили в торговые сношения с этими людьми, не имевшими никакого понятия о железе, так как они предпочитали одну бисерину топору или шестидюймовому гвоздю. Среди женщин попадались хорошенькие; они были изящно сложены; их глаза, жесты говорили о мягкости характера. Напротив, лица мужчин выражали плутоватость и свирепость.

Остров Уполу, мимо которого экспедиция прошла 17 декабря, относился еще к архипелагу Мореплавателей. По всей вероятности, известие об убийстве французов дошло до жителей Уполу, так как ни одна пирога не отошла от берега, чтобы приблизиться к кораблям.

Двадцатого декабря французы заметили Кокосовый остров (Тафахи) и открытый Схоутеном остров Предателей (Ниуатотабу). Последний разделен на две части проливом, который остался бы не замеченным французскими мореплавателями, если бы они не шли вдоль самого берега. Корабли были окружены большим числом пирогов. Туземцы доставили самые прекрасные кокосовые орехи, какие Лаперузу приходилось когда-либо видеть, бананы, ямс и лишь одного поросенка.

Долгота островов Кокосовый и Предателей была указана Уоллисом, назвавшим их Боскоэн и Кеппель, на один градус тринадцать минут западнее истинного положения; их также можно отнести к островам Самоа. Лаперуз считает, что туземцы этого архипелага принадлежат к самому красивому из полинезийских племен. Высокие, сильные, хорошо сложенные, они по красоте типа превосходят жителей островов Общества. Наречия, на которых говорят таитяне и жители Самоа, очень похожи. При других обстоятельствах командир высадился бы на этих прекрасных островах, но возмущение моряков еще не улеглось, воспоминания о событиях на Мануа были очень свежи, и Лаперуз опасался, как бы под любым самым пустяковым предлогом не разгорелась кровавая стычка, которая немедленно перешла бы в массовое избиение.

«Каждый виденный нами остров, — рассказывает он, — напоминал о каком-нибудь случае вероломства со стороны туземцев. На островах Отдыха (Эллис), к востоку от Самоа, они напали на

моряков Рогтевена и побили их камнями; моряки Схоутена подверглись нападению у острова Предателей, лежавшего перед нами и расположенного к югу от островов Мануа, где островитяне так зверски расправились с нашими людьми.

Эти воспоминания заставили нас изменить свое отношение к туземцам. Мы жестоко наказывали за малейшие кражи и провинности; пуская в ход огнестрельное оружие, мы давали им понять, что в бегстве они не могут найти спасения от возмездия; мы не разрешали им подниматься на палубу и угрожали смертью, если они осмелятся насслушаться».

Озлобление моряков было очень сильным, и все же надо отдать должное благоразумию командира, сумевшего сдержать порыв мстительности.

От островов Мореплавателей французы взяли курс на острова Тонга (Дружбы), лишь частично исследованные Куком. 27 декабря в этом архипелаге были открыты острова Вавау; английскому мореплавателю на них не удалось побывать. По величине равные Тонгатабу, острова Вавау более возвышенные, и на них имеется достаточно пресной воды. Лаперуз исследовал несколько островов архипелага Тонга и завязывал иногда сношения с жителями, доставлявшими свежую провизию лишь в небольшом количестве, не покрывавшем ежедневный расход. Поэтому 1 января 1788 года он решил направиться в Ботани-Бей, избрав курс, по которому не проходил еще ни один мореплаватель.

Открытый Тасманом остров Пилстарт, являющийся скорее скалой, так как в самом широком месте он не превышает четверти лье, отличается очень крутыми берегами и может служить пристанищем лишь для морских птиц. Вот почему Лаперуз не имел никаких причин там останавливаться, тем более что он спешил добраться до Новой Голландии; но существует фактор, с которым приходится считаться даже в наши дни: это ветер, и Лаперузу пришлось на три дня задержаться у Пилстарта.

Тринадцатого января увидели остров Норфолк и два соседних островка. Командир, одоббив намерение естествоиспытателей ознакомиться с почвой и природными богатствами острова, стал на якорь в одной миле от берега. Но сильный прибой, казалось, делал высадку невозможной, хотя Кук пристал там без всякого труда.

Целый день прошел в тщетных попытках добраться до острова, не принеся никаких результатов для науки. На следующий

день Лаперуз поднял паруса. В тот момент, когда фрегаты входили в проход, ведущий в Ботани-Бей, французские моряки заметили английскую эскадру. То были корабли коммодора Филиппа, имевшего задание основать Порт-Джексон (ныне Сидней) — зародыш обширной британской колонии на Австралийском материке.

На этом обрывается дневник Лаперуза. Из донесения, написанного им 5 февраля в Ботани-Бей морскому министру, мы знаем, что он намеревался построить там две шлюпки взамен уничтоженных на островах Мануа. Все раненые, в том числе Лаво, главный врач «Астролябии», которому сделали трепанацию черепа, находились тогда в прекрасном состоянии. Командование над «Астролябией» принял де Клонар, а де Монти заменил его на «Буссоли».

В письме, датированном двумя днями позже, сообщались подробности дальнейшего маршрута, намеченного командиром. Лаперуз писал:

«Я вернусь к островам Дружбы и в точности выполню предписания инструкций относительно южной части Новой Каледонии, острова Санта-Крус Менданьи, южного берега земли Аршакидов Сюрвиля и Луизиады Бугенвиля; я постараюсь выяснить, является ли последняя частью Новой Гвинеи или от нее отделена. В конце июля я пройду между Новой Гвинеей и Новой Голландией не проливом Индевер, а каким-нибудь другим, если только таковой существует. В течение сентября и части октября я буду заниматься исследованием залива Карпентария и всего западного берега Новой Голландии до Вандименовой Земли, однако с таким расчетом, чтобы вернуться на север достаточно рано и к началу декабря 1788 года прибыть на Иль-де-Франс».

Лаперуз не только не прибыл в назначенный им самим срок на остров Маврикий, но об его экспедиции не было никаких вестей целых два года.

Хотя Франция в ту пору переживала исключительно серьезные события, взволнованный голос общественного мнения в конце концов прозвучал в выступлениях членов Общества естествоиспытателей с трибуны Национального собрания. Декрет от 9 февраля 1791 года обязывал короля снарядить один или несколько кораблей на поиски Лаперуза. Были все основания предполагать, что экспедицию прервала какая-то катастрофа, но большей части экипажа, быть может, удалось спастись; необходимо было возможно скорее оказать ей помощь.

Для того чтобы новая экспедиция принесла пользу мореплаванию, географии, торговле, искусствам и наукам, в ее состав следовало включить ученых разных специальностей и художников. Таковы были главные положения упомянутого нами декрета.

Руководство экспедицией поручили контр-адмиралу Жозефу-Антуану Брюни д'Антракasto. Этот офицер привлек к себе внимание морского министра успешно проведенной кампанией в Индийском океане. В распоряжение д'Антракasto были предоставлены военные транспорты «Решерш» («Поиск») и «Эсперанс» («Надежда»); последним командовал Юон де Кермадек, капитан 1-го ранга. Среди командного состава обоих кораблей было много офицеров, впоследствии достигших высоких чинов. Из числа ученых, участвовавших в плавании, следует назвать естествоиспытателей — Лабийрдьера, Вангена и Риша, астрономов — Бертрана и Пирсона, гидрографа Ботан-Бопре, инженера Жуванси.

На оба корабля было погружено большое количество предметов для обмена и восемнадцатимесячный запас продовольствия. 28 сентября 1791 года экспедиция покинула Брест и 13 октября прибыла на остров Тенерифе. В ту эпоху восхождение на знаменитый пик считалось совершенно обязательным.

Лабийрдьер на вершине горы наблюдал явление, уже виденное им в Малой Азии: в облаках, находившихся под ним, в стороне, противоположной от солнца, вырисовывалась его тень, окрашенная во все цвета радуги.

Двадцать третьего октября, как только были пополнены запасы продовольствия, корабли взяли курс на мыс Доброй Надежды. Во время перехода Лабийрдьер произвел интересные исследования и установил, что свечение моря вызвано присутствием микроскопических организмов шаровидной формы, содержащихся в воде во взвешенном состоянии. Плавание до мыса Доброй Надежды, куда корабли прибыли 18 января 1792 года, не сопровождалось никакими происшествиями, если не считать встречи с огромными косяками бонито¹ и других рыб, а также незначительной течи, которую удалось быстро заделать.

Д'Антракasto получил на мысе Доброй Надежды письмо от Сен-Фели, командующего французскими вооруженными силами в Индии, которое нарушило все планы экспедиции и оказало не-

¹ Бонито, или тунцы — большие рыбы из семейства скумбриеобразных или макрелеобразных.

благоприятное влияние на ее исход. В письме сообщалось следующее: два капитана французских судов, прибывших из Батавии, доложили, что коммодор Хантер, капитан английского фрегата «Сириус», видел «у островов Адмиралтейства, в южных морях, людей, носивших европейские ткани, и в частности одежду, по его мнению, являвшуюся французской морской формой. Как вам должно быть ясно, — писал Сен-Фели, — коммодор не сомневался в том, что то были свидетельства кораблекрушения Лаперуза...»

В момент прибытия д'Антраксто Хантер находился на рейде Кейптауна; но через два часа после прихода французских кораблей он снялся с якоря. Такой поступок казался по меньшей мере странным. Коммодор успел, конечно, узнать, что экспедиция направлялась на поиски Лаперуза, и все же не сообщил ее начальнику о таком важном обстоятельстве. Вскоре, однако, выяснилось, что Хантер утверждал, будто факты, сообщенные Сен-Фели, ему совершенно неизвестны. Не следовало бы в таком случае пренебречь сообщениями французского командующего? Д'Антраксто так не думал, хотя многое в них представлялось неразным.

Ученые использовали стоянку в Кейптауне, совершив много экскурсий в окрестности города; Лабийярдьер проделал путешествие в глубь страны, забравшись так далеко, как это было возможно при кратковременности стоянки фрегатов на рейде.

Шестнадцатого февраля корабли снялись с якоря, и д'Антраксто, решивший идти в Южные моря, обогнув Тасманию, взял курс между островами Сен-Поль и Амстердам. Открытые в 1696 году голландским капитаном Фламингом, они были исследованы Куком во время его последнего путешествия. Остров Сен-Поль, вблизи которого прошли «Решерш» и «Эсперанс», окутывала завеса густого дыма, а над ней выступали лишь вершины гор. На острове горели леса.

Двадцать первого апреля фрегаты вошли в бухту на побережье Тасмании, принятую ими за бухту Адвенчер, но на самом деле оказавшуюся заливом Сторм. Внутренняя его часть получила название гавани Д'Антраксто. Заготовка дров не представляла там никакого труда, а рыба разных сортов ловилась в изобилии. В числе прекрасных деревьев, росших по берегам, Лабийярдьер упоминает несколько видов эвкалипта, разнообразные полезные свойства которого еще не были изучены. Ученый принял участие

ЖОЗЕФ
АНТУАН БРЮНИ Д'АНТРАСТО

в многочисленных охотничьих экскурсиях и пополнил свою коллекцию образцами черных лебедей и кенгуру, в то время еще очень мало известных.

Шестнадцатого мая фрегаты покинули гавань и направились к проливу, который впоследствии назвали именем д'Антраксто.

«На берегу недалеко от моря мы заметили несколько костров, — сообщается в отчете. — Кретен и д'Орибо решили высадиться. Едва они вступили в лес, как увидели четырех туземцев, сидевших у трех маленьких костров и поддерживавших огонь. Несмотря на то, что моряки всячески старались выразить знаками дружелюбные намерения, дикари сразу убежали, бросив на произвол судьбы омаров и моллюсков, пекшихся на углях. Рядом находилось столько хижин, сколько было костров...

Один из дикарей, очень высокого роста и с могучими мышцами, оставил маленькую корзинку, наполненную кусочками кремня; он не побоялся вернуться за ней и с уверенным видом, происходившим от сознания собственной силы, подошел вплотную к Кретену. Некоторые туземцы ходили совершенно голые, у других свисала с плеч шкура кенгуру. Кожа у этих дикарей была темная, но не совсем черная, волосы шерстистые; они отпускали бороду».

Выйдя из пролива Д'Антраксто, корабли взяли курс на юго-западный берег Новой Каледонии, чтобы его обследовать, так как Лаперуз собирался там побывать. Первая увиденная земля оказалась одним из мысов острова Пен, расположенного к югу от Новой Каледонии. «Решерш» едва не погиб на коралловых рифах, окаймляющих берег и отделенных от него проливом в пять-шесть километров. За северной оконечностью острова Пен французские мореплаватели увидели несколько гористых островов и отдельных скал, делающих окружающие воды исключительно опасными. В честь первооткрывателей они получили впоследствии названия: рифы Д'Антраксто и острова Юон (Ион).

Связанное с огромным риском плавание у этих берегов, так хорошо защищенных природой, длилось с 16 июня до 3 июля. Оно принесло большую пользу географической науке и мореплавателям, но в то же время было одним из самых бесплодных этапов экспедиции для поисков Лаперуза. Приближалось благоприятное время года, и д'Антраксто решил воспользоваться им, чтобы достичь земли Аршакидов, исследованной раньше Сюрвилем, а несколько лет спустя посещенной Шортландом, который думал,

что открыл ее впервые, и назвал Нью-Джорджия (часть Соломоновых островов)¹.

Девятого июля «около четырех часов тридцати минут мы заметили на расстоянии пятнадцати километров к северо-западу скалу, называемую Эддистон (Симбо), — рассказывает Лабийярдьер, — издали мы, как и Шортланд, приняли ее за судно под парусами. Иллюзия усиливалась еще тем, что цвет скалы очень походил на цвет парусов; ее вершину венчало несколько кустов. Острова Аршакидов, расположенные напротив скалы, покрыты утесами, до самой вершины поросшими большими деревьями».

Уточнив местоположение скал Эддистон и островов Трежери (их пять, но они находятся так близко один от другого, что Бугенвиль принял их за один остров), д'Антраксто прошел вдоль берега острова Бугенвиля. Последний, отделенный очень узким проливом от острова Бука, был весь возделан и казался очень густо населенным. С его жителями французские моряки несколько раз вступали в обменную торговлю, но уговорить их подняться на корабль оказалось невозможным.

«Кожа у них, — рассказывает Лабийярдьер, — темная, но не совсем черная. Эти дикари среднего роста; они были голые, и их превосходно развитые мышцы свидетельствовали об исключительной физической силе. Лица ни в коем случае нельзя назвать приятными, но они чрезвычайно выразительны. У островитян довольно большая голова, лоб широкий, лицо плоское, особенно в нижней части, тупой подбородок, чуть-чуть выдающиеся скулы, приплюснутый нос, большой рот и сравнительно тонкие губы.

От бетеля, окрашивающего их большие рты в кроваво-красный цвет, лица кажутся безобразными. По-видимому, дикари прекрасно стреляют из лука. Один из островитян принес на „Эсперанс“ только что убитую им олушу;² на брюшке птицы виднелась дыра от пронзившей ее стрелы.

Особое искусство туземцы проявляют в изготовлении оружия; они делают его весьма тщательно. Мы восхищались ловкостью, с какой они смазывали смолой тетиву своего лука, которую с первого взгляда можно было принять за кишечную струну; посреди

¹ В настоящее время топонимом Нью-Джорджия объединяют несколько островов в центральной части Соломоновых островов.

² Олуши — семейство морских птиц отряда веслоногих. Длина тела до 1 м, вес — до 3,5 кг. Окраска оперения обычно белая, маховые перья — черные. Питается рыбой, которую ловит, бросаясь в воду с разлета. Гнездятся большими колониями на скалистых обрывах.

тетивы, чтобы она меньше изнашивалась при пуске стрел, прикрепляли кору ротанга»¹.

Пятнадцатого июля мореплаватели закончили ознакомление с западным берегом этих двух островов, восточную часть которых исследовал Бугенвиль.

На следующий день глазам французских моряков предстал остров, которому Картерет дал имя сэра Чарлза Харди, а вскоре затем — юго-восточная оконечность Новой Ирландии.

Корабли стали на якорь в бухте Картерет, и моряки высадились на Кокосовом острове, поросшем высокими вечнозелеными деревьями, которые достигали большой мощности, несмотря на то что слой почвы имелся только между нагромождениями обломков известняка. Раздобыть кокосовые орехи, хотя остров получил свое название из-за их изобилия, оказалось довольно трудно. Зато естествоиспытатели обнаружили там, к радости Лабийердьера, значительное количество растений и насекомых самых разнообразных видов.

В течение всей стоянки шли проливные дожди. То были сплошные потоки теплой воды.

Погрузив необходимые запасы воды и дров, «Решерш» и «Эсперанс» 24 июля 1792 года покинули бухту Картерет. При отпльгии фрегат «Эсперанс» потерял один из якорей, канат которого был перерезан коралловым рифом. Оба корабля вошли в пролив Сент-Джорджес-Чаннел (пролив Картерета), в южной части достигающий ширины в шестьдесят — семьдесят километров, то есть примерно вдвое меньше той, какую указал Картерет. Подхваченные быстрым течением, они миновали острова Ман и Сандвич, не имея возможности там остановиться.

Исследовав острова Портленд, семь плоских островков, расположенных на 2°39'44" южной широты и 147°15' восточной долготы, д'Антракasto продолжал путь к островам Адмиралтейства, которые он намеревался посетить. По сведениям, якобы исходившим от коммодора Хантера, именно на самом восточном из этих островов видели туземцев, одетых во французскую военноморскую форму. Наконец увидели острова Адмиралтейства.

¹ Ротанг — пальмы, относящиеся к роду *Calamus*. Ротанги являются типичными лазящими пальмами (лианами). Стебли их тонкие (3 — 5 см), но очень длинные — до 300 — 400 м. Сок плодов дает так называемую «драконову кровь», используемую для изготовления красок, лаков, олиф. Стебли идут на изготовление мебели, корзин и т. п.

«Появилась толпа дикарей, — говорится в отчете. — Одни бежали вдоль берега, другие, не спуская глаз с кораблей, приглашали нас знаками высадиться; их крики выражали радость... В час тридцать минут мы легли в дрейф и спустили с каждого корабля по шлюпке, нагруженной разными предметами, предназначенными для раздачи жителям этого маленького островка. В то время как шлюпки приближались к берегу, фрегаты держались на таком расстоянии, чтобы защитить их в случае нападения дикарей, ибо вероломство, проявленное по отношению к Картерету туземцами одного из южных островов Адмиралтейства, заставляло нас держаться настороже».

Берег окаймляли рифы. Шлюпки смогли подойти к нему лишь на расстояние ста метров. Туземцы теснились у самой воды и знаками предлагали французам высадиться.

«Дикарь, отличавшийся от остальных двойным рядом мелких раковин, украшавших его лоб, как видно, пользовался большой властью. Он приказал одному из жителей броситься в воду, чтобы передать нам несколько кокосовых орехов. Островитянин мгновение колебался, боясь приблизиться вплавь и без всякой защиты к людям, чьих намерений он совершенно не знал. Но вождь, очевидно не привыкший к послушанию, прервал его размышления; за приказанием сразу же последовали удары дубинкой по животу, и пришлось немедленно подчиниться... Как только туземец приплыл обратно на остров, все его окружили, сгорая от любопытства. Каждому хотелось получить свою долю подарков. От берега тотчас же поспешно отошли пироги. Много туземцев пустились вплавь, и вскоре вокруг наших шлюпок царило большое оживление. Оставалось только удивляться тому, что ни береговой прибой, ни буруны на рифах не могли удержать их на острове».

Возможно, и французам удалось бы, подобно островитянам, преодолеть все преграды. Но, по-видимому, они не догадались расспросить туземцев, не потерпели ли крушения близ их острова какие-нибудь корабли или хотя бы маленькое судно. В отчете упоминается лишь о том, что местные жители были знакомы с употреблением железа и ценили этот металл превыше всего.

Затем д'Антркасто обследовал северную часть архипелага, занимался обменом с туземцами, но нигде не высаживался и, как видно, не проявлял при поисках следов Лаперуза той самоотверженности и настойчивости, каких можно было от него ожидать.

После этого «Решерш» и «Эсперанс» побывали у островов Эрмите, открытых в 1781 году испанским фрегатом «Принсеса». Как и в других местах, посещенных раньше, жители выражали горячее желание видеть чужеземцев у себя на берегу, но не смогли убедить их высадиться. На дальнейшем пути корабли прошли в виду островов Л'Эшикье, открытых Бугенвилем, многих безымянных островков, покрытых буйной растительностью, островов Схоутена и берега Новой Гвинеи, где в глубине страны тянулась цепь гор, самые высокие из которых достигали, вероятно, не меньше полутора тысяч метров.

Двигаясь вдоль побережья Новой Гвинеи, «Решерш» и «Эсперанс» вошли в пролив Питта и направились к Молуккским островам.

Пятого сентября 1792 года французские мореплаватели с радостью бросили якорь в гавани острова Амбоины (Амбона). На кораблях было много больных цингой, и весь экипаж, офицеры и матросы, нуждались в более или менее длительной стоянке для восстановления сил. Естествоиспытатели, астрономы и другие ученые, участвовавшие в экспедиции, немедленно высадились на сушу, устроились со всеми удобствами и приступили к обычным исследованиям и наблюдениям. Особенно плодотворными были экскурсии естествоиспытателей. Лабийярдьер с восторгом рассказывает о бесчисленных растениях и животных, пополнивших его коллекции.

«Находясь на берегу, — пишет ученый, — я услышал звуки духовых инструментов; гармоничные аккорды перемешивались с диссонансами, также не лишенными приятности. Эта музыка, с хорошо выдержанным ритмом и очень мелодичная, долетала, казалось, издалека, и некоторое время я думал, что туземцы играли по ту сторону гавани, километрах в десяти от того места, где я находился. Слух сильно обманул меня, так как я стоял всего в ста метрах от музыкального инструмента. То был бамбуковый ствол вышиной не меньше двадцати метров, укрепленный в вертикальном положении на берегу моря. В каждом междуузлии имелась щель длиной около трех сантиметров и шириной в полтора; эти отверстия как бы представляли собой многочисленные мундштуки духового инструмента, издававшего, когда в них врывался ветер, приятные и разнообразные звуки. Так как узлов в длинном бамбуковом стволе было очень много, то отверстия проделывались с разных сторон для того, чтобы ветер, откуда бы он ни

дул, всегда мог попасть в некоторые из них. Звуки этого инструмента, по моему мнению, больше всего похожи на звуки гармоники».

За время длительной стоянки, затянувшейся на месяц, корабли проконопачили, тщательно проверили оснастку и приняли все меры предосторожности, необходимые при плавании в широтах с влажным и жарким климатом.

Некоторые подробности относительно рейда Амбоины, о нравах и обычаях местного населения не лишены интереса.

«Рейд Амбоины, — рассказывает Лабийрдьер, — представляет собой водный бассейн длиной приблизительно в двадцать километров и шириной в среднем около семи километров. Якорные стоянки у его берегов во многих местах хорошие, но кое-где дно усеяно коралловыми глыбами.

Форт, носящий название форта Победы, построен из кирпичей; там находятся резиденции губернатора и нескольких членов Совета. В то время форт начал уже разрушаться, и каждый пушечный выстрел приносил совершенно явный ущерб.

Гарнизон состоял примерно из двухсот человек, главным образом туземцев; кроме них было несколько солдат Голландской Ост-Индской компании, прибывших из Европы, и небольшой отряд Вюртембергского полка...

Так как многие солдаты не выдерживают местного климата, то проживших здесь несколько лет особенно ценят; поэтому Голландская компания редко выполняет данное им обещание отпустить их в Европу по окончании срока службы... Мне пришлось видеть несколько таких несчастливцев, проживших там больше двадцати лет, хотя по условиям договора они уже давно должны были получить разрешение на отъезд...

Жители Амбоины говорят на малайском языке, очень красивом и мелодичном. К природным богатствам острова относятся пряности, кофе, по качеству уступающее тому, что выращивается на острове Реюньон, и, главное, саго, культивируемое на всех болотистых участках.

Потребляемый в Амбоине рис не является местным продуктом, хотя он прекрасно родился бы на большей части низменных мест. Но Голландская компания запретила сеять рис, так как его продажа является средством изъять у туземцев те деньги, которые приходится уплачивать за поставляемую ими гвоздику. Таким путем голландцы ограничивают количество находящихся в

обороте денег и поддерживают цены на продукцию местных жителей на очень низком уровне.

Так правительство, считаясь только с собственными интересами, подавляет у туземцев всякую инициативу, вынуждая их отказаться от всех культур, кроме гвоздики и мускатных орехов.

Голландцы ограничивают и выращивание пряностей, стремясь, чтобы количество их не особенно превышало нормальный спрос. Впрочем, эта политика, губящая какую бы то ни было активность, в известной степени соответствует беспечному характеру островитян».

Двадцать третьего вандемьера 1-го года Республики (16 октября 1792 года) оба фрегата покинули Амбоину, погрузив полный запас продовольствия: кур, уток, гусей, свиней, коз, сладкого картофеля, ямса, бананов и тыква. Говядины, впрочем, удалось достать очень немного; мука была плохого качества, а к взятому для ее замены саго экипаж никак не мог привыкнуть. К длинному списку грузов, захваченных кораблями, остается добавить бамбук, засахаренную гвоздику и рисовую водку.

«Молодые побеги бамбука, мелко нарезанные и замаринованные в уксусе, — пишет Лабийрдьер, — являются прекрасной пищей во время длительного путешествия; мы взяли их с собой в большом количестве. Эти молодые побеги обычно бывают очень нежные. Нужно позаботиться лишь о том, чтобы их вовремя срезать; они продаются на рынке и вполне могут заменить овощи. В длину они часто достигают метра, а в толщину имеют одну треть сантиметра.

Молодые побеги бамбука очень любят китайцы, утверждающие, что по вкусу они сильно напоминают спаржу.

Мы захватили также запас засахаренных мускатных орехов и гвоздики. Единственной съедобной частью мускатного ореха в таком виде является зеленая кожура; к сожалению, наши кондитеры не знали этого и выбрали слишком спелые орехи. Гвоздика, достигшая уже величины средних оливок, сохраняла слишком пряный вкус, и варенье из нее трудно назвать приятным (нужно обладать особой привычкой, чтобы наслаждаться подобным лакомством). То же относится, по-моему, и к имбирию, из которого мы также сварили варенье.

Единственным спиртным напитком, добытым нами, была рисовая водка; мы купили ее несколько бочек. Некоторые путе-

шественники слишком расхваливают этот напиток, уступающий даже посредственной виноградной водке».

Покинув Амбоину, экспедиция направилась к юго-западному берегу Австралии. Один за другим были пройдены без остановок очаровательный на вид остров Саву; наконец, 16 фримера (7 декабря) корабли приблизились к юго-западной оконечности Новой Голландии, открытой в 1622 году Луином. Она представляла собой сплошной ряд песчаных дюн, среди которых возвышались отвесные, совершенно бесплодные утесы.

Плавание вдоль побережья, где не было никаких укрытий, оказалось очень опасным. Море бушевало, дул яростный ветер, идти приходилось среди бурунов. Во время сильного шквала фрегат «Эсперанс» чуть было не выбросило на берег, как вдруг офицер, по фамилии Легран, увидел с верхушки мачты якорную стойку; он утверждал, что корабли будут там в безопасности.

«Это открытие послужило к спасению обоих фрегатов, — говорится в отчете, — так как и „Решерш“, борющийся до последней возможности с бурей, в надежде, что перемена ветра позволит ему выбраться в открытое море, был вынужден всю ночь лавировать среди опасных подводных скал и, несомненно, мог погибнуть. Эта бухта, носящая имя гражданина Леграна, будет служить напоминанием об услуге, оказанной талантливым моряком нашей экспедиции».

Затем мореплаватели занялись исследованием островков, тянувшихся вдоль побережья. Гидрограф с «Решерш», по фамилии Риш, высадился на материк, чтобы произвести кое-какие наблюдения, заблудился и вернулся на корабль лишь через двое суток, изнемогая от усталости и чуть не умирая от голода.

Маленькой группой островов, о которой мы только что говорили, закончились в 1628 году исследования австралийского берега, произведенные голландским капитаном Питером Нейтсом.

«Мы удивились, — рассказывает Лабийярдьер, — точности, с какой этот мореплаватель определял широту в ту эпоху, когда наблюдательные приборы были еще очень несовершенны. То же самое относится почти ко всем определениям, сделанным в здешних местах Луином».

Пятнадцатого нивоза (5 января 1793 года) корабли находились на $31^{\circ}52'$ южной широты и $129^{\circ}10'$ восточной долготы, когда капитан Юон де Кермадек сообщил д'Антраксто, что руль «Эсперанс» вышел из строя, что он довел рацион воды для своей команды до

трех четвертей бутылки в день, был вынужден прекратить выдачу противоязвотных напитков, и у него осталось всего тридцать бочек воды. На «Решерш» дело обстояло не лучше. Поэтому д'Антракasto, пройдя тысячу шестьсот километров вдоль совершенно пустынных мест, взял наконец курс к Тасмании.

Двадцать третьего января корабли стали на якорь в бухте Рок, служащей продолжением залива Стом, куда они заходили в прошлом году.

Стоянка оказалась чрезвычайно плодотворной в смысле сбора всякого рода материалов. Лабийярдьер, изумленный разнообразием природы этого уголка Тасмании, не переставал восхищаться огромными лесами с поистине гигантскими деревьями, бесчисленными кустами и неведомыми травами, сквозь которые ему приходилось прокладывать себе путь. Во время одной экскурсии, совершенной им в окрестностях бухты, он нашел прекрасные образцы красного гематита¹, а несколько дальше — охру ярко-красного цвета, указывавшего на присутствие железа. Вскоре он встретил туземцев; сведения, сообщенные им об этом ныне совершенно исчезнувшем народе², настолько интересны, что мы считаем необходимым их привести. К тому же они послужат дополнением к описаниям капитана Кука.

«Дикарей было сорок два человека, в том числе семь взрослых мужчин и восемь женщин. Остальные, должно быть, являлись их детьми, среди которых мы заметили много девушек, уже достигших половой зрелости и одетых еще более примитивно, чем их матери... Волосы у туземцев шерстистые, мужчины отращивают бороду. У детей верхняя челюсть далеко выступает над нижней; но у взрослых она находится почти на той же линии. Кожа у них не слишком черного цвета; но быть совершенно черным считается у этих людей, несомненно, очень красивым; и, чтобы казаться темнее, чем на самом деле, они вымазывают себя — главным образом верхнюю часть тела — угольной пылью.

На коже, преимущественно на груди и на плечах, видны сим-

¹ Гематит, или красный железняк — железная руда цвета от красно-бурого до черного; железа содержит до 70%.

² Коренное население острова Тасмания — тасманийцы. До европейской колонизации на острове жили около 6 тысяч человек. По антропологическому типу они близки к австралийцам, отличаясь от них главным образом типом волос (у австралийцев — волнистые, у тасманийцев — курчавые). В первой половине XIX века тасманийцы были истреблены колонизаторами. На них охотились как на диких зверей. В 1876 году умерла последняя тасманийка.

метрично расположенные бугорки, составляющие иногда сплошные линии длиной в десять сантиметров, а иногда выступающие отдельными точками на различном расстоянии одна от другой... Обычай вырывать два верхних зуба-резца, на основании сообщений некоторых путешественников считавшийся среди тасманийцев общераспространенным, у этой популяции отсутствует, так как мы не видели ни одного человека, у которого в верхней челюсти не хватало бы резцов, и зубы у всех были очень хорошие. Здешние жители усыпаны паразитами. Мы восхищались терпением одной женщины, долго и старательно очищавшей от них своего ребенка; но мы с отвращением смотрели, как она давила зубами отвратительных насекомых и тут же их проглатывала». Ученый отмечает такие же привычки у обезьян.

«Маленьких детей очень занимало все, что хоть немного блестело; они совершенно открыто пытались оторвать металлические пуговицы нашей одежды. Не могу не упомянуть о шутке, сыгранной молодым дикарем с одним из матросов. Тот положил у подножия скалы мешок, наполненный раковинами. Туземец потихоньку перенес его в другое место и заставил матроса некоторое время разыскивать; затем он притащил мешок обратно и очень радовался своей выдумке».

Пятнадцатого февраля на рассвете корабли снялись с якоря, вошли в пролив д'Антраксто и 24 февраля бросили якорь в бухте Адвенчер. Пятидневная стоянка была посвящена различным наблюдениям, а затем д'Антраксто, покинув Тасманию, направился к Новой Зеландии и пристал к берегу у ее северной оконечности.

После встречи с туземцами, оказавшейся слишком кратковременной для того, чтобы французские мореплаватели могли что-либо добавить к многочисленным и точным сведениям, собранным капитаном Куком, д'Антраксто взял курс на острова Дружбы (Тонга), где собирался побывать Лаперуз. «Решерш» и «Эсперанс» зашли в гавань острова Тонгатабу. Множество пирог немедленно окружило корабли; буквально взятые на бордаж толпой туземцев, явившихся для продажи свиней и всякого рода плодов.

Один из сыновей Пулао, туземного вождя, знавшего Кука, доброжелательно принял мореплавателей и даже сам тщательно следил за обменным торгом между французами и туземцами. Это была нелегкая задача, так как последние, проявляя исключительную ловкость, крали все, что попадалось под руку.

Лабийрдьер рассказывает о довольно удачной проделке, жертвой которой он стал. Когда он вошел в палатку, где лежали предназначенные для обмена продукты, два туземца, принятые им за вождей, последовали за ним.

«Один из них, — рассказывает ученый, — проявил большое усердие, отбирая для меня лучшие плоды. Я положил шляпу на землю, считая, что она будет в безопасности; но два плута не упустили удобного случая. Тот, кто стоял сзади меня, изловчился спрятать мою шляпу под одежду и вышел, прежде чем я что-либо заметил; вскоре ушел и второй. Я совершенно не ожидал такой выходки, так как мне и в голову не приходило, что они осмелятся стащить столь объемистый предмет, рискуя быть задержанными внутри ограды, куда мы им разрешили войти. К тому же шляпа не представляла особой ценности для людей, которые обычно ходят с непокрытой головой. Ловкость, проявленная ими при этой краже, убедила меня, что они не впервые занимались таким делом».

Французы завязали сношения с вождем по имени Фино. Это несомненно тот самый, о ком под именем Финау упоминалось в отчете о путешествии капитана Кука и кто называл английского мореплавателя Туте. Но то был лишь второстепенный вождь. Верховного вождя островов Тонгатабу, Вавау и Намука звали Тубо. Он посетил корабли и принес ружье, несколькими днями раньше украденное у одного из часовых. Он подарил д'Антркасто два куска ткани из коры какой-то разновидности тутового дерева;¹ куски были такой величины, что каждый из них в развернутом виде мог бы покрыть весь корабль. Кроме того, принесли циновки и свиней. Взамен Тубо получил превосходный топор и красную генеральскую форму, которую он тут же надел на себя.

Два дня спустя на корабль привезли невероятно тучную женщину в возрасте не меньше пятидесяти лет; туземцы вели себя по отношению к ней чрезвычайно почтительно. То была королева Тине. Она отведала все предложенные ей кушанья, но больше всего ей понравились засахаренные бананы. Дворецкий стоял позади нее, выжидая окончания трапезы, чтобы убрать посуду; но королева избавила его от труда, присвоив себе и тарелку и салфетку.

¹ Имеется в виду древесное растение *Morus papuifera* (бумажная шелковица) — небольшое дерево из семейства тутовых. Из коры теперь выделывают прочную, так называемую японскую, бумагу прекрасного качества.

Король Тубо пожелал устроить праздник в честь д'Антраксто. На суше адмирала встретили два вождя, Фино и Омалаи, и провели его на очень обширную площадку. Тубо явился с двумя дочерьми; они обильно полили свои волосы кокосовым маслом; на каждой было ожерелье, сделанное из красивых семян *Abgus precatorius*.

«Островитяне, — рассказывается в отчете, — стекались со всех сторон большими толпами; мы подсчитали, что их собралось не меньше четырех тысяч.

Почетное место находилось, несомненно, слева от короля, так как он предложил его адмиралу. Д'Антраксто немедленно распорядился принести подарки, предназначенные для Тубо, выразившего большую благодарность. Из всех приношений в особый восторг привел многочисленных зрителей кусок малинового штофа, яркая расцветка которого вызвала долго не смолкавшие крики изумления: „Эо! Эо!“ Такие же крики раздались, когда мы развернули несколько кусков лент преимущественно красного цвета. Затем адмирал вручил козу, козла и двух кроликов (самца и самку). Король пообещал тщательно заботиться о них и дать им возможность расплодиться на острове.

Омалаи, по словам Тубо являвшийся его сыном, и некоторые другие вожди также получили от адмирала подарки.

Справа от нас, в сторону северо-востока, в тени хлебного дерева, отягощенного огромным количеством плодов, сидели тринадцать певцов и музыкантов. Они пели хором на разные голоса. Четверо из них держали в руке бамбук длиной от одного до полутора метров; ударяя им о землю, они отбивали ритм; самый длинный из бамбуков иногда служил для того, чтобы подчеркивать каждый такт. Эти инструменты издавали звуки, довольно сильно напоминавшие звуки тамбурина; два бамбука средней величины звучали в унисон, более длинный — на полтора тона ниже, а более короткий — на два с половиной тона выше. Голос туземца, певшего альтом, хотя и несколько хриплый, покрывал все остальные голоса; певец одновременно аккомпанировал себе, ударяя двумя палками из казуаринового дерева по шестиметровому бамбуковому стволу, расщепленному во всю длину.

Три певца, сидевшие впереди остальных, старались выразить содержание песни жестами, по-видимому хорошо ими заученными, так как все трое делали одни и те же движения. Время от времени они поворачивали голову в сторону короля, не без изы-

щества взмахивая при этом руками; иногда они быстро наклоняли голову к самой груди и несколько раз ею трясли.

Тут Тубо преподнес адмиралу куски ткани, изготовленной из коры тутового дерева, и приказал их развернуть, с гордым видом давая нам понять всю ценность его подарка.

Министр, сидевший справа от короля, распорядился приготовить „кава“, и вскоре появилась деревянная овальная чаша длиной в метр, полная излюбленного напитка.

Музыканты, очевидно, приберегли для этого момента самые лучшие номера, ибо каждый раз, когда они останавливались передохнуть, со всех сторон раздавались крики: „Мали! Мали!“, и по бесконечным аплодисментам островитян мы поняли, что исполняемые песни производят на них очень сильное и приятное впечатление.

Затем министр, приказавший приготовить „кава“, роздал напиток вождям...»

Как видим, описанный концерт не мог идти ни в какое сравнение с великолепными празднествами, которые устраивались в честь Кука.

Через несколько дней королева Тине дала большой бал; ему предшествовал концерт, привлекший большое количество туземцев. Среди них затесалось много воров, дошедших в своей наглости до того, что они силой завладели кортиком. Кузнец с «Решерш» бросился в погоню за ними, но, увидев, что он один, грабители повернули назад, напали на него и ударом дубинки проломили ему голову. К счастью, на «Эсперанс» заметили драку и пушечным выстрелом рассеяли нападавших. Во время этого инцидента несколько островитян были убиты офицерами или матросами, в точности не знавшими, что произошло, и принимавшими всех встречных туземцев за врагов.

Однако добрые отношения вскоре восстановились и к моменту отплытия стали такими сердечными, что несколько островитян попросили взять их на корабль и отвезти во Францию.

«Полученные нами от очень толковых туземцев сведения о кораблях, пристававших у этого архипелага, — говорится в отчете, — убедили нас, что Лаперуз не заходил ни на один из здешних островов... Они очень хорошо помнили посещения капитана Кука и, чтобы дать нам представление о промежутках между ними, вели счет по сборам ямса, происходящим, как они нам пояснили, два раза в год».

Ответы на расспросы о Лаперузе полностью противоречили сведениям, полученным, правда, тридцать пять лет спустя Дюмон-Дюрвилем от тогдашней королевы Тамахи.

«Я хотел знать, — рассказывает Дюрвиль, — заходили ли какие-нибудь европейские суда на архипелаг Тонга в промежутке между посещениями Кука и д'Антраксто. Задумавшись на мгновение, королева совершенно уверенно заявила, что за несколько лет до прихода д'Антраксто два больших корабля, похожих на его корабли, с пушками и множеством европейцев бросили якорь у острова Намука, где оставались десять дней. Флаг у них был совершенно белый, не похожий на английский. Чужестранцы относились к туземцам очень хорошо; им предоставили на острове дом, где производилась торговля. Туземец, продавший одному из офицеров в обмен на нож деревянную подставку, был убит выстрелом из ружья, так как хотел забрать свой товар обратно после того, как получил за него плату. Впрочем, этот печальный случай не нарушил мирных отношений, так как туземец понес заслуженное наказание».

Добросовестность Дюмон-Дюрвиля находится вне всяких подозрений, и нельзя не признать, что его обстоятельный рассказ звучит вполне правдоподобно. Особенно убедительно упоминание об ином, чем у англичан, цвете флага. Должны ли мы из этого сделать вывод о недостаточной серьезности, проявленной д'Антраксто при поисках Лаперуза? Обвинение было бы тяжелым. И все же необходимо упомянуть о двух обстоятельствах, подтверждающих основательность такого упрека.

Двадцать первого жерминаля (11 апреля) туземцы с большим сожалением проводили французские корабли. Шесть дней спустя фрегат «Эсперанс» поднял сигнал, что виден Эрронан, самый восточный из островов Эспириту-Санту (Новые Гебриды), открытых Кирсом в 1606 году. Затем корабли миновали один за другим Анейтьюм, Танна, где все еще происходило извержение вулкана, и острова Ботан-Бопре. Подхваченные вскоре течением, фрегаты оказались в виду гористого берега Новой Каледонии и бросили якорь в бухте Баладе, где в 1774 году останавливался капитан Кук.

Новокаледонцы были знакомы с железом, но не ценили его так высоко, как другие племена, — несомненно, по той причине, что в их стране имелись очень твердые горные породы, и отсутствие железа они ощущали не так сильно. Поднявшись на ко-

рабль, они первым делом попросили есть; ошибиться в значении их слов было невозможно, так как они показывали на свои сильно запавшие животы. Здешние жители строили пироги не так искусно, как туземцы островов Тонга, и довольно плохо управляли ими, что отметил уже капитан Кук. Волосы у новокаледонцев были шерстистые, кожа — почти такая же темная, как у тасманийцев. Вооружение у большинства состояло из палиц; кроме того, у пояса висел мешочек с овальными камнями, которые они метали из пращей.

Совершив прогулку по острову и побывав в хижинах, напоминавших по форме улы, офицеры и естествоиспытатели собирались вернуться на корабли.

«Подойдя к месту высадки, — рассказывает в отчете, — мы застали там свыше семисот туземцев, сбежавшихся со всех сторон. За свои товары они просили у нас ткани и железо; вскоре мы убедились, что некоторые из островитян были весьма наглыми ворами.

Из числа разнообразных проделок я упомяну о той, какую сыграли со мной два плута. Один из них предложил мне купить мешочек с овальными камнями, который он носил у пояса. Он тотчас же отвязал его и сделал вид, словно одной рукой передает его мне, а другую протянул, чтобы получить условленную плату. В то же мгновение второй дикарь, стоявший сзади, испустил громкий крик, заставивший меня обернуться в его сторону, а плут немедленно убежал со своим мешочком и полученными в уплату за него предметами, пытаясь скрыться в толпе. Мы не захотели его наказывать, хотя у многих из нас были при себе ружья. Приходилось, однако, опасаться, как бы такую мягкость туземцы не сочли за проявление слабости и не стали бы еще нахальнее. Случившееся вскоре событие, казалось, подтвердило наши опасения.

Некоторые туземцы так обнаглели, что принялись бросать камнями в офицера, находившегося от нас не больше чем в двухстах шагах. Нам все же не хотелось принимать строгие меры, так как рассказы Форстера настроили нас по отношению к новокаледонцам очень благожелательно, и понадобилось еще несколько фактов для того, чтобы мы изменили свое мнение о мягкости их характера. Вскоре, однако, мы получили неопровержимые доказательства их жестокости.

Один из них, держа в руках недавно зажаренную кость и по-

жирая еще сохранившиеся на ней остатки мяса, подошел к гражданину Пируну и предложил ему разделить с ним трапезу; тот, думая, что дикарь угощает его мясом какого-то четвероногого, взял кость, покрытую лишь сухожилиями; когда он показал ее мне, я признал в ней тазобедренную кость ребенка четырнадцати — пятнадцати лет. Окружавшие нас туземцы продемонстрировали на стоявшем среди них мальчике место, где находится такая кость; они без всякого смущения признались, что мясо с кости съедено несколькими островитянами, и дали нам понять, что это для них очень лакомое блюдо...

Большинство участников экспедиции, оставшихся на кораблях, отказывалось верить нашему рассказу о варварских наклонностях новокаледонцев, не представляя себе, чтобы люди, описанные капитаном Куком и Форстером в таком благоприятном свете, предавались столь ужасному пороку. Но даже самых недоверчивых удалось без труда убедить. Я принес уже обглоданную кость, которую наш старший хирург признал частью детского скелета, и дал ее двум туземцам, оказавшимся на борту; немедленно один из этих людоедов с жадностью схватил кость и впился зубами в еще сохранившиеся сухожилия и хрящи; потом я передал кость его товарищу, который тоже нашел, что поглотить на ней».

Явившиеся на корабли туземцы украли много вещей и вели себя очень нахально; пришлось их прогнать. На следующий день, съехав на берег, французы застали дикарей за едой. Те немедленно предложили морякам только что зажаренное мясо, оказавшееся человеческим.

Несколько островитян даже подошли к французам и «принялись ощупывать у них самые мускулистые части ног и рук; при этом они с восхищением и даже алчностью произносили слово „карапек”. Их поведение не могло не внушить нам некоторой тревоги».

Кое-кто из офицеров подвергся нападением, и их самым наглым образом обокрали. Относительно намерений туземцев не оставалось никаких сомнений; вскоре они даже попытались отнять топоры у нескольких матросов, высадившихся на берег для заготовки дров; и, чтобы их прогнать, пришлось пустить в ход ружья.

Стычки повторялись неоднократно и всегда заканчивались бегством туземцев; среди них имелось уже много убитых и раненых. Безуспешность попыток не останавливала островитян, и они

возобновляли нападения всякий раз, как им представлялся, по их мнению, благоприятный случай.

Лабийрдьер рассказывает о факте, не раз наблюдавшемся впоследствии, но долгое время считавшемся невероятным. Он увидел, как туземцы ели тальк, который «заглушал чувство голода, наполняя желудок... Хотя это вещество не содержит в себе ничего питательного, оно все же приносит большую пользу новокаледонцам; по всей вероятности, им часто приходится подолгу оставаться без пищи, так как они уделяют очень мало внимания обработке земли, к тому же крайне бесплодной... Трудно поверить, чтобы людоеды были вынуждены прибегать к подобному средству, когда их донимает голод».

Во время стоянки в Новой Каледонии мореплаватели не собрали никаких сведений о Лаперузе. Между тем предание, слышанное Жюлем Гарнье, утверждает, что через некоторое время после посещения Кука два больших корабля подошли к северной оконечности острова Пен и шлюпки с какими-то моряками пристали к берегу.

«Когда прошел первый страх, — пишет Жюль Гарнье в статье, напечатанной в „Бюллетене Географического общества“ за ноябрь 1869 года, — местные жители приблизились к чужестранцам и побратались с ними. Сначала они пришли в изумление от увиденных богатств; затем жадность толкнула их на то, чтобы попытаться силой воспрепятствовать отпльгтию наших моряков. Но те, открыв ружейный огонь и уложив несколько туземцев на месте, охладили их пыл. После столь враждебного приема оба корабля ушли в сторону большого острова, предварительно дав выстрел из пушки, принятый жителями за раскат грома».

Очень странно, что д'Антраксто, вступавший в сношения с жителями острова Пен, ничего не слышал об этих событиях. Остров не слишком обширный, население его никогда не было многочисленным. Очевидно, туземцы считали необходимым хранить в тайне свою встречу с Лаперузом.

Если бы во время плавания вдоль кораллового барьера, защищающего от набегов океана западный берег Новой Каледонии, д'Антраксто сумел найти один из имеющихся в нем многочисленных проходов, то он еще там обнаружил бы следы пребывания Лаперуза, мореплавателя добросовестного и смелого, соперника Кука, несомненно высаживавшегося в нескольких пунктах этого побережья. Какой-то китобой, об отчете которого упоминает Ри-

енци, утверждал, будто он видел в руках новокаледонцев медали и крест Святого Людовика, принадлежавшие участникам французской экспедиции.

Жюль Гарнье во время путешествия из Нумей в Каналу видел в марте 1865 года у одного из сопровождавших его туземцев «старую ржавую шпагу, узкую, как шпаги XVIII века, с изображением лилий на эфесе». От ее владельца удалось лишь узнать, что она у него очень давно.

Трудно предположить, чтобы кто-нибудь из участников экспедиции подарил дикарям шпагу и тем более крест Святого Людовика. Несомненно, какой-то офицер был убит на берегу, и эти предметы попали в руки туземцев.

В пользу такой гипотезы говорит и то, что она согласуется с приводимым Гарнье объяснением резких противоречий между описаниями характера новокаледонцев, сделанными Куком и д'Антраксто. По мнению первого, туземцы обладают всеми достоинствами: они добры, прямодушны, кротки; второй находит лишь недостатки: воры, предатели, людоеды.

Какие-то необычайные события, как полагает Гарнье, должны были вызвать перемену в поведении туземцев за промежуток, протекший между этими двумя посещениями. Не произошло ли какой-нибудь стычки? Не пришлось ли европейцам прибегнуть к оружию? Не уничтожили ли они плантаций, не сожгли ли хижины? Не следует ли приписать враждебный прием, оказанный д'Антраксто, какому-либо событию в этом роде?

Лабийярдьер, описывая экскурсию, совершенную им в горы, служащие водоразделом в северной части Новой Каледонии, с вершины которых с обеих сторон видно море, говорит:

«Теперь нас сопровождали только три туземца, без сомнения видевшие нас год тому назад, когда мы шли вдоль западного берега острова, так как, расставаясь с нами, они рассказали о двух кораблях, замеченных ими в той стороне».

Лабийярдьер совершил ошибку, не расспросив островитян более подробно. Были это в самом деле корабли д'Антраксто, а не Лаперуза? Произошло ли это действительно «год тому назад»?

Из сообщенных нами подробностей легко понять, насколько прискорбно то обстоятельство, что д'Антраксто не проявил в своих поисках больше рвения. Несомненно, он напал бы на следы соотечественников. Как станет вскоре ясным, при некоторой удаче он смог бы, по крайней мере, часть из них застать еще в живых.

Во время стоянки в бухте Баладе капитан Юон де Кермадек, уже несколько месяцев страдавший изнурительной лихорадкой, умер. Командиром «Эсперанс» вместо него был назначен д'Эсмиви-д'Орибо.

Покинув 21 флореаля (11 мая) Новую Каледонию, д'Антраксто прошел в виду островов Мулен, Юон и Санта-Крус Менданы, отделенных от острова Нью-Джерси (Утупуа) проливом, в котором подверглись нападению корабли Лаперуза.

На юго-востоке показался остров, названный д'Антраксто островом Решерш (Поиск); если бы ему пришло в голову там пристать, он смог бы назвать его островом Декуверт (Открытие). То был Ваникоро, тот самый островок, окруженный коралловыми рифами, где разбились корабли Лаперуза; там, по всей вероятности, в это время еще жила часть несчастных мореплавателей. Роковое невезение! Быть так близко к цели и пройти мимо! Но тайне, покрывавшей участь спутников Лаперуза, предстояло быть раскрытой лишь много времени спустя.

После тщательного исследования южной оконечности островов Санта-Крус, ничего не давшего для облегчения дальнейших поисков, д'Антраксто направился к земле Аршакидов Сюрвиля и обследовал ее южную оконечность; затем он достиг берегов архипелага Луизиада, который Лаперуз, судя по его донесению, собирался посетить после Соломоновых островов, и 7 прериала (27 мая) увидел мыс Деливранс. Этот мыс не является частью Новой Гвинеи, как полагал Бугенвиль; он представляет оконечность острова, названного островом Россель — по фамилии офицера, опубликовавшего впоследствии основные труды экспедиции.

Пройдя вдоль длинной цепи низких островов, скал и отмелей, названных в честь высших офицеров, оба фрегата достигли берегов Новой Гвинеи, а затем направились к проливу Дампир. После этого они двигались вдоль северного берега Новой Британии и обнаружили к северу от нее несколько очень гористых островков, бывших ранее неизвестными. 17 июля корабли очутились в виду маленького острова по соседству с островом Отшельников.

Д'Антраксто, давно страдавший дизентерией и цингой, находился при смерти. По настояниям офицеров он решил расстаться с «Эсперанс», чтобы поскорее добраться до острова Вайгео.

На следующий день, 20 июля 1793 года, он скончался после продолжительных и тяжелых мучений.

Пробыв некоторое время на Вайгео и на Буру, где резидент проявил к французам большое внимание и где некоторые жители еще помнили о Бугенвиле, экспедиция, сначала под начальством д'Орибо, вскоре заболевшего, а затем Росселя, прошла пролив Бутунг, пролив Салаяр и 19 октября достигла гавани Сурабая (остров Ява).

Там мореплавателей ждали важные известия. Людовик XVI был казнен. Франция находилась в состоянии войны с Голландией и со всеми европейскими державами. Хотя «Решерш» и «Эсперанс» нуждались в большом ремонте, а состояние здоровья команды требовало длительного отдыха, д'Орибо решил направиться на Иль-де-Франс, но голландский губернатор задержал корабли. Разногласия, обнаружившиеся вскоре между участниками экспедиции, придерживавшимися самых различных политических убеждений, заставили губернатора опасаться, как бы волнения не охватили его колонию, и он поставил своим «пленным» очень унижительные условия, на которые пришлось, однако, согласиться. Раздоры и взаимная ненависть вспыхнули с еще большей силой, когда д'Орибо вздумал поднять на кораблях бельгий флаг. Но большая часть офицеров и ученых, в том числе Лабийярдьер, стали решительно протестовать; голландские власти их арестовали и разослали по различным портам колонии.

После смерти д'Орибо, последовавшей 21 августа 1794 года, начальником экспедиции стал Россель. Он считал своим долгом доставить во Францию различного рода материалы, собранные во время плавания, но был захвачен в плен английским фрегатом, командир которого, в нарушение общепринятых норм, забрал все имущество экспедиции. Когда Франции вернули естественноисторические коллекции, они находились в таком плачевном состоянии, что не могли принести той пользы, какой от них ожидали.

Так окончилось это неудачное путешествие. Хотя главная задача не была выполнена, все же экспедиции удалось совершить ряд географических открытий и дополнить или уточнить открытия других мореплавателей; кроме того, она собрала множество разнообразных сведений из области естественных наук, большей частью которых мы обязаны самоотверженным трудам Лабийярдьера.

III

Плавание капитана Маршана. – Маркизские острова. – Открытие острова Нукуива. – Нравы и обычаи жителей. – Острова Революции. – Побережье Америки и порт Чинкитане. – Бухта Коксинлет. – Стоянка на Гавайских островах. – Макао (Аомынь). – Разочарование. – Возвращение во Францию. – Открытия Басса и Флиндерса у берегов Австралии. – Экспедиция капитана Бодена. – Земля Эндрахт и Земля Витта. – Стоянка на Тиморе. – Исследование Тасмании. – «Географ» и «Натуралист» разлучаются. – Пребывание в Порт-Джексопе. – Ссылные. – Развитие животноводства в Новом Южном Уэльсе. – Возвращение «Натуралиста» во Францию. – Плавание «Географа» и «Казуарины» у берегов Земли Нейтс, Эделс, Эндрахт и Витт. – Вторая стоянка на Тиморе. – Возвращение во Францию.

Капитан французского торгового флота Этьен Маршан, возвращаясь в 1788 году из Бенгалии, встретился в гавани на острове Святой Елены с английским капитаном Портлоком. Разговор, естественно, зашел о торговле, о предметах для обмена, о товарах, на продаже которых можно получить больше всего прибыли. Маршан, человек осторожный, предоставлял говорить собеседнику, а сам отвечал односложно. Он выгнул из Портлока интересные сведения о том, что меха, в особенности морских бобров, на западном побережье Северной Америки очень дешевы, а в Китае за них можно получить баснословную цену; вместе с тем в Небесной империи легко можно найти товары для доставки в Европу.

По прибытии во Францию Маршан поделился полученными сведениями со своими хозяевами, судовладельцами – братьями Бо из Марселя, и те сразу же решили воспользоваться случаем. Для плавания в Тихом океане необходимо было исключительно прочное судно, обладающее особыми качествами. Итак, братья Бо занялись постройкой судна водоизмещением в триста тонн, с корпусом на болтах и двойной медной обшивкой; они снабдили его всем необходимым для защиты от нападения и для ремонта на случай какой-нибудь аварии, а также для того, чтобы облегчить торговые операции и сохранить здоровье команды во время плавания, которое должно было продолжаться три или четыре года.

Командиру «Солида» («Сильного»), Маршану, дали в помощь двух капитанов, Массы и Проспера Шанала, трех лейтенантов, двух врачей и еще трех человек, выразивших желание принять участие в экспедиции. Вместе с тридцатью девятью матросами экипаж состоял, таким образом, из пятидесяти человек.

Корабль был вооружен четырьмя пушками, двумя гаубицами

и четырьмя фальконетами с необходимым запасом пороха и снарядов.

Четырнадцатого декабря 1790 года «Солид» вышел из Марселя. После кратковременной остановки в Прае на островах Зеленого Мыса Маршан взял курс на остров Эстадос, который увидел 1 апреля 1791 года, затем обогнул Огненную Землю и вступил в Тихий океан. Капитан намеревался достичь северо-западного берега Америки без захода в какой-нибудь промежуточный порт; но с начала мая питьевая вода в бочках стала портиться и пришлось позаботиться о возобновлении ее запаса.

Капитан Маршан направился к Маркизским островам, находящимся на 10-й южной параллели и у 141-го меридиана к западу от Парижа. «Местоположение этих островов, — пишет Флёрё, опубликовавший очень интересное описание путешествия Маршана, — представляло тем большую выгоду, что, во избежание штилей, в полосу которых мореплаватели часто попадают, отклоняясь слишком далеко к востоку, Маршан предполагал двигаться вдоль 142° западной долготы».

Открытые в 1595 году испанцем Менданьей де Нейрой, Маркизские острова посетил в 1774 году Джеймс Кук.

Двенадцатого июня увидели остров Фату-Хива, самый южный в архипелаге. Маршан и капитан Шаналь рассчитали курс настолько точно, что «Солид» пристал к Маркизским островам «после семидесятитрехдневного перехода от мыса Сан-Хуан на острове Эстадос, перехода, во время которого моряки ни разу не видели никакой земли; постоянно прибегая к астрономическим наблюдениям, капитаны обеспечили безопасность плавания среди океана, где из-за сильных течений, идущих в различных направлениях, все расчеты и обычные методы кораблевождения оказываются недостаточными».

Маршан взял курс на остров Монтана, вскоре оставшийся к западу. Затем он увидел острова Хива-Оа, Тахуата и Фату-Хуку, самый северный, и бросил якорь в бухте Мадре-де-Дьос. Там туземцы устроили французам восторженную встречу, без конца повторяя: «Тайо! Тайо!»

Убедившись в невозможности приобрести такое количество свиней, какое было необходимо, капитан Маршан решил побывать в нескольких бухтах острова Тахуата, оказавшихся более густонаселенными, более плодородными и живописными, чем Мадре-де-Дьос.

Кук оставался на Маркизских островах очень недолго и не смог собрать точных и подробных сведений о стране и ее жителях. Поэтому мы приведем некоторые данные из отчета Этьена Маршана.

«Туземцы высокого роста, сильные и чрезвычайно ловкие; кожа у них светло-коричневая, но многие цветом лица и тела почти не отличаются от смуглых европейцев. Единственной одеждой им служит татуировка; впрочем, климат там таков, что никакой одежды и не требуется. Узоры татуировки размещены с исключительной правильностью; рисунки на руках или на ногах в точности соответствуют один другому, и эта пестрота вследствие своей симметричности производит неплохое впечатление. Прически отличаются разнообразием, и мода полноправно царит на Маркизских островах, как и в любой другой стране. Одни носят ожерелья из красных зерен, другие – какие-то украшения, сделанные из кусочков легкого дерева. Хотя у всех, и у мужчин и у женщин, уши проколоты, обыкновения носить серьги не существует». Впрочем, французы «видели молодую девушку, гордо выступавшую с висевшей на груди ржавой жестяной чашечкой для бритвы, украденной у цирюльника с „Солида”, и мужчину, нахально разгуливавшего с воткнутым в ухо и свисавшим сбоку штыком от ружья капитана Маршана».

По утверждениям Кука, жители Маркизских островов знакомы с таитянским напитком «кава». Французские моряки убедились, что этим словом, означающим растение из семейства перечников, они называли водку, которой их угощали на «Солиде». По видимому, островитяне не злоупотребляют этим напитком, так как ни одного из них никогда не видели в состоянии опьянения.

Англичане ничего не рассказывают о традиционном акте вежливости, практикуемом жителями Мадре-де-Дьос; капитан Шаналь счел необходимым особо его отметить. У них принято при угощении друга предварительно разжевать кусок, чтобы тому осталось лишь проглотить. Как ни ценили французы подобный знак исключительной благосклонности и дружелюбия островитян, все же, само собой понятно, у них хватало скромности, чтобы не злоупотреблять до такой степени любезностью хозяев.

Маршаном сделано другое интересное наблюдение: хижины туземцев, установленные на каменных помостах, и ходули, которыми пользуются при ходьбе, указывают на то, что на острове Санта-Кристина бывают наводнения. Одну такую ходулю, прекрасной работы и украшенную резьбой, можно видеть в музее

Трокадеро;¹ этнограф Ами, знаток всего, что имеет отношение к Океании, написал очень интересную работу об этом любопытном приспособлении.

«Основное занятие жителей острова Санта-Кристина, не считая рыбной ловли и изготовления от случая к случаю оружия, пирог и предметов домашнего обихода, состоит в пении, танцах и других развлечениях. Ходячее выражение „убивать время” кажется как бы созданным для того, чтобы дать представление о бессмысленности существования, какое они ведут».

В первые дни стоянки в бухте Мадре-де-Дьос Маршан обратил внимание на явление, послужившее причиной открытия им группы островов, о существовании которых не знали ни древние мореплаватели, ни даже Кук. На закате в очень ясную погоду французский капитан заметил на горизонте неподвижное пятно, по виду напоминавшее высокий пик; это повторялось несколько дней. Несомненно, там находилась какая-то земля, и так как на картах в этом направлении ничего не было указано, то дело могло идти лишь о каком-нибудь неведомом острове.

Оставив 20 июня Санта-Кристину, Маршан решил проверить свое предположение. И в самом деле, на северо-западе на 7° южной широты ему удалось открыть группу островов, из которых самый большой получил название в его честь. Туземцы принадлежали, вероятно, к тому же племени, какое населяло Маркизские острова. Вскоре было открыто еще несколько островов — остров Бо (по имени владельцев корабля), он же Нукухива, Де-Фрер (остров Двух Братьев), Масс (Эиао) и Шаналь (Хатуту), по имени двух помощников Маршана, а весь архипелаг, причисляемый географами к Маркизским островам, получил название островов Революции (во Франции в это время происходили революционные события*).

Покинув эти воды, «Солид» взял курс к американскому берегу. Однако, чтобы добраться до расположенных у 60-й параллели залива Вильямс и реки Кука², было уже слишком поздно. Тогда Маршан решил направиться к мысу Эджкем (архипелаг Александра) и заняться торговлей в бухте Норфолк, названной так

¹ Музей Трокадеро — этнографический музей в Париже.

² Д. Кук ошибочно принял за большую реку (после его гибели названную рекой Кука) Кенайскую губу, открытую русскими еще до Кука. Это ошибочное мнение Кука было опровергнуто Д. Ванкувером. На современных картах эта губа называется заливом Кука.

Диксоном и являющейся не чем иным, как бухтой Гуадалупе испанских мореплавателей.

Седьмого августа показали земля и мыс Эджкем, и после пяти дней штиля корабль бросил якорь в бухте Гуадалупе. До тех пор ни один человек из команды не болел цингой. После двухсот сорока двух дней плавания, из которых только десять приходилось на стоянки в Прае и в Мадре-де-Дьос, после пяти тысяч восьмисот лье пройденного пути такое состояние здоровья экипажа следовало считать великолепным; этим он был обязан и судовладельцам, ничего не упустившим при снаряжении экспедиции, и капитанам, сумевшим заставить выполнять все меры, диктовавшиеся им опытом.

Во время пребывания в бухте Гуадалупе, носившей местное название Чинкитане, капитан Маршан купил большое количество шкурок морского бобра, в том числе сотню первосортных.

Индейцы, маленького роста, щуплые, хотя и довольно хорошо сложенные, с круглым и плоским лицом, произвели на капитана Маршана и его спутников неприятное впечатление. Глубоко сидящие гноящиеся маленькие глаза и выступающие скулы не прибавляли им красоты. Что касается цвета их кожи, то его трудно было определить под покрывающим ее толстым слоем жира и смеси каких-то красных и черных веществ. Густые, жесткие, лохматые волосы, покрытые землей, птичьим пухом и прочим сором, скопившимися от времени и нечистоплотности, делали туземцев еще более непривлекательными.

Женщины не такие темные, как мужчины, показались французам гораздо безобразнее. Толстые и приземистые, с вывернутыми внутрь ступнями ног, неизменно грязные, они имели отталкивающий вид. Врожденное женское кокетство побуждало их усиливать свое природное очарование весьма странным и неудобным украшением, прикрепляемым к губе, о котором мы уже упоминали в связи с пребыванием в этих же местах Кука.

«Под нижней губой на расстоянии примерно полудюйма с помощью разреза устраивают продольную щель, идущую параллельно рту; обычно в нее засовывают железную или деревянную пластинку и постепенно с возрастом время от времени увеличивают размер этого инородного тела. В конце концов в щель удается вставить кусок обработанного дерева, по форме и величине очень сильно напоминающий вогнутую часть столовой ложки. Назначение такого украшения состоит в том, чтобы оно оття-

нуло своей тяжестью нижнюю губу к подбородку, создало чарующее впечатление большого разверстого рта, принимающего форму устья хлебной печи, и обнажило ряд желтых, грязных зубов. Подобная ложка по желанию может быть вынута и снова вставлена, и когда она удалена, продольная щель в губе имеет вид второго рта, по ширине не уступающего настоящему и достигающего у некоторых женщин трех дюймов в длину».

Двадцать первого августа «Солид» покинул бухту Чинкитане и взял курс на юго-восток, чтобы исследовать острова Королевы Шарлотты, виденные в 1786 году Лаперузом. Они тянутся в длину почти на семьдесят лье. 23-го Этьен Маршан увидел залив Клок-Бей Диксона, очень тщательно исследованный капитаном Шаналем.

На следующий день шлюпки вошли в бухту Коксинлет и приобрели у индейцев некоторое количество пушнины. Мореплаватели очень удивились при виде двух огромных картин старинного письма и гигантских статуй; эти произведения искусства имели лишь очень отдаленное сходство с шедеврами Древней Греции, но тем не менее говорили о художественном вкусе, которого трудно было ожидать от такого неразвитого народа.

Низкие берега, образующие бухту Коксинлет и пролив Кокс, поросли елями. Слой почвы, состоящий из остатков растений и разрушенных горных пород, судя по всему, неглубок, и растительность там такая же, как в Чинкитане.

Число жителей составляет, вероятно, человек четыреста. Ростом они мало отличаются от европейцев. Они более привлекательны, чем туземцы в бухте Чинкитане.

Стоянка в Клок-Бей не дала такого количества мехов, на какое Маршан рассчитывал, и он отправил баркас под начальством капитана Шаналя, который обошел расположенные к югу острова. Цель этого плаванья состояла в съемке большей части островов, ранее никем не посещавшихся. Только корабль англичанина Джорджа Диксона проходил в этих местах, но ни один человек из его экипажа не высаживался на берег. Не приходится удивляться, что многие утверждения Диксона оказались опровергнутыми или уточненными в результате более подробного исследования.

Пройдя мимо бухты Нутка (остров Ванкувер), «Солид» направился к заливу Беркли; но в тот момент, когда он собирался войти в него, показалась трехмачтовая шхуна. Судя по ее курсу, она, очевидно, посетила побережье к югу, что намеревался сделать капитан Маршан. Такое открытие заставило французского море-

плователя поспешить к берегам Китая, чтобы распродать там свой груз, прежде чем замеченное им судно успеет добраться туда и составить ему конкуренцию.

Наилучший путь лежал через Гавайские острова. 5 октября французы увидели вершины гор Мауна-Лоа и Мауна-Кеа, совершенно свободные от снега, — что полностью противоречит утверждению капитана Кинга.

Когда показался остров Гавайи, Маршан благоразумно решил произвести все закупки, держась под парусами. Там он раздобыл свиней, домашнюю птицу, кокосовые орехи, бананы и другие плоды, среди которых, к величайшей радости моряков, оказались тыквы и арбузы, выросшие, несомненно, из семян, посеянных капитаном Куком.

На приобретение свежей провизии ушло четыре дня; затем Маршан продолжал путь к Китаю, пройдя в виду Тиниана, одного из Марианских островов.

Читатель помнит, какую очаровательную картину Тиниана нарисовал коммодор Ансон. Байрон, как мы упоминали, очень удивился, найдя его совершенно иным. Лет за пятьдесят до того Тиниан процветал, и на нем насчитывалось тридцать тысяч жителей. Но эпидемия болезни, занесенной испанскими завоевателями, уничтожила население, жалкие остатки которого вскоре были оторваны от родины и переселены на Гуам.

Маршан не пристал к Тиниану, где, по словам путешественников, побывавших там после Байрона, все вернулось к дикому состоянию, и взял курс на южную оконечность Формозы (Тайвань).

Прибыв 28 ноября в Макао (Аомынь), Маршан узнал неприятные новости. Китайское правительство только что запретило под страхом самых тяжелых наказаний всякий ввоз мехов в порты южной части империи. Может быть, это явилось следствием какой-то неизвестной статьи одного из секретных договоров с Россией? Может быть, этот запрет вызван был скупостью и алчностью нескольких мандаринов? Об этом ничего не известно, но обойти это запрещение оказалось совершенно невозможно.

Маршан написал представителям фирмы Бо в Кантон. Запрет распространялся и на этот город; и не приходилось думать о том, чтобы идти в Вампу, где на судно была бы наложена пошлина в сумме не меньше шести тысяч пиастров.

Маршану ничего не оставалось, как направиться к Иль-де-Франсу, а оттуда в Марсель, в порт своей приписки. Он так и по-

ступил. Останавливаться на описании обратного пути не имеет смысла, так как оно сопровождалось лишь обычными для подобных переходов событиями.

Каковы были научные результаты путешествия? С точки зрения географической, незначительные. Они сводятся к следующему: открытию части Маркизских островов, оставшихся не обнаруженными Куком и его предшественниками; более подробному изучению природы, а также нравов и обычаев жителей острова Тахуата из той же группы, бухт Чинкитане и Клок-Бей и островов Королевы Шарлотты у берегов Америки. Это крайне мало для официальной экспедиции, но много для корабля, снаряженного частными лицами. В то же время капитан Маршан и его помощники, Шаналь и Мас, так хорошо сумели применить новые методы, с такой пользой для дела изучили отчеты своих предшественников, что им удавалось прокладывать курс исключительно точно, чего до них могли достичь лишь очень немногие мореплаватели. Тщательным выполнением карт и съемок они, в свою очередь, оказали большую услугу последующим путешественникам.

Несколько лет спустя французское правительство организовало научную экспедицию для исследования берегов Австралии под начальством Бодена. Хотя плавание капитана Никола Бодена дало исключительно богатый материал, до настоящего времени словно какой-то злой рок преследует эту экспедицию, и авторы биографических словарей и книг о путешествиях как будто стоворились о ней почти не упоминать.

С того времени, как Тасман побывал на западном берегу Новой Голландии, в изучении этого огромного таинственного материка был достигнут большой прогресс. Кук заснял весь восточный берег, открыл пролив Индевер и настойчиво обращал внимание своего правительства на те выгоды, какие может дать организация колонии в Ботани-Бей. В 1788 году английский капитан Филлип, доставив партию ссыльных, положил начало Порт-Джексоу и британскому владычеству над пятой частью света.

В 1795 и 1796 годах английские мореплаватели мидшипмен Мэтью Флиндерс и врач Джордж Басс на небольшом корабле «Том-Пус» исследовали на протяжении двадцати миль реку Джорджес и произвели тщательную съемку значительной части морского побережья.

В 1797 году Басс сообщил о существовании обширной гавани, названной им, по ее местонахождению, Уэстерн-Порт (Западный порт).

«Так как запасы продовольствия у него вышли, — рассказывает в своей „Истории путешествий“ Дезборо Кули, — ему пришлось, несмотря на сильное желание произвести точную и подробную съемку открытой им бухты, вернуться назад. Он захватил продовольствия всего на шесть недель, но благодаря изобилию рыбы и морских птиц смог провести в плавании на пять недель больше, хотя и взял к себе на корабль двух встреченных им каторжников. Этот переход в шестьсот миль на беспалубном барке является одним из самых замечательных во всей истории мореплавания. Он был совершен не в силу крайней необходимости, а в результате принятого решения исследовать неведомые и опасные берега».

В 1798 году Басс, сопровождаемый Флиндерсом, открыл пролив, носящий теперь его имя и отделяющий Тасманию от Австралии; на шхуне «Норфолк» водоизмещением в 25 тонн он проделал плавание вокруг Тасмании. Сведения, доставленные смелыми исследователями, о реках и бухтах этой страны имели очень важное значение для ее последующей колонизации. В Порт-Джексона Бассу и Флиндерсу устроили восторженную встречу.

По возвращении в Англию Флиндерс получил вместе с чином лейтенанта назначение командиром корабля «Инвестигейтер» («Исследователь»), специально снаряженного для исследования берегов Австралии. Южное и северо-западное побережье, залив Карпентария и Торресов пролив — таковы должны были быть основные этапы, намеченные для предстоящей гидрографической кампании.

Отчеты Кука и д'Антраксто пробудили в широких кругах Франции значительный интерес к Новой Голландии. Эта загадочная земля с очень своеобразным животным миром, местами покрытая лесами гигантских эвкалиптов, а местами представлявшая собой пустыню, поросшую лишь жалкими травами, еще долгое время скрывала свои тайны от любопытных взоров европейцев и ставила перед исследователями почти не преодолимые преграды.

Французская Академия наук стала выразительницей общественного мнения, обратившись к правительству с просьбой организовать экспедицию для изучения южных земель. По ее предложению к участию в путешествии были привлечены двадцать четыре ученых.

«Никогда еще научная часть экспедиции не организовывалась с таким широким размахом, никогда не принималось таких серьезных мер для обеспечения ее успеха. Астрономы, географы, ми-

нералогии, ботаники, зоологи, художники, садовники — всех их имелось по двое, по трое и даже по пяти человек».

«В этом научном штате особенно заметны были Лешено де Латур, Франсуа Перон и Бори де Сен-Венсен. Офицеры и матросы прошли тщательный отбор. В числе первых должны быть упомянуты следующие лица: Франсуа-Андре Бодэн, Пёрё де Меле, Иасэнт де Бугенвиль, Шарль Бодэн, Эманюэль Амлэн, Пьер Мильюс, Манжэн, Дюваль д'Айи, Анри де Фрейсине, достигшие адмиральских или контр-адмиральских званий; Леба Сент-Круа, Пьер-Гийом Жикель, Жак-Филип Монжери, Жак де Сен-Крик, Луи де Фрейсине, будущие капитаны 1-го ранга».

«Намеченный план действий, — говорится в отчете, — должен был, по-видимому, обеспечить экспедиции успех, на который давали основания надеяться ее состав и поставленные перед нею задачи. При разработке плана учли все сведения, полученные до настоящего времени другими мореплавателями, побывавшими в краях, которые нам надлежало исследовать, и все, что теория и здравый смысл могли из них вывести или к ним добавить. Влияния неустойчивых ветров, муссонов, течений были рассчитаны с такой точностью, что с помощью этих ценных указаний нам впоследствии не раз удавалось избежать препятствий, встретившихся на нашем пути».

(Экспедиция должна была на двух кораблях выйти из города Гавра.)*

После оснащения на Иль-де-Франс третьего корабля с небольшой осадкой мореплавателям предстояло исследовать все побережье Тасмании, проливы Д'Антракосто, Бассов и Банкс, затем, определив местоположение островов Хантер и Сент-Франсис, посетить расположенный к северу от них берег материка и отыскать там пролив, который, как в то время думали, вел в залив Карпентария и делил Австралию на две части.

По окончании первого этапа кампании исследователи должны были идти к западу вдоль южного побережья Австралии, изучить мысы Луин, Эделс и Эндрахт, подняться возможно дальше вверх по течению реки Суон, составить карту острова Ротнест и прилегающего берега, завершить съемку залива Шарк, определить ряд точек на Земле Витта и, покинув побережье Австралии у Северо-Западного мыса, направиться на заслуженный отдых к Молуккским островам, на Тимор.

После отдыха команды от перенесенных трудов экспедиция должна была совершить плавание вдоль берега Новой Гвинеи,

установить, не разделена ли она какими-либо проливами на несколько островов, затем пройти в глубь залива Карпентария, исследовать часть полуострова Арнхемленд и, наконец, направиться на Иль-де-Франс, чтобы оттуда вернуться в Европу.

Это была величественная программа, начертанная, несомненно, той же рукой, что написала инструкции Лаперузу и д'Антраксто. Экспедиция, если бы она была успешно проведена, обещала дать богатые результаты.

В Гавре снарядили тридцатипушечный корвет «Географ» и большое грузовое судно «Натуралист». Было сделано все, чтобы в изобилии снабдить экспедицию всем необходимым: физическими и астрономическими приборами, изготовленными наиболее искусными мастерами, библиотеками для каждого корабля, включавшими наилучшие труды, самыми широкими полномочиями, подписанными всеми правительствами Европы, неограниченными кредитами, которые могли быть использованы в любом азиатском и африканском порту. Одним словом, приняли все меры для обеспечения успеха задуманной грандиозной кампании.

Девятнадцатого октября 1800 года под приветственные клики огромной толпы оба корабля покинули Гавр. На некоторое время мореплаватели задержались в бухте Санта-Крус на Teneriffe, а затем сделали остановку лишь на Иль-де-Франсе, где 25 апреля 1801 года оставили нескольких офицеров, тяжело заболевших и оказавшихся не в состоянии продолжать плавание.

Начало было не обнадеживающим. Недовольство матросов усилилось, когда им сообщили, что впредь они будут получать всего полфунта свежего хлеба в неделю, а порцию вина заменят тремя шестнадцатыми бутылки плохой сахарной водки, закупленной на Иль-де-Франсе, и что теперь обычная их пища сведется к сухарям и солонине. Эти предварительные меры экономии стали впоследствии причиной заболеваний матросов и недовольства части ученых.

Длительность перехода из Европы до Иль-де-Франса и задержка на последнем привели к тому, что часть благоприятного времени года оказалась упущена. Боден, опасаясь идти к Тасмании, решил начать исследования с северо-западного берега Новой Голландии. Он не подумал о том, что, поступая так, должен будет затем все время плыть к югу, и, двигаясь в этом направлении, идти навстречу зиме.

Двадцать седьмого мая показался берег Новой Голландии —

низкий, бесплодный, песчаный. Один за другими были засняты и получены названия залив Географ, мыс Натуралиста, бухта Дешпиш и мыс Пике. Там естествоиспытатели высадились на сушу и собрали довольно богатую коллекцию растений и моллюсков. В это время из-за сильного волнения оба корабля ушли в открытое море, и двадцати пяти участникам экспедиции пришлось провести несколько дней на берегу; пили они лишь солоноватую воду и, так как им не удавалось убить никакой дичи, ни четвероногой, ни пернатой, питались только разновидностью камнеломок¹, сохранившей в большом количестве углекислый натрий и дававшей очень горький сок.

Одну из шлюпок выбросило волнами на берег, и вместе с ней погибли ружья, сабли, патроны, канаты и множество других вещей.

«Но самым печальным в этой катастрофе, — говорится в отчете, — была потеря лучшего матроса „Натуралиста“, уроженца Дьешпа, по фамилии Вас. Его три раза отбрасывало волнами, когда он пытался взобраться на корабль, в конце концов несчастного поглотила пучина; товарищи не смогли оказать ему никакой помощи и даже убедиться в его смерти, так сильно разбушевалось тогда море, такая глубокая царила крутом тьма».

На улучшение погоды не приходилось рассчитывать; дул порывистый ветер, все время шел мелкий дождь; в густом тумане «Географ» вскоре потерял из виду «Натуралиста» и встретился с ним лишь на Тиморе.

Как только Боден закончил исследование острова Ротнест, где на случай разъединения была назначена встреча капитану «Натуралиста», он, ко всеобщему удивлению, отдал приказ направиться на север в залив Шарк к Земле Эндрахт.

Вся эта часть австралийского побережья представляет собой низменность, почти лишенную каких бы то ни было неровностей, с песчаной, бесплодной почвой красноватого или сероватого цвета; прибрежная полоса тут и там прорезана неглубокими оврагами, в большинстве случаев с отвесными склонами, и во многих местах доступ к ней преграждают неприступные рифы, вполне оправдывающие название «железный берег», данное ей гидрографом Буланже.

¹ Камнеломки — многолетние или однолетние травы. Известно около 250 видов, преимущественно в умеренных и холодных зонах Северного полушария; некоторые виды произрастают в горах, причем корни глубоко проникают в расщелины скал (отсюда название «камнеломка»).

Миновав остров Дёрк-Хартог, откуда начинается Земля Эндрахт, Боден исследовал один за другим острова Дорр, Берниер, где видели полосатого кенгуру, затем залив Дампир и достиг, наконец, залива Шарк, который подробно заснял.

Вслед за Землей Эндрахт, отличающейся совершенно бесплодными берегами, была пройдена Земля Витта, которая простирается от Северо-Западного мыса до полуострова Арнхемленд, тянущегося примерно на десять градусов в широтном направлении и пятнадцать градусов в меридиональном и изученного французскими мореплавателями во всех подробностях. Подвергаясь тем же случайностям и тем же опасностям, мореплаватели исследовали и назвали острова Лермит, мели Географ, которые с трудом удалось обойти, острова Беда, Ласепед, мысы Борда и Молльен, острова Шампаньи, Д'Арколь, Фрейсине, Люка и т. д.

«Во время плавания среди этих многочисленных островов, — говорится в отчете, — ничто не радует взора; земля голая, знойное небо всегда чисто и безоблачно; море совершенно спокойное, и только ночные бури вздымают волны. Казалось, человек избегает здешних неприветливых мест; во всяком случае, мы нигде не видели ни человеческих следов, ни поселений.

Мореплаватель, напуганный пустынным ландшафтом, подвергающийся бесконечным опасностям, приходит в изумление и отводит усталый взгляд от зловещих берегов; а вспомнив о том, что эти негостеприимные острова расположены поблизости от огромных азиатских архипелагов, щедро наделенных природой, он почти отказывается понять, как может существовать такое полное бесплодие рядом с таким изобилием».

Исследование северного берега Австралии закончилось открытием архипелага Бонапарта, расположенного на $13^{\circ}15'$ южной широты и $123^{\circ}30'$ долготы к востоку от Парижского меридиана.

«Отвратительная пища, которую мы получали со времени отплытия от Иль-де-Франса, подорвала здоровье самых крепких людей; цинга уже начала свирепствовать, и многие матросы сильно от нее страдали. Запас воды приближался к концу, и мы убедились в невозможности пополнить его на этих унылых берегах. Приближалось время смены муссона, и нельзя было допустить, чтобы обычные для этого периода ураганы застали нас в здешних водах. Наконец, следовало раздобыть шляпку и соединиться с „Натуралистом“».

Все эти соображения заставили командира направиться к острову Тимор, и 22 августа он бросил якорь на рейде Купанга.

Мы не будем входить в подробности приема, оказанного мореплавателям. Конечно, сердце всегда радуется ласке; но если воспоминания о ней драгоценны для того, на чью долю она выпала, то для незаинтересованного читателя рассказ об этом не представляет такого же очарования. Необходимо лишь упомянуть, что команда очень нуждалась в отдыхе и что десять человек, болевших тяжелой формой цинги, были высажены на берег. А сколько оставалось других, чьи распухшие, кровоточащие десны говорили о плачевном состоянии!

Цинга быстро поддавалась лечению обычно употребляемыми в подобных случаях средствами, но, к несчастью, ее сменила дизентерия, за несколько дней уложившая на койки восемнадцать человек.

Двадцать первого сентября показался наконец «Натуралист». Его командир терпеливо ждал «Географа» в заливе Шарк, куда Боден не явился, хотя и назначил его местом встречи. Офицеры «Натуралиста», воспользовавшись длительной стоянкой, составили самый подробный план побережья и островов Ротнест, а также реки Суон.

На острове Дёрк-Хартог капитан Амелен обнаружил две оловянные тарелки с выгравированными надписями на голландском языке. Одна надпись сообщала о посещении 25 октября 1616 года судна «Эндрахт» из Амстердама, вторая — о пребывании в этих местах в 1697 году корабля «Гелвинк» под командованием капитана Фламинга.

В результате исследований, проведенных «Натуралистом», было установлено, «что так называемый залив Шарк представляет собой большую выемку берега глубиной примерно в пятьдесят лье, если считать от мыса Кювье на севере до конца бухты Анри-Фрейсине, что весь восточный берег образован исключительно материком, а западный — островком Кокс, островами Берниер, Дорр, Дёрк-Хартог и отчасти материком. Посредине этого обширного залива выдается полуостров Перон, к востоку и к западу от которого находятся бухты Амелен и Анри-Фрейсине».

Болезни, свирепствовавшие среди несчастных мореплавателей, привели к тому, что между командиром Боденом и его ближайшими помощниками на время воцарился мир. Его самого мучила злокачественная перемежающаяся лихорадка. Болезнь протекала в такой тяжелой форме, что в течение нескольких часов его счита-

ли мертвым. Это не помешало ему через неделю после выздоровления посадить под арест мичмана Пике, которому старшие офицеры обоих кораблей продолжали выказывать самое искреннее уважение и дружбу. По возвращении во Францию Пике был произведен в лейтенанты, что уже само по себе говорит о том, что никакой вины за ним не имелось.

Капитан Боден нарушил порядок исследований, предложенный Академией наук. Теперь ему следовало направиться к Тасмании. Покинув Тимор 13 ноября 1801 года, французские моряки ровно через два месяца увидели южный берег этого острова. Болезнь продолжала свирепствовать с той же силой, и число ее жертв стало довольно значительным.

Оба корабля вошли в пролив Д'Антракasto, не замеченный ни Тасманом, ни Куком, ни его спутником Фюрно, ни Марионом; открытие этого пролива явилось результатом заблуждения, которое могло привести к очень опасным последствиям.

Стоянка там имела целью пополнение запаса воды. Поэтому несколько шлюпок немедленно были посланы на ее поиски.

«В девять часов тридцать минут, — рассказывает Перон, — мы находились у входа в бухту Суон. Это место показалось мне самым живописным и приятным из всех, виденных мной во время нашего длительного плаванья. В глубине бухты открывается панорама семи цепей гор, постепенно повышающихся по мере отдаления от берега. Справа и слева, со всех сторон бухта окружена высокими холмами, образовавшими под действием стихии множество маленьких округлых мысов и романтических бухточек. Повсюду буйно развивается растительность; берега поросли могучими деревьями, стоящими такой сплошной стеной, что проникнуть в такую лесную чащу почти невозможно. Бесчисленные попугаи различных видов в самом ярком оперении порхали среди вершин, а в тени ветвей резвились прилетевшие из-за моря очаровательные синицы с кольцом из синих перьев вокруг шеи. Море в бухте было исключительно спокойным, и лишь мелкая рябь появлялась на его поверхности, когда проплывали огромные стаи черных лебедей».

Все остальные отряды, посланные на поиски пресной воды, остались не так довольны, как Перон, от встречи с населяющими эти места людьми. Капитан Амелен, которого сопровождали натуралисты Лешено и Пти, несколько офицеров и матросов, встретил туземцев и преподнес им множество подарков. В ту ми-

нуту, когда французы садились в шляпку, в них полетел град камней, и капитан Амелен получил серьезный ушиб. Хотя дикари размахивали копьями и не скупались на угрожающие жесты, ни одного выстрела из ружья не последовало. Редкий пример выдержки и человечности!

«Гидрографические работы экспедиции адмирала д'Антркасто, относящиеся к Земле Ван Димена, отличаются таким совершенством, — говорится в отчете, — что, пожалуй, ничего лучшего в этом роде найти невозможно, и Ботан-Бопре, выполнивший основную их часть, заслужил бесспорное право на уважение своих соотечественников и на признательность моряков всех стран. В тех случаях, когда обстоятельства позволяли этому опытному гидрографу заняться подробными исследованиями, он не оставлял никаких пробелов, которые могли бы пополнить последующие мореплаватели. Сказанное относится главным образом к проливу Д'Антркасто и примыкающим к нему многочисленным заливам и бухтам. К сожалению, не так обстоит дело в отношении части Земли Ван Димена, находящейся к северо-востоку от пролива, и лишь очень поверхностно изученной помощниками французского адмирала».

Именно эту часть побережья стремились заснять гидрографы, с тем чтобы дать ее исчерпывающее описание, связав свои работы с трудами соотечественников. Съёмки, исправившие и дополнившие данные д'Антркасто, задержали экспедицию Бодена до 5 февраля. Затем она приступила к изучению юго-восточного берега Тасмании. Плавание протекало в одних и тех же условиях. События не отличались разнообразием и представляют интерес лишь для специалистов. Поэтому, несмотря на важное значение и тщательность этих съёмок, мы остановимся только на сопутствовавших им некоторых забавных происшествиях.

«Натуралист» и «Географ» направились для исследования восточного берега Тасмании, пролива Банкс и Бассова пролива.

«Шестого марта утром мы шли на большом расстоянии вдоль островков Тайефер и острова Схоутена. Примерно в полдень мы находились на траверзе мыса Форестье, когда наш гидрограф Буланже отправился на большом баркасе, которым командовал Моруар, чтобы заснять с более близкого расстояния все детали береговой линии. Корабль должен был идти параллельным курсом с баркасом и не терять его из виду. Не прошло и четверти часа после отхода шляпки с Буланже, как наш командир совершенно

неожиданно и без всякой видимой причины, взяв галс в сторону открытого моря, стал удаляться. Вскоре мы перестали различать шлюпку. Только к ночи мы снова увидели землю. Поднялся сильный ветер; с каждым мгновением он крепчал; корабль стало относить. Наступила ночь и скрыла от нашего взора берег, вдоль которого плыли оставленные на произвол судьбы наши товарищи».

В течение трех последующих дней шли их поиски, оставшиеся безрезультатными.

Не чувствуется ли даже в сдержанных выражениях отчета подлинное негодование по поводу поступка капитана Бодена? Какова могла быть его цель? Для чего нужно было покинуть матросов и двух офицеров? Даже тщательное изучение отчета Перона не дало нам разгадки этой тайны.

Плавание по проливу Банкс и Бассову проливу протекало в водах, специально облюбованных и исследованных Бассом и Флиндерсом. Но когда 29 марта 1802 года «Географ» подошел к юго-западному берегу Австралии, перед мореплавателями открылись неведомые края. Известна была только часть побережья от мыса Луин на западе до островов Сент-Петер и Сент-Франсис на востоке; на всем остальном пространстве южного побережья Австралии между этими пунктами никогда еще не ступала нога европейца. Важное значение этой кампании станет понятным, если учесть, что задача состояла в том, чтобы установить, является ли Новая Голландия одним материком и имеются ли на этом берегу устья больших рек, впадающих там в море.

(Здесь, у южного побережья Австралии, произошла интересная встреча.)*

Французские моряки только что закончили изумительно удачный лов дельфинов, как вдруг вахтенный матрос доложил о появлении на горизонте паруса. Сначала подумали, что то был «Натуралист», с которым из-за сильных шквалов «Географ» разошелся в ночь с 7 на 8 марта. Так как увиденный корабль шел контркурсом, то вскоре он очутился на траверзе «Географа». На нем развевался английский флаг. Это оказался «Инвестигейтор», восемь месяцев тому назад вышедший под командованием Флиндерса из Европы, чтобы более подробно исследовать берега Новой Голландии. Флиндерс занимался этим уже три месяца. Как и французские моряки, он много натерпелся от ураганов и бурь; во время одной из последних бурь он потерял в Бассовом проливе шлюпку с восемью матросами и старшим помощником.

«Географ» посетил мыс Крете, полуостров Флёрё, длиной примерно в двадцать миль, залив Сент-Винсент, названный так Флиндерсом, остров Кенгуру, острова Олторп, залив Спенсер, на западном берегу которого находится бухта Линкольн, одна из самых лучших и самых безопасных во всей Новой Голландии, острова Сент-Франсис и Сент-Петер. Конечно, для завершения гидрографической кампании следовало, как того требовали полученные капитаном Боденом навигационные инструкции, пройти дальше за острова Сент-Петер и Сент-Франсис; но помешали жестокие бури, и окончание этих работ стало целью нового плавания.

Тем временем цинга продолжала свирепствовать среди отважных исследователей. Больше половины матросов были не в силах нести службу. Из рулевых только двое оставались на ногах. Разве могло быть иначе, когда из-за отсутствия вина и водки пить приходилось лишь застоявшуюся воду, да и то в недостаточном количестве, а питались червивыми сухарями и протухшей солониной, вкус и запах которой вызывали тошноту?

К тому же в Южном полушарии начиналась зима. Экипаж испытывал настоятельную потребность в отдыхе. Ближайшим подходящим местом для стоянки был Порт-Джексон; самый короткий путь до него шел через Бассов пролив, но Боден, всегда избегавший проторенных дорог, решил по-иному и приказал обогнуть южную оконечность Тасмании.

Двадцатого мая бросили якорь в бухте Адвенчер. Ходячих больных свезли на берег, где без труда набрали пресную воду. Плавание в этих бурных морях становилось уже невозможным; густой туман заволакивал все вокруг, и о близости берега предупреждал лишь оглушительный шум огромных валов, разбивавшихся о скалы. Число больных росло. Ежедневно океан поглощал новую жертву. 4 июня осталось всего шесть человек, способных нести вахту, а шторм в этот день разыгрался с невиданной, ужасающей силой. И все же «Географу» удалось еще раз ускользнуть от гибели!

Семнадцатого июня заметили судно, сообщившее французским мореплавателям, что «Натуралист», не дождавшись своего спутника в Порт-Джексоне, отправился на его поиски, что брошенную на произвол судьбы шлюпку подобрал английский корабль, и ее экипаж находится сейчас на «Натуралисте», и что «Географу» с величайшим нетерпением ждут в Порт-Джексоне, где приготовлены все средства помощи его команде.

В течение трех дней «Географ» находился в виду Порт-Джексона, но из-за слабости матросов не мог войти в бухту. Наконец от берега отвалила английская шлюпка и доставила на корабль необходимых для управления им людей и лоцмана.

«Бухта Порт-Джексон начинается проливом, имеющим в ширину не больше двух миль, — говорится в отчете. — Постепенно расширяясь, она образует обширный водоем, достаточно глубокий для стоянки самых больших судов, достаточно вместительный, чтобы в нем могли чувствовать себя в безопасности все пришедшие суда; тысяча линейных кораблей, по утверждению commodора Филлипа, без труда могли бы здесь маневрировать.

Посреди этой великолепной бухты на ее южном берегу у одной из главных гаваней возвышается город Сидней. Расположенный на противоположных от моря склонах двух соседних холмов, между которыми протекает небольшой ручей, этот рождающийся город имеет приятный и живописный вид.

Прежде всего бросаются в глаза батареи, затем госпиталь, рассчитанный на двести или триста больных, привезенный commodором Филлипом из Англии в разобранном виде. Дальше тянутся огромные склады; самые большие корабли могут подойти к ним, чтобы разгрузиться. На верфях стояли незаконченные шхуны и бриги, строившиеся исключительно из местного леса.

Прославившийся открытием пролива, отделяющего Тасманию от Новой Голландии, барк, на котором плавал Басс, хранится в Порт-Джексоне подобно какой-то святыне; несколько табакерок, изготовленных из его деревянного кия, являются реликвиями, ревниво хранимыми преисполненными гордости владельцами. Наиболее достойным подарком для нашего командира губернатор счел кусочек дерева от этого барка, заключенный в широкую серебряную оправу с выгравированной на ней надписью, перечисляющей основные моменты открытия Бассова пролива».

По соседству с тюрьмой, вмещавшей от ста пятидесяти до двухсот узников, находились винные и продовольственные склады, дом губернатора, казармы, обсерватория и церковь, строительство которой в то время еще не подвинулось дальше фундамента.

Не менее интересно было наблюдать за переменами, происшедшими с каторжанами.

«Население колонии явилось для нас новым предметом удивления и размышлений. Пожалуй, еще никогда государственные

деятели и философы не имели перед собой более достойного объекта для изучения; пожалуй, никогда еще благотворное влияние общественного перевоспитания не проявлялось с такой очевидностью и полнотой, как мы это видим теперь в описываемом нами далеком краю. Здесь собрались страшные разбойники, долгое время приводившие в ужас правительство своей родины; отвергнутые европейским обществом, увезенные на край света, с первых же дней изгнания поставленные перед выбором между неизбежным наказанием и надеждой на более счастливую участь, постоянно находившиеся под неусыпным и действенным контролем, они поневоле должны были отказаться от своих антисоциальных привычек.

Большая часть ссыльных, искупив свои преступления тяжелой работой, снова стала полноправными гражданами. Вынужденные сами интересоваться поддержанием порядка и законности, чтобы не лишиться приобретенного имущества, обзаведясь семьями, они привязаны к своему теперешнему положению самыми могущественными и самыми драгоценными узами. Такое же превращение, достигнутое точно теми же средствами, произошло с женщинами и несчастными девушками, которые постепенно приучились к нормальному образу жизни и стали в настоящее время разумными и трудолюбивыми матерями семейств...»

Прием, оказанный французской экспедиции в Порт-Джексона, был самым сердечным. Английские власти предоставили в распоряжение ученых все возможности для продолжения исследований. Одновременно военные власти и частные граждане снабдили моряков свежей провизией, запасом продовольствия, медикаментами и т. п.

Экскурсии в окрестности дали богатые результаты. Естественным испытателям представился случай изучить знаменитые виноградники Роуз-Хилл. Лучшие сорта виноградных лоз были доставлены туда из Калпской колонии, с Канарских островов, с Мадейры, из Хереса и из Бордо.

«Нигде на свете, — утверждали опрошенные нами виноградары, — виноград не дает такого энергичного, бурного роста, как здесь. В течение двух-трех месяцев все признаки обещают нам обильный урожай в вознаграждение за труды; но стоит подуть даже самому легкому ветерку с северо-запада, как все безвозвратно погибает: почки, цветы, листья — ничто не может устоять против палящего жара; всё вянет, всё умирает».

Вскоре культура винограда, перенесенная в более благоприятные условия, получила широкое развитие, и австралийские виноградники, хотя в настоящее время еще и не могут похвалиться особо знаменитыми сборами, дают все же приятное на вкус и очень крепкое вино.

В тридцати милях от Сиднея тянется цепь Голубых гор, в течение долгого времени представлявших собой границу известных европейцам районов. Лейтенант Дауэс, капитан Патерсон, поднявшиеся вверх по течению реки Хоксберри, австралийского Нила, Хекинг, Басс и Баррайте безуспешно пытались перебраться через эти крутые горы. Уже в описываемую эпоху частичная вырубка расположенных вблизи от города лесов и обилие великолепных лугов давали основание считать земли Нового Южного Уэльса превосходными пастбищами. Крупный рогатый скот и овцы были завезены туда в довольно большом количестве.

«Они здесь так расплодились, что только на государственных животноводческих фермах незадолго до нашего посещения Порт-Джексона насчитывалось 1800 голов крупного рогатого скота. Рост поголовья происходит такими быстрыми темпами, что за промежуток всего в одиннадцать месяцев число быков и коров увеличилось до 2450; за полный год, таким образом, прирост составил бы 650 голов, или одну треть.

Если прикинуть теперь, исходя из этого расчета, прирост поголовья за период в тридцать лет и даже принять его вдвое меньшим, то Новая Голландия к концу этого срока оказалась бы заполненной бесчисленными стадами крупного рогатого скота.

Овцы дали еще более высокие результаты. Они размножаются на этих далеких берегах изумительно быстро, и капитан Макартур, один из самых богатых предпринимателей в Новом Южном Уэльсе, решился заявить в опубликованной им статье, что до истечения двадцати лет одна Новая Голландия сможет снабдить Англию всем тем количеством шерсти, какое в настоящее время ввозится из соседних государств, хотя стоимость закупаемой шерсти, по его словам, возрастает с каждым годом на 1 800 000 фунтов стерлингов».

Теперь мы знаем, как мало преувеличены были эти расчеты, в то время казавшиеся фантастическими. Но мы считали небезынтересным напомнить о первых шагах австралийского скотоводства, достигшего в XIX веке поразительного расцвета, и отметить, какое удивление вызвали у французских мореплавателей его первоначальные успехи.

Здоровье моряков несколько восстановилось, но число матросов, способных продолжать плавание, оказалось настолько незначительным, что пришлось примириться с необходимостью отправить «Натуралиста» во Францию, предварительно забрав с него самых крепких людей. «Натуралиста» заменила шхуна «Казуарина», водоизмещением в тридцать тонн, командование которой было поручено Луи де Фрейсине. Маленькие размеры судна и неглубокая осадка делали его чрезвычайно ценным для плавания вдоль побережья.

Кроме подробного отчета о ходе экспедиции и о результатах всякого рода исследований, проведенных в течение двух кампаний, с «Натуралистом» отправили, по словам Перона, «свыше сорока тысяч чучел животных, собранных за истекшие два года в разных местах. Тридцать три больших ящика были заполнены этой коллекцией, самой многочисленной и богатой из всех, когда-либо привозившихся в Европу путешественниками; частично размещенная в доме, который я занимал вместе с Бельфеном, она вызывала восхищение всех образованных англичан, в особенности знаменитого естествоиспытателя Патерсона».

Восемнадцатого ноября 1802 года «Географ» и «Казуарина» покинули Порт-Джексон. Во время новой кампании мореплаватели открыли и исследовали остров Кинг, острова Хантер и северо-западную часть Тасмании, завершив таким образом съемку берегов этого большого острова. Затем с 27 декабря до 15 февраля 1803 года капитан Боден производил у юго-западного побережья Австралии съемку острова Кенгуру и двух расположенных против него заливов.

«Очень странное впечатление производят, — пишет Перон, — однообразие и бесплодность, столь характерные для различных районов Новой Голландии и примыкающих к ней многочисленных островов. Это явление становится еще более необъяснимым, если вспомнить о контрасте между ландшафтом континента и соседних архипелагов. Так, к северо-западу мы видели плодородные земли группы Тимор с высокими горами, реками, многочисленными ручьями и густыми лесами, и все это едва через сорок восемь часов пути от низменных безводных, голых берегов Земли Витта; на юге мы восхищались мощной растительностью Тасмании и крутыми горами, повсюду возвышающимися на ней. А совсем недавно мы наслаждались прохладой и плодородием острова Кинг.

Декорации меняются; мы приближаемся к берегам Новой Голландии, и отныне нам предстоит, описывая изучаемые нами места, снова рисовать унылые, уже наскучившие читателю картины, приводящие в удивление философов, огорчающие мореплавателей».

Гидрографы, отправившиеся на «Казуарине» для съемки залива Спенсер и отделяющего его от залива Сент-Винсент полуострова Йорк, проделали работу самым тщательным образом и установили, что ни одна большая река не впадает там в море. Однако им пришлось сократить программу исследования бухты Линкольн, так как истекал срок, назначенный для возвращения на остров Кенгуру. Не сомневаясь, что в случае опоздания их не будут ждать, они все же несколько задержались и, когда достигли 1 февраля места встречи, «Географ» уже ушел, не побеспокоившись о «Казуарине», хотя на ней оставалось очень мало продовольствия.

Боден один продолжал исследование берега и съемку архипелага Сент-Франсис — очень важную работу, так как со времени открытия этих островов в 1627 году Петером Нейтсом ни один мореплаватель не уделял им достаточного внимания. Правда, Флиндерс незадолго до того производил там съемку, но Боден ничего не знал о его плавании и считал себя первым европейцем, посетившим эти края со времени их открытия.

Когда 6 февраля «Географ» вошел в бухту Кинг-Джордж, он застал там «Казуарину», получившую такие повреждения, что ее пришлось выгнать на берег.

Открывая в 1791 году Ванкувером бухта Кинг-Джордж имеет очень большое значение, так как на всем протяжении берега, равно по меньшей мере расстоянию от Парижа до Петербурга, она представляла собой единственное известное в Новой Голландии место, где во всякое время года можно было раздобыть пресную воду.

Тем не менее окрестности бухты совершенно бесплодны. «Вид внутренней части страны, — пишет Буланже в своем дневнике, — здесь поистине ужасен; даже птицы встречаются редко; это безмолвная пустыня».

В глубине одного из разветвлений бухты, называемого Устричной гаванью, естествоиспытатель Фор обнаружил реку Франсе, устье которой по ширине не уступало Сене в Париже. Он решил подняться вверх по ее течению и проникнуть, насколько

окажется возможным, в глубь страны. Почти в двух лье от устья шлюпке преградили путь примыкавшие к маленькому острову две плотины, прочно построенные по способу сухой кладки и полностью перегораживавшие русло.

В запруде имелись отверстия, расположенные большей частью выше уровня малой воды; со стороны моря эти отверстия были очень широкие, а с противоположной, обращенной внутрь страны, значительно уже. Таким образом рыба, поднимавшаяся с приливом вверх по течению реки, могла легко преодолеть плотину; но спуститься обратно она почти не имела возможности и оставалась в своего рода садке, где рыболовы затем без труда вылавливали ее, когда им хотелось.

На протяжении меньше одной трети мили Фор обнаружил еще пять таких запруд. Исключительный пример изобретательности народа, находившегося на чрезвычайно низкой ступени развития!

В той же бухте Кинг-Джордж один из офицеров «Географа», Рансоне, оказавшийся счастливее Ванкувера и д'Антраксто, встретился с местными жителями. Это было первое соприкосновение с ними европейца.

«Едва мы появились, — рассказывает Рансоне, — как перед нами предстали восемь туземцев, которых в первый день нашего прибытия на этот берег мы тщетно пытались подозвать, подражая их жестам и крикам; сначала они держались все вместе, затем трое, несомненно женщины, удалились. Пять остальных, отбросив далеко в сторону копья, — вероятно, с целью убедить нас в своих мирных намерениях, — приблизились, чтобы помочь нам высадиться.

Я, а вслед за мной и матросы преподнесли им различные подарки, принятые с удовольствием, но без особой поспешности. Было ли это проявлением безразличия или доверия, но, получив подарки, туземцы с довольным видом вернули их нам, а когда мы вторично вручили им те же вещицы, положили их на землю или на ближайшие камни.

Туземцев сопровождали несколько очень красивых огромных собак. Я пустил в ход все средства, чтобы убедить островитян уступить мне одну; я предлагал им за нее все, что имелось в моем распоряжении, но ничто не поколебало их упорства. По-видимому, собаки служат главным образом для охоты на кенгуру, мясом которых питаются местные жители; они едят также рыбу; я сам видел, как они били ее своими копьями. Наши новые зна-

комые выпили кофе, съели сухари и солонину, но отказались от предложенного нами сала и оставили его на камнях, не притрунувшись к нему.

Мужчины были высокого роста, худощавые и очень подвижные; у них длинные волосы, черные брови, короткий приплюснутый нос со впадиной у основания, глубоко сидящие глаза, большой рот, толстые губы, очень красивые и очень белые зубы. Полость рта такая же темная, как цвет их кожи.

Трое более пожилых, в возрасте от сорока до пятидесяти лет, носили длинные черные бороды; зубы у них казались подпиленными, в носовых перегородках были отверстия. Подстриженные в кружок волосы от природы вились. У двух других, которым, по нашему мнению, могло быть лет шестнадцать — восемнадцать, мы не заметили никакой татуировки; длинные волосы они укладывали в виде шиньона и посыпали измельченной красной глиной, употреблявшейся пожилыми для натирания тела.

Все туземцы ходили голые и не носили никаких украшений, кроме чего-то вроде широкого пояса, состоявшего из множества коротких шнурков, сплетенных из шерсти кенгуру. Разговаривали они быстро, переходя то и дело на пение всегда в одной и той же тональности и сопровождая свои слова одними и теми же жестами. Несмотря на доброе согласие, все время царившее между нами, они не разрешили нам пойти к тому месту, где прятались остальные туземцы, по всей вероятности, их жены».

После двенадцатидневной стоянки в бухте Кинг-Джордж мореплаватели пустились в дальнейший путь. Они уточнили и дополнили карты д'Антраксто и Ванкувера, относящиеся к землям Луин, Эделс и Эндрахт (Западная Австралия), побережье которых было заснято между 7 и 26 марта. Оттуда Боден направился к Земле Витта (Северная Австралия), очень мало изученной к тому времени, когда он впервые ее посетил. Он надеялся, что ему больше повезет, чем его предшественникам, постоянно наталкивавшимся на препятствия при приближении к этим берегам, но мели, подводные скалы и песчаные банки делали плавание там очень опасным.

Вскоре к перечисленным преградам прибавился еще странный оптический обман — мираж. Дело доходило до того, что «когда „Географ” шел на расстоянии больше лье от бурунов, казалось, будто он со всех сторон ими окружен, и на борту „Казуарины” никто не сомневался в его неминуемой гибели. Иллюзию разрушила лишь полная ее неправдоподобность».

Третьего мая «Географ», сопровождаемый «Казуариной», вторично бросил якорь в гавани Купанг на Тиморе. Ровно через месяц, полностью снабдившись всем необходимым, капитан Боден покинул Тимор и взял курс сначала на Землю Витта, где надеялся встретить ветер с суши и спокойное море, которое дали бы ему возможность продвинуться на запад, а затем к Иль-де-Франсу. Там он умер 16 сентября 1803 года. Не повлияло ли постоянно ухудшавшееся состояние здоровья на характер начальника экспедиции? Надо полагать, что его помощникам не пришлось бы так жаловаться, если бы они имели дело с более уравновешенным человеком.

Двадцать третьего марта 1804 года «Географ» вошел на рейд Лориана, а через три дня приступил к выгрузке доставленных естественноисторических коллекций.

«Кроме большого количества ящичков с минералами, гербариями, заспиртованными рыбами, пресмыкающимися и зоофитами¹, чучелами и препаратами четвероногих и птиц, мы привезли еще семьдесят больших ящичков, наполненных живыми растениями, среди которых было около двухсот видов полезных культур и около шестисот видов семян, а также сотню живых животных».

Приведенные сведения дополним некоторыми подробностями, заимствованными из отчета, представленного правительству Академией наук. В основном они относятся к зоологической коллекции, собранной Пероном и Лезюером.

«Она состоит из ста тысяч с лишним экземпляров крупных и мелких животных. Среди них уже обнаружено несколько очень ценных видов; последующее изучение даст их еще больше, а количество новых видов, по сообщению заведующего Естественно-историческим музеем, превышает две с половиной тысячи».

Напомним, что богатое результатами второе путешествие Кука дало всего двести пятьдесят новых видов и что все путешествия Картерета, Уоллиса, Фюрно, Мирса и самого Ванкувера, вместе взятые, не привели к открытию такого количества новых видов. То же самое относится и ко всем французским экспедициям. Из этого следует, что для изучения неизвестных ранее животных Перон и Лезюер одни сделали больше, чем все современные им путешественники-естествоиспытатели.

¹ Зоофиты — «животнорастения», старое название типа кишечнополостных животных (гидры, актинии и проч.), считавшихся ранее промежуточной группой между растениями и животными.

АВСТРАЛИЯ

ТИХИЙ
ОКЕАН

ТИМОРСКОЕ
МОРЕ

ЗАВИВ
КАРПЕНТАРИЯ

КОРМОВОЕ
МОРЕ

ПОРТ
ЛИНКОЛЬН

СИДНЕЙ

БОЛЬШОЙ
АВСТРАЛИЙСКИЙ
ЗАЛИВ

О. ТАСМАНИЯ
ТАСМАНОВО
МОРЕ

..... ФЛИНДЕРС
- - - - - Басс

МАРШРУТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ
БАССА и ФЛИНДЕРСА

Для географической науки и гидрографии экспедиция дала значительные результаты. Английское правительство упорно отказывалось это признавать, и Дезборо Кули в своей «Истории путешествий» считает открытия Бодена полностью повторяющими работы Флиндерса. Было высказано даже предположение, что Флиндерса продержали шесть с половиной лет в плену на острове Маврикий только с той целью, чтобы дать возможность спутникам Бодена беспрепятственно пользоваться картами английского мореплавателя и в соответствии с ними составить отчет о своем путешествии. Такое обвинение мы считаем настолько абсурдным, что достаточно его простого воспроизведения. Оба мореплавателя, английский и французский, сыграли достаточно крупную роль в истории изучения берегов Австралии, и нет никакой необходимости возвеличивать одного за счет другого.

Глава вторая

ИССЛЕДОВАТЕЛИ АФРИКИ

Шоу в Алжире и Тунисе. — Хорнеман в Феуцане. — Адансон в Сенегале. — Хоутон в Сенегамбии. — Мунго Парк и его два путешествия на Джалибу, или Нигер. — Сегу. — Тимбукту. — Спаррман и Левайян в Капской колонии, в Натале и во внутренних районах Южной Африки. — Ласерда в Мозамбике и у негров-казембе. — Брюс в Абиссинии. — Истоки Голубого Нила. — Озеро Тана. — Путешествие Брауна в Дарфур.

Англичанин Томас Шоу, капеллан при английском торговом агентстве в Алжире, использовал свое двенадцатилетнее пребывание в Северной Африке для составления богатой коллекции древностей, медалей, надписей и предметов искусства. Он сам не бывал в южных районах Алжира, но сумел окружить себя серьезными компетентными людьми, снабдившими его множеством точных и ценных сведений относительно ряда малоизвестных мест. Его обширный труд, изданный в двух томах с многочисленными рисунками в тексте, охватывает всю древнюю Нумидию.

Это скорее результат исследований любознательного человека, чем путешественника, и его поиски, надо сказать, часто были направлены по ложному пути. Но какими недостатками ни страдал бы этот труд, для своего времени он представлял известную ценность, потому что никто из предшественников Шоу не располагал такими возможностями и не мог собрать и обработать такой обильный материал.

Следующий отрывок дает представление о характере книги Шоу:

«К числу наиболее распространенных ремесел у кабилы и арабов относится изготовление „хайков“ (так они называют свои шерстяные плащи) и тканей из козьей шерсти, которыми покрывают палатки. Эту работу выполняют только женщины, как когда-то ею занимались Андромаха и Пенелопа;¹ они совершенно не пользуются челноком и проводят каждую нитку утка пальцами. Обычно такой „хайк“ имеет в длину шесть английских локтей, а в ширину — пять-шесть футов и служит кабилам и арабам един-

¹ Андромаха — одна из героинь гомеровского эпоса, жена Гектора, изображенная в «Илиаде» в образе верной жены и нежной матери.

Пенелопа — в греческом эпосе жена Одиссея, царя острова Итака. Согласно «Одиссее» Гомера, Пенелопа во время двадцатилетнего отсутствия мужа отвергала предложения многочисленных женихов. Образ Пенелопы вошел в литературу как символ супружеской верности.

ственной одеждой в течение дня, постелью и одеялом ночью. Эта одежда легкая, но очень неудобная, ибо часто свисает то на одну, то на другую сторону и спадает, так что ее приходится поминутно подтягивать и поправлять. Легко понять, насколько необходим пояс, когда приходится что-либо делать, и, следовательно, насколько удачно аллегорическое выражение, так часто повторяющееся в Библии: подпоясывать чресла.

Манера носить „хайк” и постоянное обыкновение покрываться им, ложась спать, наводят на мысль, что, во всяком случае, наиболее тонкие его сорта, какие носят женщины и кабийская знать, ничем не отличаются от одежды, называвшейся в классической древности „пеплумом”. Весьма вероятно также, что тоги римлян, в которые те заворачивались, набрасывая их на плечи, относились к той же разновидности одежды; судя по складкам на римских статуях, тога или плащ носились почти так же, как „хайк” арабов».

Останавливаться дольше на труде Шоу не стоит, потому что с интересующей нас точки зрения он почти ничего не дает. Лучше несколько подробнее рассказать о путешествии в Феццан Фридриха Конрада Хорнемана.

Молодой немец совершил эту экспедицию на средства и по заданию Научного общества для исследования Африки, основанного в Лондоне¹. Изучив арабский язык и приобретя некоторые познания в медицине, Хорнеман получил окончательное одобрение своих планов со стороны Африканского общества, которое снабдило его рекомендательными письмами и охранными грамотами, а также открыло неограниченный кредит.

В июле 1797 года ученый выехал из Лондона и прибыл в Париж, где познакомился с одним турком, давшим ему письма с самыми настоятельными рекомендациями к некоторым каирским купцам, имевшим деловые связи с внутренними районами Африки.

Молодой путешественник воспользовался пребыванием в Каире для того, чтобы усовершенствоваться в арабском языке и изучить нравы и обычаи местных жителей. Поспешим добавить, что французские ученые, Монж и Бертоле, представили Хорнемана

¹ «Африканское общество» возникло в 1788 году по инициативе Джозефа Банка (спутника Кука). В задачи общества входило исследование Африканского материка для развития британской торговли и утверждения колониального господства. (*Примеч. ред.*)

главнокомандующему египетской армией. Бонапарт принял его очень любезно и обещал оказать возможную помощь.

Хорнеману безопаснее всего было путешествовать, переодевшись мусульманским купцом. Итак, он поспешил выучить несколько молитв и усвоить некоторые привычки, что дало бы ему возможность, как он думал, вводить в заблуждение ничего не подозревающих людей. К тому же он отправился в путь с одним своим соотечественником, Йозефом Фрейденбургом, который двенадцатью годами раньше принял мусульманство, совершил три паломничества в Мекку и свободно говорил на самых употребительных диалектах турецкого и арабского языков. Он должен был служить Хорнеману переводчиком.

Пятого сентября 1798 года путешественник покинул Каир с купеческим караваном и прежде всего посетил знаменитый оазис Юпитера-Аммона, или Сива, находящийся в пустыне к западу от Каира. Оазис Сива представлял собой маленькое независимое государство, признававшее власть турецкого султана, но не платившее ему никакой дани. Вокруг города в радиусе одной-двух миль расположено несколько деревень. Город построен на скале, в которой жители вырыли себе жилища. Улицы так узки и запутанны, что чужестранец не может в них ориентироваться.

Оазис тянется на значительное расстояние. Наиболее плодородная часть представляет собой хорошо орошенную долину окружностью примерно в пятьдесят миль; там растут пшеница и различные овощи. Наилучшие урожаи дают превосходные на вкус финики, известность которых вошла в поговорку у арабов, населяющих Сахару.

С самого начала Хорнеман обратил внимание на развалины и решил обязательно их посетить, так как мало что смог о них узнать от местных жителей. Но всякий раз, как он вступал за ограду, окружавшую эти памятники, за ним шла толпа горожан, и он не имел возможности заняться подробным изучением. Один араб как-то даже сказал ему: «Видно, ты в душе все еще христианин, если так часто приходишь смотреть на изделия рук неверных».

Понятно, Хорнеману пришлось отказаться от дальнейших попыток. Насколько он мог судить по беглому осмотру, то был оазис Аммона, и развалины представляли собой остатки каких-то египетских сооружений.

Доказательством густоты древнего населения оазиса Сива служит большое количество подземных пещер, встречающихся

на каждом шагу, в особенности под холмом, на котором стоит город. Хорнеман тщетно пытался отыскать на этих старинных кладбищах хоть один цельный череп; в найденных им затылочных костях он не мог обнаружить никаких следов того, что когда-то они были заполнены смолой.

Он видел множество остатков одежды, но они совершенно истлели, и определить их происхождение и сорт ткани оказалось невозможным.

Хорнеман провел в этих местах неделю, а затем 29 сентября направился в Шиаху и пересек горную цепь, служащую границей оазиса Сива. До тех пор ничто не нарушало мирного течения путешествия, но в Шиахе Хорнемана обвинили в том, что он христианин и проник в страну в качестве шпиона. Приходилось брать дерзостью. У нашего путешественника не было в ней недостатка. Его повели на допрос, но он спасся благодаря захваченному с собой Корану, который принялся без запинки читать. Тем временем Фрейденбург, опасаясь, как бы не стали рыться в вещах Хорнемана, сжег кусочки мумий, образцы растений, подробный дневник путешествия и все книги. То была невозвратимая потеря.

Спустя несколько дней караван достиг города Ауджила, хорошо известного еще Геродоту, считавшему, что он находится на расстоянии десяти дней пути от оазиса Аммона. Это совпадает со свидетельством Хорнемана, затратившего на переход девять дней. В Ауджиле к каравану присоединились купцы из Бенгази, Мисурата и Джерба, и теперь в нем насчитывалось не меньше ста двадцати человек. После длинного перехода по песчаной пустыне караван достиг холмистой, изрезанной оврагами местности, кое-где поросшей травой и деревьями. Это пустыня Харудж. Ее следовало пересечь, чтобы добраться до Темиссы (Тмессы) — небольшого поселения, построенного на холме и окруженного высокой стеной.

В Зуиле (Зелле) караван вступил на территорию области Феццан. При входе в город путников каждый раз встречали обычными военными играми, а также бесконечными приветствиями и пожеланиями здоровья. Эти изъявления вежливости, часто очень неискренние, по-видимому, занимают большое место в жизни арабов; их частое повторение постоянно удивляло путешественника.

Семнадцатого ноября караван прибыл в Мурзук, столицу Феццана. Он был конечной целью экспедиции. Возделанная тер-

АФРИКА

о. СИЦИЛИЯ

о. КРИТ

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

ЕГИПЕТ

САХАРА

КАМЕРУН

ЭФИОПИЯ

ГОРЬЕ ТИБЕСТИ

МАРШРУТ
ПУТЕШЕСТВИЯ ХОРНЕМАНА

ритория королевства Феццан, по данным Хорнемана, в самой длинной своей части тянется примерно на триста миль с севера на юг, а в самой широкой части — на двести миль с запада на восток; к Феццану относится также гористый район Харудж на востоке и другие пустыни на юге и на западе. Климат там во все времена года малопривычный; летом стоит невообразимая жара, и когда ветер подует с юга, ее с трудом переносят даже местные жители; зимой северный ветер бывает такой пронизывающий и холодный, что жителям приходится разводить костры.

Все природные богатства страны сводятся прежде всего к финикам, а затем к овощам. Мурзук представляет собой главный рынок страны. Туда привозят товары из Каира, Бенгази, Триполи, Гадамеса, Туата и Судана. Предметами торговли являются рабы обоего пола, страусовые перья, шкуры хищных зверей и золото в виде песка и самородков. Из Борну доставляют медь, из Каира — шелка, коленкор, шерстяную одежду, поддельные кораллы, браслеты и многие другие индийские товары. Купцы из Триполи и Гадамеса привозят огнестрельное оружие, сабли, ножи и т. д.

Феццаном управляет султан, происходящий из рода шерифов¹. Его власть неограниченна, но тем не менее он платит триполитанскому бею² дань, которая в переводе соответствовала бы четырем тысячам долларов. Население страны составляет, вероятно (Хорнеман не сообщает, на чем основан его подсчет), семьдесят пять тысяч человек: все они мусульмане.

В отчете Хорнемана можно найти еще некоторые подробности относительно нравов и обычаев этого народа. Путешественник заканчивает свое донесение Африканскому обществу упоминанием о том, что он собирается еще раз побывать в Феццане и надеется прислать новые подробности.

О дальнейшей судьбе экспедиции известно очень мало. Верный спутник ученого, Фрейденбург, умер в Мурзуке. Заболев жестокой лихорадкой, Хорнеман оказался вынужденным пробыть в Мурзуке гораздо дольше, чем рассчитывал. Едва оправившись, он добрался до Триполи, чтобы отдохнуть в обществе нескольких

¹ Ш е р и ф (шариф) — в переводе с арабского «благородный», почетное прозвище потомков Пророка Мухаммада, составлявших в давние времена один из слоев аристократии в мусульманских государствах; нередко потомки Пророка занимали высокие административные должности, становясь правителями городов или их наместниками.

² Б е й — титул военных и гражданских чиновников в некоторых мусульманских странах

живших там европейцев. 1 декабря 1799 года Хорнеман снова направился в Мурзук, откуда 7 апреля 1800 года ушел с караваном дальше в глубь страны. Его влекло в область Борну, лежащую к западу от озера Чад; но из этой гибельной страны, которой предстояло поглотить столько жертв, он не вернулся.

В течение всего XVIII века шел штурм Африканского материка. Исследователи со всех сторон прощупывали «слабые места», пытаясь через них проникнуть во внутренние области Африки. Некоторым это удавалось, но затем их выгоняли жители или же они находили там смерть. Только в наши дни¹ этот загадочный материк начинает раскрывать свои тайны; ко всеобщему удивлению, он оказался полон огромных богатств, каких никто не мог ожидать.

Материалы, собранные Брю относительно Сенегальского берега, требовали уточнения. Но теперь французы не обладали прежними преимуществами. У них появились очень серьезные и предприимчивые соперники в лице англичан. Те были твердо убеждены в важном значении для развития их торговли всякого рода сведений об Африканском материке. Однако, прежде чем перейти к описанию английских экспедиций Хоутона и Мунго Парка, следует сказать несколько слов о путешествии французского естествоиспытателя Мишеля Адансона.

С детства увлекаясь естествознанием, Адансон захотел прославиться открытием новых видов животных и растений. Рассчитывать найти их в Европе не приходилось. Совершенно неожиданно он избрал полем своей деятельности Сенегал.

«Из всех европейских колоний, — пишет Адансон в неопубликованном письме, — Сенегал наиболее труднодоступен, там самый жаркий и нездоровый климат и больше всего подстерегающих на каждом шагу опасностей; следовательно, он менее всего изучен естествоиспытателями».

Поистине нужно было обладать исключительной смелостью и честолюбием, чтобы выбрать маршрут, исходя из подобных мотивов!

Конечно, Адансон был не первый естествоиспытатель, бросившийся очертя голову навстречу всевозможным опасностям; но никогда еще ни один из них не пускался в путь с таким энтузиаз-

¹ Речь идет о второй половине XIX века. (Примеч. ред.)

мом, за свой собственный счет, без всякой надежды на признание. Ведь Адансон прекрасно знал, что по возвращении у него не окажется денег даже на то, чтобы опубликовать результаты своих открытий.

Третьего марта 1749 года Адансон сел на корабль «Шевалье Марен» под командованием д'Апре-де-Манвийета и после остановки в гавани Санта-Крус на Teneriffe высадился в устье реки Сенегал, которую он принимал за Нигер древних географов. В течение почти пяти лет он исходил страну во всех направлениях, побывав в Подоре, Портудале Албрете, в устье Гамбии, и с неслыханным упорством и энергией собрал богатейшие коллекции животных, растений и минералов.

Ему мы обязаны первыми точными сведениями о гигантском дереве баобабе, часто называемом адансония, об образе жизни саранчи, являющейся основной пищей некоторых диких племен, о термитах, строящих настоящие дома, о нескольких видах устриц в устье Гамбии, «сидящих» на деревьях.

«Для сбора устриц, — рассказывает он, — неграм приходится затрачивать гораздо меньше труда, чем можно было бы предположить; они просто обрубают сук с прицепившимися к нему моллюсками. На одном суке их иногда бывает свыше двухсот, а если он имеет разветвления, то получается устричный букет, который человек с трудом может нести».

Впрочем, из всех наблюдений Адансона, какой бы интерес они ни представляли, географы могут почерпнуть очень немного; несколько новых или более исчерпывающих данных о племенах волоф и мандинго — и это все. Он ближе познакомил нас со странами, уже посещавшимися раньше европейцами, но никаких географических открытий не совершил.

Не так обстояло дело с экспедицией, к которой мы теперь перейдем.

Хоутон, капитан 69-го полка, а затем майор, еще в ранней юности, когда служил при английском посольстве в Марокко, имел случай ознакомиться с обычаями и нравами арабов Северной Африки и негров Сенегамбии. В 1790 году он предложил Африканскому обществу в Лондоне свои услуги для путешествия на Нигер и исследования его течения; затем он предполагал посетить город Тимбукту (Томбукту) и вернуться через Сахару. Хоутону удалось только приступить к выполнению этого изумитель-

ного плана, но уже первых попыток оказалось достаточно, чтобы потерпеть решительную неудачу.

Шестнадцатого октября 1790 года путешественник покинул Англию и 10 ноября высадился в Джиллифри (Батерст) близ устья Гамбии. Хорошо принятый королем Барры, он проплыл вверх по течению реки триста лье, затем пересек сухим путем остальную часть Сенегамбии и добрался до страны Бани.

«Там он купил у одного негра, — рассказывает Валькенер в своей „Истории путешествий“, — лошадь и пять ослов и собирался направиться в Медину-Пакаан, главный город маленького королевства Фульбе; он захватил с собой товары, чтобы расплачиваться ими во время путешествия. К счастью, из нескольких слов, оброненных одной негритянкой на языке мандинго, который Хоутон немного понимал, он узнал о составленном против него заговоре. Купцы, занимавшиеся торговлей в прибрежных поселениях, думали, что англичанин путешествует исключительно с коммерческой целью, и, опасаясь, как бы конкуренция не лишила их прибыли, задумали его убить.

Чтобы избавиться от угрожавшей опасности, Хоутон счел благоразумным двигаться не обычной дорогой. Вместе с ослами он вплавь перебрался через реку Геба и очутился на южном ее берегу в королевстве Кантор».

Затем Хоутон вторично переправился через реку и вступил на территорию королевства Фульбе. Там он поспешил послать к королю гонца с подарками и с просьбой о покровительстве. Король принял путешественника в своей столице благожелательно и гостеприимно. Медина-Пакаан, по словам Хоутона, представляет собой большой город, окруженный плодородной равниной, где пасутся многочисленные стада.

Путешественник мог теперь рассчитывать на благоприятный исход своей экспедиции: во всяком случае, все говорило об этом, как вдруг одно событие нанесло первый удар его надеждам. Хижина по соседству с той, где он остановился, загорелась, и вскоре пожар охватил город. Переводчик англичанина, уже несколько раз пыгавшийся его обокрасть, воспользовался случаем и убежал, захватив лошадь и трех ослов.

Но король Фульбе продолжал покровительствовать путешественнику и засыпал его подарками, ценными не сами по себе, а как свидетельство расположения. Этого короля, с уважением относившегося к европейцам, звали Джата; добрый, гуманный,

разумный, он хотел, чтобы англичане основали факторию в его государстве.

«Капитан Литлатон, — писал Хоутон жене, — пробыв здесь четыре года, нажил порядочное состояние; в настоящее время он является владельцем нескольких судов, ведущих торговлю на реке. Здесь в любое время в обмен на дешевые безделушки можно приобрести золото, слоновую кость, воск, рабов и заработать восемьсот процентов годовых на вложенный капитал. Домашняя птица, овцы, яйца, масло, молоко, мед, рыба имеются в большом изобилии, и на десять фунтов стерлингов легко прокормится большая семья. Почва сухая, воздух очень здоровый, и, по словам короля Фульбе, здесь еще не умер ни один белый».

По реке Фалеме Хоутон добрался до Келоба (на карте д'Анвиля — Кукулу) и в Бамбако собрал некоторые сведения о Джалибе (Нигере) — реке, текущей во внутренние области Судана. Вначале она идет с юга на север по Дженне, а затем с запада на восток до Тимбукту. Эти сведения вскоре подтвердил Мунго Парк. Король Бамбако принял путешественника ласково, дал ему проводника до Тимбукту и снабдил раковинами каури¹ для расплаты за продовольствие во время пути.

Имелись все основания надеяться, что Хоутону удастся благополучно добраться до Нигера, но вдруг английский колонист доктор Ледли получил написанную карандашом записку с полустершимися словами. Она была послана из Сансандинга, и в ней путешественник сообщал, что у него украли все вещи, но он продолжает путь к Тимбукту. Вскоре некоторые другие сведения, поступавшие с разных сторон, дали основание предполагать, что Хоутона убили в стране бамбара. Его судьбу окончательно выяснил лишь Мунго Парк.

«Сансандинг, — пишет Валькенаер, — где Хоутон написал последнюю дошедшую от него записку, представляет собой маленький, окруженный стеной городок на границе королевства Лудамар. Там носильщики-негры покинули путешественника, не захотев следовать за ним в страну мавров. Он все же продолжал путь и, преодолев множество препятствий, продвинулся на север и пытался пересечь Лудамар. Наконец он прибыл в Джару², где по-

¹ Каури, или ужовка — морской брюхоногий моллюск. Раковины каури яйцевидной формы, блестящие, с разнообразной пестрой окраской. Раковины каури с глубокой древности употреблялись в качестве денег в различных странах Азии и Африки.

² Джара, или Джарра — современный город Ниоро.

знакомился с несколькими мавританскими купцами, направлявшимися за солью в Тишит — городок, расположенный близ солончаков Сахары, в десяти днях пути к северу от Джары. Дав купцам ружье и немного табаку, Хоутон уговорил их довести его до Тишита. Если вспомнить о постигшей путешественника участи, невольно напрашивается предположение, что мавры постарались его обмануть как в отношении направления, которого он должен был держаться, так и характера страны, расположенной между Джарой и Тимбукту».

К концу второго дня пути Хоутон, заметив, что его обманывают, захотел вернуться в Джару; тогда мавры ограбили его и убежали. Ему ничего не оставалось, как попытаться пешком дойти до Джары. Умер ли он от голода или был убит арабами? В точности это осталось неизвестным, но Мунго Парку показали место, где он погиб.

Вследствие утери дневников и записей наблюдений все труды и рвение Хоутона оказались почти бесполезными для развития географической науки. С подробностями его экспедиции можно ознакомиться лишь по «Трудам Африканского общества».

Мунго Парк, двадцатичетырехлетний шотландец-врач, вернувшись из плавания в Ост-Индию, узнал, что Африканское общество подыскивает путешественника, который рискнул бы проникнуть в глубь Африканского материка, поднявшись по реке Гамбии. Мунго Парк, уже давно мечтавший об исследованиях природы Центральной Африки, а также нравов и обычаев населяющих ее народов, предложил свои услуги, хотя к тому времени уже не оставалось почти никаких сомнений в гибели его предшественника, майора Хоутона.

Африканское общество охотно согласилось, и Мунго Парк занялся приготовлениями к экспедиции. 22 мая 1795 года он отплыл из Портсмута с рекомендательными письмами к доктору Ледли и кредитом в двести фунтов стерлингов.

Высадившись в Джиллифри близ устья Гамбии, он поднялся вверх по течению реки и достиг английской торговой фактории Пизанну, которую возглавлял доктор Ледли. Первой заботой Мунго Парка было изучить наиболее распространенный местный язык — негритянского племени мандинго; затем он приступил к сбору сведений, необходимых для предстоящего путешествия.

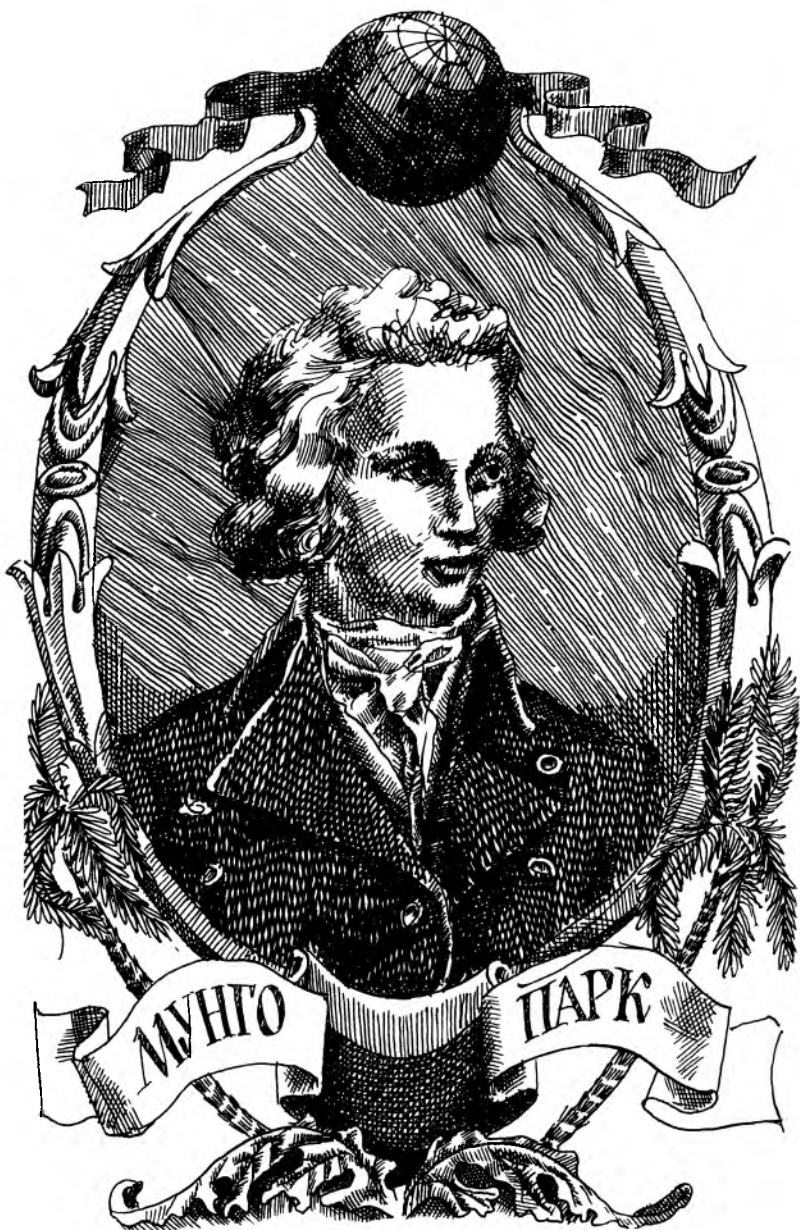
За время, посвященное подготовке, ему удалось получить гораздо более точные и подробные данные, чем его предшествен-

никам, относительно племен фулуп, волоф, фульбе и мандинго. Первые — угрюмые, склонные к ссорам и мстительные, но храбрые и преданные; вторые представляют собой могущественную и воинственную народность, отличающуюся очень темной кожей. Если не считать цвета кожи и языка, они очень похожи на мандинго. Эти последние, высокие и хорошо сложенные, обладают мягким характером и общительны. Женщины довольно милостивы. Наконец, фульбе, у которых кожа светлее, чем у остальных, по видимому, имеют большую склонность к пастушеской и земледельческой жизни. Большинство местных жителей мусульмане, и у них принято многоженство.

Второго декабря Мунго Парк, захватив небольшой багаж, двинулся в глубь страны, сопровождаемый двумя неграми-переводчиками. Прежде всего он попал в маленькое королевство Фульбе; его столица Медина-Пахан насчитывала до тысячи домов. Затем он посетил довольно большой город Кедугу и после двухдневного перехода через пустыню прибыл в область Бадон. Население там принадлежит к племени фульбе, исповедует мусульманство и, кроме скотоводства и земледелия, занимается торговлей слоновой костью. Вскоре путешественник достиг реки Фалеме, берущей начало в горах Лабе; вблизи от истоков она протекает по соседству с значительными месторождениями золота. В Фатеконде, столице области Бадон, его принял властитель, который никак не желал поверить тому, что можно путешествовать исключительно из любознательности. Сцена встречи Мунго Парка с женами этого царька оказалась довольно забавной.

«Как только я вошел во двор, — рассказывает шотландец, — меня окружил весь сераль. Одни просили лекарства, другие — амбру, и все хотели подвергнуться излюбленному в Африке способу лечения — кровопусканию. Женщины, числом десять или двенадцать, почти все были молодые и хорошенькие, с золотыми украшениями и крупинками амбры в прическах. Они весело смеялись надо мной по разным поводам. Особенно забавляли их белизна моей кожи и мой длинный нос; они утверждали, что то и другое не настоящие. По их словам, мою кожу выбелили, окуная меня в молоко, когда я был еще ребенком, а нос удлиннили, потягивая его каждый день, пока он не приобрел своей безобразной и противоестественной формы».

Направившись из Бадона к северу, Мунго Парк вступил на территорию Кажааги, называемой французами Галам. Климат

этой живописной страны, орошаемой водами Сенегала, гораздо здоровее, чем в местах, расположенных ближе к побережью. Жители называют себя серавулли, а французы именуют их сераколетами. Кожа у них черная как смоль, и в этом отношении они ничем не отличаются от племени волоф.

«Серавулли, — сообщает исследователь, — обычно занимаются торговлей. Когда-то они вели ее в очень больших масштабах с французами, продавая им золотой песок и рабов. Теперь они время от времени снабжают рабами английские фактории, основанные на берегах Гамбии».

В Кожааги у Мунго Парка отобрали половину его имущества в качестве платы за право прохода. К счастью, племянник властителя области Хасонне, собиравшийся вернуться на родину, взял путешественника под свое покровительство. Они вместе добрались до селения Гонгади, где находятся прекрасные насаждения финиковых пальм, а затем до границы области Хасонне на берегу Сенегала.

Первый город, оказавшийся на их пути на территории Хасонне, был Каес, куда шотландец прибыл 31 декабря. Местные жители оказали ему хороший прием и продали по дешевой цене продукты, в которых он нуждался; но со стороны местных властей он подвергался всяческим притеснениям.

Десятого января 1796 года Мунго Парк направился в Куниакари, столицу Хасонне, плодородной, богатой и густо населенной страны, способной выставить армию в сорок тысяч человек. Властитель, отнесшийся к путешественнику очень благожелательно, хотел, чтобы тот остался в его стане до тех пор, пока не закончится война между государствами Хасонне и Кажаага. В эту войну не могли не ввязаться и другие мавританские области — Каарта и Бамбара, куда собирался направиться Мунго Парк. Совет властителя был благоразумным, и путешественник не раз упрекал себя в том, что ему не последовал.

Однако, горя нетерпением проникнуть в глубь Африки, исследователь не внял никаким доводам и двинулся в Каарту — страну однообразных песчаных равнин. По дороге он встретил толпу жителей, бежавших в Хасонне, чтобы спастись от ужасов войны. Это зрелище не остановило отважного шотландца, и он продолжал путь в столицу Каарты, расположенную среди открытой плодородной равнины.

Мавританский царек Дези-Курабари приветливо принял Мунго

Парка и попытался отговорить его от дальнейшего путешествия в Бамбара; убедившись в тщетности своих усилий, он посоветовал путешественнику направиться в населенную маврами область Лудамар, чтобы избежать встречи с сражающимися армиями и от туда проникнуть в Бамбара.

Во время этого перехода Мунго Парк видел негров, которые питались чем-то вроде хлеба, по вкусу напоминавшего пряник и приготовленного из семян лотоса. Это растение, *ghamnus lotus*, в большом количестве встречается в Сенегамбии, Судане и Тунисе.

«Не приходится сомневаться, — пишет Мунго Парк, — что это семена того самого лотоса, которыми, по словам Плиния, питались лотофаги Ливии. Я ел хлеб из лотоса и думаю, что на таком хлебе может прекрасно прожить армия, как жили, по сообщению Плиния, ливийцы. На вкус хлеб сладок и приятен, и солдаты на него, по-видимому, не жаловались».

Двадцать второго февраля шотландец прибыл в Ниоро, довольно большой город с каменными домами, населенный неграми, явившимися туда с юга, чтобы найти покровительство у мавров, которым они платят значительную дань. От Али, властителя Лудамара, путешественник получил разрешение беспрепятственно двигаться через его страну. Несмотря на дружественные заверения властителя, мавры-фанатики из Деены почти дочиста ограбили Мунго Парка, но это очередное злоключение не помешало ему продолжать путь. Местные жители встречали путешественника очень гостеприимно, и он уже не сомневался, что благополучно достигнет отдаленных областей Судана; но тут появился посланный ему вдогонку отряд солдат Али и отвел его в резиденцию царька.

«Али, — рассказывает Мунго Парк, — сидя на подушке из черного сафьяна, подстригал себе усы, а женщина-рабыня держала перед ним зеркало. Это был старик, чистокровный араб, с длинной седой бородой, казавшийся мрачным и недовольным. Некоторое время он внимательно меня разглядывал, затем спросил доставивших меня людей, говорю ли я по-арабски. Те дали отрицательный ответ. Властитель, как видно, очень удивился и снова умолк. Окружавшие короля лица, в особенности женщины, не следовали его примеру. Женщины засыпали меня вопросами, осмотрели все части моей одежды, порылись у меня в карманах и заставили растегнуть жилет, чтобы убедиться в белизне моей кожи. Они дошли даже до того, что сосчитали пальцы у меня на

ногах и руках, словно сомневались, действительно ли я принадлежу к человеческому роду».

Итак, Мунго Парк очутился в плену. К христианину, подозреваемому в шпионаже, мавры относились жестоко. Оскорбления, обиды, побои — все досталось на его долю. Его хотели сделать цирюльником, но в этом малопочтенном ремесле ему помешала утвердиться неловкость: он основательно испортил прическу сыну Али. За время вынужденного бездействия неутомимому исследователю удалось собрать некоторые сведения о Тимбукту — городе, куда европейцам так трудно было проникнуть, мечте всех путешественников по Африке.

Один шериф рассказал Мунго Парку, что в пустыне расположен город Валата, который больше, чем Тимбукту, но так как он находится далеко от Нигера и основным предметом торговли в нем является соль, чужестранцев там гораздо меньше. От Бафулабе до Валата десять дней пути. По дороге между этими двумя городами нет ни одного более или менее крупного поселения, и питаться приходится молоком, покупая его у арабов, чьи стада пасутся вокруг колодцев и луж. В течение двух дней надо идти по песчаной местности, где совершенно нет воды.

«Затем требуется одиннадцать дней, чтобы добраться от Валата до Тимбукту. Но эту часть пути обычно продельвают на волах, так как вода там встречается значительно чаще. В Тимбукту живет много евреев; они все говорят по-арабски и читают те же молитвы, что и мусульмане».

Тем временем ход военных действий заставил Али принять решение отправиться в Ниоро. Мунго Парк, сумевший заручиться расположением любимой жены царька, Фатимы, получил разрешение его сопровождать. Приблизившись таким образом к театру военных действий, путешественник надеялся воспользоваться благоприятным случаем и спастись бегством. Действительно, властитель Каарта вскоре начал победоносное наступление на Ниоро. Большая часть жителей поспешно покинула город, и Мунго Парк последовал их примеру.

Ценою смертельной опасности ему удалось вырваться на свободу, но переводчик отказался его сопровождать. Шотландцу пришлось добираться до Бамбара одному, без всяких средств.

Первым городом на его пути оказался Варва; он находился, собственно говоря, на территории области Каарта, платившей в то время дань Мансонгу, властителю Бамбара.

«Утром 7 июля, когда я собирался уходить, — рассказывает Мунго Парк, — хозяин с очень смущенным видом попросил дать ему прядь моих волос. Ему сказали, пояснил он, что волосы белого человека являются „сафис” (талисманом); владеющий им приобретает всю мудрость белых. Я никогда не слышал о таком простом способе стать образованным человеком, но сразу же предоставил себя в распоряжение хозяина. Бедняга так жаждал набраться знаний, что обкорнал мне чуть не полголовы, в спешке то и дело вырывая клочья волос. Он охотно сделал бы то же самое и со второй половиной, если бы я не выразил некоторого недовольства и не заявил ему о своем желании сохранить на другой раз хоть часть моей драгоценной шевелюры».

Испытав бесчисленные невзгоды и лишения, Мунго Парк прошел Галлу, а затем Мурджу — большой город, один из центров торговли солью. Приблизившись к Сегу, путешественник смог наконец узреть Джолибу.

«С огромной радостью, — рассказывает он, — я увидел перед собой заветную цель моей экспедиции, величественный Нигер, к которому так давно стремился. Равный по ширине Темзе восточнее Вестминстера, он сверкал в солнечных лучах и медленно нес свои воды к востоку. Я подбежал к берегу и, напившись из реки, протер руки к небу, возблагодарив Всевышнего за то, что мои усилия увенчались полным успехом.

Впрочем, то обстоятельство, что Нигер течет к востоку, местами отклоняясь на юго-восток и северо-восток, не вызвало у меня особого удивления. Когда я покидал Европу, у меня в этом вопросе были большие сомнения, но они почти совершенно рассеялись после того, как во время путешествия в ответ на мои постоянные расспросы о Нигере представители разных племен неизменно утверждали, что он течет в сторону восходящего солнца. К тому же и Хоутон, как я знал, собрал тем же способом аналогичные сведения.

Столица области Бамбара, Сегу, куда я теперь прибыл, состоит, в сущности, из четырех отдельных городов, из которых два расположены на северном берегу реки и называются Сегу-Корро и Сегу-Бу. Два других, находящихся на южном берегу, носят названия Сегу-Су-Корро и Сегу-Сее-Корро. Все они окружены высокими земляными валами. Дома построены из глины; они имеют четырехугольную форму и плоскую крышу; попадаются и двухэтажные дома; некоторые побелены известкой.

Кроме жилых зданий, во всех кварталах возвышаются мечети, построенные маврами. Улицы, хотя и тесные, все же достаточно широки, чтобы по ним можно было беспрепятственно двигаться в стране, где экипажи на колесах совершенно неизвестны. По тем данным, какие мне удалось собрать, я склонен считать население Сегу равным примерно тридцати тысячам.

Властитель Бамбара имеет постоянную резиденцию в Сегу-Сее-Корро; он держит большое количество рабов для перевозки жителей с одного берега реки на другой. Плата, взимаемая за эти услуги, дает властителю за год порядочный доход.

Под влиянием мавров царек не пожелал принять путешественника и запретил ему пребывание в своей столице, где он к тому же не мог оградить его от неприятностей. Однако, чтобы не придать отказу характера недоброжелательности, он послал Мунго Парку мешок с пятью тысячами раковин каури (на французские деньги около двадцати пяти франков) для покупки провизии. Посланец царька должен был, кроме того, служить путешественнику проводником до Сансандинга. Протестовать, возражать было бесполезно; оставалось лишь подчиниться, что Мунго Парк и сделал.

По дороге в Сансандинг он присутствовал при сборе растительного масла, получаемого из плодов дерева «шн».

«Это дерево, — сообщается в отчете, — очень распространено во всей этой части Бамбара. Жители его не сажают, но оно встречается в естественном состоянии в лесах. По виду оно сильно напоминает американский дуб. Плод, из косточки которого, высушенной на солнце и вываренной в воде, готовят растительное масло, несколько напоминает испанскую оливу. Косточка окружена сладкой мякотью, покрытой тонкой зеленой кожицей. Получаемое масло обладает тем преимуществом, что сохраняется без соли в течение года; кроме того, оно белее, тверже и, по моему мнению, вкуснее, чем любое масло из коровьего молока, какое мне приходилось когда-либо есть. Это один из главных предметов торговли в здешних краях».

Город Сансандинг, насчитывающий от восьми до десяти тысяч жителей, является рынком, постоянно посещаемым маврами, которые доставляют сюда с берегов Средиземного моря стеклянные изделия и меняют их на золотой песок и хлопчатобумажные ткани. Мунго Парку не разрешили остановиться и здесь; из-за назойливости жителей и клеветы фанатиков-мавров ему пришлось от-

казаться от' крайне необходимого отдыха и, не задерживаясь, продолжать свой путь. Так как его лошадь была истощена от усталости и недоедания, он поплыл по Нигеру, или, как его называет местное население, Джолибе, на лодке.

В Мурзане, рыбацкой деревне, расположенной на северном берегу реки, Мунго Парк вынужден был прекратить дальнейшие исследования. Чем дальше он двигался на восток, спускаясь по течению реки, тем большей опасности он подвергался со стороны мавров. Начался период дождей, и вскоре путешествовать можно было лишь в лодке. Однако из-за отсутствия всяких средств Мунго Парк не мог ее нанять, а прежняя пришла в негодность, и ему приходилось жить милостыней. Плыть дальше в том же направлении — означало не только рисковать жизнью, но и, возможно, похоронить вместе с собой результаты своих трудов и усилий. Конечно, возвращение на Гамбию было не легким делом; предстояло сделать несколько сот миль пешком по труднопроходимой местности, но надежда на благополучное завершение путешествия, без сомнения, поддерживала в нем бодрость.

«Прежде чем покинуть Сегу, — пишет шотландец, — я счел необходимым получить от мавританских и негритянских купцов все сведения, какие только было возможно, относительно дальнейшего течения Нигера к востоку и о местоположении и величине прилегающих к нему королевств...

В двух днях пути от Сегу находится город Дженне, расположенный на маленьком острове, образованном рекой, и насчитывающий больше жителей, чем Сегу и даже любой другой город в Бамбара. На расстоянии еще двух дней пути река расширяется и образует довольно большое озеро, называемое Дебо (Темное озеро). О его размерах мне удалось узнать лишь то, что, пересекая его с запада на восток, лодки на целый день теряют из виду берега. Из озера вода вытекает несколькими потоками, в конце концов образующими два больших разветвления реки, одно из которых идет на север, а другое на восток, но оба рукава соединяются у поселка Кабра, находящегося на расстоянии одного дня пути к югу от Тимбукту и являющегося гаванью этого города. Область, заключенная между двумя рукавами Нигера, называется Джинбала; она населена неграми. Общее расстояние по суше от Дженне до Тимбукту равняется двенадцати дням пути.

К северо-востоку от области Масина находится королевство Тимбукту — заветная цель европейских путешественников. Сто-

лица королевства представляет собой один из главных пунктов обширной торговли между маврами и неграми. Надежда нажить-ся на торговле и религиозное рвение привлекли в этот большой город мавров и принявших мусульманство негров. Сам король и главные вельможи его государства более суровы и более нетерпимы по отношению к христианам, чем вожди других мавританских племен в этой части Африки».

Итак, шотландцу пришлось пуститься в обратный путь по дорогам, размокшим от дождей и наводнений. Он миновал Мурзан, Кеа и Модибу, где разыскал свою лошадь, оставленную для подкорма, затем Ниоро, Сансандинг, Саме, Саи, окруженный глубокими рвами и высокими стенами с четырехугольными башнями, затем Джаббу, довольно большой город, откуда видны высокие горы, и, наконец, прибыл в Таффару, где его приняли весьма негостеприимно.

В деревне Суха Мунго Парк попытался попросить милостыню у «дути», но тот ответил, что ничего не может ему уделить.

«Пока я разглядывал этого сурового человека, — рассказывает исследователь, — и старался понять причину злости и недовольства, которые выражали черты его лица, он подозвал раба, работавшего на соседнем поле, и велел ему захватить с собой заступ. Указав затем место недалеко, он приказал вырыть в земле яму. Раб принялся копать землю, а „дути“, человек, по-видимому, нетерпеливый, что-то бормотал про себя, пока яма не была почти закончена. Затем он два раза подряд произнес слова „данкату“ (ни на что не годный), „джанкра лемен“ (настоящая зараза); по всей вероятности, эти выражения относились ко мне.

Так как яма сильно напоминала могилу, я почел за благо сесть на лошадь и уже совсем собрался ускакать, как вдруг раб, ухившийся в деревню, вернулся и принес совершенно голое тело мальчика примерно девяти или десяти лет. Негр нес труп, держа его за руку и за ногу, и бросил его в могилу с таким варварским безразличием, какого мне никогда не приходилось видеть. Пока он засыпал яму, „дути“ не переставал повторять: „нафула аттиниата“ (потерянные деньги), из чего я заключил, что ребенок был одним из его рабов».

Двадцать первого августа Мунго Парк покинул Куликоро, где добывал себе пропитание писанием «сафис» (талисманов) для местных жителей, и направился в Бамако — крупный центр торговли солью. Поблизости от города с вершины холма путешест-

венник различил длинную цепь гор, расположенных в стране Конг, повелитель которой мог выставить более многочисленную армию, чем король Бамбара.

Ограбленный разбойниками, отнявшими последние остатки имущества, несчастный Мунго Парк, находившийся в пятистах лье от ближайшего европейского поселения, среди огромной пустыни, в период дождей, почувствовал, что силы и надежды его покидают. Но такое состояние продолжалось недолго. Сбравшись с мужеством, он добрался до города Сенудебу, и там «манза», или начальник, распорядился вернуть ему лошадь и одежду, украденные у него разбойниками-фулахами. Затем путешественник достиг Камалин, где местный властитель Карфа Таура предложил ему по окончании периода дождей отправиться на Гамбию с караваном рабов. Вконец измученный, без всяких средств, больной лихорадкой, в течение пяти недель не дававшей ему возможности выходить, европеец вынужден был согласиться на это предложение.

Девятнадцатого апреля караван пустился в путь к побережью. Легко себе представить, как обрадовался Мунго Парк, когда настал этот день. Пройдя пустыню Джаллонка и переправившись через главное русло Сенегала, а затем через Фалеме, караван достиг наконец берегов Гамбии и вошел в английский форт Пизанну, где 12 июня 1797 года доктор Ледли радостно встретил исследователя, которого не надеялся больше увидеть.

Двадцать второго сентября того же года Мунго Парк вернулся в Англию. Известие об его открытиях вызвало такой восторг, все с таким нетерпением ждали описания этого путешествия, несомненно самого замечательного из всех, до тех пор совершенных в эту часть Африки, что Африканскому обществу пришлось разрешить ученому опубликовать сокращенный отчет о своих приключениях, предоставив в его пользу доход от издания книги.

О природе страны, нравах и обычаях ее жителей Мунго Парк собрал больше ценных сведений, чем его предшественники. Он установил местонахождение истоков Сенегала и Гамбии, изучил течение Нигера, или Джолибы, идущее к востоку, между тем как Гамбия течет к западу.

Точными фактами ученый положил конец спору, шедшему до тех пор между географами. Теперь уже было невозможно смешивать эти три реки, как сделал в 1707 году французский географ Делиль, показавший на своей карте, что Нигер от Борну те-

чет к востоку и кончается рекой Сенегалом на западе. Впрочем, сам Делиль признал свою ошибку и исправил ее на картах 1722 — 1727 годов — несомненно, на основании сведений, собранных Андре Брю, правителем Сенегала.

Правда, Хоутон получил от туземцев довольно точные данные об истоках Нигера в стране Мандинго, о примерном местонахождении Сигу, Дженне и Тимбукту; но Мунго Парк на основании собственных наблюдений окончательно установил географическое положение двух первых городов и сообщил о характере страны и населяющих ее племенах гораздо более подробные сведения, чем имелись раньше.

Поэтому, как мы указывали выше, общественное мнение правильно оценило важное значение этого путешествия, а также талант, мужество и правдивость того, кто его совершил.

Некоторое время спустя английское правительство хотело поручить Мунго Парку руководство экспедицией во внутренние области Австралии, но он отказался.

Через несколько лет, в 1804 году, Африканское общество, решив завершить исследование Нигера, предложило шотландцу стать во главе новой экспедиции. На этот раз Мунго Парк не счел возможным отказаться и 30 января 1805 года покинул Англию. Два месяца спустя он высадился в Горе.

Ученого сопровождали его шурин, врач Андерсон, художник Джордж Скотт и пять стрелков. Кроме того, ему предоставили право пополнить отряд таким количеством солдат, какое он признает необходимым, и открыли кредит в 5000 фунтов стерлингов.

«Эти значительные материальные средства, — пишет Валькнер в своей „Истории путешествий“, — намного превосходившие те, что Африканское общество могло бы собрать путем общественной подписки, отчасти послужили, по нашему мнению, причиной гибели путешественника. Алчные притязания африканских властителей возросли, так как они считали Мунго Парка очень богатым, и необходимость изыскивать способы уклоняться от их чрезмерных требований, удовлетворить которые было невозможно, явилась одной из причин катастрофы, положившей конец экспедиции».

Четыре плотника, офицер и тридцать пять солдат, а также купец из племени мандинго, по имени Исаак, взявший на себя обязанности проводника, составили вместе с уже названными участ-

никами экспедиции внушительный караван. 27 апреля 1805 года Мунго Парк покинул Каес и на следующий день прибыл в Пизанну, откуда десять лет тому назад отправился в первое путешествие. Затем он двинулся на восток к берегам Нигера, держась до Бамбара того же самого пути, каким шел когда-то. К концу перехода из всех европейцев, принимавших в нем участие, остались в живых лишь шесть солдат и один плотник. Все остальные умерли от изнеможения, лихорадок и других болезней, обычно распространяющихся во время разлива рек. Поборы мелких властителей, через территории которых прошла экспедиция, значительно сократили запас захваченных для обмена товаров.

Вскоре Мунго Парк допустил серьезную оплошность. В Сансандинге, городе с одиннадцатитысячным населением, он обратил внимание, что на рынке царит очень большое оживление и что на нем продают драгоценные камни для ожерелий, индиго, сурьму, кольца, браслеты и бесчисленное множество других товаров; их предложение значительно превышало спрос.

«Он открыл, — рассказывает Валькенер, — торговлю в широком масштабе и выставил в своей лавке отборный ассортимент европейских изделий для продажи оптом и в розницу. Мунго Парк считал, что полученная им огромная прибыль возбудила зависть остальных купцов. Жители Дженне, мавры, купцы из Сансандинга объединились с купцами из Сегу и старались подговорить властителя Мансонга завладеть имуществом европейца, а затем убить его или выгнать из Бамбара. Несмотря на то, что Мунго Парку было известно о составленном против него заговоре, он продолжал ежедневно торговать в своей лавке и за один день выручил двадцать пять тысяч семьсот пятьдесят шесть каури».

Двадцать восьмого октября после четырехмесячной болезни умер Андерсон, и Мунго Парк вторично оказался один в сердце Африки. Он получил от властителя Мансонга разрешение построить в Сансандинге лодку, чтобы спуститься по течению Нигера; он назвал ее «Джолиба» и назначил отплытие на 16 ноября.

На этом обрываются записи исследователя, заканчивающиеся подробным описанием жителей берегов Нигера и природы стран, впервые им открытых. Доставленный в Европу дневник, хотя и представлявший совершенно не обработанный материал, был напечатан, как только подтвердились печальные предположения о том, что его автор погиб в водах Джолибы. В сущности, во время второй экспедиции Мунго Парк не совершил никаких новых от-

крытый, но опубликование его записей представляло значительный интерес для географической науки. Обладая теперь большими познаниями, он определил путем астрономических наблюдений местоположение наиболее крупных городов, что могло послужить серьезной основой для составления карты Сенегамбии.

Эта задача вскоре была поручена Африканским обществом географу Арроусмиту. Выполнив работу, он отметил в кратком предисловии большие расхождения, обнаруженные им между местоположением тех или иных точек, указанных в путевом дневнике Мунго Парка, и координатами, установленными с помощью астрономических наблюдений. Арроусмит сообщил, что, не имея возможности устранить эти расхождения, он вынужден был отодвинуть дальше к северу маршрут, которым Мунго Парк следовал во время своего первого путешествия.

Противоречие казалось очень странным; объяснить его удалось французу Валькенеру, человеку энциклопедического ума, который последовательно или одновременно был префектом, географом и писателем. Он обнаружил в дневнике Мунго Парка забавную ошибку; на нее не обратили внимания ни редактор английского издания, ни французский переводчик, допустивший крайне грубую небрежность. В дневнике имеется описание того, что Мунго Парк делал «31 апреля». Общеизвестно, однако, что в этом месяце только тридцать дней. Отсюда следует, что на протяжении всего путешествия исследователь ошибался в датах ровно на сутки и что при своих исчислениях он пользовался величинами склонения солнца вчерашнего дня, думая, что они относятся к текущему. Пришлось поэтому внести в карту Арроусмита существенные поправки; но, даже признавая некоторые неточности данных Мунго Парка, приходится согласиться с тем, что он первый заложил прочную основу для создания карты Сенегамбии.

Хотя донесения, полученные английским правительством, не оставляли сомнений относительно гибели Мунго Парка, все-таки губернатор Сенегала, до которого дошли слухи о каких-то белых людях, будто бы виденных в глубине Африки, снарядил экспедицию, поручив руководство ею негру Исааку, бывшему переводчику ученого, добросовестно доставившему его дневник английским властям. Мы не станем приводить рассказ об этом путешествии, не содержащий никаких новых фактов, и остановимся лишь на сведениях, относящихся к последним дням Мунго Парка.

В Сансандинге Исаак встретил Амади Фатуму, негра, который

сопровождал исследователя в плавании на «Джолибе» и присутствовал при его смерти; тот рассказал следующее:

«Мы отплыли от Сансандинга и через два дня достигли Силлы, того места, где закончилось первое путешествие Мунго Парка.

Еще два дня плавания привели нас затем в Дженне. На озере Дебо за нами увязались три лодки с неграми, вооруженными пиками, копьями и луками, но не имевшими ружей. Миновав Ракбару, затем Тимбукту, мы снова подверглись преследованию аборигенов на трех лодках, пришлось с оружием в руках отражать нападение, убив при этом нескольких туземцев. У Турма-Таруса на нас напали семь лодок, но их атака была отбита. До Каффы, где мы остановились на день, пришлось выдержать еще несколько стычек, принеших неграм большие потери. Затем мы спустились по реке и бросили якорь в Буреме, на следующий день заметили отряд арабов, беспрепятственно пропустивший нашу лодку.

Теперь мы вступили в страну хауса и вскоре прибыли в Яур.

Мунго Парк послал Амади Фатуму в город купить провизию и вручить подарки местному вождю. Принимая подарки, тот спросил, вернется ли белый путешественник, чтобы осмотреть его страну. Исследователь, которому передали вопрос вождя, счел нужным дать отрицательный ответ. Вероятно, это послужило причиной его смерти. Вождь, убедившись в том, что больше никогда не увидит Мунго Парка, решил завладеть подарками, предназначенными королю.

Назавтра вождь, предупрежденный об отъезде белых путешественников, отправил отряд в деревушку Бусса, расположенную на берегу реки. Когда показалась лодка европейцев, в нее полетел град камней и стрел. Кинув в реку багаж, Мунго Парк и его спутники бросились в воду, и все утонули».

Так печально кончилась жизнь первого европейца, проплавшего по Нигеру и побывавшего в Тимбукту. Впоследствии было сделано еще много подобных попыток, но почти все они потерпели неудачу.

В конце XVIII века двое из лучших учеников знаменитого естествоиспытателя Линнея совершили путешествие для изучения природы Южной Африки. То были С п а р р м а н, занявшийся изучением животного мира, и ботаник Г у н б е р г. Отчет об исследованиях Спаррмана, прерванных, как мы уже упоминали, путешествием в Океанию с экспедицией Кука, вышел в свет первым.

На французский язык его перевел Летуриёр. В предисловии — такого уж традиция переводчиков — Летуриёр выражал сожаление по поводу гибели ученого путешественника, умершего во время скитаний по Золотому берегу. К тому времени, когда перевод вышел в свет, Спаррман вернулся живым и здоровым.

Тридцатого апреля 1772 года Спаррман вступил на землю Африки, высадившись у мыса Доброй Надежды. В ту эпоху Кейптаун представлял собой маленький городок и занимал всего две тысячи шагов в длину и столько же в ширину вместе с примыкавшими к нему садами и огородами. Вдоль широких улиц росли дубы; дома были снаружи выбелены или выкрашены в зеленый цвет, чему Спаррман не переставал удивляться.

Приехав в Капскую колонию¹, естествоиспытатель воспользовался возможностью совершить несколько экскурсий в окрестности и взобраться на Столовую гору, что было сопряжено с некоторым риском. За время этих прогулок он смог также изучить образ жизни буров и их взаимоотношения с рабами. О настроении последних можно судить по тому, что всем фермерам приходилось на ночь запира́ть дома и держать под рукой заряженные ружья. Колонисты большей частью отличались непосредственностью и исключительным гостеприимством, несколько забавных примеров которого приводит Спаррман.

«Я подошел, — рассказывает он, — к дому фермера по фамилии Ван дер Спуй; это был вдовец, уроженец Африки и отец владельца виноградников Красная Констанса, или Старая Констанса.

Прикидываясь, что не замечает меня, он неподвижно стоял в аллее, ведущей к дому. Когда я приближался к нему, он не сделал ни шага навстречу, но, взяв меня за руку, приветствовал следующими словами: „Здравствуйте, добро пожаловать! Как вы поживаете? Кто вы такой? Стакан вина? Трубку табаку? Не хотите ли чего-нибудь поесть?“ Я отвечал на вопросы также лаконично и принимал все предложения по мере того, как они делались. Его дочь, стройная добродушная девочка лет двенадцати — четырнадцати, подала на стол великолепный кусок тушеной бараньей грудинки с гарниром из моркови; после обеда она с такой ми-

¹ Капская колония — английская колония в Южной Африке. Была основана голландцами в 1652 году. Потомки этих первых колонистов получили название буров. Колонизаторы истребляли и обращали в рабство коренное население — бушменов и готтентотов. В 1795 году англичане захватили Капскую колонию. С образованием Южно-Африканского Союза (1910) Капская колония была превращена в его провинцию.

лой улыбкой предложила мне кофе, что я не знал, чему отдать предпочтение — обеду или молодой хозяйке. Скромность и сердечная доброта так и сквозили в чертах лица и поведении отца и дочери. Я несколько раз обращался к хозяину, пытаясь вызвать его на разговор; он отвечал кратко и сдержанно. Я отметил, что он никогда первый не нарушал молчания, если не считать единственного случая, когда он предложил мне остаться у них до завтра. Я все же распрощался, горячо тронутый столь редкими проявлениями доброжелательства...»

Спаррман совершил несколько небольших путешествий, в частности в Хаут-Бей и в Парл, во время которых имел возможность установить, насколько преувеличены рассказы Кольбе, побывавшего до него в этих краях.

Спаррман предполагал продолжать экскурсии зимой и проектировал путешествие внутрь страны на будущую весну, но в это время в Кейптаун пришли фрегаты «Резолюшен» и «Адвенчер» под начальством капитана Кука. Форстер предложил молодому шведскому естествоиспытателю сопровождать его, что дало Спаррману возможность побывать в Новой Зеландии, Тасмании, Новой Голландии, на Таити, на Огненной Земле, во льдах Антарктики и в Новой Южной Георгии. Затем он вернулся в Кейптаун, где высадился 22 марта 1775 года.

Прежде всего Спаррман приступил к подготовке путешествия в глубь страны; для увеличения своих денежных средств он в течение зимы занимался медицинской практикой. Он постепенно приобрел семена, лекарства, ножи, огнива, коробки с трутом, спирт для хранения образцов. Наконец весь груз был уложен на огромную телегу, запряженную пятью парами волов.

«Необходимо, — рассказывает он, — чтобы возница не только обладал сноровкой и опытом в обхождении с этими животными, но чтобы он, кроме того, искусно владел африканским кнутом. Кнуты состоят из кнутовища длиной в пятнадцать футов и ремня чуть подлиннее, кончающегося трехфутовой плеткой из сыромятной кожи. Возница держит это грозное орудие двумя руками и, сидя на козлах телеги, может достать им до передней пары волов. Он должен безостановочно распределять удары, уметь попадать туда, куда хочет, и бить так, „чтобы шерсть животного летела из-под плетки“».

Спаррману предстояло сопровождать телегу верхом на лошади; он взял с собой молодого колониста по фамилии Иммельман,

однажды уже проделавшего ради собственного удовольствия путешествие в глубь страны. 25 июля 1775 года шведский ученый тронулся в путь. Сначала он переправился через Ренте-Ривер, затем поднялся по ущелью Готтентот-Голланд-Клоф, переправился через Палмит-Фонтейн и добрался до совершенно дикой страны, пересеченной горами и долинами, безводной, но все же посещаемой стадами антилоп различных видов, зебрами и страусами.

Вскоре он достиг горячих железистых источников, расположенных у подножия Звартберга, которые привлекали множество приезжих. Компания построила там дом, примыкавший к склону горы. Здесь к Спаррману присоединился молодой Иммельман; отсюда они вместе направились в Звеллендам, куда прибыли 2 сентября, и собрали там ценные сведения о местных жителях. Некоторые из них мы вкратце приведем.

Готтентоты такого же роста, как европейцы. Руки и ноги у них маленькие, кожа желтовато-коричневая; губы не толстые, как это характерно для кафров¹ и мозамбикских негров. Волосы черные, выющиеся, но не густые и довольно жесткие. Большой частью готтентоты бывают с головы до ног вымазаны жиром и сажей. Те из них, кто имеет обыкновение краситься, кажутся не такими голыми и производят, так сказать, более законченное впечатление, чем те, кто смывает с себя грязь.

Туземцы обычно носят плащ, называемый «кросс», сделанный из овчины, вывернутой шерстью внутрь. Женщины добавляют длинный треугольный кусок, образующий нечто вроде капюшона; в него они кладут детей, которым дают грудь через плечо. Мужчины и женщины имеют обыкновение носить на руках и на ногах кожаные кольца; отсюда пошла басня о том, что готтентоты обвивают ноги колбасой, чтобы при случае ее съесть. У них имеются также железные и медные кольца, но они дряблы и доступны не всем.

«Крааль» — готтентотская деревня — представляет собой стоящие в круг хижины, похожие одна на другую и напоминающие формой пчелиные ульи. Двери, обращенные к центру образуемой хижинами площади, так низки, что, для того чтобы войти, приходится становиться на колени. Очаг расположен посредине, крыша не имеет отверстия для выхода дыма.

¹ Кафры (от *араб.* «кафир» — «неверный, неверующий», т. е. не мусульманин) — устаревшее наименование народов Юго-Восточной Африки, говорящих на языках банту.

Готтентотов не следует смешивать с бушменами. Последние живут только охотой. Ловкость, с какой они пускают отравленные стрелы, храбрость, приспособленность к жизни в первобытных условиях делают их очень опасными.

В Звеллендаме Спarrман видел кваггу — разновидность лошади, по внешности напоминающую зебру, но с более короткими ушами.

Затем путешественник побывал в Моссел-Бей — редко посещаемой кораблями бухте, так как она слишком открыта западным ветрам, и в стране хукни, или антениква, как она названа на карте Буршеля. Густо поросшая лесами, эта страна, по-видимому, плодородна, и поселившиеся в ней колонисты, несомненно, будут преуспевать. Спarrману удалось увидеть и изучить в этом районе большую часть четвероногих животных Африки: слонов, львов, леопардов, сервалов¹, гиен, обезьян, зайцев, антилоп и газелей.

Мы не можем шаг за шагом следовать за Спarrманом во все посещенные им места. Перечисление источников, «краалей» или деревень, через которые он проходил, ничего не даст читателям. Лучше сообщим кое-какие довольно новые и любопытные подробности относительно двух представителей животного царства, которых Спarrман имел возможность наблюдать, — капской овцы и пчелиной кукушки.

«Когда хотят забить овцу, — рассказывает путешественник, — всегда выбирают самую тощую во всем стаде. Есть других было бы невозможно. Их хвосты треугольной формы, имеют в длину от одного до полутора футов и подчас свыше шести дюймов в толщину. Один такой хвост обычно весит от восьми до двенадцати фунтов и состоит в основном из нежного жира. Некоторые намазывают его на хлеб вместо масла, но главным образом он служит для жарки мяса, а иногда для изготовления свечей».

Описав затем двурогого носорога, до тех пор неизвестного, гну, по внешнему виду представляющего собой нечто среднее между лошадью и быком, тарбагана², обезьяну-бабуина, гиппопотама, о чьем образе жизни почти ничего не знали, Спarrман сообщает об одной замечательной птице, приносящей большую пользу местным жителям. Он называет ее пчелиной кукушкой.

«Эта птица, — рассказывает он, — не замечательна ни по вели-

¹ Сервал — хищное животное из семейства кошачьих; водится в степных районах Африки. Длина тела — до 1 м.

² Тарбаган — тюркское название сурка.

чине, ни по окраске. На первый взгляд ее можно было бы принять за обыкновенного воробья, если бы она не отличалась несколько большими размерами и более светлым оперением с желтыми пятнышками на крыльях и белыми крапинками на хвосте.

Руководствуясь своими собственными интересами, пчелиная кукушка указывает людям гнезда пчел, так как сама очень любит их мед и в особенности яйца; она знает, что при разрушении пчелиных гнезд всегда прольется немного меда, который достанется на ее долю, или же люди намеренно оставят его ей в вознаграждение за услуги.

Аппетит к меду, вероятно, пробуждается у нее по вечерам и по утрам; во всяком случае, чаще всего она прилетает именно в это время и пронзительными криками как бы пытается привлечь внимание готтентотов или колонистов. Почти всегда кто-нибудь приходит на ее зов; тогда птица, не переставая кричать, медленно, то и дело садясь, летит к тому месту, где обосновался пчелиный рой... Наконец, приблизившись к гнезду, построенному либо в расщелине скалы, либо в дупле дерева, либо где-нибудь под землей, она несколько секунд парит над ним (я сам два раза наблюдал за этим), после чего умолкает и обычно где-нибудь прячется, выжидая дальнейших событий и надеясь получить свою долю добычи».

Двенадцатого апреля 1776 года, возвращаясь в Кейптаун, Спаррман узнал, что к северу от района Снежных гор обнаружено большое озеро, единственное во всей колонии. Вскоре путешественник добрался до Кейптауна и сел на отправлявшийся в Европу корабль, захватив с собой многочисленные естественнонаучные коллекции. В то же время, между 1772 и 1775 годами, швед Тунберг, которого Спаррман встретил в Капской колонии, совершил одно за другим три путешествия в глубь Африки. Как и Спаррман, он не ставил себе целью каких-либо открытий и не внес ничего нового в географическую карту. Тунберг лишь сделал много любопытных наблюдений над жизнью птиц Капской провинции и собрал интересные данные о различных племенах, населяющих эти обширные пространства, гораздо более плодородные, чем можно было предполагать.

Непосредственно вслед за Тунбергом те же места посетил английский офицер, лейтенант Уильям Патерсон; основная

цель его путешествия состояла в сборе ботанических и других естественнонаучных коллекций. Он проник на север за Оранжевую реку, а на восток — до страны кафров, оставив далеко позади себя реку Фиш. Ему мы обязаны первым описанием жирафа; его отчет содержит ценные сведения о природе и социальном устройстве страны, а также о ее обитателях.

Любопытно отметить, что лишь немногих европейцев влекло в Южную Африку стремление к географическим открытиям; большинство путешественников ставило своей целью изучение животного и растительного мира. Мы уже упоминали о Спаррмане, Тунберге, Патерсоне; к этому списку надо добавить еще орнитолога¹ Леваяйна.

Леваяйн родился в Парамарибо, в Нидерландской Гвиане (Южная Америка). Его родители, французы, занимались торговлей птицами. Вернувшись с отцом и матерью в Европу, он еще ребенком побывал в Голландии, Германии, Лотарингии, Вогезах и, наконец, приехал в Париж. Легко понять, что постоянные скитания пробудили в нем страсть к путешествиям. Увлечение птицами, усилившееся под влиянием виденных им государственных и частных коллекций, перешло в стремление обогатить науку открытием новых видов.

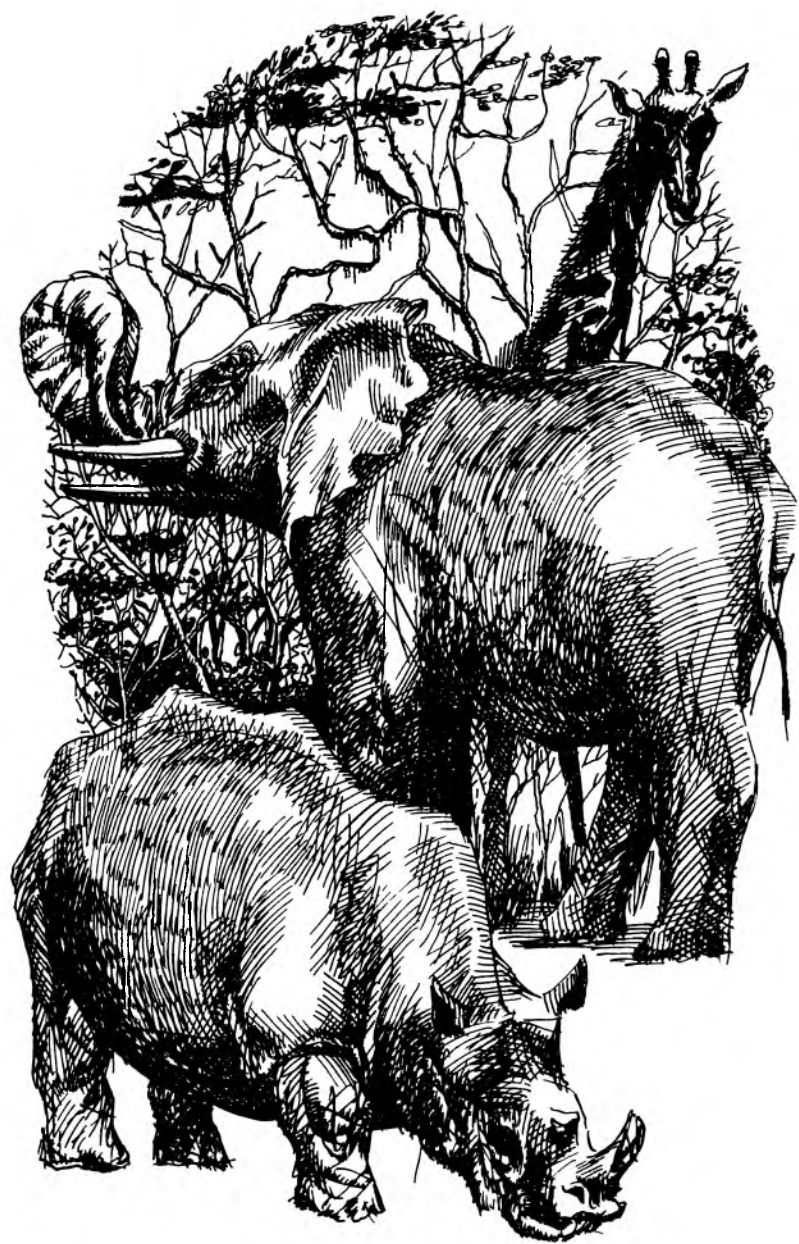
Какая страна могла представить для него с этой точки зрения наибольший интерес? Южная Африка была исследована ботаниками и одним ученым, занимавшимся главным образом четвероногими животными. Никто еще не путешествовал по ней с целью изучения птиц.

Прибыв 29 марта 1781 года на мыс Доброй Надежды, Леваяйн в результате катастрофы, происшедшей с доставившим его судном, оказался без всяких средств, если не считать бывшего на нем костюма, десяти дукатов и ружья.

Другие на месте Леваяйна пали бы духом. Но он не потерял надежды выпутаться из сложившейся ситуации. Меткий стрелок из ружья и лука, сильный и ловкий, прекрасно умевший выделывать шкуры животных и изготавливать чучела птиц, которым он придавал естественный вид, Леваяйн вскоре завязал связи с самыми богатыми коллекционерами Капской колонии.

Один из них, крупный чиновник Бурс, снабдил его средствами

¹ Орнитолог — специалист по разделу зоологии, изучающему птиц.

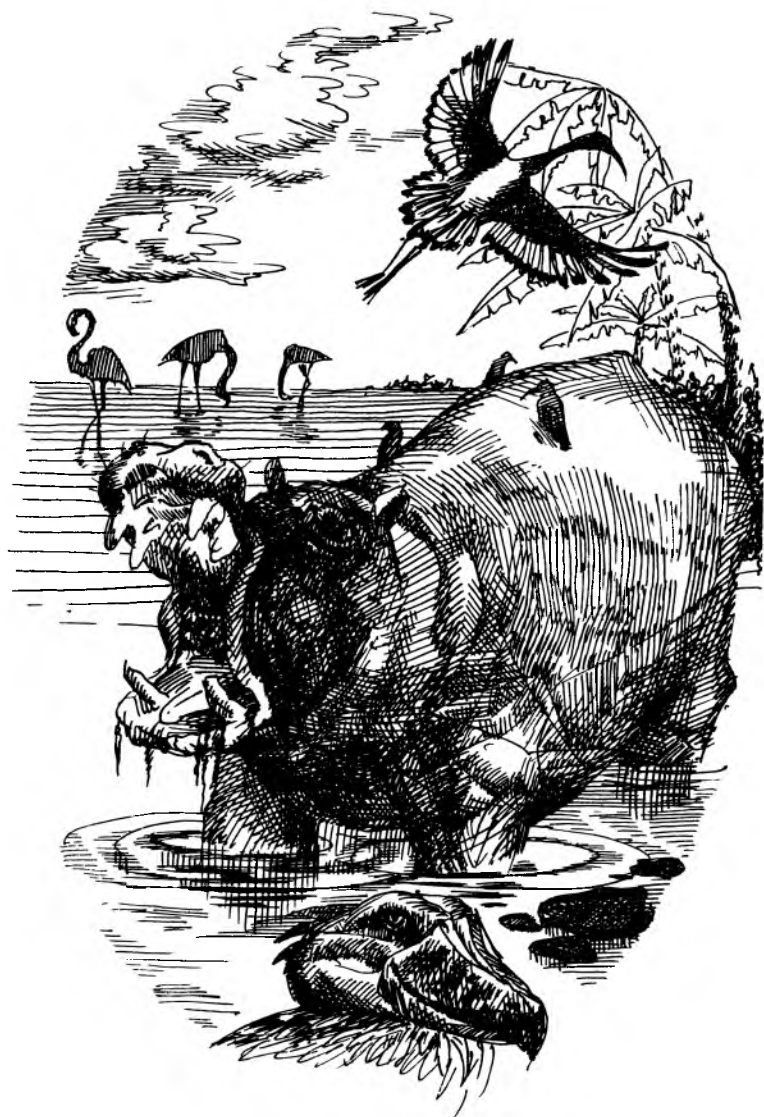

на покупку телег, волов, провизии, товаров для обмена, лошадей и даже для найма слуг и проводников. Характер задуманной Леваяйном экспедиции определил его маршрут. Избегая часто посещаемых мест и селений, он предпочитал держаться вдали от обычных дорог, забираться в районы, не привлекавшие внимания европейцев, так как полагал, что только там сможет встретить новые виды птиц, не известные ученым. В итоге Леваяйн почти всегда мог наблюдать природу в первозданном виде и вступать в сношения с туземцами, нравы которых еще не изменились от общения с белыми. Собранные им факты гораздо лучше отражали подлинную жизнь первобытных племен, чем наблюдения других путешественников, побывавших в тех местах до или после него. Единственная ошибка Леваяйна состояла в том, что он поручил редактирование своих путевых записок молодому человеку, внесшему в них исправления в соответствии с собственными идеями. Не отличаясь добросовестностью современных редакторов, он приукрашивал события и, уделив чрезмерное внимание эпизодам, рисовавшим храбрость и другие достоинства путешественника, придавал книге об этой экспедиции хвастливый тон, доставивший ее автору много неприятных минут.

Проведя несколько месяцев в Кейптауне и его окрестностях, Леваяйн 18 декабря 1781 года отправился с пятью готтентотами в первое путешествие к востоку и в страну кафров; он взял с собой девять собак, три лошади и тридцать волов, из которых двадцать тащили два фургона, а десять служили для подмены...

Прежде всего Леваяйн проехал Готтентотскую Голландию, уже хорошо известную благодаря исследованиям Спаррмана; там он видел огромные стада зебр, антилоп и страусов. Наконец он прибыл в Звеллендам, где купил еще волов, тележку и петуха, в течение всей экспедиции заменявшего будильник. Большую пользу принесло путешественнику и другое животное. То была прирученная им обезьяна; ей он доверил необходимую и одновременно почетную должность дегустатора. Когда попадался плод или какой-нибудь корень, не известный готтентотам, никому не разрешалось к ним прикасаться до тех пор, пока «господин Кеес» не выскажет своего мнения.

Кеес исполнял также обязанности часового; остроте его органов чувств, изощренных постоянными упражнениями и условиями борьбы за существование, могли позавидовать самые прославленные вожди краснокожих. Он предупреждал собак о грозящей

опасности. Если поблизости была змея или стая обезьян резвилась где-нибудь рядом в чаще, ужас Кееса, его жалобные крики медленно давали знать о неприятном соседстве.

Покинув 12 января 1782 года Звеллендам, Левайян продолжал путь к востоку, держась на некотором расстоянии от моря. На берегу реки Дёйвен-Хук он разбил лагерь и совершил несколько очень удачных охотничьих вылазок по богатым дичью местам. После этого он направился в Моссел-Бей, где крики гиен перепугали его волов.

Затем Левайян достиг страны хуани; это название племени на языке готтентотов означает: «человек, переполненный медом». Там на каждом шагу попадаются рои пчел. Путешественник идет по сплошному ковру цветов; их разнообразные краски придают местности изумительное очарование, воздух напоен ароматом. Боясь, как бы у его слуг не появился соблазн остаться в этой стране, Левайян ускорил отъезд. Весь район до самого моря занят колонистами; они разводят скот, делают масло, рубят строевой лес и собирают мед, доставляемый ими в Кейптаун.

Миновав последний пост Ост-Индской компании, Левайян стал лагерем в местности, где тысячами летали турако и другие редкие птицы. Однако внезапно начавшиеся сильные бесперывные дожди очень мешали охоте и чуть не поставили путешественников перед угрозой голодной смерти.

После многих происшествий и всевозможных охотничьих приключений, описание которых при всей их занимательности не входит в рамки нашего повествования, Левайян добрался до Моссел-Бей. Там он застал — можно себе представить, с какой радостью — письма из Франции. Охотничьи экскурсии продолжались в разных направлениях, и в конце концов экспедиция проникла в страну кафров. Завязать с ними сношения оказалось довольно трудно, так как они старательно избегали белых. Кафры немало пострадали от колонистов, убивавших людей и скот, а негры-тамбуки, воспользовавшись их критическим положением, совершали набеги на страну, которые сопровождались бесчисленными грабежами. Наконец, и бушмены беспрестанно на них нападали. Не имея огнестрельного оружия, теснимые сразу со всех сторон, кафры покинули родные места и ушли на север.

Получив эти сведения, Левайян решил, что двигаться дальше в эту страну, становившуюся гористой, бесполезно, и повернул назад. На обратном пути он посетил Снежные горы, безводные рав-

нины Карру, берега Буйволово́й реки и 2 апреля 1783 года вернулся в Кейптаун.

Длительное путешествие дало существенные результаты. Левайян собрал точные сведения о гонаква — многочисленном племени, которое не следует смешивать с собственно готтентотами; судя по всем признакам, оно возникло в результате смешения готтентотов с кафрами. Наблюдения, сделанные Левайяном над готтентотами, почти во всем совпадают с описанием Спаррмана.

«Кафры, виденные Левайяном, — пишет Валькенер, — обычно бывали более высокого роста, чем готтентоты и даже гонаква. Их лица не суживаются книзу, а скулы не выдаются так резко, как у готтентотов. В то же время лица у кафров не плоские и не широкие, а губы не толстые, и этим они отличаются от своих соседей — мозамбикских негров; напротив, лицо у них круглое, переносье высокое, нос не слишком приплюснутый, рот усеян самыми прекрасными в мире зубами... Кожа у них красивого темно-коричневого оттенка; среди кафрских женщин можно, по мнению Левайяна, найти таких, что покажутся очень хорошенькими даже рядом с уроженкой Европы».

После шестнадцати месяцев скитаний по внутренним районам Африки Левайян не узнал жителей Кейптауна. До отъезда он восхищался голландской скромностью женщин; когда он вернулся, женщины думали только о развлечениях и нарядах. Страусовые перья так широко вошли в моду, что их доставляли из Европы и Азии. Перья, привезенные нашим путешественником, немедленно были раскуплены. Что касается чучел птиц, отсылавшихся им при всяком удобном случае, то их число достигло тысячи восьмидесяти штук, и дом Бурса, где они хранились, превратился в настоящий естественноисторический музей.

Первое путешествие Левайяна оказалось настолько успешным, что он решил организовать второе. Хотя его компаньон Бурс уехал в Европу, он сумел с помощью многочисленных друзей, приобретенных им, собрать средства для новой экспедиции. 15 июня 1783 года он пустился в путь во главе отряда из девятнадцати человек. Он вел с собой тринадцать собак, козла и десять коз, трех лошадей, трех дойных коров, тридцать шесть волов в упряжках, четырнадцать запасных и двух волов для перевозки багажа слуг-готтентотов.

Мы не станем, понятно, следовать за путешественником во всех его охотничьих экскурсиях. Достаточно упомянуть лишь о

том, что Левайяну удалось собрать изумительную коллекцию птиц, что он привез в Европу первого жирафа и исследовал огромную территорию, заключенную между тропиком Козерога, четырнадцатым восточным меридианом и юго-восточным побережьем Африки.

В 1784 году он вернулся в Кейптаун, сел на корабль, направлявшийся в Европу, и в самом начале 1785 года прибыл в Париж.

Первым диким племенем, встреченным Левайяном во время второго путешествия, были малые намаква, очень немногочисленные и потому обреченные на скорое вымирание, тем более что они жили в бесплодной местности и подвергались постоянным нападениям бушменов.

Хотя малые намаква довольно высокого роста, они ниже кафров и намаква; по своим нравам они почти не отличаются от этих племен.

Каминуква, или комейнаква, к описанию которых затем переходит Левайян, — люди высокого роста.

«Они кажутся даже, — пишет он, — выше гонаква, хотя на самом деле это, может быть, и не так; подобное впечатление создают их более узкие кости, хилое телосложение, худощавость, тонкие сухопарые ноги и все остальное, вплоть до длинных нетолстых плащей, свисающих с плеч до самой земли. При виде этих людей, тонких и гибких как тростинка, можно подумать, что они перенесли какую-то тяжелую болезнь. Каминуква не такие темные, как кафры; лица у них приятнее, чем у других готтентотов, поскольку нос не такой приплюснутый и скулы выдаются не так сильно».

Но из всех племен, виденных Левайяном во время этого длительного путешествия, самым любопытным и самым древним были хузуаны. Никто из современных исследователей не обнаружил такого народа; предполагают, что под названием хузуанов Левайян описал бечуанов, хотя он указывает границы их страны, совершенно не совпадающие с теми, в пределах которых бечуаны издавна живут.

«Хузуаны, — говорится в отчете, — очень низкого роста; самые высокие едва достигают пяти футов. В маленьких великолепно сложенных телах кроются изумительная сила и ловкость. Лица хузуанов, выражающие уверенность и смелость, внушают уважение и симпатию». Из всех диких племен, виденных Левайяном, ни одно не обладало, по его мнению, таким энергичным характером

и такой физической выносливостью. Лицо хузуанов, обнаруживающее основные отличительные черты готтентотов, имеет, однако, более округлый подбородок. Кожа у них значительно светлее... Наконец, волосы, более курчавые, так коротки, что сначала Левайян думал, что они подстрижены. Одной из характерных отличительных черт хузуанов является огромная жировая подушка у женщин — солидная мягкая масса на седалище, приходящая при каждом движении тела в довольно комичное колыхание. Левайян видел, как одна женщина из племени хузуана куда-то бежала вместе со своим трехлетним ребенком, которого она поставила стоймя на свои ягодицы, и он держался за нее, напомнив путешественнику жокея на своей двуколке.

Затем путешественник вдаётся в подробности, которые нам приходится опустить, относительно строения тела и привычек разных племен, в настоящее время полностью вымерших или слившихся с какими-то более могущественными народами. Эти описания принадлежат к числу наиболее любопытных, но в то же время наименее правдоподобных; именно из-за преувеличений мы и предпочитаем о них умолчать.

(Португальские колонизаторы, путешественники, купцы и работорговцы с середины XVII века пытались проникнуть во внутренние области Экваториальной Африки. Постепенно португальцы охватили своими исследованиями бассейны Конго и Замбези.)* В 1798 году португальский путешественник Франсиску Жозе де Ласерда и Алмейда отправился с побережья Мозамбика для исследования Восточной Африки и проник внутрь страны. Рассказ об этой экспедиции, прошедшей по местностям, которые вновь были посещены лишь во второй половине XIX века, представлял бы чрезвычайно большой интерес. К несчастью, дневник Ласерды никогда, насколько нам известно, не был опубликован. Имя Ласерды очень часто упоминается географами: известно, по каким странам он путешествовал. Но обнаружить более подробные сведения об исследователе и его экспедиции оказалось невозможным, во всяком случае во Франции. Все, что нам известно о Ласерде, может уложиться в несколько строк, и остается лишь искренне пожалеть о почти полном отсутствии данных о жизни этого человека, который совершил очень важные открытия и по отношению к которому потомство проявило высшую несправедливость, предав его имя забвению.

Время и место рождения Ласерды нам не известны. Он был инженером, и ему поручили работы по установлению границ между испанскими и португальскими владениями в Южной Америке. Результатом явилось множество интересных наблюдений относительно области Мату-Гроссу. Какие обстоятельства привели Ласерду после удачно проведенной экспедиции по Америке в португальские владения в Африке? Какую цель преследовал он, путешествуя по Южной Африке от восточного побережья до области реки Лоанджи? Это для нас тайна. Мы знаем лишь, что в 1798 году он отправился из города Тете, уже в то время хорошо известного европейцам, во главе внушительного отряда, держа путь в страну Казембе¹.

Правитель Казембе славился своим доброжелательством и гуманностью, а также государственной мудростью. Он жил, вероятно, в столице, называвшейся Лунда, тянувшейся по меньшей мере на две мили и расположенной на восточном берегу какого-то озера Мофо. Попытка отождествить эти места с теми, какие нам известны теперь в тех краях, представляла бы большой интерес; но отсутствие более точных данных заставляет нас соблюдать осторожность, хотя название Лунда благодаря португальским путешественникам было в свое время географам знакомо; местоположение страны Казембе уже давно не вызывает никаких сомнений.

Воспользовавшись гостеприимством правителя, Ласерда пробыл у него дней двенадцать, а затем выразил желание продолжать путешествие. К несчастью, через день или два по выходе из Лунды он умер, вероятно, в результате изнурения и нездорового климата.

Негритянский вождь собрал дневники и остальные бумаги португальского путешественника и приказал доставить их вместе с его телом на Мозамбикское побережье. Но во время пути на караван было совершено нападение, и останки Ласерды так и остались на африканской земле. Что касается путевых записей, то его племянник, принимавший участие в экспедиции, привез их в Европу.

Чтобы завершить круг по Африканскому материка, необходимо теперь рассказать о попытках исследований, предпринимавшихся в XVIII веке с востока. Одним из самых ценных по своим результатам было путешествие Брюса.

¹ Страна Казембе находится в бассейне верховьев реки Кафуэ, крупнейшего левого притока Замбези. (*Примеч. ред.*)

...Подобно многим другим исследователям Африки Джеймс Брюс родился в Шотландии. По настоянию родителей он изучал юридические науки и готовился стать адвокатом. Но эта профессия, неизбежно связанная с малоподвижным образом жизни, не соответствовала его склонностям. Он с радостью воспользовался случаем заняться коммерческой деятельностью. После смерти жены, умершей через несколько лет после свадьбы, Брюс уехал в Испанию, где увлекся изучением памятников арабской древности. Он хотел опубликовать описание тех из них, что хранились в Эскориале¹, но испанское правительство не дало ему разрешения.

Вернувшись в Англию, Брюс занялся изучением восточных языков, в частности эфиопского, известного в то время лишь по совершенно недостаточным работам Лудольфа.

Как-то во время беседы лорд Галифакс мимоходом предложил Брюсу попытаться открыть источники Нила. Брюс, немедленно загоревшийся энтузиазмом, с жаром хватается за этот проект и пускает в ход все средства для его осуществления. Возражения были сломлены, препятствия уничтожены настойчивостью, и в июне 1768 года Брюс покидает туманную Англию, чтобы очутиться на залитых солнцем берегах Средиземного моря.

Практики ради Брюс совершает несколько непродолжительных экскурсий по островам Греческого архипелага, по Сирии и Египту. Выехав из Джидды, английский путешественник посетил Моху, Лохею и 19 сентября 1769 года высадился в Массауа (Массаве). Он позаботился запастись фирманом (охранной грамотой) турецкого султана, письмами каирского бея и шерифа Мекки. Особой пользы они не принесли, так как «наиб», или правитель Массауа, приложил все усилия к тому, чтобы выманить у Брюса побольше подарков и помешать ему проникнуть в Абиссинию.

Португальские миссионеры когда-то занимались ее исследованием. Благодаря их стараниям об этой стране имелись кое-какие сведения, но по своей точности они значительно уступали собранному Брюсом. Хотя часто его правдивость ставили под сомнение, путешественники, побывавшие впоследствии в посещенных им странах, отдают должное достоверности его рассказов.

¹ Эскориал (Сан-Лоренсо-дель-Эскориал) — знаменитый дворец-монастырь в Испании недалеко от города Мадрида, построенный по приказу короля Филиппа II в 1563 — 1584 годах под руководством архитектора Хуана де Эррера.

От Массауа до Адуи дорога постепенно повышается и взбирается на горы, отделяющие область Тигре от Красного моря.

Когда-то Адуа (Адува) не являлась столицей Тигре. В городе было организовано производство тех грубых хлопчатобумажных тканей, которые распространены по всей Абиссинии и служат там ходячей монетой. В окрестностях Адуи слой почвы достаточно глубок, чтобы выращивать зерновые культуры.

«В этих местах, — сообщает Брюс, — снимают три урожая в год. Первые жатвы поспевают в июле и в августе. В это время идут проливные дожди, но, невзирая на них, производится сев пшеницы, токуссо, теффа¹ и ячменя. Около 20 ноября начинается уборка ячменя, затем пшеницы и, наконец, токуссо. На только что убранных полях снова сеют, причем без всякой обработки, ячмень, который поспевает в феврале. После этого в третий раз сеется теффа, а чаще разновидность гороха, называемая „шимбра“; уборка их происходит до начала апрельских дождей. Несмотря на выгоду получения трех урожаев с одного и того же участка, не требующего ни удобрений, ни прополки, ни оставления части полей под паром, абиссинские земледельцы всегда сильно бедствуют».

В городе Фремона, недалеко от Адуи, видны остатки иезуитского монастыря, напоминающего скорее крепость, чем жилище мирных людей. На расстоянии еще двух дней пути находятся развалины города Аксум, древней столицы Абиссинии.

«На большой площади, когда-то бывшей, как мне кажется, центром города, — рассказывает Брюс, — сохранилось сорокobeliskов; ни на одном из них нет иероглифов. Из трех, самых красивых, два лежали опрокинутые; третий, несколько меньше, но превосходящий по величине остальные, еще стоит. Все они представляют собой гранитные монолиты, а наверху стоящегоobeliska видна великолепно изваянная жертвенная чаша в греческом стиле...»

«Миновав монастырь Абба-Панталеон и маленькийobelisk, расположенный на скале над монастырем, мы двинулись по дороге, ведущей к югу и проложенной по горе из ярко-красного мрамора; слева от нас шла мраморная стена, образуя парапет вышиной в пять футов. В этой стене на некотором расстоянии друг от друга уцелели прочные пьедесталы; на них, судя по многочислен-

¹ Токуссо и теффа — особые виды хлебных злаков.

ным признакам, когда-то возвышались огромные статуи, изображавшие лающих собак. Уцелело сто тридцать три пьедестала. Но из всех статуй сохранились лишь две фигуры собаки; хотя они очень сильно изуродованы, все же легко установить, что они изящны в египетском стиле...

Попадаются также пьедесталы, на которых когда-то стояли сфинксы. Два ряда великолепных, тянущихся на несколько сот футов гранитных ступеней, превосходной работы и совершенно не тронутых временем, представляют собой все, что осталось от величественного храма. В углу площади, где возвышался этот храм, теперь видна маленькая церковь. Тесная, невзрачная, содержащаяся в плохом состоянии, она полна голубиного помета».

Возле Аксума Брюс увидел троих солдат, вырезавших себе на обед кусок мяса у живой коровы.

«Они оставили целой, — пишет он вполне серьезно, — шкуру, прикрывавшую то место, откуда они вырезали мясо, а потом скрепили ее маленькими кусочками дерева. Не знаю, закладывали ли они что между шкурой и мясом или нет, но всю рану сверху они замазали грязью; после чего они подняли животное на ноги и погнали его перед собой, надеясь, несомненно, получить от него новую порцию вечером, когда они встретятся со своими товарищами».

Из Тигре Брюс перешел в провинцию Сире, получившую это название по своей столице — городу более значительному, чем Аксум, но постоянно опустошаемому злокачественными лихорадками. Поблизости от него протекает богатая рыбой река Такказе, древний Сирус, с утопающими в тени могучих деревьев берегами. В провинции Семиен львы и гиены причинили исследователю много беспокойства, а большие черные муравьи сожрали часть его багажа. В этой нездоровой, спаленной солнцем стране, расположенной среди гор Валдубба, куда многочисленные отшельники удалялись на покаяние и молитвы, Брюс остановился только на время, необходимое для отдыха животных. Он торопился в Гондар, потому что в стране, раздираемой гражданской войной, положение иностранцев было далеко не безопасным.

Когда Брюс добрался до столицы, там свирепствовала лихорадка. Путешественнику очень помогли его медицинские познания. Он поспешил воспользоваться всеми преимуществами своего положения и добился разрешения передвигаться по стране в разных направлениях с приданным ему отрядом войск. Так он со

брал массу интересных сведений о стране, о ее правительстве, нравах, жителях, историческом прошлом, что делает его книгу самой важной из всего напечатанного до сих пор об Абиссинии.

Во время одного из таких походов Брюс открыл истоки Голубого Нила, который он принимал за настоящий Нил. Добравшись до места, где река имела в ширину всего четыре шага, а в глубину четыре дюйма, Брюс понял, что ее истоки находятся где-то поблизости, но проводник предупредил его, что до истоков надо еще подняться в гору. Разумеется, путешественник не позволил себя обмануть.

«— Ну, полно! — сказал Брюс. — Хватит болтать! Уже поздно. Отведите нас в Гееш и к истокам Нила и покажите нам гору, которая нас от них отделяет.

Тогда он провел меня мимо церкви и, выйдя из кедровой рощицы, окружавшей ее, насмешливо посмотрел на меня и сказал:

— Вот она, та гора, которая была между вами и истоками Нила, когда вы находились с другой стороны церкви. Никакой другой горы нет. Взгляните на эту травянистую кочку среди болота. Там и находятся два истока Нила. Если вы собираетесь подойти к самым истокам, снимите обувь, как вам уже приходилось делать раньше, потому что местные жители все сплошь язычники и не верят в то, чему верите вы; каждый день они взывают к Нилу, словно к божеству, точно так же, как, может быть, вы сами это делаете.

Я снял башмаки, поспешно спустился с холма и побежал к зеленому островку, отстоявшему примерно в двухстах шагах. Здесь склон холма был усеян цветами с толстыми выступавшими из земли корнями. Так как я засмотрелся на цветы, не заметив сначала эти корни или луковицы, то дважды упал и очень больно ушибся, прежде чем очутился у края болота. Наконец я приблизился к заросшему травой островку. В восторге я созерцал ключ, являющийся началом великой реки.

Конечно, легче представить себе, чем описать испытанное мною чувство. Некоторое время я неподвижно стоял перед этими истоками, в течение трех тысяч лет остававшимися недостижимыми для гения и мужества самых прославленных людей».

Отчет о путешествии Брюса содержит много других любопытных фактов, но мы ограничимся лишь его рассказом об озере Тана.

«Озеро Тана, — сообщается в записках, — несомненно, является

самым крупным в стране водоемом. Однако размеры его сильно преувеличивались. Оно достигает наибольшей ширины между Динглебером и Ламге, то есть в направлении с востока на запад, и тянется по прямой на тридцать пять миль, но у концов значительно суживается. Местами его ширина не превышает десяти миль. Наибольшая длина озера с севера на юг равняется сорока девяти милям, считая от Баб-Бака до места, расположенного юго-западнее той точки, где Нил, пройдя ясно различимым потоком через озеро, поворачивает к Даре на территории страны Аллата. В сухое время года, с октября до марта, размеры озера сильно сокращаются; но когда дожди переполняют все реки, впадающие в Тану, подобно спицам, соединяющимся в центре колеса, тогда озеро увеличивается и заливают часть равнины.

Если верить абиссинцам, всегда очень любящим приврать, в озере Тана имеется сорок пять населенных островов. Но я думаю, что это число следует уменьшить до одиннадцати. Самый главный из них — Дек, или Дака, или Дага; из остальных наиболее значительные Халимун в стороне Гондара, Бригида в стороне Горголы и Галила, находящийся за Бригидой. Все эти острова некогда являлись местами изгнания, куда отправляли абиссинских вельмож, либо они сами удалялись на них, если бывали недовольны двором или если хотели во времена смут обеспечить сохранность своих ценностей».

Посетив вместе с Брюсом Абиссинию, направимся теперь на север.

Тайны, окутывавшие древнюю цивилизацию Египта, стали постепенно рассеиваться. Один за другим были опубликованы отчеты археологических экспедиций Покока, Нордена, Нибура, Вольнея, Савари, а Египетская комиссия подготавливала свой колоссальный труд. Число экспедиций с каждым годом увеличивалось, и вот, по примеру многих других путешественников-англичан, В. Браун задумал познакомиться со страной фараонов.

В своей книге он дает одновременно описание памятников и развалин, делающих эту страну весьма интересной для историков, и картину нравов населяющих ее народов. Полной новизной отличалась та часть его труда, в которой говорилось о Дар-фуре — области, где никогда еще не бывали европейцы. Наконец, Брауну принадлежит почетное место в ряду путешественников еще и потому, что он первый догадался о тождестве Бахр-

эль-Абьяда с собственно Нилом и попытался приблизиться к его истокам, чтобы определить их примерное местоположение.

Приехав в Египет 10 января 1792 года, Браун первое свое путешествие совершил в Сиву; это был, как несколькими годами позже убедился и Хорнеман, древний оазис Юпитера-Аммона. Как и Хорнеману, Брауну не удалось исследовать развалины и пещеры, где он видел множество человеческих черепов и скелетов.

«Развалины Сивы, — рассказывает он, — очень напоминают найденные в Верхнем Египте; сооружения, остатки которых они представляют, без сомнения, были построены тем же народом. Среди статуй легко можно различить изображения Изиды и Анубиса, а пропорции зданий в уменьшенном масштабе повторяют египетские храмы.

Скалы, виденные мною по соседству с развалинами Сивы, сложены из песчаника, не имеющего ничего общего с горными породами, пошедшими на строительство ныне разрушенных сооружений. Вероятно, при их постройке использовались материалы, доставленные издалека. У жителей Сивы по этому поводу не сохранилось никаких преданий; они воображают лишь, что в развалинах спрятаны сокровища и что их посещают злые духи».

Покинув оазис Сива, Браун совершил несколько путешествий по Египту и на некоторое время обосновался в Каире, где изучил арабский язык. 10 сентября 1792 года он выехал из Каира и посетил Ахмим, Гиргу, Кус, Фивы, Асуан, Кузейр, Мемфис, Суэц, гору Синай; затем, стремясь проникнуть в Абиссинию, но уверенный в невозможности попасть туда через Массауа, в мае 1793 года он выехал с суданским караваном из Асьюта в Дарфур.

Добравшись с большими трудностями до Эль-Фашера, столицы Дарфура, Браун тщетно пыгался добиться приема у султана, чтобы выхлопотать у него разрешение на исследование страны. Так как хлопоты ни к чему не привели, Браун обосновался в одном из окрестных селений и прожил там целую зиму. Вынужденное бездействие не оказалось для путешественника потерянными временем: он познакомился с нравами и языками народов Дарфура.

С наступлением весны Браун вернулся в Эль-Фашер и только летом получил наконец аудиенцию у султана, которой он так добивался. Вот как Браун описывает эту встречу.

«Я увидел султана (Абд эр-Рахмана), который сидел на троне под очень высоким деревянным балдахинном; он был украшен

развешиваемыми тканями, привезенными из Сирии и Индии. Возвышение, где стоял трон, было покрыто небольшим турецким ковром. Мелеки (придворные офицеры) сидели справа и слева, но в некотором отдалении от трона. Позади них выстроились в ряд телохранители султана в шапках, украшенных медной пластинкой и черным страусовым пером. Вооружение телохранителей состояло из копья, которое они держали в правой руке, и щита из кожи гиппопотама, прикрывавшего левую руку. Они были одеты лишь в рубахи из хлопчатобумажной ткани местного производства. Позади трона виднелось четырнадцать или пятнадцать евнухов, разряженных в богатые ткани различных сортов и совершенно не гармонировавших между собой оттенков. Число челобитчиков и зрителей, толпившихся перед тронном, превышало полторы тысячи.

Слева от султана стоял наемный восхвалитель, непрерывно кричавший во всю глотку: „Смотрите на буйвола! Сына буйвола! Лучшего из быков! Слона изумительной силы! На могущественного султана Абд эр-Рахмана эр-Рашида! Да продлит бог твои дни, о повелитель! Да поможет тебе Аллах и ниспослет победу!“»

Султан охотно принял от Брауна подарки и пообещал ему разрешить дальнейший путь к югу. Дни проходили за днями, месяц за месяцем, а путешественник все не мог дожидаться официального разрешения. Теперь он мечтал лишь о том, чтобы выбраться поскорее из Дарфура. После долгих и унижительных просьб ему снова удалось получить доступ во дворец султана.

«Одиннадцатого декабря 1795 года, — рассказывает Браун, — я отправился в сопровождении шатиба (одного из первых вельмож в государстве) на аудиенцию к султану. Я вкратце повторил ему свою просьбу; шатиб поддержал меня, но не так горячо, как мне хотелось бы. На высказанное мною желание продолжать свое путешествие султан ничего не ответил. И этот несправедливый деспот, получивший от меня товаров на семьсот пятьдесят пиастров, согласился дать мне взамен лишь двадцать тощих волов стоимостью в сто двадцать пиастров! Плачевное состояние моих финансов не позволило мне отказаться от такой жалкой подачки. Я принял ее и распрощался с Эль-Фашером в надежде больше никогда в него не возвращаться».

Только весной 1796 года Браун смог покинуть Дарфур с направлявшимся в Египет караваном.

Город Эль-Фашер, хотя и не является торговым центром, дол-

жен считается столицей Дарфура. Он имеет в длину больше двух миль, но тянется очень узкой полосой. Каждый дом стоит посреди поля, окруженного изгородью; поля отделены друг от друга участками невозделанной земли.

Равнина, на которой расположен город, тянется на запад и юго-запад на расстояние до двадцати миль. Почти все ее население занимается торговлей с Египтом. Число жителей достигает, вероятно, шести тысяч, причем среди них больше рабов, чем свободных людей. Всего в Дарфуре живет не больше двухсот тысяч человек; к такому выводу Браун пришел лишь на основании числа солдат, выставленных для войны против Кордофана.

«Жители Дарфура, — сообщается в отчете, — различного происхождения. Одни пришли с берегов Нила, другие — выходцы из западных районов. Они являются либо „фуккара” (священнослужителями), либо торговцами. Там много арабов, некоторые из них осели в стране. Арабы, обитающие в этой стране, принадлежат к разным племенам. Они ведут большей частью кочевой образ жизни на границах Дарфура, где пасут своих верблюдов, лошадей и быков, и не настолько подчинены султану, чтобы регулярно оказывать ему помощь во время войны и платить дань в мирное время.

За арабами следуют люди из страны Зегава, бывшей когда-то независимой, властитель которой, как говорят, отправлялся на войну во главе тысячи всадников, набранных среди его подданных. Диалект зегава отличается от речи прочих жителей Дарфура.

Наконец надо упомянуть жителей земли Бего, или Дажу, подчиненных в настоящее время Дарфуру, выходцев из племени, некогда преобладавшего в этой стране.

Дарфурцы могут долгое время переносить жару и голод, но тем не менее весьма охотно потребляют бражный напиток, который здесь называют „бузой”, или „меризой”. Дарфурцев отличают воровство, обман и мошенничество со всем тем, чем эти пороки сопровождаются.

При купле-продаже отец может обмануть сына, и наоборот, причем этим принято гордиться. Имя Аллаха или Пророка призывают даже в тех случаях, когда совершаются самые дерзкие надувательства, когда произносят самую бесстыдную ложь.

Как известно, мусульманская религия признает многоженство, и жители Дарфура широко пользуются такой возможностью.

Когда султан Терауб отправился на войну в Кордофан, его сопровождали пятьсот жен и еще столько же осталось во дворце. На первый взгляд это может показаться нелепым; следует, однако, помнить, что в обязанности жен входит молоть зерно, приносить воду, готовить еду и исполнять все работы по обслуживанию огромного числа людей».

В отчете Брауна содержатся также очень любопытные сведения о местной медицине, советы, касающиеся разных способов передвижения в Африке, подробное описание животных, рыб, минералов и растений Дарфура. Не станем останавливаться на этой части отчета, так как она не представляет особого интереса.

Глава третья

АЗИЯ И НАСЕЛЯЮЩИЕ ЕЕ НАРОДЫ

Путешествие Витсена по Сибири. — Китай в описании иезуитов и аббата дю Гальда. — Макартни в Китае. — Пребывание на острове Чэнша. — Прибытие в Пекин. — Переговоры. — Прием посольства императором. — Празднества и церемонии в Цхе-Хале. — Возвращение в Пекин и в Европу. — Вальней. — Шуазель-Гуффье. — Шевалье в Трое. — Оливье в Персии. — Россия в описании Палласа.

В конце XVII столетия голландский географ Николас Витсен побывал в восточной и северной Татарии и опубликовал очень интересный отчет о своем путешествии, вышедший в свет в 1692 году. Этот труд, написанный на голландском языке и не переведенный ни на один другой европейский язык, не принес автору известности, которую он заслужил. Иллюстрированная многочисленными гравюрами, — правда, малохудожественными, но очень наивными, а потому, вероятно, правдивыми, — эта книга была переиздана в 1705 году. Оставшиеся экземпляры второго издания в 1785 году пустили в продажу под новым названием. Впрочем, в этом не было необходимости, так как к тому времени уже имелись значительно более интересные и полные данные.

Как только иезуитам удалось проникнуть в Небесную империю, они пустили в ход все имевшиеся в их распоряжении средства для сбора всякого рода сведений об этой огромной стране, ранее известной лишь по рассказам Марко Поло. Хотя Китай находился в состоянии застоя и нравы его жителей оставались неизменными, все же со времени Марко Поло произошло много событий; естественно, возникло стремление получить более точное описание страны, с которой Европа могла бы вступить в выгодные торговые отношения.

Результаты исследований отцов иезуитов, до того печатавшиеся в отдельных сборниках «Назидательные письма», аббат дю Гальд объединил, проредактировал и дополнил. Читатель, конечно, не ждет изложения этого огромного труда; для пересказа потребовался бы целый том. Кроме того, теперь имеются гораздо более подробные сведения по сравнению с теми, какими мы обязаны терпению и просвещенному критическому подходу дю Гальда, автору первого действительно серьезного труда о Китайской империи.

Наряду с работой по сбору материалов иезуиты занялись астрономическими наблюдениями, составлением ботанических коллекций и печатанием карт.

В конце XVIII века аббат Грозье, каноник из Лувра, опубликовал в несколько сокращенном виде новое описание Китая и Татарии. Он воспользовался трудами своего предшественника дю Гальда, в свою очередь их исправив и дополнив. В объемистом сочинении, после описания пятнадцати провинций Китая и Китайской Татарии, а также подвластных государств: Кореи, Тонкина (северная часть Вьетнама), Кохинхины (южная часть Вьетнама) и Тибета, Грозье дает несколько обширных глав о населении и природе Китая. Затем он переходит к образу правления, религии, нравам, литературе, наукам и искусству.

На исходе XVIII столетия английское правительство, желая завязать торговые сношения с Китаем, направило туда чрезвычайного посла Джорджа Макартни. Этот дипломат уже объездил Европу и Россию; он был губернатором английских колоний на Антильских островах, затем губернатором Мадраса и генерал-губернатором Индии; за время длительного общения с людьми в странах, расположенных под самыми различными широтами и обладающих различными климатическими условиями, он приобрел обширные познания и большой жизненный опыт. Поэтому отчет о его путешествии содержит бесчисленное множество фактов и наблюдений, давших европейцам возможность составить себе более правильное представление о китайцах.

Эскадра в составе трех кораблей — «Лайон», «Хиндустан» и «Джекал» — вышла из Портсмута 26 декабря 1792 года, увозя Макартни и его свиту. После остановки в Рио-де-Жанейро, на островах Сен-Поль и Амстердам, где англичане повстречались со зверобоями, в Батавии и Бантаме на Яве, на острове Пуло-Кондор корабли стали на якорь у берегов Кохинхины, в обширной бухте, карта которой была очень неточной. Прибытие английских военных кораблей сначала вызвало у кохинхинцев некоторое беспокойство; но, когда они узнали причины, заставившие эскадру там остановиться, к Макартни направили высокопоставленного чиновника с подарками. Вскоре английский посол получил от губернатора приглашение на обед, после которого состоялось театральное представление. В Кохинхине Макартни собрал ряд сведений — не слишком точных, так как стоянка была непродолжительной —

о нравах кохинхинцев и о том, на какие племена они разделяются.

Лишь только больные поправились и запас продовольствия был пополнен, корабли пустились в дальнейший путь. После остановки на Марианских островах эскадра вошла в Формозский пролив, где ее застигла сильная буря, и направилась в гавань на острове Чэнша. Английские моряки воспользовались стоянкой для того, чтобы внести исправления в карту этого острова и посетить город Шанхай; они возбудили там такое же любопытство, какое сами испытывали при виде всего нового, что их окружало.

Дома, базары, одежда китайцев, миниатюрные ноги женщин — все это, теперь хорошо известное, возбуждало величайший интерес чужестранцев. Остановимся на способе, применяемом китайскими садовниками для выращивания карликовых деревьев.

«В Китае, — рассказывает Макартни, — вероятно, очень ценят такого рода низкорослые деревья, ибо их можно увидеть во всех зажиточных домах. Способности садовника отчасти определяют по его умению выращивать карликовую растительность. Это искусство родилось в Китае. Оно дает возможность иметь в комнатах растения, которые без вмешательства садовника не могли бы в них поместиться из-за своих размеров.

Способ, применяемый в Китае для выращивания карликовых деревьев, сводится к следующему. Выбрав дерево, к его стволу, при этом как можно ближе к тому месту, где начинают отходить ветви, прикладывают глину или землю, завернутую в пеньковую или хлопчатобумажную ткань; с помощью частой поливки глину или землю сохраняют во влажном состоянии. Иногда такая повязка не снимается целый год; в течение всего времени обернутой ею ствол дает нежные побеги, напоминающие корни. Затем часть ствола с побегами и веткой, находящейся непосредственно над повязкой, осторожно отделяют от дерева и сажают в землю в новом месте. Побеги вскоре превращаются в настоящие корни, а ветка образует ствол растения, претерпевшего своего рода метаморфозу. Вся эта операция не убивает и не нарушает жизнедеятельности ветки, какой она обладала до того, как была отделена от материнского ствола. Так, если она давала цветы или плоды, она продолжает покрываться ими и теперь, хотя больше и не является частью дерева. Почки у верхушки веток, предназначенных к тому, чтобы стать карликовыми деревьями, все время обрывают, препятствуя веткам расти в длину и вынуждая их пускаться

новые почки и боковые ветки. Эти веточки привязывают проволокой, и садовник придает им такой изгиб, какой пожелает.

Если хотят, чтобы дерево имело вид старого, его несколько раз намазывают мелассой, или патокой, привлекающими множество муравьев; те не удовлетворяются пожиранием этих веществ, набрасываются на кору дерева и так ее истачивают, что вскоре достигается желаемый результат».

Покинув Чэнша, эскадра вошла в Желтое море, где до тех пор никогда не бывал ни один европейский корабль. В это море впадает река Хуанхэ; на своем длинном извилистом пути она размывает берега, унося огромные массы желтоватого ила, отчего и произошло название моря. Английские корабли стали на якорь в бухте Чифу, вскоре затем они перешли в залив Бохайвань и остановились перед устьевым баром реки Хайхэ. Так как во время отлива глубина моря над этой отмелью не превышала трех-четырёх футов, корабли не могли за нее пройти.

Мандарины¹, назначенные правительством для встречи английского посла, явились почти сразу, привезя с собой подарки. Подарки для императора, доставленные Макартни из Англии, перегрузили на джонки, а сам посол перешел на приготовленную для него яхту. Первый город, у которого остановилась флотилия, был Дагу, где Макартни нанесли визит наместник провинции и главный мандарин. То были почтенные люди благородной наружности, очень вежливые, но не проявлявшие угодливости и лишённые предрассудков, встречаемых у людей низших классов.

«Справедливо утверждают, — замечает Макартни, — что народ таков, каким его делают. Англичане постоянно в этом убеждались, наблюдая за действием, какое оказывает на китайцев низших сословий страх перед всемогущими властями. Когда простолюдины чувствуют себя в безопасности от них, они кажутся веселыми и доверчивыми; но в присутствии чиновников у них бывал крайне робкий и смущенный вид».

Путь вверх по течению Хайхэ до Пекина очень долог из-за бесконечных изгибов реки. Перед англичанами развертывалась чудесная, все время менявшаяся панорама прекрасно возделанных полей, домов и деревень, раскиданных по берегам или в некотором отдалении, кладбищ, пирамид мешков, наполненных солью. Когда наступала ночь, разноцветные фонари, прикреплен-

¹ Мандарины — европейское название высших чиновников старого Китая.

ные к верхушкам мачт джонок и яхт, окрашивали ландшафт в причудливые тона, придавая ему таинственный, фантастический характер.

«Тяньцзинь» означает «небесное место», и этот город заслуживает такое название прекрасным климатом, чистым и ясным небом, плодородием окрестностей. Там посла встретили наместник и посланец императора. Они сообщили Макартни, что император находится в своей летней резиденции и предполагает отпраздновать там 13 сентября день своего рождения. Посольство должно, таким образом, добраться по воде до Пекина, а затем по суше направиться в Дзе-Гол, где жил император. Подарки должны следовать за послом. Если первая часть этого сообщения Макартни понравилась, то последняя оказалась для него очень неприятной, так как привезенные им подарки представляли собой тонкие приборы, перед отправкой разобранные и упакованные по частям. Посланец императора не дал согласия на то, чтобы приборы где-нибудь оставили и дальше не перевозили. Для спасения этих «произведений гения и цивилизации Европы» понадобилось вмешательство наместника.

Флотилия, на которой плыли Макартни и его свита, двигалась вдоль Тяньцзиня. Город казался таким же длинным, как Лондон, и в нем жило не меньше семисот тысяч человек. Большая толпа собралась на берегу, чтобы посмотреть на проезд посольства, а на реке все постоянные жители джонок теснили друг друга, рискуя свалиться в воду.

Дома Тяньцзиня построены из синих кирпичей — красные падаются очень редко; некоторые здания, в отличие от общепринятой моды, имеют два этажа. Макартни и его спутники видели, как двигались парусные тележки; в их существование европейцы долго не верили. То были двойные тележки из тростника с одним большим колесом посередине.

«Когда ветер слишком слаб, чтобы привести в движение тележку, — говорится в отчете, — один человек форменным образом впрягается в нее и тянет вперед, между тем как другой поддерживает ее в равновесии и толкает сзади. Когда ветер благоприятный, парус освобождает от работы человека, находящегося впереди. Парус представляет собой циновку, привязанную к двум палкам, укрепленным по бокам тележки».

Вдоль берегов Хайхэ местами построен гранитный парапет для защиты от наводнений; на довольно значительном расстоянии

друг от друга сооружены гранитные плотины со шлюзами, дающие возможность орошать окружающие поля.

Хотя вся страна, по-видимому, была прекрасно возделана, там часто свирепствовал голод, вызывавшийся наводнениями или налетами саранчи.

До этих пор посольство плыло среди огромной наносной равнины Пе-че-Ли. Лишь на четвертый день после того, как миновали Тяньцзинь, на горизонте показалась голубая цепь гор. Приближались к Пекину. 6 августа 1793 года яхты бросили якорь в двух милях от столицы.

Там подарки, которые рискованно было везти в Дзе-Гол, выгрузили и перенесли на хранение во дворец, называвшийся «Садом вечной зелени». Любопытство жителей, уже и так сильно возбужденное видом англичан, достигло предела при появлении негра-слуги.

«Его черная как смоль кожа, курчавая голова, черты лица, свойственные его расе, — все было совершенно внове для населения этой части Китая. Никогда ничего подобного здесь не видели. Некоторые зрители выражали сомнение, чтобы такое существо могло принадлежать к человеческому роду, а дети кричали, что это черный дьявол, фанке. Впрочем, добродушное лицо негра вскоре их успокоило, и они стали смотреть на него без страха».

Больше всего удивило англичан нарисованное на стене изображение затмения луны, предстоявшего в ближайшие дни. Они обратили внимание на то, что для китайцев серебро является товаром, поскольку те не имеют чеканной монеты и пользуются слитками, на которых обозначен лишь вес.

Удивительное сходство церемоний культа Фо (буддизма) с христианскими не могло уйти от внимания англичан. Макартни напоминает, что различные авторы утверждают, будто апостол Фома добрался до Китая, тогда как миссионер Премор настаивает на том, что это всего лишь проделки дьявола, пытавшегося подшутить над иезуитами.

Для перевозки подарков, присланных английским правительством, понадобилось девяносто небольших повозок, сорок четыре тележки, свыше двухсот лошадей и около трех тысяч человек. Посол и еще три англичанина сопровождали в паланкинах этот обоз. Другие участники посольства, а также мандарины ехали верхом, окружая посла. На всем пути кортежа теснилась огромная толпа. Когда Макартни прибыл к воротам Пекина, его при-

ветствовали пушечными выстрелами. По ту сторону городской стены он очутился на широкой немощеной улице с одноэтажными и двухэтажными домами. На улице возвышалась красивая триумфальная арка из дерева с тремя воротами, увенчанными высокими крышами и роскошно украшенными.

«Посольство давало богатую пищу для рассказней, занимавших в те дни воображение народа. Из уст в уста передавали, что англичане привезли в подарок императору все диковины различных стран, совершенно неизвестные в Китае. С самым серьезным видом уверяли, будто среди животных, входивших в число этих редкостей, имелся слон величиной с обезьяну, но свирепый, как лев, и петух, питавшийся углем. Высказывались мнения, что все привезенное из Англии не похоже на виденное ранее в Пекине и обладает свойствами, прямо противоположными тем, какие считались обычными».

Процессия прибыла к стене, окружавшей императорский дворец, который резко выделялся желтой окраской. За воротами виднелись искусственные горы, озера, реки с островками и фантастические сооружения, раскиданные среди деревьев.

В конце улицы, шедшей к северу, у городской стены англичане заметили довольно высокое обширное здание; в нем помещался огромный колокол. Путешественники обошли все части города. Впечатление у них сложилось не очень благоприятное. По их мнению, китайцу, который посетил бы Лондон и увидел его мосты, площади, бесчисленные экипажи, скверы, общественные памятники, столица Великобритании понравилась бы больше, чем им Пекин.

Когда Макартни явился во дворец, где должны были храниться подарки английского короля, губернатор договорился с ним о порядке размещения различных предметов. Подарки внесли в большой, красиво украшенный зал, в котором стояли лишь трон и несколько ваз старинного фарфора.

Не станем вдаваться в подробности бесконечных переговоров, возникших в связи с настояниями китайцев на том, чтобы английский посол простерся ниц перед императором; об унижительном характере такого требования достаточно говорила надпись, развешенная над флагами яхт и тележек посольства: «Посол, везущий дань английского государства».

В Пекине, в старом городе, расположено поле, которое император, согласно древнему обычаю, засекает каждой весной. Там же находится «Храм земли», куда богдыхан отправляется в день

летнего солнцестояния, чтобы воздать хвалу могущественному светилу, озаряющему мир своими лучами, и поблагодарить его за животворные благодеяния.

Пекин является только резиденцией правительства Китая; в нем нет ни промышленности, ни торговли, ни порта.

Население города, по мнению Макартни, достигает трех миллионов человек. Одноэтажные дома, казалось, не могли бы вместить такое количество людей; следует, впрочем, иметь в виду, что в одном доме могла жить семья, состоящая из трех поколений. Такая густота населения объясняется также ранними браками. Поспешное обзаведение семьей является у китайцев мерой предусмотрительности, так как дети, в особенности сыновья, обязаны заботиться о своих родителях.

Второго сентября 1793 года посольство покинуло Пекин. Макартни совершил путешествие в почтовой карете; весьма вероятно, подобный экипаж впервые двигался по дорогам Татарии.

По мере того как путешественники удаляются от Пекина, местность повышается, почва становится все более песчаной и содержит меньше глины и чернозема. Вскоре показываются огромные участки земли, засаженные табаком. По утверждению Макартни, культура этого растения не была заимствована из Америки, и привычка к курению зародилась в Азии, по всей вероятности, самостоятельно.

Как вскоре заметили англичане, с ухудшением качества почвы плотность населения уменьшалась. Одновременно увеличилось число маньчжуров, и различие между нравами китайцев и их покорителей уже не так бросалось в глаза.

На пятый день пути англичане увидели знаменитую Великую Китайскую стену.

«Эта укрепленная стена, — пишет Макартни, — проходит по горным цепям, взбирается на самые высокие вершины, спускается в глубочайшие долины, переходит по поддерживающим ее аркам с одного берега реки на другой; в некоторых местах стена идет в два или три ряда, чтобы еще сильнее затруднить проход, и почти через каждые сто шагов снабжена башнями и укреплениями. Общий ее вид создает впечатление изумительно величественного сооружения...

Особое удивление и восхищение вызывает мысль о тех невероятных трудностях, с какими была связана доставка материалов и постройка Великой стены в местах, на первый взгляд кажущихся

щихся совершенно недоступными. Одна из самых грандиозных гор, по которой она проходит, имеет по точному измерению в высоту пять тысяч двести двадцать пять футов.

Это укрепление — слово „стена” не дает правильного представления о сооружении — тянется, как говорят, на полторы тысячи миль. Впрочем, надо отметить, что оно не повсюду построено с одинаковым совершенством. Длина укрепленной стены соответствовала протяженности границ, отделявших культурных китайцев от различных кочевых народов Татариин. В наше время судьбы народов, ведущих между собою войны, не могут зависеть от преград подобного рода.

Некоторые более мелкие сооружения, являвшиеся частью громадной ограды, поддаются действию времени и начинают превращаться в развалины; другие отремонтированы и еще держатся. Но основная стена почти всюду была, по-видимому, построена так тщательно и искусно, что сохранилась в целости по истечении почти двух тысяч лет, хотя за все время ее никто не чинил; она и теперь кажется еще такой же прочной, как скалистый оплот, воздвигнутый самой природой».

За Великой стеной сама природа как бы говорила о том, что начинается другая страна: температура воздуха здесь ниже, дороги более неровные, горы не так богаты растительностью. Число больных зобом в долинах Татариин было так велико, что составляло, по данным доктора Гиллана, врача посольства, одну шестую всего населения. Часть Татариин, где распространена эта болезнь, имеет большое сходство с некоторыми районами Швейцарии и Савойи.

Наконец увидели долину Дзе-Гол, где находится окруженный парком дворец; в нем император живет летом. Резиденция называется «Местом приятной прохлады», а парк — «Садом бесчисленных деревьев». Посольство было принято с военными почестями, при огромном стечении народа. В собравшейся толпе снова много людей в желтой одежде — низших лам, или монахов секты Фо, к которой принадлежал император.

Переговоры, начавшиеся в Пекине по поводу припадания к стопам богдыхана, возобновились. В конце концов Чен Лун согласился удовольствоваться теми знаками почтительности, какие англичане обычно оказывают своему повелителю. Прием происходил в торжественной обстановке и сопровождался всевозможными церемониями. Присутствовало очень много придворных и чиновников.

«Как только рассвело, — рассказывается в отчете, — звуки музыкальных инструментов и смутный отдаленный гул толпы возвестили о приближении императора. Вскоре он появился из-за высокой горы, окаймленной деревьями, словно вышел из какого-то священного леса. Впереди выступали несколько человек, во весь голос прославлявших добродетели и могущество властелина. Император сидел в открытых парадных носилках, которые несли шестнадцать человек. Его сопровождала стража, придворные, знаменосцы, слуги с зонтиками и оркестр. Император был одет в темный шелковый халат, голову покрывала бархатная шапка, формой сильно напоминавшая шапки шотландских горцев. На его лбу бросалась в глаза огромная жемчужина, по-видимому, единственная бывшая на нем драгоценность».

Войдя в палатку, император поднялся на трон по передним ступеням; только он имел право по ним проходить. Великий «колао» (первый министр) Ху Шудон и двое из высших придворных стояли возле императора; обращаясь к нему, они каждый раз преклоняли колени. Когда принцы императорской семьи, вассалы и высшие государственные сановники разместились в соответствии со своим рангом, церемониймейстер подвел Макартни к подножию трона с левой стороны, считавшейся, по китайским обычаям, почетным местом. За послом следовали паж и переводчик. Его сопровождал также полномочный министр.

Макартни, проинструктированный церемониймейстером, взял двумя руками и поднял над головой большой великолепный золотой ларец четырехугольной формы, украшенный бриллиантами; в нем лежало письмо английского короля богдыхану. Затем, поднявшись по нескольким ступеням, которые вели к трону, Макартни преклонил одно колено, произнес очень краткое приветствие и вручил ларец его императорскому величеству. Богдыхан собственноручно милостиво принял ларец, поставил его рядом с собой и сказал, что «испытывает величайшее удовлетворение свидетельством уважения и доброжелательства его величества британского короля, проявившихся в присылке посольства с письмом и редкими подарками; со своей стороны он испытывает те же чувства к повелителю Великобритании и надеется, что между подданными обоих государств всегда будет сохраняться доброе согласие».

После частной беседы с послом, продолжавшейся несколько минут, император преподнес ему, а также полномочному ми-

нистру различные подарки. Затем почетных гостей повели и усадили на подушки, перед которыми стояли столики, уставленные пирамидами чашек с разнообразными мясными блюдами и фруктами. Император тоже отведал кушанья и все время выражал послу свое уважение и внимание, имевшие целью поднять престиж английского правительства в глазах общественного мнения на исключительную высоту. Больше того, Макартни и его свиту пригласили посетить сады Дзе-Гола. Во время прогулки англичане встретили императора; тот остановился, когда они его приветствовали, и приказал первому министру, считавшемуся наместником императора, и некоторым другим высшим сановникам сопроводить гостей.

Китайские вельможи взяли на себя труд провести посла и его свиту по обширным участкам, превращенным искусными садовниками в места отдыха и развлечений и составлявшим только часть этих огромных садов. Остальная часть была предназначена для женщин императорской семьи, и доступ туда находился под строжайшим запретом не только для членов английского посольства, но и для китайских министров.

Затем Макартни побывал в цветущей долине, где росло много деревьев, в частности толстоствольных ив. Между ними расстилался густой ковер травы; ее пышному росту не препятствовали ни домашний скот, ни косцы. Китайские министры и англичане, добравшись до берега большого озера неправильной формы, сели на яхты и доплыли до моста, переброшенного через озеро в самой узкой его части; за ним озеро как будто терялось где-то в туманной дали.

Несколько дней спустя, 13 сентября, Макартни и его свита были на торжественной церемонии по случаю дня рождения императора.

Назавтра и в следующие дни происходили великолепные празднества, на которых присутствовал Чен Лун со всем двором. Одни за другими выступали акробаты, эквилибристы, фокусники, долгое время не имевшие соперников во всем мире, и борцы. Затем появились жители различных провинций империи в национальных костюмах, демонстрировавшие разнообразные изделия своих провинций. Наконец зажглись огни фейерверка; он произвел очень сильное впечатление, хотя дело происходило среди бела дня.

«Некоторые номера программы явились для английских зрителей новостью, — рассказывает в отчете. — Для примера при-

ведем один. На возвышение поставили большой ящик, и когда дно словно случайно отвалилось, мы увидели, как из ящика вылетало множество бумажных фонариков. Они выпадали в сложенном виде, совершенно плоскими, но, отделяясь друг от друга, стали постепенно расправляться.

Каждый принял свою обычную форму, и вдруг в них загорелся свет чудесного тона... По-видимому, китайцы очень изобретательны по части пиротехники. По бокам большого ящика стояли похожие на него маленькие; когда они таким же образом открылись, из них вылетело по ленте огня, которые извивались, образуя фигуры различной формы, блестели, как полированная медь, и сверкали, как молния, при каждом дуновении ветра. Номер закончился извержением искусственного вулкана».

Обычно после празднеств в честь дня своего рождения император отправлялся в леса Татарии охотиться на хищных зверей; но так как преклонный возраст лишил Чен Луна возможности предаваться этому развлечению, то он решил вернуться в Пекин. Английское посольство должно было направиться туда раньше императора.

Тем временем лорд Макартни пришел к выводу, что пора покончить с порученным ему делом. С одной стороны, не существовало такого обыкновения, чтобы послы постоянно находились при китайском дворе; с другой — значительность сумм, в которые пребывание посольства обходилось императору, оплачивавшему все его расходы, естественно побуждала ускорить отъезд. Через несколько дней Макартни получил от Чен Луна ответ на письма английского короля, подарки для передачи королю, а также для него самого и всех офицеров и чиновников свиты. Это означало разрешение уехать.

На обратном пути англичанам удалось увидеть знаменитых птиц «леутце», ловивших рыбу для своего хозяина. Эти птицы из семейства бакланов были так хорошо выдрессированы, что не требовалось привязывать им к шее веревку или надевать кольцо, чтобы они не поедали часть добычи.

«В каждой джонке или на плоту имелось по десять, двенадцать птиц, мгновенно нырявших по знаку хозяина. Мы с изумлением смотрели, как они хватали огромных рыб и приносили их в клюве».

Макартни рассказывает о любопытном способе охоты на диких уток и на другую водоплавающую дичь. Пустые кувшины и тыквенные бутылки оставляют в течение нескольких дней плавать

на воде, чтобы птицы успели привыкнуть к их виду. Затем человек входит в воду, надевает себе на голову один из этих сосудов, медленно приближается к дичи и, схватив ее за лапы, душит под водой; он продолжает бесшумную охоту до тех пор, пока не наполнит захваченный с собой мешок.

Макартни побывал в Кантоне, затем в Макао (Аомынь) и пустился в обратный путь в Англию. На событиях этого плаванья останавливаться не будем.

Перенесемся теперь в другую часть Азии, так называемую Переднюю Азию. Прежде всего упомянем о путешествии Вольнее.

Все знают, по крайней мере понаслышке, его книгу «Руины». Описание путешествия в Египет и в Сирию представляет еще больший интерес. В нем нет никаких пышных фраз; это произведение, написанное простым, ясным языком, изобилующее фактами, является одним из лучших и наиболее поучительных в своем роде. Участники египетской кампании¹, говорят, нашли в нем ценные указания, а также точное описание климата и естественных богатств страны и нравов жителей.

Вольней тщательно подготовился к путешествию. Он относился к нему очень серьезно и хотел, чтобы его исход как можно меньше зависел от случайностей. Едва прибыв в Сирию, он понял, что не сможет близко ознакомиться с повседневной жизнью народа, если не изучит язык и не займется сам сбором всякого рода сведений. Поэтому он поселился в монастыре Мар-Ханна в Ливанских горах, чтобы выучить арабский язык.

Впоследствии, желая получить представление о том, какой образ жизни ведут кочевые племена аравийских пустынь, он подружился с одним шейхом, научился владеть копьем, целыми днями не слезать с лошади и смог сопровождать бедуинов в их странствиях по пустыне. Благодаря хорошим отношениям с этими племенами он имел возможность посетить развалины Пальмиры и Баальбека, мертвых городов, до того известных только по названию.

«Его стиль, — пишет Сент-Бёв² о Вольнее, — лишенный всяких преувеличений и вычурности, отличается замечательной точностью и исключительной строгостью. Когда Вольней рассказы-

¹ Имеется в виду поход Наполеона Бонапарта в Египет (1798 — 1799).

² Сент-Бёв Шарль Огюстен (1804 — 1869) — известный французский литературовед и поэт.

вает о свойствах почвы Египта и ее отличии от почвы африканских пустынь, описывает „эту черную, жирную, легкую землю“, которую приносит Нил; когда он рассказывает о горячих ветрах пустыни, их сухом жаре, „напоминающем жар, исходящий из печи в момент вынимания из нее хлеб“; о тревожном состоянии воздуха, как только задуют эти ветры, воздуха „не туманного, а какого-то пыльного и серого, поистине полного мельчайших частиц песка, не оседающих и проникающих повсюду“; о солнце, „превращающемся в багровый диск“, — во всех этих описаниях, дающих одновременно и общую картину, и отдельные подробности, он достигает подлинной красоты — если это слово применимо по отношению к скупым строкам — красоты осязаемой, в какой-то мере врачующей, напоминающей слог Гиппократ¹ в его „Трактате о воздухе, воде и земле“.

Хотя Вольней не совершил никаких географических открытий, которые могли бы прославить его имя, следует все же считать его одним из первых путешественников, сознававших важность задач, которые перед ними стояли. Он пытался воспроизвести «подлинную» картину посещенных им мест, а это уже немалая заслуга для эпохи, когда все исследователи не упускали случая приукрасить свои рассказы, нисколько не думая о лежавшей на них ответственности.

Аббат Бартеlemi опубликовал в 1788 году «Путешествие юного Анахарсиса»; благодаря своему общественному положению и научным заслугам он вызвал у современников интерес к Греции и окружающим ее странам. Его влиянием, очевидно, объясняется склонность к занятиям историей и археологией, пробудившаяся у Шуазель-Гуффье.

Назначенный французским послом в Константинополе, Шуазель-Гуффье дал себе слово использовать свободное от исполнения служебных обязанностей время для путешествий с целью изучения археологических древностей и искусства гомеровской и геродотовской Греции. Эти поездки должны были пополнить образование молодого, двадцатичетырехлетнего посла.

Впрочем, надо полагать, что Шуазель-Гуффье сознавал свою недостаточную осведомленность, так как привлек к работе серьезных ученых и знатоков искусства: аббата Бартеlemi, эллиниста д'Анс де Вилузона, поэта Делия, скульптора Фовея и худож-

¹ Гиппократ (ок. 460 — 377 гг. до н. э.) — выдающийся врач Древней Греции. Много путешествовал.

ника Касса, составивших известный труд — «Живописное путешествие по Греции». Самому Шуазелю-Гуффье при издании этого труда принадлежала лишь роль мецената.

Шуазель-Гуффье пригласил в качестве личного секретаря аббата Жана-Батиста Лешевалье, прекрасно владевшего древнегреческим языком. Тот побывал в Лондоне, где задержался по делам Шуазеля-Гуффье довольно надолго и успел изучить английский язык, затем направился в Италию и, серьезно заболев там, прожил семь месяцев в Венеции. Лишь после этого он попал в Константинополь.

Исследования Лешевалье относились главным образом к тому району, где когда-то находилась Троя. Глубокий знаток «Илиады», Лешевалье принялся разыскивать и, по его мнению, нашел все места, упоминаемые в поэме Гомера. Это кропотливое историко-географическое исследование сразу же по выходе в свет вызвало многочисленные возражения. Некоторые, например Брайант, считали открытия Лешевалье фантастическими по той простой причине, что Троя и тем более Десятилетняя война существовали лишь в воображении того, кто их воспел. Ряд других ученых, главным образом англичане, соглашались с выводами французского археолога. Весь этот спор представлялся давно исчерпанным, но недавние открытия Шлимана¹ снова придали ему злободневный характер.

Биография Гийома-Антуана Оливье, объездившего много восточных стран, очень интересна. Бертье де Совиньи привлек его к изданию статистического сборника, посвященного Парижскому округу. Начало революции лишило Оливье и покровителя, и платы за выполненную им работу. Стремясь использовать свои познания в области естественноисторических наук где-нибудь вдали от Парижа, он получил от министра Ролана назначение в отдаленные, малоизвестные районы Османской империи. Помощником ему дали ученого-естествоиспытателя Брюгера.

Выехав в конце 1792 года из Парижа, оба ученых провели четыре месяца в Марселе в ожидании, пока подвернется возмож-

¹ Шлиман Генрих (1822 — 1890) — немецкий археолог-любитель. Произведенные им в 1870 — 1886 годах раскопки в Греции и Малой Азии подтвердили реальность событий, положенных в основу древнегреческого эпоса «Илиада». Шлиман добыл множество предметов материальной культуры, однако повредил при этом целостность археологического памятника, что затруднило впоследствии работу профессионалов.

ность уехать, и лишь к концу мая следующего года прибыли в Константинополь. У них имелись письма, касавшиеся порученной им задачи, к послу Семонвилю. Но тот оказался отозванным. Его преемник, Сент-Круа, не имел никакого понятия об их путешествии. Чем заняться, пока придут из Парижа запрошенные Сент-Круа инструкции?

Оливье и Брюгьер не хотели попусту терять время. Они решили посетить берега Малой Азии, некоторые острова Греческого архипелага и Египет. Так как у французского посла имелось достаточно причин предоставить в их распоряжение лишь очень небольшую сумму денег, а собственные средства путешественников были весьма ограничены, они смогли только бегло осмотреть эти интересные страны.

По возвращении ученые застали в Константинополе нового посла, Вернинака, имевшего предписание отправить их в Персию. Там они должны были приложить все усилия, чтобы расположить правительство в пользу Франции и побудить его, если возможно, объявить войну России.

В то время Персия находилась в состоянии полной анархии, и власть переходила от одного узурпатора к другому — к неисчислимым бедствиям для населения. Престол тогда занимал Мухаммед-хан. Когда прибыли Оливье и Брюгьер, он воевал в Хорасане¹. Французам предложили отправиться к шаху в эту страну, никогда не посещавшуюся европейскими путешественниками. Из-за болезни Брюгьера им пришлось отказаться и прожить четыре месяца в деревне, заброшенной среди гор.

В сентябре 1796 года Мухаммед вернулся в Тегеран. Первым делом он приказал убить сотню русских матросов, захваченных в плен на побережье Каспийского моря, и распять их тела на воротах дворца. Отвратительная эмблема, достойная такого палача!

На следующей год Мухаммед был убит, и воцарился, не без борьбы, его племянник Фета-Али-шах.

В обстановке постоянной смены властителей Оливье не мог надеяться выполнить задачу, порученную ему французским правительством. С приходом к власти нового шаха приходилось начинать переговоры вновь. Оба дипломата (и одновременно естествоиспытатели-путешественники) убедились, что ничего не до-

¹ Хорасан — провинция на северо-востоке Ирана; в историческом прошлом ее границы распространялись значительно дальше в глубь страны, захватывая обширные внутренние районы к югу и юго-востоку от Каспийского моря.

стигнут, пока будет продолжаться смена правителей; так как они ничем не могли способствовать укреплению власти какого-нибудь шаха, то решили вернуться в Европу, отложив до лучших дней или предоставив более искушенным в политике людям попытку заключить союз между Францией и Персией. Багдад, Исфахан, Халеб (Алеппо), Кипр, Константинополь — таковы были этапы обратного пути.

Что дало их длительное пребывание на Востоке? Порученная им дипломатическая миссия не удалась; никаких географических открытий, никаких новых наблюдений они не сделали. Однако Кювье¹ в посвященной Оливье речи утверждает, что собранные им естественнонаучные материалы не лишены ценности. Приходится этому верить, так как через три месяца после возвращения Оливье избрали в Академию наук.

Что касается отчета о путешествии, то, опубликованный в трех томах, «он встретил в широкой публике самый отличный прием», как выразился в обычном академическом стиле Кювье.

«Говорят, отчет был бы интереснее, — продолжал он, — если бы цензура кое-что из него не выкинула; но тогда в нем оказались бы нежелательные намеки, а ведь не всегда разрешается высказывать то, что думаешь, даже если речь идет о Тамас-Кулихане. Оливье не настаивал ни на своих намеках, ни на щедром гонораре; он спокойно вычеркнул все найденное неподходящим и покорно ограничился простым объективным рассказом о виденном».

Переход от Персии к России не может показаться слишком резким. В XVIII веке такой переход был еще менее резким, чем в наши дни. Собственно говоря, только с Петром I Россия вошла в число европейских держав. До тех пор эта страна по своей истории, связям, нравам жителей оставалась совершенно азиатской. При Петре I и Екатерине II прокладываются дороги, торговля начинает приобретать существенное значение, создается флот, русские племена объединяются в единую нацию. Уже к тому времени подвластная царю страна была огромной. Ее властители своими завоеваниями еще более расширили границы. Но они сделали не только это. Петр I составляет карты, посылает экспедиции во все стороны, чтобы собрать сведения о климате, природных

¹ Кювье Жорж (1769 — 1832) — французский естествоиспытатель, известный своими трудами в области анатомии, палеонтологии и систематики животных.

богатствах и населении каждой провинции. Наконец он направляет Беринга для открытия пролива, впоследствии названного именем мореплавателя.

Екатерина II идет по пути великого императора, преобразователя страны. Она приглашает в Россию ученых, вступает в переписку с писателями всего мира. Она умеет возбуждать симпатии к своему народу. Любопытство, интерес пробуждаются, и Западная Европа не сводит глаз с России. Все чувствуют, что рождается великая нация, и начинают несколько тревожиться по поводу последствий, к которым неминуемо приведет ее вмешательство в европейские дела. Пруссия уже показала себя; и меч, брошенный Фридрихом II на чашу весов, в корне изменил европейское равновесие. Россия обладает значительно большими людскими и материальными ресурсами, богатствами любого рода, еще не известными или не исследованными.

Поэтому политические деятели, люди, заинтересованные в судьбах своей родины, с жадностью набрасывались на все книги, посвященные этой стране. Их читали и просто любопытные, которых привлекали описания нравов, так сильно отличавшихся от наших, и таких разнообразных.

Из всех многочисленных произведений наибольший интерес вызвало «Путешествие по разным провинциям Российского государства», опубликованное естествоиспытателем Палласом и переведенное на французский язык в 1788 — 1793 годах. Ни один труд не имел такого успеха, и надо признать, что он со всех точек зрения его заслуживал.

В 1768 году Екатерина II пригласила немецкого естествоиспытателя Петера Симона Палласа в Петербург и сразу назначила его адъюнктом Академии наук. Вскоре Паллас опубликовал работу о находке костей ископаемых животных в Сибири. Англия и Франция направили в это время экспедиции для наблюдения прохождения Венеры перед диском солнца. Россия не захотела отстать и послала в Сибирь целый отряд ученых, среди них и Палласа.

Семь астрономов и геодезистов, пять естествоиспытателей и несколько студентов должны были всесторонне исследовать эту громадную страну. В течение шести лет Паллас не щадя сил занимался изучением ряда областей. Он побывал в Оренбурге, на берегу Яика (Урала), куда стекались кочевники, бродящие на солончаковых берегах Каспийского моря, в Гурьеве, располо-

женном на берегу этого моря, или, вернее, большого озера, с каждым годом усыхающего. Затем он исследовал Уральские горы и многочисленные железные рудники, в них находившиеся. Он был в Тобольске, столице Сибири, работал на северных склонах Алтая, в Красноярске на Енисее, на озере Байкал и в Даурии, примыкающей к границам Китая. После этого Паллас направился в Астрахань, отсюда на Кавказ с его исключительно интересным разноплеменным населением, наконец, на Дон и 30 июля 1774 года вернулся в Петербург.

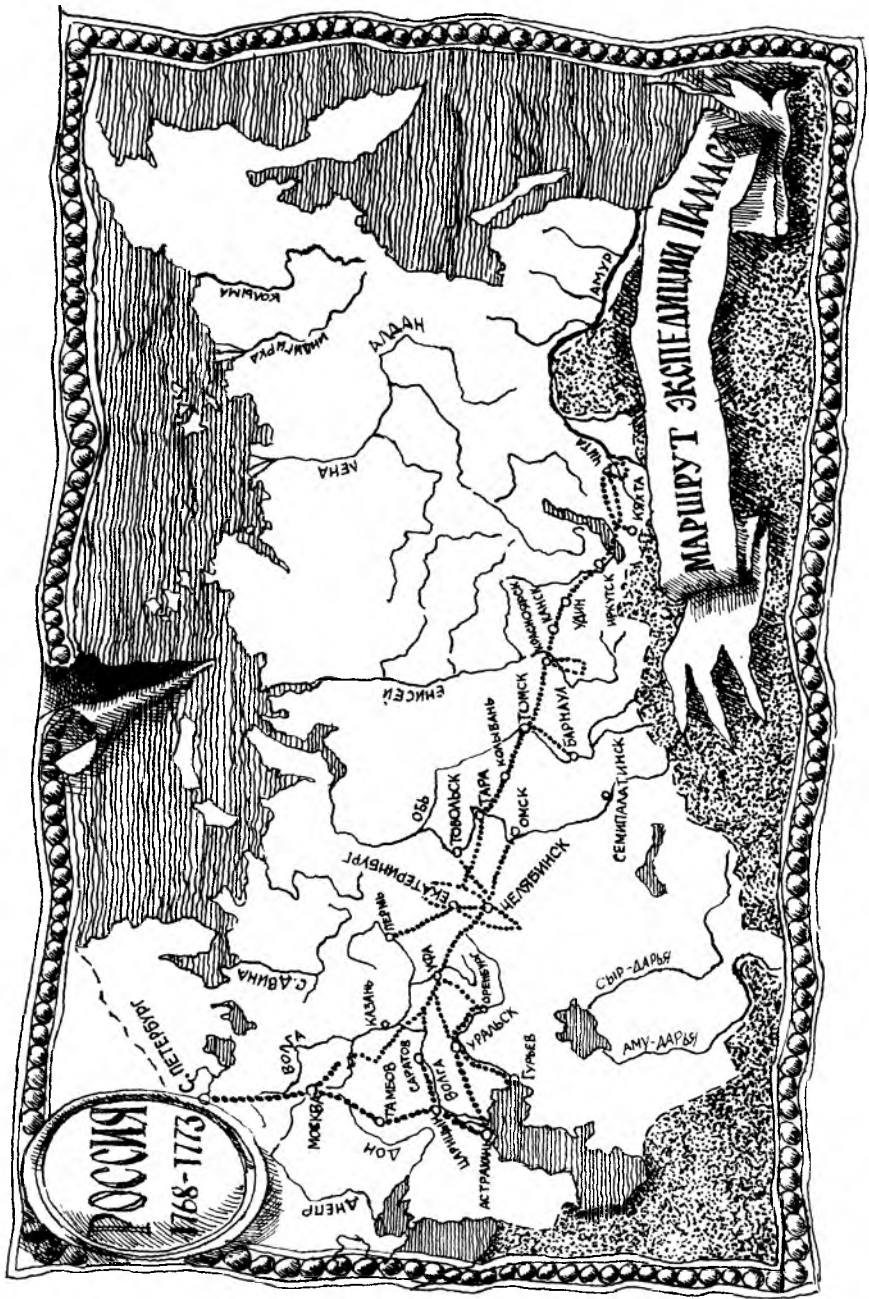
Не следует думать, что Паллас обычный путешественник. Он ездит не только как естествоиспытатель. Как человеку ничто человеческое ему не чуждо. География, история, политика, торговля, религия, искусство, науки — все для него интересно. Читая его отчет о путешествии, приходится только удивляться разнообразию знаний исследователя, отдавать должное его просвещенному патриотизму и признать проницательность императрицы, сумевшей привлечь в свою страну такого крупного ученого.

После того как материалы были приведены в порядок, отчет написан и опубликован¹, Паллас и не думает почивать на лаврах и упиваться фимиамом зарождающейся славы. Для него труд является лучшим отдыхом, и он принимает участие в работах по составлению карты России. Вскоре постоянно увлекающийся характер заставляет ученого специально заняться ботаникой, и исследования в этой области ставят его на одно из первых мест среди русских естествоиспытателей.

Одна из последних работ Палласа была посвящена югу России и называлась «Топографическое описание Таврической области». Он написал ее по-французски и перевел на немецкий и русский языки. Очарованный этими краями, посещенными им в 1793 и в 1794 годах, исследователь выразил желание в них поселиться. Императрица немедленно подарила ему несколько имений из числа удельных земель, и ученый-путешественник переехал с семьей в Симферополь.

Воспользовавшись случаем, Паллас совершил новое путешествие по южным губерниям России, приволжским степям и прилегающим к Каспийскому морю районам до Кавказа; наконец он объездил весь Крым. Часть этих мест он уже видел двадцать лет тому назад и смог убедиться в резких переменах. Паллас, хотя и

¹ Труд Палласа был опубликован в 1771 — 1776 годах под названием: «Путешествия по разным провинциям Российского Государства» (три тома).

МАРШРУТ ЭКСПЕДИЦИИ ДАМИС

РОССИЯ
1768-1772

МОСКВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

КАЗАНЬ

ОМСК

С.-УФА

С.-СЫМБИЕРС

С.-ТОБОЛЬСК

С.-ИРКУТСК

С.-ВЕРХНИЙ

С.-ОБЛАСТЬ

С.-СИБИРЬ

С.-АЛТАЙ

С.-БАЙКАЛ

С.-ЗЕМЛЯ

С.-ОХОТСКАЯ

С.-КАМЧАТКА

С.-АМУР

С.-УСТУЛТ

С.-ЯКУТСК

С.-ИЛЛИУС

С.-КОРЯК

С.-ЧУКОТКА

С.-КАМЧАТКА

С.-КОРИЯ

С.-АМУР

С.-УСТУЛТ

С.-ЯКУТСК

С.-ИЛЛИУС

С.-КОРЯК

С.-ЧУКОТКА

С.-КАМЧАТКА

С.-КОРИЯ

С.-АМУР

С.-УСТУЛТ

С.-ЯКУТСК

С.-ИЛЛИУС

С.-КОРЯК

С.-ЧУКОТКА

С.-КАМЧАТКА

С.-КОРИЯ

С.-АМУР

С.-УСТУЛТ

С.-ЯКУТСК

С.-ИЛЛИУС

С.-КОРЯК

С.-ЧУКОТКА

С.-КАМЧАТКА

С.-КОРИЯ

С.-АМУР

С.-УСТУЛТ

С.-ЯКУТСК

С.-ИЛЛИУС

С.-КОРЯК

С.-ЧУКОТКА

С.-КАМЧАТКА

С.-КОРИЯ

С.-АМУР

С.-УСТУЛТ

С.-ЯКУТСК

С.-ИЛЛИУС

С.-КОРЯК

С.-ЧУКОТКА

С.-КАМЧАТКА

С.-КОРИЯ

выражает сожаление о хищнической эксплуатации лесов, все же вынужден признать, что во многих областях земледелие развилось, появились новые центры обрабатывающей и добывающей промышленности, — одним словом, что страна идет по пути прогресса. Даже в Крыму, завоеванном совсем недавно, уже заметны значительные улучшения. А что будет через несколько лет!

Добряку Палласу, так полюбившему этот край, пришлось испытать в своем поместье множество неприятностей от татар. Его жена умерла, и, проникшись отвращением к Крыму и к его населению, он уехал 8 сентября 1811 года в Берлин, чтобы там доживать свои дни.

Паллас оставил после себя два капитальных труда; в них географ, государственный деятель, естествоиспытатель, купец могли в изобилии почерпнуть надежные и точные сведения о мало известной до тех пор стране, природные богатства и потребности которой вскоре должны были коренным образом изменить положение на европейском рынке.

Глава четвертая

СЕВЕРНАЯ И ЮЖНАЯ АМЕРИКА

Западное побережье Америки. — Три путешествия Беринга. — Ванкувер. — Исследование пролива Хуан де-Фука. — Съемка берегов острова Ванкувер и части американского побережья. — Исследование внутренних районов Америки. — Сэмюэл Херн. — Открытие реки Копермайн. — Маккензи и река, носящая его имя. — Реки Фрейзер и Белла-Кула. — Южная Америка. — Плавание Кондамина по Амазонке. — Путешествие А. Гумбольдта и Бонплана. — Остров Teneriffe. — Пещера Гуачаро. — Льяносы. — Электрические угли. — Амазонка, Рио-Негро и Ориноко. — Пожиратели глины. — Результаты путешествия. — Второе путешествие Гумбольдта. — Вулканы. — Водопад Текедама. — Мосты Иконосо. — Переход из Киндиу на спине человека. — Кито и Пичинча. — Восхождение на Чимборасо. — Анды. — Лима. — Прохождение Меркурия. — Исследование Мексики. — Город Мехико. — Возвращение в Европу.

Нам уже несколько раз приходилось рассказывать об экспедициях, имевших целью исследование берегов Америки. Мы упоминали о попытках Эрнандо Кортеса, о плаваниях и исследованиях Дрейка, Кука, Лаперуза и Маршана. Нелишне будет временно вернуться назад и вспомнить ряд путешествий на западное побережье Америки, совершенных до конца XVIII века.

В 1537 году Кортес в сопровождении Франсиско де Ульоа достиг большого полуострова Калифорния и исследовал почти весь длинный и узкий Калифорнийский залив.

После Кортеса Франсиско Васкес Коронадо по суше и Эрнандо Аларкон по морю бросились на поиски легендарного пролива, будто бы соединявшего Атлантический океан с Тихим; но им удалось добраться лишь до тридцать шестой параллели.

Два года спустя, в 1542 году, португальский моряк Жуан Родригиш ди Кабрилью достиг 44° северной широты. Холод, болезни, недостаток продовольствия и плохое состояние судна вынудили его повернуть назад. Правда, он не совершил никакого открытия, но установил, что от бухты Нативидад, находящейся на 19°45' северной широты, и до той точки, до которой он добрался, берег тянется непрерывной линией. Казалось, пролив отступал перед путешественниками.

Вероятно, неуспех попыток обескуражил испанцев, так как с тех пор их имена исчезают из списка исследователей. Теперь англичанину Дрейку, проплывшему вдоль западного берега Америки от Магелланова пролива и грабившему испанские владения,

удалось дойти до сорок восьмой параллели; на обратном пути он исследовал все побережье на протяжении десяти градусов и дал этой огромной территории название Новый Альбион.

Затем в 1592 году совершил свое в значительной мере легендарное путешествие Хуан де Фука, утверждавший, что он открыл пролив Аниан, который разыскивали с давних пор, тогда как на самом деле им был обнаружен лишь пролив, отделяющий остров Ванкувер от материка.

В 1602 году Вискайно положил начало строительству порта Монтерей в Калифорнии, а сорок лет спустя адмирал де Фонтене (Фуэнте) совершил экспедицию, послужившую предметом множества глубокомысленных исследований и остроумной полемики. Ему мы обязаны открытием архипелага Сан-Ласаро севернее острова Ванкувер; но что касается рассказов де Фонтене об озерах и больших городах, якобы виденных им, и обнаруженном пути из одного океана в другой, то все это следует отнести к области чистейшего вымысла.

В XVIII веке уже перестали слепо верить рассказам путешественников; отчеты изучали, проверяли и принимали только то, что совпадало с уже известными бесспорными данными. Бюаши, Делиль и главным образом Флёрё первые стали на плодотворный путь исторической критики, и в этом их огромная заслуга.

Как уже говорилось, русские добились значительных успехов в изучении своей страны и имели все основания предполагать, что недалек тот день, когда их землепроходцы достигнут Америки, в особенности если оба материка, согласно воззрениям того времени, соединялись на севере.

Царь Петр I за несколько лет до своей смерти собственноручно составил снабженный подробными инструкциями план давно задуманного им путешествия. Речь шла о том, чтобы удостовериться, соединены ли между собой Азия и Америка или их разделяет пролив. Собрать все необходимое для организации экспедиции в арсеналах и портах Камчатки оказалось невозможным. Пришлось из европейской части России направить капитанов, матросов, снаряжение и продовольствие.

Датчанин Витус Беринг и русский Алексей Чириков, два моряка, уже не раз доказавшие свои познания и искусности, были назначены руководителями экспедиции. Они получили в свое распоряжение одно судно, построенное на Камчатке.

Только 13 июля 1728 года они смогли выйти в море. Взяв курс на северо-восток вдоль берега Азии и не теряя его из виду, Беринг достиг $67^{\circ}18'$ северной широты, где заметил мыс, за которым берег отклонялся к западу.

Во время этого путешествия Беринг не только не обнаружил берега Америки, но даже не подозревал, что ему удалось пройти проливом, впоследствии названным его именем. Легендарный пролив Аниан стал называться Беринговым.

Второе путешествие, совершенное в следующем году теми же мореплавателями, не дало никакого результата.

Только 4 июня 1741 года Беринг и Чириков смогли снова отправиться в путь. На этот раз они намеревались, достигнув 50° северной широты, идти на восток, пока не увидят американский берег. Но корабли, разлученные 20 июня шквалом, больше не соединились. 18 июля на $58^{\circ}28'$ северной широты Беринг увидел Американский материк. Следующие дни он посвятил съемке большого залива, ограниченного двумя мысами — Святого Ильи и Святого Гермогена.

В течение всего августа Беринг шел среди островов, окаймляющих полуостров Аляску, и открыл архипелаг, названный им островами Шумагина; до 24 сентября мореплаватель боролся со встречными ветрами, достиг оконечности Аляски и открыл часть Алеутских островов.

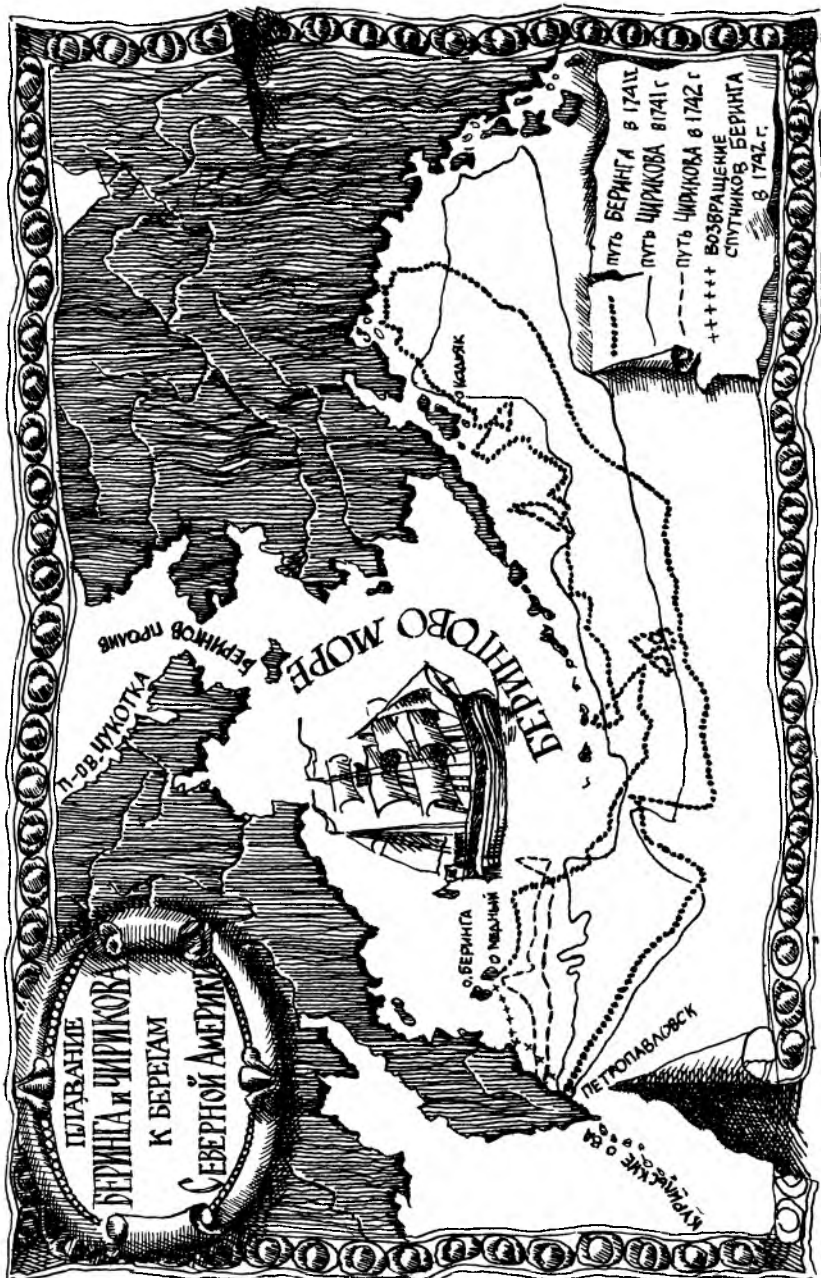
Уже давно чувствовавший себя больным, Беринг вскоре оказался не в состоянии следить за курсом судна и не смог предотвратить его гибель у берега маленького острова, получившего название острова Беринга. Там 8 декабря 1741 года безвременно умер этот мужественный человек и искусный моряк.

Остальным участникам экспедиции, число которых сильно уменьшилось в результате тяжелых условий зимовки на пустынном острове, удалось построить из остатков корабля большой баркас и добраться на нем до Камчатки.

Что касается Чирикова, то, прождав своего командира до 25 июня, он направился на восток и 17 июля пристал к американскому берегу между пятьдесят пятой и пятьдесят шестой параллелями. Там он потерял две шлюпки со всей их командой, так и не узнав, что с ними случилось. Не имея больше возможности общаться с землей, исследователь вернулся на Камчатку.

Путь был найден. По нему настойчиво устремились авантюристы, купцы, моряки. Совершенные ими открытия относились главным образом к Алеутским островам и Аляске.

ПЛАВАНИЕ
БЕРИНГА И ЧИРИКОВА
К БЕРЕГАМ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

ПУТЬ БЕРИНГА В 1741 Г.
ПУТЬ ЧИРИКОВА В 1741 Г.
ПУТЬ ЧИРИКОВА В 1742 Г.
ВОЗВРАЩЕНИЕ
СПУТНИКОВ БЕРИНГА
В 1742 Г.

БЕРИНГОВО МОРЕ
БЕРИНГОВ ПРОЛИВ

О. БЕРИНГА
О. НЕЛЬСОНА

О. ИСАЯК

ПЕТРОПАВЛОВСК

КАМЧАТКА

ИЛИУТКА

Экспедиции, направленные англичанами к берегам Америки, успехи русских вызвали зависть и беспокойство испанцев. Те опасались, как бы их соперники не утвердились в странах, формально им принадлежавших, хотя там не имелось ни одного их поселения.

Вице-король Мексики маркиз де Крус вспомнил об открытом Вискайно превосходном порте и решил разместить там гарнизон. Одновременно снарядили две экспедиции: одну — по суше под начальством Гаспара де Портала, вторую — морем. Последняя на двух кораблях — «Сан-Карлос» и «Сан-Антонио» — вышла из Ла-Паса 10 января 1769 года, достигла бухты Сан-Диего и после года поисков обнаружила гавань Монтерей, о которой сообщал Вискайно.

После этой экспедиции испанцы продолжили исследование берегов Калифорнии. Наиболее известны путешествия Хуана де Айоласа и Хуана Франсиско де ла Бodega-и-Куадра, совершенные в 1775 году и приведшие к открытию мыса Эганьо (Эджкем) и бухты Гуадалупе (Норфолк).

Мы уже рассказывали об исследованиях Кука, Лаперуза и Маршана; теперь следует несколько подробнее остановиться на экспедиции Ванкувера. Совершенно естественно, что этого офицера, сопровождавшего Кука во втором и третьем путешествии, назначили начальником экспедиции, направленной английским правительством к берегам Америки для того, чтобы положить конец спорам, возникшим с испанским правительством из-за залива Нутка.

Джордж Ванкувер получил предписание добиться от испанских властей официальной уступки этой бухты, имевшей важное значение для торговли мехами. Затем он должен был произвести картографическую съемку северо-западного побережья Америки от тридцатой параллели до реки Кука на 61° северной широты. Ему предложили обратить особое внимание на пролив Хуан-де-Фука и на залив, исследованный в 1789 году экспедицией на «Вашингтоне».

Первого апреля 1791 года из Фалмута вышли два корабля — «Дискавери» водоизмещением в 340 тонн и «Чатем» водоизмещением в 135 тонн; последним командовал капитан Броутон.

После остановок на острове Тенерифе, затем в Саймонс-Бей и на мысе Доброй Надежды Ванкувер направился на юг, прошел вблизи острова Сен-Поль, взял курс к Новой Голландии, держась

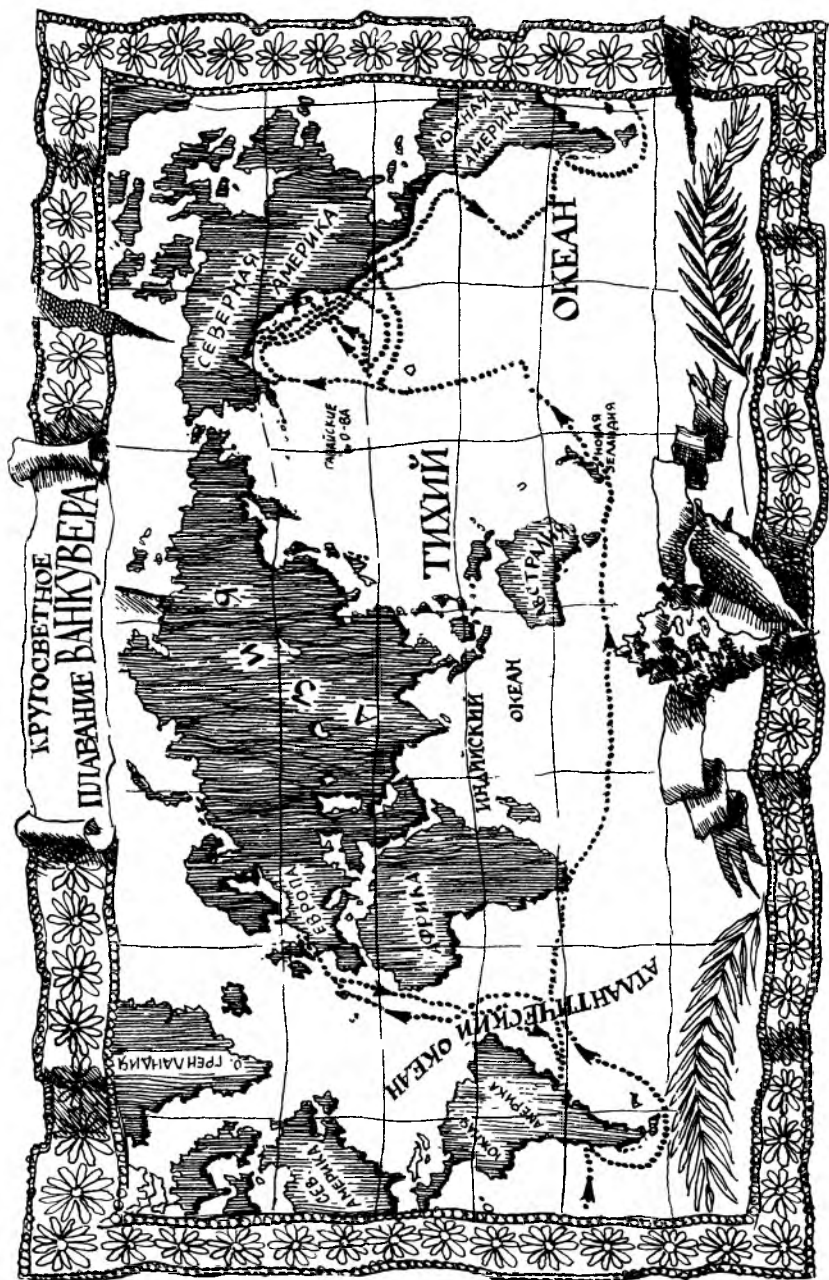
посредине между путями, которыми шли Дампир и Марион, и двигаясь по никем еще не исследованным водам. 27 сентября появился берег Новой Голландии, заканчивавшийся высоким скалистым мысом, получившим название мыс Чатем. Так как часть матросов болела дизентерией, Ванкувер решил зайти в первую попавшуюся бухту, чтобы раздобыть там воду, дрова, а главное — свежую провизию, в которой ощущался острый недостаток. Он остановился в бухте Кинг-Джордж. Там имелись утки, кулики, лебеди, много рыбы, устрицы. Но вступить в сношения с жителями ему не удалось, хотя он и видел деревню в два десятка хижин, покинутую совсем недавно.

Не будем останавливаться на плавании Ванкувера вдоль юго-западного берега Новой Голландии, так как оно не дало ничего нового.

Экспедиция 26 октября обогнула Землю Ван-Димена, а 2 ноября стали видны берега Новой Зеландии; оба английских корабля бросили якорь в Даски-Саунд. Там Ванкувер завершил съемки, не доведенные Куком до конца. Вскоре ураган разлучил «Дискавери» и «Чатем», вновь соединившиеся в бухте Матавай (о. Таити). Во время перехода до Таити Ванкувер видел несколько скалистых островов, названных им Тэ-Снэрс, и остров побольше, называвшийся Опарра. В свою очередь капитан Бротон открыл острова Чатем к востоку от Новой Зеландии. Стоянка на Таити сопровождалась такими же событиями, что и во время пребывания там Кука, поэтому о них не стоит упоминать.

Двадцать четвертого января 1792 года корабли взяли курс к Гавайским островам и ненадолго остановились на Гавайи, Оаху и Атуаи. Со времени убийства Кука на архипелаге произошли большие перемены. Туда стали заходить английские и американские суда, занимавшиеся китобойным промыслом или торговлей мехами. Их капитаны приучили туземцев к водке и пробудили в них желание приобрести огнестрельное оружие. Распри между мелкими вождями участились, повсюду царил полная анархия, а число жителей значительно уменьшилось.

Семнадцатого марта 1792 года Ванкувер покинул Гавайские острова и взял курс к Америке. Вскоре он увидел часть побережья, названную Дрейком Новый Альбион. Почти сразу он встретил там капитана Грея, якобы побывавшего на судне «Вашингтон» в проливе Хуан-де-Фука и обнаружившего обширное море. Грей поспешил опровергнуть слухи о его открытиях, получившие ши-

рокое распространение. Он прошел всего пятьдесят миль по проливу, тянувшемуся с запада на восток, и достиг пункта, где пролив, по словам туземцев, поворачивает к северу.

Ванкувер в свою очередь вошел в пролив Хуан-де-Фука, открыл там пролив Адмиралти, бухты Берч и Пьюджет-Саунд, пролив Джонстон и архипелаг Бротон. Не дойдя до конца этого длинного морского рукава, он встретил два небольших испанских корабля под командованием Куадры. Оба капитана сообщили друг другу о проделанных ими работах; они присвоили свои имена главному острову обширного архипелага, который был назван Новой Георгией.

Затем Ванкувер побывал в заливе Нутка, на реке Колумбия и направился на стоянку в Сан-Франциско. Разумеется, нет смысла описывать во всех подробностях исследования, потребовавшие не меньше трех кампаний подряд. Английские моряки засняли огромную прибрежную полосу между мысом Мендосино и бухтой Конклуажн, расположенной на $56^{\circ}14'$ северной широты и $134^{\circ}23'$ западной долготы.

«Теперь, — пишет путешественник, — когда мы достигли главной цели, к которой стремился король, повелев совершить это путешествие, я льщу себя надеждой, что наше очень тщательное исследование северо-западного берега Америки рассеет все сомнения и устранил все заблуждения относительно Северо-Западного прохода, что никто больше не будет верить в существование водоема, простирающегося от северной части Тихого океана внутрь Американского материка, на всем изученном нами пространстве».

Выйдя из Нутки, чтобы до возвращения в Европу исследовать берега Южной Америки, Ванкувер остановился у маленького острова Кокос, отнюдь не заслуживающего, как уже упоминалось, такого названия, зашел в Вальпараисо, обогнул мыс Горн, пополнил запас воды на острове Святой Елены и 12 сентября 1795 года бросил якорь в устье Темзы.

Тяготы этого длинного плавания подорвали здоровье талантивого путешественника, и в мае 1798 года он умер, не успев завершить обработку отчета о своем путешествии, доведенную до конца его братом.

За четыре года, потраченные на утомительную работу по съемке девяти тысяч лье неизведанных берегов, «Дискавери» и «Чатем» потеряли всего двух человек. Для достойного ученика капитана Кука не пропали даром уроки учителя, и трудно ска-

зять, чем больше восхищаться в Ванкувере: заботами, которые он проявлял по отношению к матросам, гуманным обхождением с туземцами или же его искусством мореплавателя, доказанным им на протяжении всего опасного плавания.

В то время как европейские исследователи один за другим появлялись у западных берегов Америки, колонисты также не бездействовали. Поселившись сначала на берегах Атлантического океана, где ими было основано множество штатов вплоть до границы Канады, они вскоре углубились внутрь материка. Трапперы, лесные охотники, обнаружили огромные пространства, пригодные для земледелия, и английские скваттеры¹ постепенно их захватили. Это сопровождалось непрерывной борьбой с индейцами, первоначальными хозяевами страны, которых колонисты заставляли отступать в глубь материка. Привлеченные плодородием девственной почвы и большой свободой, обеспеченной конституциями различных штатов, переселенцы из Европы вскоре хлынули толпами.

Их число настолько увеличилось, что в конце XVII века наследники лорда Балтимора оценивали продажную стоимость своих земель в три тысячи фунтов стерлингов, а в середине следующего столетия, в 1750 году, наследники Уильяма Пенна получили от продажи земель в десять раз больше. И все же приток поселенцев считали еще недостаточным, поэтому стали привозить заключенных (в 1750 году в штате Мэриленд их насчитывалось 1981 человек), и особенно эмигрантов, которых заставляли подписывать контракты, что стало источником скандальных нарушений закона.

Хотя далеко не все земли, купленные у индейцев или же отнятые у них, были заселены, английские колонисты шли все дальше, не останавливаясь перед постоянными стычками с законными владельцами тех территорий, куда они проникали.

На севере Компания Гудзонова залива, обладающая монополией на торговлю мехами, все время стремится захватить новые охотничьи угодья, так как те, что она эксплуатирует, быстро истощаются. Она гонит вперед своих трапперов, добывает от индейцев, которых нанимает к себе на службу и спаивает, ценные

¹ Скваттеры – колонисты, занимавшие свободные, необработанные участки при колонизации земель в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии; вообще – крестьяне, мелкие арендаторы.

сведения. Так, руководители Компании узнают о существовании реки, впадающей в море на севере вблизи от богатых залежей меди; образцы ее несколько туземцев принесли в форт Принца Уэльского. Компания немедленно принимает решение и в 1769 году отправляет поисковую партию, поручив руководство ею Сэмюэлу Херну.

Для путешествия по стране с суровым климатом, где с огромным трудом удается раздобыть пищу, где холода достигают исключительной силы, нужны хорошо закаленные люди, способные преодолевать тяготы утомительного пути по снегу и переносить муки голода, Херн берет с собой всего двух англичан и нескольких индейцев, в преданности которых он был уверен.

Несмотря на исключительную приспособленность проводников, прекрасно знавших страну и повадки дичи, провизии вскоре стало не хватать. В двухстах милях от форта Принца Уэльского индейцы покидают Херна и его двух товарищей, и тем приходится вернуться.

Но начальник партии — суровый моряк, привыкший ко всяким передрягам. Он не падает духом. Если на первый раз постигла неудача, то, может быть, вторая попытка окажется более успешной.

В феврале 1770 года Херн снова отправляется в путь по неизведанным краям. На этот раз его сопровождают только пять индейцев, поскольку он понял, что неприспособленность белых к лишениям вызывает презрение дикарей. Поисковики уже прошли пятьсот миль, когда наступившие жестокие холода заставили их сделать остановку и дожидаться более мягкой погоды. Это был критический момент. Временами дичь попадалась в изобилии, но чаще путники оставались без всякой еды; в течение семи дней пришлось даже жевать старые кожи, обглаживать брошенные раньше кости или разыскивать под деревьями ягоды, не всегда их находя. Все время Херн и его спутники страдали от страшных морозов. Такое существование вели пионеры в этих суровых краях.

В апреле Херн возобновил путь; до августа бродил по лесам и собирался провести зиму с индейским племенем, оказавшим ему хороший прием, но затем случайное происшествие вынудило его двигаться дальше.

Ни лишения, ни неудачи, ни обманы индейцев не поколебали безграничного мужества Сэмюэла Херна. 7 декабря он уходит и, направившись к западу, встречает на шестидесятой параллели ка-

кую-то реку. Дождавшись весны, он строит челнок и спускается вниз по течению реки, проходящей бесчисленный ряд больших и малых озер. Наконец 13 июля 1771 года он достигает реки Коппермайн. Уже несколько недель он и сопровождавшие его индейцы находились на территории, постоянно посещавшейся эскимосами. «Если они нам встретятся, — говорили индейцы, — мы их всех перебьем».

Встреча не заставила себя ждать.

«Увидев, — рассказывает Херн, — что все эскимосы отдыхают в своих жилищах, индейцы выскочили из засады и внезапно напали на несчастных; я смотрел на избиение, вынужденный не вмешиваться».

Из двадцати эскимосов, составлявших это племя, никто не спасся от кровожадной ярости индейцев; одну старуху, вначале успевшую было ускользнуть, они умертвили, подвергнув самым страшным мучениям.

«После чудовищной резни, — продолжает Херн, — мы уселись на траве и плотно закусили свежей лососиной».

В этом месте река значительно расширялась. Неужели путешественник достиг устья? Но ведь вода была совершенно пресной. На берегу, однако, появились как бы признаки прилива. Множество тюленей резвилось в реке. В жилищах эскимосов нашли китовый ус. В общем, все говорило о том, что впереди море. Херн схватил подзорную трубу. Перед ним до самого горизонта простиралось огромное водное пространство, местами прерывавшееся островами. Сомнений больше не оставалось — это было море.

Тридцатого июня 1772 года Херн вернулся в английское поселение, отсутствовав ни много ни мало год и пять месяцев.

Компания Гудзонова залива оценила огромную услугу, оказанную ей Херном, и назначила его начальником форта Принца Уэльского. Во время военных операций в Гудзоновом заливе Лаперуз захватил это поселение и обнаружил там путевой дневник Сэмюэла Херна. Французский мореплаватель вернул дневник автору с условием, что тот его опубликует. Трудно сказать, какие причины задержали до 1795 года выполнение обязательства, данного английским путешественником французскому моряку.

Только в последней четверти XVIII века стала известна огромная цепь озер, рек и волоков, которая начинается от озера Верхнего, вбирает в себя все воды, стекающие со Скалистых гор, и уносит

их в Ледовитый океан. Открытием части этой водной системы мы обязаны торговцам мехами, братьям Фробишер и Понду.

Благодаря их исследованиям передвигаться стало легче, путешествия совершались одно за другим, расстояния между поселениями сокращались, страну можно было считать открытой. Вскоре стали распространяться даже слухи о большой реке, которая текла на северо-запад.

Эту реку обнаружил Александр Маккензи, чьим именем ее и назвали. 3 июня 1789 года он отправился из Форт-Чипевайана, стоящего на южном берегу озера Атабаска; его сопровождали несколько канадцев и индейцев; среди последних был один из спутников Сэмюэла Херна. Когда Маккензи достиг $67^{\circ}45'$ северной широты, ему сообщили, что до моря на востоке недалеко, а на западе еще ближе. Очевидно, он приближался к северо-западной оконечности Америки.

Двенадцатого июля Маккензи увидел большое водное пространство; неглубокое, усеянное льдинами, оно мало напоминало море, хотя на горизонте не было заметно никакой земли. И все же перед ним расстилась Ледовитый океан. Маккензи убедился в этом, когда увидел, как поднялись волны, несмотря на отсутствие сильного ветра. То был прилив. Затем путешественник добрался до острова, находившегося на небольшом расстоянии от берега. Оттуда он увидел несколько китов, резвившихся среди волн. Этот остров, расположенный на $69^{\circ}14'$ северной широты, путешественник назвал Уэл (Китовый). 12 сентября экспедиция благополучно вернулась в Форт-Чипевайан.

Спустя три года Маккензи, в котором не угас дух исследователя, поднялся вверх по течению реки Пис-Ривер, берущей начало в Скалистых горах. В 1793 году, преодолев этот труднопроходимый горный массив, он открыл по другую его сторону реку Фрейзер, текущую на юго-запад. Среди не поддающихся описанию опасностей и лишений Маккензи спустился по ее течению, но был вынужден вернуться. Затем по реке Белла-Кула он достиг побережья Тихого океана, очутившись несколько южнее островов Королевы Шарлотты. Там на отвесном склоне скалы исследователь растертой жиром киноварью сделал следующую лаконичную, но красноречивую надпись: «Александр Маккензи, добравшийся по суше из Канады сегодня 22 июля 1793 года». 24 августа он возвратился в Форт-Чипевайан.

В первой половине XVIII века в Южную Америку не было со-

..... А. МАККЕНЗИ

----- ХЕРН

вершено ни одной экспедиции. Следует рассказать только о Кондамине. Мы уже сообщали об исследованиях, приведших его в Америку, и упоминали, что по окончании измерения дуги меридиана Бугер вернулся в Европу, Жюсье на некоторое время задержался и занялся изучением фауны и флоры, обогатив естествознание множеством новых видов, а Кондамин спустился вниз по течению Амазонки до самого устья.

«Кондамина можно было бы назвать, — пишет Мори в „Истории Академии наук“, — Александром Гумбольдтом XVIII века. Человек блестящего разностороннего ума и профессиональный ученый, он во время этой памятной экспедиции доказал героическую преданность науке. Так как средств, отпущенных королем на путешествие Кондамина, оказалось недостаточно, он выложил сто тысяч ливров из собственного кармана. Из-за тягот и лишений, перенесенных во время путешествия, он потерял слух и способность владеть ногами. Жертва своей страсти к науке, он по возвращении встретил среди широкой публики, которой недоступно понимание мученичества во имя идеи, только насмешки и злобу. В Кондамине уже не видели неутомимого исследователя, подвергавшегося стольким опасностям, а лишь рассеянного, глухого, скучного человека со слуховым рожком в руках. Гордый оценкой своих собратьев по науке, от имени которых Бюффон однажды так красноречиво выступил (в прениях по поводу приема Кондамина в число членов Французской Академии наук), Кондамин находил утешение в сочинении песен и до самой могилы сохранял горячий интерес ко всему окружающему».

До Кондамина лишь немногим путешественникам удавалось проникнуть в беспредельные леса внутренней части Бразилии. Поэтому исследователь надеялся принести науке большую пользу, составив карту берегов Амазонки и собрав по мере возможности сведения о своеобразных обычаях индейцев, населявших эту так редко посещавшуюся страну.

О полном приключений путешествии Орельяны уже рассказывалось. В 1559 году Педро де Урсуа был направлен вице-королем Перу на поиски озера Парима и Эльдорадо. Он погиб от руки взбунтовавшегося солдата.

Подобные попытки ничего не могли дать для изучения Амазонки. Португальцам повезло больше. В 1636 — 1637 годах Педро Тейшейра в сопровождении многочисленного отряда испанцев и индейцев на сорока семи лодках проплыл вверх по Ама-

зонке до впадения в нее Напо. После этого он поднялся вверх по течению Напо, затем по реке Кока и очутился в тридцати лье от Кито, до которого добрался с несколькими уцелевшими людьми. На следующий год он тем же путем вернулся в Пара; его сопровождали монахи-иезуиты Акунья и Артьеда, опубликовавшие отчет о путешествии, переведенный на французский язык в 1682 году.

Карта, составленная Сансоном на основании этого отчета (ее воспроизвели все картографы), полна ошибок, но другой очень долго не существовало. Только в 1717 году была напечатана карта, составленная в 1690 году немецким миссионером Самуилом Фрицем. На ней показано, что река Напо не является настоящим истоком Амазонки и что последняя, носящая в верхнем течении название Мараньон, берет начало в озере Гуануко, в тридцати лье к востоку от Лимы. Нижнее течение Амазонки было изображено не совсем верно, так как миссионер Фриц во время этой части пути сильно болел и не мог производить точную съемку.

Отправившись 11 мая 1743 года из города Тарки, расположенного в пяти лье от Куэнки, Кондамин миновал город Сарума, когда-то славившийся золотыми приисками, и переправился через несколько рек по мостам из лиан, напоминающим огромный гамак, протянутый с одного берега на другой. Затем он достиг города Лоха, находящегося на 4° южной широты. Он расположен на четыреста туазов ниже, чем Кито. Поэтому климат там совершенно иной, а покрытые лесом горы кажутся лишь холмами по сравнению с горами, окружающими Кито. На пути из Лохи ему пришлось пересечь последние отроги восточных предгорий Анд. В этом районе дождь идет ежедневно в течение круглого года, поэтому задерживаться там надолго не следует. Вся страна давно находится в состоянии упадка; Лойола, Вальядолид, Хаен и большинство перуанских городов, расположенные вдали от моря и от большой дороги из Картахены в Лиму, представляли собой теперь лишь деревушки. А ведь вся местность в окрестностях Хаена изобилует дикими деревьями какао, на которые, впрочем, индейцы обращают не больше внимания, чем на золотоносный песок, намываемый реками.

Кондамин пустился в путь на плоту по реке Чинсипе, в этом месте превосходящей по ширине Сену в Париже, и спустился до ее слияния с Мараньоном. Там Мараньон становится судоходным, хотя его спокойное течение прерывается порогами и во многих местах река суживается до двадцати туазов. Самым известным из

этих ущелий является «понго» («опасная переправа» по-перуански) Мансериче, представляющее собой русло с почти отвесными стенами, прорытое Мараньоном в Андах и имеющее в ширину не больше двадцати пяти туазов. С Кондамином, который остался на плоту вдвоем с негром, произошел беспримерный случай.

«Уровень воды в реке, — рассказывает он, — уменьшившийся за тридцать шесть часов на двадцать пять футов, продолжал падать. Среди ночи сук толстой коряги, скрытой под водой, очутился между бревнами моего плота и по мере того, как тот опускался вместе с уровнем воды, проникал все дальше и дальше. Если бы я не бодрствовал, то засевший на суку плот через некоторое время оказался бы висящим в воздухе. Это грозило самое меньшее потерей дневников и тетрадей с записями наблюдений — плода восьмилетней работы. По счастью, мне удалось в конце концов найти способ освободить плот и двинуться на нем дальше».

Вблизи от разрушенного города Сантьяго, куда Кондамин прибыл 10 июля, среди лесов живут индейцы хибаро, уже целое столетие ведущие борьбу против испанцев, стремясь избавиться от работы на золотых приисках.

За каньоном Мансериче открывается новый мир — океан пресной воды, лабиринт озер, рек и протоков, окруженных непроходимыми лесами. Хотя за семь лет Кондамин привык к жизни на лоне природы, он без усталости любовался однообразным зрелищем сплошной воды и зелени. Покинув 14 июля Борху, путешественник вскоре миновал место слияния Мараньона с рекой Морона, спускающейся с вулкана Сангай, пепел которого иногда залетает за Гуаякиль. После этого Кондамин проплыл мимо трех рукавов реки Пастасы, в то время настолько вышедшей из берегов, что ни один из рукавов нельзя было измерить. 19-го того же месяца он достиг города Лагуны, где его уже шесть недель ждал дон Педро Мальдонадо, губернатор провинции Эсмеральдас, спустившийся вниз по течению Пастасы. В ту эпоху в Лагуне жили несколько сотен индейцев, способных носить оружие и отобранных миссионерами из различных племен.

«Решив составить карту течения Амазонки, — пишет Кондамин, — я тем самым избавил себя от роли пассивного зрителя, которая во время спокойного плавания среди однообразной местности могла бы оказаться скучной. Мне приходилось постоянно напрягать внимание, чтобы с буссолью и часами в руке следить за всеми излучинами реки, замерять, сколько времени мы двигались

от одного поворота до другого, определять ширину русла в разных местах и ширину устьев притоков, угол, образуемый ими при впадении, отмечать встречавшиеся острова и их длину, а главное — измерять скорость течения реки и движения плота, то идя по берегу, то плывя на плоту, и применяя различные методы, описывать которые я считаю здесь излишним. У меня не было ни одной свободной минуты. Я часто делал промеры глубины, измерял тригонометрическим путем ширину реки и ее притоков, почти ежедневно определял полуденную высоту солнца, а на всех стоянках — его диаметр при восходе и при заходе».

Двадцать пятого июля, миновав устье реки Тигре, Кондамин прибыл во вновь созданное поселение индейцев племени ямео, под влиянием миссионеров недавно перебравшихся туда из лесов. Язык этих индейцев был очень трудный, а произношение совершенно необычное. Некоторые слова состояли из девяти, десяти слогов, а считать ямео умели только до трех. Они очень ловко владели сарбаканом¹, выпуская из него маленькие стрелы, смазанные таким сильнодействующим ядом, что он вызывал смерть в течение одной минуты.

На следующий день Кондамин и его спутники достигли устья Укаяли, одной из самых полноводных рек, впадающих в Мараньон, возможно даже являющейся истоком Амазонки. Отсюда Амазонка сильно расширяется.

Двадцать седьмого Кондамин пристал у поселка индейцев омагуа, когда-то могущественного племени, населявшего берега Амазонки на протяжении двухсот лье ниже впадения в нее Напо. В этих местах они чужие, и говорят, что некогда, спасаясь от ига испанцев, спустились по течению какой-то реки, берущей свое начало в королевстве Гранада. Слово «омагуа» на языке перуанских индейцев означает «плоская голова»; действительно, у этого племени существует странный обычай сжимать между двумя дощечками лоб новорожденных для того, чтобы, как они поясняют, сделать головы детей похожими на полную луну. Омагуа употребляют в качестве наркотиков два растения со странными свойствами — «флорипондио» и «курупа», которые вызывают опьянение, длащееся целые сутки, и причудливые сновидения.

¹ Сарбакан — охотничье оружие индейцев Южной Америки. Представляет собой длинную трубку (до 3 м), состоящую из двух половин ствола бамбука. Стрелы, часто отравленные, выдуваются из сарбакана и поражают цель на довольно значительном расстоянии.

На берегах Мараньона повсюду попадают хинные деревья, ипекакуана¹, сарсапарель², гваяковые³ и деревья какао, лиана ваниль. Там растут также каучуковые деревья; из их сока индейцы делали бутылки, сапоги и «клизмы, работающие, — как говорит Кондамин, — без поршня; они имеют форму пустотелой груши с дырочкой на конце, куда вставляется трубочка. Это приспособление широко применяется индейцами омагуа. Когда они собираются на какое-нибудь празднество, правила вежливости предписывают, чтобы хозяин дома преподнес каждому гостю по клизме, и ее пускают в ход, прежде чем начать торжественный обед».

Сменив в Сан-Хоакине плот на лодку, Кондамин добрался до устья Напо как раз вовремя, чтобы в ночь с 31 июля на 1 августа произвести наблюдение над выходом из тени первого спутника Юпитера, что позволило ему точно определить долготу и широту этого пункта и таким образом получить твердую основу для нанесения на карту остальной части пути.

На следующий день Кондамин достиг Певаса, последней испанской миссии на берегах Амазонки. Жившие там индейцы принадлежали к разным племенам и не все были обращены в христианство. Они еще носили украшения из костей животных или рыб, всунутых в ноздри и губы, а из многочисленных дырочек в щеках торчали птичьи перья всех цветов.

Сан-Паулу являлся первой португальской миссией. Там река имеет в ширину не меньше девятисот туазов, и на ней часто разыгрываются страшные бури. Наш путешественник был приятно удивлен при виде того, что индианки носили холщовые рубахи и имели запирающиеся сундуки, железные ключи, иголки, зеркала, ножницы и другие европейские изделия, которые индейцы приобретают в Пара, когда доставляют туда собранные ими плоды какао. Их лодки отличаются значительно большим удобством, чем те, какими пользуются индейцы в испанских владениях. Они представляют собой настоящие маленькие бригантины длиной в шестьдесят футов и шириной в семь, приводимые в движение сорока гребцами.

¹ И п е к а к у а н а — южноамериканское растение, корень которого (рвотный корень) применяется в медицине как рвотное и отхаркивающее средство.

² С а р с а п а р е л ь — тропические и субтропические растения семейства лилейных. Это вечнозеленые колючие кустарниковые и полукустарниковые лианы.

³ Г в а я к о в о е д е р е в о, или бакаут — «железное» дерево, произрастающее в тропических странах; очень твердая древесина его использовалась для выделки блоков, зубчатых колес и проч.

Между Сан-Паулу и Куари в Амазонку впадают большие красивые реки: с юга — Жутаи, Журуа, Тефе, Куари, а с севера — Путумайо и Жапура. На берегах этой последней реки еще жили дикари-людоеды. Там 26 августа 1639 года Тейшейра водрузил знаки, которые должны были обозначать государственную границу. До этого места при сношениях с туземцами пользовались языком перуанских индейцев; впредь следовало прибегать к наречию бразильских племен, употребляемому во всех португальских миссиях.

Затем путешественники миновали реку Пурус и Риу-Негру, соединяющую Амазонку с Ориноко. Работы Кондамина и его проницательная критическая оценка путешествий предшествовавших ему миссионеров впервые внесли некоторую ясность в географию бассейна Амазонки.

На дальнейшем пути Кондамин проплыл мимо устья реки Мадейра¹, названной так из-за большого количества приносимого ею леса, и форта Паушис, за которым на Амазонке начинает ощущаться прилив, хотя до моря остается еще свыше двухсот лье; далее экспедиция миновала крепость Гопайос, расположенную в устье небольшой реки, в верховьях протекающей среди бразильских рудников; на берегах этой реки живут индейцы тупинамбы.

Только в сентябре на севере показались горы — новый ландшафт, так как в течение двух месяцев плавания Кондамин не видел ни одного даже небольшого холма. То были первые отроги Гвианского нагорья.

Шестого сентября у форта Пару путешественники покинули Амазонку и по естественному каналу вошли в реку Шингу, названную Акуньей Парамарибо. Затем достигли форта Курупа и наконец Пара, большого города с прямыми улицами и каменными домами². Кондамин, которому для завершения карты необходимо было посетить устье Амазонки, сел на судно, направлявшееся в Кайенну, куда прибыл 26 февраля 1744 года.

Это грандиозное путешествие дало важные результаты. Впервые течение Амазонки было исследовано подлинно научными методами; появились серьезные доводы в пользу того, что Амазонка соединяется с Ориноко; наконец, Кондамин собрал огромное количество интересных данных из области естественной истории,

¹ Дерево, лес (*порт.*).

² П а р á — автор имеет в виду город Белен, административный центр современного бразильского штата Пара.

физики, астрономии и новой, делавшей еще первые шаги науки — антропологии.

Теперь нужно рассказать о путешествиях одного из ученых, лучше всех понимавшего связь между географией и остальными естественными науками. Его звали Александр Гумбольдт. Ему принадлежит слава пионера, указавшего другим исследователям плодотворный путь.

Гумбольдт родился в Берлине в 1769 году. Первым его наставником был Кампе, известный издатель многих книг о путешествиях. Питая большую склонность к ботанике, Гумбольдт подружился в Геттингенском университете с Форстером-младшим, совершившим кругосветное плавание с капитаном Куком. Эта дружба, в особенности восторженные рассказы Форстера, по-видимому, послужили причиной появления у Гумбольдта страсти к путешествиям. Он изучает одновременно геологию, ботанику, химию, животное электричество и для усовершенствования во всех этих разнообразных науках совершает путешествия в Англию, Голландию, Италию и Швейцарию. В 1797 году после смерти матери, возражавшей против его поездок за пределы Европы, он побывал в Париже, где познакомился с молодым ботаником Эме Бонпланом. Вместе с ним он немедленно принялся за составление нескольких проектов путешествий.

Было решено, что Гумбольдт отправится в плавание с капитаном Боденом. Однако отплытие этой экспедиции без конца откладывалось, и выведенный из терпения Гумбольдт направился в Марсель с намерением присоединиться к французской армии в Египте. Он целых два месяца ждал отплытия фрегата, который должен был доставить шведского консула в Алжир, затем, раздраженный задержками, вместе со своим другом Бонпланом уехал в Испанию, надеясь получить разрешение на путешествие в испанские владения в Америке.

Это было делом нелегким. Но Гумбольдт отличался исключительной настойчивостью; к тому же у него имелись хорошие связи, горячие рекомендации, и он пользовался уже некоторым авторитетом. Поэтому, несмотря на нежелание испанского правительства, ему позволили посетить южноамериканские колонии и производить там любые астрономические наблюдения и геодезические съемки, какие он пожелает.

Пятого июня 1799 года оба друга отплыли из Ла-Коруньи и три-

надцать дней спустя достигли Канарских островов. Для естествоиспытателей побывать на острове Тенерифе и не взобраться на пик Тейде означало бы полное пренебрежение своими обязанностями.

«Почти все естествоиспытатели, — сообщал Гумбольдт в письме к Меттри, — направлявшиеся (как и я) в Вест-Индию, имели время только на то, чтобы добраться до подножия этого колоссального вулкана и полюбоваться восхитительными садами бухты Ортава. На мое счастье, наш фрегат „Писарро“ простоял шесть дней. Я подробно изучил горные породы, слагающие пик Тейде... Спать пришлось под открытым небом на высоте 1200 туазов. В два часа ночи, при свете луны, мы двинулись в путь к вершине; несмотря на сильный ветер, на раскаленную почву, жар которой ощущался сквозь ботинки, и несмотря на пронизывающий холод, достигли ее к восьми часам утра. Не стану описывать открывшееся величественное зрелище вулканических островов Лансароте, Гран-Канария, Гомера, расстилавшихся под нами; пустыню площадью в двадцать квадратных лье, покрытую пемзой и лавами, где не увидишь ни одного насекомого, ни одной птицы; пустыню, отделяющую нас от густых лавровых лесов и зарослей вереска, от виноградников под сенью стройных пальм, от банановых рощ и куп драцены с корнями, купающимися в волнах... Мы дошли даже до самого края кратера, имеющего в глубину всего от сорока до шестидесяти футов. Вершина находится на 1904 туаза над уровнем моря, как очень точно вычислил тригонометрическим путем Борда... Кратер горы уже в течение нескольких столетий не извергает лавы (она вытекает только из трещин на склонах). Но из кратера выделяется огромное количество серы и железного купороса».

В июле Гумбольдт и Бонплан прибыли в Куману, город, находящийся в Южной Америке, на территории современной Венесуэлы. Первые несколько недель они провели в изучении последствий сильного землетрясения, происшедшего в 1797 году. Затем определили координаты Куманы, которая на картах была показана на полградуса южнее, чем нужно; эта ошибка, вероятно, объясняется тем, что течение, поворачивающее к северу возле острова Тринидад, вводило в заблуждение всех мореплавателей.

В декабре 1799 года Гумбольдт писал из Каракаса астроному Лаланду:

«Я только что совершил исключительно интересное путешествие в глубь области Пара, в Венесуэльские Кордильеры. У меня

было несколько мулов, нагруженных инструментами, гербариями и т. п. Мы добрались до никогда не посещавшихся ни одним естествоиспытателем миссий капуцинов, нашли много растений, главным образом новых видов пальм, и теперь собираемся направиться на Ориноко, чтобы оттуда проникнуть, возможно, до Сан-Карлоса на Риу-Негру, по ту сторону экватора... Мы засушили больше 1600 растений и описали больше пятисот птиц, собрали коллекции раковин и насекомых; я сделал с полсотни зарисовок. Думаю, вы согласитесь, что за четыре месяца, принимая во внимание палящую жару здешних мест, мы успели очень много».

Во время первого путешествия Гумбольдт побывал в поселениях индейцев племен чайма и гуарани. Он взобрался на вершину Тумирикири и спустился в пещеру Гуачаро, «огромную пещеру, населенную тысячами ночных птиц, из жира которых готовят гуачарское масло». Вход в нее, украшенный и увенчанный самой роскошной растительностью, представляет собой поистине великолепное зрелище. Из пещеры вытекает довольно большой поток. Внутри она оглашается зловещными криками птиц. Это Ахерон¹ индейцев-чайма, так как, согласно мифам местных племен и индейцев с Ориноко, душа умершего является в эту пещеру. Спуститься в Гуачаро на их языке означает умереть.

«Индейцы входят в куэва² Гуачаро один раз в год в середине лета; вооруженные жердями, они разрушают большую часть гнезд. Таким образом, тысячи птиц погибают насильственной смертью, и старые обитатели Гуачаро, как бы желая защитить свои выводки, парят над головами индейцев, испуская ужасные крики. Упавших на землю птенцов потрошат на месте. Их брюшина покрыта толстым слоем жира, образующим как бы подушечку между ногами птицы. В период, называемый в области Карибе временем сбора масла, индейцы у входа в пещеру и даже в ее начале строят хижины из пальмовых листьев; затем они поджигают низкорослый кустарник и выгаливают в глиняных горшках жир убитых молодых птиц. Этот жир, известный под названием гуачарского масла, полужидкий, прозрачный, не имеет запаха и так чист, что не горкнет даже после годичного хранения».

Затем Гумбольдт продолжает: «Мы провели около двух недель в долине Карибе, расположенной на высоте девятисот пятидесяти

¹ Ахерон — в греческой мифологии одна из рек преисподней, «река вечных страданий», через которую должны переплывать души умерших.

² Пещера (исп.).

двух кастильских вар (аршин) над уровнем моря и населенной индейцами, не носящими одежды. Видели там черных обезьян с рыжей бородой. Мы имели удовольствие встретить чрезвычайно доброжелательный прием со стороны капуцинов здешнего монастыря и миссионеров, живущих с индейцами, несколько приобщившимися к цивилизации».

Из долины Карибе оба путешественника вернулись в Куману, перебравшись через горы Санта-Мария и миновав миссии Катуюро. 21 ноября они добрались морем до Каракаса, расположенного среди долины, дающей богатые урожаи какао, хлопка и кофе. Климат там похож на европейский.

Гумбольдт воспользовался пребыванием в Каракасе, чтобы изучить яркость звезд в Южном полушарии, так как он заметил, что яркость некоторых из них, в частности в созвездиях Журавля, Жертвенника, Тукана и Центавра, со времен Лакайля¹, по видимому, изменилась.

Одновременно Гумбольдт приводил в порядок коллекции, часть которых отправил в Европу, и занимался подробным исследованием горных пород, чтобы изучить строение земной поверхности в этой части света.

Подробно ознакомившись с окрестностями Каракаса и совершив восхождение на Силью («Седло»), — на вершину этой горы ни один из местных жителей не взбирался, хотя она находится совсем рядом с городом, — Гумбольдт и Бонплан направились в Валенсию, следуя вдоль берегов озера, называемого индейцами Такаригуа (Валенсия) и превосходящего по размерам Невшатальское озеро в Швейцарии. Трудно представить себе богатство и разнообразие окружающей его растительности. Но озеро интересно не только живописной и романтической красотой. Проблема постепенного снижения в нем уровня воды не могла не привлечь внимания Гумбольдта, приписывающего это явление умеренной эксплуатации лесов и связанным с ней обмелением источников.

Близ Валенсии Гумбольдт смог убедиться в справедливости слышанных им рассказов об одном необыкновенном дереве, «эль пало де ла бака» («коровье дерево»); из надреза, делаемого в стволе, вытекает ароматное, очень питательное молоко.

¹ Лакайль Никола-Луи (1713 – 1762) – французский астроном. В 1750 – 1754 годах руководил астрономической экспедицией Парижской Академии наук на мысе Доброй Надежды.

Тяжелый этап пути начался с Пуэрто-Кабельо на границе льяносов — совершенно однообразных равнин, простирающихся между прибрежными холмами и долиной Ориноко.

«Не знаю, — говорит Гумбольдт, — производят ли льяносы, когда вы их впервые видите, менее сильное впечатление, чем Анды».

Действительно, нет ничего изумительнее этого моря травы, над которым все время поднимаются песчаные вихри, хотя не ощущается ни малейшего дуновения ветерка. В Калабосо, расположенном среди огромной равнины, Гумбольдт впервые убедился в мощи гимнотов, или электрических угрей, встречающихся на каждом шагу во всех притоках Ориноко. Индейцы, боявшиеся подвергнуться действию электрических разрядов, предложили загнать в болото, где водились гимноты, несколько лошадей.

«Необычный шум, производимый копытами лошадей, — рассказывает Гумбольдт, — заставил гимнотов вылезти из ила и вступить в сражение. Электрические угри, желтовато-багрового цвета, похожие на змей, плавают на поверхности воды и прижимаются к брюху четвероногих, нарушивших их покой. Борьба, разгорающаяся между столь различными по строению животными, представляет поразительное зрелище. Индейцы, вооруженные острогами и длинными палками, окружают со всех сторон озерко и даже взбираются на нависшие над водой ветви деревьев. Издавая дикие крики и размахивая длинными дубинками, они не дают лошадям обратиться в бегство и выбраться на берег. Угри, ошеломленные шумом, защищаются с помощью повторных разрядов своих электрических батарей. Долгое время кажется, что они побеждают; несколько лошадей не выдерживают сильных ударов тока, обрушивающихся со всех сторон на их самые жизненно-важные органы, и, в свою очередь, ошеломленные интенсивностью и количеством этих разрядов, теряют сознание и исчезают под водой.

Остальные лошади, задыхающиеся, с поднявшейся дыбом гривой, с налившимися кровью глазами, выражающими невыносимую боль, пытаются убежать с поля сражения, но индейцы безжалостно гонят их назад в воду. Лишь очень немногим, сумевшим обмануть неусыпную бдительность рыбаков, удается, спотыкаясь на каждом шагу, выбраться на берег; там, совершенно обессиленные, с онемевшими от электрических разрядов угрей ногами, они валяются на песок...

Не помню, чтобы мне приходилось когда-либо от разряда лей-

денской банки¹ испытать более сильный электрический удар, чем тот, что достался на мою долю, когда я неосмотрительно наступил на вылезшего из воды гимнота».

Определив астрономическое положение Калабосо, Гумбольдт и Бонплан продолжали путь к Ориноко. Они перебрались через реку Уритуку, кишевшую свирепыми крокодилами, затем спустились по течению Апуре, одного из притоков Ориноко. Берега обеих рек покрыты обильной, роскошной растительностью, встречающейся лишь в тропических странах. В густых чащах вдоль Апуре местами виднелись как бы просеки, по которым пекари², ягуары и другие дикие или хищные животные могли проходить на водопой. Когда ночь окутывала своим покровом землю, казавшийся до тех пор необитаемым лес немедленно оглашался ревом хищных зверей и пением птиц, словно старавшихся перешеголять друг друга.

Река Уритуку славится дерзкими крокодилами; а в Апуре, кроме них, водится еще маленькая рыбка карабито (пиранья); она с такой яростью набрасывается на купающихся, что нередко успевает вырвать из их тела довольно большие куски мяса. Эта рыбка, имеющая в длину всего четыре-пять дюймов, страшнее самых громадных крокодилов. Вот почему индейцы не рискуют войти в реку, где она водится, несмотря на все удовольствие, доставляемое им купаньем, и на необходимость освежить кожу после бесчисленных укусов москитов и муравьев.

Затем наши путешественники спустились по течению Ориноко до реки Томо, отделенной лишь коротким волоком от Кано-Пимичина, притока Риу-Негру.

Томо часто затопляет на большое расстояние тянущиеся вдоль ее берегов леса. Плывая в лодке между деревьями, индейцы придерживаются водяных тропинок шириной в один-два метра. Плавание среди гигантских деревьев под листовым сводом производит самое забавное и в то же время незабываемое впечатление. Там на расстоянии трехсот или четырехсот лье от моря встречаются стада пресноводных дельфинов, выбрасывающих струи воды и сжатого воздуха, из-за чего их прозвали «выдувальщиками».

¹ Лейденская банка — электрический конденсатор, в котором диэлектриком является стеклянная банка, оклеенная снаружи станиолью (металлическая фольга).

² Пекари — животные из семейства свиней. Длина тела до 1 м, высота — до 40 см. Встречаются в Северной и Южной Америке в лесных районах. Питаются разнообразной растительной пищей.

Для того чтобы перетащить лодки от Томо до Кано-Пимичина, понадобилось четыре дня, причем дорогу приходилось прорубать с помощью мачете¹.

Пимичин впадает в Риу-Негру — приток Амазонки.

Гумбольдт и Бонплан спустились вниз по течению Риу-Негру до городка Сан-Карлос, а затем поднялись вверх по реке Касикьяре, могучему притоку Ориноко, соединяющему последнюю с Риу-Негру. Берега Касикьяре населены индейцами идапаминорами, питающимися копчеными муравьями.

Наконец путешественники поднялись вверх по Ориноко почти до истоков, находящихся у подножия вулкана Дуида; дальше они двигаться не решились из-за опасения встречи со свирепыми гуахарибам и гуайками — искусными стрелками из лука. В этих местах расположено знаменитое озеро Эльдорадо, на поверхности которого выступает несколько сверкающих островков из талькового сланца.

Так был окончательно прояснен вопрос соединения Ориноко и Амазонки на границе между испанскими и португальскими владениями, у второго градуса к северу от экватора.

Теперь оба путешественника отдались на волю течения Ориноко; меньше чем за двадцать шесть суток они проплыли пятьсот с лишним лье, остановились на три недели в городе Ангостура, чтобы переждать самую сильную жару и период лихорадок, а затем, в октябре 1800 года, возвратились в Куману.

«Мое здоровье, — писал Гумбольдт, — не пострадало от тягот проделанного нами путешествия в тысячу триста с лишним лье, но мой бедный спутник Бонплан сразу же по возвращении заболел лихорадкой, сопровождавшейся рвотами, от которой с большим трудом оправился. Надо обладать исключительно крепким организмом, чтобы выдержать все трудности, лишения и тревоги, выпадающие на долю путешественников в этих убийственных местах. Постоянно находиться в окружении свирепых ягуаров и крокодилов, ходить распухшими от укусов чудовищных москитов и муравьев, не иметь в течение трех месяцев никакой другой пищи, кроме воды, бананов, рыбы и маниоки, пересекая страну отомаков, которые едят землю, спуститься к экватору по реке Касикьяре, где по берегам на протяжении ста тридцати лье нельзя встретить ни одной человеческой души, — немногие сумели бы

¹ Мачете — большой тяжелый нож, используемый в числе прочего при рубке сахарного тростника, а также на охоте и при движении в джунглях.

выдержать такое тяжелое и опасное путешествие; и еще меньше людей, выйдя победителями из этой борьбы, чувствовали бы в себе достаточно мужества и силы, чтобы снова в нее вступить».

Мы видели, каким важным географическим открытием была вознаграждена настойчивость путешественников, исследовавших всю страну к северу от Амазонки от города Попаян (в Колумбии) до гор Французской Гвианы. Результаты, достигнутые в других отраслях науки, оказались столь же успешными и дали много нового.

Гумбольдт установил, что среди индейцев, живущих в верхнем течении Ориноко и на берегах Риу-Негру, существуют популяции с исключительно светлой кожей, резко отличающиеся от племен, населяющих побережье. Ему удалось, кроме того, изучить такой интересный народ, как отомаки.

«Эти туземцы, — рассказывает Гумбольдт, — кажущиеся уродливыми из-за обычая раскрашивать тело, в течение трех месяцев, когда уровень воды в Ориноко стоит очень высоко и черепахи исчезают, питаются исключительно, или почти исключительно, гончарной глиной. Некоторые съедают ее до полутора фунтов в день. Кое-кто из монахов утверждал, что отомаки смешивали глину с жиром из хвоста крокодила, но это совершенно неверно. Мы видели у них запасы чистой глины, употребляемой ими в пищу; приготовление ее состоит лишь в подогревании на легком огне и смачивании водой».

Из числа других наиболее интересных открытий, сделанных Гумбольдтом, следует упомянуть о «кураре» — изготавливаемом индейцами очень сильном яде, образец которого он послал в Академию наук, а также о «дапиче», разновидности каучука, до тех пор не известной. «Дапиче» представляет собой сок, естественным образом выделяющийся из корней деревьев «хасио» и «кукурма» и засыхающий в земле.

Первое путешествие Гумбольдта закончилось исследованием южных районов Санто-Доминго (Гаити) и Ямайки. Затем он прожил некоторое время на Кубе, где вместе с Бонпланом производил различные опыты по усовершенствованию сахароварения, составил карту берегов острова и занимался астрономическими наблюдениями.

Эти работы были прерваны известием о том, что капитан Боден отплыл наконец из Франции и собирается, как утверждали, обогнуть мыс Горн и приступить к исследованию берегов Чили и Перу. Гумбольдт, обещавший принять участие в экспедиции, не

медленно покинул Кубу и пересек Южную Америку, чтобы очутиться на перуанском побережье до прибытия французского мореплавателя. Только в Кито стал известен истинный маршрут Бодена, направившегося в Тихий океан через мыс Доброй Надежды. Следует отметить, что все действия Гумбольдта были подчинены стремлению прибыть в назначенный срок к тому месту, где он надеялся встретиться с Боденом.

В марте 1801 года Гумбольдт в сопровождении верного Бон-плана высадился в Картахене, откуда намеревался достигнуть Боготы, а затем плоскогорий, среди которых расположен Кито. Чтобы избежать жары, оба путешественника на некоторое время остановились в красивой деревне Турбако, находившейся в окаймляющих побережье горах, и занялись подготовкой к путешествию. Во время одной из экскурсий по окрестностям они посетили исключительно интересный район, называемый «Волкани-тос»; о нем им часто рассказывали индейцы-проводники.

Он представляет собой болотистую местность среди леса, состоящего из пальм и деревьев «толу», примерно в двух милях к востоку от Турбако. В соответствии с распространенной в этих краях легендой, некогда вся земля здесь была объята пламенем, но один святой погасил этот огонь, брызнув на него несколькими каплями освященной воды.

На обширной равнине Гумбольдт обнаружил штук двадцать конусов из сероатой глины, высотой приблизительно в двадцать пять футов; жерло на их вершине было наполнено водой. Приблизившись к ним, можно было услышать через правильные промежутки времени какие-то гулкие звуки, а спустя несколько минут видеть газ, вырывающийся в большом количестве. По словам индейцев, конусы уже много лет находятся в одном и том же состоянии.

Как установил Гумбольдт, газ, выделяющийся из этих маленьких вулканов, представляет собой азот, значительно более чистый, чем тот, какой удавалось до тех пор получать в химических лабораториях.

Город Богота находится в долине, расположенной на высоте восьми тысяч шестисот футов над уровнем моря¹, окруженной со всех сторон горами и, по-видимому, когда-то являвшейся довольно большим озером. Река Богота, в которую стекают все воды до-

¹ Свыше 2600 м. (Примеч. ред.)

лины, проложила себе путь на юго-запад от города вблизи от поместья Текендама; затем, покинув по сузившемуся руслу долину, она переходит в бассейн реки Магдалена. Легко понять, что если бы русло в этом месте было запружено, то затопило бы всю долину Боготы и она снова превратилась бы в большое озеро, существовавшее в незапамятные времена. Подобно тому как в Пиренеях сохранилось предание о бреши Роланда¹, так и индейцы рассказывают о своем герое Бочике, который пробил загораживающие проход скалы и осушил долину Боготы. Затем, удовлетворенный делом своих рук, он удалился в священный город Эрака, где прожил две тысячи лет, каясь в грехах и ведя самую суровую аскетическую жизнь.

Хотя водопад Текендама не принадлежит к числу самых больших на земном шаре, все же он представляет грандиозное зрелище. Река, вобравшая в себя все воды долины, несколько выше места падения еще имеет в ширину сто семьдесят футов; но там, где поток устремляется в расщелину, образовавшуюся, вероятно, в результате землетрясения, река не шире сорока футов. Пропась, куда низвергается Богота, имеет в глубину не меньше шестисот футов. Над этим могучим водопадом все время поднимается густое облако пара, которое почти сразу оседает на землю и способствует, как утверждают, плодородию долины.

Трудно найти более разительный контраст, чем тот, какой наблюдается между долинами рек Богота и Магдалена. Вверху климат и растительность Европы, посевы зерновых культур, дубы и другие деревья наших стран; внизу пальмы, сахарный тростник и всевозможные тропические растения.

Одной из самых интересных естественных диковинок, встретившихся на пути наших исследователей, является мост Икононсо; они по нему прошли в сентябре 1801 года. В глубине ущелья, одного из тех глубоких «каньонов», какие встречаются только в Андах, небольшой поток, река Сума-Пас, пробил себе русло в виде узкой расщелины. Перейти через речку было бы почти невозможно, если бы природа не позаботилась устроить там один над другим два моста, по праву считающиеся чудесами этих мест.

¹ Роланд — герой французского народного эпоса «Песнь о Роланде» (XI в.). Во время сражения в Пиренеях с маврами несколькими ударами меча прорубил брешь в скале (фактически войска франкского короля Карла Великого сражались с местными горами — басками).

Три каменные глыбы, отделившиеся от гор в результате землетрясения, образовавшего эту гигантскую трещину, свалились таким образом, что, поддерживая друг друга, образовали естественную арку, до которой приходится добираться по узкой тропинке, идущей вдоль пропасти. Посреди моста зияет широкое отверстие; заглянув в него, путник видит почти бездонную пропасть и в глубине ее мчащийся с ужасным шумом поток; вокруг, непрерывно крича, летают тысячи птиц. В шестидесяти футах над этим мостом находился другой — длиною в пятьдесят футов и шириной в сорок; толщина верхнего моста не превышает в середине плиты восьми футов. Туземцы построили у края моста взамен парапета хрупкие перила из тростника; стоя на мосту, путешественник может любоваться величественным зрелищем, развертывающимся у его ног.

Из-за дождей и тяжелой дороги путь до Кито оказался крайне утомительным. Тем не менее Гумбольдт и Бонплан оставались в Боготе лишь столько времени, сколько было необходимо для отдыха, а затем вернулись в долину Магдалены и в великолепные леса, покрывающие склоны горы Киндиу в Центральных Андах.

Переход через эту гору считается одним из самых трудных во всем хребте. В самое благоприятное время года необходимо не меньше двенадцати дней, чтобы проложить себе путь сквозь леса, где вы не встретите ни одного человека и не найдете никакой пищи. Высшая точка перевала находится на высоте двенадцати тысяч футов над уровнем моря, а ведущая к нему тропинка местами имеет в ширину не больше фута. Обычно европейцы проделывают эту дорогу сидя привязанными на стуле, который индейцы-каргеры тащат на спине, как крючники.

«Мы предпочли идти пешком, — рассказывает Гумбольдт в письме брату, — и так как погода стояла очень хорошая, провели всего семнадцать дней в этих пустынных местах, где нельзя обнаружить никаких следов того, что они когда-либо были населены. Спать там приходилось в хижинах, устраиваемых из листьев геликонии, специально захватываемых с собой. На западном склоне Анд встречались болота, в которых вязнешь до колен. Погода переменилась; последние дни шли проливные дожди; наши сапоги от сырости развалились, и в Картаго мы явились босые, с израненными ногами, но обогатившиеся превосходной коллекцией новых видов растений.

Из Картаго мы через Бугу направились в Попаян, пройдя красивую долину реки Каука и все время двигаясь вдоль горной цепи Чока и расположенных в ней платиновых рудников.

Ноябрь 1801 года мы прожили в Попаяне; мы побывали в базальтовых горах Хулусито, у вулкана Пурасе, где из многочисленных отверстий с оглушительным шумом вырываются пары воды, содержащей сернистые соединения.

Нам остался самый тяжелый участок пути от Попаяна до Кито. Нужно было миновать окружающие город Пасто „парамы“, причем в период дождей, уже начавшийся. В Андах „парамами“ называют местность, где на высоте от 1700 до 2000 туазов растительность исчезает и откуда веет пронизывающим до костей холодом. Чтобы избежать жары долины реки Патия, где за одну ночь можно схватить лихорадку, продолжающуюся три или четыре месяца и известную под названием *calenturas de Patia*¹, мы поднялись, двигаясь вдоль ужасных пропастей, на гребень Кордильер и таким путем добрались из Попаяна в Пасто, расположенный у подножия грандиозного вулкана...»

Вся провинция Пасто представляет собой высокогорное плато, находящееся почти целиком выше границы распространения древесной растительности и окруженное вулканами и сольфатарами², из которых постоянно выделяются клубы дыма. Жители питаются только сладким картофелем, а если его не хватает, то им приходится довольствоваться низкорослыми кустарниками, называемыми «ачупалья», служащими пищей также для горных медведей. После того как Гумбольдт и Бонплан в течение двух месяцев мокли день и ночь под дождем, после того как они чуть не утонули у города Ибарра во время внезапного наводнения, вызванного землетрясением, 6 января 1802 года они достигли Кито, где маркиз Сельва-Алегре оказал им сердечное гостеприимство.

Кито красивый город; но очень сильные холода и соседство совершенно голых гор делают жизнь в нем весьма унылой. Со времени знаменитого землетрясения, происшедшего 4 февраля 1797 года, климат стал значительно суровее, и Бугер, когда-то наблюдавший в Кито постоянную температуру в 15 – 16° по Реомюру, был бы очень удивлен, узнав, что теперь она не превышает

¹ Патийская лихорадка (*исп.*).

² Сольфатары — газовые струи температурой 100 – 200°С, выделяющиеся из трещин в вулканических областях и состоящие преимущественно из сернистого газа, углекислоты, сероводорода и водяного пара.

4 — 10⁰¹. Гумбольдт и Бонплан подробно исследовали устья одной и той же подземной печи — вулканы Котопахи, Пичинча, Антинаса и Илинаса, проведя возле каждого из них по две недели.

Гумбольдт дважды добирался до края кратера Пичинчи, который, кроме Кондамина, раньше никто не видел.

«Первое путешествие, — рассказывает он, — я совершил вдвоем с индейцем. Так как Кондамин приблизился к кратеру со стороны более низкого края, покрытого снегом, то и я, следуя его примеру, первую попытку предпринял по этому пути. Мы чуть не погибли. Индеец провалился по грудь в трещину, и мы с ужасом увидели, что шли по мосту из смерзшегося снега; в нескольких шагах от нас зияли сквозные отверстия. Сами того не зная, мы очутились на своде, нависшем над кратером. Испуганный, но не отчаявшийся, я составил новый план. Из кратера у самого края выступают, вздымаясь, можно сказать, над бездной, три вершины, три скалы, не покрытые снегом, так как он все время тает под действием паров, вырывающихся из жерла вулкана. Я взобрался на одну из скал и увидел на ее вершине каменную глыбу; опираясь о скалу только частью своего основания, она в виде карниза нависла над пропастью. Но камень имеет в длину всего футов двенадцать, а в ширину шесть, и сильно качается от частых подземных толчков, которых мы за полчаса насчитали восемнадцать. Чтобы лучше рассмотреть дно кратера, мы легли на живот. Вряд ли можно себе представить что-либо печальнее, мрачнее и страшнее увиденного нами зрелища. Кратер вулкана представляет собой круглое отверстие окружностью около одного лье; его отвесные края сверху покрыты снегом. Внутри совершенно черно: но бездна так огромна, что можно различить вершины нескольких расположенных в ней гор, находящихся, вероятно, в трехстах туазах ниже нас; судите же, на какой глубине находятся их основания!»

На вулкан Антинаса Гумбольдт поднялся до высоты в две тысячи семьсот семьдесят три туаза; но губы, глаза и десны путешественников стали кровоточить, и пришлось прекратить восхождение. К отверстию кратера Котопахи приблизиться не удалось.

Девятого июня 1802 года Гумбольдт, по-прежнему в сопровождении Бонплана, покинул Кито, чтобы заняться исследованием Чимборасо и Тунгурагуа. До вершины первого из этих вулканов

¹Один градус шкалы Реомюра равен 5/4 градуса шкалы Цельсия; таким образом, температура в 15 — 16° по Реомюру соответствует 19 — 20° по Цельсию, 10° по Реомюру — 12,5° Цельсия, 4° Реомюра — 5° Цельсия.

они не дошли всего двухсот пятидесяти туазов. Как и на Антисане, начавшиеся кровотоечения заставили их повернуть назад. Что касается Тунгурагуа, то во время землетрясения 1797 года его вершина обрушилась, и высота этого вулкана, по измерениям Кондамина составлявшая две тысячи шестьсот двадцать туазов, теперь, как установил Гумбольдт, равнялась двум тысячам пятьсот тридцати одному.

Из Кито путешественники направились к верховьям Амазонки, по дороге посетив города Лактакунгу, Амбатю и Риобамба; весь этот район сильно пострадал от землетрясения 1797 года, когда под водой и илом погибло свыше сорока тысяч человек. Спускаясь по склонам Анд, Гумбольдт и его спутники имели возможность созерцать полуразрушенную дорогу, идущую из Куско в Асуаи и называемую дорогой Инки. Она была вся построена из каменных плит одинакового размера, очень ровно уложенных, и напоминала самую лучшую римскую дорогу. Тут же поблизости находятся развалины дворца инки Тупак Юпанки, о которых рассказал Кондамин в «Записках Берлинской Академии наук».

После десятидневной остановки в Куэнке Гумбольдт достиг округа Хаена и составил карту течения Мараньона до впадения реки Напо; благодаря частым астрономическим наблюдениям ему удалось восполнить пробелы карты Кондамина. 23 октября 1802 года Гумбольдт прибыл в Лиму; там он зафиксировал прохождение Меркурия перед диском солнца.

Прожив месяц в столице Перу, ученый отправился в Гуаякиль, а оттуда морем достиг Акапулько в Новой Испании (Мексике).

Огромного количества наблюдений, сделанных Гумбольдтом за годичное пребывание в Мексике и изложенных в его книге «Очерк о Новой Испании», вполне хватило бы, чтобы доказать — если в этом еще есть необходимость после всего рассказанного нами о его предыдущих путешествиях, — насколько сильна была в нем жажда знания, какой неистощимой энергией и колоссальной работоспособностью он обладал.

Он занимался одновременно археологическими раскопками и историей Мексики, изучал характер, нравы и язык жителей и вместе с тем исследовал природу страны, производил физические, химические и астрономические наблюдения. Подобная универсальность поистине изумительна.

Прежде всего внимание Гумбольдта, в начале своей научной деятельности занимавшегося геологией, привлекли рудники

**МАРШРУТ ПУТЕШЕСТВИЯ
А. ГУМБОЛДТА
ПО АМЕРИКЕ**

Таско, Моран и Гуанахуато, приносившие несколько миллионов пиастров доходов в год. Затем он исследовал вулкан Хорульо, который 29 сентября 1759 года возник из земли посреди обширной равнины, в тридцати шести лье от берега моря и в сорока с лишним лье от ближайшего очага вулканической деятельности, и образовал гору из пепла и шлака высотой в тысячу семьсот футов.

В Мехико оба путешественника получили возможность привести в порядок собранные ими огромные коллекции, разобрать и сличить записи своих наблюдений, подготовить к изданию геологический атлас.

Наконец в январе 1804 года они покинули Мехико и снова направились в путь для исследования восточных склонов Кордильер и измерения вышины двух гигантских вулканов в окрестностях города Пуэбла.

После этого Гумбольдт посетил Веракрус, счастливо избежал опустошавшей страну желтой лихорадки, добрался до Гаваны, где в 1800 году оставил самую ценную часть своих коллекций, затем провел несколько недель в Филадельфии, посвятив их ознакомлению, по необходимости самому общему, с политическим устройством Соединенных Штатов, и в августе 1804 года возвратился в Европу.

Результаты путешествия Гумбольдта были таковы, что его можно назвать подлинным пионером в деле изучения тропических областей Америки. До него эту страну эксплуатировали, совершенно ее не зная, и бесчисленные богатства недр и лесов оставались неизвестными. Следует признать, что никогда ни один исследователь не внес такого вклада в физическую географию и во все смежные с ней науки. Гумбольдт является совершеннейшим образцом путешественника.

Конец второго тома

СПИСОК КНИГ ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. История географических открытий и исследований (общие обзоры и исследования)

Атлас истории географических открытий и исследований. — М.: ГУТК, 1959.
Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий,
том 3 (Географические исследования середины XVII — XVIII веков). — М.:
Просвещение, 1984.

2. Региональные обзоры и исследования по истории географических открытий

Азатъян А. А., Белов М. И. и др. История открытия и исследования Советской
Азии. — М.: Мысль, 1969.
Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке. — М.:
Наука, 1964.
Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины
XIX в. — М.: Морской транспорт, 1956.
Белов М. И. По следам полярных экспедиций. — Л.: Гидрометеиздат, 1972.
Белов М. И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. — М., 1952.
Берг А. С. Очерки по истории русских географических открытий. Изд. 2-е. — М.;
Л., 1949.
Горнунг М. Б., Липец Ю. А., Олейников Н. Н. История открытия и исследования
Африки. — М.: Мысль, 1973.
Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. — М.: Мысль,
1971.
Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. —
М.: Географгиз, 1954.
История географических знаний и открытий на севере Европы. — Л.: Изд. ГО
СССР, 1973.
История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Л.: Наука, 1968. Т.2.
Керов В. А. Французская колонизация островов Индийского океана XVII — XVIII
вв. — М.: Наука, 1990.
Ланге П. В. Горизонты Южного моря. История морских открытий в Океании. —
М.: Прогресс, 1987.
Ланге П. В. Континент коротких теней. История географических открытий в
Африке. — М.: Прогресс, 1990.
Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования с
древнейших времен до 1917 года. — М.: Мысль, 1971.
Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. — М.:
Географгиз, 1962.

- Магидович И. П.* История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. — М.: Мысль, 1965.
- Магидович И. П., Магидович В. И.* История открытия и исследования Европы. — М.: Мысль, 1970.
- Можейко И. В.* В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV — XX вв.). Изд. 2-е. — М.: Наука, 1980.
- Романов Д. М., Каневский З. М.* Колумбы Арктики. — Тула: Приокское книжное издательство, 1982.
- Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. — Л.; М.: Изд. Главсевморпути, 1953.
- Свет Я. М.* История открытия Австралии и Океании. — М.: Мысль, 1966.
- Хаген В.* Их призвала Южная Америка. — М.: Географгиз, 1961.

3. Издания дневников путешествий и другие документальные сборники

- Бугенвиль Л. А.* Кругосветное путешествие на фрегате «Будёз» и транспорте «Этуаль» в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах. — М.: Географгиз, 1961.
- Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. — Л.; М.: Изд. Главсевморпути, 1940.
- Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950.
- Кук Дж.* Второе кругосветное плавание Джеймса Кука. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772 — 1775 гг. — М.: Мысль, 1969.
- Кук Дж.* Первое кругосветное плавание капитана Джеймса Кука. Плавание на «Индевере» в 1768 — 1771 гг. — М.: Географгиз, 1960.
- Кук Дж.* Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776 — 1780 гг. — М.: Мысль, 1971.
- Русская Америка. — М.: Мысль, 1994.
- Русская тихоокеанская эпопея. (Сборник документов о выходе России в Тихий океан и первых этапах его исследования). Хабаровское книжное издательство, 1979.
- Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири. — М.: Географгиз, 1952.
- Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. — М.: Географгиз, 1950.
- Форстер Г.* Путешествие вокруг света в 1772 — 1775 годах (отрывки) // В кн.: «Немецкие демократы XVIII века». — М., 1956.
- Шелихов Г. И.* Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровское книжное издательство, 1971.
- Экспедиция Беринга. Сборник документов. — М.: Главное архивное управление, 1941.

4. Географические исследования отдельных стран и территорий

- Антонова К. А.* Английское завоевание Индии в XVIII веке. — М.: Издательство восточной литературы, 1958.
- Бадигин К.* Путь на Грумант. Поморская быль. — М., 1953.

- Банников А. Г.* Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. — М., 1949.
- Естеев О. А.* Первые русские геодезисты на Тихом океане. — М., 1950.
- Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. — М.: Наука, 1971.
- Зингер Е. М.* Между полюсом и Европой. Изд. 2-е. — М.: Мысль, 1981.
- Зубов Н. Н., Бабинин К. С.* Разгадка тайны Земли Андреева. — М.: Военно-морское издательство, 1953.
- Каманин А. Г.* Первые исследователи Дальнего Востока. — М., 1951.
- Кушнарев Е. Г.* В поисках пролива. Первая Камчатская экспедиция 1725 — 1730 гг. — Л.: Гидрометеоздат, 1976.
- Лактионов А. Ф.* Северный полюс. — М., 1955.
- Мазьер Ф.* Загадочный остров Пасхи. — М.: Мысль, 1970.
- Малаховский К. В.* Последняя подопечная. (История Микронезии). — М.: Наука, 1977.
- Малаховский К. В.* Соломоновы острова. — М.: Наука, 1978.
- Марков С.* Летопись Аляски. — М.; Л., 1948.
- Пасецкий В. М.* Первооткрыватели Новой Земли. — М.: Наука, 1980.
- Пифен Ж.* Открытие Аравии. Пять веков путешествий и исследований. — М.: Наука, 1970.
- Помбу (Роша-Пембу) Ж.-Ф.* История Бразилии. — М.: ИЛ, 1962.
- Моуэт Ф.* Испытание льдом. — М.: Прогресс, 1966.
- Райерсон С. Б.* Основание Канады. — М.: ИЛ, 1963.
- Ровинский В. И.* Мятельный корабль. — М., 1957.
- Хейердал Т.* Аку-Аку. Тайна острова Пасхи. — М.: Молодая гвардия, 1958.
- Худзиковская Я., Ястер Я.* Люди великой отваги. — М., 1957. (Книга о польских путешественниках).
- Штейнберг Е. Д.* Первые исследователи Каспия. — М.: Географгиз, 1949.
- Яников Г. В.* Великая Северная экспедиция. — М., 1949.

5. Литература об отдельных путешественниках и исследователях

- Адамов А. Г. И. Шелихов.* — М., 1952.
- Алексеев А. И.* Гавриил Андреевич Сарычев. — М.: Наука, 1966.
- Варшавский А. С.* Дорога ведет на юг. — М.: Географгиз, 1960. (Книга о Ла-Сале).
- Варшавский А. С.* Лаперуз. — М.: Географгиз, 1957.
- Вязов Е. И.* Мунго Парк. Путешествие к берегам Нигера. — М.: Географгиз, 1958.
- Гольденберг Л. А.* Федор Иванович Соймонов. — М.: Наука, 1964.
- Дейч Г. М. В. Н. Татищев* (Историк и государственный деятель). — Свердловское книжное издательство, 1960.
- Дивин В. А.* Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. — М.: Географгиз, 1953.
- Дивин В. А.* К берегам Америки. Плаванья и исследования М. С. Гвоздева. — М.: Географгиз, 1956.
- Евреинов В. Н., Пронин Н. Н.* За убегающим горизонтом. — М.: Мысль, 1964. (Книга о Л. Бугенвиле).

- Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты (О Бековиче-Черкасском). — М.: Мысль, 1964.
- Лукина Т. А.* Иван Иванович Лепехин (Натуралист, географ, путешественник). — М.; Л.: Наука, 1976.
- Маклин А.* Капитан Кук. — М.: Наука, 1976.
- Милюков Ф. Н. П. И. Рычков.* Жизнь и географические труды. — М.: Географгиз, 1953.
- Муравьев В. Б.* Дорогами российских провинций. Путешествия Петра С. Палласа. — М.: Мысль, 1977.
- Пасецкий В. М.* Витус Беринг. — М.: Наука, 1982.
- Свет Я. М.* Джеймс Кук. — М.: Мысль, 1979.
- Троицкий В. А.* Записки Харитона Лаптева. — М.: Мысль, 1982.
- Фрадкин Н. Г.* Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768 — 1773 годах. Изд. 2-е. — М.: Географгиз, 1953.
- Фрадкин Н. Г. С. П. Крашенинников.* Изд. 3-е. — М.: Мысль, 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

Мореплаватели XVIII века. Перевод Т. А. и В. И Ровинских	5
Список книг для дополнительного чтения.....	483

ВЕРН Ж.

Полное собрание сочинений. – Серия I. («Неизвестный Жюль Верн»). В 25 т. Т. 24. Всеобщая история великих путешествий и великих путешественников. Часть 2. Мореплаватели XVIII века: Пер. с фр. / Сост. З. Потапова. – М.: Ладомир, 1997. – 486 с., ил.

ISBN 5-86218-319-1 (т. 24)

ISBN 5-86218-022-02

В двадцать четвертый том серии вошла вторая часть «Истории великих путешествий и великих путешественников», которая содержит описания путешествий и географических открытий Кондамина, Ансона, Роггевена, Байрона, Уоллиса, Картерета, Бугенвиля, Кука, Беринга и многих других замечательных ученых и мореплавателей.

ЖЮЛЬ ВЕРН

Полное собрание сочинений

Серия I

Том 24

Всеобщая история великих путешествий и великих путешественников

Часть 2

Мореплаватели XVIII века

Редактор

Л. М. Рогачева

Технический редактор

М. А. Страшнова

Корректор

О. Г. Наренкова

Компьютерная верстка

О. Н. Бойко

ЛР № 063160 от 14 декабря 1993 г.

Сдано в набор 10.01.97. Подписано в печать 29.04.97.

Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Баскервиль».

Печать офсетная. Печ. л. 31.

Тираж 6 000 экз. Зак. 2612

Научно-издательский центр «Ладомир»
103617, Москва, К-617, корп. 1435

Отпечатано с оригинал-макета на полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ НА СЕРИЮ

«Неизвестный Жюль Верн»

Из печати вышли и разосланы следующие тома:

- т. 1. Путешествие по Южной Африке, или Приключения троих русских и троих англичан. Плавающий город. Священник в 1839 году.
- т. 3. Жангада. Школа робинзонов.
- т. 4. Безмятное семейство.
- т. 5. Упрямец Керабан. Вторжение моря.
- т. 6. Южная Звезда. Найденыш с погибшей «Цинтии».
- т. 7. Завещание чудака. Приключения семьи Ратон. Драма в Мексике. В XXIX веке. Судьба Жана Морена.
- т. 8. Лотерейный билет. Два года каникул.
- т. 10. Клодиус Бомбарнак. Кловис Дардангор.
- т. 11. Зеленый луч. Замок в Карпатах.
- т. 12. Миссис Бреникен. Мартин Пас. Господин Редиез и госпожа Мибе-моль. Вечный Адам. Мастер Захарнус. Хиль Бралтар. На дне океана.
- т. 13. Рассказы Жана-Мари Кабидулена. Великолепная Ориноко.
- т. 15. Ледяной сфинкс. Трикк-трак. Мягжежники с «Баунти».
- т. 16. Братья Кип. Воздушная деревня.
- т. 18. Агентство Томпсон и К^о. Десять часов на охоте. Прорвавшие блокаду.
- т. 20. Кораблекрушение «Джонатана». Дунайский лощман.
- т. 22. Необыкновенные приключения экспедиции Барсака. Треволнения одного китайца в Китае.
- т. 23. Открытие Земли.

Скоро выйдут:

в первом полугодии 1997 г.

- т. 21. Удивительные приключения дядюшки Антифера. Тайна Вильгельма Шторица.
- т. 24. Мореплаватели XVIII века.

во втором полугодии 1997 г.

- т. 19. Михаил Строгов. Возвращение на родину.
- т. 26. Цезарь Каскабель. Париж в XX веке. Повести.

Если Вы хотите гарантированно приобретать очередные тома серии, подписывайтесь на них по каталогу Агентства «Роспечать» (Книги. Учебные пособия. Товары). Каталог поступает в каждое отделение связи.

Отдельные из ранее вышедших томов серии имеются на складе издательства. Их можно получить наложенным платежом, отправив открытку-заказ по адресу: 103617, Москва, К-617, корп. 1435, НИЦ «Ладомир»

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ

На многие книги «Ладомира» и некоторые издания прошлых лет можно подписаться во всех отделениях связи по каталогу ФСПС (зеленом) и Агентства «Роспечать» (красном). Последний имеет подзаголовок «Книги. Учебные пособия. Товары».

Внимание подписчиков предлагаются:

- ◇ из собрания романов Л. Буссенара тт. 2, 5, 8, 9, 23, 25 (в 2-х книгах);
- ◇ из серии «Неизвестный Жюль Верн» тт. 13, 19, 26;
- ◇ из серии «Русская потаенная литература»
«Русский эротический фольклор»,
«А се грехи злые, смертные...»,
«Школьный городской фольклор»,
«...Сборище друзей, оставленных судьбою»;
- ◇ из серии «Неизвестный Фенимор Купер» тт. 1, 2,

а также:

- ◇ М. Накаяма. Лучшее каратэ. В 11 кн. Кн. 1 – 4;
- ◇ Х. А. Льоренте. История испанской инквизиции. В 2-х т.;
- ◇ Еврипид. Трагедии. В 2-х т.;
- ◇ П. Махалин. Крестник Арамиса;
- ◇ Ф. Блюш. Людовик XIV;
- ◇ М. Эдвардс. Алфавитный справочник симптомов заболеваний детей;
- ◇ П. Лоти. Избранные романы о любви. В 2-х т.;
- ◇ Д. Дефо. Дневник Чумного Года;
- ◇ К. Ишервуд. Рамакришна и его ученики;
- ◇ Г. Киссинджер. Дипломатия;
- ◇ И. Нижнанский. Кровавая графиня;
- ◇ Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме. В 3-х т.;
- ◇ П. Феваль. Горбун, или Маленький парижанин;
- ◇ Х. К. Андерсен. Сказки. Истории. Новые сказки и истории.

П. ЛОТИ

Избранные произведения о любви

В 2-х томах

Красивая жизнь, откровенные фантазии, чувственные наслаждения захватывают читателей популярных во всем мире романов о женской любви, о вечном сладостном поединке мужчин и женщин, охваченных всепоглощающей страстью: «Азиаде», «Госпожа Хризантема», «Женигьба Лоти» и др.

Д. ДЕФО

Дневник Чумного Года

Перевод неизвестного российскому читателю романа классика английской литературы Даниеля Дефо (1660 – 1731) «Дневник Чумного Года» (1722), где описываются ужасы легендарной лондонской чумы.

Г. КИССИНДЖЕР

Дипломатия

Перевод фундаментальной, увлекательно написанной истории мировой дипломатии, вышедшей в США в 1994 году и созданной бывшим госсекретарем США (1973–1977), бывшим помощником президента США по национальной безопасности (1969 – 1975), лауреатом Нобелевской премии мира (1973), выдающимся представителем мировой политической элиты Генри Киссинджером (род. в 1923 г.). На страницах книги встанут зримые образы многих исторических деятелей от кардинала Ришелье до генерала де Голля, Мао Цзедуна, Рейгана и Горбачева. С большинством из современных политиков автор знаком лично. Книга признана в США весной 1995 года национальным бестселлером. После словие к русскому изданию написано академиком Г. А. Арбатовым.

Ф. КУПЕР
Собрание сочинений

В 20-ти томах

Собрание составят современные переводы малоизвестных российскому читателю романов:

«Долина Виш-тон-Виш», «Гейденмауэр, или Бенедиктинцы», «Палач, или Аббатство виноградарей», «Домой», «Дóма», «Два адмирала», «Блуждающий огонь», «Вайандотте, или Хижина на холме», «На суше и на море», «Майлс Уоллингфорд», «Сатанстоу», «Землемер», «Краснокожие», «Кратер, или Вершина вулкана», «Джек Тайер», «Дубовая роща, или Охотник за пчелами», «Морские львы, или Кораблекрушение охотников за тюленями». В собрание войдут также обширная «История морского флота США», очерки и публицистические произведения.

Ф. БЛЮШ
Людовик XIV

В увлекательно написанной романизированной биографии, составленной ведущим современным французским историком Ф. Блюшем, подробно описывается жизнь Людовика XIV, прозванного Великим, с момента его рождения и до кончины. Со страниц книги перед читателем предстает колоритная фигура самого знаменитого в христианском мире тех времен короля во всех его человеческих проявлениях, покровителя литературы и искусства, ценителя красивых женщин и государственно-го реформатора. Блюш блестяще описал жизнь французского двора, мастерски изобразил страсти, интриги, победы и поражения, которыми жило окружение Короля-Солнца. Книга читается на одном дыхании.

ЕВРИПИД

Трагедии

В 2-х томах

Настоящий двухтомник трагедий Еврипида отличается от вышедшего в 1969 г. тем, что в нем восстановлены переводы Иннокентия Анненского, отредактированные в свое время Ф. Ф. Зелинским, а перевод двух трагедий – «Умоляющие» и «Троянки» – публикуется впервые по найденным в архиве Анненского рукописным экземплярам. Кроме того, в приложении публикуется переведенная Анненским трагедия «Рес». Издание подготовлено В. Н. Ярхо и М. Л. Гаспаровым

П. МАХАЛИН

Крестник Арамиса

Перевод популярного во Франции продолжения трилогии А. Дюма-отца о мушкетерах.

М. ЭДВАРДС

Алфавитный справочник симптомов заболеваний детей

Иллюстрированное пособие для родителей по ранней диагностике заболеваний детей, составленное ведущим английским специалистом и попавшее в списки бестселлеров сразу после выхода в 1995 г. в Лондоне.

Х. А. ЛЬОРЕНТЕ

Критическая история испанской инквизиции

В 2-х томах

Классический труд испанского историка, секретаря инквизиционного трибунала Хуана Антонио Льоренте, создавшего на основе анализа огромного количества архивных материалов историческое исследование, посвященное историографии инквизиции, остающееся до сих пор одним из основных источников по данной теме.

М. ЭЛИАДЕ
Собрание сочинений

В 9-ТИ ТОМАХ

Первое в России собрание сочинений румынского философа и писателя (1907 – 1986), полжизни проведенного в эмиграции; последние 30 лет – в США, где он возглавлял кафедру религиоведения Чикагского университета.

Дар художника (в его беллетристическое наследие входит десяток романов и множество новелл) счастливо сочетался в нем с привычкой к скрупулезной работе ученого. Его философия, подкрепленная эрудицией этнографа, историка, фольклориста, герменевтика и эзотериста, уже более полувека будоражит умы. Уже более полувека во всем мире немислимы труды ученых в соответствующих областях знания без оглядки на Элиаде.

Через кропотливое исследование памятников древних цивилизаций Элиаде шел к исправлению исторической оптики; перед нами попытка рассмотреть первобытную космологию «изнутри», представить доисторические науки не как набор суеверий, а как свод извечных эзотерических приемов. Восстанавливая картину мирового развития, ритмов деградации и умирания древних способов синтеза, прослеживая их рудименты в современности, Элиаде стал апологетом мифа. Он искал в мифе (главным образом в идее цикличности миропорядка) выход из «кошмара истории», утешение для человека и человечества. Поэтому его научное творчество интересно далеко не одним специалистам.

Собрание научных трудов Элиаде, вышедших после войны на французском и английском языках и принесших ему мировую известность, дополнено практически неизвестными довоенными работами, переведенными с румынского, снабжено научным аппаратом и заключено эссеистикой и мемуарами – откровением этой ренессансной личности, осмысляющей Лабиринт своей жизни.

-
- Т. 1. Очерки сравнительного религиоведения.
Т. 2. Кузнецы и алхимики. Мефистофель и андрогин.
Довоенные эссе по азиатской алхимии.
Т. 3. Миф о вечном возвращении. Образы и символы.
Мифы, сновидения, мистерии.
Т. 4. Шаманизм и архаические техники экстаза.
Т. 5. Йога: бессмертие и свобода. Пантаджали и йога.
Т. 6. Сакральное и профанное. Мистическое рождение.
Поиски. История и смысл в религии.
Т. 7. От Залмоксиса до Чингиз-хана.
Т. 8. Эссеистика.
Т. 9. Мемуары.

Е. А. МЕЛЬНИКОВА

Образ мира

(географические представления в средневековой Европе)

Книга посвящена становлению средневековой картины физического мира — представлениям о Вселенной, Земле, природе как неотъемлемой части философского осмысления мира. Впервые исследуются пути формирования географических представлений, синтезировавших библейскую космологию и античную географию в рамках христианской догматики. Прослежены причины и формы дальнейшей эволюции христианского «образа мира» в различных регионах Европы — под влиянием натурфилософии в Западной Европе и под воздействием богатого практического опыта в Северной Европе.

БЕСЕДЫ ЭПИКТЕТА

Эпиктет из Гиераполя во Фригии (ок. 50 — ок. 130 гт. н. э.) — выдающийся представитель позднеримского стоицизма, профессиональный проповедник; сам ничего не писал. «Беседы» дошли до нас в записях его ученика, историка Флавия Арриана (95–175 гт. н. э.). Внимание Эпиктета сосредоточено на Божестве, он говорит о Божественном Промысле и Его отеческом попечении о людях, о нравственном совершенстве Божества и Его всеведении, об обязанностях человека по отношению к Богу.

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Лучшие публикации

В 3-х ТОМАХ

Данный сборник, выпускаемый тиражом 1500 экз., подводит итог 50-летнему существованию одного из ведущих академических журналов, являющемуся на протяжении многих лет основным учебным пособием студентов исторических факультетов вузов и университетов. Полный комплект журнала имеется лишь в крупнейших российских библиотеках. Поэтому редколлегия «ВДИ» совместно с «Ладомиром» решили выпустить сборник с наиболее востребуемыми статьями и тем самым предложить учащимся базовое учебное пособие по древней истории.

Х. К. АНДЕРСЕН

Сказки. Истории. Новые сказки и истории

Уникальное, объемистое издание, объединившее три итоговых сборника сказок великого писателя. Книга богато иллюстрирована классическими рисунками датских художников В. Педерсена и Л. Фрелиха.

П. ФЕВАЛЬ

Горбун, или Маленький парижанин

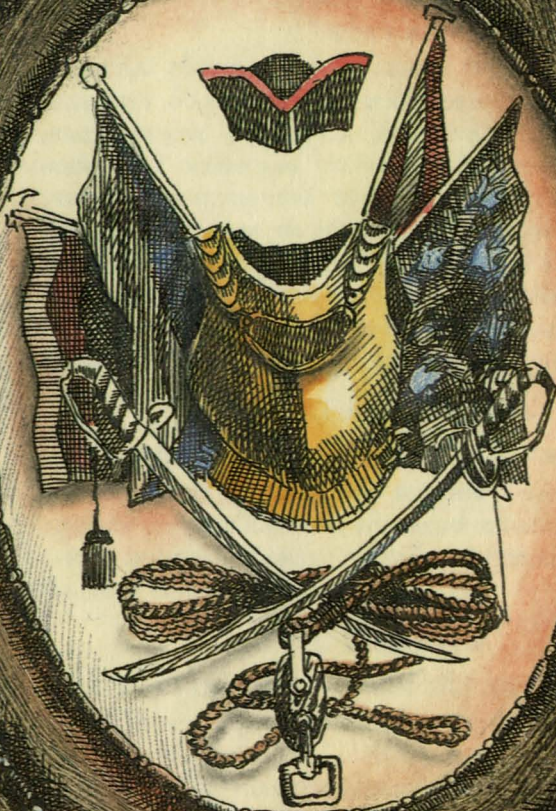
Классический роман «плаща и шпаги», принадлежащий перу Поля Феваля (1817—1887), по праву относят к числу самых ярких и увлекательных французских авантюрных романов прошлого столетия. По роману снят одноименный фильм с участием Жана Маре.

Любые книги «Ладомира» можно заказать
наложенным платежом по адресу:

103617, Москва, Зеленоград, корп. 1435, НИЦ «Ладомир»

Для получения бесплатного перспективного плана издательства
и бланка заказа вышлите по этому же адресу
маркированный конверт

NORTH

SOUTH

